КРИЗИСЫ И РАННИЕ ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ В ЕВРОПЕ

Михаил Видейко

Ключевые слова: Европа, энеолит, ранний бронзовый век, ранняя урбанизация, демография, мегапоселения.

В последнее десятилетие в разных частях Европы археологи начали исследовать на больших площадях поселенческие структуры VI-IV тыс. до н.э., в том числе с широким применением магнитной съемки. Если собрать даже часть полученной информации, то картина получится весьма впечатляющей: там, где раньше были известны лишь небольшие поселения ранних земледельцев, выявлены невероятно крупные для того периода истории Европы центры с тысячами обитателей, укреплениями, общественными зданиями, ремесленными комплексами. Наконец-то начала удивительным образом складываться мозаика, достаточно эффектные и выразительные части которой были известны и до того – «золотой» Варненский некрополь, поселения-гиганты трипольской культуры, масштабные горное дело, металлургия, металлообработка в Центральной Европе и на Балканах. Перечисленные «феномены» не вполне вписывались в представления об уровне развития древних обществ, составленные на основании предыдущего изучения поселений и могильников, и выглядели не вполне понятными диковинками, опередившими свое время.

Теперь все начинает становиться на свои места: балканские поселения-телли обрели вполне приличное окружение в виде укрепленных «посадов», и начала проясняться ситуация с тем, во главе какого общества стояли «вожди из Варны». Трипольские протогорода конца V - первой половины IV тыс. до н.э. имеют почти тысячелетнюю предысторию создания подобных (пусть и не столь масштабных) структур в Европе, перестав быть этаким исключением из правил, загадкой хотя бы в этом аспекте. Нашлось, наконец, объяснение того, на какого потребителя была рассчитана поражающая масштабами добыча меди, соли и прочих полезных ископаемых.

Распределение же всех перечисленных явлений во времени достаточно понятно указывало на то, что различные территории Центральной и Юго-Восточной Европы между 5000-3000 гг. до н.э. претерпели ряд трансформаций общественных структур.

За драматическими изменениями на картах археологических культур, созданных усилиями исследователей для разных периодов, стояли политические события – формирование новых союзов племен и упадок прежних, войны, миграции, появление невиданных ранее общественных структур, их возвышение, кризис и упадок. Благодаря исследованиям также стали известны вероятные причины таких событий, в первую очередь климатические изменения, причем недавно стало понятно, что их эффект мог быть различным для разных территорий. В статье пойдет речь об одном из новых для региона явлений – началам урбанизации, ярким выражением которой стало появление мегапоселений с тысячами жителей, невиданных ранее.

Хронологические рамки работы: между 5000-3000 гг. до н.э., с учетом диапазона вероятности радиоуглеродных датировок. Географические – регионы Центральной и Юго-Восточной, частично Восточной Европы, до р. Днепр на востоке (рис. 1).

Климатический фон

За два тысячелетия между 5000-3000 гг. до н.э. имело место несколько существенных изменений климатической ситуации, итоги изучения которой в сопоставлении с датировками археологических комплексов рассмотрены в ряде исследований (Weninger, Harper 2015, 475-489; Иванова, Киосак, Виноградова 2011). Выводы следующие: начало рассматриваемо-

Рис. 1. Карта некоторых крупных поселений, существовавших между 5000-4300 гг. до н.э., упомянутых в тексте: 1 - Околиште; 2 - Винча; 3 - Црквине-Стублине; 4 - Уйвар; 5 - Турдаш; 6 - Polgár-Czőszhalom; 7 - Szeghalom-Kovácshalom; 8 - Юнаците; 9 - Пьетреле; 10 - Рени; 11 - Вулкэнешть; 12 - Омарбия; 13 - Могильна III; 14 - Пьянешково; 15 - Веселый Кут; 16 - Триполье.

го периода приходится на время после климатических изменений конца VI тыс. до н.э., затем последовали около семисот лет относительно благоприятных условий, в особенности для ряда регионов Центральной и Юго-Восточной Европы (Weninger, Harper 2015). В начале периода ситуация была исключительно благоприятна для становления и быстрого развития ряда культурных комплексов, в том числе Винча, Коджадермен-Караново-Гумельница, Лендель, Тисаполгар.

Дальнейшие изменения климата, имевшие место между 4300-4100 гг., похолодание на Балканах и в части Центральной Европы (Weninger, Harper 2015, 480-481), в конечном счете привели к кризису упомянутых выше сообществ. Однако к востоку от Карпат изменения в окружающей среде произвели обратный эффект, приведший к возникновению трипольских протогородов, чему способствовали особенности поступления холодных масс воздуха в Юго-Восточную Европу (Weninger, Harper 2015, 484-488).

Следующие по времени климатические изменения начались около 3500 г. до н.э – наводнения, рост уровня морей, как следствие – переувлажнение почвы, разрастание болот приводят к повышенной концентрации метана в атмосфере и падению средней температуры (Иванова, Киосак, Виноградова 2011, 101-142; Thompson et al. 2003, 137-155; Thompson 2015). Пик похолодания пришелся на 3199 г. до н.э. (Katrantsiotis 2013, 80-81). Сильнейшие извержения вулканов стимулировали эти процессы (Thompson et al. 2003, 137-155). Похолодание и кислотные осадки повлияли на растительность, и это влияние было продолжительным, до 3150 г. концентрация вредных веществ нарастала. Климат становился более континентальным с резким перепадом температур зима-лето (следствие – катастрофические наводнения) и летними засухами (Thompson et al. 2003, 137-139; Thompson 2015, 2). К востоку от Карпат сокращаются лесные массивы, представленные дубом и липой, и в то же время расширяются территории степей, а на юге лесостепной зоны возрастает роль степных формаций (Иванова, Киосак, Виноградова 2011), что не было благоприятным для местных земледельцев.

Описанная выше ситуация не ускользнула от внимания археологов, в том числе интересующихся динамикой социальных трансформаций на фоне климатических изменений (Gronenborn 2009, 97-110; fig. 4; Відейко 2015). Таким образом, выделены три периода: между 5000-4300/4200 гг., 4200/4100-3400/3200 и 3400/3200-3000 гг. до н.э., каждый из которых начинался и заканчивался существенными изменениями в окружающей среде.

В промежутках, на протяжении от 600-800 до 1000 лет, условия могли быть относительно стабильными, пусть и не одинаково благоприятными для населения различных частей Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Изменения в свою очередь могли стимулировать кризисные явления в системах жизнеобеспечения на уровне значительных по населению и территории регионов. Последствия могли находить выражение в конфликтах между группами населения, стимулировать поиск новых форм организации и расселения.

Демографический фон событий

Одним из важнейших факторов, оказывавших влияние на появление, становление и трансформацию общественных структур, является демографический. В конечном счете, совершенствование существующих и появление новых социальных структур актуальны как в процессе роста населения, так и при его сокращении. В последнее время появились работы, в которых рассмотрены демографические процессы интересующего нас периода (Müller 2013; Müller 2015).

Согласно подсчетам, выполненным Й. Мюллером (Müller 2013, 493-506; Müller 2015, 200-214), а для восточной части культурного комплекса Прекукутень-Кукутень-Триполье в свое время В.А. Круцом (Круц 1993, 30-36), мы видим следующую картину по периоду между 5000-4300-4100 гг.

В соответствии с расчетами Й. Мюллера для Юго-Восточной Европы плотность населения могла достигать 2,5 чел./ км². При этом рост приходится на период 5200-4500 гг. до н.э., с 1 до 1,2 чел./км², а после – сокращается. На пике, около 4500 г. до н.э. тут могло проживать до 1,0-1,3 млн. чел., с сокращением до 0,5 млн. к 4000 г. В то же время в Центральной Европе рост не прекращался (за счет некоторых территорий) и к 3800 г. тут могло проживать до 1 млн. чел., причем прирост после 5000 г. составил половину этой цифры (Müller 2013, 204-209). По другим расчетам того же автора в Юго-Восточной Европе на 6000 г. до н.э. могло проживать до 1 чел./ км², к 4500 – 1,25, а к 4000 – 0,5 чел./км². Для Центральной Европы около 5200 г. до н.э. плотность населения могла составлять 0,75 чел./км², а к 4000 г. – 1,3 чел./км² (Müller 2015, 7-8), что сопоставимо с расцветом Балкан.

Для Триполья А по расчетам В.А. Круца плотность населения могла достигать 0,3-0,5 чел./км2, что при территории распространения в 70000 км² дает численность населения в 21000-35000 чел. (Круц 1993, 33). В абсолютных датах эти показатели соответствуют приблизительно 5000-4700/4600 гг. до н.э.

Для среднего этапа Триполья плотность определена в 3,7 чел./км², что при территории в 110000 км² дает порядка 410000 населения (Круц 1993, 33). Эти расчеты выполнены для периода между 4600-3500 гг. до н.э. без разбивки на более мелкие подразделения.

Как видим, принятые В.А. Круцом показатели для начального периода Триполья в два-три раза ниже исходных цифр Й. Мюллера для раннего энеолита (0,3-0,5 против 0,75-1 чел./км2. И это при одинаковых хозяйственных системах. С учетом открытия новых поселений трипольской культуры за последние 20 лет, вероятно, эти показатели для Триполья все же могли бы быть пересмотрены в сторону увеличения. С точностью до наоборот выглядят расчеты для среднего периода: 3,7 чел./км² у В.А. Круца против 1,25 чел./км² у Й. Мюллера, в особенности с учетом расчетов по Ближнему Востоку, где приведен показатель в 2,5 чел./км² по состоянию на 4500 г. до н.э. (Müller 2015, 7).

Если пересчитать с учетом сказанного выше ситуацию для Триполья после 4600 г. до н.э. по «балканскому» показателю, то получим около 140000 чел. населения, что, скорее всего, соответствует ситуации по состоянию на 4400-4300 гг. до н.э. Если сложить эти цифры с расчетами Й. Мюллера по другим территориям, то около 4500 г. до н.э. в Центральной и Юго-Восточной Европе, а также на территории между Карпатами и Днепром могло проживать до 2,1-2,2 млн. чел.

После 4200 г. до н.э. продолжается рост плотности населения в Центральной Европе: с 1,1 чел. км². до 2,2 чел./км² к 3500-3100 гг. до н.э. (Müller 2015, 206, fig. 17/3). На Балканах в первой половине IV тыс. до н.э. население сократилось до 0,5 млн. чел. (Müller 2015, 204-205), то есть в два раза. А вот к востоку от Карпат продолжается рост населения: по подсчетам В.А. Круца около 4000 г. до н.э. тут уже до 440000 чел. (Круц 1993, 33). Общая численность населения трех интересующих нас регионов к началу IV тыс. до н.э. можно определить в 1,9 млн. чел., то есть сокращение составило 200000-300000 чел. При всей приблизительности указанных цифр, речь идет по меньшей мере об исчезновении десятков племенных структур – собственно, отражением этого факта и стала заметная «перекройка» карты археологических культур на рубеже V-IV тыс. до н.э., в том числе и локальных групп в ареале культурного комплекса Кукутень-Триполья (Видейко 2016).

При этом, если судить о плотности заселения конкретных территорий, то она окажется неравномерной, достигая, к примеру, в ареале поселений-гигантов Буго-Днепровского междуречья порядка 5 чел./км², при намного более низком показателе для Среднего Поднепровья — порядка 1-1,25 чел./км². Относительно плотным оставалось население в местах, богатых минеральным сырьем (соль, кремень, металл).

Начиная со второй половины IV тыс. до н.э. едва ли не вдвое возрастает плотность и численность населения в Центральной Европе, с 1,1 чел./км² до 1,75-2,2 чел./км², что в сумме дает до 3 млн. чел. с учетом Скандинавии (Müller 2015, 206, fig. 17/3). Поправляется ситуация в Юго-Восточной Европе, где также плотность и численность населения возрастают (пусть и не так стремительно, как на севере) до 1 млн. чел., то есть удваивается (Müller 2015, 206, fig. 17/3). Тенденция к концентрации населения в отдельных районах сокращается.

А вот для территории Кукутень-Триполья в тот же период явно наступают не лучшие времена. Даже с учетом т. н. «посттрипольских» культурных групп типа Софиевки или Усатова плотность населения составила порядка 1,1-1,2 чел. км² что в сумме дает 100000-120000 населения (Круц 1993, 33). А это значит, что в целом население сократилось более чем в четыре раза – против двукратного сокращения в Юго-Восточной Европе тысячелетием ранее. Картина выглядит еще более катастрофичной с учетом концентрации памятников на отдельных территориях (Дергачев 2004, 109) и реального числа собственно трипольских комплексов. Общая численность населения в Центральной и Юго-Восточной Европе на этот период в целом возрастает до около 4,1 млн. чел., т. е. за два тысячелетия оно удвоилось, несмотря на неблагоприятные тенденции в отдельных местах.

Таким образом, для периода между 5000-3000 гг. до н.э. даже приблизительные подсчеты показали как рост, так и сокращение населения как в целом по рассматриваемому региону, так и по отдельным его территориям. Это позволяет сделать вывод, что кроме прочего имело место перераспределение населения между регионами, отдельные местности выбивались вперед в силу различных факторов — от благоприятных природных условий до последствий проникновения производящего хозяйства, то есть факторов, которые в других местах сработали ранее или иным образом. Ниже мы попробуем сопоставить «климатический фон» и динамику демографических изменений со свидетельствами относительно поселенческих структур, в первую очередь больших поселений.

Тема ранней урбанизации

Относительно назначения и сущности больших поселений, существовавших на европейском континенте между 5000-3000 гг. до н.э., в особенности – в ареале трипольской культуры, высказано немало мнений, перечисление и анализ которых потребовали бы отдельных обзоров, отчасти уже выполненных в разное время (Parzinger 1993; Müller et al. 2011; Видейко 2002; Видейко 2013 и др.).

Не меньше суждений были инспирировано новыми исследованиями как в Центральной и Юго-Восточной Европе, так и в ареале культурного комплекса Кукутень-Триполье, на чем мы предметно остановимся далее. В той или иной форме большинство исследователей пришли к выводам (и обосновали это анализом имеющихся в наличии археологических источников) о существовании в этот период тенденций к ранней урбанизации, которая нашла выражение в росте размеров (и, соответственно, числа жителей) поселений, появлении монументальной архитектуры (общественные здания, укрепления), становлении и развитии ремесла именно в этих местах. Если сложить вместе как более ранние, так и современные выводы относительно истории энеолитической урбанизации в Европе, то общими будут заключения относительно того, что такие явления имели место, в разное время и в разных регионах, а также неоднократно прерывались и со временем возобновлялись на протяжении тысячелетий (например, Parzinger 1993, Abb. 17).

Накануне

Первые примеры концентрации населения можно найти уже для периода, предшествующего 5000 г. до н.э. Одним из них является поселение Околиште в Боснии, укрепленное рвами и палисадами, занимавшее площадь около 7 га и основанное между 5200-5150 г. до н.э. (рис. 2/6). По подсчетам Р. Хофмана

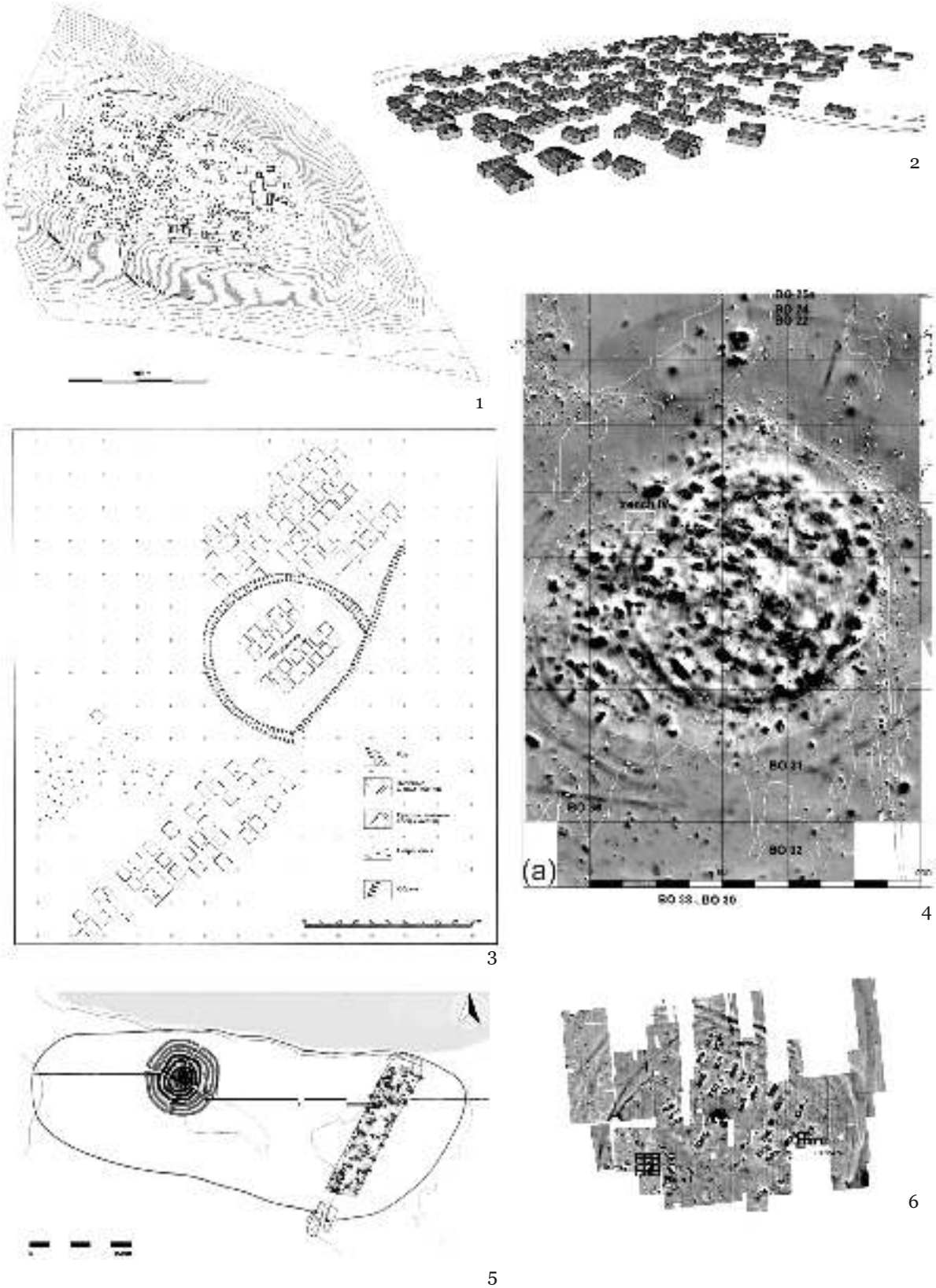


Рис. 2. Планы некоторых крупных поселений 5000-4300 гг. до н.э.: 1 - Црквине-Стублине (план); 2 - реконструкция (1-2 по: Crnobria 2012); 3 - Пьетреле (по: Ханзен и др. 2011); 4 - Уйвар (по: Schier 2014); 5 - Polgár-Czőszhalom (по: Raczky, Anders 2012); 6 - Околиште (по: Hofmann 2013).

тут могло существовать одновременно от 500 до 650 построек, расположенных рядами (по 7-8 в каждом), из них не менее 500 были заселены одновременно (Hofmann 2012, 185-190, fig. 4; fig. 8; Hofmann 2013, 42, Abb. 10). Если в каждой проживало от 3 до 5 человек, то население Околиште в указанный период могло составлять 1500-2500 чел.

Для всего района выявлено еще несколько синхронных поселений, где по расчетам исследователей могло быть до 400 построек (Hofmann 2012, 191), т. е. 1200-2000 обитателей. Таким образом, более половины обитателей данной местности были сконцентрированы в самом большом (и основательно укрепленном) поселении. Общая численность населения (2700-4500 чел.) соответствует земледельческому племени.

Основано поселение носителями местных неолитических комплексов, связанных с культурой Бутмир. Последующие фазы существования поселения связаны уже с культурой Винча (Hofmann 2013, 675-676). Объединение носителей различных традиций в пределах одного поселения (и региона) могло носить сугубо политический характер, имевший последствия и для процесса культурогенеза. На примере Околиште мы можем наблюдать процесс появления племенных центров в Европе уже во второй половине VI тыс. до н.э. В них концентрировалась большая часть населения, принадлежавшего к племенной структуре, оно имело укрепления. Однако такие центры не были постоянными – продолжительность их существования составляла от 150 до 200-300 лет.

В последнее время появилась информация о существовании укрепленных поселений площадью порядка 10 га в культуре линейно-ленточной керамики (далее – КЛЛК) (Batora, Behrens, Gresky 2012, fig. 7). Наличие укреплений предполагает по меньшей мере более-менее одновременную застройку территории, чему должно соответствовать значительное число обитателей. Учитывая другую информацию относительно поселений КЛЛК и их застройки – различия в типах и размерах построек, наличие укреплений, особо больших домов, общественных построек, и, соответственно, выводы о наличии достаточно развитой сложной общественной структуры, в том числе кланового и племенного уровней (Velde 1990, 19-38; Pechtl 2009, 188-195, fig. 5, 6; Velde 1979, 84-96, 171), есть основания полагать, что и здесь имели место те же процессы, что и в ареале культуры Винча.

Таким образом, есть основания полагать, что уже к концу VI тыс. до н.э. в Европе возрастает сложность общественных систем, образуется двух-трехуровневая иерархия поселений, доминирование в общественной жизни отдельных кланов, начинается выделение племенных центров с многотысячным населением, возникавших в первую очередь в местах пересечения потоков обмена, важных месторождений минерального сырья. Важную роль в запуске процессов имел рост численности населения (последствия «неолитической революции») до определенного уровня его концентрации на отдельных местностях.

Ситуация с формированием крупных поселений напоминает события в Анатолии, имевшие место в VIII-VII тыс. до н.э. Там после аналогичного европейскому «демографического взрыва» появились поселки с числом жителей 3000-5000 человек. Некоторые исследователи полагают, что одним из стимулов могла стать необходимость удовлетворения религиозных потребностей (Bogaard, Isaadikoy 2010, 202-203).

Однако появление крупных поселений можно также связать и со стрессовой ситуацией, возникшей по причине неизбежных при росте населения конфликтов из-за пользования жизненно важными ресурсами, в первую очередь сельскохозяйственными угодьями и источниками воды. Важными становятся вопросы безопасности, которые решались путем создания укрепленных поселков и концентрации в них большого числа жителей. То, что при этом «мегапоселения» превращались в культовые центры – другая сторона того же социально-территориального процесса интеграции.

Начало: от Околиште до Веселого Кута

Именно в этот период появляется значительное количество крупных поселений, причем в различных культурных комплексах (рис. 1). В то же время большинство обитателей Европы между 5000-4300/4100 гг. до н.э. по-прежнему проживали в сравнительно небольших поселках, насчитывавших от 10-15 до 20-40 по-

строек. На протяжении многих десятилетий примером таких долговременных поселений были балканские телли – типа Овчарово, Дуранкулака, Поляницы многослойные поселения, обязанные своим возникновением в том числе и глинобитной архитектуре (иногда на каменных фундаментах), когда каждый последующий горизонт зачастую повторял планировку предыдущего, с укреплениями в виде системы рвов, стен и населением от 50 до 100 чел. (Тодорова 1982). Было не вполне ясно, как при таких поселениях могли существовать могильники типа «золотого» Варненского некрополя. При этом достаточно давно было известно о наличии вокруг теллей культурного слоя того же времени, причем на значительной площади, к примеру – вокруг телля Юнаците до 4 га (Бояджиев, Асланис, Терзийска-Игнатова 2009, 105-111) Окончательный ответ был найден лишь в начале XXI века, когда благодаря магнитной съемке вокруг теллей обнаружили значительные по размерам т. н. «плоские поселения».

Изучение с 2002 г. поселения культуры Гумельница Пьетреле на Дунае также началось с «жилого холма», где магнитная съемка показала наличие 25 сгоревших построек в одном из горизонтов, но в то же время еще 120 – вокруг него, плюс укрепления, опоясывавшие окольный поселок (Hansen, Toderaş 2010, 90-105, Abb. 5-18; Ханзен и др. 2011, 17-86). Общее число жителей Пьетреле в энеолите могло достигать 1000 чел, а по мнению исследователей «открытие внешнего поселения вокруг теля... в состоянии привести к фундаментальному пересмотру устоявшегося образа энеолитических поселений типа телль» (Ханзен и др. 2011, 17) (рис. 2/3). Как оказалось, только на территории Болгарии известно не менее десяти подобных сложных поселений в целом того же времени (Бояджиев 2013, 67-98).

Отметим, что для родственного упомянутым выше культурного комплекса Болград-Алдень, локализованного в низовьях Дуная, известны три памятника с площадью более 10 га – Рени, Омарбия, Вулкэнешть, при том что остальные занимают территорию от 0,5 до 2 га (Субботин 1983, 12-14). Таким образом, даже здесь, на периферии культурного комплекса Коджадермен-Караново-Гумельница в первой половине V тыс. до н.э. оформилась иерархия поселений. Число их обитателей, учитывая плотность застройки в Пьетреле, могла достигать 2000-3000 человек.

К северу от гумельницких памятников, в ареале культуры Винча в этот период также известны крупные поселения. Из 639 поселений, учтенных в свое время Дж. Чапменом (Chapman 1981, 487-512), 15 или 2,5% от общего числа имели площадь от 10 до 100 га. Особенно крупными были Дивостин (около 50 га), Селевац (около 80 га), Плочник (до 100 га). Большинство, однако, ограничены площадью 10-30 га. Но указанные в каталоге размеры не обязательно соответствуют реальным, поскольку определены были по сборам подъемного материала. Магнитная съемка винчанского памятника у Црквине-Стублине (первоначально определено в 60 га) показала реальную площадь, с учетом системы укреплений, всего 16,5 га (Crnobrnja, Simić, Janković 2009, 9-25) (рис. 2/1, 2). Обнаружены здесь следы 219 сожженных построек, расположенных рядами, датировка между 4650-4600 гг. до н.э. Синхронные Црквине-Стублине три поселения, расположенные в радиусе 10 км, занимали от 1 до 3 га (Crnobrnja 2012, 155-165, fig. 2-7).

После 5000 г. до н.э. продолжало существовать винчанское поселение в Околиште, хотя и сократилось в размерах до 5,8 га, однако число построек, находившихся под охраной укреплений, возросло до 550-750. Позднее размеры поселения (и число строений) сократились соответственно до 100-120, а затем до 75 на заключительной фазе существования (Hofmann 2012, 190, fig. 8). Вероятно, синхронно менялся и статус поселения – из племенного центра оно могло превратиться в рядовой поселок.

Не похоже на описанные выше памятники поселение Турдаш в Трансильвании. Его площадь составляла от 10 (Mischka 2010, 72-75) до 12 га (Lazarovici, Lazarovici 2007, 137). Магнитная съемка, проведенная на 5,2 га, показала наличие следов около 30 построек обычных (5,5-6,5×8-15 м) размеров и крупного строения с апсидой (15×22 м) в центре, а также наличие укреплений (Mischka 2010, 72-75, Abb. 4). Общее количество жилищ могло достигать здесь 60-80 (в целом обычный показатель для региона – например, поселение Иклод по результатам магнитной съемки насчитывало порядка 50-70 строений (Mischka 2010, Abb. 6), что в сумме дает относительно небольшое число

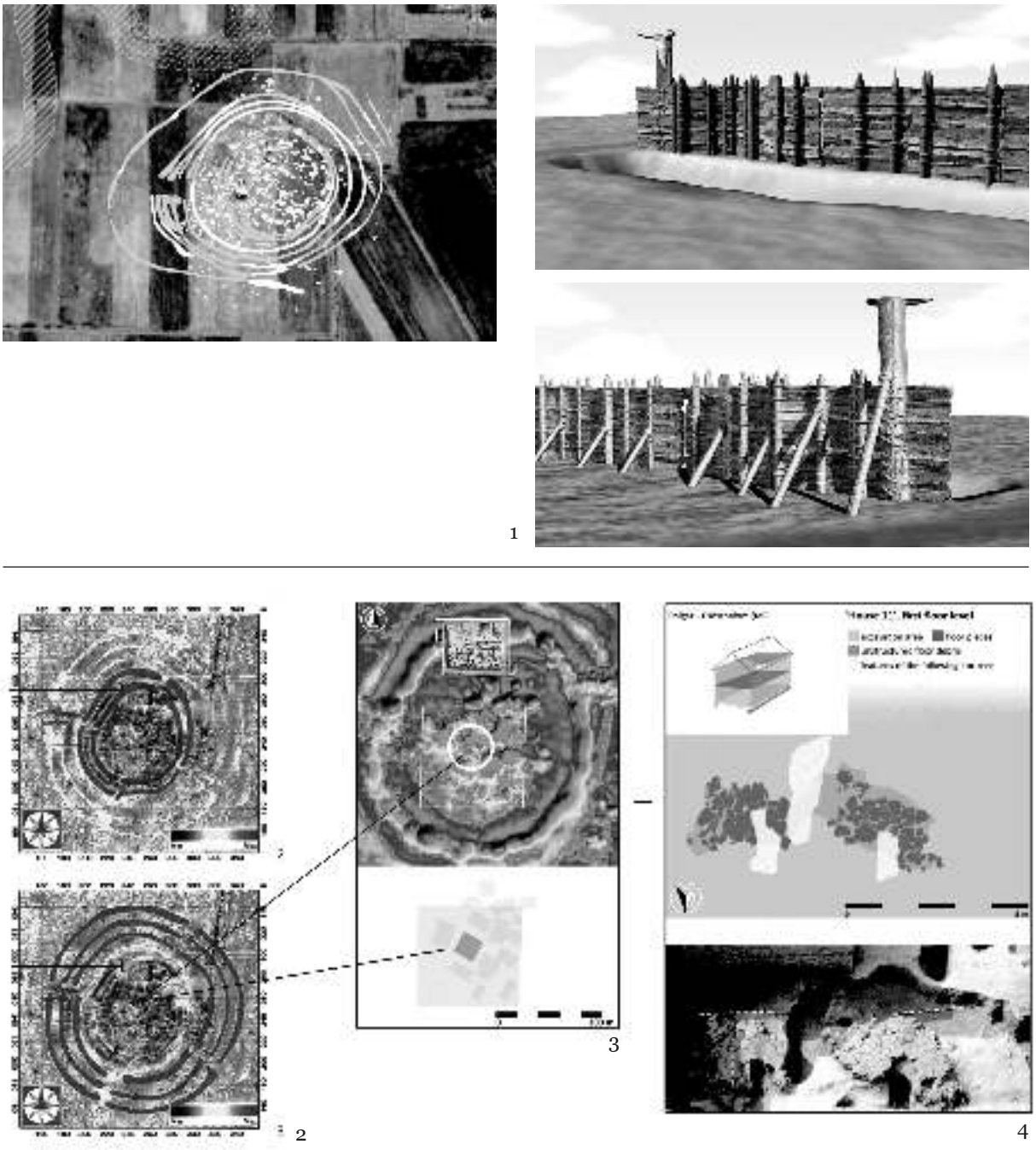


Рис. 3. Укрепления и общественные постройки на крупных поселениях 5000-4300 гг. до н.э.: 1 - схема укреплений поселения Уйвар и их реконструкцыя (по: Schier, 2014); 2-4 - поселение Polgár-Czőszhalom, 2 - план центрального святилища на разных стадиях его существования; 3 - общественная постройка в центре главного святилища; 4 - вид остатков и реконструкция (2-4 по: Raczky, Sebök 2014).

жителей, менее 1000. В то же время наличие крупного строения, вероятно, общественной постройки, позволяет предположить особую роль поселения Турдаш в округе (в Иклоде такая постройка не найдена).

Завершая обзор крупных винчанских поселений, следует упомянуть и эпонимный памятник, занимавший около 10 га (Chapman 1981, 6), однако отсутствие данных магнитной съемки не позволяет судить ни о плотности застройки, ни о числе жилищ. С другой стороны, также многослойный памятник той же площади, Уйвар, имел в центре телль (3 га, до 4 м высоты), окруженный укрепленным (до 4 линий укреплений в виде рвов и палисадов, в том числе особая — вокруг центра)

поселком (рис. 2/4; рис. 3/1). За все время существования памятника было возведено 3500 строений (памятник многослойный), однако число одновременных остается неизвестным (Draşovean, Schier 2010, 165-187). Исследователи Уйвара полагали, что он является свидетельством сложности общественных структур в регионе, способных планировать и осуществлять масштабное строительство укреплений, распределение сельскохозяйственных угодий (Draşovean, Schier 2010, 184-185). Примечательно то обстоятельство, что Уйвар находится на периферии винчанского ареала, по соседству с распространением культурного комплекса Чесгалом-Оборин в бассейне р. Тиса, где также известны крупные поселения.

Одно из наиболее известных – Polgár-Czőszhalom, исследования которого были начаты в середине 50-х годов XX века с телля (рис. 3/2-4), насчитывавшего от 13 до 15 построек (65-95 чел.) в кольце рвов (Bánffy, Bognár-Kutzián 2007). И только в начале XXI века стало известно, что его окружает укрепленное поселение площадью около 24 га (исследовано ок. 4,5 га (рис. 2/5). На нем обнаружено от 62 до 79 жилых и 64 хозяйственные постройки, датированные 4830-4600 гг. до н.э. (Raczky, Anders 2006, 20-22; Raczky, Anders 2010, 143). Телль Polgár-Czőszhalom теперь исследователи рассматривают как остатки сакрального центра поселения (Raczky, Anders 2010, 2-6). По мнению исследователей, общее число жилищ на поселении могло достигать 374, а население – 405-810 человек, притом что одновременно, как они полагают, было заселено от 5,2 до 10 га его территории (Raczky, Anders 2006 25). Остается в таком случае непонятным наличие общих укреплений для всей площади поселка (24 га), на сооружение которых потребовались значительные силы и ресурсы. Если же предположить одновременную застройку охваченной ими территории, то можно выйти на число строений более 400 и число их обитателей 2000 и больше.

Известны и другие поселения этого культурного комплекса в верхнем бассейне р. Тисса площадью от 10 до 25 га (Raczky, Anders 2010, 16). Исследователи не раз высказывали предположения о наличии зависимости между размерами поселений и наличием теля - сакрального центра, с одной стороны, и их местом в социальной структуре древнего общества – с другой (Raczky, Anders 2010, 144-145; Kalicz, Raczky 1987, 16).

Кроме того, на венгерской равнине известны кластеры поселений, состоявшие из небольших пунктов, расположенных неподалеку от телля (Chapman et al. 2006, 29). Исследования одного из таких кластеров в Szeghalom-Kovácshalom, в том числе с использованием магнитной съемки, показали, что отдельные поселки с невысокой плотностью застройки могут располагаться вокруг укрепленного центра. В данном случае площадь «агломерации» составила порядка 70 га (Gyucha et al. 2015, 129-140, fig. 4-6), что вполне сопоставимо с крупным поселением. Возможно, в этом случае есть интересная возможность наблюдать начальный этап формирования некоего центрального поселения, в дальнейшем строившегося по описанному выше образцу типа Polgár-Czőszhalom и ему подобных.

С начала V тыс. до н.э. крупные поселения появляются также и на востоке, в ареале Прекукутень-Триполья. Среди наиболее ранних – Могильная III (Триполье AIII) в Южном Побужье, где на 7 га (из 10-ти) территории магнитная съемка показала 105 аномалий от построек, расположенных в двух овалах (Дудкін 2004, 340). С учетом неисследованной площади общее количество построек на этом поселении могло достигать 120-130, а число жителей от 600 до 900 человек.

Для периода между 4600-4100 гг. до н.э. только в ареале культурного комплекса Триполье известны не менее 16 пунктов площадью от 10 до 150 га (Видейко 2013, табл. 1). Однако планов поселений того времени пока что известно немного. Важно то, что плотность застройки таких поселений и ее вероятная одновременность подтверждена масштабными раскопками, что видно по опубликованным материалам (Himner 1933, 26-163; Хвойка 1901, 793; Цвек 2006, 22-26, 40-45). О том, что такие поселения могли быть укреплены, свидетельствует магнитная съемка поселения культуры Кукутень Скынтеия (площадь порядка 14 га), где ров проходил на расстоянии до 7 м от построек, которых могло насчитываться несколько сотен (Lazarovici, Lazarovici, Ţurcanu 2009, 147-149). Интересно, что самые крупные поселения типа Веселого Кута (площадь около 150 га)

строятся примерно после 4300 г. до н.э. – в то время, когда крупные поселения на Балканах и в Центральной Европе исчезают. При этом масштабы строительства к Востоку от Карпат к этому времени в разы превышают то, что мы видели ранее на Западе.

Из приведенной выше информации следует, что на территории распространения сразу нескольких культурных комплексов, в том числе Винча, Тисаполгар, Прекукутень-Кукутень-Триполье, в период между 5000-4300/4100 гг. до н.э. продолжают строиться или появляются поселения площадью от 10 до 150 га, с укреплениями, застройкой по определенному плану, крупными постройками (вероятно, общественными), культовыми сооружениями в центре (телли). Это поселения уже с тысячами жителей. Следует отметить, что в этот период особый размах приобретает строительство общественных сооружений, в первую очередь святилищ, вокруг которых в ряде случаев и формируются агломерации земледельческого населения.

В пределах каждого из упомянутых культурных комплексов (Гумельница, Винча, Чесгалом-Оборин, Прекукутень-Триполье А, Кукутень-Триполье) могло одновременно существовать несколько крупных поселений, вероятно – племенных центров с населением от 1000-2000 до 5000-6000 человек. В их округе известны небольшие поселения, однако большинство членов племени проживали именно в центральном поселении. Регион распространения таких центров охватывал значительную территорию в ареале расселения ранних земледельцев Европы. Крупнейшие поселения Кукутень-Триполья на востоке вполне вписываются при этом в общеевропейскую тенденцию к формированию племенных центров.

Эпоха трипольских протогородов

Между 4300/4100-3500 гг. до н.э. в Центральной и Юго-Восточной Европе на смену древним центрам культурных комплексов Коджадермен-Караново-Гумельница, Винча, Тисаполгар приходят небольшие поселки, иногда укрепленные. Зато Кукутень-Триполье продолжает на востоке, причем в гораздо более крупных масштабах, традицию строительства больших поселений, кроме того к процессу ранней урбанизации подключаются по меньшей мере трое новых участников: культурные комплексы Михельсберг, воронковидных сосудов (далее – КВС) и Баден-Болераз (рис. 4).

Крайняя точка на северо-западе – культура Михельсберг, время после 4000 г. до н.э. Среди укрепленных рвами и палисадами поселений (а их известно более ста) встречаются пункты, площадь которых достигает 100 и более га, притом что обычно она не превышает 1-6 га. К примеру, поселение Урмиц на берегу Рейна имеет укрепленную площадь в 120 га (Andersen 2015, 795-812). Относительно назначения таких пунктов существуют различные мнения: одни рассматривают их как места обмена, проведения ритуалов, в том числе погребальных, а с другой стороны, есть разработки, в которых такие поселения рассматривают как «центры власти» с населением в 5000-7000 жителей (Gronenborn 2015, 44; Gronenborn 2013, 4). В целом обе версии как бы дополняют одна другую – обменные операции и ритуалы вполне уместны для «центров власти», ведь их проведение само по себе придает месту соответствующее политическое значение.

Рис. 4. Карта крупных поселений 4300-3500 гг. до н.э., упомянутых в тексте: 1 - крупные поселения в ареале культуры Михельсберг; 2 - Броночице (культура воронковидных сосудов); 3 - крупные поселения в ареале культуры Баден-Болераз; Трипольская культура: 4 - Петрень; 5 - Столничень; 6 - Владимировка; 7 - Небелевка; 8 - Майданецкое; 9 - Тальянки; 10 - Доброводы; 11 - Мирополье.

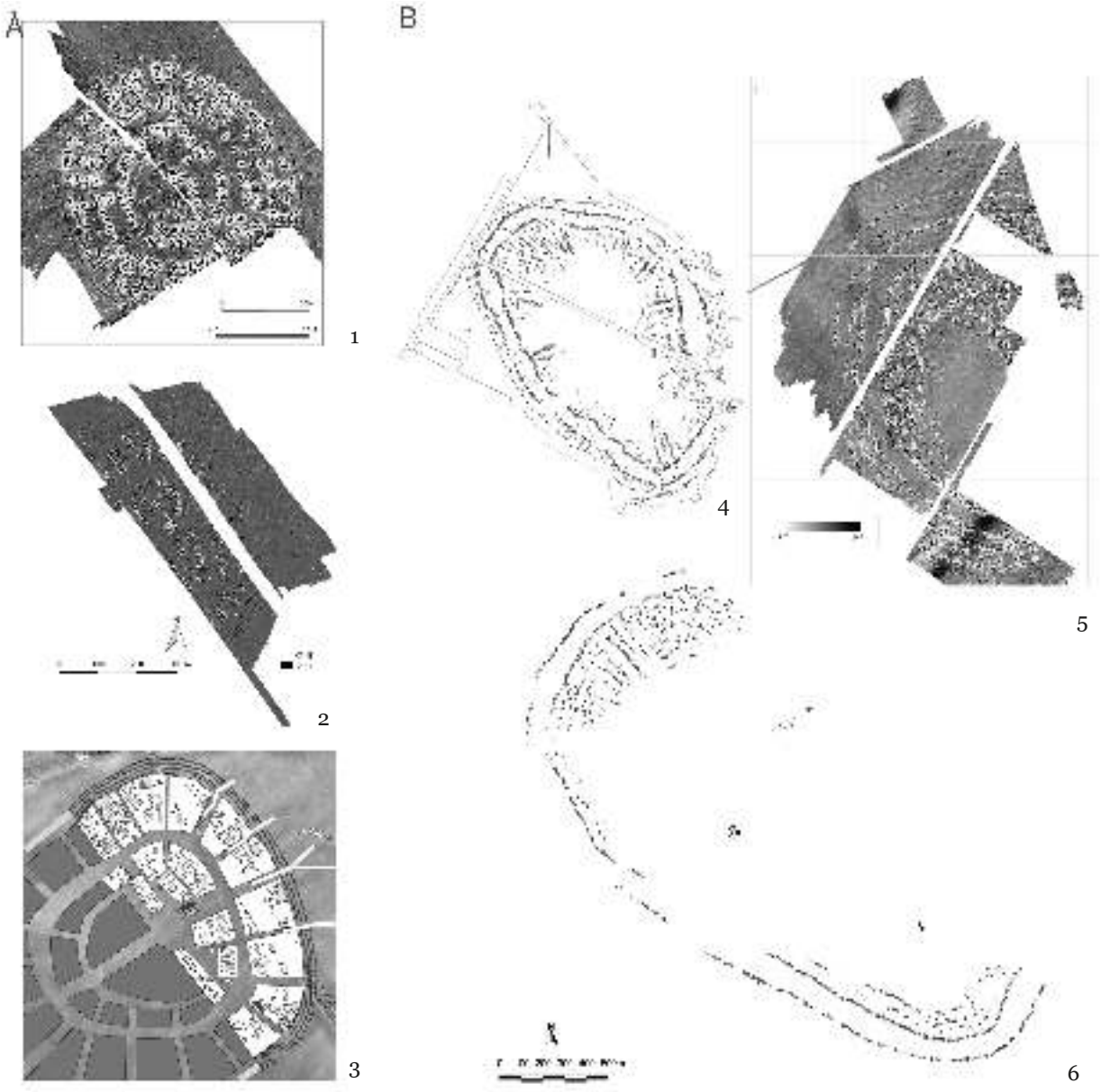


Рис. 5. Планы некоторых крупных поселений 4300-3500 гг. до н.э.: А: Пруто-Днестровское междуречье: 1 - Петрень по данным магнитной съемки (по: Ţerna 2016); 2 - Столничень (по результатам магнитной съемки (по: Ţerna et al. 2016); 3 - Столничень, графическая реконструкция плана по результатам магнитной съемки (по: Ţerna et al. 2016); В: междуречье Южного Буга и Днепра: 4 - Небелевка, интерпретация магнитной съемки (департамент геофизики Даремского университета); 5 - Майданецкое (по результатам магнитной съемки, К. Рассман и К.Мишка); 6 - Тальянки (интерпретация магнитной съемки, К. Мишка).

В ареале КВС в междуречье Вислы и Западного Буга примерно после 3600 г. до н.э. также известно около сотни поселений (по классификации исследователей среди них малые — 1-1,5 га, средние 2-5 га и крупные – более 9 га). Наибольшее по размерам — Броночице, с населением до 500 чел., которое также традиционно рассматривается в качестве важного центра округи (Kruk, Milisauscas 1999, 20-121, 135-138). Для культурного комплекса Баден-Болераз известны уже 23 поселения площадью более 10 га, что составляет порядка 7% от общего их числа – 313. Среди них есть один пункт в 64 га, два – 40-45 га и 4 около 30 га, остальные от 10 до 18-20 га (общий список памятников: Horváth, Virág 2003, 80-98). Следует иметь в виду, что во всех случаях опять-таки речь идет о площади распространения культурного слоя

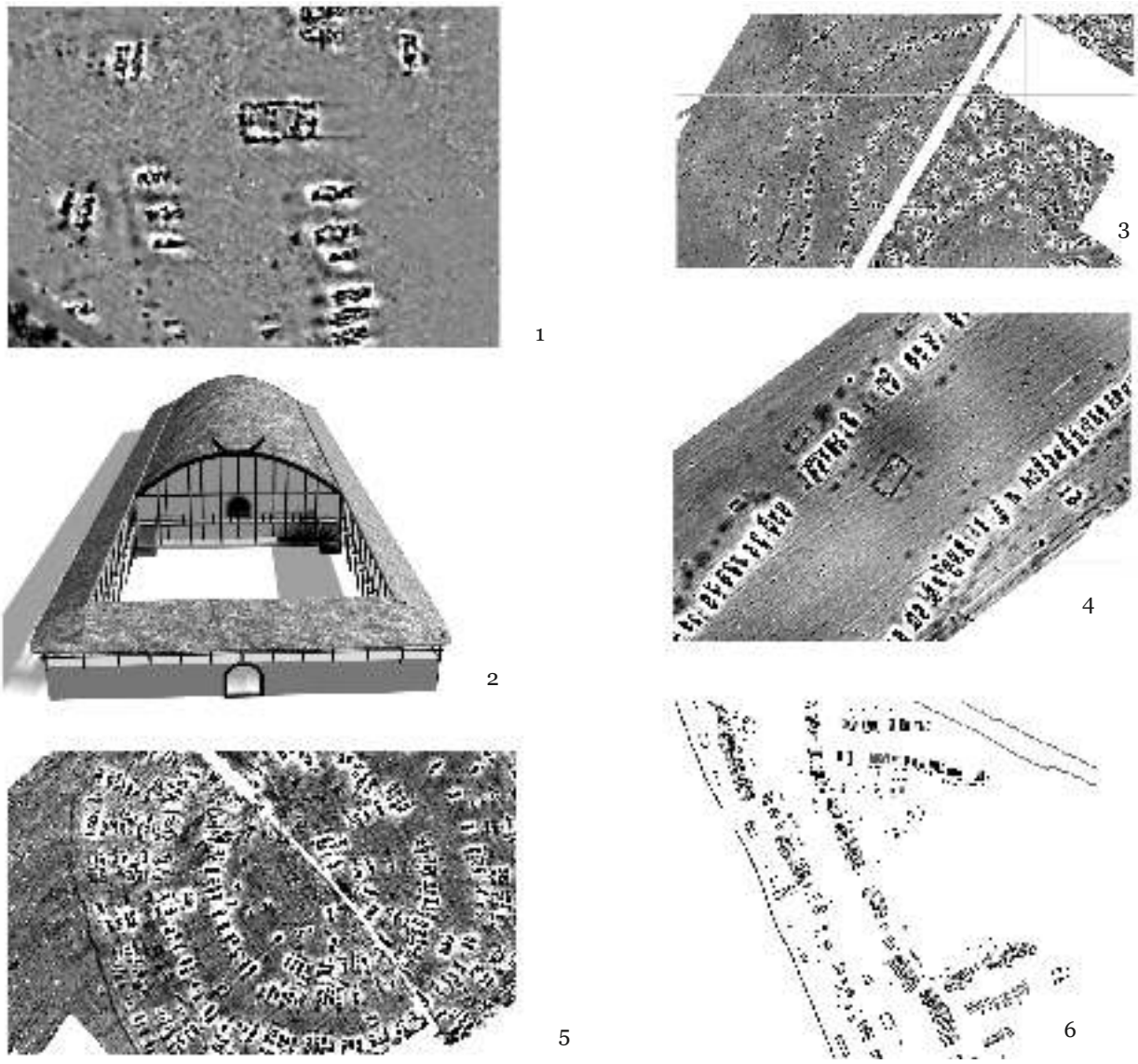


Рис. 6. Общественные постройки на крупных поселениях 4000-3500 гг. до н.э.: 1 - мегаструктура, Небелевка на плане магнитной съемки; 2 - реконструкция мегаструктуры из Небелевки по результатам магнитной съемки (авт. М.М. Видейко); 3-6 - стандартное расположение общественных построек на различных поселениях трипольской культуры разных этапов: 3 - Майданецкое (этап CI); 4 - Доброводы (этап CI); 5 - Петрень (этап CI); 6 - Небелевка (этап BII).

и подъемного материала, не подтвержденной магнитной съемкой. Так что, как и в случае с поселениями культуры Винча, возможен пересмотр площадей в ту или иную сторону. Следует учесть, однако, наличие поселений с территорией, полностью окруженной линией укреплений (Horváthová 2010, 28-30), что предполагает вполне адекватную оценку их размеров.

Самые большие (и их больше всего по количеству) поселения в это время возникли в ареале Кукутень-Триполья (рис. 5). Между Прутом и Днестром крупнейшими поселениями этого времени, для которых есть планы по результатам магнитной съемки, являются Столничень и Петрень (Ţerna 2016; Ţerna et al. 2016). Далее на восток, между Днестром и Днепром памятников площадью более 10 га известно более 110. Самые крупные из тех, для которых выполнена магнитная съемка – Майданецкое (около 200 га, до 3000 построек), Небелевка (около 238 га, около 1300 построек) и Тальянок (около 345 га). Более подробная информация по таким памятникам изложена во многих работах (Chapman et al. 2014; Videiko, Rassmann 2016 и др.).

Все мегапоселения Кукутень-Триполья имеют упорядоченную планировку в виде кругов (Пруто-Днестровское междуречье) или же овалов (между Днестром и Днепром), иногда – треугольника, с четко регламентированным расположением по периметру укреплений в виде палисадов, а во внутренней части – общественных сооружений (для всех территорий) (рис. 5; рис. 6). В последние годы на крупных поселениях к востоку от Днестра (Небелевка, Майданецкое, Тальянки, Доброводы) найдены остатки многоканальных гончарных горнов, что указывает на развитие и распространение ремесла, связанного с изготовлением расписной керамики (Korvin-Piotrovsky et al. 2016).

Население самых больших поселений типа Майданецкого, Тальянок могло достигать 10000 и более человек, однако более распространенными оставались центры, в которых проживало от 2000 до 5000 обитателей.

Распределение поселений по локальным группам этапов BII и CI показывает, что только для двух – коломийщинской и лукашовской (Средний Днепр) – такие поселения не известны (Відейко 2010, 12-14; Видейко 2013). Эту ситуацию нельзя отнести на счет существенных различий в природных условиях, поскольку на этапе BI-II в Поднепровье уже были памятники площадью более 10 га, а для синхронной, но расположенной несколько южнее каневской группы такие центры известны с самого начала (Відейко 2015). Вероятно, в данном случае уместнее вести речь об изменении как демографической, так и определенных особенностях социальной организации, возможных политических сдвигах в рассматриваемый период.

Отметим и то, что остальные локальные группы трипольской культуры стабильно имели в своем составе крупные поселения на обоих этапах. Учитывая, что этапы разделены на несколько хронологических фаз, одновременно существовало ограниченное количество поселений-гигантов, как правило, 1-2 на группу. Исключением выглядит томашовская группа, где одновременно могло существовать до 3-4 таких пунктов, кроме того они были самыми крупными для всей территории Кукутень-Триполья.

Что-то заканчивается, что-то начинается

В начале заключительного периода, между 3500-3300 гг. до н.э. очень крупные поселения между Карпатами и Днепром еще существовали. Их количество (как и число поселений вообще) здесь сократилось, и сохранились они лишь между Южным Бугом и Днепром. Самыми крупными были поселения косеновской группы – Ольховец (180 га), Косеновка (ок. 70 га) возникшие в местах, где перед тем существовали крупнейшие центры Триполья томашовской группы. Уже на следующей фазе существования размеры поселений резко сокращаются – самым крупным является Шарин, ок. 30 га. Планировка, судя по плану Ольховца, еще сохраняла прежние традиции – кластеры построек, сгруппированные в эллипсы застройки (Дудкін 2004, 99-100). На всех крупных поселениях преобладала расписная керамика, качество и количество которой свидетельствует о сохранении традиций ремесленного производства. В ареале распространения кошиловецкой группы на левобережье Днестра известны несколько пунктов площадью от 10 до 15 га, однако детальных сведений о количестве жилищ и застройке нет. Можно лишь предположить, что они продолжают традицию местных центров таких масштабов, которые и в прежнее время оставались такими же относительно небольшими.

Для культуры Баден стала типичной система с преобладанием небольших равнинных поселений, часть которых (до 41%) имела укрепления в виде рвов и валов (Horváthová 2010, 28-29). Однако 7% поселений имели площадь от 10 до 64 га (Horváth, Virág 2003, 80-98), возможно, выполнявших, как и ранее, роль племенных центров.

Интересна ситуация на Балканах. В Эгее после 3200-3100 гг. до н.э. начинается становление иерархии поселений из трех уровней: мелких из нескольких усадеб, средних из десятка-другого построек и крупных (6-10 га), с населением в сотни, а кое-где, вероятно, и тысячи жителей (Windler 2010-2011, 62-66, Abb. 10). При этом только крупные и средние поселения имели укрепления, возведенные с использованием камня. Использование расписной посуды и ее качество свидетельствует

о ремесленном уровне гончарства, для более позднего времени известны и двухъярусные гончарные горны. Сказанное касается в первую очередь приморских регионов, для которых важным подспорьем был обмен. В итоге уже в первой половине III тыс. до н.э. тут возрастает количество населения, формируется система центров городского типа, уже с дворцами – средоточием власти, и организации экономики – в сферах производства, перераспределения и обмена продукцией (Bennet 2007, 175-210; Pullen 2010, 1-10).

Три попытки создания ранних городов? К началу пятого тысячелетия история древней Европы насчитывала уже более десяти веков триумфального распространения земледелия, в первую очередь к западу от Карпат, приведшего в итоге к «демографическому взрыву», в особенности на отдельных территориях. Повсеместно были построены тысячи поселений, а число их жителей в целом по региону перевалило миллионную отметку, причем произошло это впервые в истории континента. К востоку от Карпат ситуация выглядит более скромной, хотя земледелие сюда также проникло достаточно давно, территория, населенная земледельцами, выглядит менее впечатляющей – как по масштабам, так и культурному разнообразию. И вот в наиболее продвинутых регионах мы видим попытки решения проблем, вызванных кризисом относительного перенаселения, уже не за счет традиционной экспансии на новые территории, а путем создания новых структур, которые должны были бы решать возникшие проблемы и противоречия. Так появляются центры типа Околиште, большие укрепленные поселения КЛЛК – причем они венчают иерархию, включавшую мелкие населенные пункты, однако именно в новых крупных поселках концентрируется большая часть соплеменников.

Именно этот наметившийся на исходе шестого тысячелетия вектор решения проблем оказался востребован в следующие несколько сотен лет во многих сообществах – от Коджадерменн-Караново-Гумельницы и Винчи до Чесхалом-Оборина и Прекукутень-Кукутень-Триполья, то есть там, где рост населения достиг невиданных прежде масштабов и превысил возможности систем жизнеобеспечения и прежних управленческих структур по организации экономики (рис. 7/1). Отметим также, что выход на историческую арену Кукутень-Триполья знаменовал не только «созревание плодов» распространения земледелия к востоку от Карпат, но и старт полуторатысячелетней гонки по освоению земледельцами территорий и ресурсов этого богатейшего региона (рис. 7/2).

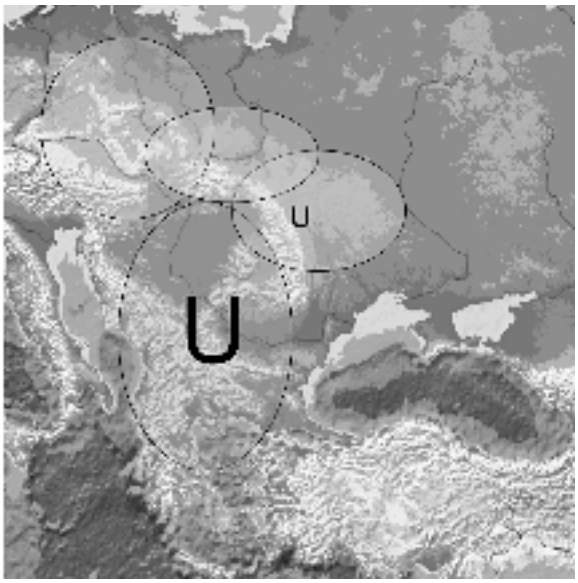
Возникшие поселенческие структуры не имели аналогов в предшествующей истории ни по размерам, ни по концентрации населения. Эти центры власти были основательно укреплены, среди них высились монументальные сооружения, а рядом с ними могли располагаться погребальные комплексы с заупокойными дарами, достойными владык, разбогатевших за счет «покровительства» ремеслам и обмену. Вероятно также, что не случайно символом их власти стал боевой топор, изготовленный из камня или металла, с рукоятью, украшенной золотом. И это был уже совсем не идеальный мир «Великой Богини», а скорее эпоха вождей-воинов – героев (Hansen 2013) древней земледельческой Европы.

Довольно долго коллапс процветавшей части древней Европы между 4300-4100 гг. до н.э объясняли в первую очередь разрушительным вторжением орд степных кочевников – «курганных народов» (например: Гимбутас 2006, 388-401). После того, как были собраны и опубликованы данные о «степняках», большая часть которых в итоге оказалась обитателями долин крупных рек или вообще лесостепной полосы (Телегин и др. 2001; Котова 2006; Рассамакін 1997, 279-280; Rassamakin 1999, 59-182), а также обобщены данные о поселениях, оружии, численности и организации «мирных земледельцев» той эпохи, теория вторжения с Востока стала выглядеть менее убедительно и аргументировано (Манзура 2000, 237-295; Videiko 1994, 5-28). Более того, стали известны куда более реальные факторы, вероятно, оказавшие влияние на эти драматические события (см. выше раздел «Климатический фон).

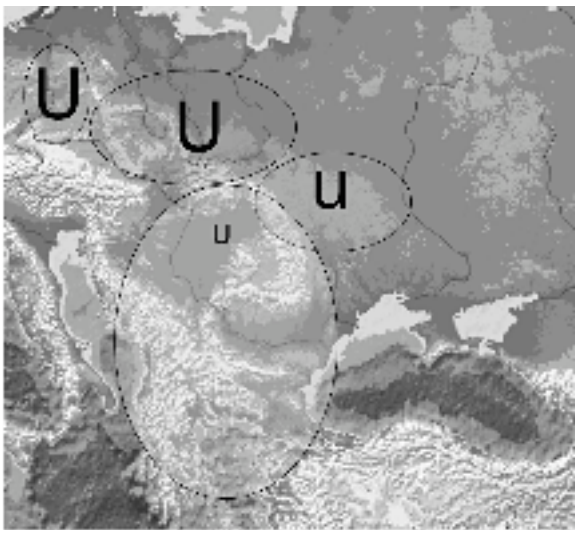
Оказалось, что ритмика возникновения и упадка сложных общественных структур, в которых были задействованы крупные поселения (как и археологических комплексов, к которым они принадлежали), удивительным образом совпадает с динамикой климатических изменений. Собственно, относительно обществ древней Европы эта тенденция уже была в свое время отмечена (Gronenborn

2009, 101, fig. 3). Однако новые данные все же заставляют внести некоторые коррективы в эту красивую картинку. Оказалось, что последствия изменений климата с последующим влиянием на экономику, а затем и историю древних обществ разнонаправлены для разных территорий (Weninger, Harper 2015). И если комплексы Винчи, Коджадермен-Караново-Гумельницы и Тисаполгара после 4300 г. до н.э сходят с исторической арены, то к востоку от Карпат начинается расцвет Кукутень-Триполья. Там, где демографические показатели падают в разы, исчезает потребность в центрах, в конечном счете призванных эти проблемы улаживать. А там, где наблюдается рост – к примеру, от Прута до Днепра, в бассейне Тиссы (комплекс Баден-Болераз) или на Рейне (комплекс Михельсберг), между Западным Бугом и Вислой (КВС) – там старая история с возникновением «центров власти» продолжается – или же вовсе начинается с чистого листа, причем, что важно и интересно — в конечном счете пожинаются плоды имевшей место тысячелетием ранее аграрной колонизации (рис. 7/2). Там, где земледельцам не повезло (к примеру, на Балканах), потомкам великих вождей эпохи Варненского некрополя приходится возвращаться к старым испытанным системам расселения, что, впрочем, не требует отказа от старых достижений в технологиях, особенно в металлургии и металлообработке, контроля над соляными варницами. Но их время еще придет – при благоприятном стечении обстоятельств, то есть после соответствующих климатических изменений.

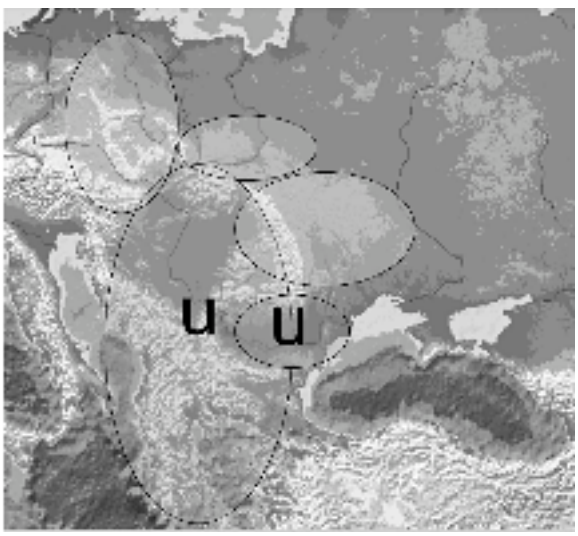
И эта светлая полоса для Юго-Востока наступает после 3500 г. до н.э., когда на фоне драматических изменений климата, приведших к небывалому распространению степных ландшафтов, приходят в упадок и за пару сотен лет исчезают с политической карты Карпато-Поднепровья трипольские протогорода, а заодно и центры в ареалах Михельсберга, КВС



1



2



3

Рис. 7. Динамика распространения ранней урбанизации (регионы помечены литерой U) между 5000-3000 гг. до н.э. в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе: 1 - 5000-4300 гг. до н.э.; 2 - 4300-3500 гг. до н.э.; 3 - 3500-3000 гг. до н.э.

(рис. 7/3). Но остается культура Баден, ставшая одним из компонентов новой и весьма масштабной культурной общности, в которой сохранились технологические традиции древних времен, общности, поставившей под свой контроль торговые пути, связывавшие Европу и Кавказ (и не только), успешно использовавшей передовые достижения той поры – бронзу и колесо (Hansen 2014; Відейко 2017). А далеко на Юге, на побережье Эгейского моря около 3100-3000 гг. до н.э. начинаются процессы, которые в итоге приведут к созданию первых, уже «настоящих» городов и государств в Европе – в Элладе, на Крите.

Итак, на протяжении двух тысяч лет в разных регионах земледельческой Европы, поочередно, по меньшей мере трижды возникают крупные поселения, которые могли стать (но в итоге не стали) древнейшими ее городами. Из чего следует тот вывод, что создание древнейших городов не есть процесс кратковременный и тем более необратимый. Ключевые факторы для каждого региона, которые с большой долей вероятности приведут к созданию крупных поселений-«центров власти»-протогородов (при нео-энеолитическом уровне технологий, в том числе земледельческих) – это распространение производящей экономики, последующий рост народонаселения до критической массы (желательно более 1, а лучше – 2 чел./км^2), а все это возможно при благоприятных климатических условиях. Влияют на скорость и течение процесса в первую очередь два «кризисных фактора» – демография и природные условия, хотя и природные ресурсы также важны, как для дальнейшего развития, так и выживания «в случае чего». Более архаичные структуры в итоге оказываются более устойчивыми к кризисам, они остаются «точкой возврата» при неблагоприятном стечении обстоятельств. Все процессы обратимы – рост народонаселения сменяется депопуляцией; к сожалению, проследить механизмы последней пока удается далеко не всегда.

История ранней урбанизации в Европе не выглядит чем-то особенным на фоне других территорий, от долины Нила до долин Янцзы и Миссисипи. В разное время разные племена становились на этот путь, и прошли по нему ровно столько раз, сколько понадобилось за долгие тысячелетия, минувшие с момента изобретения производящего хозяйства.

Библиография

Бояджиев 2013: Я. Бояджиев, Открити селища и селищни могили – причини за различията в селищното и жилищното устройство. Bulgarian e-Journal of Archaeology 3.1, 2013, 67-98.

Бояджиев, Асланис, Терзийска-Игнатова 2009: Я. Бояджиев, Й. Асланис, Ст. Терзийска-Игнатова, Нови данни за ранния халколит в района на селищна могила Юнаците. В: Известия на Регионален исторически музей Благоевград (Велико Търново 2009), 105-111.

Відейко 2002: М.Ю. Відейко, Трипільські протоміста. Історія досліджень (Київ 2002).

Відейко 2010: М.Ю. Відейко, Хто такі трипільці (проблема етнічної приналежності носіїв трипільської культури). В: Історичний атлас України: Найдавніше минуле. Русь (Київська держава, Галицько-Волинська держава) (Київ 2010), 53-55.

Відейко 2013: М.Ю. Видейко, Комплексное изучение крупных поселений трипольской культуры. V-IV тысячелетия до н.э. (Саарбрюккен: Lambert publishing 2013).

Відейко 2015: М.Ю. Відейко, Південно-Східна та Центральна Європа у V-IV тис. до н.е. (Київ-Умань 2015).

Відейко 2016: М.Ю. Видейко, Днестро-Днепровское междуречье на рубеже V и IV тысячелетий до н.э. Stratum Plus 2, 2016, 63-80.

Відейко 2017: М.Ю. Видейко, Кукутень-Триполье: в поисках технологического прогресса. Stratum Plus 2, 2017, 119-132.

Гимбутас 2006: М. Гимбутас, Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы (Москва 2006).

Дергачев 2004: В.О. Дергачев, Пізній період трипільської культури. В: (Ред. М.Ю Відейко, Н.Б. Бурдо, С.М. Ляшко) Енциклопедія трипільської цивілізації, Т. I (Київ 2004), 111-113.

Дудкін 2004: В.П. Дудкін, Косенівка, План поселення за даними археолого-магнітометричних досліджень. В: (Ред. М.Ю Відейко, Н.Б. Бурдо, С.М. Ляшко) Енциклопедія трипільської цивілізації, Т. II (Київ 2004), 99-100.

Иванова, Киосак, Виноградова 2011: С. Иванова, Д. Киосак, Е. Виноградова, Палеоэкология и культурная динамика. Голоцен Северо-Западного Причерноморья (Саарбрюккен 2011).

Котова 2006: Н.С. Котова, Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья (Луганск 2006)

Манзура 2000: И.В. Манзура, Владеющие скипетрами. Stratum plus 2, 2000, 237-295.

Рассамакін 1997: Ю.Я. Рассамакін, Енеоліт України та індоєвропейська проблема. В кн. (Ред. П.П. Толочко) Давня історія України, Т. 1 (Київ 1997), 301-308.

Субботин 1983: Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины (Киев: Наукова думка 1983).

Телегин и др. 2001: Д.Я. Телегин, А.Л. Нечитайло, И.Д. Потехина, Ю.В. Панченко, Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. (Луганск 2001).

Тодорова 1982: Г. Тодорова, Энеолит Болгарии (София 1982).

Ханзен и др. 2011: С. Ханзен, М. Тодераш, А. Райнгрубер, Ю. Вундерлих, Пьетреле. Поселение эпохи медного века на Нижнем Дунае. Stratum Plus 2, 2011, 17-86.

Хвойка 1901: В.В. Хвойка, Каменный век Среднего Приднепровья. В: Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 году, Т. 1 (Москва 1901), 730-812.

Цвек 2006: О. В. Цвек, Поселення Східнотрипільської культури (Короткий нарис) (Київ 2006).

Andersen 2015: N.H. Andersen, Causewayed enclosures in Northern and Western Europe. In: (Eds. C. Fowler, J. Harding, D. Hofmann) The Oxford Handbook of Neolithic Europe (Cambridge 2015), 795-812.

Bánffy, Bognár-Kutzián 2007: E. Bánffy, I. Bognár-Kutzián, The Late Neolithic Tell Settlement at Polgár-Csőszhalom, Hungary. The 1957 excavation. BAR International Series, 1730 (Oxford 2007).

Batora, Behrens, Gresky 2012: J. Batora, A. Behrens, J. Gresky, The Rise and Decline of the Early Bronze Age Settlement Fidvar near Vrable, Slovakia Collaps or Continuity? Environment and development of Bronze Age Human Landscapes. Universitatsforschungen zyr Prahistorischen Archaologie, Bd. 205 (Bonn 2012), 111-129.

Bennet 2007: J. Bennet, The Aegean Bronze Age. In: (Eds. W. Scheidel, I. Morris, R. Saller) The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World (Cambridge 2007), 175-210.

Bogaard, Isaadikoy 2010: A. Bogaard, V. Isaadikoy, From Mega-Sites to Farmsteads: Community Size, Ideology and Nature of Early Farming Landscapes in Western Asia and Europe. In: (Eds. B. Finlayson, G. Warren) Landscapes in transition (Oxford 2010), 192-207.

Chapman 1981: J. Chapman, The Vinča culture of south-east Europe: Studies in chronology, economy and society. BAR International Series 117 (Oxford 1981).

Chapman et al. 2014: J. Chapman, M. Videiko, D. Hale, B. Gaydarska, N. Burdo, K. Rassmann, C. Mischka, J. Müller, A. Korvin-Piotrovskiy, V. Kruts, The Second Phase of the Trypillia Mega-Site Methodological Revolution: A New Research Agenda. European Journal of Archaeology 17 (3), 2014, 369-406.

Crnobrnja 2012: A.N. Crnobrnja, Group identities in the Central Balkan Late Neolithic. Documenta Praehistorica 39, 2012, 155-165.

Crnobrnja, Simić, Janković 2009: A.N. Crnobrnja, Z. Simić, M. Janković, Late Vinča Culture Settlement in Crkvine at Stubline. Starinar 59, 2009, 9-25.

Draşovean, Schier 2010: F. Draşovean, W. Schier, The Neolithic tell sites of Parţa and Uivar (Romanian Banat). A comparison of their architectural sequence and organization of social space. In: (Ed. Hansen S.) Leben auf dem Tell als soziale Praxis. Beiträge des internationalen Symposiums in Berlin vom 26.–27. Februar 2007, Kolloquien zur Vor-und Frühgeschichte 14, 89 (Lehmanns 2010), 165-187.

Gaucha et al. 2015: A. Gyucha, R.W. Yerkes, W.A. Parkinson, A. Sarris, N. Papadopoulos, P.R. Duffy, R.B. Salisbury, Settlement Nucleation in the Neolithic: A Preliminary Report of the Körös Regional Archaeological Project's Investigations at Szeghalom-Kovácshalom and Vésztő-Mágor. In: (Ed. E. Schultze) Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Archäologie in Eurasien 31 (Berlin 2015), 129-142.

Gronenborn 2009: D. Gronenborn, Climate fluctuations and trajectories to complexity in the Neolithic: towards a theory. Documenta Praehistorica XXXVI, 2009, 97-110.

Gronenborn 2010: D. Gronenborn, Climate, crises, and the "neolithisation" of Central Europe between IRD-events 6 and 4. In: The Spread of the Neolithic to Central Europe. RGZM-Tagungen, Band 4 (Mainz 2010), 61-81.

Gronenborn 2013: D. Gronenborn, At the heart of it all: Michelsberg in the northern Upper Rhine and Middle Rhine regions. What's New in the Neolithic? In: Neolithic conference, Lund, May 13-14, 2013 (Lund 2013), 4.

Gronenborn 2015: D. Gronenborn, Monuments of what? Mega-sites of the Michelsberg culture in the Northern Upper Rhine and Middle Rhine valley. In: Megalithic societies landscapes, early monumentality and social differentiation in Neolithic Europe. Conference 16-20.06. 2015, Kiel (Kiel 2015), 44.

Hansen 2013: S. Hansen, The birth of the hero. The emergence of a social type in the 4th millennium BC. In: (Ed. E. Starnini) Unconformist Archaeology. Papers in honour of Paolo Biagi (Oxford 2013), 101-112.

Hansen 2014: S. Hansen, The 4th Millennium: A Watershed in European Prehistory. In: (Eds. B. Horejs, M. Mehofer) Western Anatolia before Troy. Proto-Urbanisation in the 4th Millennium BC? (Wienn 2014), 243-259.

Hansen, Toderas 2010: S. Hansen, M. Toderas, Pietrele und die neuen Dimensionen kupferzeitlicher Siedlungen in der Unteren Donau. In: (Ed. S. Hansen) Leben auf dem Tell als soziale Praxis. Beitrage des Internationalen Symposium in Berlin vom 26.–27. Februar 2007 (Bonn 2010), 85-106.

Himner 1933: M. Himner, Etude sur la civilisation premyceniene dans le bassine de la Mer Noire apres des foulies personelles. Swiatowit 14 (Warszawa 1933), 26-163.

Hofmann 2012: R. Hofmann, Style and function of pottery in relation to the Development of late Neolithic Settlement patterns in Central Bosnia. In: Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 207 (Kiel 2012).

Hofmann 2013: R. Hofmann, Okolište 2 – Spätneolithische Keramik und Siedlungsentwicklung in Zentralbosnien. In: Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 234 (Kiel 2013).

Horváth, Virág 2003: L.A. Horváth, Z.M. Virág, History of the Copper Age (4500/4400-2600/2500 B.C.). In: (Hrsg. Zs. Visy) Hungarian Archaeology at the Turn of the Millenium (Budapest 2003), 125-127.

Horváthová 2010: E. Horváthová, Osídlenie badenskej kultúry na slovenskom území severného Potisia (Nitra 2010).

Kalicz, Raczky 1987: N. Kalicz, P. Raczky, The Late Neolithic of the Tysza region: a survey of recent archaeological research. In: The Late Neolithic of the Tisza region (Budapest-Szolnok 1987), 11-29.

Katrantsiotis 2013: C. Katrantsiotis, Paleoenvironment and shore displacement since 3200 BC in the central part of the Langhundraleden Trail, SE Uppland (Stokholm 2013).

Korvin-Piotrovskiy et al. 2016: A. Korvin-Piotrovskiy, R. Hofmann, K. Rassmann, M. Videiko, L. Brandstatter, Pottery Kilns in Trypillian Settlements.Tracing the Division of Labour and the Social Organization of Copper Age Communities. In: (Eds. J. Muller, M. Videiko, K. Rassmann) Trypillia-Megasites and European Prehistory (London and New York 2016), 221-252.

Kruk, Miliscauscas 1999: J. Kruk, S. Miliscauscas, Rozkvit i upadek spoleczenstw rolniczych neolitu (Krakow 1999).

Lazarovici, Lazarovici 2007: C.-M. Lazarovici, G.-C. Lazarovici, Arhitectura neoliticului şi epocii cuprului din Romania. II: Epoca cuprului (Iasi 2007).

Lazarovici, Lazarovici, Ţurcanu 2009: C.-M. Lazarovici, G.-C. Lazarovici, S. Ţurcanu, Cucuteni. A Great Civilization of the Prehistoric World (Iaşi 2009).

Mischka 2010: C. Mischka, Beispele fur Ähnclichtkeit und Diverstät neolitischer und kupferzeitlicher regionaler Siedlungsmustler in Rumänien anhand von geomagnerischen Prospektionen. In: (Ed. S. Hansen) Leben auf dem Tell als soziale Praxis. Beitrage des Internationalen Symposium in Berlin vom 26.–27. Februar 2007 (Bonn,2010), 71-84.

Müller 2013: J. Müller, Demographic traces of technological innovation, social change and mobility: from 1 to 8 million Europeans (6000-2000 BCE). In: (Eds. S. Kadrow, P. WŁodraczak) Environment and subsistence - forty years after Janusz Kruk's "Settlement studies" (Rzeszów-Bonn 2013), 493-506.

Müller 2015: J. Müller, Eight million Neolithic Europeans: social demography and social archaeology on the scope of change – from the Near East to Scandinavia. In: (Eds. K. Kristiansen, J. Turek) Paradigm Change (Oxford 2015), 200-214.

Pechtl 2009: J.A. Pechtl, monumental prestige patchwork. In: (Eds. D. Hofmann, P. Bickle) Creating Communities New Advances in Central European Neolithic Research (Oxford-Oakville 2009), 188-195.

Müller et al. 2011: J. Müller, N. Hofmann, D. Müller-Scheessel, K. Rassmann, Zur sozialen Organisation einer spätneolithischen Gesellschaft in Südosteuropa (5200-4400 v. Chr.). In: (Eds. S. Hansen, J. Müller). Sozialarchäologische Perspektiven: Gesellschaftlicher Wandel 5000-1500 v. Chr. zwischen Atlantik und Kaukasus (Zabern, Mainz 2011), 81-106.

Pullen 2010: D.J. Pullen, Introduction: Political Economies of the Aegean Bronze Age. In: (Ed. D.J. Pullen) Political Economies of the Aegean Bronze Age Papers from the Langford Conference, Florida State University, Tallahassee, 22–24 February 2007 (Oxford, Oakville 2010), 1-10.

Raczky, Anders 2006: P. Raczky, A. Anders, Social dimension of the Late Neolithic settlement of Polgár-Czőszhalom (Eastern Humgary). In: (Ed. D. Gabler) Acta Archaeologica Academiae Scientarium Hungaricae 57, 2006, 17-33.

Raczky, Anders 2010: P. Raczky, A. Anders, Activity loci and data for spatial division at the late Neolithic site-complex. In: (Ed. S. Hansen) Leben auf dem Tell als soziale Praxis. Beitrage des Internationalen Symposium in Berlin vom 26.–27. Februar 2007 (Bonn 2010), 143-164.

Raczky, Sebök, 2014: P. Raczky, K. Sebök, The Outset Of Polgár-Czőszhalom Tell and the Archaeological Context of a Special Central Building. In: (Eds. S. Forţiu, A. Cîntar) In Honorem Gheorghe Lazarovici. Interdisciplinarintate in Arheologie (Szeged 2014), 51-100.

Schier 2014: W. Schier, Der spätneolithisch-kupferzeitliche Tell von Uivar (Rumänien). Prospektionen und Grabungen 1998-2009. In: (Eds. W. Schier, M. Meyer) Vom Nil bis an die Elbe (Rahden/Westfalen 2014), 17-36.

Ţerna 2016: S. Ţerna, Geomagnetic surveys of the Neolithic and the Copper Age sites from the Republic of Moldova (1968-2016): main results, current state and future perspectives. RAPORT 11, 2016, 189-225.

Ţerna et al. 2016: S. Ţerna, K. Rassmann, M. Vasilache, K. Radloff, Stolniceni I – new research on a Cucuteni-Tripolye large site. In: (Eds. A. Zanoci, E. Kaiser, M. Kashuba, E. Izbitser, M. Băţ) Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisezeit im Nördlichen Eurasien. Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava (Chişinău 2016), 41-52.

Thompson 2015: L.G. Thompson, Understanding climate change. In: http://waterinstitute.ufl.edu/events/downloads/ thompson-abstract.pdf.

Thompson et al. 2003: L.G. Thompson, E. Mosley-Thompson, M.E. Davis, P.-N. Lin, K. Henderson, T.A. Mashiotta, Tropical glacier and ice core evidence of climate change on annual to millennial time scales. Climatic Change 59 (1-2), 2003, 137-155.

Velde 1979: Van de Velde, On Bandkeramik social structure: an analysis of pot decoration and hut distributions from the Central European neolithic communities of Elsloo and Hienheim (proefschrift Rijksuniversiteit Leiden). Analecta Praehistorica Leidensia 12, 1979, 84-96.

Velde 1990: Van de Velde, Bandkeramik social inequality — a case study introduction. Germania 68, 1990, 38.

Videiko 1994: M.Yu.Videiko, Tripolye – "pastoral" contacts. Facts and character of interactions. Baltic-Pontic Studies 2, 1994, 5-28.

Videiko, Rassmann 2016: M. Videiko, K. Rassmann, Research on Different Scales: 120 Years of Trypillian Large Sites Research. In: (Eds. J. Muller, M. Videiko, K. Rassmann) Trypillia-Megasites and European Prehistory (London-New York 2016), 17-28.

Weninger, Harper 2015: B. Weninger, T. Harper, The Geographic Corridor for Rapid Climate Change in Southeast Europe and Ukraine. In: (Ed. E. Schultze) Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Archäologie in Eurasien 31, 2015, 485-515.

Windler 2010-2011: A. Windler, Der Beginn der Urbanisierung und die Neue Okonomische Geographie. Starigard 10, 2010-2011, 57-71.

Crize şi procese de urbanizare timpurie în Europa

Cuvinte-cheie: Europa, Eneolitic, epoca timpurie a bronzului, urbanizare timpurie, demografie, mega-aşezări.

Rezumat: În a doua jumătate a secolului al XX-lea şi în special - la începutul secolului XXI, au fost realizate descoperiri arheologice care au permis a ridica voalul secretului despre când, unde şi de ce au apărut cele mai vechi oraşe. De mult timp se credea că procesele de urbanizare timpurie ar trebui studiate, în primul rând, pe exemplul Mesopotamiei, al Văii Nilului sau al Indului. Cu toate acestea, s-a constatat că în acest plan şi în Europa epocii eneolitice – începutului epocii bronzului au avut loc multe evenimente importante, ca să nu mai vorbim de văile râului Yangtze şi ale îndepărtatului de Lumea Veche Mississippi. Oriunde, unde economia producătoare a făcut progrese semnificative, oamenii au început, mai devreme sau mai târziu, să creeze aşezări fără precedent, cu mii de locuitori, destinate să fie centre economice, politice, militare şi religioase. Unele deveneau oraşe, altele dispăreau din diferite cauze. Apariţia şi declinul structurilor urbane timpurii se încadrează în ritmul schimbărilor climatice şi culturale – despre cum s-a întâmplat acest lucru în Europa veche între 5000-3000 BC se va discuta în acest articol. În lumina studiilor din ultimele decenii a devenit clar că prototipul tripolian nu este un fenomen al preistoriei ci este parte a fenomenului global din Europa care a început în jurul anului 5000 a. Chr.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta unor aşezări mari care au existat între 5000 şi 4300 BC, menţionate în text: 1 - Okolište; 2 - Vinča; 3 - Crkvine-Stubline; 4 - Uivar; 5 - Turdaş; 6 - Polgár-Czőszhalom; 7 - Szeghalom-Kovácshalom; 8 - Yunatsite; 9 - Pietrele; 10 - Reni; 11 - Vulcăneşti; 12 - Omarbia; 13 - Mogilna III; 14 - Pianeškovo; 15 - Veselyi Kut; 16 - Tripolie.

Fig. 2. Planurile unor aşezări mari, 5000-4300 BC: 1 - Crkvine-Stubline (plan); 2 - reconstrucţie (1-2 după: Crnobria 2012); 3 - Pietrele (după: Hansen şi colab., 2011); 4 - Uivar (după: Schier 2014); 5 - Polgár-Czőszhalom (după: Raczky, Anders 2012); 6 - Okolište (după: Hofmann 2013).

Fig. 3. Fortificaţii şi clădiri publice în aşezări mari, 5000-4300 BC: 1 - schema fortificaţiilor aşezării Uivar şi reconstrucţia acestora (după: Schier, 2014); 2-4 - aşezarea Polgár-Czőzhalom, 2 - planul sanctuarului central în diferite stadii ale existenţei sale; 3 - clădire publică în centrul sanctuarului principal; 4 – imaginea resturilor şi reconstrucţia (2-4 după: Raczky, Sebök 2014).

Fig. 4. Harta aşezărilor mari menţionate în text, 4300-3500 BC: 1 - aşezări mari în zona culturii Michelsberg; 2 - Bronočice (cultura paharelor în formă de pâlnie); 3 - aşezări mari în zona culturii Baden-Boleraz; cultura Tripolie: 4 - Petreni; 5 - Stolniceni; 6 - Vladimirovka; 7 - Nebelevka; 8 - Majdanetskoe; 9 - Taljanki; 10 - Dobrovody; 11 - Miropol'e.

Fig. 5. Planurile unor aşezări mari, 4300-3500 BC: A: Interfluviul Prut-Nistru: 1 – Petreni, conform datelor scanării geomagnetice (după: Ţerna 2016); 2 - Stolniceni (în baza rezultatelor scanării geomagnetice (după: Ţerna et al. 2016), 3 - Stolniceni, reconstrucţia grafică a planului în baza rezultatelor scanării geomagnetice (după: Ţerna et al. 2016); B. Interfluviul Bugul de Sud - Nipru: 4 - Nebelevka, interpretarea scanării geomagnetice (Departamentul de Geofizică, Universitatea din Durham), 5 - Majdanetskoe (în baza rezultatelor scanării geomagnetice, K. Rassman şi C. Mishka), 6 - Taljanki (interpretarea scanării geomagnetice, C. Mishka).

Fig. 6. Clădiri publice în aşezări mari, 4000-3500 BC: 1 - megastructura, Nebelevka pe planul scanării geomagnetice; 2 - reconstrucţia megastructurii de la Nebelevka conform rezultatelor cercetărilor geomagnetic (aut. M.M. Videiko); 3-6 - amplasarea standard a clădirilor publice în diferite aşezări ale culturii Tripolie în diferite etape: 3 - Majdanetskoe (etapa CI); 4 - Dobrovody (etapa CI); 5 - Petreni (etapa CI); 6 - Nebelevka (etapa a II-a).

Fig. 7. Dinamica răspândirii urbanizării timpurii (regiunile marcate cu litera U) între 5000-3000 BC în Europa Centrală, de Sud-Est şi de Est: 1-5000-4300 BC.; 2 - 4300-3500 BC.; 3 - 3500-3000 BC.

Crises and early urbanization processes in Europe

Keywords: Europe, Eneolithic, Early Bronze Age, early urbanization, demography, mega-sites.

Abstract: In the second half of the 20th century, and in particular at the beginning of the 21st century, archaeological discoveries were made, unveiling when, where and why the oldest cities were emerging. For a long time it was believed that the processes of early urbanization should be studied primarily on the example of Mesopotamia, the Nile or the Indus Valleys. However, it turned out that a lot of interesting things happened in this respect in Copper or Early Bronze Ages in Old Europe, not to mention the valleys of the Yangtze River or the banks of the Mississippi River far away from the Old World. Wherever the production economy has made significant progress, people sooner or later started creating unprecedented so far large settlements – mega-sites with thousands of residents, intended to be economic, political, military, religious centers. Some of them became cities, others, for various reasons, disappeared. The appearance and decline of early urbanized structures fit into the rhythm of climatic and cultural changes. The way it happened in Old Europe between 5000-3000 BC will be discussed in this article. Archaeological investigations over the past 20 years show us that the proto-cities of Trypillia culture are part of some global event that began in Europe around 5000 BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Large sites between 5000-4300 BC: 1 - Okolište; 2 - Vinča; 3 - Crkvine-Stubline; 4 - Uivar; 5 - Turdaş; 6 - Polgár-Czőszhalom; 7 - Szeghalom-Kovácshalom; 8 - Yunacite; 9 - Pietrele; 10 - Reni; 11 - Vulcăneşti; 12 - Omarbia; 13 - Mohylna III; 14 - Pianeshkove; 15 - Vtselyi Kut; 16 - Trypillia.

Fig. 2. Plans of some large sites between 5000-4300 BC: 1 - Crkvine-Stubline (plan); 2 - reconstruction (1-2 by Crnobria 2012); 3 - Pietrele (by Ханзен et al. 2011); 4 - Uivar (by Schier 2014); 5 - Polgár-Czőszhalom (by Raczky, Anders 2012); 6 - Okolište (by Hofmann 2013).

Fig. 3. Fortifications and communal houses at the large sites between 5000-4300 BC: 1 - plan and reconstruction of fortifications at Uivar (by Schier 2014); 2-4 - Polgár-Czőszhalom (2. plan of the central sanctuary at different stages of development; 3. communal house at the central part of sanctuary; 4. remains and reconstruction of communal house at central sanctuary; by Raczky, Sebök 2014).

Fig. 4. Large sites between 4300-3500 BC mentioned in the article: 1 - large sites of Mihelsberf culture; 2 - Bronocice (Funnel Beaker Culture); 3 - Baden-Boleraz culture large sites area; 4-11 - Trypillia culture (4. Petreni; 5. Stolniceni; 6. Volodymyrivka; 7. Nebelivka; 8. Maidanetske; 9. Talianky; 10. Dobrovody; 11. Myropillia).

Fig. 5. Plans of some large sites between 4300-3500 BC: A: Prut-Dniester interfluves: 1 - Petreni, according to magnetic prospection (by Ţerna 2016); 2 - Stolniceni, according to magnetic prospection (by Ţerna et al. 2016); 3 - Stolniceni, reconstruction based on magnetic prospection plan (by Ţerna et al. 2016); B: Southern Bug-Dnieper interfluves: 4 - Nebelivka, interpretation of magnetic prospection (by the Durham University Department of Geophysics); 5 - Maidanetske, interpretation of magnetic prospection (by K. Rassmann and K. Mischka); 6 - Talianky, interpretation of magnetic prospection (by K. Mischka).

Fig. 6. Communal houses/temples at large Trypillia Culture sites between 4000-3500 BC: 1 – mega-structure, Nebelivka, on plan; 2 - Nebelivka mega-structure, reconstruction (by M.M. Videiko); 3-6 - location of small temples at the large sites from different areas and stages (3. Maidanetske (stage CI; 4. Dobrovody (stage CI); 5. Petreni (stage CI); 6. Nebelivka (stage BII)).

Fig. 7. Spreading of early urbanization in Europe (regions marked by U) between 5000-3000 BC: 1 - 5000-4300 BC, 2 - 4300-3500 BC; 3 - 3500-3000 BC.

28.02.2018

Д-р хаб. Михаил Видейко, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Маршала Тимошенко 13Б, Киев, Украина, e-mail: my.videiko@kubg.edu.ua

CONSIDERAȚII PRIVIND CRONOLOGIA ȘI PERIODIZAREA AȘEZĂRILOR CULTURII POIENEȘTI-LUCAȘEUCA

Vasile Iarmulschi

Cuvinte-cheie: cultura Poienești-Lucașeuca, spațiul est-carpatic, așezări, cronologie, periodizare.

Este cunoscut faptul că în a doua jumătate a sec. III a. Chr. în spațiul est-carpatic s-au produs un șir de transformări de ordin social, economic și etnocultural, care au avut drept rezultat, în primul rând, delimitarea a două aspecte arheologice distincte (Teodor 1987, 202; Babeș 1993; Babeș 2001). Astfel în sudul acestui spațiu geografic, pentru sec. II a. Chr. - I p. Chr., tipice sunt siturile de habitat – fortificațiile de tip *dava*, așezările deschise – și necropolele de mici dimensiuni atribuite culturii geto-dacice clasice (Babeș 1982; Teodor 1987; Babeș, Glodariu 2001; Vulpe, Teodor 2003).

În zonele centrale și de nord ale Moldovei, pentru epoca preromană recentă a fierului[1], caracteristice sunt siturile culturii Poienești-Lucașeuca (fig. 1) (în continuare P-L) (Babeș 1970; Teodor 1980; Babeș 1993; Munteanu 1995; Munteanu 2004; Iarmulschi 2016). Apariția acestei culturi este pusă pe seama pătrunderii, în regiunea respectivă, a unor populații a căror „patrie de origine" este Europa central-nordică (Babeș 1993, 154-162; Munteanu 2004, 150-151; Iarmulschi 2017, 29).

Până în prezent, în spațiul carpato-nistrean au fost identificate mai mult de 200 de situri atribuite culturii P-L, dintre care 205 sunt posibile așezări, iar 17 sunt puncte cu descoperiri funerare (necropole sau morminte izolate) (Babeș 1993, 22-52; Meyer et al. 2016, 311; Tentiuc, Bubulici, Simalcik 2016, 39; Iarmulschi 2017, 30).

Trebuie să remarcăm că siturile de tip P-L sunt răspândite, în cadrul spațiul est-carpatic, neuniform. Pe lângă regiunile cu o intensitate mare de descoperiri, cum ar fi, cursul mijlociu al Bârladului, depresiunea Neamțului, cursul mijlociu al râului Nistru, cursul inferior al Răutului, există spații unde asemenea obiective arheologice se întâlnesc rar sau lipsesc cu desăvârșire (Babeș 1993, 57, Abb. 2; Meyer et al. 2016, fig. 1; Iarmulschi 2017, 30, fig. 1). Nu cunoaștem exact dacă această situație se datorează nivelului actual de cunoaștere sau reflectă, de fapt, o realitate.

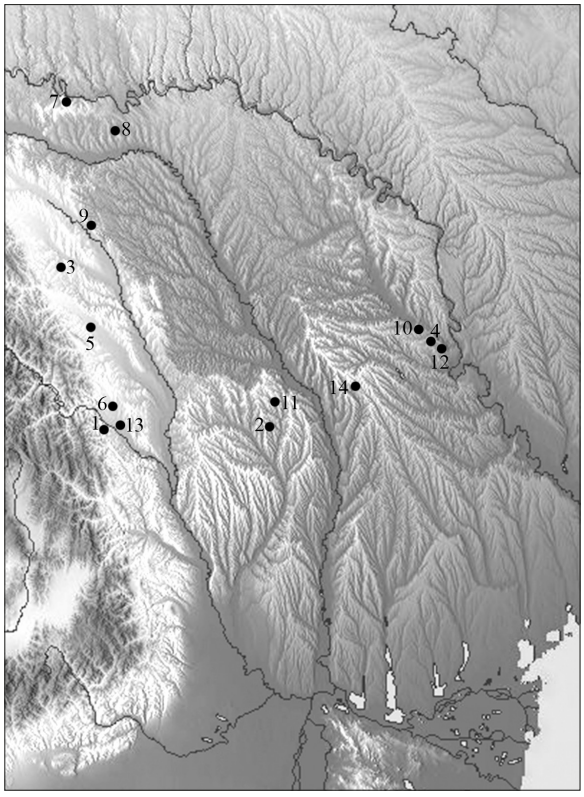


Fig. 1. Harta amplasării siturilor de habitat menționate în articol: 1 - Borniș (jud. Neamț, România); 2 - Boroseşti (jud. Iași, România); 3 - Botoșana (jud. Suceava, România); 4 - Brăneşti - Marginea de Vest (r-nul Orhei, Rep. Moldova); 5 - Dolheștii Mari (jud. Suceava, România); 6 - Ghelăieşti (jud. Neamț, România); 7 - Gorošovo (reg. Ternopol, Ucraina); 8 - Kruglik (reg. Cernăuți, Ucraina); 9 - Lozna (jud. Botoșani, România); 10 - Lucașeuca II (r-nul Orhei, Rep. Moldova); 11 - Lunca Ciurei (jud. Iași, România); 12 - Orheiul Vechi (r-nul Orhei, Rep. Moldova); 13 - Roșiori Dulceşti (jud. Neamț, România); 14 - Ulmu (r-nul Ialoveni, Rep. Moldova).

[1] Pentru cronologia absolută a epocii preromane recente a fierului vezi: Hachmann 1960; Babeș 1993; Brandt 2001.

Una din cele mai dificile probleme ridicate de vestigiile culturii P-L sunt cronologia şi periodizarea acesteia. Întrucât încadrarea cronologică a culturii respective, propusă de noi, s-a bazat, în special, pe analiza descoperirilor funerare (Iarmulschi 2013; Iarmulschi 2016), în articolul dat ne-am propus să analizăm cronologia aşezărilor acestei culturi.

Ţinem să amintim că încadrarea cronologică a siturilor de habitat s-a efectuat, de regulă, în baza materialului amforistic. Având în vedere datarea amforelor elenistice M. Babeş a delimitat două grupe de aşezări diferite din punct de vedere cronologic: 1. Situri în care s-a descoperit ceramică de producţie rhodiană (datate între 210 şi 146 a. Chr); 2. Aşezări lipsite de asemenea materiale (Babeş 1985, 203; Babeş 1993, 146). Astfel, autorul citat remarca că în siturile de habitat ce conţin amfore rhodiene s-au găsit materiale arheologice care par să se încadreze în aceleaşi limite cronologice pe care le indică ceramica grecească, în timp ce în aşezările celui de-al doilea grup s-au descoperit piese de provenienţă mai târzie, precum şi unele forme de ceramică mai evoluată (Babeş 1985, 203; Babeş 1993, 145-146). Pornind de la aceste constatări, M. Babeş opina că începutul locuirii în aşezările de tip P-L trebuie plasat la începutul sec. II or, în jurul anului 200 a. Chr. (Babeş 1993, 153; Babeş 2001, 522), iar dată finală în anii '30/20 ai sec. I a. Chr. (Babeş 1993, 154).

Având în vedere cele menţionate, considerăm că ar fi posibilă o mai mare precizie atât în periodizarea cât şi în datarea funcţionării unor situri de habitat. De aceea, în continuare vom prezenta cronologia şi periodizarea aşezărilor de tip P-L, întocmită de noi cu ajutorul programul PAleotological Statistics (PAST), elaborat de Ø. Hammer, D. Harper şi P. Ryan[2]. Pentru această analiză, variabilele luate în calcul au fost aspectele morfologice ale recipientelor de lut.

În principiu, trebuie să pornim de la constatarea că tipurile de vase, evidenţiate de noi, au fost utilizate nu doar într-o anumită fază cronologică ci în câteva. Aceasta se datorează faptului că durata de folosire a recipientelor a fost influenţată de funcţionalitatea lor – recipientele din pastă grosieră, spre exemplu, puteau fi utilizate o perioadă mai îndelungată decât vasele lucrate din pastă fină, cum ar fi cănile sau ulcioarele (Meyer 2008, 71).

Deoarece pentru siturile de tip P-L, atât cele de habitat cât şi cele funerare, lipsesc datele dendrocronologice sau/şi C14, rezultatele obţinute prin analiza de corespondenţă[3] urmează a fi verificate prin intermediul informaţiilor oferite de piesele cu relevanţă cronologică (accesorii vestimentare, podoabe, material amforistic etc.). Trebuie să precizăm că din cauza numărului redus al complexelor arheologice publicate[4], respectiv a sărăciei bazei de date, în diagrama combinatorie au putut incluse doar 99 complexe din 20 aşezări. Din acelaşi motiv, analiza de corespondenţă realizată de noi nu a fost una de abundenţă/frecvenţă, aşa cum se procedează în cazul siturilor de habitat[5], ci una de absenţă/prezenţă.

Aşa cum menţionam, în diagrama combinatorie au putut fi incluse 99 complexe din 20 de aşezări şi 31 de tipuri de vase (inclusiv tipuri de decor) (fig. 2). Luând în consideraţie asocierea tipurilor de recipiente, am delimitat trei grupe principale de complexe, care, potrivit opiniei noastre, ar corespunde cu trei faze de evoluţie a aşezărilor de tip P-L.

Prima grupă cuprinde 14 complexe, cea de doua grupă este reprezentată în tabelul cronologic prin 75 de structuri arheologice, iar ultima grupă include 10 complexe (fig. 3-4).

În complexele din I-a grupă se întâlnesc majoritatea cănilor grosiere de tip III şi cănilor fine de tip I. De asemenea, în faza respectivă încep să fie utilizate străchinile fine de tip I.1-2 şi II, oalele grosiere de tip II.1-2, III.1-3, străchinile grosiere de tip I-II şi castroanele grosiere de tip II (fig. 3).

În cea de a II-a etapă de evoluţie a aşezărilor de tip P-L încep a fi utilizate străchinile (tip I), discurile, cupele şi strecurătoarele confecţionate din pastă grosieră, oalele (tip I) şi castroanele fine (tip I). La sfârşitul acestei perioade încep a folosite străchinile (tip III) şi oale (tip II) din pastă fină şi ceştile din pastă grosieră. De asemenea, în această fază continuă a fi utilizate străchinile fine de tip I.1-2, oalele grosiere de tip II.1-2, III.1-3, străchinile şi castroanele grosiere (fig. 3).

[2] http://palaeo-electronica.org/2001_1/past/issue1_01.htm

[3] Pentru modul de interpretare a rezultatelor analizei de corespondenţe vezi: Jensen, Nielsen 1997.

[4] Cu regret, materialul ceramic poate fi găsit cu greu şi doar parţial în muzee şi în alte instituţii de profil. Aceasta se datorează faptului că, în ultimele 3-4 decenii, de cele mai multe ori, depozitele au fost administrate haotic.

[5] Vezi, spre exemplu, Meyer 2008.

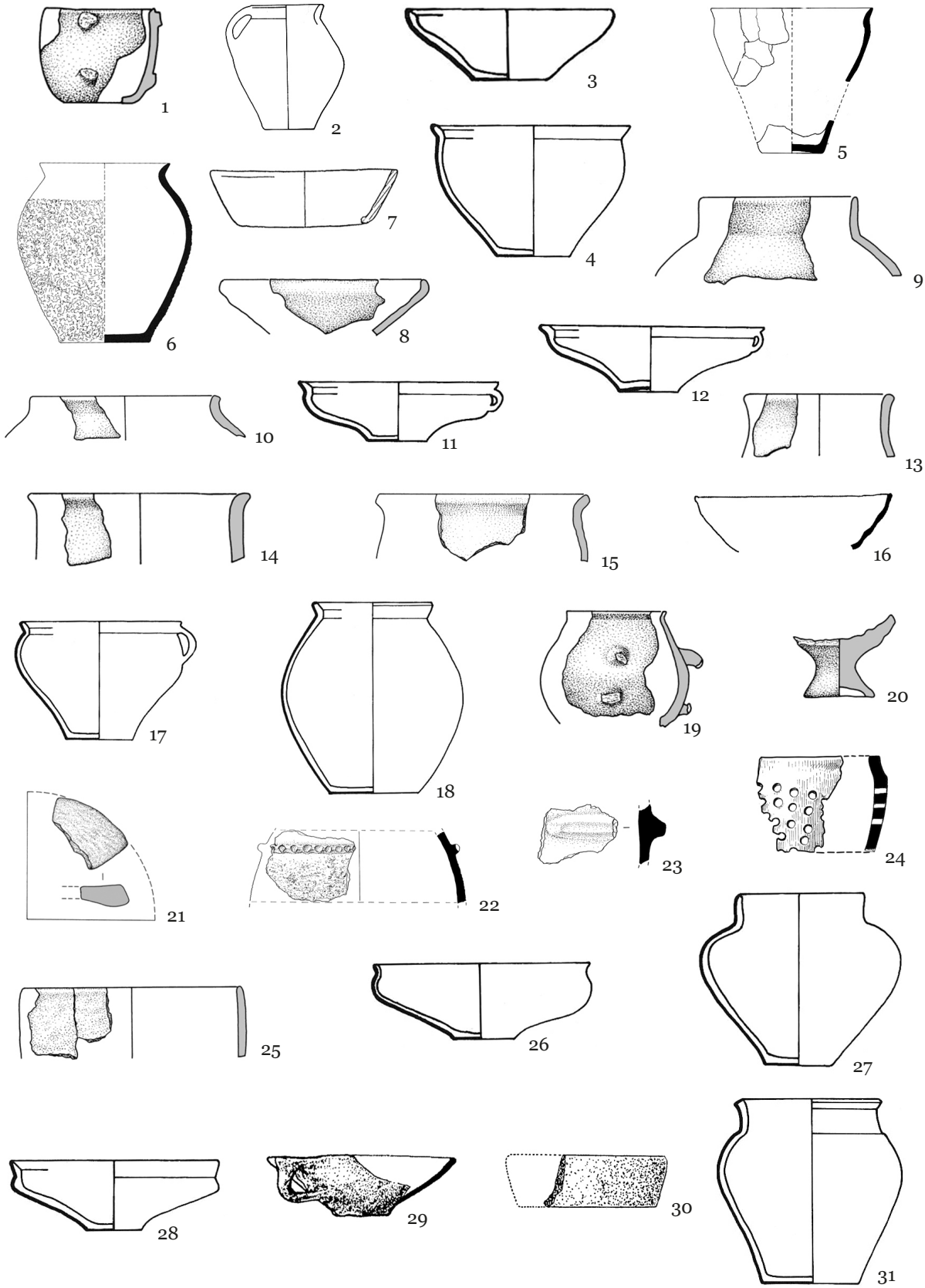


Fig. 2. Tipuri de vase incluse în diagrama combinatorie. Numărul tipului de recipient din figură corespunde locului său în diagrama combinatorie.

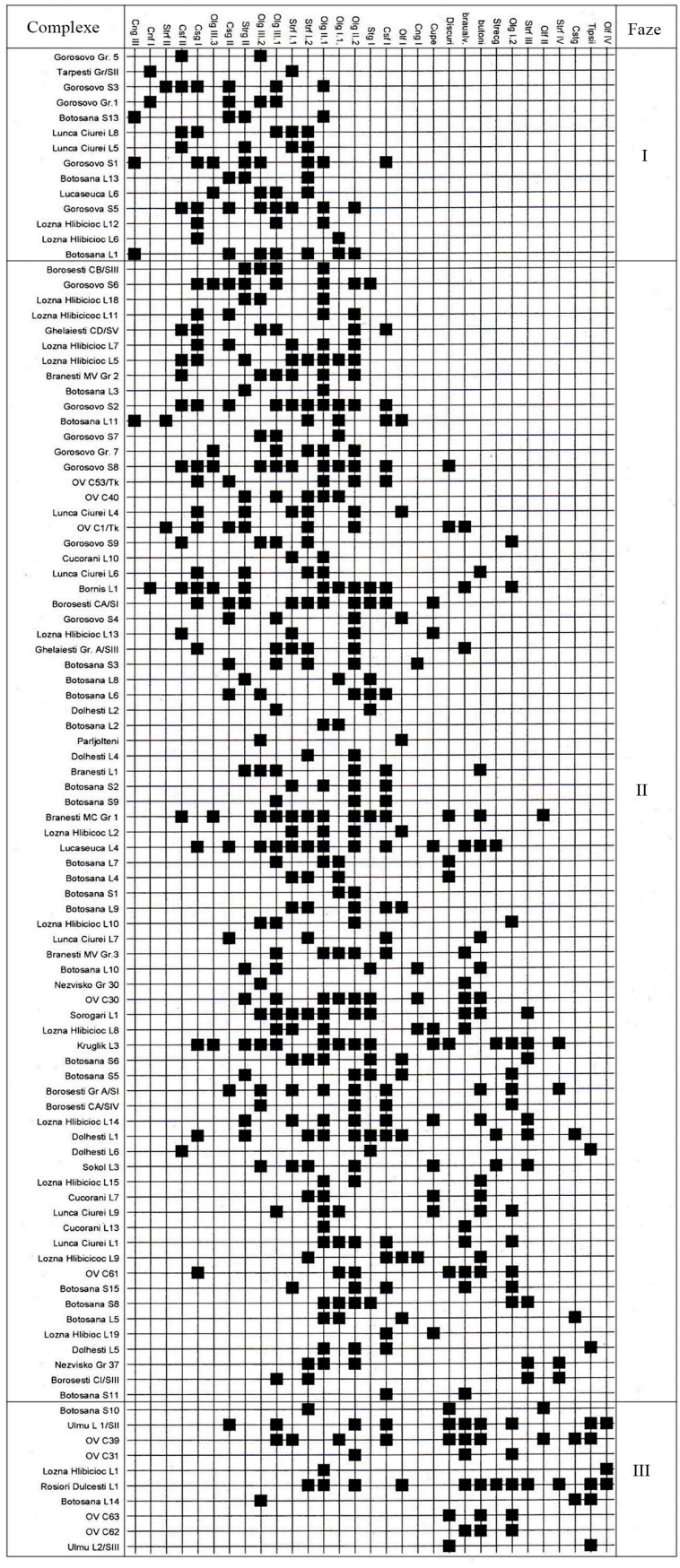


Fig. 3. Înserierea tipurilor de vase descoperite în complexele de habitat din cadrul aşezărilor culturii Poieneşti-Lucaşeuca.

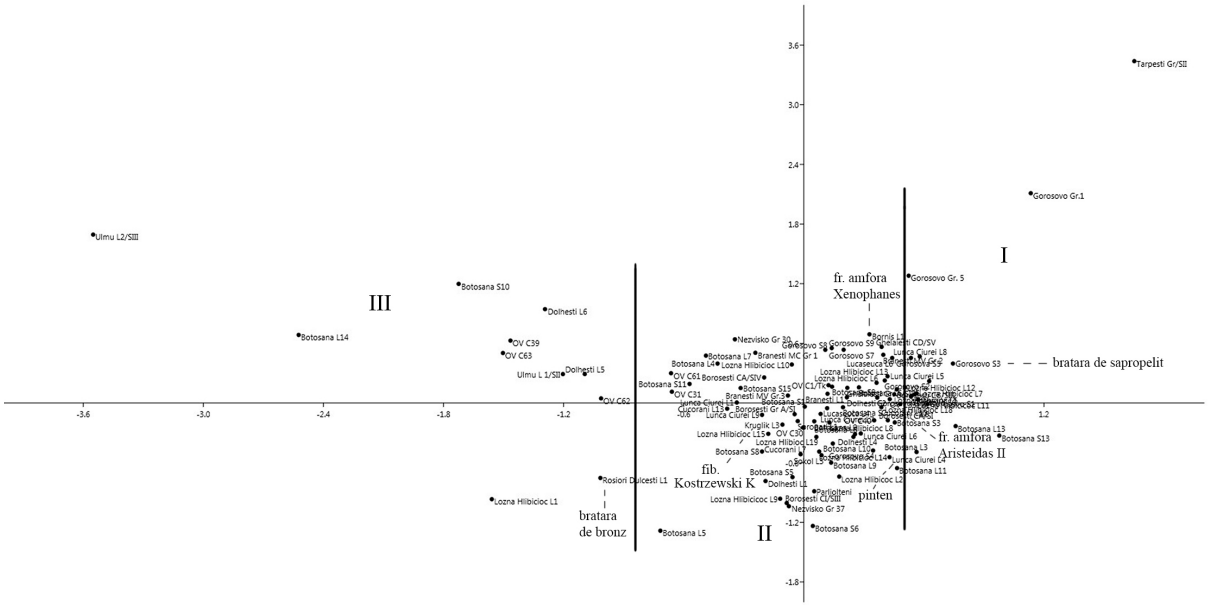


Fig. 4. Periodizarea aşezărilor culturii culturii Poieneşti-Lucaşeuca.

Pentru ultima grupă (III) specifice sunt tipsiile din pastă grosieră şi oalele fine de tip IV. De asemenea, în această etapă continuă a fi folosite oalele grosiere de tip I.2, II.1, strecurătoarele, ceştile din pastă grosieră şi străchinile fine de tip IV (fig. 3).

În continuare, folosind datele oferite de piesele cu relevanţă cronologică (material amforistic, accesorii vestimentare, podoabe etc.), provenite din unele complexele incluse în analiza de corespondenţă, vom încerca să stabilim cronologia absolută a grupelor rezultate.

În semibordeiul nr. 3 de la Gorošovo, inclus în primul grup, a fost descoperit fragmentul unei o brăţări de sapropelit (Пачкова 1983, 17, рис. 12/7) (fig. 5/1). Asemenea podoabe, frecvent întâlnite în lumea celtică, sunt datate, de regulă, în LT B2b - LT C1[6] (Bujna 1982, 331; Németi 1989, 108). Luând în consideraţie aceste date, presupunem că prima etapă de funcţionare a aşezărilor culturii P-L poate fi sincronizată cu fazele LT C1b - începutul LT C2, ceea ce în cronologia absolută ar corespunde sfârşitului sec. III. - primei jumătăţi ai sec. II a. Chr.

Pentru grupa a II-a dispunem de mai multe date pentru încadrarea cronologică absolută a acesteia. Amintim, în acest context, descoperirea în „locuinţa nr. 1" de la Borniş a unui fragment de toartă rhodiană ce poartă numele eponimului Xenophanes (Popovici 1981-1982, 155, fig. 2.) (fig. 5/2) Potrivit ultimelor cercetări în domeniu, acest magistrat a activat în anul 189 a. Chr. (Finkielsztejn 2001, tab. 19).

În complexul A/SI din situl de la Boroseşti a fost găsit fragmentul unei torţi de amfore rhodiene ce avea imprimat eponimul Aristeidas II (Babeş 1993, 72-73, Taf. 16/6) (fig. 5/3). Activitatea acestui magistrat a fost datată în anii 168-166 a. Chr. (Finkielsztejn 2001, tab. 19.)

Din locuinţa nr. 4 de la Lucaşeuca II (Романовская 1962, 298) a fost recuperată o toartă de amforă rhodiană ce purta numele producătorului Agathokles (fig. 5/4), activitatea căruia, conform studiilor din domeniu, este datată între 183-161 a. Chr. (Finkielsztejn 2001, 113-114). Întrucât acest fragment a fost reutilizat ca lustruitor pentru ceramică, trebuie să admitem o ieşire din uz a amforei de multă vreme.

Luând în consideraţie decalajul de datare legat de distanţa dintre centrul de producţie şi locul descoperii, putem data, în mare parte, amforele rhodiene descoperite în aceste complexe între cel de-al doilea şi al treilea sfert al sec. II a. Chr.

[6] Precizăm că fragmentul unei brăţări de sapropolit a fost găsit şi în semibordeiul 8 din aceeaşi aşezare – Пачкова 1983, 17, рис. 12/9 – complex inclus de noi în cea de a doua grupă cronologică.

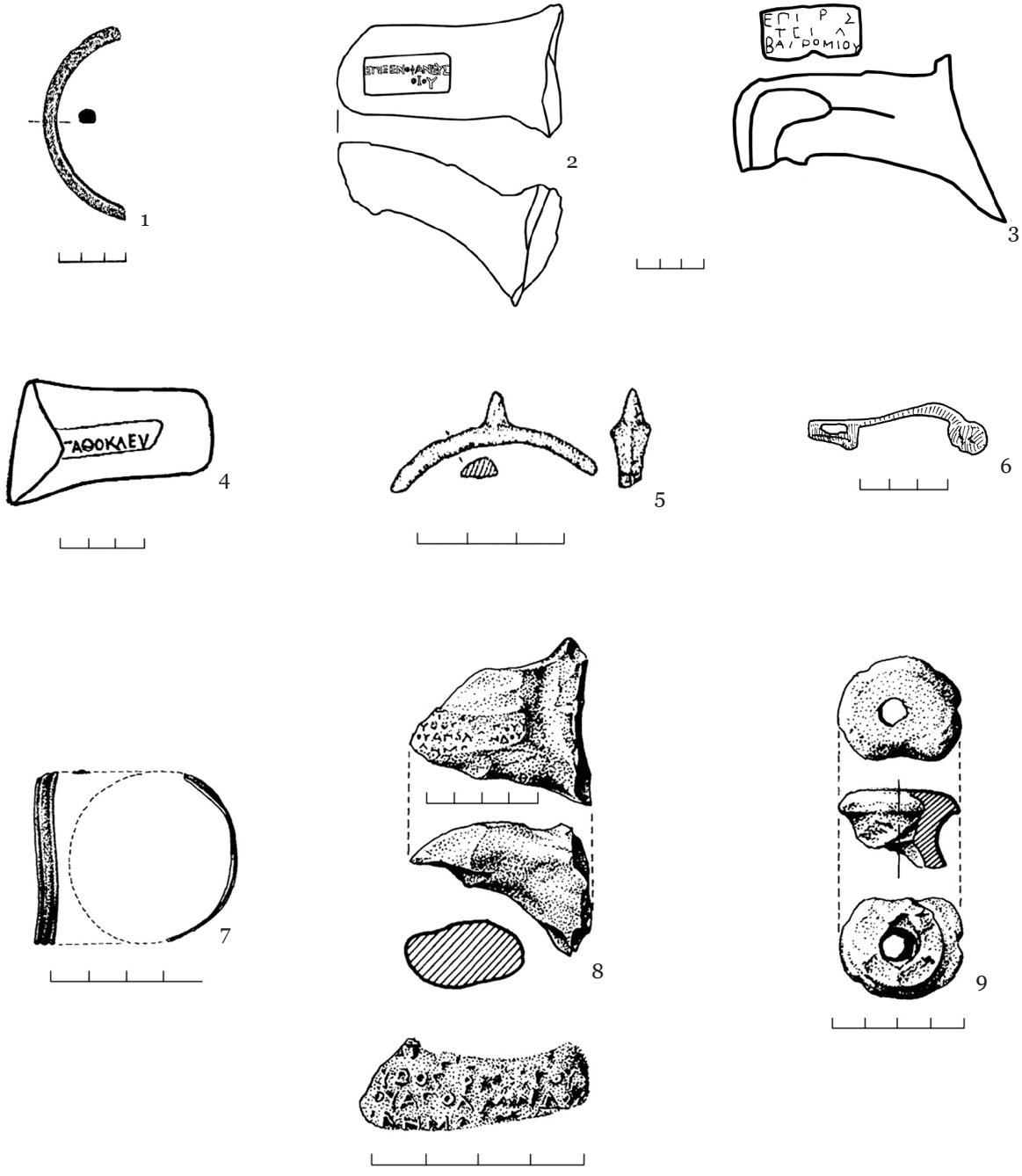


Fig. 5. Piese cu relevanţă cronologică descoperite în complexele de habitat.

În L. 4 din situl de la Lunca Ciurei, inclusă în cea de a doua grupă, a fost găsit fragmentul unui pinten de fier (Teodor 1987, 91, fig. 25/5) (fig. 5/5). De menţionat că în mediul culturii Przework asemenea exemplare sunt caracteristice fazei A2 (Łuczkiewicz 2006, 146-148), ceea ce în date absolute corespunde ultimului sfert al sec. II – primei jumătăţi ai sec. I a.Chr.

Din L. 3 din situl de la Kruglik (Пачкова 1977, рис. 3/11) provine o fibulă apropiată variantei Kostrzewki K (fig. 5/6), piese ce în mediul culturilor sincrone din nordul Europei Centrale – Jastorf, Przework şi Oksywie – sunt datate în LT D1 (Meyer 2001, 172-173; Brandt 2001, 90-91; Meyer 2008, 47).

Judecând după aceste date, opinăm că această grupă cronologică trebuie sincronizată cu mijlocul LT C2 – LT D1, ceea ce în date absolute ar corespunde anilor 160/150-60 a. Chr.

În ceea ce priveşte cronologia absolută a ultimei grupe de complexe (III), subliniem lipsa, practic totală, în aceste complexe a pieselor cu datare cronologică certă. În acest sens putem menţiona doar fragmentul unei brăţări de bronz descoperite în L. 1 de la Roşiori Dulceşti (Hânceanu 2016, 47, pl. XIV/4) (fig. 5/7). Asemenea piese în mediul culturii P-L sunt datate cu sfârşitul LT D1 - începutul LT D2.

Surprinde, oarecum, descoperirea în acelaşi complex a două fragmente de amfore greceşti: 1. Fragment de toartă sinopeană; 2. Picioruş de amforă rhodiană refolosită în calitate de fusaiolă (Hânceanu 2016, 44-45, pl. X/1; XX/5) (fig. 5/8-9). Pe fragmentul de toartă a fost imprimat numele eponimului Pithohristos Apollovidos (Hânceanu 2016, 44-45, pl. XX/6) (fig. 5/7), care a activat între 253-252 a. Chr. (Garlan 2004, 87). Luând în consideraţie faptul că fragmentul de brăţară a fost descoperit pe fundul complexului, în imediata apropiere a vetrei[7], credem că în acest caz avem de afacere cu mai multe faze de depunere/umplere a semibordeiului. Respectiv, nu excludem posibilitatea ca locuinţa a funcţionat, de fapt, între cel de-al doilea şi al treilea sfert al sec. I a. Chr., fragmentele de amfore greceşti ajungând acolo prin umplerea forţată a complexului.

Astfel, ţinând cont de datarea brăţării din situl de la Roşiori Dulceşti, sincronizăm cea de a III-a fază de evoluţie a aşezărilor de tip P-L cu LT D2, ceea ce în date absolute ar corespunde anilor '60-'30/20 ale sec. I a. Chr.

În continuare, având în vedere rezultatele obţinute prin analiza de corespondenţă, vom încerca să stabilim limitele cronologice de funcţionare a unor situri de habitat. Una din cele mai timpurii aşezări pare a fi situl de la Gorošovo (Пачкова 1983), care, aşa cum o demonstrează descoperirile de aici (brăţările de sapropolit, căţeii de vatră de tip II etc.), a funcţionat între sfârşitul sec. III şi a doua jumătate a sec II a. Chr. (fig. 6).

Aşezarea de la Botoşana (Teodor 1980), a fost locuită, foarte probabil, aşa cum se prezintă în diagrama combinatorie, între sfârşitul sec. III şi a doua jumătate a sec. I a. Chr. În aceleaşi limite cronologice datăm situl de la Lozna-Hlibicioc (Teodor 1992) (fig. 6).

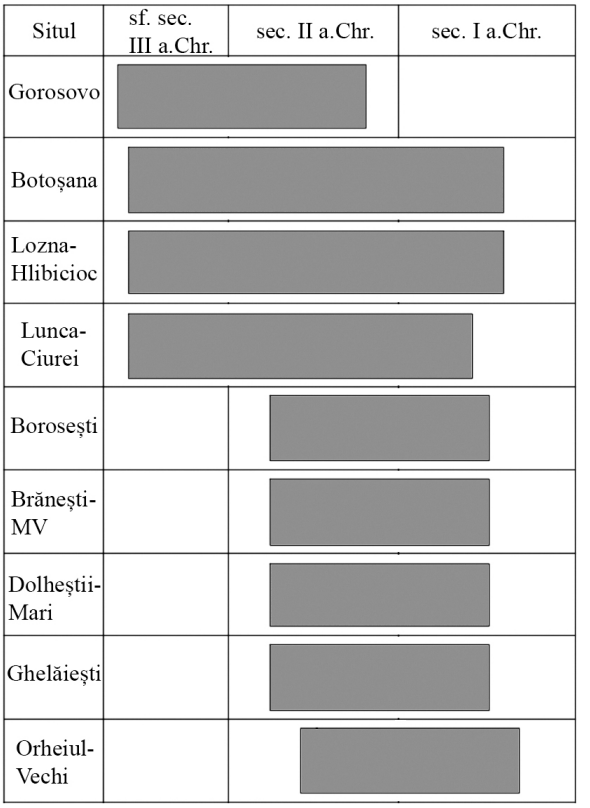


Fig. 6. Cronologia absolută a aşezărilor culturii culturii Poieneşti-Lucaşeuca.

Printre cele mai timpurii aşezări de tip P-L poate fi considerat şi situl de la Lunca Ciurei (Teodor 1987), unde locuirea a durat, conform opiniei noastre, între sfârşitul sec. III şi prima jumătate a sec. I a. Chr. (fig. 6).

La Boroseşti (Babeş 1993, 183-184), avem de a face cu o locuire ce a durat, cel mai probabil, între cel de-al doilea sfert al sec. II şi mijlocul sec. I a. Chr. În aceleaşi limite cronologice datăm aşezările de la Brăneşti-*Marginea de Vest* (Meyer et al. 2016), Dolheştii Mari (Andronic 1994) şi Ghelăieşti (Babeş 1969; Babeş 1993, 1999-200) (fig. 6).

Situl de la Orheiul Vechi (Ткачук 1991; Postică, Munteanu 1999; Munteanu, Iarmulschi 2017) a fost înfiinţat, potrivit opiniei noastre, la mijlocul sec. II a. Chr., locuirea acolo continuând până în a doua jumătate a sec. I a. Chr. (fig. 6). Având în vedere faptul că unele aşezări de tip P-L din centrul spaţiului est-carpatic, cum ar fi cele de la Orheiul Vechi, Roşiori Dulceşti şi Ulmu funcţionează până în ultimul sfert al sec. I a. Chr., suntem re-

[7] Cu regret, lipsesc date exacte cu privire la locul descoperirii fragmentelor de amfore greceşti – Hânceanu 2016, 41.

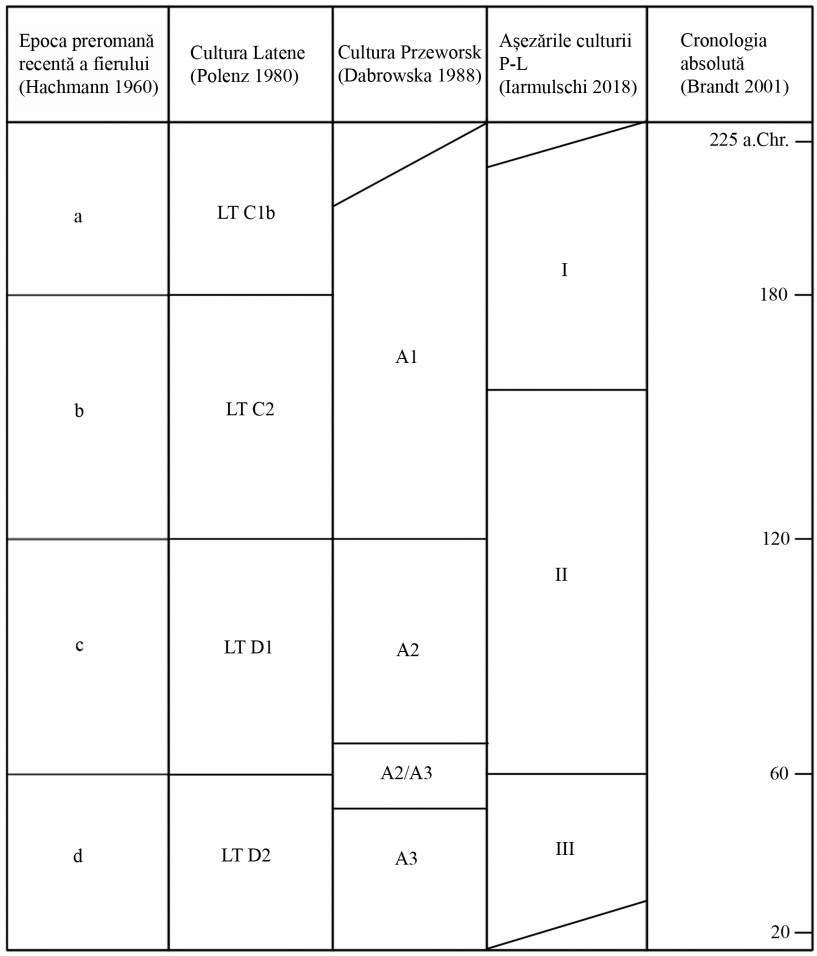


Fig. 7. Tabelul cronologic comparativ al epocii preromane recente a fierului în Europa Central-Nordică şi de Sud-Est.

zervaţi faţă de opinia încetăţenită în literatura de specialitate conform căreia în ultima sa fază, respectiv în LT D2, arealul culturii P-L s-a restrâns la zona Nistrului Mijlociu (Babeş 1993, 154; Babeş, Coman 2005, 144).

În finalul acestui articol dorim să precizăm că în termenii cronologiei relative aşezările atribuite aspectului P-L suprapun stratigrafic siturile culturii getice şi se extind, foarte probabil, în timp în trei faze cronologice. Aceste etape pot fi sincronizate cu LT C1b/începutul LT C2 (I-a fază), mijlocul LT C2/LT D1 (II-a fază) şi parţial cu LT D2 (III-a fază) după H. Polenz (Polenz 1982) a culturii celtice central-europene, fazele a-d ale epocii preromane recente a fierului după R. Hachmann (Hachmann 1960-1961) sau etapele A1, A2, A2/A3 şi, parţial, A3 ale culturii Przeworsk după T. Dąbrowska (Dąbrowska 1988) (fig. 7).

Luând în consideraţie datele de care dispunem până în prezent, considerăm că limitele cronologice ale aşezărilor, de altfel ca şi ale întregii culturi, sunt cuprinse între sfârşitul sec. III - anii '30/20 ai sec. I a. Chr. În acest sens, limita cronologică inferioară a siturilor de habitat, potrivit opiniei noastre, este în deplină concordanţă cu unele izvoare scrise (Pseudo-Skymnos 745-749; Decretul olbian în cinstea lui Protogenes) care atestă prezenţa triburilor bastarne[8] la nordul Dunării de Jos în ultimul sfert al sec. III a. Chr. (Conovici 1992, 13-14; Munteanu, Iarmulschi 2005, 19; Iarmulschi 2016, 491). Finalul locuirii în aşezările acestei culturi poate fi pus în legătură cu încercarea nereuşită a acestor populaţii de a trece la sud de Dunăre (Dio Cassius LI, 24,3-4), evenimente ce au avut loc în anii 29-28 a. Chr. (Babeş 1993, 169-170; Iarmulschi 2016, 492).

[8] Precizăm că în literatura de specialitate este practic încetăţenită ideea că vestigiile arheologice de tip P-L au fost lăsate de către aceste populaţii. Pentru istoriografia problemei vezi: Babeş 1993; Babeş 2001; Munteanu 2004.

Bibliografie

Andronic 1994: M. Andronic, Aşezarea din sec. II-I î.H. de la Dolheştii Mari-Suceava. Memoria Antiquitatis XIX, 1994, 235-242.

Babeş 1969: M. Babeş, Noi date privind arheologia şi istoria bastarnilor. O ,,fibulă pomeraniană" descoperită la Ghelăieşti. SCIV 20/2, 1969, 195-218.

Babeş 1970: M. Babeş, Dacii şi bastarnii. Memoria Antiquitatis II, 1970, 215-236.

Babeş 1982: M. Babeş, Zum Siedlungswesen der Geto-Daker in der Zeit vor der römischen Eroberung. In: (Hrsg. D. Papenfuss, V.M. Strocka) Palast und Hütte. Beiträge zum Bauen und Wohnen im Altertum von Archäologen, Vor- und Frühgeschichtlern. Tagungsbeiträge eines Symposiums der Alexander von Humboldt-Stiftung, Bonn-Bad Godesberg veranstaltet vom 25.-30. November 1979 in Berlin (Mainz 1982), 461-472.

Babeş 1985: M. Babeş, Date arheologice şi istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole î.e.n. SCIVA. 36/3, 1985, 183-214.

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poieneşti-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte in Raum östlich der Karpaten in der letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993).

Babeş 2001: M. Babeş, Spaţiul carpato-dunărean în secolele III-II a. Chr. In: (Ed.: M. Petrescu-Dîmboviţa, Al. Vulpe) Istoria Românilor, vol. I. Moştenierea timpurilor îndepărtate (Bucureşti 2001), 501-531.

Babeş, Glodariu 2001: M. Babeş. I. Glodariu, Civilizaţia geto-dacă din a doua jumătate a secolului II-lea a. Chr. până la începutul sec. II p. Chr.. In: (Ed.: M. Petrescu-Dîmboviţa, Al. Vulpe) Istoria Românilor, vol. I. Moştenierea timpurilor îndepărtate (Bucureşti 2001), 725-795.

Babeş, Coman 2005: M. Babeş, R. Coman, O nouă „fibulă pomeraniană" în România. ArhMold XXVIII, 2005, 139-147.

Brandt 2001: J. Brandt, Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf soziopolitische Entwicklungen in der vorrömischen Eisenzeit. Intern. Arch. 66 (Rahden/Westf. 2001).

Bujna 1982: J. Bujna, Speigelung der Sozialstruktur auf latènezeitlichen Gräberfeldern im Karpatenbecken. PamArch. LXXIII, 1982, 312-431.

Conovici 1992: N. Conovici, Noi date arheologice privind începuturile culturii Poieneşti-Lukasevka şi prezenţa bastarnilor în Dobrogea. SCIVA 43/1, 1992, 3-14.

Dąbrowska 1988: T. Dąbrowska, Wczesne fazy kultury Przeworskiej (Krakow 1988).

Finkielsztejn 2001: G. Finkielsztejn, Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodins de 270 à 108 av. J.-C. Premier bilan. BAR, Intern. ser. (Oxford 2001).

Garlan 2004: Y. Garlan, Les timbres céramiques sinopeens sur amphoreset sur tuiles trouvés à Sinope Présentation et catalogue. Varia Anatolica XIV (Paris 2004).

Hachmann 1960-1961: R. Hachmann, Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung in nördlich Mitteleuropa und in Skandinavien. Bericht RGK 41, 1960-1961, 1-276.

Hânceanu 2016: G.D. Hânceanu, Vestigii dacice şi bastarne dintr-o locuinţă a sitului de la Roşiori-Dulceşti. Acta Musei Tutovensis XII/2. Historica et archaelogica in honorem Ion Ioniţă octogenri, 2016, 40-71.

Jensen, Nielsen 1997: C.K. Jensen, K.H. Nielsen, Burial Data and Correspondence Analysis. In: (Ed.: C.K. Jensen, K.H. Nielsen) Burial and Society. The Chronological and Social Analysis of Arcaheological Burial Data (Aarhus 1997), 29-61.

Iarmulschi 2013: V. Iarmulschi, Unele consideraţii privind cronologia culturii Poieneşti-Lucaşeuca. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 29-52.

Iarmulschi 2016: V. Iarmulschi, A few consideration regarding the chronology of the Poieneşti-Lucaşeuca culture. Prähistorische Zeitschrift 91/2, 2016, 471-494.

Iarmulschi 2017: V. Iarmulschi, Reflection on the settlements attributed to the Poieneşti-Lucaşeuca Culture. Journal of Ancient History and Archaeology 4/1, 2017, 29-46.

Łuczkiewicz 2006: P. Łuczkiewicz, Uzbrojenie ludnosci ziem Polski w mlodszym okresie przedrzymskim (Lublin 2006).

Meyer 2001: M. Meyer, Regionale Ausprägungen der Fibel Var. K nach Kostrzewski. In: (Hrsg. M. Meyer) Trans Albim Fluvium. Feschr. Achim Leube. Stud. Honoraria 10 (Rahden/Westf. 2001), 161-175.

Meyer 2008: M. Meyer, Mardorf 23, Lkr. Marburg-Biedenkopf. Archäologische Studien zur Besiedlung des deutschen Mittelgebirgsraumes in den Jahrhunderten um Christi Geburt (Rahden/Westf 2008).

Meyer et al. 2016: M. Meyer, O. Munteanu, V. Iarmulschi, B. Rauchfuß, F. Höppner, Aşezarea de tip Poieneşti-Lucaşeuca de la Brăneşti-Marginea de Vest (r. Orhei, Republica Moldova) (cercetările din anii 2014-2015). In: (Ed.: L. Sîrbu, N. Telnov, L. Ciobanu, Gh. Sîrbu, M. Kaşuba) Culturi, procese şi contexte în arheologie – volum omagial Oleg Leviţki la 60 ani (Chişinău 2016), 310-331.

Munteanu 1995: O. Munteanu, Autohtonii în spaţiul pruto-nistrean în sec. II a. Chr. - I. p. Chr. Rezumatul tezei de doctorat (Cluj Napoca 1995).

Munteanu 2004: O. Munteanu, Lanţul slăbiciunilor sau unde au dispărut geţii. In: (Ed.: T. Arnăutu, O. Munteanu, S. Musteaţă) Studia in Honorem Gh. Postică (Chişinău 2004), 141-152.

Munteanu, Iarmulschi 2005: O. Munteanu, V. Iarmulschi, Cultura Poieneşti-Lucaşeuca: repere cronologice. Analele ANTIM 6, 2005, 16-20.

Munteanu, Iarmulschi 2017: O. Munteanu, V. Iarmulschi, Pottery from the Poieneşti-Lucaşeuca Culture Settlement of Orheiul Vechi, Republic of Moldova. In: (Ed.: A. Michałowski, M. Teska, P. Niedzielski, M. Żołkiewski) Settlements Pottery of the pre-Roman Iron Age in Central European Barbaricum – new research perspectives (Poznań 2017), 67-97.

Németi 1989: I. Németi, Necropola Latène de la Pişcolt, jud. Satu Mare (II). Thraco-Dacica X/1-2, 1989, 75-114.

Polenz 1982: H. Polenz, Münzen und Gräbern Mitteleuropas aus der Zeit zwischen 300 und 50 v.Chr. Geburt. Bayer. Vorgeschbl 47, 1982, 27-222.

Popovici 1981-1982: R. Popovici, Descoperirile din sec. III-II î.e.n. de la Borniş-Neamţ. Cercetări Istorice 12-13, 1981-1982, 153-158.

Postică, Munteanu 1999: Gh. Postică, O. Munteanu, Aşezarea de tip Poieneşti-Lucaşeuca de la Orheiul Vechi. CAANT, vol. III (Bucureşti 1999), 457-494.

Tentiuc, Bubulici, Simalcik 2016: I. Tentiuc, V. Bubulici, A. Simalcik, Despre mormântul de incineraţie în situlă de la Şipoteni. Tyragetia s.n. X/1, 2016, 39-74.

Teodor 1980: S. Teodor, Aşezarea din epoca Latène de la Botoşana. SCIV 31/2, 1980, 181-227.

Teodor 1987: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Ciurea. ArhMold XI, 1987, 65-102.

Teodor 1992: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Lozna-Hlibicioc, jud. Botoşani. ArhMold XV, 1992, 45-69.

Vulpe, Teodor 2003: R. Vulpe, S. Teodor: Prioboridava. Aşezarea geto-dacică de la Poiana. Biblioteca Thracologica XXXIX (Bucureşti 2003).

Пачкова 1983: С.П. Пачкова, Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской области. В сб.: (Ред. А.Т. Смиленко) Археологические памятники Среднего Поднестровья (Киев 1983), 4-55.

Романовская 1962: М.А. Романовская, Селище Лукашевка II. СА 3, 1962, 293-298.

Ткачук 1991: М.Е. Ткачук, Новые данные к исследованию памятников типа Поянештъ-Лукашевка по материалам Старого Орхее. В сб.: (Ред. П.П. Бырня) Археологические исследования в Старом Орхее (Кишинев 1991), 44-53.

Überlegungen zur Chronologie und Periodisierung den Siedlungen der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur

Schlüsselwörter: Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur; Raum östlich der Karpaten, Siedlungen, Chronologie, Periodisierung.

Zusammenfassung: In diesem Aufsatz wurden die Chronologie und die Periodisirung den Siedlungen der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur analisiert. Es wurden drei Phasen der Entwicklung den Siedlungen aufgrund der Kombination den Gefäßen vom Befunden aufgebaut. Man kann diese Etappen mit den Phasen LT C1b/Beginn des LT C2 (Erste Phase), Mitte des LT C2/LT D1 (zweite Phase) und LT D2 (dritte Phase) der mitteleuropäischen keltischen Kultur synchronisieren, die in absoluten Daten entsprechen dem Ende des 3. Jhr. – letzen Viertel des 1. Jhr. v. Chr.

Abbildungsliste:

Abb. 1. Siedlungen der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur die im Text bemerkt wurden: 1. Borniş (jud. Neamţ, România); 2. Boroseşti (jud. Iaşi, România); 3. Botoşana (jud. Suceava, România); 4. Brăneşti - Marginea de Vest (r-n Orhei, Rep. Moldova); 5. Dolheştii Mari (jud. Suceava, România); 6. Gheläieşti (jud. Neamţ, România); 7. Gorošovo (reg. Ternopol, Ucraina); 8. Kruglik (reg. Cernăuţi, Ucraina); 9. Lozna (jud. Botoşani, România); 10. Lucaşeuca II (r-n Orhei, Rep. Moldova); 11. Lunca Ciurei (jud. Iaşi, România); 12. Orheiul Vechi (r-n Orhei, Rep. Moldova); 13. Roşiori Dulceşti (jud. Neamţ, România); 14. Ulmu (r-n Ialoveni, Rep. Moldova).

Abb. 2. Typen den Gefäßen die für Vergesellschaftung ausgewählt wurden.

Abb. 3. Die Vergesellschaftung den Befunden die Typen den Gefäßen enthälten.

Abb. 4. Die Periodisierung den Siedlungen der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur.

Abb. 5. Die Funde mit der chronologischen Relevanz die in den Befunden gefunden wurden.

Abb. 6. Die absolute Chronologie den Siedlungen der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur.

Abb. 7. Die vergleichende chronologische Tabelle der jüngeren vorrömischen Eisenzeit im nördlcihen Mitteleuropa und in südöstliche Europa.

К вопросу о хронологии и периодизации поселении культуры Поенешть-Лукешевка

Ключевые слова: культура Поенешть-Лукешевка, восточно-карпатский регион, поселения, хронология, периодизация.

Резюме: В работе рассматривается хронология и периодизация поселений культуры Поенешть-Лукешевка. Имея в виду корреляцию типов керамики, найденных на поселениях, нами были выявлены три фазы эволюции поселений. Эти фазы синхронизируются с ЛТ C1b/начало ЛТ C2 (I-фаза), ЛТ D1 (II-фаза) и ЛТ D2 (III-фаза) кельтской культуры Средней Европы, что в абсолютной хронологии датируется концом III - последней четвертью I в. до н.э.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Поселения культуры Поенешть-Лукешевка упомянутые в тексте: 1. Борниш (жуд. Нямц, Румыния); 2. Боросешть (жуд. Яссы, Румыния); 3. Ботошана (жуд. Сучава, Румыния); 4. Брэнешть (р-н Орхей, Рес. Молдова); 5. Долхештий-Мари (жуд. Сучава, Румыния); 6. Гелэешть (жуд. Нямц, Румыния); 7. Горошово (обл. Тернополь, Украина); 8. Круглик (обл. Черновцы, Украина); 9. Лозна (жуд. Ботошань, Румыния); 10. Лукашеука II (р-н Орхей, Рес. Молдова); 11. Лунка Чурий (жуд. Яссы, Румыния); 12. Орхеюл Векь (р-н Орхей, Рес. Молдова); 13. Рошиорь Дулчешть (жуд. Нямц, Румыния); Ульму (р-н Яловень, Рес. Молдова).

Рис. 2. Типы посуды выбранные для корреляционного метода.

Рис. 3. Корреляция типов посуды найденных на поселениях культуры Поенешть-Лукешевка.

Рис. 4. Периодизация поселений культуры Поенешть-Лукешевка.

Рис. 5. Хронологические индикаторы поселений.

Рис. 6. Абсолютная хронология поселений.

Рис. 7. Сравнительная таблица позднего предримского времени в центрально-северной и юго-восточной Европы.

12.04.2018

Dr. Vasile Iarmulschi, Freie Universität Berlin, Institut für Prähistorische Archäologie, Dahlem Postdoc Fellowship, Fabeckstr. 23-25, Berlin 14195, e-mail: vasile_iarmulschi@gmail.com

SARMATIAN CHILDREN GRAVES IN WALLACHIA AND MOLDAVIA[1]

Liana Oţa

Keywords: graves, children, Sarmatians, funerary ritual, grave-goods, Wallachia, Moldavia

The studies on the social organization of the Sarmatians are still very few (Yatsenko 2003, 88), and the attention was focused either on reviewing the data from written sources (Yatsenko 2003, 93-95), or on the distinctions that can be made within the members of the elite (Yatsenko 2003, 95; Кривошеев 2017, 56-58), but most of all on the special social status of women (Istvánovits, Kulcsár 2011, 201-218; Яценко 2001, 244-252; Яценко 2007, 58-65; Яценко 2015, 6-13).

Several years ago, we reviewed the main features of the Sarmatian children graves in Wallachia as part of an attempt to delineate the specific of the graves which can be attributed to men or women based on the inventory (Oţa, Sîrbu, Matei 2013, 325-352, especially 328-330 on the graves of children). The abovementioned study aimed to provide another overview of the Sarmatian burials in Wallachia that would go beyond the usual model of the older or newer scientific literature in Romania on this subject.

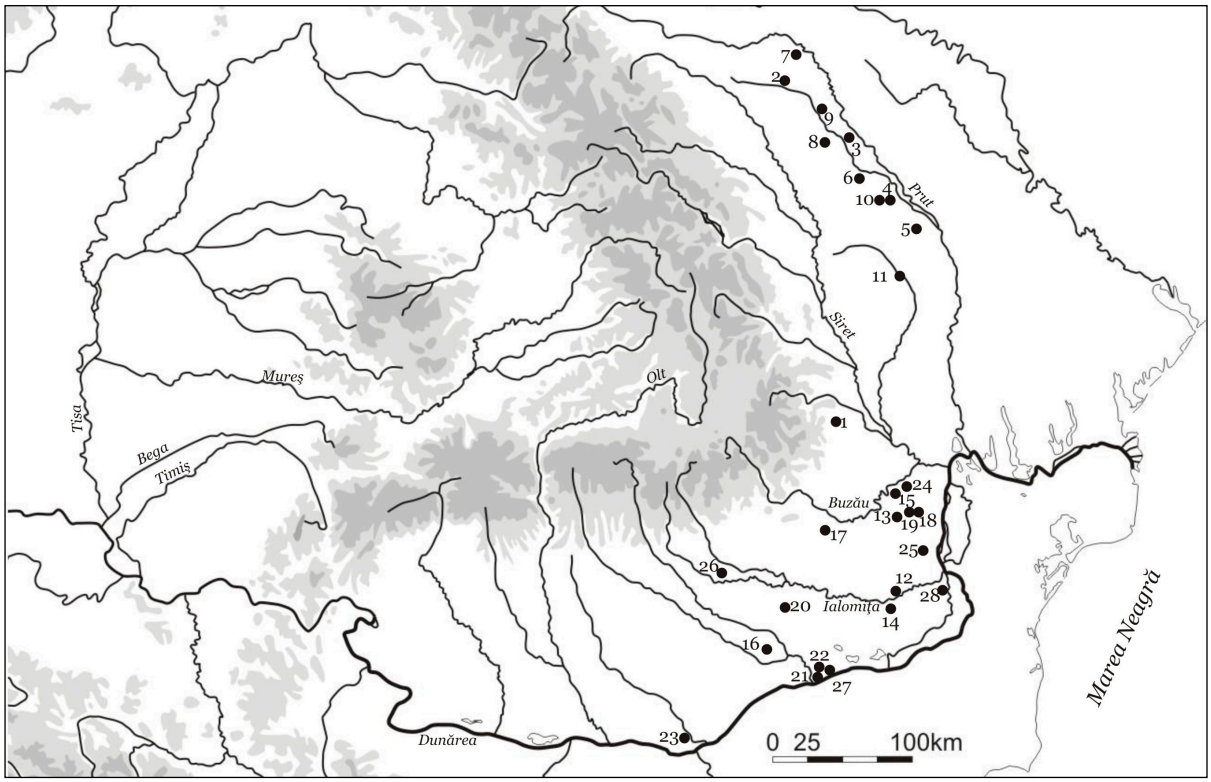
I have decided to resume a specific issue then approached, namely that of the children graves, in an attempt to complete, as much as possible based on the current archaeological data, the image of the Sarmatian communities in Wallachia and Moldavia, outlined in several previous studies (Oţa, Sîrbu 2009, 137-197; Oţa, Sîrbu 2016a, 261-284; Sîrbu et al. 2014, 93-133).

From the very beginning, definitions are to be made. Several studies have questioned lately the use of the term "Sarmatians" either in general (Dan 2017, 113; Mordvinceva 2009, 237; Mordvintseva 2013, 203-216), or with reference to certain areas, especially the north of the Black Sea (Мордвинцева 2015, 111-112, 126-130). I have already drawn attention (Oţa, Sîrbu 2012, 128) to the fact that I do not use the term "Sarmatians" to designate an ethnic reality, but I use it in the same sense it is used by the ancient literary sources – a generic name covering a diversity of tribes (a review of the various names encountered in the written sources at Olbrycht 2000, 116-129) that probably had specific names, a diversity in which, however, certain common general features can be distinguished.

The variety of the archaeological discoveries in the space that is perceived as being inhabited by populations generically designated by the Greek or Latin historiography as "Sarmatians" is the reason for which the following analysis will be limited to only one case study – that of the Sarmatian children burials in Wallachia (territory between the Danube and the Carpathian Mountains, bordered to the west by the Olt River) and Moldavia (more precisely the area between the Prut River and the Carpathian Mountains). I chose these two regions (pl. 1) because, despite some detail differences, both are border areas of the conglomerate of steppe populations, and the vicinity with the Roman Empire (in the case of Wallachia) and with the Dacians (in the case of Moldavia) has left its mark, manifested through the Roman control over the Sarmatian communities in Wallachia (Oţa 2007, 51-55; Oţa 2016, 129-150; Oţa, Sîrbu 2013, 291) and the secondary, perhaps even subordinate role of the Sarmatians in Moldavia in relation to the Dacians (Oţa, Sîrbu 2016b, 215-219, 230-234).

An approach to analyze children graves is from the very beginning conditioned by anthropological determinations. From a total number that, at the current stage of research, does not seem to exceed 270 Sarmatian graves discovered in Wallachia (Oţa 2016, 131-132), 47 burials were attributed to children (Oţa, Sîrbu, Matei 2013, 328), three to teenagers (Oţa, Sîrbu, Matei 2013, 330-331) and 89 to adults (either as a result of the

[1] Paper presented at the International Symposium on Funerary Anthropology *Homines, Funera, Astra,* Sixth Edition, *Death and Children from Prehistory to the Middle Ages*, that took place in Alba Iulia, October 15-18, 2017.



Pl. 1. Sarmatian children graves in Wallachia and Moldavia (the numbers on the map coincides with the numbers in the catalog).

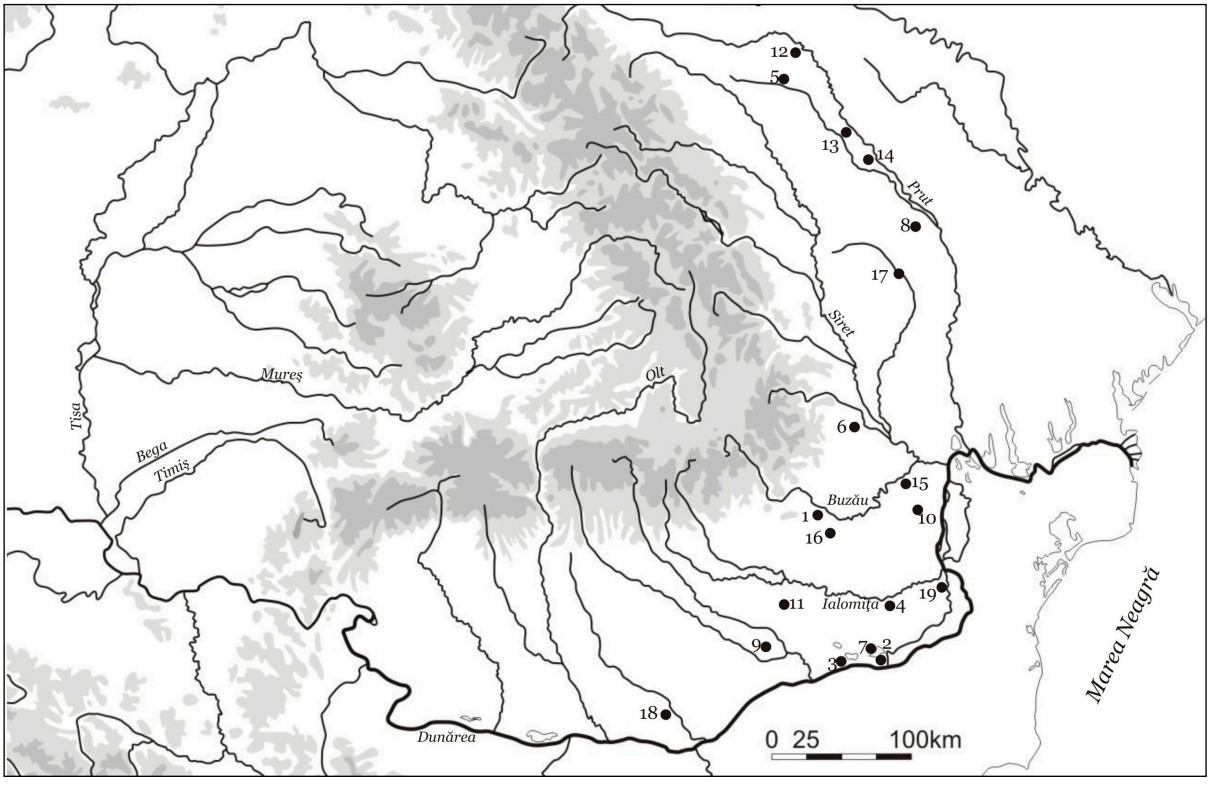
anthropological analysis, or of the estimation of the archaeologists). To these 138 funerary structures, 11 others can be added, which based on the photographs or the published drawings were estimated by Alexandra Comşa as belonging to adults[2] – Bucureşti-*Mogoşoaia* (Tzony 1975, 283, fig. 1), G. 3 and G. 6 in Buzău-*sud* (Drâmbocianu 1981, 52 and 53-54, figs. 4/3 and 5/3), one grave in Ruşeţu (Bichir 1996, 310, fig. 4/3), G. 1 and G. 2 in Jugureanu (Bichir 1977, 173, fig. 5/1; Bichir 1996, 310, fig. 4/1-2), G. 1 in Lişcoteanca-*Moş Filon* (Harţuche 1980a, 208, fig. 8/3; Oţa, Sîrbu 2009, 124, fig. 10/3), G. 17 in Lişcoteanca-*Movila Olarului* (Harţuche 1980a, 207-208, fig. 8/1, 9/1; Oţa, Sîrbu 2009, 128, fig. 9/4), G. 7 in Olteniţa-*Renie* (Morintz, Ionescu 1970, 39, 43, 45, fig. 2), G. 1 in Sănduliţa (Ulanici 1984, 113, fig. I/2) and G. 4 in Gălăţui (CCA 2001, 141, fig. 8). The presence of a dagger in other five graves – Vedea (Sîrbu et al. 2014, 85, no. 46), Căzăneşti G. 1 (Sîrbu et al. 2014, 34-35), Olteniţa-*Iordoc* G. 6 (Sîrbu et al. 2014, 62), Olteniţa-*Renie* G. 3 (Sîrbu et al. 2014, 64-65) and Nicolae Bălcescu (Sîrbu et al. 2014, 58, nr. 27, all of them with the previous bibliography) – can be considered as an indication of the burial of adults[3], which results in a total of 152 Sarmatian graves in Wallachia for which the age of the deceased is known/estimated. Even so, the number of structures for which the age of the buried individuals cannot be known or estimated remains very high (over 100), a fact which at first glance might seem to be a reason strong enough to abandon any such analysis of the Sarmatian graves in Wallachia. However, the careful reading of the circumstances of the discovery of each grave greatly nuances this bleak picture. 31 graves were destroyed and from some of them only the

[2] The assumptions of Alexandra Comşa have a certain margin of error, due to their being conditioned by the correctness of the published drawings. If these drawings are indeed correct, then the fact that the epiphyses are fused with their diaphyses could indicate an adult skeleton. I would like thereby to thank once again to Alexandra Comşa for the help and advice she has always given me.

[3] Of course, in the absence of anthropological analyses, this observation can be questioned. Indeed, for later periods, there are some examples of deposits of adult grave-goods in graves belonging to children or preadolescents (Curta 2009, 310; Effros 2006, 160; Graenert 2004, 186; Härke 1994, 36). However, considering that, at least so far, I do not have information on any burial with weapons belonging to a child in the case of the Sarmatians in Wallachia, Moldavia, Banat or Crişana, I think that the assumption that the deposits of weapons seem to characterize the graves of adults can be accepted, of course, with the adequate reserves.

inventory could be recovered (partially or totally), while six other graves were partially destroyed or disturbed. 15 funerary structures attributed to the Sarmatians were only mentioned in the literature or published without too many details – Călăraşi G. 5 (Sîrbu et al. 2014, 27), Hagieni (Sîrbu et al. 2014, 52-53, no. 21), Nana (Sîrbu et al. 2014, 58, no. 26), Zimnicea (Sîrbu et al. 2014, 90, no. 50), two burials in Olteniţa-*Valea Mare Filatură* (Sîrbu et al. 2014, 69, nos. 28-34 H) and nine graves in Chirnogi (Sîrbu et al. 2014, 37-38, nos. 11-12). Other 27 burials are still unpublished – 17 graves in Târgşor (Niculescu 2003, 182), nine in Ploieşti-*Triaj* (Bichir 1971, 276; Bichir 1972, 139; Bichir 1977, 172, 193; Bichir 1985, 1167) and one in Moisica (Drâmbocianu 1981, 54, 55), which means that in reality we can speak of only 38 funerary structures attributed to the Sarmatians in Wallachia for which the anthropological analysis would have been possible, but it has not been done.

At the current stage of publication of the findings, the number of graves attributed to the Sarmatians in Moldavia seems to be around 220 (Oţa, Sîrbu 2016b, 214 and 230). 18 funerary structures were determined either by the archaeologist or the anthropologist as belonging to children and seven to teenagers – Bârlad-*Fabrica de confecţii* G. 1 (Palade 1978-1979, 249, 250, 252, no. 3; Mazilu 1985-1986, 81, no. 29.1; Ioniţă, Mamalaucă, Vornic 2009, 10, no. X and 33), Drăguşeni-*Ostrov* G. 3 (Crîşmaru 1977, 137), Mitoc G. 1 (N. Zaharia 1959, 20-21; Chirica 1979, 634; Mazilu 1985-1986, 68; Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976, 190, no. XLI. 1. E), Prăjeni-*Alimândra* G. 4 (Şadurschi, Ungureanu 1997, 40; CCA 1983-1992, 77, no. 53), Truşeşti G. 6m and G. 8m (Petrescu-Dîmboviţa, Florescu, Florescu 1999, 616), Valea Lupului-*Movilă* G. 8 (Dinu 1957, 174; Chirica, Tanasachi 1985, 346, no. LXII. 5. B. II. 3). I have excluded from among the Sarmatian graves G. 1 in Valea Lupului-*Terasă*, which belonged to a teenager, because the presence among the grave-goods of an earring with polyhedral-shaped end (Petrescu-Dîmboviţa et al. 1954b, fig. 11/2=Bichir 1972, pl. IX/2=Bichir 1977, pl. 18/2) suggests a dating later, in the early Migration period (Harhoiu 1998, 62-63, type IV.1.6.1.2 and 193, no. 94). 17 other possible burials of adults can be added to the 45 graves determined by the anthropologist or the archaeologists as belonging to adults – seven according to the published drawings, provided that they are indeed correct – Mitoc G. 6 (Şovan, Chirica 1983, 80, fig. 1/3), Prăjeni-*Nelipeşti* G. 1 (Ursulescu, Şadurschi 1986, 18-19, fig. 3/1), Truşeşti G. 15m (Petrescu-Dîmboviţa, Florescu, Florescu 1999, 6, fig. 385 c), Valea Lupului-*Terasă* G. 6 (Dinu 1955, 79, fig. 11), Cioinagi-Balinteşti G. 1 (E. Zaharia 1959, 897, fig. 1), Albeşti (Şovan, Chirica 1983, 81, fig. 3/1) and Ciocani (Palade 1978-1979, 253, no. 5, fig. 6/1) – and 10 considering the deposit of the dagger – Tecuci G. 4 (Vendelin 1940, 101-102), Bârlad-*Depozit* G. 3 (Palade 1978-1979, 252, no. 4; Mazilu 1985-1986, 81, no. 29.2; Bârcă 2006, 289, no. 26), Iveşti G. 3 (Palade 1978-1979, 253, no. 6; Mazilu 1985-1986, 82, no. 31), Manoleasa G. 1 (Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976, 159, no. XXXVI. 1. A; Mazilu 1985-1986, 69, no. 2), Podu Iloaiei (Chirica, Tanasachi 1985, 309-310, no. LVI. 1. L), Şerboteşti (Ioniţă 1964, 312; Mazilu 1985-1986, 78, no. 22), Unţeşti G. 1 (Palade 1978-1979, 247; Mazilu 1985-1986, 80, no. 26), Sat-Nou G. 2 (Palade 1981, 71-72, no. 4), possibly also Dângeni G. 1 (Ioniţă 1964, 311-312; Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976, 112, no. XIX. 1. B; Mazilu 1985-1986, 72, no. 8; Şovan 2013, 149, no. 2) and Valea Lupului-*Terasă* G. 10 (Dinu 1955, 79, 80). Just as in the case of the Sarmatian burials in Wallachia, apparently the number of graves for which the determination or estimation of the age of the deceased was possible is low – only 87. For the rest of the funerary structures attributed to the Sarmatians in Moldavia, the actual shortcoming of the research is rather the unexpectedly large number of graves still unpublished – 23 graves in Pogorăşti (Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976, 217, no. XLVIII.3.G; Ioniţă 1976, 475), 24 in Probota (12 graves according to E. Zaharia, N. Zaharia 1962; 14 according to Mazilu 1985-1986, 70, no. 4.1; 22 according to Bichir 1971, 276 and 1972, 138; 25 according to Bichir 1977, 168 and Bichir 1985, 1166), 12 in Prăjeni (CCA 1983-1992, 77, no. 53), one in Răcătău (Căpitanu 1979, 40; Mazilu 1985-1986, 80, no. 27), two in Strahotin (CCA 1983-1992, 104, no. 68), at least three in Slobozia-Hăneşti (Diaconu 2010, 47-49, 73; Şovan 2013, 241, nos. 45-46) and one in Tutova-*Lutărie* (Bichir 1993, 143), therefore a total of 66 funerary structures – than the fact that the graves were published without anthropological determinations (only 28). For the remaining 38 graves, the anthropological analysis is no longer possible, either because of the total destruction of the skeletons or the disturbance of the grave.



Pl. 2. Anthropological determinations for Sarmatian graves in Wallachia and Moldavia. 1 - Buzău-sud; 2 - Călăraşi; 3 - Cetatea Veche; 4 - Ciulniţa; 5 - Drăguşeni; 6 - Focşani; 7 - Gălăţui; 8 - Isaiia; 9 - Jilava; 10 - Lişcoteanca-*Moş Filon*; 11 - Măriuţa; 12 - Mitoc; 13 - Pogorăşti; 14 - Probota; 15 - Râmnicelu; 16 - Smeieni; 17 - Vaslui; 18 - Vităneşti; 19 - Vlădeni.

At least in the current stage of research and publication, the percentage of children graves seems to be reduced by reference to the total number of the Sarmatian funerary structures in Wallachia or Moldavia (around 13%). The automatic equivalence between a group of burials and a Sarmatian community entails some risks, especially since the Sarmatian settlements have not been certainly documented from the archaeological point of view, at least for the time being[4]. As far back as 2009, I have drawn attention to the fact that we cannot know precisely whether a group of burials reflects a single community, because we cannot exclude the possibility that more small groups and/or isolated burials belong in fact to the same community that moves on a relatively limited territory (Oţa, Sîrbu 2009, 187).

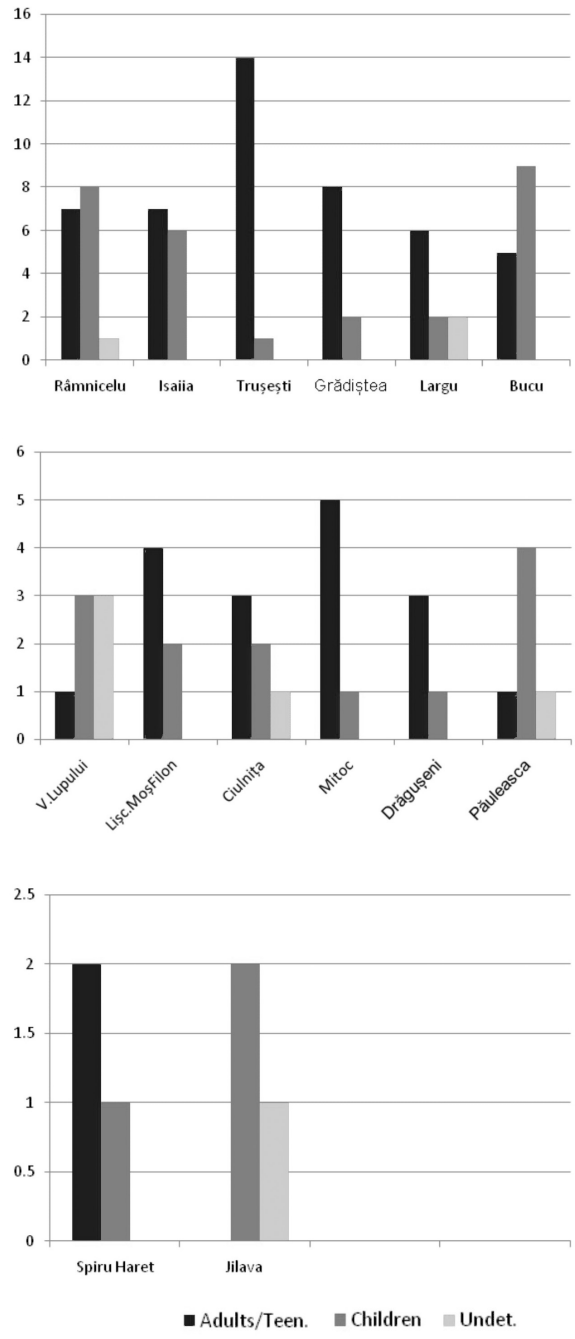
The conclusions of the analysis of the groups of graves can only be used with some caution in order to shape the image of the everyday life of the Sarmatian communities in Wallachia or Moldavia, but this does not mean that an approach attempting to go beyond the statistics of the funerary ritual features must be rejected a priori as being dangerous or unnecessary. Even though the relationship between children and adult burials in a particular group of graves may not reflect the real balance between the adults and the children within a particular Sarmatian community, a review of the proportion between the adult and children graves reveals an unexpectedly varied picture of the various groups of burials, whose explanation is not decoded now, but could be a subject of reflection in the future.

Unfortunately, for a large number of groups of graves, the ratio between the burials of children and adults cannot be known[5]: Chirnogi (eight

[4] Yatsenko 2003, 92 draws attention to the fact that the references of the ancient authors to the Sarmatian settlements were questioned from the very beginning, due to the stereotype imposed by the nomadism of the steppe populations. However, a careful analysis of the context of certain discoveries (Sîrbu et al. 2014, 31, nos. 4-6. J, 35, no. 8, 53, no. 22, 72-73, nos. 36-37, 85, no. 45, 94) indicates that not all of them can be interpreted as graves.

[5] A review of the ratio between the graves of children and those of adults in the case of the Sarmatian graves in Wallachia can be found in Oţa, Sîrbu, Matei 2013, 327-328.

graves – Sîrbu et al. 2014, 37-38, nos. 11-12 and 124, with the previous bibliography), Dorobanţu (five burials – Sîrbu et al. 2014, 42-44, no. 16 and 128, with the previous bibliography), Olteniţa-*Coada Lupului* (three graves – Sîrbu et al. 2014, 58-59, nos. 28-34 A and 125, with the previous bibliography), Olteniţa-*Iordoc* (eight graves – Sîrbu et al. 2014, 59-62, nos. 28-34 C and 123-124, with the previous bibliography), Olteniţa-*Renie* (16 graves – Sîrbu et al. 2014, 63-68, nos. 28-34 F and 121-122, with the previous bibliography), Ulmeni (five graves – Sîrbu et al. 2014, 76-84, no. 41 and 127-128, with the previous bibliography), Călăraşi G. 6-10 (five graves – Sîrbu et al. 2014, 27-30, nos. 4-6 F and 124-125, with the previous bibliography). The groups of exclusive burials consisting only of funerary structures of adults or children are relatively few and the number of graves is generally low. So far, the only group of graves of children only is the one in Cireşu (two burials – Oţa, Sîrbu 2009, 120, no. 6 and 190-191, with the previous bibliography) and other 10 groups revealed only burials of adults: Brăila-*Hipodrom* (five graves – Oţa, Sîrbu 2009, 117-118, no. 1 and 191-192, with the previous bibliography), Drăguşeni-*Ostrov* (again five graves, of which four of adults and one of a teenager – Crîşmaru 1977, 136-137; Crîşmaru 1981, 83-87; Bârcă 2006, 306-307, no. 53), Tichileşti (four graves – Oţa, Sîrbu 2009, 133-134, no. 19 and 196, with the previous bibliography), Giurcani (four graves – Buzdugan 1981, 7-15; Buzdugan 1982, 29-30; Bichir 1993, 152, 154-156, 158, 159; Bârcă 2006, 312-314, nos. 62-66), Lişcoteanca-*Movila din baltă* (three burials – Oţa, Sîrbu 2009, 126, no. 12 and 189, with the previous bibliography), Smeieni-*Movila mare* (the same – Frînculeasa et al. 2017, 54-55, 58, 177-181, 186-188, with the previous bibliography), Jugureanu (the same – Oţa, Sîrbu 2009, 123-124, no. 10 and 189-190, with the previous bibliography), Gălăţui (three definitely Sarmatian graves of adults and one child burial, however chronologically uncertain – Sîrbu et al. 2014, 48-51, no. 19 and 125, with the previous bibliography), probably also Buzău-*sud* (six burials of adults, with the observation that we do not know the actual situation, since other graves were destroyed – Drîmbocianu 1981, 50-54) and possibly Cioinagi (three adults and one grave impossible to determine – E. Zaharia 1959, 897-900). A balanced proportion between the graves of children and the graves of adults (pl. 3) may be observed in three cases: Râmnicelu (16 graves, of which seven of adults, eight of children and one undetermined grave – Oţa, Sîrbu 2009, 130-132, no. 16 and 185-187), Isaiia (13 graves, of which seven of adults and six of children – Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004, 27-35), possibly also Valea Lupului-*Movilă* (seven burials, of which three of children and one of a teenager – Dinu 1957, 174; Dinu 1959 a, 248; Dinu 1959 b, 204; Chirica, Tanasachi 1985, 346, no. LXII. 5. B. II. 3; Mazilu 1985-1986, 76, no. 17).



Pl. 3. Age ratio in Sarmatian groups of graves.

In the case of other eight clusters (pl. 3), the graves of adults were predominant: Truşeşti (15 graves, of which 12 adults, two teenagers and one child – Petrescu-Dîmboviţa, Florescu, Florescu 1999, 613-617), Grădiştea (10 graves, of which seven of adults, two of children and one female teenager – Oţa, Sîrbu 2009, 120-123, no. 7 and 192-195, with the previous bibliography), Largu (10 graves, of which five adults, two children, one female teenager and two undetermined graves – Dragomir 1957, 300, 302, 304; Dragomir, Croitoru 2011, 40-45, with the previous bibliography), Lişcoteanca-*Moş Filon* (six graves, of which four adults and two children – Oţa, Sîrbu 2009, 124-126, no. 11 and 187-189, with the previous bibliography), Mitoc (six burials, of which four adults, one female teenager and one child – N. Zaharia 1959, 20-21; Chirica 1979, 631-634; Şovan, Chirica 1983, 79-80; Mazilu 1985-1986, 69, no. 1), Ciulniţa (six burials, of which three of adults, two of children and one undetermined grave – Renţa 2016, 86-87, 94, 96-97, 98; Sîrbu et al. 2014, 126-127), Drăguşeni-*La Ocoale* (four graves, of which two of adults, one of a teenager or young man and one of a child – Crîşmaru 1977, 133-135), Spiru Haret (three graves, of which two of adults and one of a child – Oţa, Sîrbu 2009, 133, no. 18 and 196, with the previous bibliography), to which could be added Târgşor (of the 18 graves published so far, 15 belong to adults and only three to children – Diaconu 1965, 20-22) and possibly Lişcoteanca-*Movila Olarului* (12 graves, of which six of adults, three of children and three undetermined graves – Oţa, Sîrbu 2009, 126-128, no. 13 şi 185-187, with the previous bibliography). The predominance of the children graves (pl. 3) can be noted in three cases: Bucu (14 graves, of which nine children and five teenagers – Sîrbu et al. 2014, 16-24, no. 3 and 123, with the previous bibliography), Păuleasca (six burials, of which four of children, one of an adult and one undetermined burial – Sîrbu et al. 2014, 69-72, no. 35 and 126, with the previous bibliography) and Jilava (three graves, of which two of children and one undetermined grave – Rosetti 1934, 208-209).

If we attempt to correlate the total number of graves in a group with the proportion of graves, we can notice some interesting aspects, synthesized in Table 1. In the case of the large groups (with at least 10 graves – pl. 3), a balanced proportion between the graves of adults and the graves of children was seen for two of them (Râmnicelu and Isaiia), in the case of five others the burials of adults are predominant (Truşeşti, Grădiştea, Largu, probably also Târgşor and Lişcoteanca-*Movila Olarului*[6]), while the exception is represented, at least so far, by Bucu, where the children graves are prevalent. The groups with an average number of graves (ranging from nine to four – pl. 3) are the most diverse: a) with a balanced structure (maybe Valea Lupului-*Movilă*, should it turn out that the three undetermined burials belong to adults), b) predominantly with graves of adults (Lişcoteanca-*Moş Filon*, Ciulniţa, Mitoc and Drăguşeni-*La Ocoale*), c) predominantly with graves of children (Păuleasca) or d) exclusively with graves of adults (Brăila-*Hipodrom*, Tichileşti, Giurcani, Drăguşeni-*Ostrov,* possibly also Buzău-*sud* and Cioinagi). Probably as a matter of course, in the case of the small groups (two and three burials – Pl. 3) exclusivity prevails, be it of adults (Lişcoteanca-*Movila din baltă*, Smeieni-*Movila mare*, Jugureanu, possibly also Gălăţui), or of children (Cireşu), with two exceptions of predominance of children graves (Jilava) or of adults graves (Spiru Haret).

Of the total of 65 graves of children (pl. 1) currently available for analysis[7], six are isolated graves: Cândeşti, Prăjeni-*Lutărie*, Larga Jijia, Vaslui G. 5, Măriuţa G. 2 and Vlădeni. Two explanations are already required. The first concerns the inclusion of G. 2 in Măriuţa and G. 5 in Vaslui among the isolated graves. In relation to G. 2 in Măriuţa, I have drawn attention on another occasion (Oţa, Sîrbu 2016a, 262) to the chronological gap between the two Sarmatian graves discovered there up to now, which could be an argument in favour of the hypothesis that, this funerary structure was isolated, at least initially. The big distance between G. 1 and G. 5 in Vaslui (Andronic, Neamţu, Banu 1962, fig. 1) and the fact that between them there were no other discoveries of Sarmatian funerary structures are arguments in favour of the hypothesis that the two graves in Vaslui did not form a proper group, but in fact were isolated

[6] Unfortunately, the presence at Lişcoteanca-*Movila Olarului* of three graves for which the age of the deceased in unknown, requires a lot of caution in formulating assessments, because, although classified in this analysis among the groups with graves of adults preponderantly, if all three deceased with undetermined age would have be children, then the situation would have been radically different, with the said group belonging to the category with a balanced presence of children and adult burials.

[7] For the bibliography of each grave, see the catalogue, at the end of the paper.

Table 1

The proportion of graves of adults and children in the case of the groups of Sarmatian graves

	Balance between the graves of adults/children (total number of graves)	Predominance of graves of adults	Predominance of graves of children	Exclusivity of graves of adults	Exclusivity of graves of children
Large groups (over 10 graves)	Râmnicelu (16) Isaiia (13)	Truşeşti (15) Grădiştea (10) Largu (10) Târgşor (18 published) (?) Lişcoteanca-*Movila Olarului* (12) (?)	Bucu (14)		
Average groups (4-9 graves)	V. Lupului –*Movilă* (7) (?)	Lişcoteanca-*Moş Filon* (6) Ciulniţa (6) Mitoc (6) Drăguşeni-*La Ocoale* (4)	Păuleasca (6)	Brăila-*Hipodrom* (5) Tichileşti (4) Drăguşeni-*Ostrov* (5) Giurcani tumuli (4) Buzău-*sud* (6) (?) Cioinagi (4) (?)	
Small groups (1-3 graves)		Spiru Haret (3)	Jilava (3)	Lişcoteanca-*Movila din baltă* (3) Smeieni-*Movila Mare* (3) Jugureanu (3) Gălăţui (3) (?)	Cireşu

burials. The second explanation refers to the exclusion from the present analysis of two burials of children – Vaslui-*Gura Bustei* and Giurcani T. 1 G. 7. The assumption of the two authors (Rotaru, Chiriac 2004-2006, 38-40) that the grave in Vaslui-*Gura Bustei* belongs to a child is generated by the very small diameter of the two bronze wire bracelets (6.2 cm and 6.9 cm). Even if located on the territory of a Roman province, namely Moesia Inferior, the rural necropolis in Kragulevo provided two examples that showed us how misleading such a judgment can be, when based only on impressions: the diameter of the adult bracelet in G. 50 was of 7.1 cm, while the diameter of the bracelet found in G. 69 belonging to a child was of 7.6 cm (Vasilčin 1996-1997, 54-55 for G. 50 and 58-59 for G. 69). As regards G. 7 in tumulus 1 of Giurcani-*Argeaua*, the fact that it does not have any grave-goods and the crouched position of the skeleton prevent any definite chronological attribution, despite the attempts to support the dating of the abovementioned structure either to the period of transition from the Eneolithic to the Bronze Age as presumed by the author of the excavations (Buzdugan 1981, 13), or to the first century A.D., as Gh. Bichir (Bichir 1993, 157-159) seems to finally think, although he had previously drawn attention in a correct manner to the fact that „ethno-cultural attributions cannot be made solely based on the position and orientation of the skeletons, if the ritual details and the grave-goods are absent" (Bichir 1993, 157).

The majority of Sarmatian burials of children were discovered in groups of graves. Most frequently, the number of graves of children in a group is two – eight cases (Jilava, Largu, Cireşu, Ciulniţa, Grădiştea, Lişcoteanca-*Moş Filon*, Olteniţa-*Renie* and Ulmeni) or one – seven cases (Olteniţa-*Iordoc*, Spiru Haret, Drăguşeni-*La Ocoale*, Glăvăneştii Vechi, Holboca, Mitoc, Truşeşti). Three children graves in the same group are much less frequent – Lişcoteanca-*Movila Olarului*, Valea Lupului-*Movilă* and possibly Târgşor, judging based only on the discoveries published up to this time. Higher numbers of graves of children are recorded as very exceptional occurrences: four burials/group (Păuleasca), six burials/group (Isaiia), eight burials/group (Râmnicelu) and nine burials/group (Bucu).

I believe that, at least for the current stage of research, it would be useful to find out the per-

centage of burials of children within the various groups, although one may object that such an approach does not reflect the actual situation, not even in the case of the burials and an anthropological analysis could change the data at any time. If we take into account *all* the groups of Sarmatian graves in which burials of children have been discovered, therefore also those for which the exact ratio between the graves of children and the graves of adults (underlined in the table below) is not known, the result is a very high variation of the percentage of the number of children burials/ group ranging from 100% to 6.66%, according to Table 2.

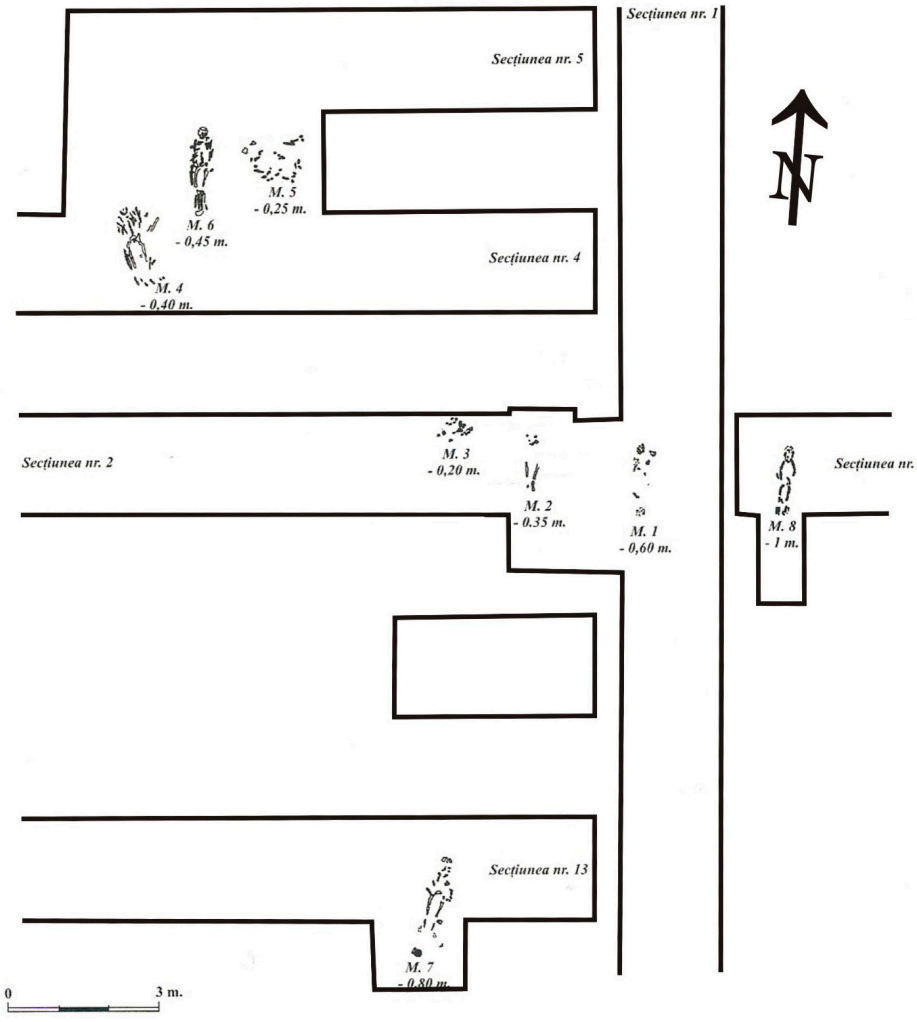
A look at the above table shows that, at least at the current stage of the discoveries, the small groups of graves (two and three burials) are characterized by significant percentages of children graves (between 100% and 33.33%). Medium-sized groups (between nine and four graves) are heterogeneous, with percentages varying between 66.66% and 12.5%, although the majority focuses between 40% and 25%. The large groups show either high percentages of child burials (between 64.28% and 46.15% – Bucu, Râmnicelu and Isaiia), or rather low percentages (between 25% and 12.5%), or even very low (the case in Truşeşti, with only 6.66%).

The absence of plans of the groups of graves considerably hinders the answer to the question on the place of the graves of children in the area where the burials were performed. The few published plans show the tendency towards grouping the graves of children within the group. This tendency is most clearly observed in the graves at Râmnicelu (pl. 4/2) – where six of the eight children graves were aligned in a row in the center of the group, except for G. 16 and G. 20 that occupied a peripheral position (Harţuche 1980 a, fig. 4; Oţa, Sîrbu 2009, fig. 12/2). The same grouping and central position of the graves of children (G. 2, G. 6, G. 13 – pl. 5/1) can also be observed at Lişcoteanca-*Movila Olarului* (Oţa, Sîrbu 2009, fig. 12/1), but this layout does not involve also identical orientations of the skeleton in any of the cases. The two graves of children in Largu (pl. 4/1) were situated side by side (Dragomir, Croitoru 2011, fig. 10). Another way of ar-

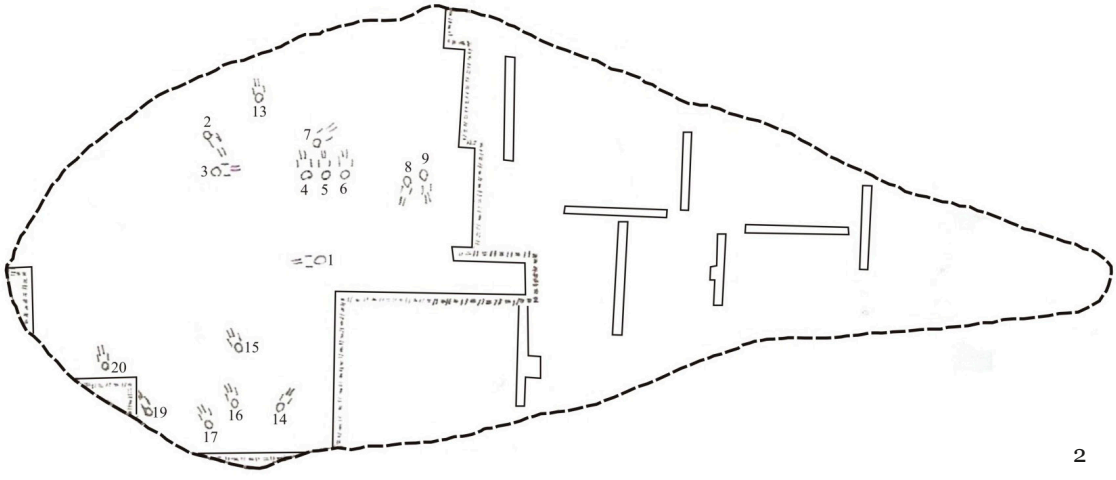
Table 2

The percentage of children burials in the groups of Sarmatian graves

No.	Group of graves	No. of children burials	Total number of burials	Percentage of children burials
1.	Cireşu	2	2	100 %
2.	Jilava	2	3	66,66%
3.	Păuleasca	4	6	66,66%
5.	Bucu	9	14	64,28%
6.	Râmnicelu	8	16	50%
7.	Holboca	1	2	50%
8.	Isaiia	6	13	46,15%
9.	Ulmeni	2	5	40%
10.	Valea Lupului-*Movilă*	3	7	37,5%
11.	Lişcoteanca-*Moş Filon*	2	6	33,33%
12.	Spiru Haret	1	3	33,33%
13.	Glăvăneştii Vechi	1	3	33,33%
14.	Lişcoteanca-*Movila Olarului*	3	12	25%
15.	Ciulniţa	2	6	25%
16.	Drăguşeni-*La Ocoale*	1	4	25%
17.	Largu	2	10	20%
18.	Grădiştea	2	10	20%
19.	Târgşor	3	18 published	16,66%
20.	Mitoc	1	6	16,66%
21.	Olteniţa-*Renie*	2	16	12,5%
22.	Olteniţa-*Iordoc*	1	8	12,5%
23.	Truşeşti	1	15	6,66%

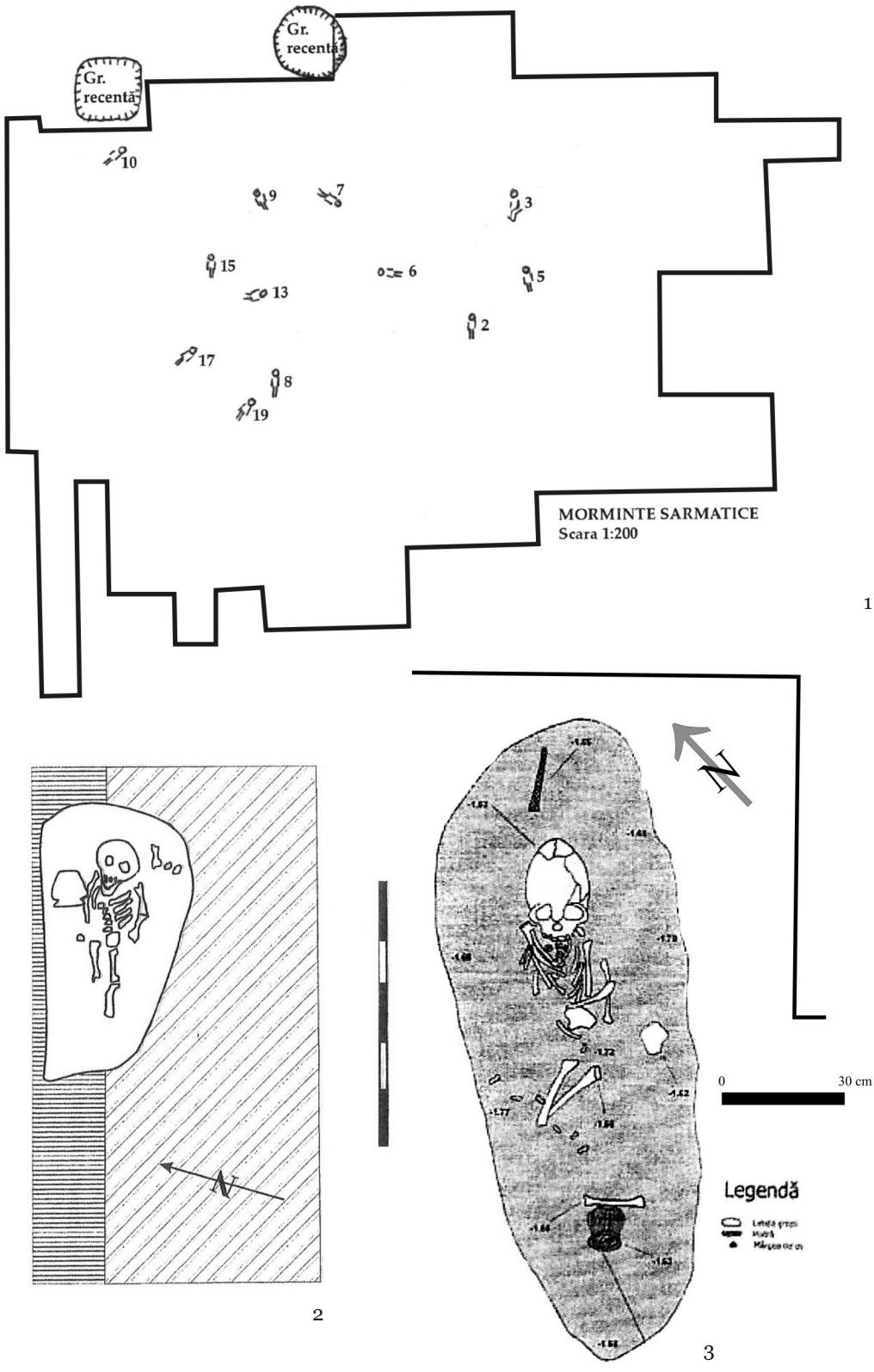


1



2

Pl. 4. 1 - Largu (after Dragomir, Croitoru 2011); 2 - Râmnicelu (after Oţa, Sîrbu 2009).

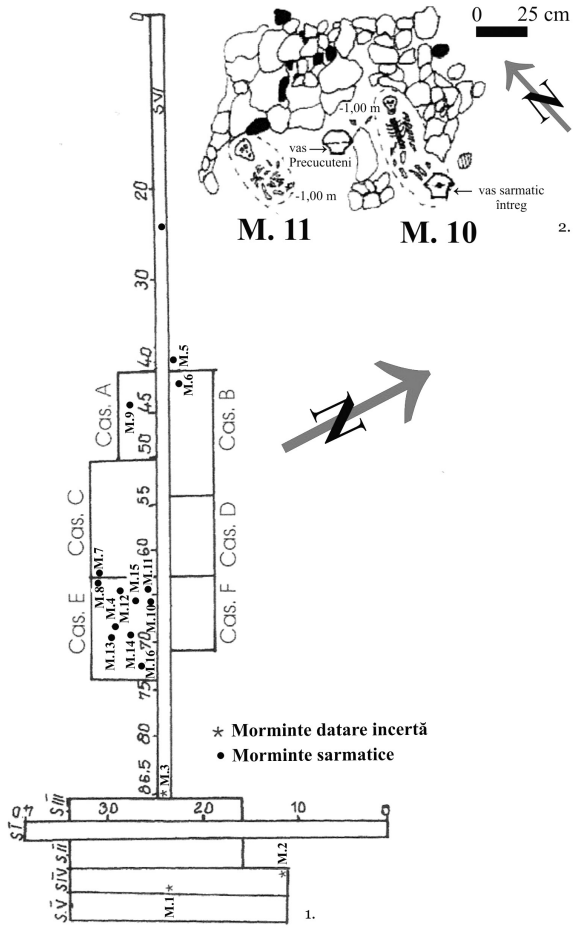


Pl. 5. 1 - Lişcoteanca-*Movila Olarului* – plan (after Oţa, Sîrbu 2009); 2 - Vlădeni (after Sîrbu, Corbu 2006); 3 - Măriuţa G. 2 (after Lazăr, Parnic 2007).

ranging the children graves can be seen in Isaiia (Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004, fig. 1), where three graves of children (G. 10, G. 11 and G. 16 – pl. 6/1) were arranged in a row at the edge of the group, while the remaining three children graves were arranged near the grave of an adult: G. 6 (9-12 months old child)+G. 5 (male about 30 years of age); G. 4 (6-9 months old child)+G. 13 (25-30 years old female) and G. 7 (2-3 months old child)+G. 8 (female about 30 years of age). The situation at Bucu (Renţa 2000, fig. 2) is fairly similar, with G. 2, G. 3 and G. 4 – all graves of children, being grouped at the edge of the burial area (pl. 7/2), while another child grave, G. 5, was situated near G. 9, which belongs to an adult without grave-goods.

Most of the children graves are flat, with 25 exceptions arranged in tells (Cândeşti, Râmnicelu, Lişcoteanca-*Moş Filon*, Lişcoteanca-*Movila Olarului*, Spiru Haret, Cireşu), in older tumuli (Glăvăneştii Vechi, Ciulniţa and G. 3 at Valea Lupului-*Movilă*), in higher landforms (Holboca and Vlădeni) or in sand dunes (Largu). The cases of particular arrangements of the pit are few. The child skeleton in G. 220 at Târgşor was buried diagonally in a large pit, almost square-shaped. Under the skull of the child buried at Cândeşti (Pl. 9/6) was observed a river stone, under which there was a bone, probably of a bird, deposited as an offering, according to the author of the discovery (Bobi 1982-1984, 333). A fragment of a stone grinder attributed to the Precucuteni culture was placed in vertical position, to the right of the body of the child in G. 10 at Isaiia (pl. 6/2), whose pit was covered with clay slabs of the Neolithic kiln. Moreover, at Isaiia, in G. 6, the skeleton was covered with fragments from a ceramic cover belonging to the Precucuteni culture. Instead, the presence of a stone 12 cm north of the skull of the little girl in G. 2 at Măriuţa (pl. 5/3) seems to be accidental, rather due to the way of filling of the pit than to an intentional deposit. One of the very rare double graves registered in the case of the Sarmatians in Wallachia or Moldavia, the one at Glăvăneştii Vechi, contained two deceased – an adult and a child buried approximately 20 cm higher.

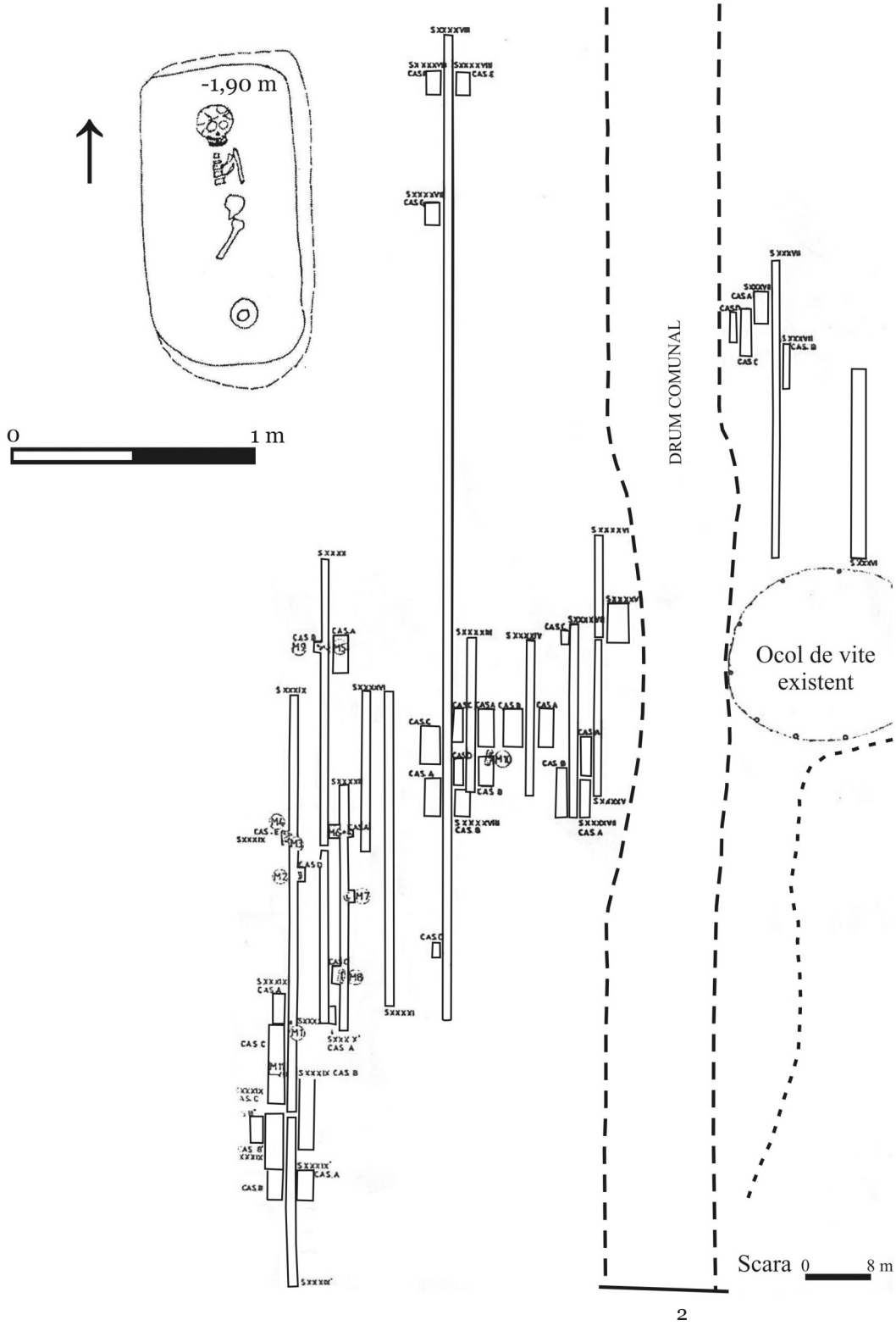
The predominant orientation of the graves of children is N-S, with the variations NNE-SSW or NNW-SSE (30 cases), which are added by another eight graves whose deceased were buried in the NE-SW or NW-SE direction. The exceptions are only 11 – seven graves W-E oriented (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 2, Râmnicelu G. 4, G. 5, G. 6, G. 8, G. 16, Ulmeni G. 5), two E-W oriented (Vlădeni and Râmnicelu G. 9) and two S-N oriented (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 6 and Păuleasca G. 23). Unfortunately, the orientation of the skeleton could not be determined for 16 graves.



Pl. 6. 1 - Isaiia – plan (after Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004); 2 - Isaiia G. 10 and G. 11 (after Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004).

Though questioned by the large number of cases where the position of the skeleton is not known (24), a few observations may however be sketched. The most common position is with the body laid out in dorsal position, with the arms and legs extended, therefore position 1[8] (28 certain cases and three with doubts due to the partial preservation

[8] For the numbering and description of the positions, see Oţa, Sîrbu 2009, 141-143.



Pl. 7. 1 - Bucu G. 2 (after Renţa 2000); 2 - Bucu – plan (after Renţa 2000).

of the skeleton). The position in which the child of G. 2 at Bucu (pl. 7/1) was buried is difficult to determine precisely. According to the author's brief description (Renţa 2000, 39), it is not excluded that the child was also buried in position 1, and the direction towards the right of the preserved femur could only be an accident, and not an indication of bending both legs at the knees and their inclination to the right, therefore the position numbered 11. There are nine exceptions to the dorsal position, with the arms and legs extended: dorsal position with the palms on the chest and the skull on the right – position 3 (Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 3), dorsal position with the palms on the pelvis – position 4 (Vlădeni – pl. 5/2), dorsal position, extended legs, left arm extended and right arm bent and turned towards the skull – position 9 (Râmnicelu G. 9), dorsal position with legs bent at the knees and inclined to the right – position 11 (Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 4), dorsal position with legs bent to the right and left palm on the pelvis – possibly variant 14, with a margin of error due to the absence of the right arm (Măriuţa G. 2), lying on the right, with the arms and legs extended – position 18 (Râmnicelu G. 3), lying on the left with the legs and right arm extended, and the left arm bent, with the palm under the chin – position 19 (Râmnicelu G. 16) and a position generically called crouched – possible variant of positions 19-22 (Sîrbu et al. 2014, 97), whose main feature is the deposition on the left (Păuleasca G. 2 and G. 3).

The age of the children was determined only in quite a few cases, and among these data, only a part is the result of an anthropological analysis, as can be seen in the following table.

Table 3

The age of the children

No.	Grave	Age	Sex	Anthropological analysis
1.	Isaiia G. 16	dead at birth or soon after	-	yes
2.	Isaiia G. 7	2-3 months	-	yes
3.	Isaiia G. 11	5-6 months	-	yes
4.	Isaiia G. 4	6-9 months	-	yes
5.	Isaiia G. 10	6-9 months	-	yes
6.	Isaiia G. 6	9-12 months	-	yes
7.	Larga Jijia G. 3	very young child	-	-
8.	Truşeşti G. 11m	very young child	-	-
9.	Valea Lupului-*Movilă* G. 3	young child	-	-
10.	Păuleasca G. 23	1-1.5 years old	-	-
11.	Păuleasca G. 26	1-1.5 years old	-	-
12.	Vlădeni	1.5-maximum 2 years old	-	yes
13.	Măriuţa G. 2	2-2.5 years old	female	yes
14.	Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 3	approximately 2.5 years old	-	yes
15.	Valea Lupului-*Movilă* G. 4	2-4 years old	-	-
16.	Valea Lupului-*Movilă* G. 6	2-4 years old	-	-
17.	Mitoc G. 5	4-6 years old	-	-
18.	Râmnicelu G. 9	approximately 7-8 years old	-	-
19.	Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 13	approximately 10 years old	-	-
20.	Cândeşti G. 71	approximately 10 years old	-	-

The determination of the age and the sex of the deceased (pl. 2) is an issue with regard not only to the skeletons of children but also to those of adults discovered in the graves attributed to the Sarmatians in Wallachia and Moldavia. In order to have an overview and an assessment of the current state of the research, although only indirectly related to the topic under discussion, I have tried to synthesize in another table the few data available so far in the scientific literature on the age and sex of the teenagers and the adults.

Intentional skull deformation was found in only four cases of children (Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 3, Măriuţa G. 2, Vlădeni and Isaiia G. 11), possibly five if the observation of the archaeologist will be indeed confirmed for the skeleton in G. 3 at Bucu.

The absence of some parts of the skeleton was noticed in five cases: Cireşu G. 2 (the leg bones from the knee down are missing), Târgşor G. 227 (left forearm), Măriuţa G. 2 (left radius and humerus), Bucu G. 2 (right arm, right leg and left tibia) and Vlădeni (parts of the skull, right ilium and left tibia). At least for the time being, it is impossible to provide an explanation for this situation, all the more so since two of the skeletons were analyzed by anthropologists (Măriuţa G. 2 and Vlădeni). According to the anthropological diagnosis, the child buried in Vlădeni was suffering from iron-deficiency anemia or congenital hemolytic anemia (Miriţoiu 2006, 202).

14 of the 65 Sarmatian graves of children in Wallachia and Moldavia did not have any grave-goods (21.53%), and on the inventory of four other funerary structures (G. 23, G. 26 and G. 2 at Păuleasca and G. 4 at Valea Lupului-*Movilă*) we have no data, which means that 47 graves remain available for the grave-goods analysis.

Pottery is the most frequently registered category of inventory – 31 graves. The number of vessels deposited is low, ranging from one to three, as following: 23 burials with one vessel (Târgşor G. 261, Largu G. 3, Bucu G. 1, G. 2, G. 4, G. 7, G. 13, Cireşu G. 2, Ciulniţa G. 4, Grădiştea G. 19, Măriuţa G. 2, Olteniţa-*Iordoc* G. 4, Olteniţa-*Renie* G. 2, Spiru Haret G. 1, Vlădeni, Râmnicelu G. 16, Drăguşeni G. 2, Isaiia G. 4, G. 10, Truşeşti G. 11m, Valea Lupului G. 6, Vaslui G. 5, Ciulniţa G. 2), six graves with two vessels (Bucu G. 12, Cireşu G. 3, Cândeşti, Jilava G. 1 and G. 2, Valea Lupului G. 3) and only one certain case (Ulmeni G. 4, to which perhaps Larga Jijia G. 3 could be added) where three vessels were discovered.

The pottery found in the children graves is in most cases hand-made – 22 graves. As a rule, only one hand-made vessel was deposited (19 graves – Bucu G. 1 and G. 13, Ciulniţa G. 2 and G. 4, Drăguşeni G. 2, Isaiia G. 4 and G. 10, Jilava G. 1 and G. 2, Larga Jijia G. 3, Măriuţa G. 2, Olteniţa-*Iordoc* G. 4, Olteniţa-*Renie* G. 2, Râmnicelu G. 16, Spiru Haret G. 1, Târgşor G. 261, Valea Lupului G. 3, Vaslui G. 5, Vlădeni) and far less frequently (three cases – Bucu G. 12, Cireşu G. 3, Ulmeni G. 4) two hand-made vessels. The typology of the hand-made ceramic vessels is not very varied. The jars prevail – 18 items in 16 graves (Bucu G. 1 and G. 12, Cireşu G. 3, Ciulniţa G. 2 and G. 4, Isaiia G. 4 and G. 10, Jilava G. 1 and G. 2, Olteniţa-*Renie* G. 2, Râmnicelu G. 16, Spiru Haret G. 1, Târgşor G. 261, Ulmeni G. 4, Vaslui G. 5, Vlădeni), complemented in two cases by a lid, placed either over the vessel (Cireşu G. 3), or near the vessel (Ciulniţa G. 2), reason for which I have taken into account only one proper vessel in the latter two cases, unlike G. 2 at Drăguşeni-*La Ocoale*, where the lid was the only type of ceramic deposited. Hand-made mugs were found in three graves (Bucu G. 13, Larga Jijia G. 3 and Măriuţa G. 2), and hand-made bowls were found only in two structures (Ulmeni G. 4 and Valea Lupului G. 3).

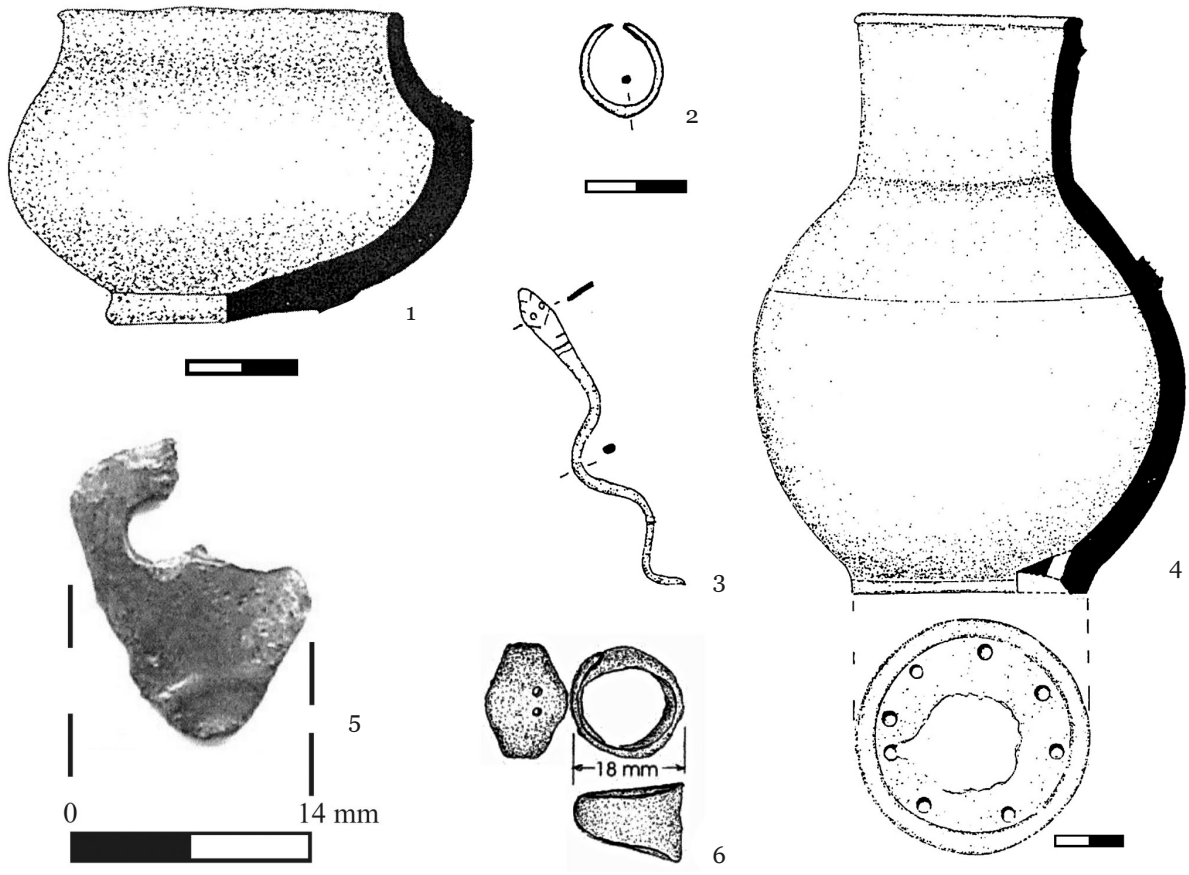
The wheel-made pottery is more rarely found in the Sarmatian children graves in Wallachia and Moldavia – 12 items in 11 graves. The only exception to the rule of depositing one vessel is the burial in Cândeşti, with two wheel-made ceramic vessels. The two types of vessels with analogies in the repertoire of Dacian wheel-made pottery (deposited in seven graves) are the mugs – five items into the same number of graves (Bucu G. 4, Cireşu G. 2, Cândeşti, Jilava G. 1, Valea Lupului G. 3) and the jugs – two vessels in two graves (Bucu G. 2 and Valea Lupului G. 6). Instead, each of the five wheel-made vessels imported from the Roman Empire belongs to a different type of vessels: cup (Cândeşti), mug (Grădiştea G. 19), jug (Bucu G. 7), pot with two handles (Jilava G. 2), added by the base of the vessel in G. 4 at Ulmeni.

The fragmentary state of the vessels in G. 3 at Largu, G. 3 at Larga Jijia and G. 11m at Truşeşti does not allow assessments on the type of vessel.

Table 4

The age and sex of the teenagers and the adults

No.	Grave	Age	Sex	Anthropological analysis
1.	Râmnicelu G. 13	16-18 years old	female	yes (Miriţoiu 2003, 205, no. 57)
2.	Dridu-tell G. 2	teenager	female	-
3.	Grădiştea G. 11	teenager	-	-
4.	Largu G. 1	teenager	-	-
5.	Bârlad-*Fabrica de confecţii* G. 1	teenager	-	-
6.	Drăguşeni-*Ostrov* G. 3	teenager	-	-
7.	Mitoc G. 1	teenager	-	? (according to N. Zaharia 1959, 20-21, the skeleton was given to be studied by Olga Necrasov)
8.	Prăjeni-*Alimândra* G. 4	teenager	-	-
9.	Truşeşti G. 6m	teenager	-	-
10.	Truşeşti G. 8m	teenager	-	-
11.	Valea Lupului-*Movilă* G. 8	teenager	-	-
12.	Drăguşeni-*Ostrov* G. 5	approximately 25 years old	female	yes (Crîşmaru 1981, 84-87, 88)
13.	Isaiia G. 9	25-30 years old	male	yes (Miu 2002-2004, 61-62)
14.	Isaiia G. 13	25-30 years old	female	yes (Miu 2002-2004, 63)
15.	Isaiia G. 14	25-30 years old	uncertain, rather female	yes (Miu 2002-2004, 63-64)
16.	Mitoc G. 3	25-30 years old	female	yes (Chirica 1979, 632, 634)
17.	Isaiia G. 5	approximately 30 years old	male	yes (Miu 2002-2004, 59-60)
18.	Isaiia G. 8	approximately 30 years old	female	yes (Miu 2002-2004, 60-61; Comşa 2015, 151-152)
19.	Vităneşti G. 2	35 years old	female	yes (Leahu, Trohani 1979, 134-139)
20.	Pogorăşti G. 3	35-40 years old	male	yes (Cristescu 1964, 329, 330, 334-336)
21.	Smeieni-*Movila Mare* G. 10	40 years old at most	male	yes (Frînculeasa et al. 2017, 186-188)
22.	Gălăţui G. 2	adult	female	yes (CCA 2001, 140-141)
	Focşani	adult	female	yes (Моринц 1959, 451-467; Untaru, Morintz 1962, 157-162)
23.	Pogorăşti G. 2	40-45 years old	male	yes (Cristescu 1964, 329, 330-334; Comşa 2015, 153, 157, 158)
24.	Smeieni-*Movila Mare* G. 2	40-45 years old	female	yes (Frînculeasa et al. 2017, 177-179)
25.	Mitoc G. 2	approximately 45 years old	male	yes (Chirica 1979, 631)
26.	Vaslui G. 1	approximately 40-50 years old	male	? (Andronic 1963, 349-351; Bârcă 2006, 368-369, no. 157)
27.	Drăguşeni-*Ostrov* G. 4	45-50 years old	male	yes (Crîşmaru 1981, 83-84, 88)
28.	Isaiia G. 12	over 50 years old	probably male	yes (Miu 2002-2004, 62, 63; Comşa 2015, 158)
29.	Smeieni-*Movila Mare* G. 3	40-60 years old	male	yes (Frînculeasa et al. 2017, 179-181)
30.	Cetatea Veche G. 1	approximately 60 years old	female	yes (Necrasov, Antoniu 1962, 116, 119; Miriţoiu 2003, 204, no. 23; Comşa 2015, 148-149)
31.	Mitoc G. 4	mature	male	yes (Şovan, Chirica 1983, 79-80)
32.	Călăraşi G. 1	mature	female	yes (Oţa, Comşa 2012, 100-101; Oţa 2015, 121; Comşa 2015, 147, 149)
33.	Gălăţui G. 3	mature	female	yes (CCA 2001, 140-141)
34.	Pogorăşti G. 4	over 60 years old	male	yes (Cristescu 1964, 329, 336-339)
35.	Isaiia G. 15	60-65 years old	female	yes (Miu 2002-2004, 64)

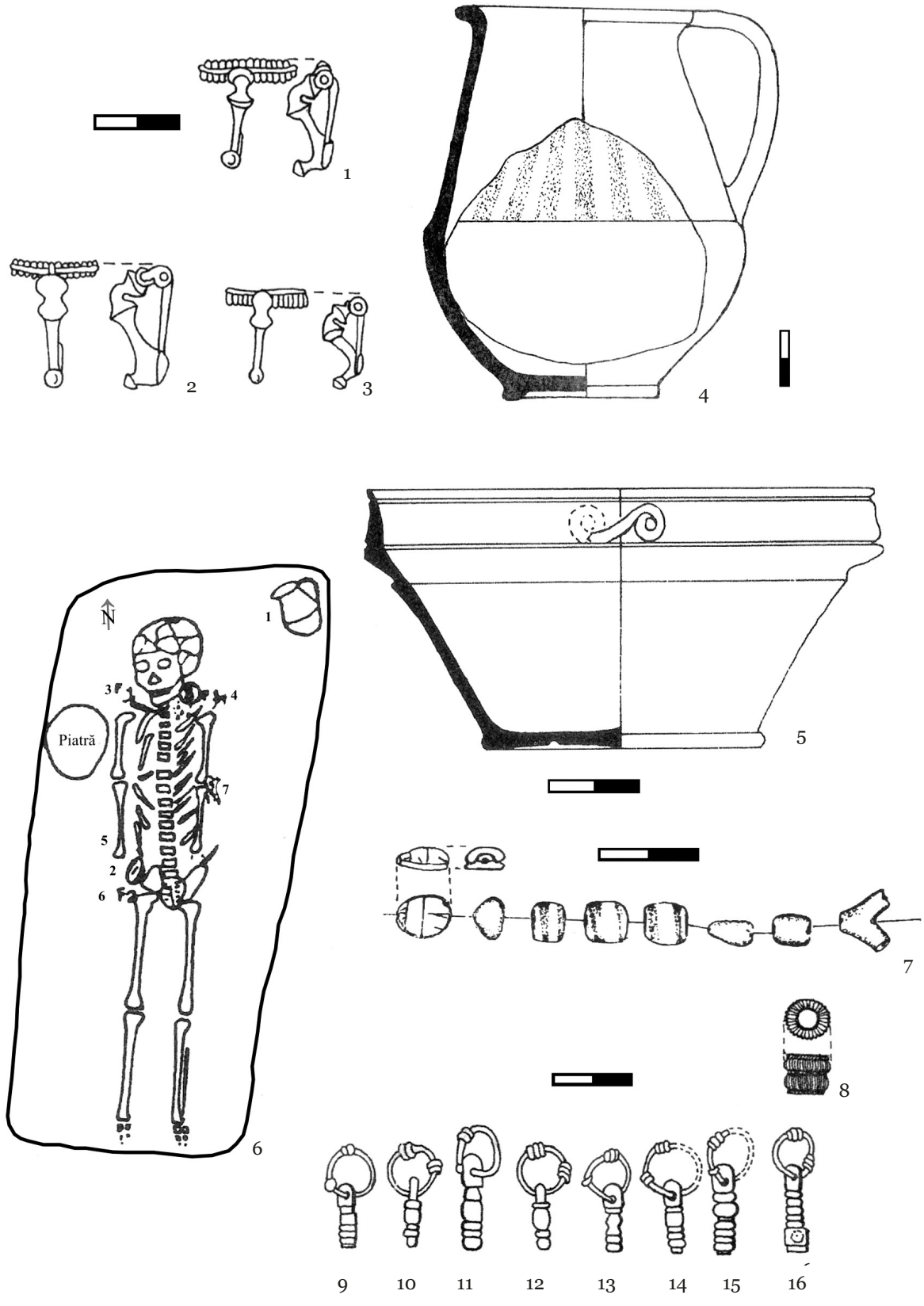


Pl. 8. 1 - Bucu G. 4 (after Renţa 2000); 2, 3 - Bucu G. 11 (after Renţa 2000); 4 - Bucu G. 7 (after Renţa 2000); 5 - Isaiia G. 6 (after Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004); 6 - Isaiia G. 10 (after Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004).

The combinations between the ceramic vessels deposited in the Sarmatian graves of children are less often associations of two vessels of the same type (two hand-made jars were discovered only in two cases – Bucu G. 12 and Cireşu G. 3), preference being given to the combination of two different vessels (five cases): jar+Dacian mug (Jilava G. 1), jar+Roman pot (Jilava G. 2), Dacian mug+Roman cup (Cândeşti), hand-made bowl and Dacian mug (Valea Lupului G. 3), jar+hand-made bowl+base of Roman vessel (Ulmeni G. 4). Unfortunately, no details are published on the fragments of vessel found along with the hand-made mug in G. 3 at Larga Jijia.

Although I would not go so far as to make a connection between a possible lower or socially disregarded status of the children with the deposition of poor quality or fragmentary grave-goods, it is nevertheless necessary to mention the deposit in three cases of intentionally cut ceramic vessels (Bucu G. 4 – pl. 8/1), repaired and perforated vessels (Bucu G. 7 – pl. 8/4) or a fragmentary vessel (Ulmeni G. 4).

Regardless of the tradition to which they belong, the ceramic vessels were deposited either near the head (15 cases: Bucu G. 1 and G. 4, Cireşu G. 2 and G. 3, Cândeşti, Isaiia G. 4, Jilava G. 1 and G. 2, Largu G. 3, Olteniţa-*Iordoc* G. 4, Râmnicelu G. 16, Spiru Haret G. 1, Ulmeni G. 4, Valea Lupului G. 6, Vaslui G. 5), or near the feet (11 cases: Bucu G. 2 and G. 7, Ciulniţa G. 4, Drăguşeni G. 2, Isaiia G. 10, Jilava G. 1 and G. 2, Măriuţa G. 2, Olteniţa-*Renie* G. 2, Târgşor G. 261, Valea Lupului G. 3). The exceptions consist of G. 2 at Ciulniţa (jar found on the knees), Vlădeni (jar deposited near the right elbow), Cândeşti (Roman cup discovered between the hip and the right arm), Truşeşti G. 11m (a few fragments of a wheel-made vessel found in the grave pit and even outside of it). When two or three vessels were found in a grave,



Pl. 9. Cândeşti. 1-3 - Brooches (after Bobi 1999); 4, 5 - pottery (after Bobi 1982-1984 and Bobi 1999); 6 - plan (after Bobi 1982-1984); 7 - beads (after Bobi 1982-1984); 8-16 - pendants (after Bobi 1999).

they were deposited grouped near the head (Ulmeni G. 4 – three vessels, Cireşu G. 3 – two jars), or near the feet (possibly Valea Lupului G. 3 – two vessels[9]), or separately, near the head and the feet (Jilava G. 1 and G. 2, possibly also Valea Lupului G. 3) or near the head and the hip (Cândeşti).

In 24 graves were found items which I classified as adornments in order not to fragment the analysis, despite the doubts raised by the fact that the exact position of the beads in five graves is unknown, and therefore their role as adornments or dress accessories is uncertain (Sîrbu et al. 2014, 108).

The beads were discovered in 21 children graves, but if we exclude five graves in which their position is not specified (Drăguşeni G. 2, Grădiştea G. 19, Isaiia G. 7, Prăjeni-*Lutărie* and Ulmeni G. 5) and Isaiia G. 10 where the beads found near the feet can be assumed to belong to the attire, therefore being rather dress accessories than adornments, then the number of burials in which adornments made of beads were discovered decreases to 15 (string/parts of a necklace at Cândeşti, Ciulniţa G. 4, Holboca G. 12, Largu G. 2, Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 3, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 13, Măriuţa G. 2, Olteniţa-*Renie* G. 8, Râmnicelu G. 3 and G. 9, Spiru Haret G. 1, Ulmeni G. 4, Valea Lupului G. 3 and G. 6 and a bracelet in G. 5 at Râmnicelu). The beads were made of usual material: glass (Cândeşti, Ciulniţa G. 4, Largu G. 2, Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 3, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 13, Râmnicelu G. 3, G. 5, G. 9, Spiru Haret G. 1, Ulmeni G. 4, Valea Lupului G. 3), bone (Măriuţa G. 2), stone (Valea Lupului G. 6) or unspecified (Olteniţa-*Renie* G. 8). The exceptions are the gold leaf beads (Holboca G. 12), the amber beads (associated with the glass beads in G. 4 at Ulmeni and with the rock crystal pearls and coral at Cândeşti) or the coral beads (Cândeşti, Largu G. 2, associated with glass beads in this latter case).

The pendants, worn either at the neck or on the hand (only one case at Cândeşti, made of silver – pl. 9/9-16) were found in six burials (Ulmeni G. 4, Isaiia G. 10, Prăjeni, Valea Lupului G. 3, Cândeşti and, with a certain degree of uncertainty due to its unusual form, Isaiia G. 6 – pl. 8/5). Except for the item in G. 10 at Isaiia which was made of a dog canine tooth, the rest of the pendants were made of bronze and the item at Cândeşti was made of silver (pl. 9/8).

Earrings manufactured without exception of bronze were found in four graves, one item (Bucu G. 11, Grădiştea G. 19, Păuleasca G. 3) or minimum two items (Prăjeni-*Lutărie*)[10]. Other types of adornments are represented by the bracelets (Cândeşti – made of eight bronze pendants (pl. 9/9-16), Bucu G. 11 – silver snake (pl. 8/3)[11], Prăjeni – made of bronze) and a ring (Isaiia G. 10 – pl. 8/6).

The beads worn around the neck were the only adornment item of most children – 11 cases, made of glass (Ciulniţa G. 4, Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 3, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 13, Râmnicelu G. 3 and G. 9, Spiru Haret G. 1), bone (Măriuţa G. 2), stone (Valea Lupului G. 6), gold leaf glass (Holboca G. 12), glass and coral (Largu G. 2) or unspecified material (Olteniţa-*Renie* G. 8). In three other burials was deposited a bronze pendant (Isaiia G. 6 – pl. 8/5), a bronze earring (Păuleasca G. 3) or a bracelet made of glass beads (Râmnicelu G. 5) as the only adornment item. The beads made of glass and amber at Ulmeni G. 4 or those made of glass at Valea Lupului G. 3 were associated with the bronze pendants. In Cândeşti (pl. 9), the set of adornments consisted of a necklace of eight pearls made of different materials (pl. 9/7), a bracelet made of eight bronze items (pl. 9/9-16) and a silver filigree pendant (pl. 9/8), perhaps worn on another bracelet. Likewise, two types of adornments were found in G. 11 at Bucu (bronze earring – pl. 8/2 and a possible silver bracelet – pl. 8/3) and G. 10 at Isaiia (pendant made of a dog canine tooth and a ring – pl. 8/6). The inventory of the grave at Prăjeni-*Lutărie* consists in several types of adornments – earrings, bracelet and pendants, possibly also a necklace or a bracelet made of beads, if the beads discovered in the abovementioned burial were worn around the neck or the hand.

[9] The authors contradict each other as regards the position of the hand-made bowl found inside the grave. In the first publication (Petrescu-Dîmboviţa et al. 1954 b, 251), the vessel is mentioned as deposited near the feet, but later (Dinu 1955, 80, taken over by Mazilu 1985-1986, 76, no. 17) the bowl is mentioned as being found near the head.

[10] The exact number of the earrings in the grave is not mentioned. However, I considered that since in the publication (CCA 1983-1992, 78, no. 53) was used the term "earrings", the plural indicates the existence of at least two such adornments.

[11] For the analogies and the classification, although with doubts, of the mentioned item as a bracelet, see Sîrbu et al. 2014, 23, no. 2.

Dress accessories were found only in four graves: brooches at Cândeşti (three fibulae, one made of silver and two of bronze – pl. 9/1-3) and Ciulniţa G. 4 (made of bronze), bronze appliqué in G. 3 at Lişcoteanca-*Moş Filon* and beads, probably sewn on the attire, in G. 10 at Isaiia.

Household tools were found in two graves: knife in G. 3 at Lişcoteanca-*Moş Filon* and lead spindle-whorl in G. 16 at Râmnicelu. The shells (G. 3 and G. 6 at Râmnicelu), the fragments of chalk (Râmnicelu G. 3 and G. 6) or charcoal (Râmnicelu G. 9), a horn cut at one end (Glăvăneştii Vechi G. 1), the animal bones (Vlădeni, Truşeşti G. 11m and Cândeşti), the astragali (Jilava G. 1) and the knucklebones (Olteniţa-*Iordoc* G. 4) complete the picture, varied at first sight, of the categories of grave-goods deposited in the Sarmatian children graves in Wallachia and Moldavia. I used the words „at first sight" because after more thorough analysis, we can speak of a frequency of the deposits only in the case of pottery (31 graves, therefore 65.95 %) and the adornment items (24 burials, therefore 51.06 %), while the rest of the categories remain only sporadic occurrences, with percentages varying between 8.51 % (dress accessories), 6.38 % (animal bones), 4.25 % (household tools, shells, chalk) and 2.12 % (charcoal, horn, astragali, knucklebones).

The number of grave-goods discovered in the Sarmatian children graves in Wallachia and Moldavia varies between one and eight/nine. In most of the graves (20) a sole inventory item was found, usually a vessel (12 cases – Bucu G. 1, G. 2, G. 4, G. 7, G. 13, Cireşu G. 2, Ciulniţa G. 2, Isaiia G. 4, Largu G. 3, Olteniţa-*Renie* G. 2, Târgşor G. 261, Vaslui G. 5), less frequently beads worn around the neck or the hand (five cases – Holboca G. 12, Largu G. 2, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 13, Olteniţa-*Renie* G. 8, Râmnicelu G. 5) and only exceptionally earring (Păuleasca G. 3), pendant (Isaiia G. 6) or horn cut at one end (Glăvăneştii Vechi G. 1). About the beads in G. 5 at Ulmeni and G. 7 at Isaiia we do not know for sure whether they were proper grave-goods (hence deposited deliberately) or dress accessories (attire adornments), therefore in the case of these two burials, there are two possibilities: they are either graves without inventory (and then the total number of burials without inventory increases to 15), or they are graves with only one inventory item (and then their number increases to 22).

13 graves had two inventory items: ceramic vessels (Bucu G. 12, Cireşu G. 3, Jilava G. 2), ceramic vessel and adornment made of beads (Măriuţa G. 2, Spiru Haret G. 1, Valea Lupului G. 6), ceramic vessel and animal bones (Vlădeni and Truşeşti G. 11m), ceramic vessel and spindle-whorl (Râmnicelu G. 16), ceramic vessel and knucklebones (Olteniţa-*Iordoc* G. 4), two adornments (Bucu G. 11), beads, probably worn on a hoop made of iron and charcoal (Râmnicelu G. 9), to which G. 2 at Drăguşeni could be added, if the beads associated to the ceramic vessel were adornment items, and not dress accessories. G. 3 at Larga Jijia and G. 19 at Grădiştea had between two and three inventory items (only ceramic vessels in the first case, ceramic vessel+earring+possibly adornment made of beads in the second case).

The number of graves containing with certainty three inventory items is seven. The ceramic vessels were found in four graves, one or two each, associated with brooch and adornment made of beads (Ciulniţa G. 4), with ring and pendant (Isaiia G. 10), with beads with pendant (Valea Lupului G. 3) or with astragali (Jilava G. 1). The shell and the chalk were associated with beads in G. 3 at Râmnicelu and with an item made of iron, impossible to determine due to decomposition, in G. 6 of the same group. The beads used as adornment, an appliqué and a knife were found in G. 3 at Lişcoteanca-*Moş Filon*.

High numbers of grave-goods were found in three burials: four (three vessels and beads with pendant at Ulmeni G. 4), four or five (earrings, bracelet, pendants, maybe also adornment made of beads at Prăjeni-*Lutărie*), eight or nine (two vessels, beads, bracelet, pendant, three brooches and bird bone perhaps from an offering, at Cândeşti).

At the end of this analysis of the funerary ritual and inventory of the children burials attributed to the Sarmatians in Wallachia and Moldavia, the general conclusion is that, speaking strictly from a funerary point of view, the children do not benefit of special funerary rules by comparison to the adults. The same funerary ritual characterizes both adults and children – the inhumation, there are no orientations or positions for depositing the body that can be found only in the case of children and the inventory did not contain items that could be considered as specific to the childhood universe.

Overall modest, actually as in the case of most Sarmatian graves in Wallachia and Moldavia, the inventory of the children burials registers however two remarkable exceptions – Cândeşti (pl. 9) and Bucu G. 11 (pl. 8/2-3), characterized by the deposition of silver adornments (pendant and brooch at Cândeşti, bracelet at Bucu), which are among the few jewels made of precious metal deposited in the Sarmatian graves in Wallachia and Moldavia. If, indeed, in the case of the Sarmatian communities in Wallachia and Moldavia, the funerary inventory reflects the social status during life and it is not just a transformation, an option unrelated to the social status during life or even a compensatory choice in the case of a lower status (Pearce 2000, 3-5, 8), these two exceptions seem to confirm the hypothesis of a possible inheritance of the social status, also noted in some graves of children in the area of the lower Volga (Мордвинцева 2015, 116).

An overview of the main features of funerary ritual of some of the Sarmatian groups of graves for which the age of *all* the deceased is known could complete the analysis, suggesting at the same time certain possible questions for a future research.

In Râmnicelu, 16 graves were discovered – eight belonging to children, seven to adults and one undetermined grave. The most frequent orientation is in the E-W direction – 10 cases (five graves of adults and the same number of children). It is true that G. 9 which belonged to a child was the only grave in the group oriented in the E-W direction, but considering the Sarmatian burials in the Brăila Plain as a whole, it is part of a group of nine funerary structures that reunite both adults and children[12]. As regards the number of inventory items, three graves of children and two graves of adults did not have grave-goods, in one child grave and four adult graves there was only one item deposited (ceramic vessel in two cases, adornment item and weapon in the graves of adults and beads bracelet in the child grave), four graves of children, one adult grave and one undetermined grave had two and three inventory items. A concentration of Roman imports can indeed be noticed in the graves of children (out of four funerary structures with such items, three belonged to children), but this situation could be explained not so much by a possible abundance of valuable items in the children graves, but much simpler, by the fact that these imported items barely consist of a few beads. The only feature truly specific to the burials of children at Râmnicelu is the arrangement in a row of the graves of children, at the center of the tell.

What first draws attention to the group of 13 graves at Isaiia is the fact that all six children died very young, under one year of age. The four graves of children for which orientation could be determined were in the same direction, N-S, with variations just like the seven graves of adults, and the most frequent position, the supine position with arms and legs extended, equally characterized children (three cases) and adults (also three cases). Two graves of children certainly had no inventory, or maybe three graves, if the beads in G. 7 belonged to the category of dress accessories, and in two other graves of children a single item was deposited. The possible observation related to the deposition of a small number of items or the absence of inventory in the case of the children at Isaiia also registers a notable exception – G. 10, not only by the number of objects (three), but also by the presence of an adornment whose type (ring) and diameter (2 cm) suggests the adult universe.

The trend noted in the case of the graves of children at Isaiia – the absence of grave-goods or the deposit of a rather small number of items can be also confirmed in the case of the group of graves at Bucu (out of nine burials of children, two had no inventory and five had a sole item). Not many observations can be made on the position of the children skeletons, due to the fact that most of them were destroyed. However, in terms of orientation, except for four burials of children for which the orientation was impossible to determine, the rest of the burials, i.e. five belonging to adults and five to children, were in the N-S direction, with the NW-SE and NE-SW variants.

The two graves of children at Grădiştea had the same orientation (N-S, with the NW-SE variant) and position (body laid out in supine position, with arms and legs extended) as most of the seven graves of adults. The same trend noticed at Isaiia and Bucu, namely the absence of inventory or the

[12] Oţa, Sîrbu 2009, 140. On the contrary, the exceptional feature of the S-N orientation of M. 6 at Lişcoteanca-*Movila Olarului* which belonged to a child, too, stands out not only within the abovementioned group but also throughout the Sarmatian burials in the Brăila Plain, where only three graves out of 66 determined had such an orientation (Oţa, Sîrbu 2009, 140).

deposit of a small number of items is visible also in the case of the children burials at Grădiştea[13].

The heterogeneity of the positions is taken to the extreme in the case of the group at Lişcoteanca-*Moş Filon*, where each of the six deceased was deposited in a different position, regardless of whether adults or children. Most graves – three of adults and the two of children were oriented in the N-S direction, with the NW-SE and NE-SW variants. Taking into account the inventory, the two children burials are opposite – G. 4 was completely devoid of inventory, while G. 3 is, along with two other graves of adults, among the interments with high number (three) of grave-goods, at least for the group in Lişcoteanca-*Moş Filon*. There is something that should also be noted in relation to the three abovementioned graves that each had three inventory items – G. 1, G. 7 and G. 3. Both graves of adults, G. 1 and G. 7, were characterized by the presence of a weapon, namely the dagger. Although I have underlined the ambivalence of the knife – which, at least in the case of the Sarmatian graves in Wallachia and the Roman graves in Moesia Inferior (Oţa, Sîrbu, Matei 2013, 337) is found not only in graves of men but also in graves of women, and although the sex of the child in G. 3 at Lişcoteanca-*Moş Filon* is unknown, it is however interesting to notice the presence of the weapons and knife in all three graves with great number of grave-goods at Lişcoteanca-*Moş Filon*.

The groups of graves at Spiru Haret, Mitoc and Drăguşeni have as a common feature the presence of a single child grave, with the same orientation and position as the rest of the graves of adults. The differences concern the inventory. At Drăguşeni, the child grave does not stand out among the graves as a whole, which are characterized by the presence of a small number of inventory items. In Mitoc and Spiru Haret however, the graves of children are individualized either by the absence of inventory in the case of Mitoc (all the more striking as the remaining five graves had between two and eight grave-goods), or by the presence of two items in the case of Spiru Haret (in contrast to the absence of inventory in the two graves of adults).

Of course, having so little anthropological data, this approach can be criticized for not revealing, in fact, anything about the real status of children within the Sarmatian communities in Wallachia and Moldavia. The information on the structure of the society that could be inferred from the study of the archaeological data about the graves (funerary rite, grave layout, orientation and position of the body, grave-goods) is however distorted by the fact that it represents the choices of the participants at the funerary ceremony, therefore they do not reflect directly the realities of the lives of the buried individuals, but images of their life and social role generated by the minds of those who perform the burial (Härke 1993, 142; Härke 1994, 32, 34). This distortion is worse still in the case of the burials of children, because our vision of the universe of children in antiquity is mediated by the adults who have deposited inside the graves items that might not have coincide with the child's preferences or ideas about the world (Dasen 2012, 12), but they correspond to their own ideas and way of thinking. It is obvious that a large part of the anthropological information about the skeletons of the Sarmatians in Wallachia and Moldavia will never be recovered, for the simple fact that the circumstances of the discovery (detailed at the beginning of this study) no longer allow it. I believe, however, that an analysis showing the variability (Jones 1993, 250) of the funerary practices in case of children could still be a gain, not only because it synthesizes the data currently available, but most of all because it provides an assessment of the current state of the information, useful, I hope, in formulating suggestions for future research.

[13] Due to the fact that the age of the buried individuals is unknown in two of the 10 graves at Largu, therefore a margin of uncertainty may be invoked, I prefer to mention in a note that the group at Largu could be classified among the groups in which the graves of children had a small number of grave-goods (only one). At least for now, the observation about the absence or the small number of inventory items also applies to the group at Lişcoteanca-*Movila Olarului*, with the caution imposed by the fact that if all three deceased for whom the age could not be determined would have been children, then a possible exception would have been also recorded, more precisely a grave with three inventory items. However, in the case of both groups, a small number of grave-goods were deposited in most burials.

Catalogue of children graves (pl. 1):

MOLDAVIA:

1. **Cândeşti**
(comm. of Dumbrăveni, Vrancea County)
Coasta Banului **G. 71** (Bobi 1982-1984, 333-335; Bichir 1993, 143, 145; Babeş 1999, 230; Bobi 1999, 98, 141, 166, 178, 182, 183, 185, 227; Bârcă 2006, 302-303, no. 46);

2. **Drăguşeni**
(comm. of Drăguşeni, Botoşani County)
La Ocoale **G. 2** (Crîşmaru 1977, 134-135);

3. **Glăvăneştii Vechi**
(comm. of Andrieşeni, Iaşi County)
La Ghilitoare **G.** (Nestor et alii 1950, 28-29; Nestor et alii 1951, 64-65; Bichir 1971, 275, 276, 277; Bichir 1972, 138, 141, 156; Bichir 1977, 171, 172, 184; Chirica, Tanasachi 1984, 37, 38, no. II. 5. B; Bichir 1985, 1168; Mazilu 1985-1986, 74, no. 12);

4. **Holboca**
(comm. of Holboca, Iaşi County)
La cimitir **G. 12** (SCIV 1952, 107; Bichir 1971, 279; Bichir 1972, 139, 156; Bichir 1977, 172, 185; Chirica, Tanasachi 1984, 171, 173, no. XXXV. 1. C; Bichir 1985, 1167, 1169; Mazilu 1985-1986, 77, no. 18);

5. **Isaiia**
(comm. of Răducăneni, Iaşi County)
Balta Popii **G. 4** (Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004, 28, 40 and Annex 1), **G. 6** (Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004, 30, 38; Miu 2002-2004, 60), **G. 7** (Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004, 31-32, 38; Miu 2002-2004, 60), **G. 10** (Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004, 31-32, 38; Miu 2002-2004, 62), **G. 11** (Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004, 32, 36; Miu 2002-2004, 62; Comşa 2015, 151), **G. 16** (Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004, 35, 36; Miu 2002-2004, 64);

6. **Larga Jijia**
(comm. of Movileni, Iaşi County)
La Grădină **G. 3** (SCIV 1952, 55; Bichir 1977, 175; Mazilu 1985-1986, 74, no. 13);

7. **Mitoc**
(comm. of Mitoc, Botoşani County)
Malul Galben **G. 5** (Şovan, Chirica 1983, 80; Mazilu 1985-1986, 69, no. 1);

8. **Prăjeni**
(comm. of Prăjeni, Botoşani County)
Lutărie **G.** (CCA 1983-1992, 78, no. 53);

9. **Truşeşti**
(comm. of Truşeşti, Botoşani County)
Ţugueta **G. 11m** (Petrescu-Dîmboviţa et alii 1954 a, 19; Petrescu-Dîmboviţa, M. Florescu, A. Florescu 1999, 617);

10. **Valea Lupului**
(comm. of Valea Lupului, Iaşi County)
Movilă **G. 3** (Petrescu-Dîmboviţa et al. 1954b, 251; Dinu 1955, 80; Bichir 1971, 278, 279; Bichir 1972, 145, 156; Bichir 1977, 184; Bichir 1985, 1170; Chirica, Tanasachi 1985, 346; Mazilu 1985-1986, 76, no. 17), **G. 4** (Dinu 1957, 174; Chirica, Tanasachi 1985, 346, no. LXII. 5. B. II. 3), **G. 6** (Dinu 1957, 174; Chirica, Tanasachi 1985, 346, no. LXII. 5. B. II. 3)

11. **Vaslui**
(town, Vaslui County)
Curţile Domneşti **G. 5** (Andronic, Neamţu, Banu 1962, 94; Andronic 1979, 168-169; Mazilu 1985-1986, 79, no. 24; Bichir 1993, 149; Bârcă 2006, 369-370, no. 158);

WALLACHIA:

12. **Bucu**
(comm. of Bucu, Ialomiţa County)
Pochină **G. 1** (Renţa 2000, 39; *Muntenia* 2001, no. 105; Sîrbu et al. 2014, 16-17, 123), **G. 2** (Renţa 2000, 39; *Muntenia* 2001, no. 121; Sîrbu et al. 2014, 17, 123), **G. 3** (Renţa 2000, 39; Sîrbu et al. 2014, 17-18, 123), **G. 4** (Renţa 2000, 39; Muntenia 2001, no. 123; Sîrbu et al. 2014, 18, 123), **G. 5** (Renţa 2000, 40; Sîrbu et al. 2014, 18, 123), **G. 7** (Renţa 2000, 40; Muntenia 2001, no. 120; Sîrbu et al. 2014, 19-20, 123), **G. 11** (Renţa 2000, 41-42; Sîrbu et al. 2014, 22-23, 123), **G. 12** (CCA 2005, 99; Sîrbu et al. 2014, 23, 123), **G. 13** (CCA 2005, 99; Sîrbu et al. 2014, 23-24, 123);

13. **Cireşu**
(comm. of Cireşu, Brăila County)
G. 2 (Harţuche 1980a, 241, 245, no. 12; Sîrbu 1980, 27, 30; Sîrbu 1986, 189, 190; Oţa, Sîrbu 2009, 120), **G. 3** (Harţuche 1980a, 241, 242, 243; Sîrbu 1980, 30; Oţa, Sîrbu 2009, 120);

14. **Ciulniţa**
(comm. of Ciulniţa, Ialomiţa County)
T. II G. 2 (CCA 1994, 23; Barnea 1995, 282, no. 5; Renţa 2016, 86), **T. III G. 4** (CCA 1994, 23; Barnea 1995, 282, no. 5; Renţa 2016, 95-96);

15. **Grădiştea**
(comm. of Grădiştea, Brăila County)
Mormântul Elizei **G. 12** (Harţuche 1980b, 322; Harţuche, Anastasiu, Sîrbu 1983, 51; Oţa, Sîrbu 2009, 122), **G. 19** (Harţuche 1980a, 246; Harţuche 1980b, 322; Harţuche, Anastasiu, Sîrbu 1983, 51, 55, 56; Oţa, Sîrbu 2009, 123);

16. **Jilava**
(comm. of Jilava, Ilfov County)
Măgura Jilavei **G. 1** (Rosetti 1934, 208; Tzony 1975, 283; Bichir 1977, 177), **G. 2** (Rosetti 1934, 209);

17. **Largu**
(comm. of Largu, Buzău County)
Cornul Malului **G. 2** (Dragomir 1959, 476, 477; Dragomir, Croitoru 2011, 41), **G. 3** (Dragomir 1959, 476, 477, 479, 480; Dragomir, Croitoru 2011, 41);

18. **Lişcoteanca**
(comm. of Bordei Verde, Brăila County)
Moş Filon **G. 3** (Harţuche 1980a, 210, 244; Bichir 1977, 184; Miriţoiu 2003, 205, no. 40; Oţa, Sîrbu 2009, 125), **G. 4** (Harţuche 1980a, 210; Oţa, Sîrbu 2009, 125);

19. **Lişcoteanca**
(comm. of Bordei Verde, Brăila County)
Movila Olarului **G. 2** (Harţuche 1980a, 206; Bichir 1977, 172; Bichir 1985, 1167; Oţa, Sîrbu 2009, 125), **G. 6** (Harţuche 1980a, 206; Bichir 1977, 172, 184; Bichir 1985, 1167; Oţa, Sîrbu 2009, 127), **G. 13** (Harţuche 1980a, 207; Oţa, Sîrbu 2009, 128);

20. **Măriuţa**
(comm. of Belciugatele, Călăraşi County)
La Movilă **G. 2** (Lazăr, Parnic 2007, 139-140; Gătej, Soficaru, Miriţoiu 2007, 160; Sîrbu et al. 2014, 54-55, 129; Comşa 2015, 152);

21. **Olteniţa**
(town, Călăraşi County)
Iordoc **G. 4** (Morintz, Ionescu 1968, 101; Morintz, Ionescu 1970, 38; Sîrbu et al. 2014, 61, 123-124);

22. **Olteniţa**
(town, Călăraşi County)
Renie **G. 2** (Sîrbu et al. 2014, 64, 121-122), **G. 8** (Sîrbu et al. 2014, 67-68, 121-122);

23. **Păuleasca**
(comm. of Frumoasa, Teleorman County)
G. 23 (Comşa, Bichir 1973, 318; Sîrbu et al. 2014, 70, 126), **G. 26** (Comşa, Bichir 1973, 318; Sîrbu et al. 2014, 70, 126), **G. 2** (Sîrbu et al. 2014, 72, 126), **G. 3** (Sîrbu et al. 2014, 72, 126);

24. **Râmnicelu**
(comm. of Râmnicelu, Brăila County)
Popină **G. 3** (Harţuche 1980a, 217; Bichir 1977, 186, 187; Oţa, Sîrbu 2009, 130), **G. 4** (Harţuche 1980a, 217; Oţa, Sîrbu 2009, 130), **G. 5** (Harţuche 1980a, 217; Oţa, Sîrbu 2009, 130), **G. 6** (Harţuche 1980a, 217; Bichir 1977, 186, 187; Oţa, Sîrbu 2009, 130-131), **G. 8** (Harţuche 1980a, 217, 218; Oţa, Sîrbu 2009, 131), **G. 9** (Harţuche 1980a, 218; Bichir 1977, 174; Bichir 1985, 1169; Oţa, Sîrbu 2009, 131), **G. 16** (Harţuche, Anastasiu 1976, 230, no. 473; Harţuche 1980a, 222, 243; Bichir 1977, 184; Oţa, Sîrbu 2009, 132), **G. 20** (Harţuche 1980a, 224; Oţa, Sîrbu 2009, 132);

25. **Spiru Haret**
(comm. of Berteştii de Jos, Brăila County)
Cornu Malului **G. 1** (Harţuche, Anastasiu 1976, 228, no. 465; Harţuche 1980a, 224, 243; Harţuche 1980b, 333; Bichir 1977, 172, 174, 193; Oţa, Sîrbu 2009, 133);

26. **Târgşoru Vechi**
(comm. of Târgşoru Vechi, Prahova County)
G. 220 (Diaconu 1963, 324, 325; Diaconu 1965, 19, 21; Bichir 1971, 277; Bichir 1972, 144; Bichir 1977, 173; Bichir 1985, 1168), **G. 227** (Diaconu 1965, 21), **G. 261** (Diaconu 1963, 325, 334; Diaconu 1965, 19, 22, 23);

27. **Ulmeni**
(comm. of Ulmeni, Călăraşi County)
G. 4 (Morintz, Ionescu 1968, 110, 111; Morintz, Ionescu 1970, 40, 41, 42, 43, 45, 46; Bichir 1972, 156, note 24a; Bichir 1977, 185; Sîrbu et al. 2014, 81-82, 127-128), **G. 5** (Morintz, Ionescu 1968, 110; Morintz, Ionescu 1970, 40, 41, 45, 46; Bichir 1972, 156, note 24a; Bichir 1977, 185; Sîrbu et al. 2014, 82, 127-128);

28. **Vlădeni**
(comm. of Vlădeni, Ialomiţa County)
Popina Blagodeasca **G. 1** (Sîrbu, Corbu 2006, 195-199; Miriţoiu 2006, 201-206; Sîrbu et al. 2014, 90, 129, 130, 132; Comşa 2015, 153, 156, 157).

English version: Alexandra Decu

Bibliography

Andronic 1963: A. Andronic, Un mormânt sarmatic descoperit la Vaslui. SCIV XIV/2, 1963, 347-360.

Andronic 1979: A. Andronic, În legătură cu datarea descoperirilor sarmatice de la Vaslui. Carpica XI, 1979, 165-169.

Andronic, Neamţu, Banu 1962: A. Andronic, E. Neamţu, F. Banu, Săpăturile de salvare de la Vaslui. MCA VIII, 1962, 88-101.

Babeş 1999: M. Babeş, Ein Tamga-Zeichen aus der Dakischen Siedlung von Ocniţa (Buridava). In: (Eds. N. Boroffka, T. Soroceanu), Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur Älteren Geschichte des Südöstlichen Mitteleuropa (Rahden/Westf. 1999), (coll. Internationale Archäologie, Studia honoraria, Band 7), 223-239.

Barnea 1995: Al. Barnea, Cronica cercetărilor arheologice efectuate în 1994 de Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan" din Bucureşti. SCIVA 46/3-4, 1995, 281-290.

Bârcă 2006: V. Bârcă, Istorie şi civilizaţie. Sarmaţii în spaţiul est-carpatic (sec. I a. Chr. - începutul sec. II p. Chr.) (Cluj-Napoca 2006).

Bichir 1971: Gh. Bichir, Les Sarmates sur le territoire de la Roumanie. In: Actes du VIIIe Congrès des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Beograd 9-15 septembre 1971, I, Rapports généraux (Belgrade 1971), 275-285.

Bichir 1972: Gh. Bichir, Sarmaţii la Dunărea de Jos în lumina ultimelor cercetări. Pontica V, 1972, 137-176.

Bichir 1977: Gh. Bichir, Les Sarmates au Bas-Danube. Dacia N.S. XXI, 1977, 167-197.

Bichir 1985: Gh. Bichir, Sarmaţii şi relaţiile lor cu geto-dacii (II). Revista Istorică 38/12, 1985, 1164-1177.

Bichir 1993: Gh. Bichir, Date noi cu privire la pătrunderea sarmaţilor în teritoriul geto-dacic (I). SCIVA 44/2, 1993, 135-169.

Bichir 1996: Gh. Bichir, Date noi cu privire la pătrunderea sarmaţilor în teritoriul geto-dacic (II). SCIVA 47/3, 1996, 297-312.

Bobi 1982-1984: V. Bobi, Mormântul 71 descoperit în necropola de la Cândeşti-Vrancea. Vrancea V-VII, 1982-1984 (published 1987), 333-341.

Bobi 1999: V. Bobi, Civilizaţia geto-dacilor de la curbura Carpaţilor (sec. VI î. Chr. - II d. Chr.) (Bucureşti 1999) (coll. Bibliotheca Thracologica XXIX).

Buzdugan 1981: C. Buzdugan, Cercetările arheologice de la Giurcani, jud. Vaslui. CAMNI IV, 1981, 7-19.

Buzdugan 1982: C. Buzdugan, Săpăturile arheologice din anul 1980 de la Giurcani, jud. Vaslui. CAMNI V, 1982, 29-35.

Căpitanu 1979: V. Căpitanu, Raport privind săpăturile arheologice de la Răcătău, [judeţul Bacău]. MCA XIII, 1979, 139-141.

Chirica 1979: V. Chirica, Morminte sarmatice descoperite la Mitoc (jud. Botoşani). SCIVA 30/4, 1979, 631-636.

Chirica, Tanasachi 1984: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi, vol. I (Iaşi 1984).

Chirica, Tanasachi 1985: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi, vol. II (Iaşi 1985).

Comşa 2015: Al. Comşa, An overview regarding the anthropological investigations about the Sarmatians in the Muntenia and Moldova funerary finds. In: (Ed. B. Ciupercă), Arheologia mileniului I p. Chr. IV. Nomazi şi autohtoni în mileniul I p. Chr. (Brăila 2015), 145-165.

Comşa, Bichir 1973: M. Comşa, Gh. Bichir, Date preliminare cu privire la necropola de la Păuleasca. SCIV 24/2, 1973, 317-320.

Cristescu 1964: M. Cristescu, Studiul antropologic al scheletelor din secolul al III-lea e. n. descoperite la Pogorăşti (raionul Botoşani, reg. Suceava). ArhMold II-III, 1964, 329-340.

Crîşmaru 1977: A. Crîşmaru, Drăguşeni. Contribuţii la o monografie arheologică (Bacău 1977).

Crîşmaru 1981: A. Crîşmaru, Descoperiri sarmatice pe valea Podrigei, judeţul Botoşani. Hierasus 1, 1981, 83-90.

CCA 1983-1992: Cronica cercetărilor arheologice din România (1983-1992) (Bucharest 1997).

CCA 1994: Cronica cercetărilor arheologice din România, campania 1994 (Cluj-Napoca 1995).

CCA 2001: Cronica cercetărilor arheologice, campania 2001 (Bucharest 2001).

CCA 2005: Cronica cercetărilor arheologice din România, campania 2005 (Bucharest 2006).

Curta 2009: F. Curta, Some remarks on ethnicity in medieval archaeology. In: F. Curta, Text, Context, History and Archaeology. Studies in Late Antiquity and the Middle Ages (Bucharest-Brăila 2009), 293-319.

Dan 2017: A. Dan, The Sarmatians: Some Thoughts on the Historiographical Invention of a West Iranian Migration. In: (Eds. F. Wiedermann, K. P. Hofmann, J. Gehrke) Vom Wandern der Völker. Migrationserzählungen in den Altertumswissenschaften (Berlin 2017), (coll. Berlin Studies of the Ancient World), 97-134.

Dasen 2012: V. Dasen, Cherchez l'enfant! La question de l'identité à partir du matériel funéraire. In: (Eds. A. Hermary, C. Dubois), L'enfant et la mort dans l'Antiquité. III. Le matériel associé aux tombes d'enfants. Actes de la table ronde internationale organisée à la Maison Méditerranéenne des Sciences de l'Homme (MMSH) d'Aix-en-Provence, 20-22 janvier 2011, (Arles-Aix-en-Provence 2012), (coll. Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine 12), 9-22.

Diaconu 1963: Gh. Diaconu, Despre sarmaţi la Dunărea de Jos în lumina descoperirilor de la Tîrgşor. SCIV 14/2, 1963, 323-343.

Diaconu 1965: Gh. Diaconu, Tîrgşor – Necropola din secolele III-II e.n. (Bucharest 1965) (coll. Biblioteca de Arheologie VIII).

Diaconu 2010: V. Diaconu, Hăneşti-Botoşani: mărturii arheologice şi istorice (Piatra-Neamţ 2010) (coll. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis XXV).

Dinu 1955: M. Dinu, Descoperirile arheologice de la Valea Lupului – Iaşi. AŞUIaşi secţiunea III, tom I, fasc. 1-2, 1955, 65-86.

Dinu 1957: M. Dinu, Şantierul arheologic Valea Lupului. MCA III, 1957, 161-178.

Dinu 1959a: M. Dinu, Şantierul arheologic de la Valea Lupului. MCA V, 1959, 247-256.

Dinu 1959b: M. Dinu, Şantierul arheologic de la Valea Lupului. MCA VI, 1959, 203-211.

Dragomir 1957: I.T. Dragomir, Vestigii arheologice pe valea Călmăţuiului. MCA III, 1957, 300-310.

Dragomir 1959: I.T. Dragomir, Raport asupra săpăturilor întreprinse la Largu (r. Filimon Sîrbu, reg. Galaţi). MCA V, 1959, 475-482.

Dragomir, Croitoru 2011: I.T. Dragomir, C. Croitoru, La nécropole sarmatique de Largu (dép. de Buzău). Istros XVII, 2011, 31-54.

Drîmbocianu 1981: V. Drâmbocianu, Şantierul arheologic de salvare din punctul Buzău-sud. Mousaios 3, 1981, 50-57.

Effros 2006: B. Effros, Grave goods and the ritual expression of identity. In: (Ed. Th. F. X. Noble) From Roman provinces to Medieval kingdoms (London and New York 2006), 157-192.

Frînculeasa et al. 2017: A. Frînculeasa, A. Simalcsik, B. Preda, D. Garvăn, Smeeni – Movila Mare. Monografia unui sit arheologic regăsit (Târgovişte 2017).

Gătej, Soficaru, Miriţoiu 2007: M. Gătej, A. Soficaru, N. Miriţoiu, Expertiza umană a osemintelor umane de la Măriuţa (com. Belciugatele, jud. Călăraşi). Studii de Preistorie 4, 2007, 159-167.

Graenert 2004: G. Graenert, Sind die «reichen» Kindergräber wirklich reich? Die Beigabensitte bei Kindern in der merowingerzeitlichen Burgundia. In: (Eds. G. Graenert, R. Marti, A. Motschi, R. Windler) Hüben und Drüben. Räume und Grenzen in der Archäologie des Frühmittelalters. Festschrift für Prof. Max Martin zu seinem fünfundsechzigsten Geburtstag (Liestal 2004) (coll. Archäologie und Museum Band 48), 159-188,.

Harhoiu 1998: R. Harhoiu, Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien (Bucharest 1998) (coll. Archaeologia Romanica I).

Harţuche 1980a: N. Harţuche, Descoperiri sarmatice din zona Brăilei. Istros I, 1980, 191-251.

Harţuche 1980b: N. Harţuche, Preliminarii la repertoriul arheologic al jud. Brăila. Istros I, 1980, 281-354.

Harţuche, Anastasiu 1976: N. Harţuche, F. Anastasiu, Catalogul selectiv al colecţiei de arheologie a Muzeului Brăilei (Brăila 1976).

Harţuche, Anastasiu, Sîrbu 1983: N. Harţuche, F. Anastasiu, V. Sîrbu, Săpăturile de salvare de la Grădiştea, j. Brăila (Punctul "Mormântul Elizei" – necropolă). Istros II-III, 1983, 49-59.

Härke 1993: H. Härke, Intentionale und functionale Daten. Ein Beitrag zur Theorie und Methodik der Gräberarchäologie. ArchKorr 23/1, 1993, 141-146.

Härke 1994: H. Härke, Data types in burial analysis. In: (Ed. B. Stjernquist), Prehistoric Graves as a Source of Information: Symposium at Kastlösa, Öland, May 21-23, 1992 (Stockholm 1994) (coll. Konferenser 29), 31-39.

Ioniţă 1964: I. Ioniţă, Noi descoperiri sarmatice pe teritoriul Moldovei. ArhMold II-III, 1964, 311-328.

Ioniţă 1976: I. Ioniţă, Pogorăşti. In: (Coord. D.M. Pippidi), Dicţionar de istorie veche a României (paleolitic - sec. X) (Bucharest 1976), 475.

Ioniţă, Mamalaucă, Vornic 2009: I. Ioniţă, M. Mamalaucă, V. Vornic, Antichitatea târzie în bazinul Prutului. Catalog (Bârlad 2009).

Istvánovits, Kulcsár 2011: E. Istvánovits, V. Kulcsár, Satana and Others: Priestesses, Witches and Queens of the Steppe-Region. In: (Ed. D. Quast), Weibliche Eliten in der Frühgeschichte/Female Elites in Protohistoric Europe, Internationale Tagung vom 13. bis 14. Juni 2008 im RGZM im Rahmen des Forschungsschwerpunktes «Eliten» (Mainz 2011), 201-218.

Lazăr, Parnic 2007: C. Lazăr, V. Parnic, Date privind unele descoperiri funerare de la Măriuţa-La Movilă. Studii de Preistorie 4, 2007, 135-157.

Leahu, Trohani 1979: V. Leahu, G. Trohani, Săpăturile arheologice de la Vităneşti, jud. Teleorman. CAMNI III, 1979, 127-141.

Jones 1993: R. Jones, Rules for the living and the dead : funerary practices and social organization. In: (Ed. Manuela Struck), Römerzeitliche Gräber als Quellen zu Religion, Bevölkerungsstruktur und Sozialgeschichte. Internationale Fachkonferenz vom 18.-20. Februar 1991 im Institut für Vor- und Frühgeschichte der Johannes Gutenberg-Universität Mainz (Mainz 1993), (coll. Archäologische Schriften der Institut für Vor- und Frühgeschichte der Johannes Gutenberg-Universität Mainz 3), 247-254.

Mazilu 1985-1986: R.A. Mazilu, Contribuţii la problema relaţiilor sarmato-dacice şi sarmato-romane în lumina descoperirilor arheologice din Moldova. Acta Moldaviae Meridionalis VII-VIII, 1985-1986, 65-97.

Miriţoiu 2003: N. Miriţoiu, Sarmatische Gräber mit künstlich deformierten Schädeln in Muntenien. In: (Ed. C von Carnap-Bornheim), Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12.-16. Februar 1998 (Neumünster 2003), 204-205.

Miriţoiu 2006: N. Miriţoiu, Analiza antropologică a mormântului sarmatic de la Vlădeni-Popina Blagodeasca (jud. Ialomiţa). Istros XIII, 2006, 201-206.

Miu 2002-2004: G. Miu, Studiul antropologic al scheletelor din necropola sarmatică de la Isaiia. CercetIstIaşi S.N. XXI-XXIII, 2002-2004, 59-71.

Mordvinceva 2009: V. Mordvinceva, Die Sarmaten und Phaleren des graphischen Stils im nördlichen Schwarzmeergebiet (3.–1. Jh. v. Chr.). Fragen zur kulturellen Zugehörigkeit. In: J. Apakidze, B. Govedarica, B. Hänsel (eds.), Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000 – 500 v. Chr.). Kommunicationsebenen zwischen Kaukasus und Karpaten. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für die Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Tiflis/Georgien (17. – 20. Mai 2007) (Rahden/Westf. 2009) (coll. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 25), 228-238.

Mordvintseva 2013: V. Mordvintseva, The Sarmatians: The Creation of Archaeological Evidence. Oxford Journal of Archaeology 32(2), 2013, 213-219.

Morintz, Ionescu 1968: S. Morintz, B. Ionescu, Cercetări arheologice în împrejurimile oraşului Olteniţa (1958-1967). SCIV 19/1, 1968, 95-128.

Morintz, Ionescu 1970: S. Morintz, B. Ionescu, Mormintele sarmatice din sud-estul judeţului Ilfov. In: (Red. R. Florescu, A. Pavel), Sesiunea de Comunicări a Muzeelor de Istorie 1964, vol. II (Bucharest 1970) (coll. Biblioteca Muzeelor VII), 37-54.

Muntenia 2001: Muntenia în secolele II - IV p. Chr. Catalog expoziţie 18 octombrie - 30 noiembrie 2001, Muzeul Municipiului Bucureşti (Bucharest 2001).

Necrasov, Antoniu 1962: O. Necrasov, S. Antoniu, Sur un crâne présentant une déformation „macrocéphale", découvert à Tatina-Spanţov. AŞUIaşi 8/1, 1962, 115-119.

Nestor et al. 1950: I. Nestor et alii, Activitatea şantierului de săpături arheologice Iaşi-Botoşani-Dorohoi. SCIV I, 1950, 27-32.

Nestor et al. 1951: I. Nestor et alii, Săpăturile de pe şantierul Valea Jijiei (Iaşi-Botoşani-Dorohoi) în anul 1950. SCIV II/1, 1951, 51-76.

Niculescu 2003: Gh. Al. Niculescu, Die sarmatische Kultur im Zusammenhang der kaiserzeitlichen archäologischen Funde aus Muntenien – unter besonderer Berücksichtigung der Funde von Tîrgşor. In: (Ed. C. von Carnap-Bornheim), Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12.-16. Februar 1998 (Neumünster 2003), 177-205.

Olbrycht 2000: M.J. Olbrycht, Notes on the presence of Iranian peoples in Europe and their Asiatic relations. In: (Eds. J. Pstrusińska, A. Fear) Collectanea Celto-Asiatica Cracoviensia (Kraków 2000), 101-140.

Oţa 2007: L. Oţa, Sarmaţii din Muntenia şi Imperiul roman. AnB S. N., Arheologie-Istorie, XV, 2007, 51-55.

Oţa 2015: L. Oţa, Despre mormintele aparţinând unor indivizi cu cranii deformate la sarmaţii din Muntenia şi Moldova. In: (Ed. B. Ciupercă) Arheologia mileniului I p. Chr. IV. Nomazi şi autohtoni în mileniul I p. Chr. (Brăila 2015), 119-144.

Oţa 2016: L. Oţa, Beyond the Lower Danubian Limes – Sarmatians and Romans. În: (Ed. Cristina Georgeta Alexandrescu), Troesmis – A Changing Landscape. Romans and the Others in the Lower Danube Region in the First Century BC – Third Century AD. Proceedings of an International Colloquium Tulcea (7th-10th of October 2015) (Cluj-Napoca 2016), 129-150.

Oţa, Comşa 2012: L. Oţa, Al. Comşa, Un mormânt sarmatic descoperit la Călăraşi. MCA S.N. VIII, 2012, 97-106.

Oţa, Sîrbu 2009: L. Oţa, V. Sîrbu, Sarmaţii din judeţul Brăila (Brăila 2009).

Oţa, Sîrbu 2013: L. Oţa, V. Sîrbu, The Bărăgan in the 1st – 3rd Centuries AD: Dacians, Romans, Sarmatians. In: (Eds. V. Sîrbu, R. Ştefănescu), "Necropolises, Cult places, Religion, Mythology" – The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages, Proceedings of The 12th International Congress of Thracology, Târgovişte, 10th – 14th September 2013, vol. II (Braşov 2013), 289-309.

Oţa, Sîrbu 2016a: L. Oţa, V. Sîrbu, The early settlement of Sarmatians in Wallachia. Tyragetia s.n. X/1, 2016, 261-284.

Oţa, Sîrbu 2016b: L. Oţa, V. Sîrbu, Aproape de limes – Sarmaţii din Muntenia, Moldova, Crişana şi Banat / Close to the Limes – Sarmatians from Wallachia, Moldavia, Crişana and the Banat. In: (Ed. V. Sîrbu) Proceedings of the 15th International Colloquium of Funerary Archaeology „Interdisciplinary Methods of Research for Prehistoric and Protohistoric Funerary Monuments", Brăila, 20th - 22nd May 2016. Istros XXII, 2016, 205-255.

Oţa, Sîrbu, Matei 2013: L. Oţa, V. Sîrbu, S. Matei, „Male" and „female" grave-goods in Sarmatian tombs found in Wallachia. In: (Eds. V. Sîrbu, S. Matei), Bronze and Iron Age Graves from Eurasia – Gender between Archaeology and Anthropology. Proceedings of the 13th International Colloquium of Funerary Archaeology, Buzău-Romania, 17th-21st October 2012, Buzău. Mousaios XVIII, 2013, 325-352.

Palade 1978-1979: V. Palade, Descoperiri sarmatice din secolele II-III e. n. în sud-estul colinelor Tutovei. CercetIstIaşi S. N., IX-X, 1978-1979, 247-260.

Palade 1981: V. Palade, Noi descoperiri sarmatice în zona Bârladului. Hierasus I, 1981, 69-82.

Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976: Al. Păunescu, P. Şadurschi, V. Chirica, Repertoriul arheologic al judeţului Botoşani (Bucharest 1976).

Pearce 2000: J. Pearce, Burial, society and context in the provincial Roman world. In: (Eds. J. Pearce, M. Millet, Manuela Struck), Burial, Society and Context in the Roman World (Oxford 2000), 1-12.

Petrescu-Dîmboviţa et al. 1954a: M. Petrescu-Dîmboviţa et alii, Şantierul arheologic Truşeşti. SCIV V/1-2, 1954, 7-33.

Petrescu-Dîmboviţa et al. 1954b: M. Petrescu-Dîmboviţa et alii, Şantierul arheologic Hlincea-Iaşi. SCIV(A) V/1-2, 1954, 233-255.

Petrescu-Dîmboviţa, M. Florescu, A. Florescu 1999: M. Petrescu-Dîmboviţa, M. Florescu, A.C. Florescu, Truşeşti. Monografie arheologică (Bucureşti-Iaşi 1999).

Renţa 2000: E. Renţa, Necropola sarmatică de la Bucu, judeţul Ialomiţa. Ialomiţa III, 2000, 39-57.

Renţa 2016: E. Renţa, Cercetările arheologice de salvare de la Ciulniţa, judeţul Ialomiţa (1994-1997). Aşezarea neolitică Boian-Giuleşti, tumulii I-III şi alte descoperiri din eneolitic, epoca bronzului şi epoca fierului (Târgovişte 2016) (coll. Muzeul Judeţean Ialomiţa. Seria Situri Arheologice V).

Rosetti 1934: D.V. Rosetti, Siedlungen der Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit bei Bukarest. Germania 18/3, 1934, 208-209.

Rotaru, Chiriac 2004-2006: M. Rotaru, L. Chiriac, Mormântul sarmatic de la Gura Bustei – Vaslui. Acta Moldaviae Meridionalis XXV-XXVII, 2004-2006, 38-42.

Sîrbu 1980: V. Sîrbu, Cercetările arheologice de la Cireşu (jud. Brăila). Aşezarea Gumelniţa şi descoperirile postneolitice. Istros I, 1980, 19-31.

Sîrbu 1986: V. Sîrbu, Despre unele probleme de arheologie şi istorie ale Câmpiei Brăilei în sec. I - III e.n.. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos II, 1986, 189-198.

Sîrbu, Corbu 2006: V. Sîrbu, Em. Corbu, Un mormânt sarmatic de copil descoperit la Vlădeni-Popina Blagodeasca (jud. Ialomiţa). Istros XIII, 2006, 195-199.

Sîrbu et al. 2014: V. Sîrbu, L. Oţa, A. Vîlcu, M. Neagu, V. Oprea, Sudul Munteniei în secolele I a. Chr. – III p. Chr. Sarmaţi, daci, romani (Brăila 2014).

SCIV 1952: *** Şantierul Valea Jijiei. SCIV(A) 3, 1952, 19-119.

Şadurschi, Ungureanu 1997: P. Şadurschi, N. Ungureanu, Aşezarea dacilor liberi de la Botoşani „Groapa lui Ichim" (sfârşitul secolului II d. Chr.). Raport de săpătură pe anul 1993. Hierasus X, 1997, 37-48.

Şovan 2013: O.L. Şovan, Repertoriul arheologic al judeţului Botoşani (Botoşani 2013) (coll. Bibliotheca Archaeologica „Hierasus" Monographica IV).

Şovan, Chirica 1983: O.L. Şovan, V. Chirica, Noi descoperiri sarmatice în Câmpia Moldovei. Hierasus V, 1983, 79-88.

Tzony 1975: M. Tzony, Morminte sarmatice descoperite la Mogoşoaia-sat şi Dealul Piscului-Bucureşti. SCIVA 26/2, 1975, 283-288.

Ulanici 1984: A. Ulanici, Săpăturile arheologice de la Sănduliţa, com. Săruleşti, j. Călăraşi. CAMNI VII, 1984, 113-116.

Untaru, Morintz 1962: Gh. Untaru, S. Morintz, Mormânt sarmatic descoperit în oraşul Focşani. SCIV XIII/1, 1962, 157-163

Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004: N. Ursulescu, R. Kogălniceanu, Necropola sarmatică de la Isaiia (c. Răducăneni, j. Iaşi). Date preliminare. CercetIstIaşi S. N. XXI-XXIII, 2002-2004, 27-58.

Ursulescu, Şadurschi 1986: N. Ursulescu, P. Şadurschi, Săpăturile din 1985 din necropola tumulară de la Prăjeni (judeţul Botoşani). Hierasus VI, 1986, 15-23.

Vasilčin 1996-1997: I. Vasilčin, Trakijski nekropol ot II-IV v. pri s. Kragulevo, Dobričko (Thrakische Nekropole (2.-4. Jh.) beim Dorf Kragulevo, Kreis Dobric). IzvestijaVarna 32-33 (47-48), 1996-1997, 46-85.

Vendelin 1940: I. Vendelin, Un tumul la Tecuci. RPAN II-IV, 1940, 101-103.

Yatsenko 2003: S. Yatsenko, Peculiarities of Social Development of the Sarmato-Alans and Their Image in the Evidence of Other Cultures. In: (Eds. N.N. Kradin, D.M. Bondarenko, T.J. Barfield), Nomadic Pathways in Social Evolution (Moscow 2003) (coll. Civilizational Dimension 5), 88-99.

E. Zaharia 1959: E. Zaharia, Morminte sarmatice descoperite la Cioinagi în 1949 (r. Tg. Bereşti, reg. Galaţi). MCA VI, 1959, 897-902.

N. Zaharia 1959: N. Zaharia, Anexa 4. Cercetările de la Mitoc. Mormântul sarmatic de la Mitoc. In: C. S. Nicolăescu-Plopşor, N. Zaharia, Cercetările de la Mitoc (r. Săveni, reg. Suceava). MCA VI, 1959, 20-21.

E. Zaharia, N. Zaharia 1962: Em. Zaharia, N. Zaharia, Sondajul de salvare din necropola de la Probota (r. şi reg. Iaşi). MCA VIII, 1962, 599-608.

Кривошеев 2017: М.В. Кривошев, К вопросу о критериях выделения элитных погребальных комплексов позднесарматского времени. В сб.: (Отв. ред. В.И. Богдановский и др.) Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции (Челябинск 2017), 56-59.

Мордвинцева 2015: В. Мордвинцева, Сарматы, Сарматия и Северное Причерноморье. ВДИ 292/1, 2015, 109-135.

Моринц 1959: С. Моринц, Некотрые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением. Dacia N.S. III, 1959, 451-471.

Яценко 2001: С.А. Яценко, Статус женщины в сарматском обществе: Проблемы интерпретации источников. В сб.: (Отв. ред. Г.И. Зверева) Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов (Москва 2001), 244-252.

Яценко 2007: С.А. Яценко, О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н.э. - II вв. н.э). В сб.: (Отв. ред. П.К. Дашковский), Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 1 (Барнаул 2007), 58-66.

Яценко 2015: С.А. Яценко, Сарматские женщины-воительницы: историографический миф и археологическая реальность. В сб.: (Отв. ред. С. В. Алексеев) Высшее образование для XXI века: XII Международная научная конференция. Москва, 3-5 декабря 2015 г.: Доклады и материалы. Секция 7. Проблемы исторического образования (Москва 2015), 6-13.

Mormintele de copii atribuite sarmaţilor din Muntenia şi Moldova

Cuvinte-cheie: morminte, copii, sarmaţi, ritual funerar, inventar funerar, Muntenia, Moldova.

Rezumat: Studiile care au ca subiect organizarea socială a sarmaţilor sunt încă puţine. Studiul de faţă îşi propune să analizeze mormintele de copii, în încercarea de a completa, atât cât este posibil pe baza datelor arheologice actuale, imaginea comunităţilor sarmatice din Muntenia şi Moldova, conturată în câteva studii anterioare. Analiza se va limita doar la un studiu de caz – acela al înmormântărilor sarmatice de copii din Muntenia (teritoriu situat între Dunăre şi Munţii Carpaţi, mărginit la vest de râul Olt) şi Moldova (mai precis zona dintre râul Prut şi Munţii Carpaţi). După o privire de ansamblu asupra descoperirilor sarmatice din Muntenia şi Moldova (cu accent pe prezenţa sau lipsa analizei antropologice), autoarea încearcă să contureze imaginea, aşa cum reiese din balanţa de vârstă, a câtorva dintre grupurile de morminte sarmatice. Analiza ritualului şi inventarului funerar a celor 65 de morminte de copii a dus la concluzia generală că, vorbind strict din punct de vedere funerar, copiii nu beneficiază de reguli de înmormântare aparte faţă de adulţi. Acelaşi rit funerar caracterizează atât adulţii, cât şi copiii – inhumaţia, nu pot fi remarcate orientări sau poziţii de depunere a cadavrului proprii doar copiilor, iar inventarul funerar nu conţinea piese care ar putea fi considerate ca specifice universului copilăriei.

Lista ilustraţiilor:

Pl. 1. Morminte de copii atribuite sarmaţilor din Muntenia şi Moldova.

Pl. 2. Analize antropologice pentru mormintele sarmatice din Muntenia şi Moldova.

Pl. 3. Proporţia de vârstă a grupurilor de morminte sarmatice.

Pl. 4. 1 - Largu (după Dragomir, Croitoru 2011); 2 - Râmnicelu (după Oţa, Sîrbu 2009).

Pl. 5. 1 - Lişcoteanca-*Movila Olarului* – plan (după Oţa, Sîrbu 2009); 2 - Vlădeni (după Sîrbu, Corbu 2006); 3 - Măriuţa M. 2 (după Lazăr, Parnic 2007).

Pl. 6. 1 - Isaiia – plan (după Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004); 2 - Isaiia M. 10 şi M. 11 (după Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004).

Pl. 7. 1 - Bucu M. 2 (după Renţa 2000); 2 - Bucu – plan (după Renţa 2000).

Pl. 8. 1 - Bucu M. 4 (după Renţa 2000); 2, 3 - Bucu M. 11 (după Renţa 2000); 4 - Bucu M. 7 (după Renţa 2000); 5 - Isaiia M. 6 (după Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004); 6 - Isaiia M. 10 (după Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004).

Pl. 9. Cândeşti. 1-3 - Fibule (după Bobi 1999); 4, 5 - ceramică (după Bobi 1982-1984 şi Bobi 1999); 6 - plan (după Bobi 1982-1984); 7 - mărgele (după Bobi 1982-1984); 8-16 - pandantive (după Bobi 1999).

Сарматские детские погребения в Мунтении и Молдове

Ключевые слова: погребение, дети, сарматы, погребальный обряд, погребальный инвентарь, Мунтения, Молдова.

Резюме: Пока еще мало исследований посвящено социальной организации сарматов. Задачей данной работы является анализ детских захоронений с целью дополнить, насколько это возможно на основе существующих археологических данных, представление о сарматских общинах в Мунтении и Молдове, изложенное в предыдущих исследованиях. Анализ ограничен рамками тематики, посвященной сарматским детским погребениям в Мунтении (территория, расположенная между Дунаем и Карпатами, ограниченная на западе рекой Олт) и Молдове (между рекой Прут и Карпатами). На основе обзора сарматских находок в Мунтении и Молдове (обратив особое внимание на наличие или отсутствие антропологического анализа) автор пытается дать представление о некоторых группах сарматских могил с точки зрения возраста погребенных. Изучение погребального обряда и инвентаря 65 детских захоронений позволило сделать вывод, что они ничем не отличаются от взрослых захоронений. Для них характерен один и тот же обряд – ингумация, не существует особых отличий в положении тел, а инвентарь не содержит никаких предметов, которые можно было бы рассматривать как относящиеся к детской сфере.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Сарматские детские погребения в Мунтении и Молдове.

Рис. 2. Антропологический анализ сарматских погребений в Мунтении и Молдове.

Рис. 3. Возрастное соотношение групп сарматских погребений.

Рис. 4. 1 - Ларгу (по: Dragomir, Croitoru 2011); 2 - Рымничелу (по: Oţa, Sîrbu 2009).

Рис. 5. 1 - Лишкотянка - *Мовила-Оларулуй* – план (по: Oţa, Sîrbu 2009); 2 - Влэдень (по: Sîrbu, Corbu 2006); 3 - Мэриуца, погребение №2 (по: Lazăr, Parnic 2007).

Рис. 6. 1 - Исайя – план (по: Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004); 2 - Исайя, погребения №10 и №11 (по: Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004).

Рис. 7. 1 - Буку, погребение №2 (по: Renţa 2000); 2 - В Буку – план (по: Renţa 2000).

Рис. 8. 1 - В Буку, погребение №4 (по: Renţa 2000); 2, 3 - Буку, погребение №11 (по: Renţa 2000); 4 - Буку, погребение №7 (по: Renţa 2000); 5 - Исайя, погребение №6 (по: Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004); 6 - Исайя, погребение №10 (по: Ursulescu, Kogălniceanu 2002-2004).

Рис. 9. Кындешть. 1-3 - Фибулы (по: Bobi 1999); 4, 5 - керамика (по: Bobi 1982-1984 и Bobi 1999); 6 - план (по: Bobi 1982-1984); 7 - бусы (по: Bobi 1982-1984); 8-16 - подвески (по: Bobi 1999).

10.05.2018

PhDr. Liana Oţa, Institute of Archaeology „Vasile Pârvan”, 11, Henri Coandă Str., Bucharest, Romania, mail: loredanaota@yahoo.com, loredanaota@gmail.com

ИНДУСТРИЯ СЛОЯ II СТОЯНКИ КОРОЛЕВО В ЗАКАРПАТЬЕ

Оксана Вотякова

Ключевые слова: Королево, средний палеолит, индустрия, типология, Кина.

Многослойная стратифицированная палеолитическая стоянка Королево находится около с. Веряца Виноградовского района Закарпатской области, на двух террасовых уровнях левого берега р. Тиса: Гострый Верх (120 м) и Бейвар (100 м). Памятник был открыт Закарпатской палеолитической экспедицией под руководством В.Н. Гладилина в 1974 г. На протяжении 30 лет стоянка интенсивно исследовалась коллективом Археологического музея Института археологи НАНУ.

Рис. 1. Стоянка Королево, раскоп I. Вид с запада.

Коллекция слоя II происходит из раскопа I (Бейвар) (рис. 1). Общая площадь раскопок составляет 60 м². Археологический слой залегал в нижней части суглинка над палеопочвой последнего межледниковья, который относиться к кислородно-изотопной стадии (MIS) 4 и датируется приблизительно 60 тыс. лет назад (Haesaerts, Koulakovska 2006, 33; Кулаковская 2009, 97).

В научный оборот коллекция была введена Л.В. Кулаковской и определена как «мустье обычное, тип Королево, комплекс II», достаточно необычная для этого региона (Солдатенко 1982; Кулаковская 1989; Kulakovskaya 1989). В свою очередь В.М. Гладилин также отмечал своеобразие этого комплекса среди мустьерских горизонтов Королево (Гладилин 1985, 39-41). Со временем Л.В. Кулаковская пришла к выводу, что предыдущая интерпретация индустрии была несколько обобщенной, а присущие этому материалу черты позволяют относить ее к шарантскому кругу памятников типа Кина (Кулаковская 2001, 9-11). Так впервые был использован термин «шарант типа Кина» в контексте среднего палеолита Закарпатья.

В.И. Усик уделил внимание изучению технологического аспекта этой индустрии. Основой его исследования стал анализ данных ремонтажа, в результате чего были внесены изменения в типологическую интерпретацию материала, а именно выделены новые категории нуклеусов и сколов (Усик 2003). Ведущим технологическим методом раскалывания В. Усик считает нелевалуазский радиальный (Усик 2003, 185), подтверждая тем самым предыдущие интерпретации (Кулаковская 2001, 8; Кулаковська 2002, 26-27).

Таким образом, в предыдущих исследованиях были рассмотрены разнообразные типологические и технологические аспекты, внесены уточнения и дополнения в интерпретацию коллекции. Поэтому целью данной работы является обобщение всех известных материалов с учетом новых данных и уточнений для проведения полного статистического анализа индустрии. А также подробная типологическая характеристика коллекции орудий на основе анализа элементов вторичной обработки. Полученные данные позволяют определить основные технико-типологические характеристики индустрий шарантского типа в Закарпатье и сравнить с другими среднепалеолитическими коллекциями региона для выявления аналогичных комплексов.

Методика обработки материалов базируется на классификации и статистическом анали-

зе признаков артефактов. За основу типологической классификации нуклеусов и продуктов их расщепления взята схема В.М. Гладилина (Гладилин 1976, 36-44) с некоторыми уточнениями (Вотякова 2016, 22-23). Для описания нуклеусов и сколов «Kombewa», а также разнообразных технических сколов использованы классификационные разработки В.И. Усика (Усик 2003; Усик 2006, 54). Основой статистического анализа признаков стали разработки В.П. Чабая и Д.Ю. Демиденко (Chabai, Demidenko 1998, 31-51.). За основу классификации орудий взят тип-лист Ф. Борда (Bordes 1961), с уточнениями и дополнениями. Также отдельно были проанализированы приемы вторичной обработки орудий в трех основных векторах: заготовка, ретушь, аккомодационные элементы (Вотякова 2017, 20-21).

Основным сырьем для обработки служили вулканические породы местного происхождения, в первую очередь андезит (85% от всего сырья), который встречается и сейчас на территории карьера в виде достаточно крупных блоков или обломков (Кулаковская 2002, 26). Также активно использовалось невулканическое каменное сырье: кварцит, кремень, сланец, кварц, кварц-порфир, радиоляриты. Интересен тот факт, что в коллекции слоя II зафиксирован наибольший процент изделий из невулканического сырья по сравнению с другими слоями стоянки Королево (Кулаковская 1989, 16).

Археологическая коллекция слоя II насчитывает 3943 изделия. Она включает в себя весь спектр артефактов (табл. 1): фрагменты сырья, пренуклеусы, нуклеусы, сколы, орудия, отбойники, ретушеры и др.

Таблица 1

Королево, слой II.
Категории артефактов

Категории	Количество	%
Пренуклеусы	10	0,25
Нуклеусы	159	4,03
Фрагменты нуклеусов	89	2,26
Отщепы	2357	59,78
Пластины	95	2,41
Фрагменты сколов неопределимые	118	2,99
Чешуйки	762	19,33
Орудия	285	7,23
Отбойники	36	0,91
Ретушеры	2	0,05
Обломки	19	0,48
Фрагменты галек со следами раскалывания	8	0,2
Гальки	3	0,08
Всего:	**3943**	**100**

Первичное расщепление. Анализ **нуклеусов** и их фрагментов показал, что они выполнены на отщепах, обломках сырья, гальках. Отмечены единичные случаи использования орудий в качестве нуклеусов (Усик 2003, 182). По технике раскалывания нуклеусы делятся на: радиальные – 139, конвергентные – 1, параллельные – 17, ортогональные – 2, однонаправленные – 2, «Kombewa» – 15, неопределимые – 72.

Радиальные нуклеусы представлены односторонними – 117, и двусторонними – 22. По форме доминируют овальные и прямоугольные (рис. 2). Для данной группы нуклеусов характерна четко выраженная стандартизация как форм, так и размеров (в среднем 6,7×5,6×2,3 см). Большинство из них изготовлены на обломках сырья и отщепах. В последнем случае необходимо отметить, что для раскалывания использовали чаще всего вентральную сторону отщепов (рис. 3). Также к группе радиальных ядрищ были отнесены выделенные ранее полурадиальные нуклеусы (51) (рис. 3). В предыдущих публикациях они были рассмотрены как отдельный тип, поскольку при раскалывании использовалась только часть вентральной поверхности (Усик 2003, 175). Но, в связи с тем, что 36 экземпляров этих нуклеусов четко демонстрируют центростремительную технику, а остатки вентральной поверхности занимают небольшие участки рабочей поверхности, эти предметы отнесены к радиальным. Два других экземпляра, выполненные на отщепах, имеют подготовленные (частично фасетированные) площадки практически по всему периметру и конвергентную огранку. Поскольку такая огранка не была характерна для комплекса, а подготовленные площадки предполагают центростремительное раскалывание, такие нуклеусы отнесены также к этой категории. Остальные 13 изделий на отщепах имеют ортогональную огранку и дополнительно подготовленные площадки, с которых по той или иной причине не были сняты сколы, но их расположение

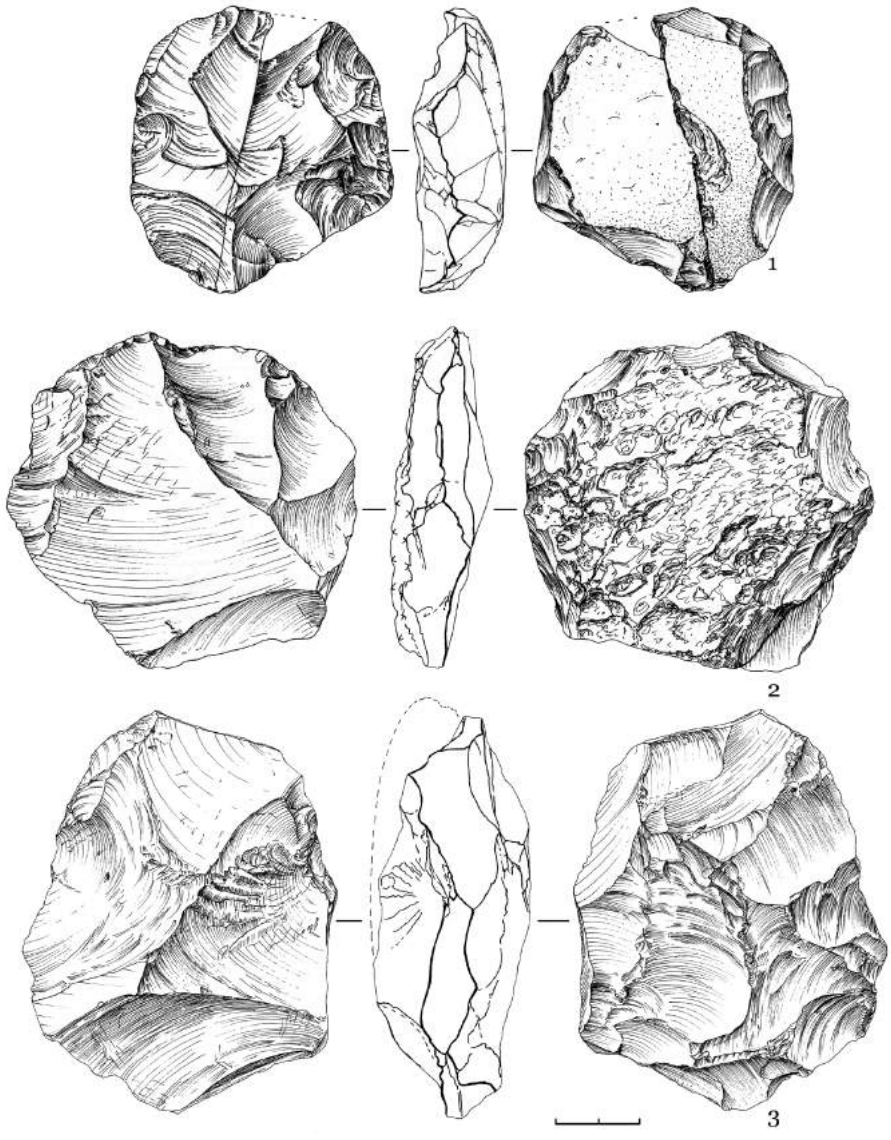


Рис. 2. Королево, слой II. Нуклеусы радиальные (по: Усик 2003).

также предусматривает центростремительное раскалывание. Поэтому невозможно не отметить технологическую связь таких нуклеусов с началом радиального раскалывания, что и стало основанием их включения именно в эту группу. Ударные площадки радиальных нуклеусов преимущественно гладкие, сформированные одним – двумя сколами (97), редко – фасетированные (19). Тыльная сторона часто оформлена сколами (выпуклая – 39 или плоская – 23), неоформленная (53).

Радиальные двусторонние нуклеусы представлены преимущественно овальными и прямоугольными формами. Размеры 6,9×5,4×2,6 см (рис. 2/1).

В коллекции выделен 1 конвергентный нуклеус. Он овальный по форме, сделанный на обломке сырья, из которого последний отщеп снял 1/2 поверхности и полностью латеральный край, вследствие чего он истончился до такой степени, что дальнейшее раскалывание стало невозможным. Тыльная сторона необработанная плоская, площадка сформирована сколами. Размеры: 6,2×6,8×2,1 см.

Нуклеусы, которые демонстрируют параллельную технику раскалывания, представлены 17 предметами. Они разделяются на: поперечные – 3, бипоперечные – 1, продольные – 6, бипродольные – 2, ортогональные двусторонние – 3, подперекрестные двусторонние –

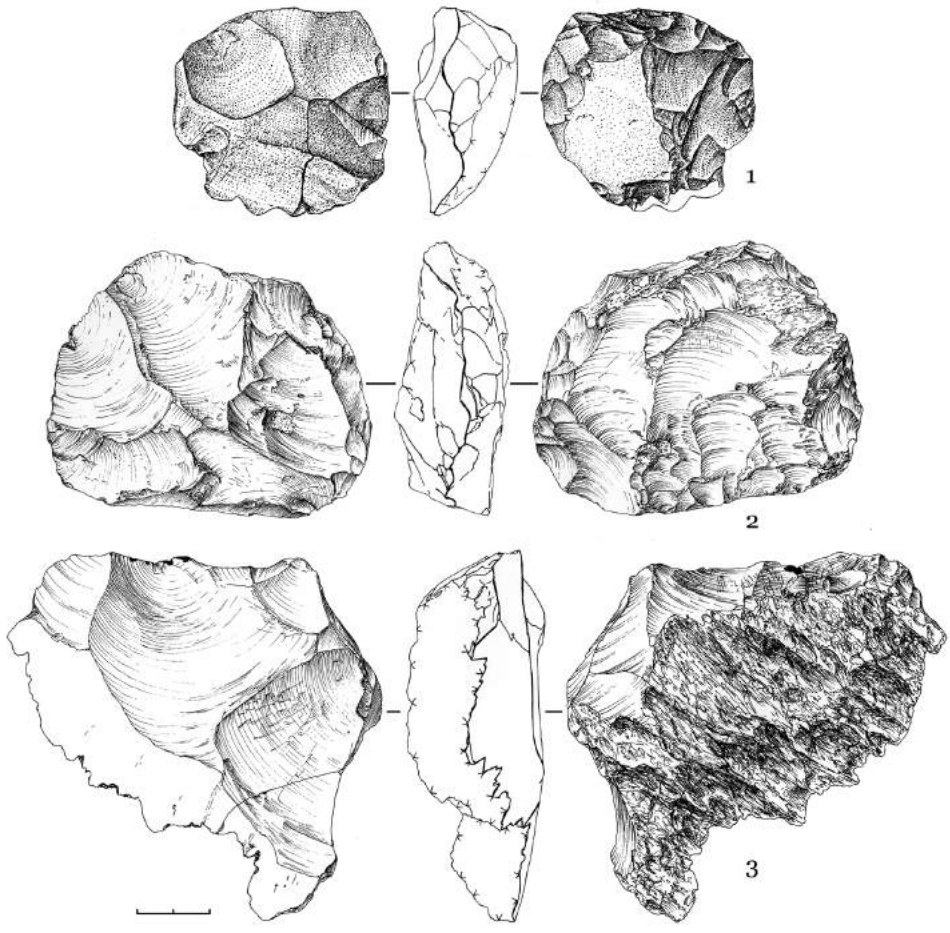


Рис. 3. Королево, слой II. Нуклеусы радиальные на отщепах (по: Усик 2003).

2. Большинство из них имеют прямоугольную форму. В качестве заготовки для них чаще использовали обломки сырья, реже – отщепы. Площадки и тыльные стороны в основном сформированы сколами. Все они демонстрируют необъемный характер раскалывания, часто имеют плоскую или вогнутую рабочую поверхность, негативы сколов с заломами, а также достаточно небольшие размеры: 6,1×5,5×3 см. Все это свидетельствует о крайней степени сработанности этих ядрищ.

Два односторонних ортогональных нуклеуса, изготовленных на андезитовых плитках, имеют прямоугольную форму, площадки и плоские тыльные стороны в одном случае сформированы сколами, в другом – не несут следов обработки. Размеры: 6,5×6×2,3 см. Нуклеусы выделены в отдельную группу, поскольку демонстрируют не параллельное, а достаточно простое однонаправленное раскалывание с поочередным снятием сколов с изменением ориентации.

Еще два нуклеуса, сделанные на обломках сырья, имеют один негатив на поверхности скалывания и также демонстрируют однонаправленную технику, где скол в одном случае был снят вдоль длинной, а в противном случае вдоль короткой оси изделия. Оба прямоугольные, имеют площадки, сформированные одним сколом, необработанные тыльные стороны, небольшие по размерам: 5,1×6,3×2,6 см и 8,5×5,3×2,7 см.

В коллекции было выделено 15 образцов классических нуклеусов «Kombewa», на которых с вентральной стороны отщепа-заготовки был снят один или последовательно несколько сколов без изменения ориентации (рис. 6). По месту расположения негатива они разделяются на базальные (7), латеральные (7), терминальные (1). Площадки формировались сколами, в двух случаях применено фасетирование. Размеры: 6,8×6,2×2,8 см. К группе неопределимых отнесены 72 фрагмента нуклеусов.

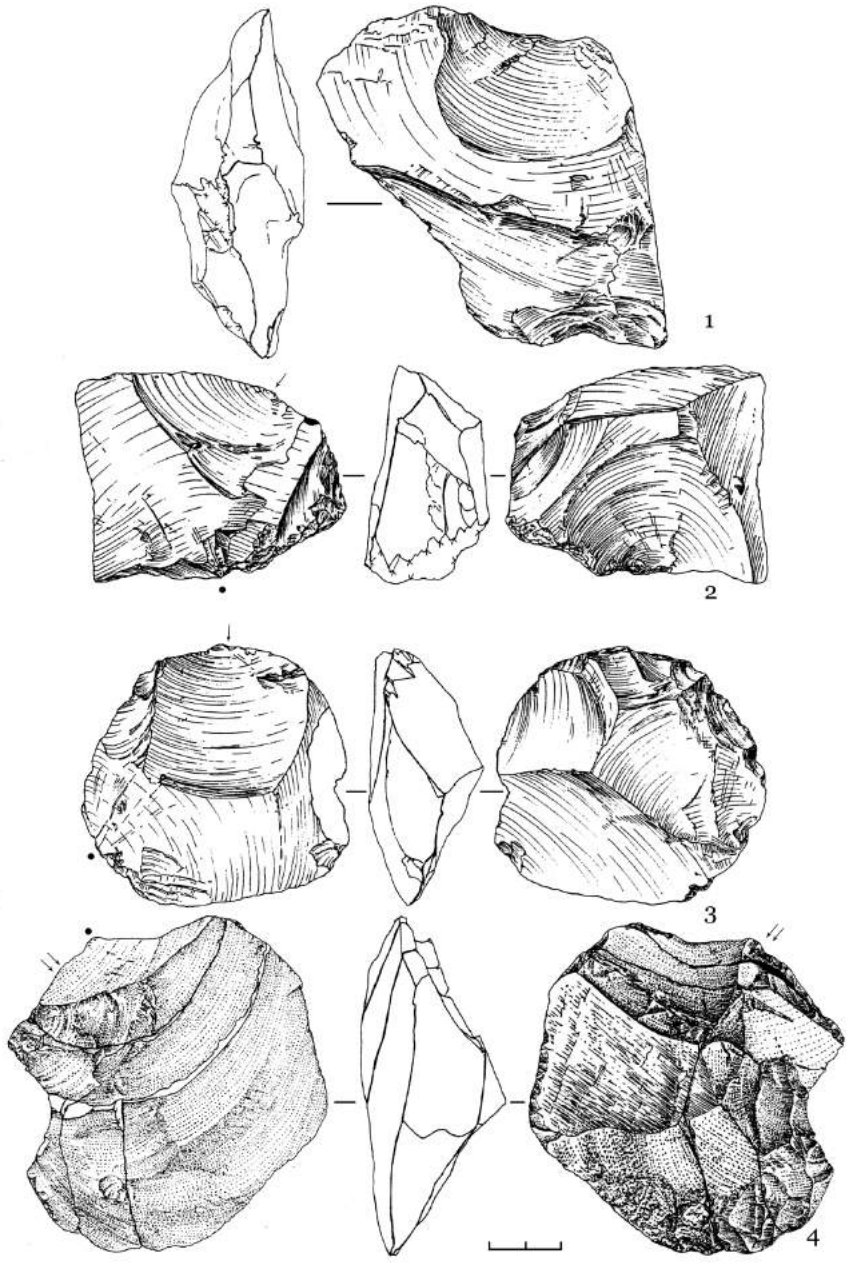


Рис. 4. Королево, слой II. Нуклеусы «Kombewa» (по: Усик 2003).

Итак, первичная обработка индустрии базируется на радиальном методе раскалывания. Он представлен тремя типами центростремительных ядрищ – радиальными, радиальными двусторонними и полурадиальными. Параллельный принцип продольного и встречного раскалывания носит довольно случайный характер и не имеет системного вида. Небольшой, но достаточно выразительной серией нуклеусов представлен своеобразный метод раскалывания «Kombewa». Среди заготовок для нуклеусов достаточно часто (41%) использовали отщепы, причем чаще всего именно вентральную поверхность, только в одном случае - дорсальную. Явное преимущество среди нуклеусов принадлежит заготовкам из андезита, лишь 11% представлены кварцитовыми изделиями. Площадки

Таблица 2

Королево, слой II. Характеристика огранки сколов

Огранка Сколы	Первичная	Однонаправленно-продольная	Однонаправленно-латеральная	Радиальная	Конвергентная	Подперекрестная	Ортогональная	Латеральная	Билатеральная	Продольная	Бипродольная	Левалуазская радиальная	*Kombewa*	Реберчатая	Всего:
Отщепы	151	59	15	388	75	2	32	19		144	1	2	64	2	954
Пластины	8	2		5		2	3			17					37
Технические отщепы	15	47	12	220	19	3	62	49	2	64	7		32	91	623
Технические пластины		1		2			1	3		10			4	11	32
Вентральные вторичные отщепы		64	29	8	4		5	5		34					149
Вентральные вторичные пластины		2								2					4
Всего:	**174**	**175**	**56**	**623**	**98**	**7**	**103**	**76**	**2**	**271**	**8**	**2**	**100**	**104**	**1799**
%	**9,5**	**10,0**	**3,1**	**34,5**	**5,6**	**0,5**	**5,7**	**4,2**	**0,1**	**15**	**0,5**	**0,1**	**5,5**	**5,7**	**100**

большинства изделий оформляли одним или двумя сколами, прием фасетирования применялся спорадически. Тыльные стороны в большинстве случаев также имеют следы обработки.

В коллекции выделен и проанализирован **3381 скол**, с учетом орудий и нуклеусов, сделанных на них. Они представлены следующими группами: отщепы – 2404, пластины – 95, чешуйки – 762, фрагменты сколов неопределимые – 120.

Наибольшую категорию коллекции составляют **отщепы**. Целых экземпляров – 1873; фрагментированных – 531, среди которых проксимальные – 86, медиальные – 67, дистальные – 191, латеральные – 187. Большое количество дистальных фрагментов можно объяснить тем, что площадка, а иногда вся верхняя часть отщепа, была уничтожена при нанесении слишком сильного удара. Размеры целых отщепов: длина – от 0,6 до 14,2 см; ширина – от 1,4 до 12,3 см; толщина – от 2,0 до 5,9 см. Усредненные показатели: 3,8×4,1×1,12 см. Следует отметить, что значительный процент (56%) в коллекции отщепов представляют снятия поперечных пропорций, ширина которых больше длины.

В индустрии преобладают отщепы с радиальной огранкой (табл. 2). Три другие многочисленные группы демонстрируют продольное, первичное и однонаправленно-продольное оформления спинки скола. Продольный вариант оформления дорсальной поверхности напрямую связан с техническими и вентральными вторичными сколами. Для технических это можно объяснить характером их получения. Большинство таких сколов сняты с бортов нуклеусов, вследствие чего они захватывают только латеральную часть ядра, поэтому довольно часто имеют или продольную, или латеральную огранку (табл. 2). Другие технические отщепы с параллельной огранкой – это сколы оформления площадок нуклеусов, на что уже обращал внимание В. Усик (Усик 2003, 179). Их огранка отображает именно подготовку площадок, а не процесс раскалывания. Преобладание среди вентральных вторичных отщепов однонаправленно-продольных объясняется методом расщепления «Kombewa», когда сколы снимают один за другим.

Значительное количество первичных (табл. 2), а также сколов с остатками корки (их более 50%) в различных соотношениях свидетельствует, что начало раскалывания происходило на территории поселения.

По форме преобладают трапециевидные и подтреугольные экземпляры. Латеральные профили выпуклые или вогнутые, спорадически возникают прямые и скрученные. Дистальные концы обычно острые (68%), что свидетельствует о достаточно высоком уровне раскалывания. В то же время иногда случаются артефакты с заломами (11%). Сколов, захвативших противоположную площадку нуклеуса, немного – 2%.

Большинство ударных площадок не имеют специальной подготовки: они гладкие (61%) и естественные (13,3%). Также есть подготовленные площадки, а именно, двугранные и фасетированные, которые отражены в индексах поправки IF large = 24,6%, IF strict = 9,8%. Следует отметить, что у 1/3 фасетированных площадок удар наносился по гладкой поверхности на расстоянии от фасеток. Характер подготовки площадок идентичен для обычных и технических сколов. Отметим, что на 107 предметах площадка раздроблена. На 200 артефактах зафиксированы следы подправки дорсального карниза (так называемая «абразивная обработка»), и только в 25 случаях присутствует вентральный карниз. Размеры площадок колеблются: длина от 1,0 до 9,3 см; толщина от 1,0 до 6,0 см. Как видим, последние довольно массивные по сравнению с размерами сколов.

Два отщепа отнесены к категории левалуазских. Они имеют радиальную огранку и выпуклые фасетированные площадки. В одном случае удар был нанесен не по фасетированной, а по гладкой части. Учитывая их незначительное количество, скорее всего, они носят случайный характер.

Пластины составляют незначительную группу – 98 предметов, из которых целых – 78, ILam = 4%. Размеры их 2,5×2,2×1,0 см. Площадки чаще всего гладкие, встречаются также естественные и двугранные. Почти половина пластин являются техническими сколами с бортов нуклеусов (табл. 2).

Отдельно следует остановиться на сколах «**Kombewa»** и сколах с остатками вентральной поверхности – **вентральных вторичных** (табл. 2). Классических сколов «Kombewa» – 103 (99 отщепов и 4 пластины). По ориентации снятия с отщепа-нуклеуса они делятся на базальные (33), латеральные (25), терминальные (7) и неопределимые (38).

Вентральных вторичных сколов – 171 (166 отщепов и 5 пластин). Они представлены базальными (80), латеральными (55), терминальными (6) и неопределимыми (30). Огранка таких сколов довольно часто однонаправленно-продольная (табл. 2), что объясняется применением «Kombewa», метода расщепления, когда сколы снимаются последовательно друг за другом. Значительный процент продольной и латеральной огранок свидетельствует в первом случае об изменении последовательности (друг за другом), а во втором – ориентации раскалывания, то есть переход от «Kombewa» к другому методу эксплуатации поверхности нуклеуса. Кроме того, среди вентральных вторичных есть технические сколы с бортов (25) и переоформления площадок нуклеусов (5).

Также выделена серия **технических сколов** – 762 изделия. Среди них 728 отщепов и 34 пластины. Технические сколы разделены на четыре основные группы: сколы с бортов нуклеусов, реберчатые, сколы формирования площадок нуклеусов и сколы формирования рабочего края орудий. Сколы первой группы возникают при необходимости возобновления процесса раскалывания, когда рельеф рабочей поверхности становится плоским или вогнутым. После этого мастер наносит удар, снимая латеральную часть нуклеуса и делая снова выпуклой рабочую поверхность, вследствие чего появляется возможность продолжить раскалывание (Boeda 1995, 71, fig. 15). Группа таких сколов разделяется на отщепы, которые захватывают часть борта нуклеуса (с коркой 124, без корки 107), и реберчатые – 257, из них 70% можно отнести к категории угловых (Усик 2003, 184). Обычные реберчатые сколы представлены продольно-реберчатыми (30) и поперечно-реберчатыми (9). 138 артефактов отнесены к группе сколов формирования или переоформления площадки нуклеуса, которые снимали для получения нужного угла при раскалывании (Усик 2003, 175). Последняя группа технических сколов – сколы формирования и переоформления (а иногда и уничто-

жения) рабочего края орудий – представлена 97 предметами.

В технологическом аспекте индустрию слоя II можно охарактеризовать как нелеваллуазскую, непластинчатую, нефасетированную, которая базируется на радиальном методе расщепления нуклеусов, в основном односторонних, площадки которых часто оформлены сколами, однако прием фасетирования применялся спорадически, тыльные стороны часто имеют следы обработки.

Своеобразной чертой комплекса можно считать применение классического метода «Kombewa». Нуклеусы «Kombewa» представлены очень выразительными экземплярами и дополняются соответствующими сколами, однако таких изделий в коллекции немного и, скорее всего, они не играли ведущей роли в раскалывании. Это косвенно подтверждается наличием вентральных вторичных отщепов, которых вдвое больше, чем классических сколов «Kombewa» (табл. 2), и хотя часть из них иллюстрирует классическое раскалывание без изменения ориентации, другие, с разной вариацией огранок, могут быть индикатором начала эксплуатации отщепов-нуклеусов в центростремительном направлении.

Главной целью первичной обработки было получение широкой и короткой по пропорциям заготовки трапециевидной или подтреугольной формы с длинной и широкой ударной площадкой или латеральным краем.

Нуклеусы эксплуатировались до момента полного уплощения поверхности, большинство их демонстрирует сильную степень сработанности. Возможность возврата от плоской к выпуклой поверхности поддерживалась с помощью снятия угловых отщепов с латеральных сторон нуклеуса, которые выполняли чисто техническую функцию. Такие сколы часто образуются при нелеваллуазских методах раскалывания радиальных, перекрестных и других нуклеусов без специальной предварительной подготовки поверхности раскалывания. Также отмечено использование приемов подготовки и переоформление отбивных площадок, которые отражены в соответствующих технических сколах.

Коллекция изделий с **вторичной обработкой** состоит из 285 артефактов. Ведущей группой орудий в коллекции являются скребла. Они составляют более 60% (табл. 2). Среди них больше всего представлены однолезвийные экземпляры: поперечные, продольные и диагональные. Двойные, угловые и вентральные типы скребел составляют численно небольшие группы. Зубчато-выемчатые формы занимают второе место по количеству. Лимасы, подлистовидные, остроконечники, двусторонние и верхнепалеолитические орудия представлены единичными экземплярами либо небольшими группами. Значительное количество составляют сколы с вторичной обработкой: ретушью и утончением. Отдельную специфическую группу представляют орудия с уничтоженным рабочим краем (Усик 2005, 190).

Таблица 3

Королево, слой II. Орудия

Типы орудий	Количество	%
Скребла продольные	24	15,79
Скребла поперечные	40	26,32
Скребла диагональные	13	8,55
Скребла двойные	4	2,63
Скребла угловые	7	4,61
Скребла вентральные	6	3,95
Скребла неопределимые	2	1,32
Подлистовидные орудия	1	0,66
Лимасы	2	1,32
Остроконечники	1	0,66
Орудия с двусторонней обработкой		4,61
Зубчатые орудия	25	16,45
Выемчатые орудия	18	11,84
Скребки атипичные	1	0,66
Резцы	1	0,66
Отщепы с ретушью	47	-
Сколы с утончением	16	-
Скребла с уничтоженным рабочим краем	16	-
Орудия неопределимые	54	-
Всего:	**285**	**100**

Основной **заготовкой** для изготовления орудий были отщепы (72%). Следует отметить, что среди них преобладают сколы поперечных пропорций (когда ширина больше длины) – 60%. Половина из них имеет корку на площадке или на латеральной стороне. Приоритет в выборе заготовок с наличием корки и массивной площадки или латерального края для этого комплекса обусловлен тем, что именно естественная спинка была основным аккомодационным элементом. Эта тенден-

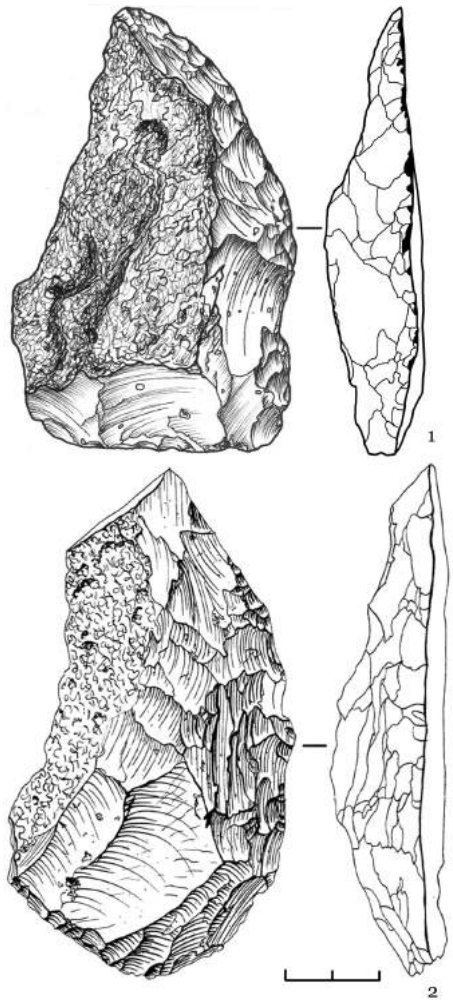


Рис. 5. Королево, слой II. Скребла продольные (2 - по: Кулаковская 1989).

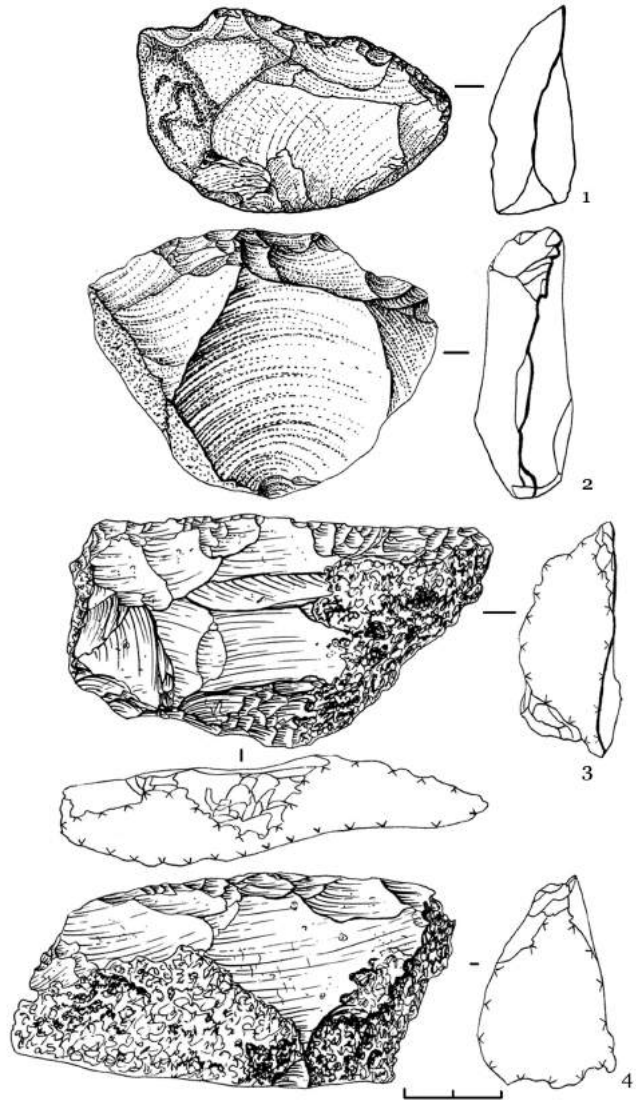


Рис. 6. Королево, слой II. Скребла поперечные (2-4 - по: Кулаковская 1989).

ция наблюдается не только в использовании обычных сколов, но и технических отщепов с бортов нуклеусов (12%), где массивный латеральный край выполнял функцию спинки. Изделий на фрагментах отщепов не много (12%), но им присуща та же тенденция, что и целым, и техническим сколам. Только спинкой в этом случае служила поверхность слома, которая всегда расположена напротив рабочего края. Зафиксировано также использование в качестве заготовок фрагментов нуклеусов (0,9%) (Кулаковская 1989, 55, рис. 45), фрагментов сырья (0,9%), пластин (0,9%). Размеры целых орудий: длина от 1,8 до 13,8 см; ширина от 1,8 до 11,9 см; толщина от 0,5 до 5,4 см; средние размеры: длина 5,4 см; ширина 5,7 см; толщина 1,7 см.

Основным и наиболее показательным компонентом набора орудий для изучения вторичной обработки являются односторонние скребла: продольные, поперечные и диагональные.

Продольные скребла представлены выпуклыми (14), прямыми (5) и вогнутыми (5) типами (рис. 5). Рабочий край этих изделий сформирован дорсальной полукрутой или плоской чешуйчатой ретушью, реже – сту-

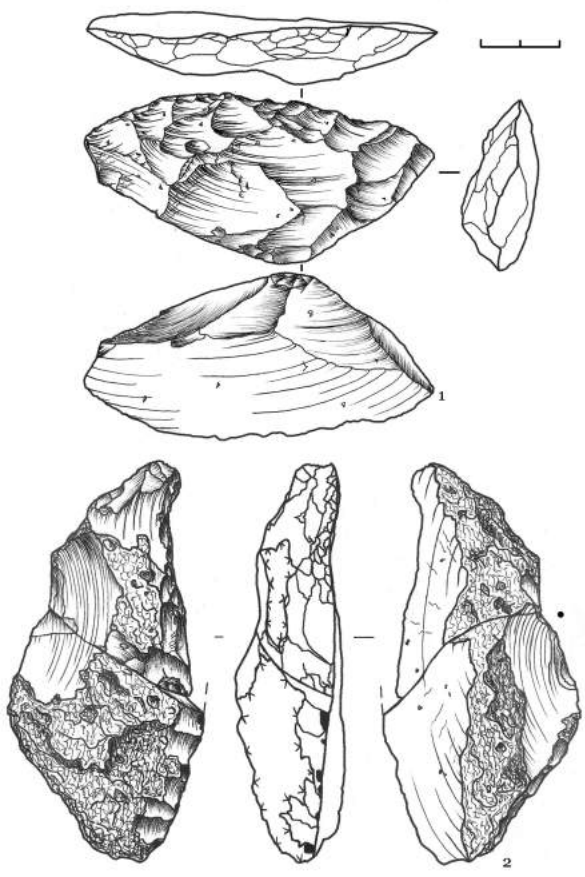


Рис. 7. Королево, слой II. Скребла поперечные.

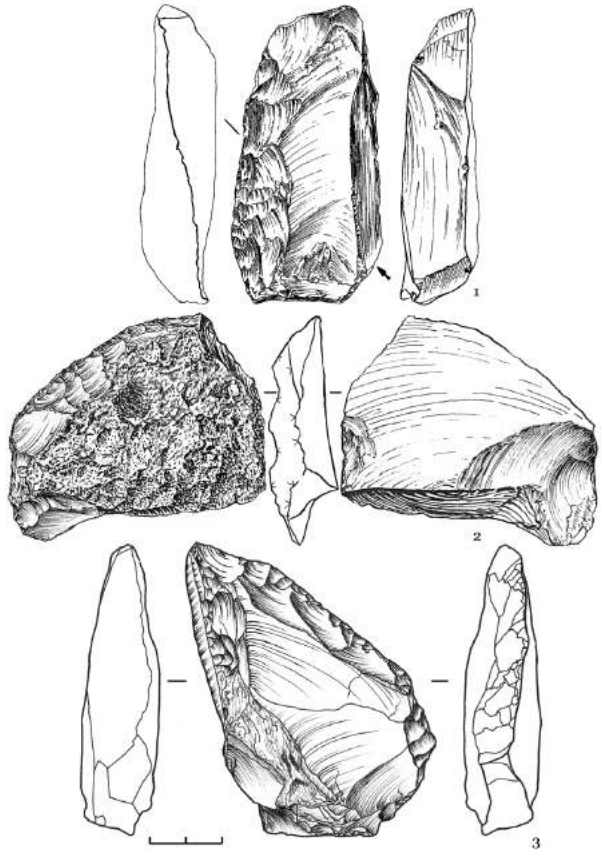


Рис. 8. Королево, слой II. Скребла диагональные (2-3 - рисунок В.И. Усика).

пенчатой. По степени покрытия поверхности изделия ретушь краевая или протяженная. Только незначительная часть изделий имеет отделку, далеко заходящую на поверхность заготовки. У 18 скребел присутствует спинка, чаще всего она не обработана, только у восьми изделий имеются подправки несколькими притупляющими сколами или чешуйчатой ретушью. Утончение не играло ведущей роли в оформлении этого типа орудий, поскольку зафиксировано всего на трех изделиях. Это несколько сколов на вентральной поверхности, которые локализуются в латеральной (1) или проксимальной (2) части скребла. Размеры: длина от 4,1 до 13,8 см, ширина от 2,8 до 8,5 см, толщина от 0,7 до 3,8 см.

Скребла **поперечные** подразделяются на: выпуклые – 29 (рис. 6/1-2, 4; 7/1), прямые – 7 (рис. 6/3) и вогнутые – 4 (рис. 7/2). Для оформления рабочего края использовалась в основном дорсальная ступенчатая крутая или чешуйчатая полукрутая ретушь. Ступенчатая ретушь чаще двухрядная, реже трехрядная, практически всегда крутая, а чешуйчатая – полукрутая или плоская. Зафиксированы случаи комбинации ступенчатой и чешуйчатой ретуши. Практически все изделия имеют аккомодационные элементы: разнообразные варианты спинок и утончение (рис. 6-7). Отмеченные в пределах этой группы орудий естественные спинки включают все типы, выделенные для этой коллекции, а именно: площадка отщепа с коркой или без; латеральный край отщепа с коркой или без; слом. В семи случаях они дополнительно оформлены ретушью, в одном – подправлены сколами; оба варианта оформления имеют притупляющий характер. Вентральное утончение присутствует на 15 изделиях: проксимальное (10), латеральное (2), билатеральное (2), битерминальное (1). Практически всегда это один или пара сколов, которыми был снят ударный бугорок, только в одном случае отмечена комбинация сколов и ретуши. Также довольно интересным в смыс-

ле понимания этапов нанесения ретуши является пример оформления выпуклого поперечного скребла (рис. 7/2). Во время обработки от сильного удара орудие раскололось на две части. После этого одну из них мастер решил доработать крутой ступенчатой ретушью, получив таким образом довольно крутой вогнутый рабочий край. Размеры поперечных скребел: длина от 1,8 до 9,9 см, ширина от 1,8 до 11,2 см, толщина от 0,8 до 3,9 см.

Диагональных скребел 13. Все они имеют выпуклый рабочий край (рис. 8), оформленный дорсальной полукрутой чешуйчатой, реже ступенчатой ретушью. Практически все изделия, кроме одного, имеют аккомодационные элементы. Преобладают различные вариации естественных спинок, которые в трех случаях имеют следы подправки несколькими сколами на латеральных частях с вентральной или дорсальной стороны. Другой вариант аккомодации (отмечено на 5 изделиях) – вентральное утончение одним сколом, только в двух случаях несколькими (рис. 8/2). Локализируется утончение чаще в проксимальной, реже – в латеральной части изделия. Размеры: длина от 2,9 до 9,0 см, ширина от 4,0 до 8,9 см, толщина от 1,0 до 2,5 см.

Двойные скребла представлены двумя двояковыпуклыми и двумя прямовыпуклыми изделиями. Рабочие края первых двух сформированы дорсальной краевой плоской чешуйчатой ретушью, остальных двух – комбинацией: одно лезвие оформлено краевой плоской чешуйчатой, другое – ступенчатой полукрутой ретушью. Отмечено вентральное утончение: в одном случае это два скола, которые сняли ударный бугорок, в другом – вентральная утончающая ретушь по латеральному краю. Размеры: длина от 3,7 до 7,4 см, ширина от 3,2 до 5,2 см, толщина от 1,1 до 1,4 см.

Скребла **угловые** (7) в основном имеют дорсальную протяженную чешуйчатую, только два изделия – ступенчатую крутую и полукрутую ретушь. Применение плоской чешуйчатой ретуши отмечено на трех изделиях. Одно изделие отличается оформлением лезвий поочередно с дорсальной и вентральной плоскости краевой плоской ретушью. У всех орудий этой группы, кроме перечисленного выше, зафиксировано наличие аккомодационных элементов: естественных (4) и оформленных ретушью спинок (3), вентральных утончений двумя сколами (два проксимальных, два латеральных). Размеры: длина от 3,3 до 5,6 см, ширина от 4,7 до 9,5 см, толщина от 1,1 до 2,5 см.

Среди **вентральных** скребел выделяются поперечные выпуклые (2), продольные выпуклые (3) и вогнутые (1). Следует отметить, что в поперечных вариантах для формирования рабочего края выбирали исключительно проксимальную часть скола-заготовки, которая в одном случае оформлена крутой ступенчатой ретушью, в другом – крутой чешуйчатой. Продольные изделия в основном сформированы крутой чешуйчатой краевой ретушью, в двух случаях отмечено наличие естественной спинки, в качестве которой выступают латеральная и проксимальная части отщепа, покрытые коркой. Размеры: длина от 5,0 до 8,5 см, ширина от 3,5 до 11,4 см, толщина от 1,1 до 3,1 см.

Подлистовидные орудия представлены одним фрагментом (отсутствует базальная часть), обработанным дорсальной чешуйчатой плоской ретушью билатерально, края выпуклые, сходятся в одном конце, который закруглен (рис. 9/1).

В коллекции присутствуют два **лимаса**. Эти утолщенные симметричные образцы имеют два конца, которые сходятся в практически круговую обработку (рис. 9/2, 3). Ретушь дорсальная, ступенчатая, крутая (в одном случае практически 90°), полностью покрывает поверхность орудия. Размеры: длина от 2,8 до 7,0 см, ширина от 3,9 до 5,9 см, толщина от 1,4 до 2,0 см.

Остроконечники представлены одним проксимальным фрагментом, изготовленным из кварц-порфира. Рабочее лезвие сформировано дорсальной крутой ступенчатой ретушью, на вентральной стороне зафиксировано несколько сколов латерального утончения.

Орудий с **двусторонней** обработкой 7 – пять целых и два фрагмента. Большинство из них, как было уже отмечено ранее (Кулаковская 2001, 9), не имеют вида законченных изделий, поскольку оформлены частично, фрагментированы во время ретуширования или на начальной стадии обработки. Только два из них можно уверенно назвать полностью сформированными орудиями. Во-первых,

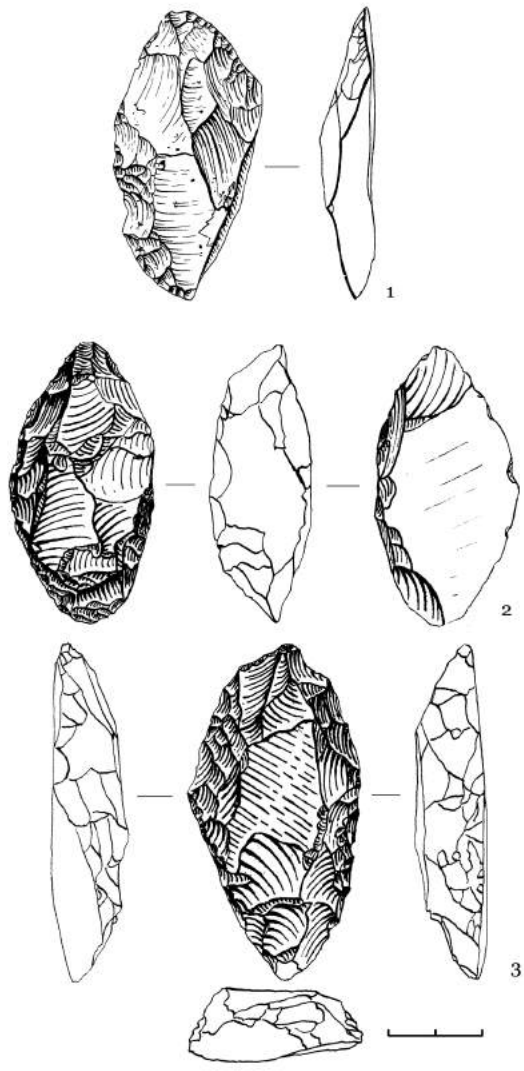


Рис. 9. Королево, слой II. 1 - Фрагмент подлистовидного орудия, 2-3 - лимасы (по: Кулаковская 1989).

это бифас, изготовленный из кварцита, который имеет трапециевидную форму, оформлен в плоско-выпуклой манере с массивной спинкой, подправленной сколами (рис. 10/1). Лезвие сформировано чешуйчатой полукрутой чередующейся ретушью, извилистое в плане и профиле. Во-вторых, подлистовидное двустороннее скребло, плоско-выпуклое, оформленное чешуйчатой полукрутой ретушью (рис. 10/2). Другие орудия с двусторонней обработкой представлены скреблами. Один экземпляр на отщепе имеет выпуклый рабочий край, оформленный прерывистой чешуйчатой ретушью, и массивную, обработанную сколами спинку (рис. 11/1). Другое скребло с двусторонней ретушью (рис. 11/2), изготовленное на фрагменте андезита, имеет с одной стороны подтеску мелкими сколами, с другой – выпуклое лезвие, оформленное ступенчатой крутой ретушью, естественной спинкой служила поверхность слома. Еще одно орудие, которое имеет сформированный прерывистой чешуйчатой ретушью рабочий край, фрагментировано пополам во время обработки плоской стороны, скорее всего, является преформой. Размеры: длина от 4,6 до 12,2 см, ширина от 4,2 до 8,4 см, толщина от 1,5 до 2,5 см.

В группу **зубчатых** включено 25 предметов, из них целых – 20. В основном, они имеют один, реже два, и только в одном случае три зубца, которые сформированы дорсальной, в двух случаях вентральной, чешуйчатой, изредка ступенчатой, полукрутой или крутой ретушью. Она локализуется в дистальных, реже – в латеральных частях заготовки. У двух орудий отмечено вентральное утончение двумя сколами, локализированное в проксимальной части заготовки. Отдельно следует отметить серию орудий (10) с достаточно длинным непрерывным протяженным крутым рабочим краем, сформированным в основном мелкими сколами, в трех случаях – ступенчатой ретушью (рис. 12/2-7). Семь из этих изделий имеют спинку, два из них подправлены сколами. На двух предметах присутствует вентральное утончение сколами: латеральное и битерминальное. Такие орудия, особенно те, в которых рабочий край сформирован сколами, в отличие от всех других зубчатых изделий, обработанных ретушью, не имеют вид полностью законченных. Можно предположить, что длинный рабочий край, сформированный последовательно большими сколами, отражает первый этап нанесения ступенчатой ретуши, которой оформлено значительное количество орудий этого комплекса. Размеры: длина от 2,6 до 8,8 см, ширина от 2,4 до 11,9 см, толщина от 0,9 до 5,4 см.

Выемчатые орудия представлены целыми (14) и фрагментами (4). Они имеют одну (11), реже две (3) выемки, оформленные ретушью, локализованные чаще на латеральных (10), реже на дистальных частях заготовок, с дорсальной (9) или вентральной сторон (5). Ретушь краевая, чешуйчатая, крутая или полукрутая, редко - плоская. Шесть изделий имеют

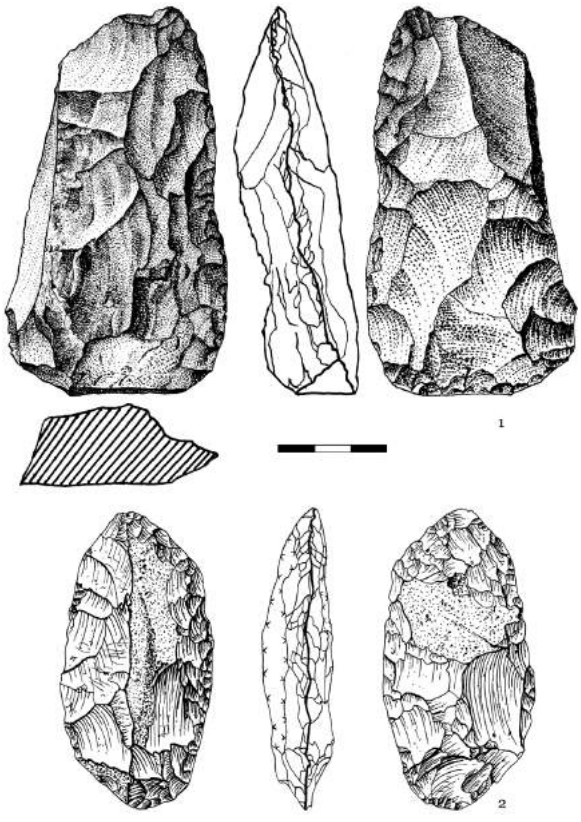


Рис. 10. Королево, слой II. Двусторонние орудия (по: Кулаковская 1989).

естественную спинку, одно из них имеет утончение двумя сколами с вентральной стороны в проксимальной части заготовки. Размеры: длина от 2,3 до 7,3 см, ширина от 2,3 до 8,1 см, толщина от 0,7 до 5,2 см.

Верхнепалеолитическая группа орудий состоит из резца и скребка, сделанных на отщепах. Резец вентральный угловой, размеры 6,0×7,3×1,5 см. Скребок концевой с выпуклым рабочим краем, оформленным дорсальной краевой чешуйчатой крутой ретушью, размеры: 3,1×1,7×1,5 см.

Отщепов с ретушью целых – 38, фрагментов – 9. Они оформлены эпизодической плоской чешуйчатой дорсальной (41), редко – вентральной (6) ретушью в латеральных или дистальных зонах. У 14 изделий отмечена спинка, которая в двух случаях подправлена сколами. Четыре отщепа имеют вентральное проксимальное утончение. Размеры: длина от 3,3 до 7,7 см, ширина от 2,7 до 11,2 см, толщина от 0,5 до 3,4 см.

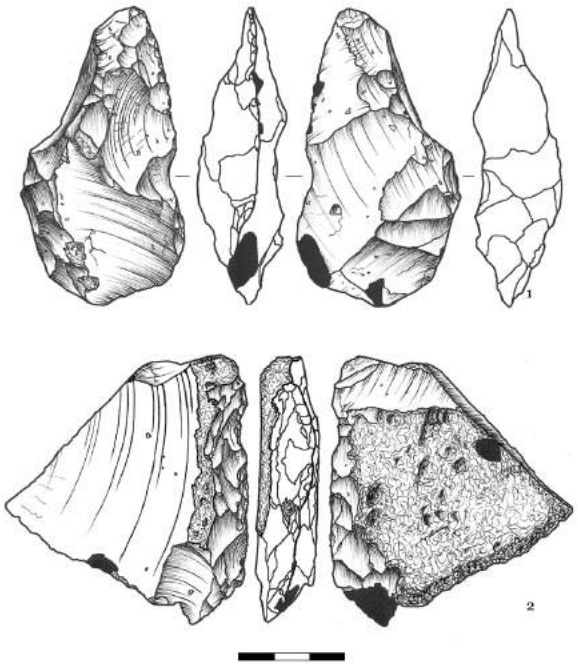


Рис. 11. Королево, слой II. Двусторонние орудия.

В отдельную группу изделий с вторичной обработкой выделены **сколы с утончением**. Они представлены 15 отщепами и одной пластиной. Обычно они имеют один или два небольших скола на вентральной поверхности, локализованные в проксимальной (10), латеральной (2) или терминальной (4) части заготовки. Принадлежность этих изделий к категории орудий для этого комплекса достаточно неоднозначна, поскольку такие изделия находятся на границе между орудиями и нуклеусами. Размеры: длина от 4,5 до 8,8 см, ширина от 3,5 до 9,0 см, толщина от 1,2 до 2,5 см.

К группе орудий с **уничтоженным рабочим краем** (Усик 2005, 190) относятся 16 предметов. В эту группу вошли изделия, у которых на одном рабочем лезвии присутствуют негативы одного или нескольких довольно глубоких сколов и небольшие участки ретуши. При этом негативы сколов как бы перекрывают ретушированные участки, снимая часть отретушированного лезвия. Следует отметить, что в коллекции также есть соответствующие сколы уничтожения рабочего края (Вотякова 2015, 30). Интерпретация этого процесса как переоформления или повторного заострения лезвия орудия не кажется однозначной, как и трактовка его в качестве нуклеусного расщепления (Усик 2005, 190). Размеры: длина от

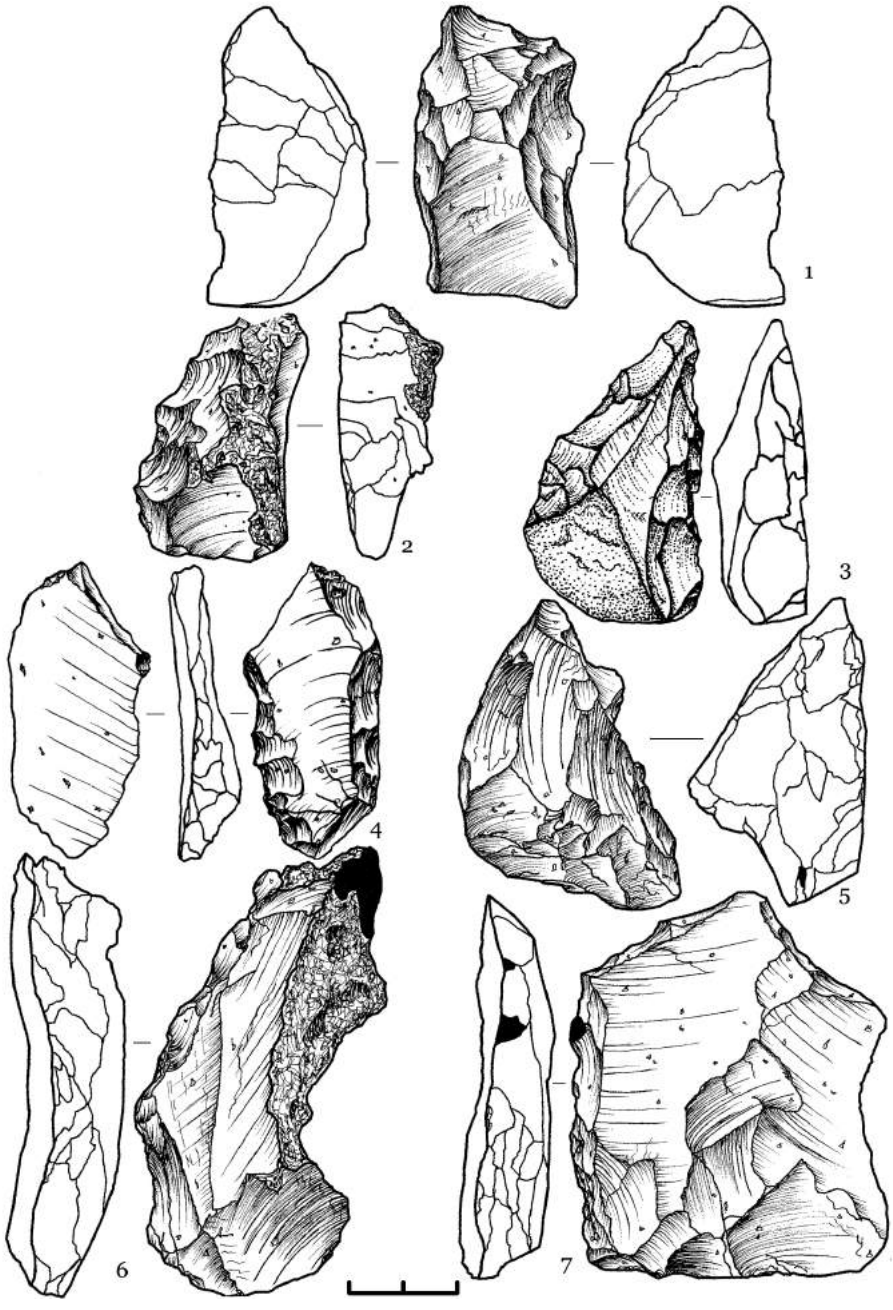


Рис. 12. Королево, слой II. 1 - Фрагмент орудия; 2-7 - зубчатые орудия.

3,2 до 8,6 см, ширина от 3,6 до 7,0 см, толщина от 1,1 до 2,7 см.

Проанализировав все вышеперечисленные категории орудий, можно выделить общие тенденции их изготовления, характерные для индустрии слоя II стоянки Королево. Основной заготовкой для изготовления орудий были отщепы, подавляющее большинство которых (60%) имеет укороченные пропорции. Средний размер целых орудий превышает 5 см. Использовалась дорсальная полукрутая ступенчато-чешуйчатая ретушь, которая наносилась на самый длинный край заготовки и формировала преимущественно выпуклое рабочее лезвие. В 75% изделий отмечено наличие аккомодационных элементов. Основным является спинка, чаще естественная, без дополнительной обработки. Вместе с тем в наборе орудий выделяется определенная типологическая специфика, которая отделяет одни типы от других по характеру оформления. Типологическое ядро коллекции – скребла, составляющие более

60% орудий. Отметим, что среди них абсолютно преобладают дорсальные однолезвийные экземпляры (80% от общего количества скребел), состоящие из продольных, поперечных и диагональных. Преобладающий тип поперечных скребел характеризуется выраженной серией предметов, оформленных полукрутой и крутой ступенчатой ретушью, т.н. полу-Кина, Кина (Bordes 1961; Verjux, Rousseau 1986, 404). Только в рамках этого типа изделий отмечено наличие спинки в 90%, более того, зафиксированы все варианты спинок, выделенные для этого комплекса. Все это делает поперечные скребла не только самым многочисленным, но и наиболее выразительным типом орудий для этой индустрии. Другие однолезвийные дорсальные скребла – продольные и диагональные, имеют схожие тенденции в характере оформления. Но доля ступенчатой крутой ретуши (т.н. полу-Кина, Кина) здесь падает, и, наоборот, растет количество изделий, оформленных чешуйчатой или ее комбинацией со ступенчатой ретушью, угол ретуши становится полукрутым или плоским. Угловые, вентральные и двойные скребла представлены небольшими группами. Эти изделия большей частью оформлены чешуйчатой ретушью: у двойных скребел она обычно плоская, а у угловых и вентральных – полукрутая или крутая. Второе место по численности занимает зубчато-выемчатая группа – около 30% орудий. Достаточно интересными в плане оформления являются зубчатые изделия. Среди них выделяется серия орудий с длинным непрерывным рабочим краем, в основном оформленным сколами, с естественной или подправленной спинкой. Позиция этих предметов как законченных орудий не однозначна, поскольку качество их вторичной обработки позволяет предположить, что они отражают начальную стадию оформления рабочего края, собственно, первый этап нанесения ступенчатой ретуши.

Другие типы орудий представлены единичными, но достаточно выразительными экземплярами (лимасы, остроконечники, листовидные). Не совсем понятной остается позиция изделий с двусторонней обработкой. Незначительное количество, наличие в основном незавершенных изделий, отсутствие в коллекции сколов их оформления свидетельствуют в пользу случайного характера их присутствия в этой индустрии.

В отдельную категорию была выделена группа не модифицированных орудий для раскалывания: отбойники (36) и ретушеры (2) на песчаниковых и кварцитовых гальках. Среди отбойников (17 предметов) есть достаточно крупные образцы весом 3,5 кг и размером 18,5×12,3×11,3 см, которые, скорее всего, могли использоваться для отделения массивных отщепов для нуклеусов. Однако большинство отбойников значительно меньше: от 0,1 до 0,5 кг, длина от 7,0 до 10,3 см, ширина от 5,0 до 7,0 см, толщина от 3,0 до 5,8 см. Они имеют по два-три рабочих участка, чаще всего на терминальных или латеральных краях. Следы использования очень интенсивные, иногда от удара отбойники раскалывались, о чем свидетельствует значительное количество фрагментов. В коллекции есть два ретушера на овальных плоских гальках песчаника весом 0,1 и 0,168 кг и размерами 8,0×5,7×1,5 и 7,8×6,2×2,4 см.

В итоге, проанализировав вышеизложенный материал, можно сделать следующие выводы. В коллекции слоя II присутствуют артефакты всех категорий первичной и вторичной обработки: пренуклеусы, нуклеусы, сколы (от первичных отщепов до чешуек формирования рабочего края), орудия труда. Все это свидетельствует о том, что полный цикл раскалывания и вторичной отделки происходил непосредственно на стоянке. В технологическом плане индустрию слоя II Королево можно охарактеризовать как нелеваллуазскую, непластинчатую, нефасетированную, с абсолютным преобладанием радиального метода эксплуатации односторонних нуклеусов. Раскалывание было достаточно развитым, часто использовали разнообразные технические приемы восстановления объема рабочей поверхности и переоформление площадок нуклеусов. Процесс утилизации нуклеусов был очень интенсивный, большинство из них полностью сработаны. Своеобразной чертой раскалывания можно назвать практику использования вентральной поверхности для получения одного отщепа (метод «Kombewa») или нескольких сколов в центростремительном направлении. Это подтверждается использованием отщепов как заготовок для нуклеусов (41%). Основным типом заготовки, на который было нацелено раскалывание, был короткий и широкий отщеп трапециевидной формы с довольно мас-

сивным латеральным краем или площадкой, иногда покрытый естественной коркой, которая могла выполнять функцию аккомодационного элемента. Именно такие заготовки чаще всего использовались для изготовления орудий. Специфическими признаками оформления орудий является ретуширование длинного края заготовки ступенчатой полукрутой, реже – крутой ретушью типа полу-Кина, Кина, а также наличие аккомодационных элементов.

Как уже указывалось, индустрия слоя II стоянки Королево была определена как шарантская типа Кина (Кулаковская 2001, 10; Кулаковская 2002, 29). Напомним, что по определению Ф. Борда для шарантских индустрий типа Кина характерны следующие критерии (Bordes 1953, 458-462; Bordes 1981, 79):

– Нелеваллуазский метод раскалывания;
– Преобладание в наборе орудий скребел (более 55%);
– Высокий индекс шарантский (IC): от 19 до 54;
– незначительный процент зубчатых форм (менее 15%);
– достаточно высокая частота орудий, оформленных ретушью типа Кина;
– наличие лимасов;
– невысокий показатель орудий с двусторонней обработкой.

Большинство этих типологических критериев присущи коллекции орудий слоя II стоянки Королево, а именно: преобладание скребел (60%), IC – 23%, использование крутой ступенчатой ретуши (т.н. полу-Кина, Кина), незначительный процент листовидных, двусторонних орудий и лимасов.

В Закарпатье на современном этапе исследования есть два памятника, имеющих технико-типологические черты, подобные индустрии слоя II Королево, это – второй культурно-хронологический комплекс стоянки Малый Раковец 4 и Рубань (Кулаковская 2003, 12; Kulakovska, Usik 2011, 134; Sitlivyj, Ryzov 1992, 313). Для типологических наборов этих комплексов характерно: преобладание скребел, в первую очередь однолезвийных, среди которых высокий процент занимают поперечные и диагональные выпуклые; применение для оформления орудий ретуши типа полу-Кина; наличие аккомодационных элементов.

В качестве аналогии индустрии слоя II стоянки Королево в европейском палеолите можно назвать шарантскую индустрию стоянки Тар (Дордонь, Франция) (Rigaud, Texier 1981, 109-117; Geneste et al. 1997, 103-10), в первичном раскалывании которой также преобладает радиальный метод, присутствуют нуклеусы Kombewa и нуклеусы, имеющие признаки перехода от метода Kombewa к центростремительному (Geneste et al. 1997, 107, fig. 8). Среди орудий также преобладают продольные и поперечные выпуклые скребла, рабочий край которых оформлен ретушью полу-Кина (Rigaud, Texier 1981, 117). Таким образом, технокомплекс слоя II стоянки Королево можно считать самым восточным проявлением шарантских памятников типа Кина в Европе.

Библиография

Вотякова 2015: О.Л. Вотякова, Техніко-типологічний аналіз матеріалів шару II стоянки Королево на Закарпатті. Археологія і давня історія України 3/16, 2015, 22-34.

Вотякова 2017: О.Л. Вотякова, Типологічна специфіка та аналіз вторинної обробки знарядь шару II стоянки Королево на Закарпатті. Археологія і давня історія України 3/24, 2017, 20-37.

Гладилин 1976: В.Н. Гладиилин, Проблемы раннего палеолита Восточной Европы (Киев 1976).

Гладилин 1985: В.Н. Гладилин, Ранний палеолит. В: (ред. И.И. Артеменко) Археология Украинской ССР, т. 1 (Киев 1985), 12-54.

Кулаковская 1989: Л.В. Кулаковская, Мустьерские культуры Карпатского басейна (Киев 1989).

Кулаковская 2001: Л.В. Кулаковская, Шарантские традиции в среднем палеолите стоянки Королево. Carpatica-Карпатика 13, 2001, 7-12.

Кулаковська 2002: Л.В. Кулаковська, Деякі аспекти господарства середньопалеолітичних поселенців Королево: сировинні ресурси комплексу II. Археологія 2, 2002, 25-31.

Кулаковська 2003: Л.В. Кулаковська, Середньопалеолітичні варіації на заході України. В сб.: (Ред. Л.В. Кулаковська) Варіабельність середнього палеоліту України (Київ 2003), 10-31.

Кулаковская 2009: Л.В. Кулаковская, Королево: хронология раннего и среднего палеолита. В сб.: (Ред. С.А. Васильев, Л.В. Кулаковская) С.Н. Бибиков и первобытная археология (Санкт-Петербург 2009), 87-99.

Кулаковская, Усик 2011: Л. Кулаковская, В. Усик, Ранний палеолит Украины. В сб.: (Отв. ред. К.Н. Гаврилов) Палеолит и мезолит Восточной Европы (Москва 2011), 9-36.

Солдатенко 1982: Л.В. Солдатенко, Мустье Тисо-Дунайского басейна. Автореф. дисс. канд. истор. наук (Киев 1982).

Усик 2003: В.И. Усик, Проблемы интерпретации методов расщепления среднепалеолитического слоя II стоянки Королево (Закарпатье). Археологический альманах 13, 2003, 170-186.

Усик 2005: В.И. Усик, К проблеме определения орудий с поврежденным рабочим краем. В: Материалы докладов Международного симпозиума «Заселение первобытным человеком Центральной, Северной и Восточной Азии: археологический и палеоэкологический аспекты» Денисова пещера, Горный Алтай, 16-25 августа 2005 (Новосибирск 2005), 190-191.

Усик 2006: В.И. Усик, Королево. Новые аспекты исследования культурного слоя V. В сб.: (Ред. Л.В. Кулаковська) Європейський середній палеоліт (Київ 2006), 50-77.

Boeda 1995: E. Boeda, Caracteristiques techniques des chaines operatoires lithiques des niveaux micoquiens de Külna (Tchecoslovaquie). Paleo 1, 1995, 57-72.

Bordes 1953: F. Bordes, Essai de classification des industries «moustériennes». Bulletin de la Société préhistorique française 7/8, 1953, 457-466.

Bordes 1961: F. Bordes, Typologie du Paléolithique ancien et moyen (Bordeaux 1961).

Bordes 1981: F. Bordes,Vingt-cinq ans après : le complexe moustérien revisité. Bulletin de la Société préhistorique française 7/8, 1981, 77-87.

Chabai, Demidenko 1998: V.P. Chabai, Yu.E. Demidenko, The classification of flint artifacts. In: (ed. A. Marks, V. Chabai) The Paleolithic of Crimea. The Middle Paleolithic of Western Crimea (Liége 1998), 31-51.

Geneste et al. 1997: J.-M. Geneste, J. Jaubert, M. Lenoir, L. Meignen, A. Turq, Approche technologique des Moustériens Charentiens du Sud-Ouest de la France et du Languedoc oriental. Paléo 9, 1997, 101-142.

Haesaerts, Koulakovska 2006: P. Haesaerts, L. Koulakovska, La séquence pédosédimentaire de Korolevo (Ukraine transcarpatique): contexte chronostratigraphique et chronologique. В сб.: (Ред. Л. В. Кулаковська) Європейський середній палеоліт (Київ 2006), 21-37.

Kulakovskaya 1989: L. Kulakovskaya, Korolevo 1. The Mousterian complexes I and II. Anthropologie XXVII/2-3, 1989, 105-118

Kulakovska, Usik 2011: L. Kulakovska, V. Usik, Palaeolithic of Transcarpathian region (Ukraine): chronology and cultural variability. The Quaternary studies in Ukraine. To XVIII Congress of the International Assosiation of the Study of the Quaternary Period (INQUA), Bern, 2011 (Kyiv 2011), 129-140.

Rigaud, Texier 1981: J. P. Rigaud, J.-P. Texier, A propos des particularités techniques et typologiques du gisement des Tares, commune de Sourzac (Dordogne). Bulletin de la Société préhistorique française 78/4, 1981, 109-117.

Sitlivyj, Ryzov 1992: V. Sitlivyj, S. Ryzov, The late middle palaeolithic of Malyj Rakovets IV in Transcarpathia. Archaologisches Korrespondenzblatt 22, 1992, 301-314.

Verjux, Rousseau 1986: C. Verjux, D.-D. Rousseau, La retouche Quina: une mise au point. Bulletin de la Société préhistorique française 11/12, 1986, 404-415.

Industria nivelului II din staţiunea Korolevo din Transcarpatia

Cuvinte-cheie: Korolevo, paleoliticul mijlociu, industrie, tipologie, Quin.

Rezumat: Acest studiu este dedicat analizei colecţiei de piese litice din nivelul II al staţiunii Korolevo.

Tehnologia prelucrării materiei prime poate fi caracterizată ca una non-*Levallois*, fără utilizarea tehnicii laminare, fără faţetare şi care se bazează pe metoda despicării radiale a nucleelor. Tipul principal de semifabricate a fost aşchia scurtă şi lată, de forma trapezoidală cu margine laterală sau cu talon masiv. Anume din aceste semifabricate, în cele mai frecvente cazuri, au fost confecţionate unelte. Pentru retuşare au fost aplicate retuşe dorsale semi-abrupte sau abrupte scalariformi-solzoase. La 75% dintre piese au fost depistate elemente acomodative. Deseori, acestea au partea superioară naturală sau puţin prelucrată.

Cel mai răspândit grup de unelte este racloarele simple. Dintre ele cele mai numeroase sunt racloarele transversale, laterale şi diagonale. Mai rar se întâlnesc racloarele duble, racloarele de unghi şi racloarele ventrale. Al doilea grup numeros de unelte este reprezentat de piese denticulate. Limasele, vârfurile, piesele sub-foliforme şi bifaciale sunt atestate într-un număr redus.

Industria a fost calificată drept *Charentien* de tip *Quin*, despre ce mărturisesc: racloarele simple (60%), care, de regulă, au o retuşa semi-abruptă scalariformă (*semi-Quin*, *Quin*); numărul mic de piese bifaciale foliforme şi limase; nivelul ridicat al indexul Charentien – 23.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Staţiunea Korolevo, secţiunea I. Vedere dinspre vest.

Fig. 2. Korolevo, nivelul II. Nuclee discoidale (după Усик 2003).

Fig. 3. Korolevo, nivelul II. Nuclee discoidale pe aşchii (după Усик 2003).

Fig. 4. Korolevo, nivelul II. Nuclee „Kombewa" (după Усик 2003).

Fig. 5. Korolevo, nivelul II. Racloare laterale (2 - după Кулаковская 1989).

Fig. 6. Korolevo, nivelul II. Racloare transversale (2-4 - după Кулаковская 1989).

Fig. 7. Korolevo, nivelul II. Racloare transversale.

Fig. 8. Korolevo, nivelul II. Racloare diagonale (2, 3 - după V.I. Usik).

Fig. 9. Korolevo, nivelul II. 1 - Fragment de unealtă sub-foliformă; 2-7 - limase (după Кулаковская 1989).

Fig. 10. Korolevo, nivelul II. Piese bifaciale (după Кулаковская 1989).

Fig. 11. Korolevo, nivelul II. Piese bifaciale.

Fig. 12. Korolevo, nivelul II. 1 - Fragment de unealtă; 2-7 - piese denticulate.

The industry of Layer II of the Korolevo site in Transcarpathia

Keywords: Korolevo, Middle Palaeolithic, industry, typology, Quina.

Abstract: This article analyzes the stone artifacts of Layer II of the multilayered site Korolevo. In this paper we provide techno-typological and statistical characteristics of artifacts.

Technology can be described as non-Levallois, non-blades, non-facetted, and is based on the method of radial core reduction. The main blank is a short and wide flake, with a trapezoidal shape and massive lateral edge or platform. These flakes were used as blanks for most tools. Secondary working typically consisted of semi-abrupt or abrupt dorsal stepwise scalar retouch. Presence of accommodative elements is characteristic of 75% of the tools. Most often, pieces have a natural or prepared back.

The main group of tools represents unifacial scrapers. Most of them are simple single-edged tools: transversal, lateral and diagonal items. Less numerous groups presented are double, ventral and déjeté types of scrapers. Denticulate and notched types are the second most common tool types. Unifacially retouched artifacts limaces, points, leaf-shaped forms and bifacial tools are present singly or at small frequencies.

The industry has been defined as Charentian/Quina type. This is indicated by a number of features: the prevalence of unifacial scrapers (60%), a part of which has been worked with abrupt or semi-abrupt step retouch (so called semi-Quina or Quina type), insignificant percent of leaf-shaped forms, bifacial tools and limaces, and a high Charentian Index – 23.

List of illustrations:

Fig. 1. Korolevo, excavation I. View from the west.

Fig. 2. Korolevo, layer II. Radial cores (by Усик 2003).

Fig. 3. Korolevo, layer II. Radial cores on flakes (by Усик 2003).

Fig. 4. Korolevo, layer II. "Kombewa" cores (by Усик 2003).

Fig. 5. Korolevo, layer II. Lateral scrapers (2 - by Кулаковская 1989).

Fig. 6. Korolevo, layer II. Transversal scrapers (2-4 - by Кулаковская 1989).

Fig. 7. Korolevo, layer II. Transversal scraper.

Fig. 8. Korolevo, layer II. Diagonal scrapers (2-3 - by V.I. Usik).

Fig. 9. Korolevo, layer II. 1 - Fragment of the sub-leaf tool, 2-3 - limaces (by Кулаковская 1989).

Fig. 10. Korolevo, layer II. Bifacial tools (by Кулаковская 1989).

Fig. 11. Korolevo, layer II. Bifacial tools.

Fig. 12. Korolevo, layer II. 1 - Fragment of the tool, 2-7 - denticulate tools.

28.02.2018

Оксана Вотякова, Институт археологии Национальной Академии наук Украины, пр. Героев Сталинграда 11, 04210 Киев, Украина, e-mail: oksana_votiakova@iananu.org.ua

КОМПЛЕКС КРЕМНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ СТОЯНКИ ЗАЛИЗНИЧНОЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СБОРОВ 1970 ГОДА)

Игорь Писгруил

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, мезолит, неолит, кремневый инвентарь.

В 2017 году автором статьи была обработана небольшая коллекция подъемного материала местонахождения Зализничное (сборы 1970 года) для принятия ее на постоянное хранение в фонды Одесского археологического музея НАН Украины. В одной из публикаций, в которой описывалась коллекция Зализничного, было указано, что «современное местонахождение коллекции не установлено» (Станко и др. 1999, 62). Однако автору данной работы известно, что данная коллекция с 1991 года хранилась в лаборатории археологии и этнографии степной Украины исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова.

Краткая история исследования памятника

Местонахождение Зализничное открыто М.В. Агбуновым в 1970 году. Расположено на левом берегу р. Ялпуг в 1,3 км к югу от с. Зализничное Болградского района Одесской области. Основная масса находок собрана на террасовидном уступе высотой 40 м от современного уровня реки (Станко, Суботін 1979, 80). Как указывалось в ряде работ, местонахождение в 1979 году дополнительно было обследовано В.Н. Станко и Л.В. Субботиным (Станко и др. 1999, 58; Смынтына 2001-2002, 452). Тогда же была опубликована коллекция подъемного материала (692 экз.) (Станко, Суботін 1979, 80). Однако на одной из коробок, в которой хранились скребки стоянки, есть надпись «Зализничное 1978 п.м.». Так что второе обследование стоянки Зализничное могло происходить и в 1978, а не только в 1979 году.

В 1998 году территория памятника была обследована экспедицией под руководством В.Н. Станко в рамках международного проекта INTAS (Станко и др. 1999, 58-62). Во время обследования был собран подъемный материал и «... на склоне расчищен участок, где in situ был прослежен культурный слой и собрано несколько обломков костей животных» (Станко и др. 1999, 58). Общее количество кремневой коллекции местонахождения в результате этих работ увеличилось до 939 экземпляров (Станко и др. 1999, 58).

В 1999-2000 гг. исследования памятника были продолжены экспедицией Одесского национального университета имени И.И. Мечникова под руководством Е.В. Смынтыны (Смынтына 2001-2002, 453). После этих исследований количество кремневой коллекции стоянки увеличилось до 7711 экземпляров (2412 экз. подъемного материала и 5299 экз. обнаружено в результате раскопок) (Смынтына 2001-2002, 455).

Кремневая коллекция стоянки Зализничное (по материалам сборов 1970-х годов)

В данной работе анализируется только коллекция подъемного материала, опубликованная В.Н. Станко и Л.В. Субботиным (сборы 1970 г и, возможно, 1978 и/или 1979 годов), которая, как уже указывалось, обработана автором работы для принятия ее на постоянное хранение в фонды Одесского археологического музея НАН Украины. Коллекция хранилась в одной коробке и была разделена по отдельным категориям, которые хранились в отдельных более мелких контейнерах. Некоторые из этих упаковок были повреждены, что привело к смешению материала. Большая часть материала зашифрована – «Зал 70 п. м.». Также в коллекции присутствует небольшое количество изделий без шифра. Кремни, которые не зашифрованы, возможно, найдены позже (в 1978 и/или 1979 году), включены в общую коллекцию и опубликованы (Станко, Суботін 1979). На 1979 год кремневая коллекция стоянки Зализничное составляла 692 экземпляров (табл. №1-2).

Таблица 1

Коллекция кремневых изделий стоянки Зализничное
(по: Станко, Суботін 1979, 80)

№	Наименование	Кол-во	%
1	Нуклевидные обломки	9	1,3
2	Нуклеусы	11	1,6
3	Сколы с нуклеусов	6	0,9
4	Отщепы и орудия на них	191	27,6
5	Пластины и орудия на них	294	42,5
6	Отходы (обломки, мелкие обломки, чешуйки)	181	26,1
	ВСЕГО	**692**	**100**

Как видно из таблицы, в соответствующие группы заготовок включены и изделия со вторичной обработкой, на которых они изготовлены. При этом, например, для пластин указывалось, что на большинстве из них присутствуют следы сработанности, что свидетельствует об их использовании без вторичной обработки (Станко, Суботін 1979, 80).

Таблица 2

Коллекция изделий с вторичной обработкой стоянки Зализничное
(по: Станко, Суботін 1979, 81-83)

№	Наименование	Кол-во	%
1	Скребки	52	61,2
2	Резцы	6	7,1
3	Геометрические микролиты (трапеции)	2	2,4
4	Орудия с выемками	7	8,2
5	Острия	2	2,4
6	Пластины с пологой ретушью по краю	6	7,1
7	Микропластины с пологой ретушью по краю	4	4,6
8	Пластина с притупленным краем	1	1,2
9	Микропластины с притупленным краем	2	2,4
10	Пластины с подтеской	3	3,4
	ВСЕГО	**85**	**100**

Анализ кремневого инвентаря позволил авторам датировать местонахождение мезолитической эпохой и отнести его к гребениковской археологической культуре.

После дополнительного обследования территории стоянки в 1998 г. количество кремневой коллекции увеличилось. В статье (Станко и др. 1999, 58-62), в которой, в том числе, описываются и материалы стоянки Зализничное, в основном использованы иллюстрации кремневого инвентаря первых сборов подъемного материала 1970 года. Несколько изменился и типологический состав коллекции. «Исчезли» пластины с подтеской (3 экз.), которые были выделены ранее. Хотя их иллюстрации есть в обеих публикациях (Станко, Суботін 1979, рис. 1/9, 11, 12; Станко и др. 1999, табл. XVIII/25, 26, 28). Появляются новые типы изделий: долото, «резец супоневского типа», обломок черешкового наконечника (Станко и др. 1999, 62). Что касается последнего изделия, то, судя по рисунку (Станко и др. 1999, табл. XVIII/24), мы имеем дело с обломком пластины с какими-то следами использования. Тут возможно произошла какая-то путаница, так как похожее «изделие» присутствует в коллекции подъемного материала сборов 1970 года, однако оно не было интерпретировано как «обломок черешкового наконечника». Все это вызывает необходимость новой обработки и публикации материала.

Коллекция подъемного материала 1970-х годов, которая была обработана автором работы, составляет 505 изделий (табл. 3).

Таблица 3

Коллекция кремневых изделий стоянки Зализничное (сборы 1970-х годов)

№	Наименование	Кол-во	%
1	Осколки и обломки	14	2,8
2	Сколы с нуклеусов	7	1,4
3	Отщепы	192	38,0
4	Пластины	96	19,0
5	Микропластины	83	16,4
6	Чешуйки	28	5,6
7	Скребки	43	8,5
8	Резцы	5	1,0
9	Геометрические микролиты (трапеции)	2	0,4
10	Пластины со следами использования	15	3,0
11	Пластины с ретушью	5	1,0
12	Тронкированные пластины	3	0,5
13	Отщеп со следами использования	1	0,2
14	Микропластины со следами использования	9	1,8
15	Осколок с ретушью	1	0,2
16	Отщеп с современными повреждениями	1	0,2
	ВСЕГО	**505**	**100**

Таким образом, в настоящий момент в коллекции подъемного материала 1970-х годов недостает 187 экз. Кроме нуклеусов, которые достаточно четко выделяются, сейчас достаточно сложно установить количество недостающих изделий по отдельным категориям. Однако, исходя из подсчета изделий с вторичной обработкой, можно предположить, что их количество если и изменилось, то незначительно.

Как предполагали авторы исследований, источником сырья для изготовления изделий служили месторождения Добруджи. Однако далее указывали, что основная масса изделий изготовлена из полупрозрачного кремня, который подобен кремню из днестровских месторождений (Станко, Суботін 1979, 80). Сырье, которое шло для изготовления изделий, представлено разнообразными осколками (14 экз.). Это осколки желваков и галек (гальки преобладают), от светло-серого и светло-коричневого (с белесыми вкраплениями) до черного цветов, иногда сильно патинизированы. На некоторых осколках присутствуют негативы отдельных сколов (рис. 1/29). К осколкам также отнесен обломок сильно сработанного конического или карандашевидного нуклеуса (рис. 1/28).

Сколы обновления нуклеусов – на пластинах (6 экз.) и отщепе (1 экз.). Судя по характеру их оформления (нанесение сколов от одной грани по одной стороне) и размерам, сколы обновления на пластинах могли быть «сняты» как с конических или карандашевидных нуклеусов, так и с уплощенных нуклеусов.

Отщепов – 192 экз. Подавляющее их большинство имеет размеры 0,5-2,5 см. Крупных (более 3-х см) отщепов – несколько экземпляров. Мелких отщепов (0,5-2,5 см) – 85 экз. Несколько больше средних (1,5-2,5 см) отщепов – 103 экз. Единичными экземплярами представлены отщепы с желвачной коркой. Отдельно выделены чешуйки – 28 экз. Часть из них – небольшие фрагменты (3-4 мм) отщепов и пластин, часть – представляют собой чешуйки, «слетевшие» с нуклеусов во время первичного расщепления или с заготовок во время ретуширования.

Пластин и их фрагментов в коллекции – 179 экземпляров. Как указывали авторы первой публикации материалов памятника (Станко, Суботін 1979, 80), целые пластины единичны. Практически все они, за некоторым исключением, правильнопризматические, с параллельными краями и прямые в профиле, что связано не только с их фрагментацией, но и с соответствующей техникой расщепления (отжим). Крупные пластины (шириной более 2-х см) отсутствуют. Остальные разделены на несколько групп по размерам: средние пластины и две группы микропластин. Средних пластин (0,9-1,9 см) – 96 экземпляров. Ширина практически всех этих пластин колеблется в пределах от 0,9 до 1,5 см. Микропластин (ширина до 0,9 см) – 83 экземпляров. Они условно разделены на 2 группы: шириной до 0,5 см – около 20 экземпляров, некоторые сечения при этом достигают длины 2,5 см, и остальные – шириной 0,6-0,9 см.

Нуклеусы и большое количество сколов свидетельствует о расщеплении кремня непосредственно на территории стоянки. Однако, учитывая практически полное отсутствие сколов с желвачной коркой, можно с большой долей вероятности предположить, что на стоянку приносилось уже отсортированное сырье либо подготовленные для расщепления нуклеусы, что, в принципе, может указывать на достаточно высокую мобильность первобытного населения. Судя по форме ударных площадок сколов и ряду других характеристик, для первичного расщепления использовалась «ударная техника» и отжим.

Скребки и их обломки – наиболее многочисленная категория изделий (43 экз.). В качестве заготовок для изготовления скребков использовались преимущественно отщепы. Выделяются скребки концевого типа, полуокруглые, подокруглые и округлые типы (всего 28 экз.), которые, вероятнее всего, демонстрируют разные стадии реутилизации данных изделий (рис. 2/1-5, 7-18, 20-23, 25, 29, 34, 35). У 3-х экземпляров отмечена подтеска вентральной поверхности (рис. 2/30-32). Один из них изготовлен на отщепе карпатской гальки. Возможно, данное изделие реутилизировано, т.к. часть сколов, формирующих скребковое лезвие, менее заполированы, чем остальные (рис. 2/31). Также выделены два скребка «высокой формы». Один изготовлен на отщепе (рис. 2/24), другой – на осколке гальки. Если бы не его небольшие размеры, то последнее

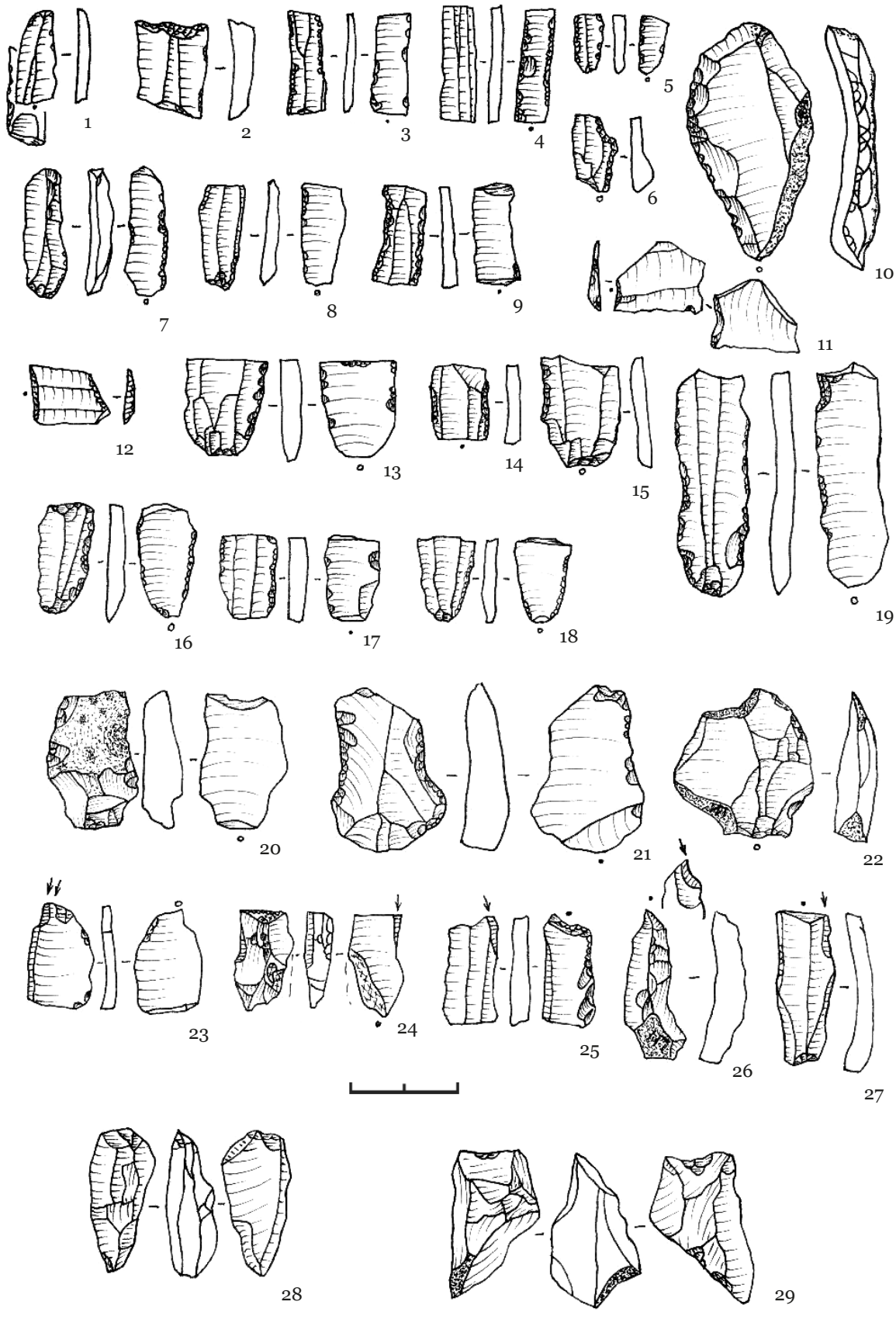


Рис. 1. Кремневый инвентарь стоянки Зализничное (подъемный материал 1970 года).

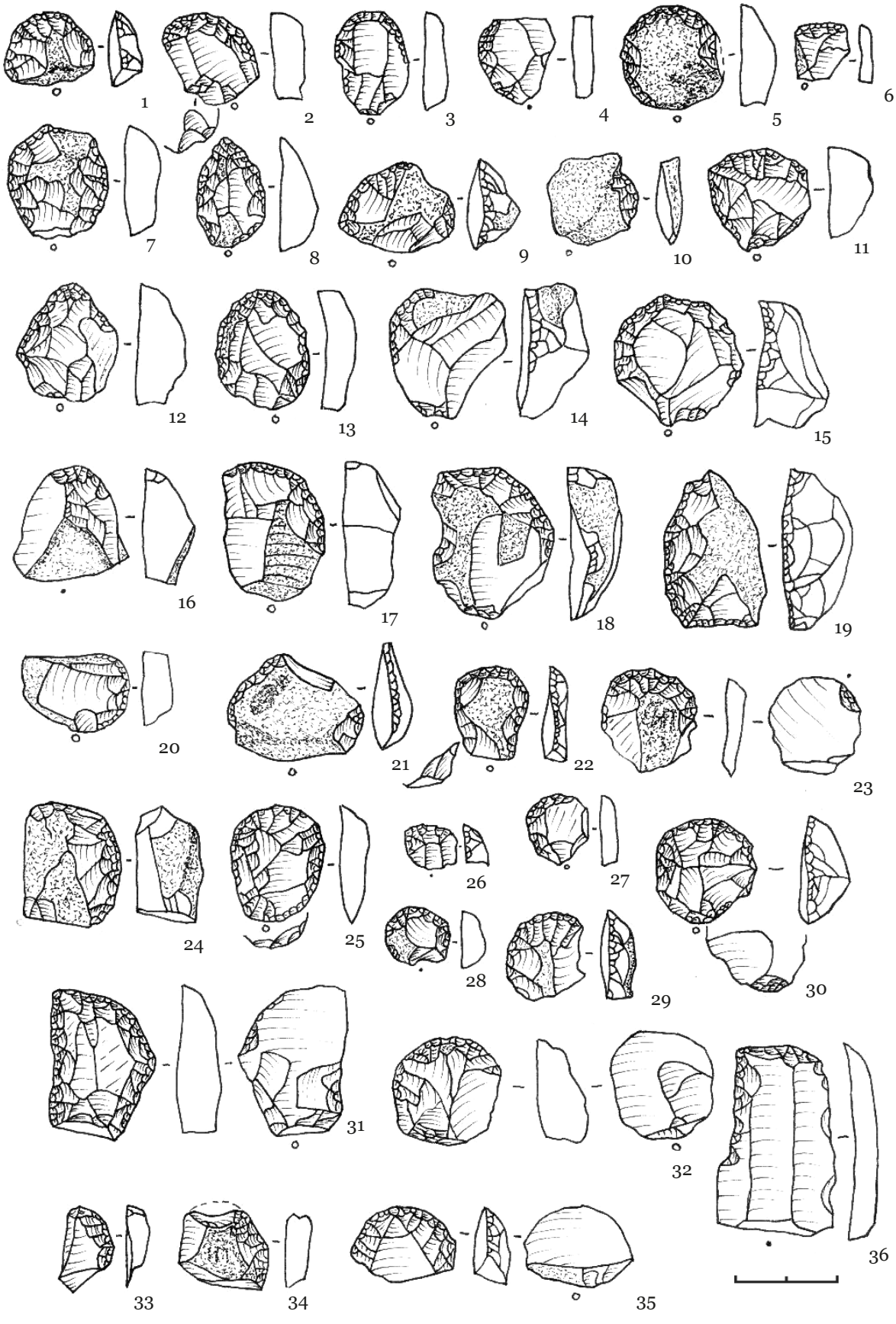


Рис. 2. Стоянка Зализничное (подъемный материал 1970 года). Скребки.

изделие можно было бы интерпретировать как преформу конического или карандашевидного нуклеуса (рис. 2/19). Выделены 3 микроскребка: один – концевого типа (рис. 2/6), возможно, «современного происхождения», судя по патинизации и «свежести» негативов скребковой ретуши, и 2 экземпляра округлой формы (рис. 2/27, 28). В коллекции присутствуют также 8 лезвий скребков (рис. 2/26, 33). Из них 1 экземпляр интерпретирован как лезвие концевого скребка на толстой (3-4 мм) микропластине (рис. 2/26). К скребкам отнесены еще два изделия. Одно – на удлиненном крупном отщепе, обработанном по боковой грани «скребковой» ретушью (боковой скребок?) (рис. 1/10). Другое, условно отнесенное к скребкам, – фрагмент правильнопризматической крупной тронкированной пластины с ретушью и следами использования по боковым краям (рис. 2/36). Подобные изделия появляются и широко распространяются в более поздние археологические эпохи, как, например, на энеолитических поселениях Озерное, Болград, Нагорное II культуры Гумельница юго-запада Украины (Субботин 1983, рис. 38).

Резцов – 5 экземпляров, среди них резцов на углу сломанной пластины – 4 экземпляра и 1 экземпляр – ретушный на пластине. Часть из них, собственно говоря, это не резцы в классическом понимании этого термина – целенаправленно изготовленные орудия со специфическим рабочим лезвием, полученным в результате снятия резцового скола, а изделия с резцовым сколом по боковой грани пластинок. При этом ширина резцового скола не превышает 1 мм (рис. 1/24, 26, 27). Судя по всему, эти орудия целенаправленно не изготавливали. Как уже указывалось ранее, их появление можно связать с использованием начиная с мезолитической эпохи в разнообразной производственной деятельности призматических пластинок, у которых в определенных случаях во время случайной фрагментации (слома) отделялся резцовый скол (Пиструил 2015, 148, 150). Целенаправленно был изготовлен ретушный резец на пластине (рис. 1/25), т.к. на негативе резцового скола отчетливо просматривается выемка от ударного бугорка «снятого» резцового скола. Использовалось ли данное изделие в качестве резца, в настоящий момент сказать практически невозможно. Вполне вероятно, что снятие резцового скола необходимо было для других целей. То же самое можно сказать и об угловом резце на пластине (рис. 1/23).

Трапеций – 2 экземпляра (рис. 1/11, 12), средневысокие и ассиметричные (по крайней мере, одна, т.к. вторая частично фрагментирована). В первой публикации подъемных материалов памятника также было отмечено присутствие двух трапеций, только одна (она и сейчас присутствует в коллекции) была ассиметричная (Станко, Суботін 1979, рис. 1/1), а вторая – симметричная (Станко, Суботін 1979, рис. 1/2), в настоящий момент в коллекции отсутствует. Вторая трапеция (рис. 1/11) фрагментирована, и, судя по всему, была слегка ассиметричная. Изготовлена она путем нанесения альтернативной ретуши (с одного края – на вентральную плоскость, с другого – на дорсальную).

Отщеп со следами использования (рис. 1/22), на отдельных участках по краю «нанесена» разноразмерная ретушь. Подобная ретушь могла сформироваться в процессе работы. В то же время, данный крупный отщеп мог быть отобран для изготовления скребка и был «забракован» в начале формирования скребкового лезвия.

Пластины (15 экз.) и микропластины (9 экз.) со следами использования (рис. 1/3-5, 7, 8, 13-21) выделены по наличию небольших участков разноразмерной ретуши, которая образовалась в процессе работы по краям заготовок с вентральной и/или дорсальной поверхности. Кроме этого, на некоторых изделиях имеются следы современных повреждений в виде отдельных фасеток ретуши.

Микропластины с ретушью представлены небольшими обломками (рис. 1/6, 9). В отличие от микропластин со следами использования, в данном случае – ретушь регулярная крутая и полукрутая, нанесенная по одной и/или двум краям сколов. Вероятно, здесь мы имеем дело с фрагментами изделий с вторичной обработкой на микропластинах.

Тронкированные пластины и микропластины – условно выделенная группа изделий (рис. 1/1, 2), разнообразны по своему оформлению. Возможно, это фрагменты или заготовки каких-то изделий.

Осколок с ретушью представляет собой обломок нижней части гальки (2,5×2,0×1,5 см) с нанесенными в ряд сколами, которые формируют ребро. Таким образом, это изделие, скорее всего, представляет собой фрагмент пренуклеуса. Судя по размерам исходного сырья, первобытные мастера сразу пытались оформить карандашевидный нуклеус, минуя стадию конического. Хотя, как вариант, это могла быть и заготовка для изготовления скребка высокой формы (как, напр., рис. 2/24).

Также в коллекции выделен отщеп с современными повреждениями. В первой публикации это изделие отдельно отмечено не было. Типологически – это отщеп с полукрутой ретушью, однако фасетки ретуши «нанесены» в современности. Небольшие современные повреждения (сломы, отдельные фасетки и т.п.) присутствуют и на некоторых других сколах и орудиях, однако значительно не меняют общий вид изделий.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– коллекция подъемного материала 1970-х годов является неполной. Сейчас, по разным причинам, сложно точно установить количество недостающих изделий по отдельным категориям. Отсутствуют нуклеусы, часть пластин, симметричная трапеция, сколы с подтеской, около 10 скребков;
– в коллекции присутствуют изделия, которые с большой долей вероятности можно отнести к более поздним археологическим периодам (вплоть до современности). С одной стороны, это сколы с современными повреждениями, с другой – изделия, которые находят аналоги в более поздних археологических культурах. Как соотносится с данными изделиями основная часть кремневой коллекции, в настоящий момент установить практически невозможно, т.к. кремневые коллекции энеолита-бронзы прилегающих территорий очень слабо изучены;
– в коллекции отсутствуют изделия, которые однозначно можно отнести к вкладышам кукрекского типа. Сколы с подтеской, которые были представлены в первой публикации материалов памятника, в настоящий момент отсутствуют. Те изделия, на вентральной плоскости которых присутствуют отдельные плоские фасетки (напр., рис. 1/17), учитывая подъемный характер материала, вполне вероятно, могли быть «изготовлены» в современности, либо это – результат изношенности краев этих сколов в ходе производственной деятельности;
– в целом данная коллекция подъемного материала существенно не отличается от коллекции (за исключением отдельных специфических категорий), полученной позже, в результате стационарного изучения памятника (Станко и др. 1999; Смынтына 2001-2002). В ней прослеживаются черты выделенных ранее гребениковской и кукрекской культур. Подобные комплексы известны на территории Буджака (напр., Станко 1982) и на сопредельных территориях (напр., Коваленко, Кетрару 1997, 36-59; Пиструил 2011, 209-218; Коваленко 2017, 155-171). Их материалы активно привлекаются для реконструкции процесса неолитизации региона и неоднозначно трактуются исследователями.

Однако, как показывает проведенный типологический анализ, при этом необходимо учитывать гомогенность подобных археологических комплексов, в которых могут присутствовать материалы разных археологических эпох.

Библиография

Коваленко 2017: С.И. Коваленко, О культурно-хронологической позиции финально-мезолитических памятников в Пруто-Днестровском междуречье. Stratum plus 1, 2017, 155-171.

Коваленко, Кетрару 1997: С.И. Коваленко, Н.А. Кетрару, Новые данные о мезолитической стоянке Саратены в нижнем Попрутье. В сб.: Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 36-59.

Пиструил 2011: И.В. Пиструил, Стоянка Катаржино 1 и проблема идентификации памятников неолита в степях северо-западного Причерноморья. Stratum plus 2, 2011, 209-218.

Пиструил 2015: И.В. Пиструил, Кремневый инвентарь местонахождения Траповка. Материалы по археологии Северного Причерноморья 13, 2015, 147-154.

Смынтына 2001-2002: Е.В. Смынтына, Поселение Зализничное и проблема сложения позднемезолитической культуры в Нижнедунайском регионе. Stratum plus 1, 2001-2002, 452-463.

Смынтына 2012: Е.В. Смынтына, Палеогеография и обитатели позднемезолитической стоянки Зализничное в свете неолитизации Украинского Нижнего Подунавья. В сб.: (Отв. ред. А.А. Пригарин) Человек в истории и культуре, вып. 2 (Одесса 2012), 206-211.

Станко 1982: В.Н. Станко, Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья (Киев 1982).

Станко и др. 1999: В.Н. Станко, П.М. Долуханов, М. Сефериадес, Е.В. Смынтына, Г.П. Пилипенко, Е. Голобородова, Мезолит южной Бессарабии. Записки історичного факультету 8, 1999, 8-67.

Станко, Суботін 1979: В.Н. Станко, Л.В. Суботін, Мезолітичне місцезнаходження Залізничне в Нижньому Подунав'ї. Археологія 29, 1979, 80-82.

Субботин 1983: Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница юго-запада Украины (Киев 1983).

Complexul pieselor din silex din staţiunea Zaliznichnoe (după materialul colectat în anul 1970)

Cuvinte-cheie: spaţiul nord-vest Pontic, mezolitic, neolitic, inventarul din silex.

Rezumat: Staţiunea Zaliznichnoe a fost descoperită în anul 1970 de către M. Agbunov. Colecţia de piese litice, descoperite la suprafaţa solului (692 piese), a fost publicată în anul 1979 de către V.N. Stanko şi L.V. Subbotin şi a fost încadrată în epoca mezolitică, fiind atribuită culturii Grebeniki. În anii 1998-2000 cercetările au fost reluate, ca urmare colecţia pieselor din silex a crescut până la 7711 exemplare. În urma studierii inventarului din silex a fost presupusă o interacţiune a două tradiţii culturale – Grebeniki şi Kukrek (E. Smântâna). În articolul de faţă sunt analizate 505 piese din silex, colectate de la suprafaţa solului în anul 1970, considerate până nu demult ca fiind dispărute. Ca urmare a prelucrării materialului dat, au fot identificate piese care aparţin epocilor arheologice ulterioare (de exemplu, eneolitic), iar compararea inventarului acestei staţiuni cu colecţiile din siturile similare a permis datarea lui cu epoca neoliticului târziu.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Inventarul din silex din staţiunea Zaliznichnoe (material de suprafaţă din anul 1970).

Fig. 2. Staţiunea Zaliznichnoe (materialul de suprafaţă din anul 1970). Gratoare.

Complex of flint tools from Zaliznichnoe site (based on materials collected in 1970)

Keywords: Northwestern Pontic Region, Mesolithic, Neolithic, flint finds.

Abstract: The Zaliznichnoe site was discovered by M. Agbunov in 1970. The collection of the surface finds (692 pieces), published by V.N. Stanko and L.V. Subbotin in 1979, was dated to the Mesolithic epoch and attributed to the Grebeniky archaeological culture. In 1998-2000, the excavations of the site were continued. As a result, the amount of flint collection increased to 7711 pieces. On the basis of the examined flint assemblage, the interaction of bearers of two cultural traditions (Grebeniky and Kukrek) on this site was presumed (E. Smyntyna). The article examines the flint assemblage from the site (505 surface finds in 1970), previously considered as lost. As a result of examination of these surface finds, the items of the later archaeological epochs (e.g. Eneolithic) were distinguished, while its comparison with the similar materials from sites of the region enables to date it to the later Neolithic epoch.

List of illustrations:

Fig. 1. Flint finds from Zaliznichnoe site (surface finds of 1970).

Fig. 2. Zaliznichnoe site (surface finds in 1970). Scrapers.

28.02.2018

Д-р Игорь Пиструил, Одесский археологический музей НАН Украины, ул. Ланжероновская 4, 65026 Одесса, Украина, e-mail: pistruiligor@ukr.net

АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В БУГО-ДНЕПРОВСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ И ПОДНЕПРОВЬЕ

Наталья Бурдо

Ключевые слова: антропоморфная пластика, статуэтки серезлиевского типа, курганные погребения, раннебронзовый век.

История изучения курганных памятников с погребениями раннего бронзового века в регионе насчитывает более ста лет. За это время менялись взгляды на датировку погребений, их культурную принадлежность и вопросы происхождения. Важную роль в дискуссиях играли находки антропоморфной пластики, появление которой большинство исследователей так или иначе связывали с трипольской культурой, занимавшей в свое время лесостепную часть междуречья и оказавшей влияние на своих соседей. В то же время шли дискуссии о локальных вариантах позднего Триполья, некоторые из которых даже получили статус отдельных археологических культур. В статье рассмотрены вопросы, связанные с находками пластики т.н. «серезлиевского типа».

Первые находки антропоморфной пластики в курганных погребениях степной зоны буго-днепровского междуречья были сделаны еще в начале XX в. Так, в 1904 г. Д.М. Щербаковский раскопал семь курганов у с. Серезлиевка (Новоархангельский р-н, Кировоградская обл.). В кургане № 7 с кромлехом диаметром 8,5 м обнаружено центральное захоронение подростка (длина скелета 1,3 м) в вытянутом положении на спине, головой ориентированное на восток. У кисти правой руки найдена схематическая антропоморфная статуэтка (рис. 3/1) рядом с комком охры. У затылка обнаружен кусочек смолы (Щербаковский 1905, 6; табл. I, фиг. 2). Именно эта статуэтка дала название особому типу антропоморфной пластики – «серезлиевскому», характерному для погребальных памятников степной зоны в эпоху РБВ (или позднего энеолита в предшествующих работах).

Таким образом, история изучения погребальных памятников, с которых происходит пластика серезлиевского типа, насчитывает более 100 лет. Д.М. Щербаковский полагал, что выявленные им погребения в курганах №№ 4 и 7 в Серезлиевке содержат инвентарь, принадлежащий к «домикенской культуре» (то есть трипольской в современной терминологии), и утверждал, что имеет место нахождение предметов одной культуры в другой (Щербаковский 1905, 7-19). К предметам «домикенской» культуры относились расписной сосуд томашевской группы Триполья CI (рис. 4/18) и статуэтка (рис. 3/1). Погребения же под курганами исследователь относил к особой культуре, предшествующей ямной.

В последующие десятилетия статуэтки серезлиевского типа многими исследователями рассматривались как культурно-хронологические маркеры. Большинство авторов отстаивали мнение об их принадлежности к позднему этапу Триполья. В 40-е годы XX в. Т.С. Пассек относила подкурганные погребения буго-днестровского междуречья, включая и курганы №№ 4 и 7 в Серезлиевке, к усатовскому типу позднего периода Триполья γ2. Исследовательница сравнивала статуэтку из погребения в кургане № 7 с усатовской пластикой (Пассек 1949, 17, 201-202), таким образом, с этого момента длительный период времени принадлежность статуэток серезлиевского типа к усатовской[1] группе памятников

[1] С момента открытия М.Ф. Болтенко рассматривал усатовские древности как особую культуру (Болтенко 1925). Е.Ф. Лагодовская также первоначально считала, что усатовские комплексы относятся к особой культуре, связанной с Трипольем генетически (Лагодовська 1943, 53-66). Похожей точки зрения придерживался и Е.Ю. Кричевский (1941), а в 50-е годы многие авторы (Черныш 1982: 219). Однако Т.С. Пассек всегда рассматривала усатовские древности в рамках Триполья (Passek 1935; Пассек 1949). Этой традиции следовали все исследователи до начала XXI в. На возвращении усатовской

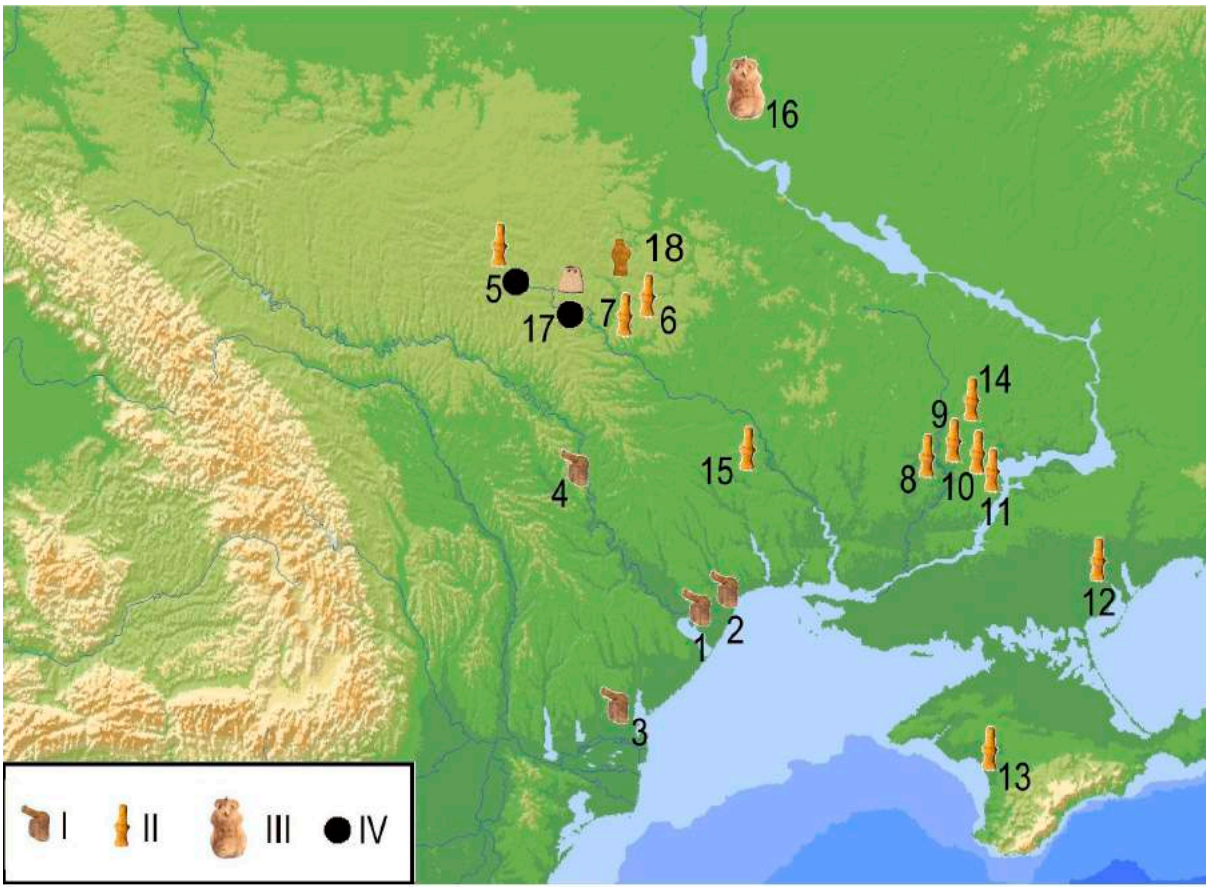


Рис. 1. Карта распространения антропоморфной пластики раннего бронзового века. I - статуэтки усатовского типа; II - статуэтки серезлиевского типа; III - Сушки; IV - поселения. 1 - Большой Куяльник-Усатово; 2 - Маяки; 3- Кислица (Измаильский р-н); 4 - Выхватинцы; 5 - Сандраки; 6 - Серезлиевка; 7 - Єрмолаевка; 8 - Баратовка; 9 - Широкое; 10 - Довга Могила (Орджонекидзе I); 11 - Группа Чкаловская (Орджонекидзе II); 12 - Новоолексеевка; 13 - Заозерное; 14 - Зеленый Гай; 15 - Петропавловка; 16 - Сушки; 17 - Печера; 18 - Долинка.

была общепринятой (Лагодовська 1953, 106; Мовша 1960, 68).

В 70-е годы XX в. В.Г. Збенович выделил южнобугский локальный вариант позднего Триполья, в который включил также и погребения со статуэтками серезлиевского типа, которые возникли, по его мнению, под влиянием пластики усатовского типа (Збенович 1974, 156). Исследователь высказал мнение о том, что керамика с росписью усатовского типа, как и статуэтки серезлиевского типа, «*происходящие из степной части буго-днепровского междуречья и правобережья Днепра, в какой-то мере маркируют юго-восточную границу Триполья, проясняя динамику внедрения этой культуры в степь*», и свидетельствуют о контактах различных разнокультурных групп степного населения эпохи позднего энеолита с разными генетическими корнями с Трипольем. Курганные погребения из Новоалексеевки, по мнению исследователя, имеют очень много общих черт с выхватинским и усатовскими некрополями, что можно рассматривать как свидетельство «*возможности спорадического проникновения групп трипольцев далеко в степь*». По его мнению, статуэтки серезлиевского типа в других комплексах этого региона (Широкое, Баратовка) следует считать трипольскими импортами (Збенович 1976, 63, 66-67).

Е.К. Черныш подчеркивала своеобразие пластики серезлиевского типа и, вслед за В.Г. Збеновичем, отнесла курганные погребения с такими статуэтками в Побужье к самостоятельной группе позднего Триполья, культурно

группе статуса культуры настаивает В.Г. Петренко (Петренко 2003), и его точка зрения принята в современной украинской историографии (Петренко 2013).

близкой выхватинской и усатовской (Черныш 1982, 228).

Э.Ф. Патокова стоящие статуэтки с памятника Маяки (рис. 5/8) и близкие к ним из других комплексов усатовской культуры (*тип В*), изображающие прямо стоящую антропоморфную фигуру, причисляет к пластике серезлиевского типа (Патокова 1986, 16-17).

А.П. Погожева относила статуэтки серезлиевского типа к этапу Триполья СII, определяет позу этих фигурок как «полусидящую» и считает, что по формальным признакам эти статуэтки можно считать реминисценцией схематичных статуэток типа d, исчезнувших в конце раннего Триполья (Погожева 1983, 103).

В.А. Дергачев рассматривал статуэтки серезлиевского типа как особый тип усатовской пластики (Дергачев 1980, 107, 183, рис. 13; 196). Впоследствии им был выделен особый, серезлиевский тип позднего Триполья, имеющий особый статус, так как комплексы этого типа имеют смешанный характер, объединяя традиции памятников позднего Триполья типов Усатово (пластика) и Гординешт (керамика) с традициями степных культур (погребальный обряд) (Дергачев 2004, 111-113). По мнению В.А. Дергачева и И.В. Манзуры, памятники серезлиевского типа возникли как периферийное культурное явление в зоне контакта разных позднетрипольских групп с общностями Нижнего Поднестровья и более отдаленных областей. Наряду с инокультурными образованиями в их формировании приняли участие усатовская и гординештская локальные группы Триполья (Дергачев, Манзура 1991, 14). Можно констатировать эволюцию взглядов В.А. Дергачева относительно культурной принадлежности пластики серезлиевского типа. В более поздних работах автора она определена уже не как усатовская, а как культурная составляющая особой культурной группы, генетически связанной с двумя локально-хронологическими группами позднего Триполья (Дергачев 2004, 113).

От изложенных выше взглядов исследователей трипольской культуры несколько отличались выводы археологов, специализировавшихся на исследованиях курганных древностей. Д.Я. Телегин (Телегін 1971, 15) и О.Г. Шапошникова (Шапошникова, Бочкарев, Шарфутдинова 1977, 8) отнесли «вытянутые» подкурганные погребения Правобережья Днепра, в том числе и со статуэтками серезлиевского типа, к памятникам «нижнемихайловского типа». Д.Я. Телегин полагал, что поздний, «широчанско-баратовский» этап нижнемихайловских памятников по времени сопоставим с поздним Трипольем, основывая этот вывод на находках при нижнемихайловских погребениях позднего этапа статуэток серезлиевского типа, которые он считал позднетрипольскими. Усатовские памятники, поселения Триполья С II, а также погребения со статуэтками серезлиевского типа, по мнению Д.Я. Телегина, синхронны позднеямной культуре (Телегин 1977, 16-17).

А.В. Николова и Ю.В. Рассамакин позднее убедительно доказали, что в Буго-Днепровском междуречье и на Правобережье Днепра, где сконцентрировано множество известных «энеолитических» (доямных) подкурганных погребений, зафиксировано значительное многообразие погребального обряда и инвентаря, что в целом осложняет определение их культурной принадлежности. Исследователи придавали большое значение статуэткам серезлиевского типа в курганных погребениях, так как именно они, по мнению большинства специалистов, маркируют контакты населения степей с Трипольем. На основании их присутствия (как и других «трипольских импортов») в захоронениях с вариациями в погребальном обряде, принадлежащих к различным группам, устанавливается синхронность этих групп между собой. Причем в ряде случаев стратиграфия курганов, детали погребального обряда, инвентарь свидетельствуют о хронологическом и культурном единстве погребений с разным обрядом. Можно говорить о синтезе различных погребальных традиций на Правобережье Днепра в определенный период, который фиксируется находками позднетрипольских (серезлиевского типа) статуэток. По мнению исследователей, «*такой синтез можно рассматривать как существование своеобразного и синкретического в своей основе нового культурного явления, определяющего специфику энеолитических курганных памятников Правобережья на заключительном этапе их развития*». Новое культурное явление в развитии позднеэнеолитических памятников степного

Правобережья Днепра возникло благодаря длительному сосуществованию и взаимным контактам населения разнокультурных групп, представленных памятниками «нижнемихайловского типа», «вытянутыми» погребениями и позднетрипольскими (Николова, Рассамакин 1985, 54-55).

Мнение о принадлежности статуэток серезлиевского типа особым культурным группам степного буго-днепровского региона, противоположное выводам, приведенным выше, высказывало несколько исследователей. Т.Г. Мовша, первоначально относившая погребение в Серезлиевке к Триполью (Мовша 1960, 68), через два десятилетия предложила иную их интерпретацию. По мнению исследовательницы, поза погребенного в кургане № 7 в Серезлиевке не соответствует трипольской погребальной традиции, а статуэтка является «*чуждой трипольской пластике*». Т.Г. Мовша предположила, что пластика серезлиевского типа «*не имеет генетических корней в трипольско-кукутенской общности. … Статуэтки представляют собой степное явление, родившееся в земледельческо-скотоводческой среде, не исключено, связанной с группой типа Нижней Михайловки*[2]», что перекликается с выводами Д.Я. Телегина и О.Г. Шапошниковой.

Фрагмент статуэтки серезлиевского типа с трипольского поселения этапа CII у с. Сандраки Т.Г. Мовша считает подтверждением контактов южно-бугского позднетрипольского населения со степью (Мовша 1984, 73). К косеновской и касперовской группам жванецкой культуры трипольско-кукутенской исторической общности исследовательница причисляла курганные степные «*погребения в скорченной позе, без статуэток серезлиевского типа (с керамикой, генетически связанной со жванецкой и касперовской)*» (Мовша 1991, 169-170). На основании совместного залегания пластики серезлиевского типа и расписной позднетрипольской амфоры в погребении из Ермолаевки, Т.Г. Мовша предложила свою синхронизацию позднетрипольских и широчанско-баратовских культурных групп (Мовша 1993, 47).

[2] Имеется в виду нижний слой поселения Михайловка (Лагодовська, Шапощникова, Макаревич 1962).

В.Г. Петренко последовательно не включал статуэтки серезлиевского типа в обзоры пластики усатовского типа, а само явление рассматривал в качестве особой археологической культуры (Петренко 1980; Петренко 2004, 559; Петренко 2013, 189-192).

И.Ф. Ковалева на Левобережье Днепра, в частности в междуречье Орели и Самары, выделила компактную группу «вытянутых энеолитических» погребений постмариупольской культуры. Исследовательница полагает, что «вытянутый» обряд на территории Буго-Днепровского междуречья и Правобережья Днепра связан с проникновением в инокультурную среду населения Левобережья (Ковалева 1980, 53), а пластика серезлиевского типа является главной культурообразующей чертой днепро-бужской локальной группы постмариупольской культуры позднего энеолита. Появление у степного населения антропоморфной пластики серезлиевского типа вызвано, по мнению исследовательницы, контактами его с Трипольем (Ковальова 2004, 498).

Как видим, практически у всех исследователей статуэтки серезлиевского типа выступают в качестве хронологических маркеров для погребений буго-днепровского региона в период позднего энеолита – раннего бронзового века, однако в отношении их культурной принадлежности нет единого мнения. Численно преобладают авторы, связывающие их (или их генезис) с локальными группами позднейшего Триполья, чаще всего с Усатово. Таким образом, большое значение для этой дискуссии приобретает детальный анализ контекста находок, морфологических и стилистических особенностей пластики серезлиевского типа.

Контекстный анализ пластики серезлиевского типа

Статуэтки серезлиевского типа представлены в курганных захоронениях преимущественно степной зоны буго-днепровского региона (рис. 1). К настоящему моменту опубликованы сведения о 34 статуэтках серезлиевского типа, происходящих из 12 погребальных комплексов (табл. 1). Кроме того, фрагмент верхней части статуэтки серезлиевского типа (рис. 3/5) происходит из раскопок остатков жилища поселения Триполья CII у с. Сандраки (Збенович 1972, 17, рис. 5/15). Остальные статуэтки этого

Таблица 1

Находки статуэток серезлиевского типа в погребениях в Буго-Днепровском междуречье и Правобережье Днепра

№/№ карта	Комплекс	Количество	Библиография
1/7	**Серезлиевка**, курган 7, Новоархангельский р-н, Черкасская обл.	1	Щербаковский 1905, 6; Дергачев, Манзура 1991, 132, рис. 83/3; Мовша 1960, рис. 3/1
2/8	**Ермолаевка**, к. 2, Первомаевский р-н, Николаевская обл.	9	Рыбалова 1964, 79-80, рис. 1; Дергачев, Манзура 1991, 133-132, рис. 84/1
3/8	**Баратовка**, к. 1, п. 16, Новобугский р-н, Николаевская обл.	2	Телегин 1977, рис. 6/5, 6; Збенович 1976, 63; Дергачев, Манзура 1991, 134, рис. 84/5, 6
4/15	**Петропавловка** Братский р-н, Николаевская обл.	2	Шапошникова, Бочкарев, Шарфутдинова 1977, 9
5/9	**Широкое**, к. 1, п. 18, Широковский р-н, Днепропетровская обл.	1	Дергачев, Манзура 1991, 134, рис. 84/8
6/12	**Новоалексеевка**, к. 6, п. 15, Скадовский р-н, Херсонская обл.	2	Збенович 1976, 63, рис. 3/1, 2; Дергачев, Манзура 1991, 138-139, рис. 86/17
7/10	**Довга Могила**, п. 12, г. Орджонекидзе, Днепропетровская обл.	2	Николова, Рассамакин 1985, рис. 4/2, 3
8/11	**Группа Чкаловская**, к. 3, п. 11, г. Орджонекидзе, Днепропетровская обл.	1	Николова, Рассамакин 1985, рис. 5/2
9/11	**Группа Чкаловская**, к. 3, п. 25, г. Орджонекидзе, Днепропетровская обл.	5	Николова, Рассамакин 1985, рис. 10/6-9
10/14	**Зеленый Гай**, к. 6, п. 26, Широковский р-н, Днепропетровская обл.	7	Ковальова 2004, 285-287; Ковальова 2004а, 498-499.
11/13	**Заозерное**, к. 17, г. Евпатория, Автономная Республика Крым	1	Дергачев, Манзура 1991, 140, рис. 86/21; Попова 2016, 703-709.
12	**Александровка, совхоз «Прогресс»**, к. 1, п. 11	1	Николова, Рассамакин 1985, 44
	Всего	**34**	

поселения относятся к типичным позднетрипольским фигуркам (Pogoševa 1983, 234, Abb. 989-995), что позволяет предполагать контакты между населением позднего Триполья и культурных групп, оставивших погребальные подкурганные захоронения в буго-днепровском регионе. По мнению В.А. Дергачева (Дергачев 1980, 191, рис. 25/5), это был импорт из усатовских памятников.

Данные о погребальном обряде имеются для 9 комплексов с пластикой серезлиевского типа, так как по трем комплексам (Заозерное, Петропавловка, Александровка, совхоз «Прогресс») информация не полная. Погребения со статуэтками серезлиевского типа в курганах единичны, даже если в некрополе есть синхронные могилы.

Все погребения относятся к наиболее ранним «энеолитическим» курганным могилам, погребения из Серезлиевки и Ермолаевки, вероятно, были основными. Для некоторых могил зафиксировано использование камней в виде кромлеха (Серезлиевки), камней в насыпи кургана (1 случай), каменного ящика (Баратовка), заклада над могилой (1 случай). В двух случаях погребения парные: в кургане Довга Могила погребение № 12 – похоронены взрослый и ребенок; в кургане № 3 погребение № 25 принадлежало двум взрослым. Погребение № 26 кургана № 6 Зеленый Гай – коллективное (6 человек).

Из 15 скелетов 12 – вытянутые на спине, 4 – скорченные на спине. Ориентировка на восток зафиксирована в 3 случаях, на северо-восток – 2, на юго-запад и юго-восток по 1, а в коллективном погребении из Зеленого Гая 5 скелетов ориентировано на север, один – на запад (рис. 2/3).

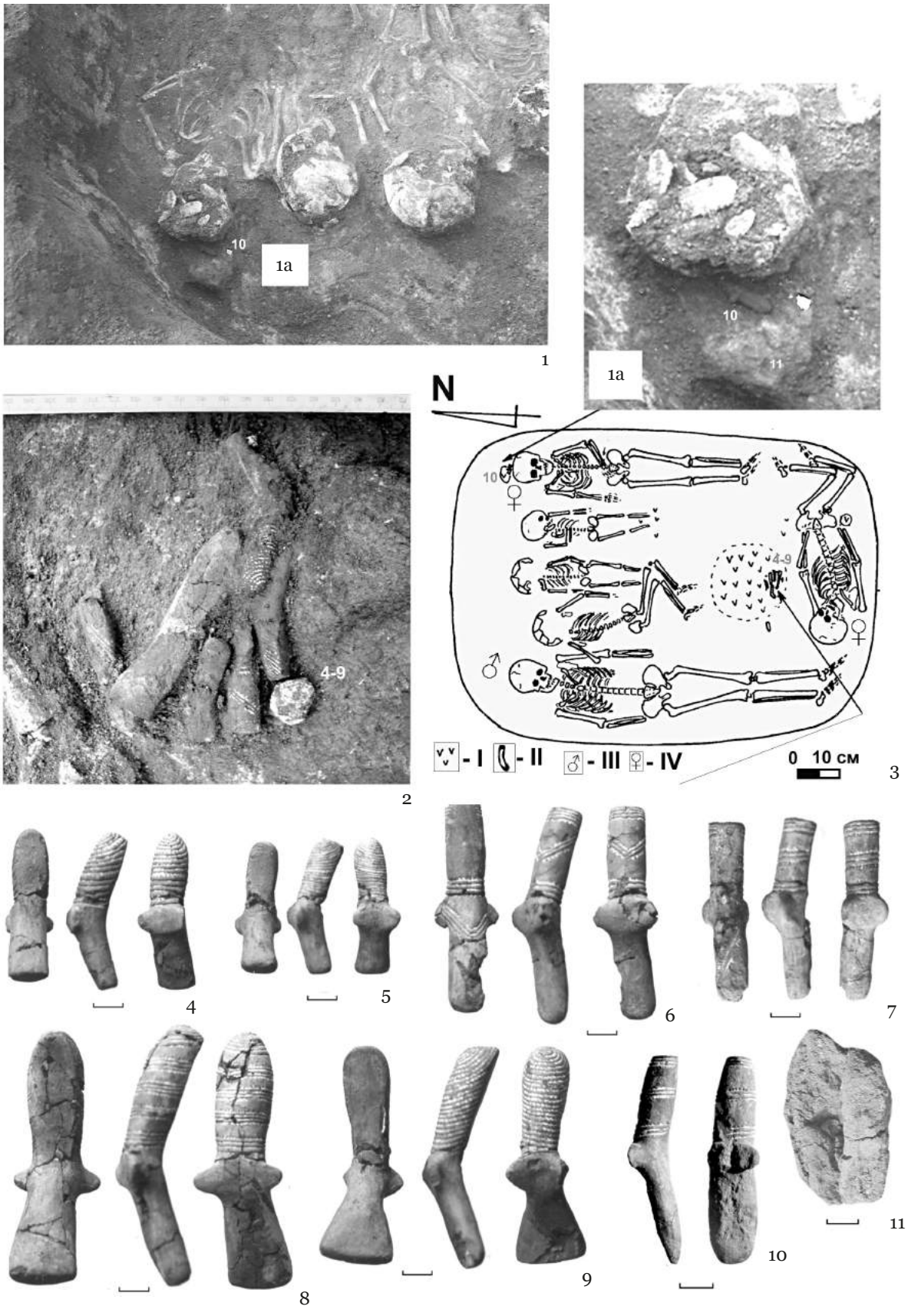


Рис. 2. Зеленый Гай, курган № 6, погребение № 26. I - охра; II - статуэтка; III - женщина; IV - мужчина. 1, 1а - залегание статуэтки возле черепа молодой женщины; 2 - скопление статуэток в могиле; 3 - план погребения № 26; 4-9 - фигурки из скопления; 10 - фигурка, найденная у черепа женщины; 11 - кусок сформованной охры (по Ковальова 2004, 286; Ковальова 2004а, 497).

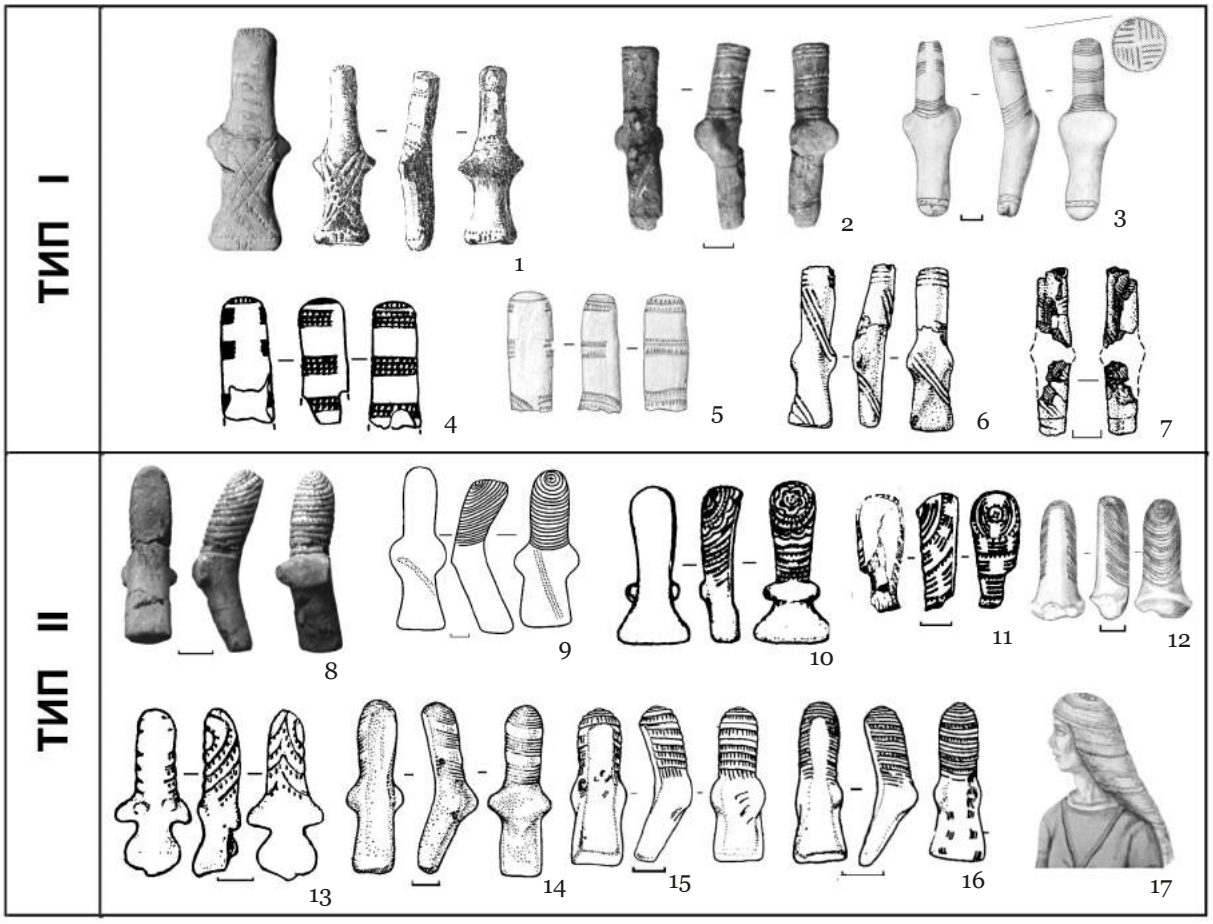


Рис. 3. Типология пластики серезлиевского типа. 1 - Серезлиевка, курган № 7; 2, 8 - Зеленый Гай, курган № 6, погребение № 26; 3, 4, 12 - Ермолаевка, курган № 2; 5 - Сандраки, жилище; 6, 7, 14 - Чкаловская группа, курган 3, погребение 25; 9 - Широкое, курган № 1, погребение № 18; 10, 11 - Новоалексеевка, курган № 6, погребение № 15; 13 - Заозерное; 15, 16 - курган Довга Могыла, погребение № 12; 17 - реконструкция головного убора фигурок серезлиевского типа (по Васіна 2003, 71).

В 5 случаях фигурки серезлиевского типа находились непосредственно у черепа; в одном случае – у кисти правой руки (Серезлиевка). Среди погребенных со статуэтками 8 – дети или подростки, среди взрослых как мужчины, так и женщины, в коллективном погребении из Зеленого Гая определены 2 женщины, 1 мужчина, 3 детей. В пяти случаях статуэтки сопровождались находками сформованных кусков охры (рис. 2/1а, 11), а в одном случае обильные следы охры обнаружены на скелете (Новоалексеевка). Из 9 комплексов в 5 погребениях найдено по одной статуэтке, в 4 – по 2; по одному случаю зафиксированы находки: 5 (в парном погребении), 7 (в коллективном погребении) и 9 статуэток.

В половине погребений какой-либо погребальный инвентарь кроме статуэток не зафиксирован. Лишь в одном случае в Ермолаевке вместе со статуэтками найден расписной сосуд Триполья СII (рис. 4/10) и каменный топор-молот (рис. 4/11). Еще в трех случаях вместе с фигурками в могиле были округлодонные/остродонные сосуды (рис. 4/3, 5).

Одним из наиболее интересных и, главное, хорошо документированных комплексов со статуэтками серезлиевского типа является коллективное погребение постмариупольской культуры № 26 кургана № 6 группы зеленогайских курганов (Ковальова 2004, 285-287). Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами размерами 2,1×1,55×1,0 м была перекрыта деревом и каменным закладом. Пятеро покойников, ориентированных головами на север, были уложены в ряд в следующей последовательности: мужчина, в

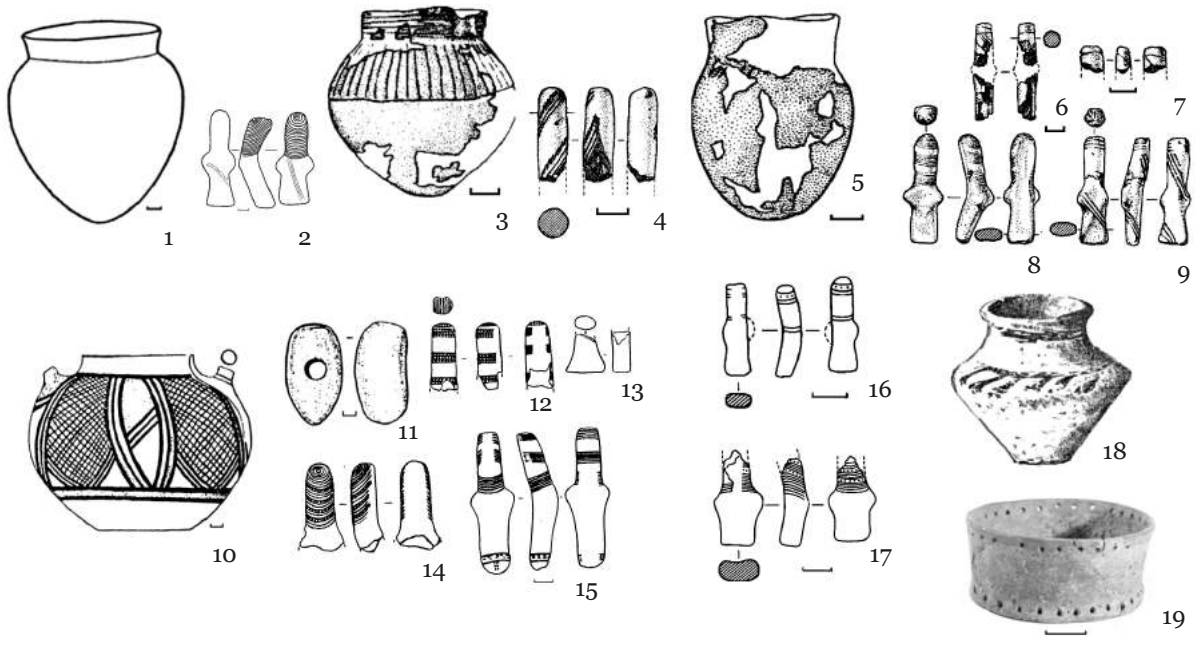


Рис. 4. Погребальный инвентарь. 1, 2 - Широкое, курган № 1, погребение № 18 (по Дергачев, Манзура 1991, рис. 84/8, 9); 3, 4 - Чкаловская группа, курган № 11, погребение 11 (по Николова, Рассамакин 1985, рис. 5/2, 3); 5-9 - Чкаловская группа, курган № 3, погребение № 25 (по Николова, Рассамакин 1985, рис. 10/6-9); 10-15 - Ермолаевка, курган № 2 (по Дергачев, Манзура 1991, рис. 83/8; 84/1-4); 16, 17 - Баратовка, курган № 1, погребение № 16 (по Телегин 1977, рис. 6/5, 6); 18 - Серезлиевка, курган № 4 (по Щербаковский 1905, табл. I, фиг. 1); 19 - Вильшанка (Ольшанка), курган № 3 (по Мовша 1960, рис. 3/2).

вытянутом положении; ребенок, скорченный на спине; ребенок и еще один ребенок, а также молодая женщина – в вытянутом положении. У них в ногах, перпендикулярно, вдоль южной стенки могилы, головой на запад лежал скорченный на спине скелет женщины (рис. 2/3). За черепом молодой женщины обнаружен сформованный в виде вульвы комок охры (рис. 2/11) с вкраплениями белой глины, на котором лежала статуэтка (рис. 2/1, 1а, 10). На дне могилы, в ногах пяти покойников, по центральной оси могилы и рядом, слева, со скелетом женщины, обнаружено скопление охры с включением комков белой глины, в котором находилось 6 залегавших хаотично статуэток (рис. 2/2, 4-9). Рядом обнаружено костяное лощило и речная раковина.

Очевидно, учитывая разнообразие погребального обряда и инвентаря, объединение погребений со статуэтками серезлиевского типа в какую-либо обособленную культурную группу не представляется возможным. Анализ особенностей погребального обряда, частью которого были статуэтки серезлиевского типа, демонстрирует вариабельность формы могилы, позы, ориентации, использования охры, камня, деревянных перекрытий и т.д. Отметим, что такая ситуация в целом характерна для всех ранних, т.н. «энеолитических» курганных погребений степного буго-днепровского региона.

Кроме довольно обширной территории распространения (рис. 1), эти погребения объединяет их позиция в курганах – все они являются наиболее древними курганными захоронениями, предшествующими позднеямным могилам. Статуэтки, находящие аналогии в погребениях со статуэтками типа I2 из могильника Маяки (рис. 5/8), позволяют считать их синхронными усатовской культуре и датировать началом раннебронзового века[3]. Эту датировку хорошо подтверждает находка

[3] В настоящей работе усатовская культура, Триполье CII и синхронные им культурные группы погребений в курганах рассматриваются в рамках РБВ (Відейко 2004, 96-97). По периодизации В.А. Дергачева этап Триполья CI и синхронные ему курганные погребения относятся к позднему энеолиту; Триполье CII, усатовские памятники, синхронные им подкурганные погребения (и с пластикой серезлиевского типа) выделены в переходный период от энеолита к раннебронзовому веку; в рамках

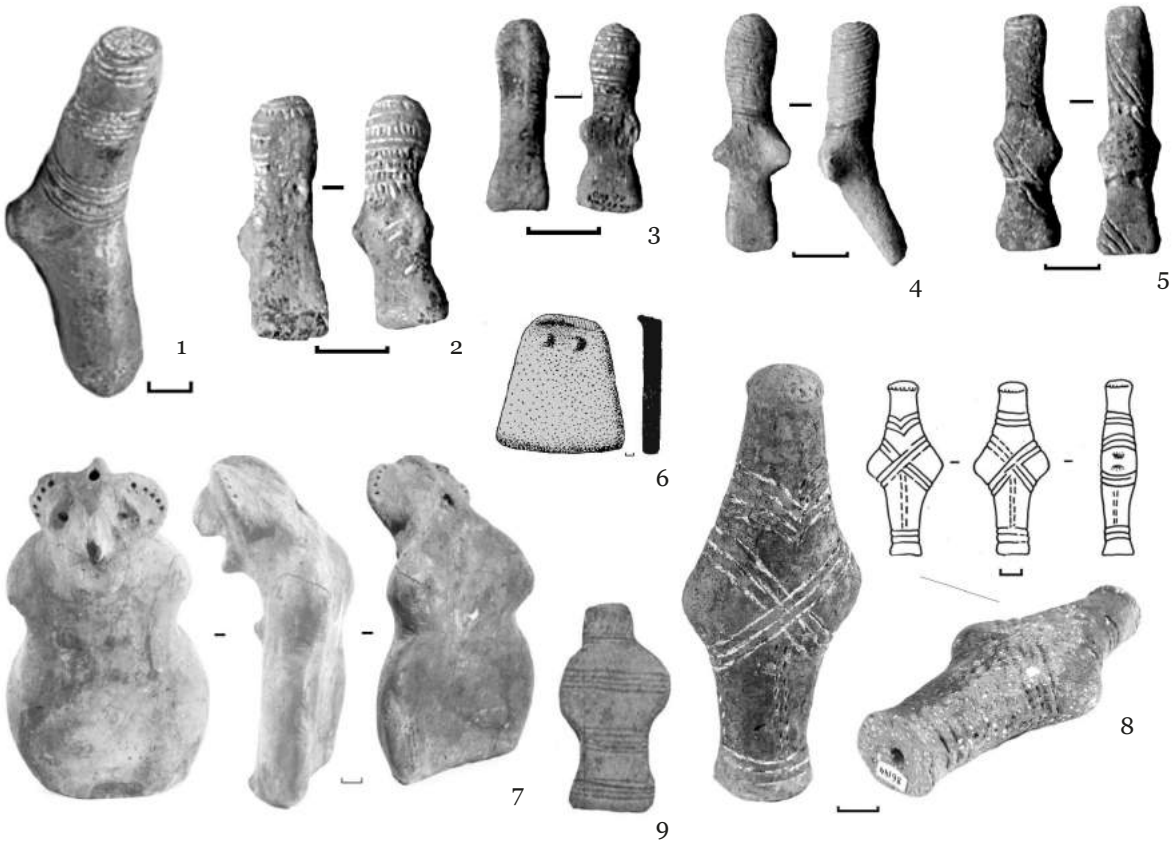


Рис. 5. Антропоморфные статуэтки раннебронзового века. 1 - Ермолаевка; 2, 3 - Курган Довга Могыла, погребение 12; 4, 5 - Чкаловская группа, курган № 3, погребение № 25 (Научные фонды ИА НАНУ); 6 - поселение Печера (по Збенович 1972, рис. 5/18); 7 - Сушки (по Бурдо 2013, 343); 8 - Маяки, курган № 5, погребение № 2 (по Петренко 2004, 559); 9 - Долынка (по Bydłowsky 1905, rys. 11).

расписной амфоры, характерной для поздних усатовских комплексов из погребения со статуэтками из Ермолаевки (рис. 4/10). Это единственный известный случай совместного нахождения усатовской керамики и статуэток серезлиевского типа в этом погребении. Отметим, что курган у с. Ермолаевка расположен в контактной зоне между усатовской культурой и группой «вытянутых» погребений (рис. 1), что неизбежно предполагает контакты и взаимовлияния между разными культурными группами, о чем неоднократно упоминали исследователи.

Классификация пластики серезлиевского типа

Статуэтки, за исключением костяной фигурки из Баратовки (рис. 4/16), изготовлены из тонкоструктурной глиняной массы, иногда с примесью песка (вероятно, природной). Судя по плохой сохранности части находок, обжиг их был не очень сильным. Поверхность тщательно заглажена, декор из тонких прочерченных линий и наколов дополнен заполнением белой пастой, что создавало эффектный контрастный узор на темном фоне статуэтки. Белое заполнение хорошо сохранилась только на фигурках из погребения Зеленый Гай (рис. 2/4-10). Следы охры на некоторых фигурках связаны, вероятно, с их залеганием совместно с охряной посыпкой или комьями охры.

Статуэтки по форме напоминают столбик или цилиндр с выступами в центральной части, они отличаются крайним схематизмом и небольшими размерами. Они изображают антропоморфную фигуру в стоящей склоненной позе. И.Ф. Ковалева обратила внимание на разную степень согнутости фигурок: от небольшого наклона вперед их верхней части до «полусидящего» положения (Ковальова

РБВ рассматриваются ямная и другие синхронные ей культуры и группы (Дергачев 1986, 187-188).

2004a, 498). Ни в стоящей, ни в «полусидящей» позе фигурки не фиксируются на плоскости, их можно только положить, при этом они вызывают ассоциацию с личинками. Отметим, что такая «двусмысленность» позы серезлиевских статуэток характерна для некоторых типов трипольской антропоморфной пластики (особенно Триполья А), гораздо более натуралистичных (Burdo 2013), но кроме позы эти статуэтки с трипольской традицией ничего не объединяет.

Крайняя степень условности статуэток, а также декор именно на задней стороне приводит к тому, что часто в их изображениях в публикациях перепутаны зад и перед (Телегин 1977, рис. 6/3, 6; Збенович 1976, рис. 3/1, 2 и рис. 1/5, 6; Николова, Рассамакин 1985, рис. 4/2, 3; 10/8; Дергачев, Манзура 1991, рис. 84/2, 3, 5, 8), а статуэтка из Заозерного вообще опубликована вверх ногами (Дергачев, Манзура 1991, рис. 86/21)[4].

Признаки пола у фигурок серезлиевского типа отсутствуют, за исключением статуэтки (рис. 3/13) из Заозерного (Дергачев, Манзура 1991, 140, рис. 86/21). Вариабельность деталей моделировки и декора характерна даже для статуэток из одного погребения. Сечение и окончание верхних и нижних частей фигурок чаще всего различно. Нижняя часть имеет округлое, трапециевидное или прямоугольное окончание.

По оформлению верхней части можно выделить два типа статуэток (рис. 3). **Тип I:** статуэтки с цилиндрической головкой (рис. 3/1-7), **тип II** – с округлой (рис. 3/8-16). Большинство статуэток этого типа отличается уплощенной верхней частью спереди (рис. 3/8-11, 13, 14). В некоторых случаях плоское окончание головки статуэток с цилиндрическим верхом выступает как особая зона декора (рис. 3/3; 4/9, 12). Для верхней части статуэток I типа характерен декор в виде параллельных лент (от 1 до 3) из параллельных линий или наколов (рис. 3/1-7), расположенных сзади и сбоку, оставляющих открытым лицо. У одной статуэтки спереди в верхней части изображена наклонная лента из параллельных линий, такой же знак нанесен сбоку и сзади на нижней части (рис. 3/6). Для верхней части статуэток II типа с округлой головкой характерен декор, расположенный на макушке и сзади, высказано предположение (Васіна 2003, 71), что он воспроизводит особый головной убор (рис. 3/17), оставляющий открытым лицо. Спереди, в верхней части, в области лица все статуэтки этого типа лишены изображений и деталей. У одной из фигурок из Ермолаевки на шее изображено украшение (рис. 3/3). Особым декором отличается одна из статуэток I типа из зеленогайского комплекса. Шею ее окружает лента из параллельных линий в обрамлении наколов, спереди на груди «U»-образная фигура из параллельных линий в обрамлении наколов, возможно, украшение. Сзади на верхней части угловая композиция в том же стиле (рис. 2/ 6).

Можно отметить вариации в декоре нижних частей фигурок спереди и сзади для фигурок и I и II типов. Часть из них лишена орнамента или каких-либо знаков в этих зонах (рис. 3/10, 14). В первую очередь это относится к 5 из 7 зеленогайских статуэток (рис. 2/4, 5, 8-10). Спереди зафиксирован один случай изображения косого креста (рис. 3/ 1), наклонной ленты из параллельных линий (рис. 3/2, 6, 7) или наколов как спереди, так и сзади (рис. 3/9). Предполагается, что это могло быть изображение перевязи. Для статуэток из курганов Чкаловской группы зафиксированы знаки из черточек на нижней части сзади (рис. 3/15, 16). В двух случаях, у статуэток из Серезлиевки (рис. 3/1) и Ермолаевки (рис. 3/3), декор в виде опоясывающей ленты размещен у основания.

В целом статуэтки серезлиевского типа отличаются разнообразием в деталях моделировки и декора, это характерно даже для пластики, происходящей из одного погребения, например, кургана Зеленый Гай. Семь статуэток группируются по разным параметрам. Три фигурки относятся к I типу, одна из них крупная, выделяется более богатым декором (рис. 2/6), две меньшего размера (рис. 2/7, 10). Одна из статуэток этого типа находилась изолированно от остальных шести, у головы молодой женщины, вместе с комом охры (рис. 2/1, 1a, 10, 11). Четыре статуэтки II типа объединяет практически идентичный декор (рис. 2/4,

[4] Отметим также неточное изображение статуэтки из Серезлиевки на ретушированной фотографии из статьи Т.Г. Мовши (1960, рис. 3/1) и, очевидно, по этой фотографии, на рисунках (Мовша 1984, рис. 1/3) и в исследовании В.А. Дергачева и И.В. Манзуры (1991, рис. 83/3). Спереди в верхней части фигурки изображен орнамент, отсутствующий у оригинала (рис. 3/1).

Рис. 6. Сравнение особенностей стоящих статуэток серезлиевского типа и усатовской культуры.

5, 8, 9). Близки они и по моделировке, лишь одна выделяется трапециевидной нижней частью (рис. 2/9). Однако 2 статуэтки крупные, а две меньшего размера. Эти четыре фигурки демонстрируют близкое сходство с двумя находками из Новоалексеевки (рис. 3/10, 11) и со статуэткой из Широкого (рис. 3/9). Большое сходство заметно между статуэтками как I (рис. 4/6, 7, 9), так и II (рис. 3/14-16) типа из курганов в районе г. Орджонекидзе.

Сходство статуэток серезлиевского типа со стоящими статуэтками усатовской культуры (Патокова 1986, рис. 5/13-16) весьма отдаленное, не совпадает как иконографический тип в целом, так и отдельные морфологические и стилистические детали (рис. 6).

Для пластики серезлиевского типа характерен разительный контраст между условной, очень схематичной моделировкой и детальным, изысканным, тщательно выполненным декором, причем сосредоточенным преимущественно сзади, на верхней части. Такой необычный стиль отличает статуэтки серезлиевского типа от антропоморфной пластики трипольской и других древнеземледельческих культур. Следует отметить, что для трипольской пластики характерно изображение обнаженной фигуры, в то время как серезлиевские статуэтки одеты. Среди энеолитической пластики достаточно распространены условные антропоморфные изображения, однако они выполнены все же с меньшей долей схематизма, а также отличаются условной проработкой образа в целом, без детализации при помощи декора, как это характерно для серезлиевских фигурок. Крайне схематичные, но все же выразительные серезлиевские фигурки воспроизводят одетую в нарядный, вероятно, обрядовый убор фигуру без деталировки лица, склоненную в «молитвенной» позе. Такой иконографический тип не находит аналогий в антропоморфной пластике Триполья. В то же время стиль антропоморфных изображений, сочетающий крайне условную форму с богатым декором, характерен для представленных единичными экземплярами фигурок разных европейских культур эпохи бронзы.

Кроме статуэток серезлиевского типа известны статуэтки РБВ из курганов буго-днепровского региона, не имеющие отношения к пластике этого типа. А. Быдловский в начале XX в. при проведении раскопок курганов у с. Долынка (старое название – Яцьковиця) Монастырищенского р-на Черкасской обл. нашел на поверхности кургана № 29 с погребениями эпохи бронзы «*орнаментированный предмет из обожженной глины*» (Bydłowsky 1905, 11, rys. 11; статуэтка на фото в публикации размещена горизонтально), который оказался схематической антропоморфной статуэткой (рис. 5/9). Е.Ф. Лагодовская отмечала, что статуэтка похожа на пластику серезлиевского типа, и причисляла эту находку к усатовским древностям (Лагодовская 1953, 106). Фигурка орнаментирована горизонтальными лентами из параллельных оттисков веревочки, опоясывающих статуэтку вокруг шеи (2 линии), в центральной части тулова (4 линии), в нижней части (5 линий) и у основания (4 линии). В целом статуэтка из кургана у с. Долынка представляет особый тип, в котором сочетаются морфологические черты стоящих усатовских и серезлиевских фигурок, а круглая средняя

часть находит аналогии в антропоморфной пластике культуры Чернавода I.

Уникальными чертами отличается крупная женская статуэтка из кургана № 104, раскопанного у с. Сушки Золотоношского р-на Черкасской области в 1898 г. В центре насыпи кургана на глубине 0,8 м найдена антропоморфная статуэтка в окружении трех человеческих черепов, на спине статуэтки стоял миниатюрный сосуд, культурная принадлежность которого не определена (Мовша 1960, 71, рис. 5). Женская фигурка относится к крупным экземплярам с реалистическими элементами в моделировке лица и представляет уникальный тип антропоморфной пластики (рис. 5/7). Статуэтка изготовлена из тонкоструктурной ожелезненной глины, вполне отвечающей формовочной массе трипольской пластики. Она получила качественный обжиг. С большой долей условности изображена стоящая склоненная женская фигура, отличающаяся массивностью. В отличие от большинства типов стоящих фигурок трипольской культуры, статуэтка может быть установлена на плоскости. Туловище передано схематично в виде плоской фигуры с перехватом на талии, на плоском, прямоугольном в сечении основании. Едва заметными выступами моделированы ступни. В основании сделано вертикальное, небольшого диаметра, цилиндрическое углубление, доходящее до талии. Вероятно, в него мог вставляться стержень для устойчивости статуэтки. Массивная дисковидная голова с пятью проколами по краю с обеих сторон составляет почти третью часть высоты статуэтки. Сзади по центру головы пластически проработан выступающий гребень с продольным отверстием, проходящим от макушки до затылка. Моделированы черты лица, на котором доминируют огромный нос и острый выступающий подбородок. Дисковидная голова с перфорацией по краю статуэтки из с. Сушки находит аналогии в антропоморфной пластике Триполья CII, но в целом позднетрипольские статуэтки отличаются изяществом моделировки, позой и наготой (Burdo 2014, fig. 22). Несмотря на отдельные черты, сближающие статуэтку из кургана с трипольской пластикой, с уверенностью говорить о ее принадлежности к Триполью невозможно, поскольку она не находит здесь прямых или хотя бы достаточно близких аналогий.

Статуэтка из позднетрипольского поселения Печера (Збенович 1972, рис. 5/18) отличается от типичной пластики этого этапа крайним схематизмом, изображает фигуру в одежде (рис. 5/6) и дополняет общее впечатление об основных характеристиках антропоморфной пластики РБВ. Как и фрагмент статуэтки серезлиевского типа из с. Сандраки, ее можно рассматривать как результат непосредственных контактов разных культурных группировок РБВ, в особенности ярко проявившихся в межкультурной контактной зоне Побужья.

Культурно-хронологических контекст серезлиевской пластики

Традиционное отнесение пластики серезлиевского типа к усатовским или другим позднетрипольским локальным группам (культурам) представляется необоснованным по нескольким причинам. Прежде всего, следует сопоставить территорию распространения погребений с пластикой серезлиевского типа и усатовской культуры. Долгое время считалось, что усатовский тип (группа, вариант) Триполья занимает обширные территории от низовья Дуная до низовьев Днепра, поскольку к нему причисляли все погребальные памятники с позднетрипольскими сосудами, преимущественно расписными или усатовского облика (Пассек 1949, 190-208; Лагодовская 1953, 105-107). В начале 70-х годов XX в. пришло понимание того, что не все такие погребения принадлежали к усатовской группе (Збенович 1974, 151-157).

Кроме того, следует отметить находки в курганных погребениях бугского региона расписной керамики Триполья CI, то есть более раннего, чем Усатово, хронологического пласта. Например, Т.С. Пасек, приводя расписному кубку из кургана № 4 в Серезлиевке (рис. 4/18) аналогии из поселений Косеновка и Васильков, заведомо более ранних, чем усатовская керамика, тем не менее, приходила к выводу о принадлежности погребения к усатовскому типу (Пассек 1949, 202). В.А. Дергачев и И.В. Манзура локализовали усатовскую группу в Северо-Западном Причерноморье, от Прутo-Днестровского междуречья на западе, до Бугo-Днестровского на востоке. По версии, предложенной в последних работах В.Г. Петренко, усатовские памятники расположены в пределах Украины от Дуная до Тилигула, а в сосед-

них степных районах Республики Молдова – в Нижнем Поднестровье (Петренко 2013, 168-169, рис. 28). Однако необходимо учитывать данные Богесовской экспедиции начала 30-х гг. XX в., обнаружившей в районе бугских порогов керамику усатовского типа (Козубовський 1934, 40-50). Спустя несколько десятилетий в урочище Гард был открыт и исследован грунтовой некрополь усатовской культуры (Товкайло, Фоменко 2013, 185-193). Фрагменты керамики и обломок статуэтки усатовской культуры происходит из многослойного пункта Ташлык II (Фоменко, Бурдо, Спіцина 2014, 146, рис. 2/8). Эти факты свидетельствуют о расширении восточной границы усатовской культуры до Степного Побужья, где локализованы ее периферийные памятники.

Однако в Буго-Днепровском междуречье, выше по течению Южного Буга, где погребениями у сел Серезлиевка и Ермолаевка зафиксирована западная граница распространения курганных погребений со статуэтками серезлиевского типа, расположен курган № 3 у с. Ольшанка, исследованный Д.М. Щербаковским. Погребение скорченное, головой на восток, у ног комья охры, обнаружено в центре едва заметного кургана с кромлехом на глубине 1, 4 м в прямоугольной яме размерами 2×1, 6 м. В головах стояло три сосуда, описание которых соответствует характеристикам усатовской керамики. Один миниатюрный сосуд усатовского типа (рис. 4/19) стоял у ног. В области шейных позвонков обнаружены подвески из зубов волка, составлявших, очевидно, ожерелье (Щербаковский 1905, 12). Т.С. Пассек справедливо отнесла это погребение к усатовской культуре (Пассек 1949, 202). Хотя В.А. Дергачев и В.И. Манзура (1991, 133) и отнесли погребение из кургана № 3 в Ольшанке к памятникам серезлиевского типа, наличие кромлеха, поза и ориентация погребенного, а также усатовская керамика позволяют считать правильным мнение Т.С. Пассек. Вероятно, природный регион, включавший Новоархангельский район Кировоградской области, где обнаружены курганы Серезлиевка, Ольшанка, Ермолаевка, а также поселения Триполья этапов CI – начала CII, был в ту эпоху пограничьем лесостепи и степи, а также контактной зоной периода финала энеолита – начала РБВ для трипольского и разных группировок степного населения, оставившего курганные погребения широкого хронологического диапазона от Триполья CI до Триполья CII и усатовской культуры.

О контактах населения, оставившего «вытянутые» погребения под курганами, и жителей поселений буго-днепровского региона Триполья CI – начала CII, предшествовавших усатовской культуре, свидетельствует целый ряд находок. Кубок, характерный для томашовской группы, найден на глубине 0,58 м в насыпи кургана № 4 у с. Серезлиевка[5] (Щербаковский 1905, 5, табл. I, фиг. 1), томашовские сосуды найдены в погребении № 32 кургана № 3 в Ковалевке, кургане № 1 в Богдановке, в Константиновке (Мовша 1993, 41). В погребении № 19 кургана № 4 у с. Прибужаны обнаружено два расписных сосуда косеновской (Гребенніков, Смирнов 2015, рис. 6/1) и чечельницкой (Гребенніков, Смирнов 2015, рис. 6/2) групп финала Триполья CI – начала CII[6] (Гребенніков, Смирнов 2015, 22-23). Эти трипольские «импорты» фиксируют время появление курганного обряда, а также свидетельствуют о контактах степного и трипольского населения. Необходимо отметить, что группировки степного населения с курганным обрядом длительный период времени (Триполье CI - CII) контактировали с разными локально-хронологическими группировками Триполья и усатовской культурой.

В целом массив погребений с серезлиевской пластикой смещен на восток к низовьям Днепра (рис. 1). Причем в «вытянутых» погребениях этого хронологического горизонта к западу от Южного Буга статуэтки серезлиевского типа не обнаружены. Таким образом, памятники усатовской культуры и группа курганных захоронений с пластикой серезлиевского типа локализованы в разных соседних регионах и объединены контактной зоной в Побужье.

Стилистические и морфологические особенности серезлиевских статуэток никак не связывают их с традициями антропоморфной пластики усатовской культуры. Кроме того,

[5] В работе В.А. Дергачева и И.В. Манзуры (1991, 132) это погребение отнесено к серезлиевской группе памятников.

[6] Датировка сосудов из погребения временем финала Триполья BII - началом CI, приведенная у Ю. Гребенникова и Л. Смирнова (2015, 23) и В.А. Дергачева (1986, 74), ошибочна.

все они происходят из погребений, характеристики которых не соответствуют усатовскому обряду. Для усатовской культуры в целом характерны схематические статуэтки специфического типа, не связанного с антропоморфной пластикой трипольской культуры (Петренко 2004, 559). Статуэтки на кубовидном постаменте встречаются в ограниченном числе усатовских комплексов, преимущественно в Усатово-Большой Куяльник и Маяки. Картографирование находок статуэток усатовского и серезлиевского типов показывает их четкую локализацию в разных регионах (рис. 1). В зоне распространения усатовских памятников в Северо-Западном Причерноморье присутствуют также «вытянутые» подкурганные доямные погребения, но ни в одном из них не обнаружены статуэтки серезлиевского типа (Манзура 2013, 139-153).

Выводы

Статуэтки РБВ из курганных погребений, в том числе и серезлиевского типа, обладают специфическими морфологическими и стилистическими чертами, что не позволяет связывать их с Трипольем или усатовской культурой. Картографирование пластики РБВ показывает, что погребения со статуэтками усатовского и серезлиевского типов локализованы в разных районах степной зоны. Очень важным отличием между антропоморфными статуэтками РБВ и Триполья является то, что первые использованы в погребальном обряде, а вторые – в разнообразных ритуалах на поселениях. Вероятно, именно это обстоятельство обусловило и другое отличие: фрагментарность трипольской пластики и целые статуэтки из погребений. В Триполье целые статуэтки происходят преимущественно из культовых наборов. Для антропоморфной пластики РБВ характерно отсутствие стандартизации иконографических типов, большинство статуэток наделено индивидуальными чертами, а часть из них уникальны и не имеют аналогий. Эта особенность резко контрастирует с антропоморфной пластикой Триполья CII, которая демонстрирует высокую степень стандартизации и единство иконографических типов (Burdo 2014, 328-332).

Поскольку статуэтки серезлиевского типа практически не имеют ничего общего ни с усатовской, ни с позднетрипольской антропоморфной пластикой, нужно считать их особой категорией артефактов культурных группировок с курганным обрядом погребения РБВ в степном регионе и пограничье степи и лесостепи Побужья, Буго-Днепровского междуречья и Поднепровья. То же относится и к упомянутым выше единичным антропоморфным статуэткам других типов, найденных в погребениях под курганами или на трипольских поселениях. Можно предположить, что антропоморфная пластика возникла у степного курганного населения под влиянием Триполья, но влияние это проявилось в самом общем плане. Контекстный анализ пластики серезлиевского типа позволяет выделить в Побужье контактную зону между культурными группировками с курганным обрядом, Триполья CII и усатовской культурой, которая функционировала в период финального энеолита и РБВ.

Библиография

Болтенко 1925: М.Ф. Болтенко, Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков. Вісник Одеської комісії краєзнавства 2-3, 1925.

Бурдо 2013: Н.Б. Бурдо, Реалистическая пластика культурного комплекса Триполье-Кукутень (Saarbrücken: Lambert Academic Publishing 2013).

Васіна 2003: З. Васіна, Український літопис вбрання. Т. 1. 11000 років до н. е, XIII ст. н. е. (Київ 2003).

Відейко 2004: М.Ю. Відейко, Періодизація та хронологія трипільської культури. В: (Ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, I (Київ 2004), 80-97.

Гребенніков, Смирнов 2015: Ю. Гребенніков, Л. Смирнов, Початок курганного будівництва у Північному Причорномор'ї (на прикладі пам'яток Степового Побужжя): архітектурний та ідеологічний аспект проблеми. Емінак 3(11), 2015, 21-30.

Дергачев 1980: В.А. Дергачев, Памятники позднего Триполья (опыт систематизации) (Кишинев 1980).

Дергачев 1986: В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Анализ и характеристика культурных групп) (Кишинев 1986).

Дергачев 2004: В.О. Дергачев, Пізній період трипільської культури. В: (Ред. М.Ю. Відейко). Енциклопедія трипільської цивілізації, I (Київ 2004), 111-113.

Дергачев, Манзура 1991: В.А. Дергачев, И.В. Манзура, Погребальные комплексы позднего Триполья (Кишинев 1991).

Збенович 1972: В.Г. Збенович, Хронологія пізнього Триппіля, Археологія 7, 1972, 3-25.

Збенович 1974: В.Г. Збенович, Позднетрипольские племена Северного Причерноморья (Киев 1974).

Збенович 1976: В.Г. Збенович, К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья. В сб.: (Ред. С.С. Березанская) Энеолит и бронзовый век Украины: Исследования и материалы (Киев 1976), 57-69.

Ковальова 1980: И.Ф. Ковалева, К вопросу о культурной принадлежности вытянутых подкурганных энеолитических погребений. В сб.: (Ред. И.Ф. Ковалева) Курганы степного Поднепровья (Днепропетровск 1980), 48-56.

Ковалева 2004: И.Ф. Ковалева, Зеленогайский комплекс антропоморфной пластики. В сб.: (Ред. И.Ф. Ковалева), Курганы энеолита – бронзового века в криворожском течении Ингульца (Днепропетровск 2004).

Ковальова 2004: І.Ф. Ковальова, Статуетки серезліївського типу. В: (Ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ 2004), 498-499.

Ковальова 2004а: І.Ф. Ковальова, Статуетки Зеленогайського комплексу антропоморфної пластики. В: (Ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ 2004), 496-498.

Козубовський 1934: Ф.А. Козубовський, Археологічні дослідження на території Богесу 1930-1932. Експедиційні дослідження Ін-ту історії матеріальної культури ВУАН за 1934 р. Вісті АН УРСР, 8-99, 40-50.

Кричевский 1941: Е.Ю. Кричевский, О процессе исчезновения трипольской культуры. В: Материалы и исследования по археологии СССР, 2 (Москва-Ленинград 1941), 245-253.

Лагодовська 1943: О.Ф. Лагодовська, Проблеми усатівської культури. Наукові запаписки АН УРСР. Інститут історії і археології, 1, 1943, 53-66.

Лагодовська 1953: О.Ф. Лагодовська, Пам'ятки усатівського типу, Археологія 8, 1953, 95-108.

Лагодовська, Шапощникова, Макаревич 1962: О.Ф. Лагодовська, О.Г. Шапощникова, М.Л. Макаревич, Михайлівське поселення (Київ 1962).

Манзура 2013: И.В. Манзура Культуры степного энеолита. В: (Ред. И.В. Бруяко) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 115-153.

Мовша 1960: Т.Г. Мовша, К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения. В сб.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики (Кишинев 1960), 59-76.

Мовша 1984: Т.Г. Мовша, Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе. В сб.: (Ред. И.Ф. Ковалева) Проблемы археологии Поднепровья (Днепропетровск 1984), 60-83.

Мовша 1990: Т.Г. Мовша, Актуальные проблемы истории позднетрипольского населения Днестровско-Днепровского междуречья. В: Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тезисы докладов I полевого семинара (Тальянки 1990), 169-174.

Мовша 1991: Т.Г. Мовша, Взаємовідносини степових і землеробських культур в епоху енеоліту – ранньобронзового віку. Археологія 3, 1993, 36-51.

Николова, Рассамакин 1985: А.В. Николова, Ю.Я. Рассамакин, О позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра. СА 3, 1985, 37-56.

Пассек 1949: Т.С. Пассек, Периодизация трипольских поселений (III-II тысячелетия до н.э.). В: Материалы и исследования по археологии СССР, 10 (Москва-Ленинград 1949).

Патокова 1986: Э.Ф. Патокова, Антропоморфная пластика Маяцкого могильника. В сб.: (Ред. Г.А. Дзис-Райко) Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986), 5-20.

Петренко 1980: В.Г. Петренко, О семантике усатовской антропоморфной пластики. В сб.: (Ред. В.Н. Станко) Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя (Киев 1980), 96-100.

Петренко 2003: В.Г. Петренко, Епонімне Усатове та проблема генезису усатівської культури. В сб.: (Ред. І.Т. Черняков) Трипільська цивілізація у спадщині України (Київ 2003), 135-143.

Петренко 2004: В.Г. Петренко, Усатівська антропоморфна пластика. В: (Ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ 2004), 559.

Петренко 2013: В.Г. Петренко, Усатовская культура. В: (Ред. И.В. Бруяко) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 163-210.

Погожева 1983: А.П. Погожева, Антропоморфная пластика Триполья (Новосибирск 1983).

Попова 2016: Е.А. Попова, Антропоморфная статуэтка из кургана эпохи бронзы некрополя у поселка Заозерное в Северо-Западном Крыму. Исторический журнал: научные исследования 6, 2016, 703-709.

Рыбалова 1964: В.Д. Рыбалова, Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге. Археологический сборник Государственного Эрмитажа 6, 1964, 80.

Телегін 1971: Д.Я. Телегін, Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу. Археологія 4, 1971, 3-17.

Телегин 1977: Д.Я. Телегин, Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины. СА 2, 1977, 5-9.

Товкайло, Фоменко 2013: М.Т. Товкайло, В.М. Фоменко, Ґрунтовий могильник усатівського типу на Ґарді. В сб.: (Ред. Л.Л. Залізняк) Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку – енеоліту. До 100-річчя від народження В.М. Даниленка (Мелітополь, смт Мирне 2013), 185-193.

Фоменко, Бурдо, Спіцина 2014: В.М. Фоменко, Н.Б. Бурдо, Л. Спіцина, Багатошарова пам'ятка Ташлик II. Археологія і давня історія України. Колекції наукових фондів Институту археології НАН України. Результати досліджень 1 (12), 2014, 137-147.

Черныш 1982: Е.К. Черныш, Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В: (Ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт) Энеолит СССР (Москва 1982), 165-252.

Шапошникова, Бочкарев, Шарфутдинова 1977: О.Г. Шапошникова, В.С. Бочкарев, И.Н. Шарфутдинова, О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингула. В сб.: (Ред. О.Г. Шапошникова) Древности Поингулья (Киев 1977), 7-37.

Щербаковский 1905: Д.М. Щербаковский, Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губерний. Археологическая летопись Южной России 1-2, 1905, 7-19.

Burdo 2014: N. Burdo, Anthropomorphic plastic art of Trypillia culture: dialectic of similarities and differences. In: (Eds. C-E. Ursu, S. Ţerna) Anthropomorphism and symbolic behaviour in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe (Suceava 2014), 303-364.

Bydłowsky 1905: A. Bydłowsky, Mogily w Jackowici w pow. Lipoeckim w dub. Kijowskiej. Swiaowit VI, 1905, 8-35.

Passek 1935: T. Passek, La ceramique tripolienne. Известия государственной академии истории материальной культуры, 122, 1935.

Pogoševa 1985: A.P. Pogoševa, Die Statuetten Tripolje-Kultur. Beitrage zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 7, 1985, 95-242.

Plastica antropomorfă din înmormântările tumulare din interfluviul Bugo-Niprovian şi regiunea Niprului

Cuvinte-cheie: plastică antropomorfă, statuete de tip Serezlievka, înmormântări tumulare, epoca bronzului timpuriu.

Rezumat: Statuetele din epoca timpurie a bronzului din înmormântările tumulare, inclusiv cele de tip Serezlievka, au caracteristici morfologice şi stilistice specifice ce nu permit asocierea acestora cu cultura Tripolie sau Usatovo. Cartografierea plasticii din epoca timpurie a bronzului arată că înmormântările cu statuete de tip Usatovo şi Serezlievka sunt localizate în diferite zone ale regiunii de stepă. O diferenţă foarte importantă între statuetele antropomorfe din epoca bronzului timpuriu şi cele ale culturii Tripolie este că cele dintâi au fost folosite în ritualul de înmormântare, iar cele din urmă – în diverse ritualuri din aşezări. Probabil, această circumstanţă a dus la o altă diferenţă: plastica tripoliană este fragmentată iar din înmormântări provin statuete întregi. În cazul culturii Tripolie, statuetele întregi provin, în principal, din seturi religioase. Plastica antropomorfă a epocii timpurii a bronzului se caracterizează prin lipsa de standardizare a tipurilor iconografice, majoritatea figurinelor fiind dotate cu trăsături individuale, unele dintre ele fiind unice şi fără analogii. Această caracteristică contrastează puternic cu plastica antropomorfă a etapei Tripolie C II, care demonstrează un grad înalt de standardizare şi monotonie a tipurilor iconografice.

Deoarece statuetele de tip Serezlievka, practic, nu au nimic în comun cu plastica antropomorfă a culturii Usatovo, dar nici cu cea tripoliană tardivă, acestea ar trebui considerate o categorie specială de artefacte ale grupurilor culturale cu rit funerar tumular din epoca bronzului timpuriu din regiunea de stepă şi de la graniţa dintre stepă şi silvostepa regiunii râului Bug, interfluviul Bugo-Niprean şi regiunea Niprului. Acelaşi lucru este valabil şi pentru statuetele antropomorfe singulare de alte tipuri, menţionate mai sus, găsite în înmormântări sub tumuli sau în cadrul aşezărilor tripoliene. Se poate presupune că plastica antropomorfă a apărut la populaţia înmormântărilor tumulare din stepă sub influenţa culturii Tripolie, dar această influenţă s-a manifestat în termeni foarte generali. Analiza contextuală a plasticii de tip Serezlievka permite evidenţierea, în regiunea Bugului, a zonei de contact între grupurile culturale cu rit tumular Tripolie C II şi cultura Usatovo care a funcţionat în perioada eneoliticului final şi epoca bronzului timpuriu.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta răspândirii plasticii antropomorfe din epoca timpurie a bronzului. I - statuete de tip Usatovo; II - statuete de tip Serezlievka; III - Suški; IV - aşezări. 1 - Bol'šoj Kujal'nik-Usatovo; 2 - Majaki; 3- Kislica/Chisliţa (raionul Ismail); 4 - Vyhvatincy; 5 - Sandraki; 6 - Serezlievka; 7 - Ermolaevka; 8 - Baratovka; 9 - Širokoe; 10 - Dovga Mogila (Ordzhonikidze I); 11 - Grupul Chkalovsk (Ordzhonikidze II); 12 - Novoolekseevka; 13 - Zaozernoe; 14 – Zelionyj Gaj; 15 - Petropavlovka; 16 - Suški; 17 - Pečora; 18 - Dolinka.

Fig. 2. Zelionyj Gaj, tumulul nr. 6, mormântul nr. 26. I - ocru; II - statuetă; III - femeie; IV - bărbat. 1, 1a - amplasarea unei statuete lângă craniul unei femei tinere; 2 - grup de figurine într-un mormânt; 3 - planul mormântului nr. 26; 4-9 - figuri din aglomeraţie; 10 - figurina descoperită lângă craniul femeii; 11 - o bucată de ocru (după: Ковальова 2004, 286; Ковальова 2004a, 497).

Fig. 3. Tipologia plasticii de tip Serezlievka. 1 - Serezlievka, tumulul nr. 7; 2, 8 - Zeleonyj Gaj, tumulul nr. 6, mormântul nr. 26; 3, 4, 12 - Ermolaevka, tumulul nr. 2; 5 - Sandraki, locuinţă; 6, 7, 14 - Grupul Chkalovsk, tumulul 3, mormântul 25; 9 - Širokoe, tumulul nr. 1, mormântul nr. 18; 10, 11 - Novoalekseevka, tumulul nr. 6, mormântul nr. 15; 13 - Zaozernoe; 15, 16 - tumulul Dovga Mogila, mormântul nr. 12; 17 - reconstrucţia acoperemântului capilar al statuetelor de tip Serezlievka (după: Васіна 2003, 71).

Fig. 4. Inventar funerar. 1, 2 - Širokoe, tumulul nr. 1, mormântul nr. 18 (după: Дергачев, Манзура 1991, рис. 84/8, 9); 3, 4 - Grupul Chkalovsk, tumulul nr. 11, mormântul 11 (după: Николова, Рассамакин 1985, рис. 5/2, 3); 5-9 - Grupul Chkalovsk, tumulul nr. 3, mormântul nr. 25 (după: Николова, Рассамакин 1985, рис. 10/6-9); 10-15 - Ermolaevka, tumulul nr. 2 (după: Дергачев, Манзура 1991, рис. 83/8; 84/1-4); 16, 17 - Baratovka, tumulul nr. 1, mormântul nr. 16 (după: Телегин 1977, рис. 6/5, 6); 18 - Serezlievka, tumulul nr. 4 (după: Щербаковский 1905, табл. I, фиг. 1); Vilšanka (Olšanka), tumulul nr. 3 (după: Мовша 1960, рис. 3/2).

Fig. 5. Statute antropomorfe din epoca timpurie a bronzului. 1 - Ermolaevka; 2, 3 - tumulul Dovga Mogyla, mormântul nr. 12; 4, 5 - Grupul Chkalovsk, tumulul nr. 3, mormântul nr. 25 (Depozitul ştiinţific al IA ANSU); 6 - aşezarea Pečora (după: Збенович 1972, рис. 5/18); Suški (după: Бурдо 2013, 343); Majaki, tumulul nr. 5, mormântul nr. 2 (după: Петренко 2004, 559).

Fig. 6. Compararea caracteristicilor figurinelor în picioare de tip Serezlievka şi cele ale culturii Usatovo.

Anthropomorphic figurines from early Bronze Age burial mounds in the Bug-Dnieper interfluves and the Dnieper area

Keywords: anthropomorphic figurines, Serezliivka-type figurines, burial mounds, early Bronze Age.

Abstract: Figurines of the early Bronze Age from burial mounds, including ones of the Serezliivka type, have specific morphological and stylistic features, which do not allow them to be associated with Trypillia or Usatovo cultures. Mapping of the early Bronze Age figurines shows that burials are localized in different regions of the steppe zone. A very important difference between the anthropomorphic figurines of the early Bronze Age and Trypillia is that the first were used in funeral rites, and the latter in various rituals within the settlements. Probably, it was this circumstance which caused another difference: the fragmentation of the first and whole samples from burials. In the Trypillia culture sites whole figurines occur primarily in cultic sets.

Anthropomorphic figurines from the early Bronze Age burials is characterized by a lack of standardization of iconographic types, most of the figurines are endowed with individual features, and some of them are unique and have no analogies. This feature contrasts sharply with the anthropomorphic sculpture of Trypillia CII, which demonstrates a high degree of standardization and monotony of iconographic types (Burdo 2014, 328-332).

Since Serezliivka-type figurines have practically nothing in common with either Usatovo or Late-Trypillia figurines, they should be considered as a special category of artifacts from cultural groups from the borderland of the Steppe and Forest-Steppe at the Southern Bug-Dnieper interfluves and the Dnieper region. The same applies to the figurines of other types found in burials. It can be assumed that the early Bronze Age anthropomorphic figurines originated in the steppe zone under the influence of Trypillia culture, but this influence manifested itself in the most general sense. A context analysis of the Serezliivka-type figurines makes it possible to distinguish in Southern Bur region a contact zone between cultural groups with a mound ritual, Trypillya CII stage and Usatovo culture, which functioned during the final stage of the Copper Age and the early Bronze Age.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of the distribution of anthropomorphic figurines of the Early Bronze Age. I - figurines of the Usatovo type; II - figurines of the Serezliivka type; III - Sushky; IV - settlement. 1 - Bolshoi Kuyalnik-Usatovo; 2 - Mayaky, 3 - Kislitsa (Izmail district); 4 - Vykhvatintsy; 5 - Sandraky; 6 - Serezeliivka; 7 - Ermolaevka; 8 - Baratovka; 9 - Shyroke; 10 - Dovga Mohyla (Ordzhonikidze I); 11 - Chkalovo Group (Ordzhonikidze II); 12 - Novoalekseevka; 13 - Zaozernoye; 14 - Zeleny Gai; 15 - Petropavlovka; 16 - Sushky; 17 - Pechera; 18 - Dolinka.

Fig. 2. Zeleny Gai, burial mound No. 6, burial No. 26. I - ocher; II - figurine; III - woman; IV - man. 1, 1a - lying statuette near the skull of a young woman; 2 - a cluster of figurines in the grave; 3 - burial plan No. 26; 4-9 - figures from the cluster; 119 - a figure found at the skull of a woman; 11 - a piece of formed ocher (according to Ковальова 2004, 286; Ковальова 2004a, 497).

Fig. 3. Typology of Serezliivka-type plastic. 1 - Serezliivka, burial mound No. 7; 2, 8 - Zeleny Gai, burial mound No. 6, burial No. 26; 3, 4, 12 - Ermolaevka, burial mound number 2; 5 - Sandraky, dwelling; 6, 7, 14 - Chkalovo Group, burial mound 3, burial 25; 9 - Shyroke, burial mound No. 1, burial No. 18; 10, 11 - Novoalekseevka, burial mound No. 6, burial No. 15; 13 - Zaozernoe; 15, 16 - the burial mound Dovga Mohyla, burial No. 12; 17 - reconstruction of the headdress of figurines of the Serezliivka type (after Васіна 2003, 71).

Fig. 4. Grave goods. 1, 2 - Shyroke, burial mound No. 1, burial No. 18 (after Дергачев, Манзура 1991, рис. 84/8, 9); 3, 4 - Chkalovo Group, burial mound number 11, burial 11 (after Николова, Рассамакин 1985, рис. 5/2, 3); 5-9 - Chkalovo Group, burial mound No. 3, burial No. 25 (after Николова, Рассамакин 1985, рис. 10/6-9); 10-15 - Ermolaevka, burial mound No. 2 (after Дергачев, Манзура 1991, рис.83/8; 84/1-4); 16, 17 - Baratovka, burial mound No. 1, burial No. 16 (Телегин 1977, рис. 6/5, 6); 18 - Serezliivka, Barrow No. 4 (after Щербаковский 1905, таб. I, фиг. 1); Wilhsanka (Olshanka), Barrow No. 3 (after Мовша 1960, рис. 3/2).

Fig. 5. Anthropomorphic figurines of the Early Bronze Age: 1 - Ermolaevka; 2, 3 - Dovga Mohyla, burial 12; 4, 5 - Chkalovo Group, burial mound No. 3, burial No. 25 (Scientific fund of IA NASU); 6 - Pechera site (after Збенович 1972, рис. 5/18); Sushky (after Бурдо 2013, 343); Mayaky, burial mound No. 5, burial No. 2 (after Петренко 2004, 559).

Fig. 6. Comparison of the features of standing figurines of the Serezliivka type and the Usatovo culture.

19.02.2018

Д-р Наталья Бурдо, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: nbburdo@gmail.com

BULLS AND WAGONS: AN "INNOVATIVE" APPROACH TO REPRESENTING ARCHAEOLOGICAL DATA

Elena Izbitser

Keywords: Early-Middle Bronze Age, Maikop culture, Yamnaya culture, wooden wagons, North Caucasus, professional incompetency.

The recently published book on appropriating innovations in prehistoric Eurasia includes in it a chapter entitled "Contextualising Innovation: Cattle Owners and Wagon Drivers in the North Caucasus and Beyond" by a group of authors (Reinhold et al. 2017). The task of analyzing this article is beyond standard academic review because works the level on which this article is written are generally not included in a bibliography, pretending they do not exist. However, this book is issued by a respectable publisher, and the article can be used as a source by scholars and students, reproducing and disseminating the erroneous facts and unsupported statements, adding to other misinformation about steppe prehistory roaming through Western-language publications.

As an example of innovation, the authors choose animal labour, used in the appropriation process by two different groups in "different intellectual discourses" (as it was intended to demonstrate in the text): the Maikop communities, who "selected the powerful driving force – cattle teams – for their burial representations", and the steppe communities, who "chose to highlight the means of transportation – wagons" (Reinhold et al. 2017, [78]). In the end, the overview of the discussed materials resulted in the following conclusion: "The heterogeneity of burials with animal offerings in the piedmont area and the heterogeneity in the deposition of vehicles in the steppe zone give us no clues to standardised ritual procedure. This strongly suggests that the late 4th and the early 3rd millennia BC were indeed the appropriation period for animal labour in this area, where there were no standards regulating the proper use of the new techniques" (Reinhold et al. 2017, 94).

The artificiality of the intended goal is clear from the very beginning: the use of draught animals and the wheeled vehicles are treated as the same invention; without any arguments the wagons in burial rites are set forth as representation of animal traction. And the conclusions came as a natural result of what and how archaeological material was used.

The article is based on two burial complexes from the Stavropol region, one for each group, because of their close absolute dating to the last third of the 4th millennium BC. For the Maikop communities it is Mar'inskaya-5, kurgan 1, grave 25 (in the text designated as Mar'inskaya 5, grave 25). The grave contained two skulls of bulls/oxen and bronze elements of their harness – previously called "cheek-peaces", now named the "looped nose rings". There are over ten more complexes of the Maikop culture with similar rings, without animal skulls. Though they are briefly listed in the text and mapped (pages 81-82, Figure 8.7), the described are the other graves, where cattle skulls were found, none of which belonged to the Maikop culture. Even though the text has a section with theoretical quotes on innovations, their preconditions, and challenges, there is no definition, however, as to how long invention can be considered as such. So, the initially stated discourse of the Maikop communities was stretched for another 700 years, and the large-scale conclusions about "heterogeneity of burials with animal offerings in the piedmont area" were made on six complexes: one grave of the Maikop culture, two graves of the North Caucasian culture, and one grave of the Catacomb culture, all from the same kurgan; two more Middle Bronze Age graves were added from another kurgan cemetery in the same region. The complexes with looped bronze rings were not explored, but simply explained away that their "presentation accentuates the subjection of the animal" (page 87). Due to an insufficient amount of burials, the other archaeological data was cited, putting everything in one basket: wall painting scene with bulls from Arslantepe, symbolism of bulls in the North Caucasus (of course with bull figurines and plaques from the

Maikop kurgan but adding to the bunch the lion plaques as well), and a kurgan complex of graves with undefined attribution from northern Osetia.

Discussing the symbolism of the bull, themes of "mastering the beast", "subjection of the animal", and other bull-related material; suggesting distinction in "different intellectual discourses in appropriation process", the one important grave was excluded from a survey – Novokorsunskaya 2/18 (*aka* Starokorsunkaya 2/18, see Izbitser 2017), perhaps, because this grave of the late Maikop/Novosvobodnaya period does not fit into the scheme – it was accompanied by a wagon, not animal skulls. Information about the grave has been included in publications by A. Gei (Гей 2000, 189) and V. Trifonov, who provided its drawing and description (Trifonov 2004, 168, Abb. 2), works which should be known to the authors because they are cited in the article. However, the grave was not even mentioned in the text, only listed on a map under number (1) near the symbol for a Novotitarovskaya grave (Figure 8.7).

To demonstrate the steppe traditions of burials with wagons the authors chose kurgan 2 from Sharakhalsun-6 cemetery, which contained four graves with remains of wooden wagons. It should be noted that for an unknown reason, the cemetery Sharakhalsun-6 throughout the text, with few exceptions, is referred as Sharakhalsun 2, and kurgan 6 as kurgan 2, while labels in field photographs of the graves clearly display the factual designation (Figure 8.10, 2; Figure 8.11, 2-3).

Out of four graves with wagons, special attention is paid to grave 18, whose radiocarbon date "is almost identical with grave 25 at Mar'inskaya" (page 83). It is a catacomb grave, where a wagon and the deceased in a sitting position in it were placed in the chamber. On this ground it was linked to the "early Yamnaya or steppe Maikop culture". Since there were no burial goods, it was decided that "the unique burial position makes it difficult to assign the grave to a specific archaeological culture on the basis of burial customs. It belongs to a small group of intermediate burials in sitting position with both early Yamnaya and Maikop aspects" (page 84).

However, these are exactly the features of burial rite that raise doubt about both cultural and chronological attribution, namely: the position of the wagon, the catacomb construction of the grave, and combination of these two features. To start with, a grave in a catacomb cannot belong to the Yamnaya culture. As it well known, the culture was named by V.A. Gorodtsov over a hundred years ago, according to the the formal shape of the graves – "yama", that is "pit" in English and "Grube" in German, and it still applies. To attribute a catacomb grave to the early Yamnaya culture is a kind of novelty. In regard to the assumption on the connection of grave 18 to the Maikop culture, it should be noted that despite the fact that catacombs were one of the forms of grave construction known for this culture, wooden wagons on the early stage of the burial rite were always dismantled before their depositions into the graves. The analysis of several hundred kurgan burials with remains of wooden wagons dated to the Early-Middle Bronze Age revealed that the arrangement of wagons and their place in grave constructions reflects both cultural and chronological aspects (Избицер 1993). The deposition of the fully assembled wagon in a chamber of a catacomb is a characteristic of the Middle Bronze Age period.

If we turn to the field report of excavations of the Sharakhalsun-6, the last part contains the table of distribution of the excavated graves by chronological groups; grave 18, kurgan 2 is in the Middle Bronze Age group (Яковлев 2004, 185). Besides that, the table of graves with remains of wagons excavated by expeditions of *Nasledie* (it was provided to me at the *Nasledie* office in 2011) has a column with cultural definition of the graves and a column indicating materials, if selected, for future radiocarbon tests. A culture for the grave Sharakhalsun-6 2/18 is indicated there as "the Catacomb culture (late stage?)", and the selected material – "bones". Meanwhile, Table 8.2 in the text, while listing the graves with remains of wooden wagon and the results of the ^{14}C analyses, states that material used for the dating of grave 18 was wood (Table 8.2, page 87). This gives us a reason to assume that at some stage packages with samples were mislabeled, and wood came from a different grave, not from the "oldest wooden vehicle dated so far" (page 94).

Also incorrect is the statement that a sitting position of the deceased in the wagon is unique. This situation is rare but not unique. A similar burial was discovered in 1970 in a kurgan near the village of Voikovo, the Lower Dnieper region – a wooden wagon and a seated in it deceased were placed in the chamber of the catacomb (Пустовалов 2000;

Тесленко 2017). Another example – the famous grave 8 of kurgan 9 from the Tri Brata I cemetery in Kalmykia. One of two wagons was disassembled, with wheels laid flat near the top corner of the pit but the deceased was left at the bottom of the pit in a sitting position on a wooden platform (Синицын 1948). Besides a logical guess that the wooden platform was the bottom of the wagon box, for such an interpretation speaks of a similar arrangement of the dismantled wagons known not only in the North Caspian region but in the North Black Sea region as well. The reliable clue to interpret the wooden platforms beneath the skeletons as remains of wagon boxes is witnessed in Kholmskoe, kurgan 1, grave 7 excavated by the Izmail Expedition in the Odessa region in 1978. Wheels there were placed flat at the top corners of the pit, and the skeleton laying on the wagon box that preserved its sledge-like construction was unearthed at the bottom of the pit (Новицкий 1985); the find itself is one of the earliest archaeological evidence on the origin of wagons from sledges.

The methodology of drawing conclusions on a limited number of data applied to the Maikop graves, combined with speculative suggestions, is also conducted in the discussion on the injuries and lifetime occupation of the individual buried in Sharakhalsun-6 2/18. Based on the position of the skeleton's hands, the deceased is declared "a wagon driver" and supposedly an active trainer of cattle team (Reinhold et al. 2017, 91-92). Besides the article in question, another work, with the primary focus on the study of numerous traumatic injuries the buried suffered before his death, was published (Tucker et al. 2017); both articles cross-reference each other. They are written by the same core team of authors, appeared in the same year, and (it would seem) to share the same views. However, while one article states that the skeleton's "fracture pattern is reminiscent of combat rather than everyday activities" (Reinhold et al. 2017, 91), the other concludes that "typical aetiology of these injuries would suggest that this may have been a fall from a wagon, with subsequent crushing by the vehicle landing on top of them, or "overrun" of a wheel across the chest of the individual, an accident involving their draft animals, or a combination of all three" (Tucker et al. 2017, 16). This dramatic scenario is no less creative in the explanation of the burial: "The survival and recovery of the individual, despite the severity of his injuries, would probably have been a notable event in the community and it is interesting to speculate whether the unique positioning of the individual in his grave, sitting on a wagon rather than buried in a supine position underneath the wagon box, was some form of commemoration of the event" (Tucker et al. 2017, 16). When discussing this specific burial, neither of the articles offers any explanation on the rest of several hundred burials accompanied by one wagon or, in a number of cases, by two wagons: Were the other buried individuals also "wagon drivers" or only the one with broken bones? Do the types of injuries imply that in the 4th-3rd millennia BC a wagon was the only place where a person could fell from and get traumas similar to those traced on the skeleton from Sharakhalsun-6 2/18?

One of the above-mentioned quotes describes the supine position of the deceased underneath the wagon box. However, out of over 300 graves with wooden wagons there was no skeleton traced underneath of the wagon box. This incorrect description is, perhaps, another way of referring to a variant of the wagon's location in graves mentioned in Reinhold et al.'s text as "wagon boxes used as grave ceilings", or in regard to two graves of the Yamnaya culture, "four wheels were placed flat in the corners of the burial pit, which in turn was covered with the wooden wagon box" (page 85). But everyone who excavated the grave pits of the Yamnaya culture, without the wagon or with it, knows that pits were covered with wooden beams and mats. When dismantled, the arrangement of the wagon in the graves was as follows: wheels were removed from the axles and placed flat near them, on both sides of the wagon box, or near the corner of the pit; the wagon box was left on top of the pit's covering, and its remains fell inside the pit after the beams decayed. Wagons boxes could not serve as ceilings for a simple reason: in the most cases they were smaller than pits.

In general, the text gives an impression that whoever compiled has a vague understanding of the subjects discussed in the article but carelessly obtained the information from various sources, and largely in retold fashion. In a number of instances, the cited publications do not contain the referred information. For example, with reference to the book by A. Gei the Novotitarovskaya culture is named as "a variant of the Yamnaya phenomenon" (page 86), while Gei talks only about traceable components of both Yamnaya and No-

vosvobodnaya in the shaping of the Novotitarovskay, and stresses that a problem of its origin is far from conclusion (Гей 2000, 198-201). In another place, discussing bull figurines from the Maikop kurgan one can read that "as recent research by Juri Ju. Piotrovsky on the placement of the objects in this grave demonstrate, the famous baldakhin mooted in one of the earliest publications obviously never existed", with references to Munchaev and Piotrovsky & Bochkarev (page 90), but neither of these works even mentions the baldachin; an article on this subject was published by M. Chernopitsky back in 1987 (Чернопицкий 1987). The number of wagon burials excavated in the North Caucasus is given as 260-280 (page 91), while the cited article of Belinsky [sic] and Kalmykov of 2004 talks about160 graves, and Kaiser in her work of 2007 mentions 250 graves between the Urals and the lower Danube, not in the North Caucasus (Kaiser 2007, [129]).

A few words should also be said about the illustrations. Some maps and diagrams either have symbols that are not included in the legend (Figures 8.3, 8.7) or symbols in the legend that are not on the diagram (Figure 8.9). In other cases illustrations differ from its description in the text; for example, Figure 8.9 indicates that 1st embankment belongs to the Maikop period and 2-4/5 embankments – to the Yamnaya culture, however the text says that 1st and 2nd embankments relate to the Maikop period and 3rd-5th – to the Yamnaya culture (page 84). On the other hand, for both Mar'inskaya-5, kurgan 1, and Sharakhalsun-6, kurgan 2, the conclusions on the chronological sequence of the burials are not supported by the drawings of balks. The caption under Figure 8.8 designates the grave as from the Caucasian Catacomb culture, while there is no culture under this name. The catacomb grave in Figure 8.10 designated as "the grave shaft". To say, this confusion between "catacomb", "shaft", and "chamber" could be seen throughout the text. And when the text says that the wagon was in the shaft instead of the chamber, it is misleading because there are catacomb graves where a wagon was placed at the bottom of the shaft. The caption under Figure 8.13, (1) says "Plan" instead of "Section", and captions under Figure.8.11 is hard to understand: out of three illustrations the only clear one is under number 1; for number 2 – photo of Sharakhalsun-6 2/4 stands "2nd (wagon)", and for number 3 – Sharakhalsun-6 2/9 stands 6th (burial)". But a "champion" in errors is Figure 8.7: the "Early wagon" section incorrectly names the site under number (11) – Baturinsk instead of Baturinsky, and motives behind the indication of number of kurgan/grave near some sites are unclear, since practically all of them are not single kurgans but cemeteries where wagons were found either in several graves of the same kurgan, or in different kurgans of the same cemetery. In the "Loop noose ring" section two distant places are marked with black circles and are shown under the same number (4), one of them for Klady; the gray circle on the map surrounded by several numbers is not in the legend; finds for (4) Klady are incorrectly given as K4/1, K1/25, K27/1 instead of Klady K4/1, K11/26, K11/26, offering place. Maybe these mistakes came from the original source indicated as "Korenevsky 2013" but it is difficult to check because the work is not included in the bibliography; also not included is a book by Rezepkin which several times is referenced in the text as Rezepkin 2012.

In a situation where there were one or two errors, they could be disregarded. But all the above-mentioned inconsistencies are not just inaccuracies and shortcomings; they are systematic errors that show a low level of professionalism, and question whether the authors understand all the issues they decided to take the responsibility of writing about. The examples mentioned do not conclude the list of errors and drawbacks of this text, which could still be described on many pages. Of course, it is impossible to stop people to write articles of similar quality, but authors should understand that they are responsible for all they publish.

The text has nine authors. Among them are the names of established scholars with decades of experience, firm knowledge of North Caucasian prehistory, and long lists of scholarly publications. Were these scholars in fact the authors of the text and/or approved it? Talking about appropriating innovations in prehistory the article itself demonstrates the application of a number of "innovations" in scholarly publications: the absence of basic research methodology; deep lack of knowledge of excavated materials but only surface familiarity with the discussed subjects and cited publications; abundance of errors and unsupported conclusions, in some cases reaching the level of absurdity. The question arises: Why innovate?

Bibliography

Izbitser 2017: E. Izbitser, Novokorsunskaya 2/18, a grave with a wagon: work on mistakes. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 83-85.

Kaiser 2007: E. Kaiser, Wagenbestattungen des 3. vorchristlichen Jahrtausends in der osteuropäischen Steppe. In: (Eds. M. Blečić, M. Črešnar, B. Hänsel, A. Hellmuth, E. Kaiser, C. Metzner-Nebelsick) Scripta Praehyistorica in honorem Biba Teržan. Situla 44 (Ljubljana 2007), 129-149.

Reinhold et al. 2017: S. Reinhold, J. Gresky, N. Berezina, A.R. Kantorovich, C. Knipper, V.E. Maslov, V.G. Petrenko, K.W. Alt, A.B. Belinsky, Contextualising Innovation: Cattle Owners and Wagon Drivers in the North Caucasus and Beyond. In: Appropriating Innovations. Entangled knowledge in Eurasia, 5000-1500 BCE (Oxbow Books 2017), 78-97.

Trifonov 2004: V. Trifonov, Die Majkop-Kultur und die ersten Wagen in der südrussischen Steppe. In: Rad und Wagen: der Ursprung einer Innovation: Wagen im vorderen Orient und Europa / [Redaktion, St. Burmeister; unter Mitarbeit von C. Endlich und E. Kloos] (Mainz am Rhein 2004).

Tucker et al. 2017: K. Tucker, N. Berezina, S. Reinhold, A. Kalmykov, A. Belinskiy, J. Gresky, An accident at work? Traumatic lesions in the skeleton of a 4th millennium BCE "wagon driver" from Sharakhalsun, Russia. Homo, 2017 Aug., 68(4), 256-273.

Гей 2000: А. Гей, Новотиторовская культура (Москва 2000).

Новицкий 1985: Е.Ю. Новицкий, Деревянная конструкция из ямного погребения у села Холмское. СА 2, 1985, 232-235.

Избицер 1993: Е.В. Избицер, Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа, III-II тыс. до н.э. Автореферат дисс. (Санкт-Петербург 1993).

Пустовалов 2000: С.Ж. Пустовалов, «Тягунова Могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе». Stratum plus 2, 2000, 296-321.

Резепкин 2012: А.Д. Резепкин, Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады») (Санкт-Петербург 2012).

Синицын 1948: И.В. Синицын, Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА X, 1948,143-160.

Тесленко 2017: Д. Тесленко, Катакомбное погребение с повозкой из кургана у с. Войково. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 75-82.

Чернопицкий 1987: М.П. Чернопицкий, Майкопский «балдахин». КСИА 192, 1987, 33-40.

Яковлев 2004: А.В. Яковлев, Отчет о раскопках курганного могильника Шарахалсун-6 в 2001 г. Архив «Наследие» (Москва 2004).

Tauri şi care: o abordare „inovatoare" în prezentarea materialelor arheologice

Cuvinte-cheie: perioada timpurie-mijlocie a epocii bronzului, cultura Maikop, cultura Yamnaya, care din lemn, Caucazul de Nord, incompetenţă profesională.

Rezumat: O culegere publicată recent, dedicată inovaţiilor în antichitate, include un capitol în care sunt discutate diferite modalităţi de reflectare în ritualul funerar al culturilor arheologice de la sfârşitul mileniului IV a. Chr. a utilizării forţei de tracţiune a animalelor – prezenţa craniilor de vite mari cornute în unele cazuri, şi a carelor – în altele (Reinhold et al. 2017). Concluziile articolului se reduc la următoarele: diversitatea locurilor de depunere a craniilor de animale în mormintele din regiunile submontane ale Caucazului de Nord şi diversitatea în amplasarea carelor în mormintele din regiunile de stepă indică la lipsa unor standarde în ritualul funerar la etapa timpurie de utilizare a forţei de tracţiune. La baza primelor generalizări globale stau materialele descoperite într-un mormânt din arealul culturii Maikop – Mar'inskaya-5, tumulul 1, mormântul 25 (în textul articolului – Mar'inskaya 5, grave 25), unde au fost descoperite două cranii de tauri/boi cu piese de harnaşament, şi câteva morminte ale culturii nordcaucaziene. Afirmaţiile cu privire la mormintele cu care subliniază, însă, o utilizare formală a materialului publicat, precum şi o necunoaştere şi, respectiv, o neînţelegere a culturilor arheologice. Astfel, mormântul culturi Katakombnaya din perioada mijlocie a epocii bronzului Sharakhalsun-6, tumulul 2, mormântul 18 (în text – Sharakhalsun 2/6, Grave 18), în care a fost descoperit un defunct depus pe car, a fost atribuit culturii Yamnaya şi considerat eronat drept cea mai timpurie înmormântare cu car în regiunile de stepă. În unele cazuri, în articolul menţionat, sunt făcute trimiteri la publicaţii ruseşti şi germane în care informaţia prezentată nu se conţine sau este redată denaturat.

Deopotrivă cu aspectele profesionale există şi o altă problemă care se evidenţiază în publicaţia analizată – cea etică. În lista autorilor acestui articol sunt incluse numele unor arheologi din Rusia care au o vastă experienţă de muncă şi care cunosc foarte bine antichităţile Caucazului de Nord. În acelaşi timp caracterul greşelilor comise de cel care a scris articolul, indică clar că textul nu a fost văzut de către aceştia înainte de a fi publicat. Permisiunea de a trece numele pe o publicaţie şi, respectiv, împărţirea responsabilităţii pentru neprofesionalism, este alegerea fiecăruia.

Быки и повозки: «новаторский подход» к обзору археологических данных

Ключевые слова: эпоха ранней-средней бронзы, майкопская культура, ямная культура, деревянные повозки, Северный Кавказ, профессиональная некомпетентность.

Резюме: Недавно опубликованный сборник, посвященный инновациям в древности, включает главу, в которой обсуждаются различные способы отражения в погребальном обряде археологических культур конца 4 тыс. до н.э. применения тягловой силы животных – присутствие черепов крупного рогатого скота в одних случаях, и повозок – в других (Reinhold et al. 2017). Выводы статьи свелись к следующему: разнообразие в месте черепов животных в погребениях предгорной зоны Северного Кавказа и разнообразие в расположении повозок в погребениях степной зоны указывают на отсутствие стандартов в погребальном обряде рассматриваемых культур на раннем этапе использования упряжных животных. В основе первой части этих глобальных обобщений лежат материалы одного погребения майкопской культуры – Марьинская-5, курган 1, погребение 25 (в тексте – Mar'inskaya 5, grave 25), где были открыты два черепа быков/волов с предметами упряжи, и нескольких погребений северокавказской культуры. Утверждение же относительно погребений с повозками подчеркивает формальное использование опубликованного материала, так же как незнание и, соответственно, непонимание археологических культур. Катакомбное погребение средней бронзы Шарахалсун-6, курган 2, погребение 18 (в тексте – Sharakhalsun 2/6, Grave 18), с находящимся в повозке скелетом, размещенными в камере погребения, приписано к ямной культуре и ошибочно объявлено самым ранним погребением с повозкой в степи. В ряде случаев указаны ссылки на русские и немецкие публикации, в которых приведенная информация не содержится или искажена при передаче в тексте статьи.

Помимо профессиональных аспектов существует еще одна проблема, предельно проявившаяся в рассматриваемой публикации – этическая. Список авторов включает имена российских археологов с многолетним опытом полевой и кабинетной работы, со знанием древностей Северного Кавказа. В то же время характер ошибок, допущенных составителем текста, явно указывает на то, что текст перед публикацией другим авторам показан не был. Позволять ли использовать свое имя, и тем самым разделять ответственность за непрофессиональные публикации, или остановить подобную практику, уже становящуюся тенденцией – выбор каждого.

20.08.2018

Dr. Elena Izbitser, New-York, USA, e-mail: eizbitser@gmail.com

НАЧАЛА ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНОВ БУДЖАКА: ИСТОРИОГРАФИЯ И КАРТОГРАФИЯ

Игорь Сапожников

«Начало есть более чем половина всего»

Аристотель

Ключевые слова: Буджак, Могила киммерийских царей, курганы, история изучения, кладоискательство, картография, раскопки, каменные склепы, погребения, Бородинский клад, Тира, Картал.

С одной стороны, заявленную в статье тему нельзя признать новой и тем более оригинальной, так как ее касался почти каждый археолог-курганщик названного и более крупных регионов Украины и Молдовы. С другой стороны, обобщающие работы по ней представлены в основном популярными очерками, а специальные и даже более или менее близкие к теме исследования можно пересчитать на пальцах (Яровой 2014; Пармакли, Руссев 1999; Сапожников 2011; Сапожников 2013; Сапожников 2017). Потому данной работой автор намерен заполнить хотя бы часть тех пробелов, которые существуют в историографии курганов Бессарабии[1], ограничив верхнюю хронологическую границу исследования 1910-ми годами.

В отличие от Буджака, далеко не каждый уголок Европы может похвастаться тем, что его курганная археология напрямую связана с классической античной письменной традицией. Напомню, что еще в V в. до Р.Х. отец истории Геродот, говоря о более ранних событиях, сообщил: «Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (*могилу царей там можно видеть еще и поныне*[2])» (Геродот, История, кн. 4: Мельпомена, 11). Правда, до настоящего времени все попытки найти этот курган (в том числе и те, о которых будет сказано ниже) закончились безуспешно как в самом Буджаке, так и на левом берегу Днестра.

Признаюсь, что у меня нет однозначного ответа на вопрос, когда и в каких источниках в следующий раз были упомянуты могильные насыпи региона. Если говорить о картографических материалах, то с начала XVIII в. курганы Буджака спорадически и не целенаправленно наносились на планы городов, крепостей, сражений и движения войск, главным образом во время российско-турецких войн 1768-1774 и 1789-1791 годов. В связи с тем, что большая часть таких карт и планов остается неопубликованной, определить весь круг таких источников пока не представляется возможным.

Возможно, что первым из них является план «Лагерь короля Швеции у Бендер, каким он был в 1711 г.»[3], опубликованный более века тому назад (Маркс 1917, 12). На нем изображены два небольших кургана, стоящие на первой террасе правого берега долины Днестра, примерно в 600-700 м к В от Бендерской крепости. Не исключено, что позже они были уничтожены в результате естественного спрямления русла реки (рис. 1).

Три других подобных плана из известных мне относятся к 1789-1790 гг. «Топографический план крепости и села Паланка на Днестре, взятых российской армией 24 сентября 1789 г.» снял Ф.П. де Волан[4] (Сапожников 2011, 232, фото 9). На нем отмечены два самых крупных кургана района. Первый расположен

[1] Автор не распространяет границы Буджака или Бессарабии на днестровско-прутскую часть Молдовы, ограничивая территорию с севера Верхним Траяновым валом и Бендерской округой.

[2] Здесь и далее курсив мой (И.С.).

[3] «Campement seiner Könige Mah zu Schweden bey Bender, wie Solches sich Ao. 1711 befunden». Гравировал Е. Вольф в 1714-1724 гг. (Сапожников, Левчук 2017, 180).

[4] «Plan Topographique de la Ville et Fortr. Palanka sur le Dnestre, prise par l'Armée Russe le 24 Septbr. 1789» (M 500 саж. в дюйме или 1 : 21 000). Хранится в НБУВ (№ 6500).

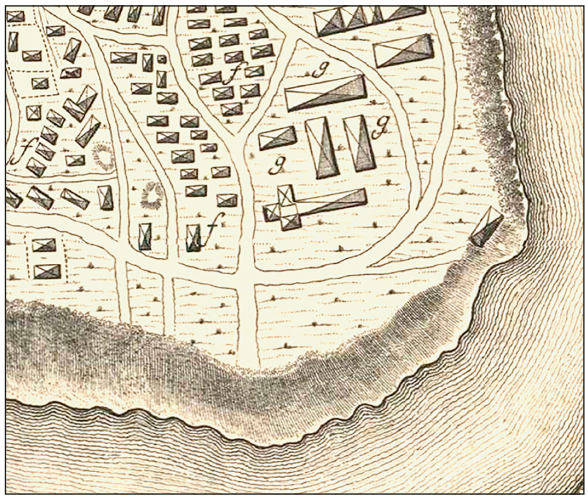


Рис. 1. Лагерь короля Швеции у Бендер 1711 г. (фрагмент; по Маркс 1917, 12).

к З от села, слева от дороги в Оланешты, второй в 2 км к Ю, справа от шоссе Одесса - Рени. На втором, «Плане города Аккермана и окружавший оный лагерям российских войск.... 28 сентября 1789 г.», есть четыре кургана, схематично изображенных на мысовидных выступах плато правого берега Днестровского лимана к З от города. Он ценен присутствием пяти отрезков Нижнеднестровского (Змиевого) вала почти от границы населенного пункта вдоль дороги на Паланку (с южной стороны)[5]. Третьим является «План лагерю, расположенному при Татар-Бунаре. Сентября 14 дня 1790 г.». На нем отмечено место крепости и семь курганов, расположенных на правом берегу долины реки Когильник: один на мысу у дороги на Аккерман и 6 цепью вдоль края плато, причем на двух стояли казачьи пикеты[6]. Почти все насыпи плана увязываются с современными, а одна (с одним пикетом на вершине) является крупным курганом, срытым в 1970-х годах при строительстве автостанции у дороги на Измаил (рис. 2).

Следующие по времени упоминания курганов Буджака и находок в них относятся уже к 1810-1820-м годам и связаны в основном с поисками кладов. Около 1815-1816 гг. П.П. Свиньин в «Описании Бессарабии» написал: «Не излишне будет упомянуть здесь о чрезвычайных конусных насыпях, называемых *курганами*,

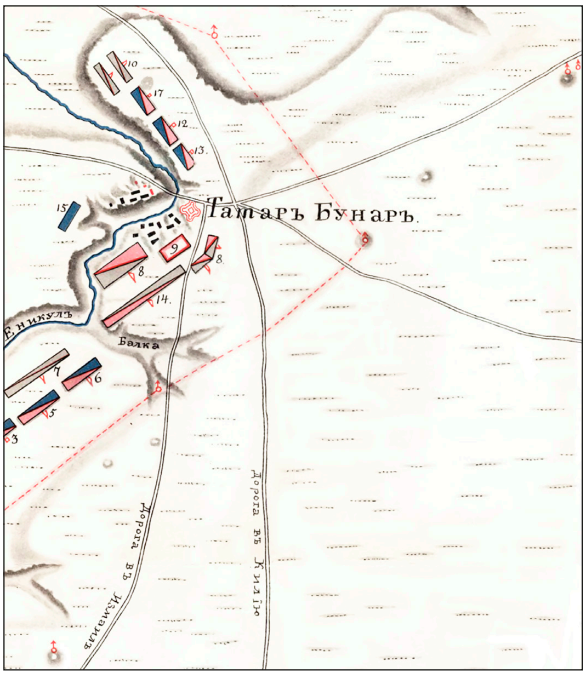


Рис. 2. План лагеря при Татар-Бунаре 1790 г. (по Кутузов 1950).

которые в краю сем находятся в великом множестве. И по сие время не известно еще достоверно, что значили в древности сии курганы. Могилы ли убитых на сражениях воинов, или насыпи для передовых стражей и для сигналов?» (Свиньин 1867, 6-7). Во время поездки по Бессарабии он же упомянул конкретную надмогильную насыпь и находки из нее: «Недалеко от Татар-Бунара есть *конусный курган*, к коему примыкает сей вал с обеих сторон. Насыпь сия объясняет, кажется, лучше всех других догадок, что курганы, рассеянные во множестве по ровным степям здешним, делались для передовых страж и сигналов, когда вся земля сия, по образу жизни ее обитателей и частым войнам и набегам, составляла воинский стан. В сей насыпи вырыл недавно один болгарин до трех сот римских монет и несколько золотых колец, коими отличалась римская кавалерия от пехоты». В примечаниях к этому тексту П.П. Свиньин добавил: «Мне сказали, что некоторые люди *промышляют рытьем курганов* и ходят для сего не только по всей Малороссии, но *по здешнему краю*... Они, говорят, узнают по виду курганы, в коих находятся какие-нибудь металлические сокровища; и, по странному замечанию, избирают для того всегда седьмой вал [sic!; вероятно, *курган* или *насыпь*] к востоку от большего. Желатель-

[5] М 500 саж. в дюйме – 1 : 21 000 (РГВИА, ф. ВУА, д. 2574; Кутузов 1950, вклейка).

[6] М 500 саж. в дюйме – 1 : 21 000 (РГВИА, ф. ВУА, д. 2427, л. 51; Кутузов 1950, вклейка).

но, чтобы правительство или общество древностей исследовало сие обстоятельство сколь можно вернее и не допустило бы вещам расходиться по частным рукам и истребляться» (Свиньин 1821, 6-7).

Как видим, перед нами не только первый, точнее – наиболее ранний факт находки крупного монетного клада в курганной насыпи Буджака, не замеченный ранее археологами, но и информация, позволяющая определить ее место. Автор по многократным разведкам неплохо знает южную часть Буджака и может осторожно предположить, что П.П. Свиньин имел в виду курган высотой более 5 м, который стоит на плато правого берега долины Большой Котлабух в 2,7 км к З от северо-западной окраины с. Суворово Измаильского района Одесской обл. Хотя Нижний Траянов вал начинается на правом берегу оз. Сасык всего в 8 км к Ю от Татарбунар, далее к западу автор не знает иной ситуации, когда такой крупный и конусовидный по форме курган примыкал бы непосредственно к валу (с внутренней стороны).

Известный археолог граф А.С. Уваров во время своей экспедиции 1848 года, работая в Аккермане (Белгороде-Днестровском), записал: «Около 1818 или 1820 годов *разрыли в самой крепости курган*, в котором нашли много больших двуручных мечей, палиц и топоров, принадлежавших, без сомнения, генуэзцам» (Уваров 1856, 180). Безусловно, набор найденных предметов и его интерпретация могут сегодня вызвать сомнения, но сам факт раскопок кургана, пусть и грабительских, внутри Аккерманской крепости (за пределами цитадели – ?) не только возможен, но и весьма информативен.

С 1810-х годов изучение курганов региона снова ушло в основном в *картографическую плоскость*. Тогда начались топографические съемки всей территории Бессарабской области, в ходе которых *курганы фиксировались намеренно*. Поскольку эти работы подробно описаны автором в статье об историографии древних валов Буджака (Сапожников 2011, 213-214 и др.), здесь мы коснемся их в свете рассматриваемой темы.

В 1817-1827 гг. Военно-топографическая комиссия Бессарабии провела съемки всего Буджака. Ими руководил генерал-майор С.И. Корнилович и подполковник Е.В. фон Руге, а участвовали будущие историк А.Ф. Вельтман, губернатор Бессарабии М.Л. Фонтон де Верайон и др. Одним из итогов работ стало «Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака с приложением генерального плана его края», изданное 70 лет спустя, но план так и остался неопубликованным. Если древние земляные валы края А.Ф. Вельтман описал в этой книге более или менее подробно, то о предмете данной статьи сказал лишь общие слова: «На горах и долинах находится множество *курганов*, называемых *могилами*, в некоторых из них найдены военные оружия и камни, из чего догадываются, что в древности погребались в них умершие и насыпаны они для памятников; впрочем за давностью лет о настоящем существе тех могил достоверного ничего не известно» (Статистическое 1899, 28).

К сожалению, из карт Топографической комиссии с буджацкими курганами доступен лишь «План реки Прута от устья ее в Дунай до границы, отделяющей Оргеевский цынут от Ясского с показанием прилегающей ситуации к левому ее берегу на 5 верст расстояния. Составлен из Военно-топографических брульонов произведенной инструментальной съемки по 1824 г. Подлинный подписал генерал-майор Корнилович». На пяти (из 8) листах карты от Рени до Леово отмечено около 120 курганных насыпей, участки двух Траяновых и Прутского валов, а также окопы турецкого лагеря на месте битвы при Ларге 1770 г. По фрагментам этой качественной цветной карты[7] (Сапожников 2011, фото 7-8) можно судить о том, как мог выглядеть «Генеральный план Буджака», но пока место его хранения не известно.

Эстафету военных топографов приняли флотские гидрографы, проведя в 1828-1837 годах экспедицию по детальной съёмке побережья Чёрного моря под руководством Е.П. Манганари. На базе ее материалов был создан и в 1841 г. опубликован «Атлас Черного моря» на 25 листах, из которых интересны следующие: лист 22 «Днестровский лиман» 1835 г. (на нем на буджацкой стороне отмечен только один курган, стоящий на берегу Будакско-

[7] Рукописная в цвете. М 500 саж. в дюйме (1 : 21 000). На 8 л. 60×77 см. Поступила в Одесское общество истории и древностей от генерала П.И.Федорова НБУВ (№ 18144).

го (Шабалатского) лимана); лист 10 «Карта западного берега Черного моря от Одессы до мыса Калиакрия» 1836 г. (на этой, хотя и более мелкомасштабной карте отмечены «*отличительные курганы, удобные для пеленга*» – пять от названного лимана до оз. Бурнас и еще один – между Вилково и Жебриянами (Приморским)). Эти карты легко найти в Интернете, чего нельзя сказать о следующем документе, не известном даже специалистам.

Речь идет о выполненном штабс-капитаном С. Радионовым листе «Днестровский лиман» 1844 г., которым вместе с другими дополнили «Атлас Черного моря». Автор располагает несколькими фотосниками этой карты, на которых видно, что вся береговая линия проработана подробнее, чем на аналогичном плане Е.П. Манганари. На буджацкой стороне лимана от колонии Шаба до СЗ берега Будакского лимана включительно отмечено до 10 курганов, а наибольший подписан *М.[огила] Кишла*. От Кишлы к С лежал «*Нижний Траянский вал*» (точнее, *Нижнеднестровский*), разделенный на две части земляным укреплением подпрямоугольной в плане формы (рис. 1). Последние объекты автор описал ранее на основании более поздних карт (Сапожников 2013, 345-348, рис. 2-3). В 1860-е годы упомянутый курган называли в лоциях *курганом мыса Кишла* (Возобновление 1864, 121-122). Кроме того, несколько намогильных насыпей и продолжение названного вала отмечены на карте вдоль того же берега лимана от Турлак до Паланки.

Чтобы больше не отвлекаться темой истории картографии края, скажу, что на базе съемок Топографической комиссии и рекогносцировок полковника Федорова в 1853-1855 годах составили «бессарабские» листы «Военно-топографической карты Российской империи» (*трехверстки*; М 1 : 126000). Их напечатали в 1856 г., а в свободную продажу они поступили уже в следующем году (Сапожников 2011, 214). Анализ их «курганного наполнения» и его сопоставление с другими картами, проведенный по отношению к микрорегиону «Ягорлыцкий мыс» на левом берегу Днестра, показал: трехверстки превосходят почти все известные, в том числе и современные карты (Сапожников, Болтрик 2018). По числу отмеченных курганов с ними могут сравниться лишь карты М 1 : 25000 (и, естественно, крупнее), но их доступные листы 1940-х гг. покрывают лишь небольшую часть крайнего запада Буджака (Сапожников 2017). Итак, основной труд по картографированию курганов (и древних валов) Буджака и всего Днестровско-Прутского междуречья был выполнен не археологами, а топографами в 1810-1850-х гг., и не зря одним из эпиграфов статьи выбрано изречение Аристотеля о важности начального этапа того или иного дела.

С конца 1830-х годов к изучению древностей Бессарабской области подключился генерал П.И. Федоров – ее военный губернатор в 1834-1854 гг. Начало этому положил циркуляр министра внутренних дел Д. Блудова от 09.10.1837 г. «о доставлении губернаторами сведений касательно древних зданий, как-то: монастырей, церквей, замков… *и других памятников древности…*». П.И. Федоров, ставший одним из первых членов созданного в 1839 году Одесского общества истории и древностей (далее ООИД), поручил выполнение этого приказа… полицейским! Уже через два года в «Журнале Министерства народного просвещения» вышла анонимная статья «Сведения о древностях, находящихся в Бессарабской области». В ней названо несколько крепостей, церквей, памятников, даже фонтанов и водопроводов (Сведения 1839, 19-23), но курганы не упоминались.

Шестьдесят лет спустя И.Н. Халиппа привел более полный список «древностей бессарабских», собранный П.И. Федоровым в 1837-1838 гг., в котором было описание курганов, выполненное Олофсоном «по поручению Федорова» (Халиппа 1902, 100-105). Парадокс заключается в том, что часть описания, по сути, повторяет текст статьи Олофсона 1848 года, но поданный в иной последовательности и с уточнениями[8], ее автор не упоминает П.И. Федорова и подписана она «возле Каушан, 1843 г.» (Олофсон 1848). Очевидно, И.Н. Халиппа достаточно свободно «*систематизировал сведения*, содержащиеся в поступивших к Федорову докладах отдельных присутственных мест» и хранившиеся в Кишиневе, в Фон-

[8] При описании Шведского кургана у с. Варницы указано, что «областной землемер Эйтнер составил [в 1837-1838 гг.] описание и план лагеря Карла XII» (Халиппа 1902, 101).

де Канцелярии бессарабских губернаторов (д. № 377 1837 г.) (Халиппа 1902, 98).

Так или иначе, статья Олофсона, по чьей бы инициативе она ни была выполнена, является первой специальной работой о курганах Буджака. Она основана на полевых наблюдениях и содержит данные по археологии, истории и этнографии. В ней описано 14 крупных «*именных*» могильных насыпей правого берега долины Днестра от низовий р. Ботна до устьевой части р. Бык: Ку Стылб, Шведский, Турецкий, Москалуй, Драгайселор, Суворовский, Ханский, Лат (Широкий), Шорбе, Джеминилор (Близнецов). Из них часть последних связана с Верхним Траяновым валом, точнее, с его отвершком на правом берегу р. Ботна. Кстати, вопреки мнению Е.В. Ярового (2014, 352), Олофсон не считал Траяновы валы «шеренгами курганов», полагая, что Верхний Траянов вал «должен входить в разряд курганов», а также обратил внимание на связь с ним ряда описанных им насыпей (превращенной в укрепление Могилы Широкой и др.; Олофсон 1848, 533).

По данным И.Н. Халиппы, Олофсон написал эту работу «на основании изданной г. Коппеном брошюры о курганах» (Халиппа 1902, 100). Могу предположить, что речь идет об одной из двух статей о курганах академика П.И. Кеппена, 1836 и 1837 гг. (Кеппен 1908; Кеппен 1837). Более того, позже их автор включил 9 курганов Олофсона в дополнение к своему «Списку известнейших курганов России», который был опубликован в начале XX в. (Репников 1908). Статья представлена в Интернете, но к ней прилагался «План и профиль древнего укрепления, ныне называемое Могила Широкая (Лат), состоящая Бессарабской области Бендерскаго уезда на даче казенного селения Копанки», публикуемый здесь впервые (рис. 3)[9].

Скажу несколько слов о ее авторе, имя которого было не на ***Г***. (господин) и не на ***Т***. (?), а *Александр Антонович Олофсон* (Оловсон). Этот офицер и участник войн 1806-1812 гг. с Турцией и против Наполеона (награжден орденом Св. Анны 4-й ст. в 1811 г.), вышел в отставку полковником в 1818 г. Потом служил в Бессарабской конторе иностранных посе-

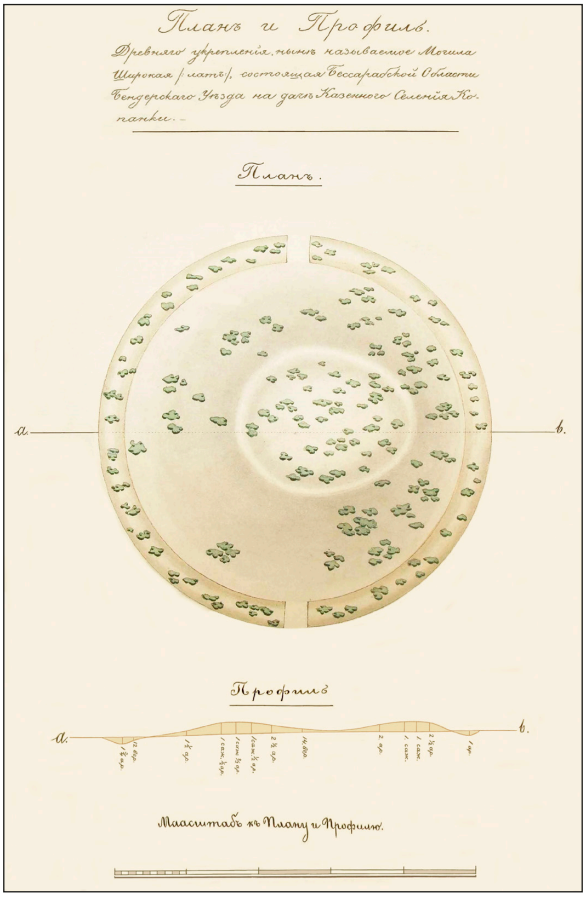


Рис. 3. План и профиль древнего укрепления Могила Широкая (Лат) у Копанки 1843 г. (по НБУВ № 6337).

ленцев (переведена из Тарутино в Каушаны в 1820 г.), получил чин коллежского советника и орден Св. Владимира 4-й ст. (1826 г.). Около 1820 г. он купил четыре виноградника турецких времен в м. Новые Каушаны, где обзавелся домом и хозяйством. В 1830-1840-х гг. как бессарабский помещик был известен винами и нововведениями в процесс их производства[10].

Здесь надо сказать, что в 1840-е годы произошло еще несколько важных событий курганной археологии, правда то, о котором пойдет речь сейчас, большинство авторов с ней не связывали. Речь идет о случайном выявлении 12 фрагментов известняковых антиков (один с изображением Апполона и Дианы, остальные с латинскими надписями или украшениями) у болгарской колонии Картал в мае 1843 г. Н.Н. Мурзакевич так описал место находки: «в

[9] М 5 сажень в дюйме. Ранее хранился в ООИД, сейчас в НБУВ (№ 6337).

[10] Большую часть данных об А.А. Олофсоне предоставил С.С. Аргатюк, которому автор выражает благодарность.

полуверсте от селения... на запад, при рытье колонистами в земле камня для построек... Находки сделаны в двух местах, саженях в 11 [около 22 м] одно от другого. По ближайшем исследовании, распрося поселян, отрывших камни, и соображении расположения и формы ям, из которых извлечены остатки древностей, *я убедился, что в обоих местах находок* без всякого сомнения *стояли* в древности *небольшие здания*. Стены их были сложены частью из тонкого известкового плитняка, а частью известковых обтесанных камней» (Мурзакевич 1844, 627-628).

В этом описании про курганы нет ни слова, но через 5 лет граф А.С. Уваров осмотрел все городище Картал, составив подробный план[11]. О месте находок антиков ученый сообщил, что они были найдены «при разрытии кургана», помеченного на плане литерой k и подписанного «*курган разрыт.*». Всего на плане не менее 14 могильных насыпей, обозначенных с учетом их разных размеров, и из них курган k был средним. А.С. Уваров заключил о них, что насыпи возле внешнего вала городища (h и i) могли быть основаниями башен, а самые крупные (g и f)[12] – «башнями для наблюдения за плывущими по Дунаю» (Уваров 1853, табл. XXXIX; 1856, 183-184). Интересующий нас курган k находился в 320-330 м к З от окраины села Картал того времени и давно застроен его усадьбами (рис. 4)[13].

А теперь снова переместимся в Аккерман вместе с А.С. Уваровым, где незадолго до его пребывания в 1848 г. сделали такую находку: «По направлению к колонии Шабалат, вблизи города, верстах в трех от лимана, *в виноградном саду г. Чавдара, при разрытии кургана*, найдена колонна из простого мрамора, сильно поврежденная. На ней была греческая надпись, позволяющая датировать находку I ст. от Р.Х. ...Эта колонна находится теперь в музее Одесского общества. Не вдали от этого места, поближе к лиману, лежат песчаные наносы или кучугуры...» (Уваров 1856, 181).

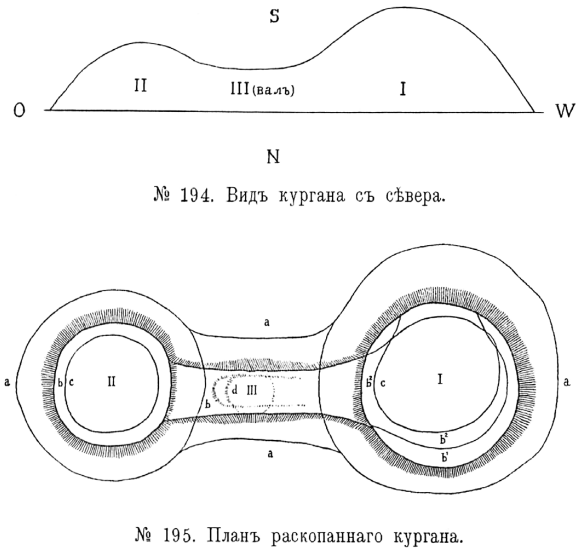


Рис. 4. Курганы у Павловки, раскопки Ф.И.Кнауэра 1891 г. (aa – окружность; bb – вырытые ямы; cI – окружность утрамбованного кургана; cII – окружность каменного кургана; d – вал-перемычка) (по Кнауэр 1893а, рис. 194-195).

Приведу цитату о раскопках А.С. Уварова: *Шабалат*. «Верстах в 20 от Аккермана находится имение г. Арсеньева Шабалат или Шахбалат, недалеко от Будацкого лимана... Все окрестности покрыты многочисленными курганами... Я разрыл один из самых высоких курганов; дошедши с восточной стороны до самого материка ни в центре, ни в боках насыпи я ничего не нашел, – даже не было следов гробницы. А между тем, после моего отъезда, дошли до меня слухи, будто бы крестьяне сами потом продолжали разрытие остальной части кургана, и нашли в ней каменный склеп и большую плиту. Слух этот кажется мне очень сомнительным, ибо, дорывши до материка, я не встретил ни одного обломка камня, – обыкновенный признак курганов со склепами. Гораздо вероятнее принять эту насыпь за сторожевой курган, употребленный, может быть, для наблюдения за окрестностями в случае нападения. В 4 верстах от разрытого мной кургана, крестьяне, при обработке полей, нашли возле кургана две известковые плиты. Одна имела вид карниза длиной в 4 аршина, шириной в 1½ аршина, другая имела посередине обронное [рельефное] изображение человека с приподнятыми вверх руками. Голова была отбита. Длина этому камню 3 аршина, ширина – один аршин. Под этими плитами лежали два лошадиные черепа» (Уваров 1856, 181).

[11] «План древнего поселения близ Картала» (М 200 саж. в дюйме).

[12] Судя по карте РККА 1940 г., высота обоих насыпей превышала 3,0 м, а курганы h и i на ней отсутствуют (L-35-105-Б-б).

[13] Отдельным сюжетом была перевозка антиков из Картала в Одессу в 1846 г. В одном из документов ООИД той серии находка датирована 1840 г. (Пармакли, Руссев 1999, 363).

Как видим, А.С. Уваров сообщил о неудачных раскопках кургана, находившегося, судя по расположению на даче Арсеньевых (участок Е; Статистическое 1899, 281-282), на плато правого берега балки Окулича к З от с. Шаболат (Беленькое). Здесь, на карте ВТС (лист L-36-61-Г) отмечено две подходящих на его роль насыпи: высотой более 2 м (с абс. отметкой +35,8 м, слева от дороги в с. Приморское) и свыше 6 м (с абс. отметкой +42,2 м, в 1,75 км к С от первого). К сожалению, он даже приблизительно не указал направление места находки крестьян, но могу осторожно допустить, что это был район упомянутого выше *кургана Кишла*, расстояние до которого от правобережной части с. Беленького составляет около 3,5-4,0 км.

После этих работ курганная археология Буджака снова замерла почти на двадцать лет, что объясняется Восточной войной 1853-1855 гг. и утратой части Бессарабии (до 1877 г.). Только в 1866 г. Ф.А. Струве в ходе поездки в район Шабо и Аккермана собрал важную информацию по теме. Тогда он получил от Л.А. Беликовича для передачи в ООИД окатанный камень с древнегреческой надписью, найденный подростком в песчаном кургане у Бугаза, в полутора верстах от карантина. Судя по составу насыпи и привязке, это место связано с песчаным берегом Днестровского лимана (районом ериков для ловли кефали), что маловероятно – сам Ф.А. Струве допустил, что предмет был перемещен туда с какого-то поселения. Но на землях колонии Шаба он посетил целую курганную группу: «Хозяин мой повел меня также к находящейся среди полей колонии, так называемой *Крест-могиле*, то есть к *большому кургану, лежащему между двумя маленькими*, на котором стоит погруженный в землю камень с крестом. Подле него лежал другой камень – в длину 1½ арш., в ширину 1¼ арш. – разломанный на два куска, также с большим крестом и с надписью. Последняя чрезвычайно не ясна, потому что камень весьма рыхл и изъеден... Крест-могила лежит на расстоянии 8 верст от Шабского посада и в 3 от Кимбет [от Ак-Кимбет – *Белая Могила* ныне район с. Беленькое]. Найден и третий камень на этом кургане с подписью, но, кажется, турецкой» (Струве 1867, 608). Такая привязка снова приводит нас в район раскопок А.С. Уварова, но севернее, где на той же карте ВТС отмечена цепь из трех курганов (средний высотой до 4 м и абс. отметкой +46,5 м).

Здесь следует рассказать *о курганной разведке* Д.Я. Самоквасова 1879 года, которая была первой попыткой поиска легендарной киммерийской могилы. Тогда ученый осмотрел оба берега устья Днестра от Овидиополя до Аккермана «и нашел здесь пять больших курганов, *видимых при въезде с моря в Днестровский лиман*: «Великий курган» вблизи д. Шабалата, у дороги, ведущей в д. Катаржу, на земле М.В. Окулич; «Шабская Могила» вблизи колонии Шабы, на земле колонистов, с левой стороны дороги, ведущей из колонии в курорт Будак [и еще два кургана в Овидиополе и «Отарыкская Могила» севернее Роксолан] ...Курганы имели от 150 до 280 арш. в окружности основания и от 15 до 20 арш. отвесной высоты; раскопка их требовала времени и средств, какими я не располагал, а только раскопками можно было проверить свидетельство Геродота о могиле киммерийских царей. Исследование аккерманских курганов было произведено мной только в 1906 году» (Самоквасов 1908, 20-21). О работах 1906 г. скажу ниже, а тут отмечу, что Д.Я. Самоквасов сильно преувеличил высоту названных им насыпей цифрой в 20 аршин (более 14 м), так как размеры самых крупных курганов Буджака крайне редко превышают даже 8-9 м.

Только с конца 1880-х годов курганная археология Буджака вошла в более организованную научную стадию, которая в первую очередь была связана с уроженцем Сараты Ф.И. Кнауэром. В работах последнего времени написано, что в 1888-1889 годах он раскопал 6 курганов у Сараты и в 1891 г. – двойной курган у Павловки (Яровой 2014, 354), причем большинство авторов не оперируют ни дневниками, ни планами насыпей, ни рисунками находок. Поскольку материалы раскопок Ф.И. Кнауэра так или иначе опубликованы в дюжине разных работ, остановлюсь в основном на малоизвестных фактах.

Итак, *в 1888 г.* он раскопал пять курганов (№ 1-5): 1 – в 6 вер. к С от с. Сараты, «на горе» правого берега долины р. Сарата, высота 5,25 м; 2 – в 150 шагах к В от первого, высота 0,5 м; 3 – 1,5 вер. к СЗ от села «на горе», высота 2,7 м; 4 – в 230 шагах к С от третьего, высота 0,75 м; 5 – около 3 верт к С от села, на левом берегу долины, высота 3 м (Кнауэр 1889; 1899).

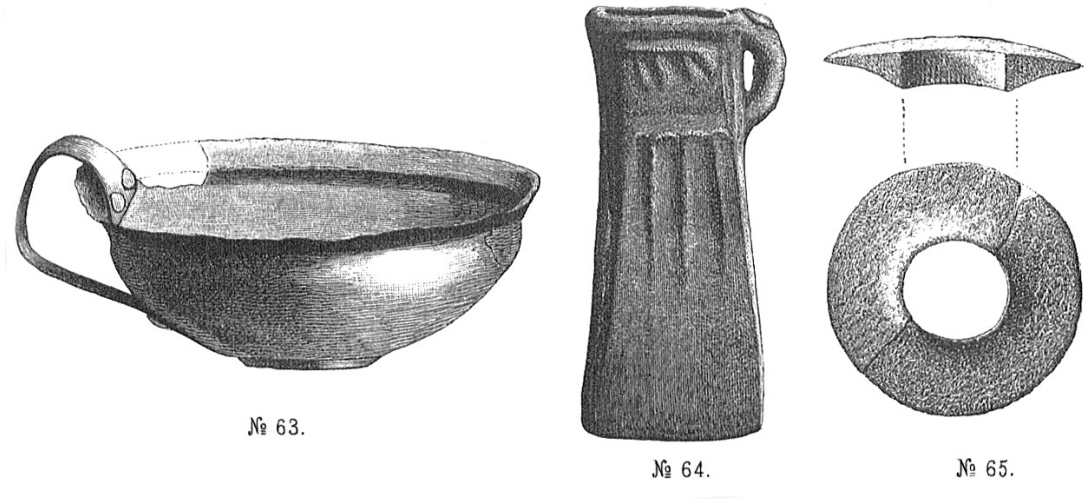


Рис. 5. Находки из курганов у Павловки (по Кнауэр 1893, рис. 63-65).

В *1889 г.* раскопан один курган (№ 10) – в 3,5 вер. к северу от села, в долине на пашне, высота 5,5 м (Кнауэр 1890; Антонович 1890). Замечу, что 6 насыпей 1888-1889 годов входили в состав трех групп, расположенных на разных уровнях и на противоположных берегах долины р. Сараты.

В 1891 г. исследован двойной курган, расположенный на плато («на горе») правого берега р. Когильник, в 2 верстах к Ю от русского с. Павловки. Параметры объекта следующие: западный курган (I) – окружность 160 шагов, высота 3,5 м; восточный курган (II) – окружность 100 шагов, высота 2, м; окружность вместе (I+II) – 270 шагов; вал-перемычка (III) – окружность 100 шагов, длина – 30 шагов, высота 1,4 м. Раскопан двумя круглыми колодцами с уступами: I – 16×14 м, диаметром 9 м у дна; II – 14×12 м, диаметром 8 м у дна, а вал прямоугольным раскопом с уступом – 19×6 и 14×6 м. В основании насыпи II лежала каменная насыпь («курган»). Раскопки этого сезона документированы лучше иных: опубликован дневник, общий план с разрезом (рис. 4) и рисунки некоторых находок. В разрушенном и открытом почти на поверхности погребении кургана II нашли бронзовую чашу с ручкой с лежавшим внутри кельтом (рис. 5/1-2), на перемычке (III) в скорченном погребении с западной ориентацией – круглую костяную пряжку (рис. 5/3) и др. (Кнауэр 1892; Кнауэр 1893; Кнауэр 1893а; Кнауэр 1902; Кнауэр 1906; Антонович 1892).

В том же *1891 г.* Ф.И. Кнауэр провел разведки и сборы материалов по долине р. Сарата и в Аккермане (Кнауэр 1892, 12-13), где получил от находчиков мраморный пьедестал статуи с древнегреческой надписью, вскоре опубликованный В.В. Латышевым (Латышев 1892, 58-59)[14].

В 1896 г. ученый провел разведку по водоразделу между долинами рек Когильник и Сарата, обратив особое внимание на высокий курган, стоящий к З от с. Мангит (Акмангит – ныне Белолесье), но тот оказался настолько *недавно потревоженным*, что не был избран для раскопок;

В 1899 г. он провел раскопки трех курганов на плато правого берега долины р. Сараты, в 15 верстах от одноименного села, на землях колонии Фриденсфельд (Мирнополье). Первый (I) имел размеры – высота 4,4 м, окружность 210 шагов; второй (II) – 160 шагов и 2,6 м; третий (III) – 300 шагов и 6,0 м; перемычка (IV) между двумя первыми – 110×30 шагов при высоте 1,6 м (Кнауэр 1902а). В виду почти полного забвения раскопок Ф.И. Кнауэра у Фриденсфельда, привожу их описание в этой статье (Прил. 1).

[14] В.В. Латышев, со слов Ф.И. Кнауэра, доставившего в Археологическую комиссию эстампаж этой надписи вместе с отчетом о раскопках 1891 г., сообщил, что камень был найден случайно в 1889 г. у самой крепости, с юго-западной стороны от нее, в усадьбе плотника Г. Антонова, на глубине 1 саж.

Как видим, данная характеристика работ Ф.И. Кнауэра в Буджаке заметно отличается от бытовавшей в историографии до последнего времени. Думается, что их результаты заслуживают отдельной монографической публикации, особенно если в Институте истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) сохранились отчеты и другая документация.

Что касается привязки описанных курганов к современными насыпям, то они связаны и пятью локальными группами – четырьмя на двух берегах долины р. Сараты и одной на правом берегу р. Когильник. В моем распоряжении есть необходимые для этого карты и земельный план Сараты с курганами 1920-х годов (рис. 6), но я предполагаю сделать это точнее путем осмотра насыпей и измерений на местности.

Следующие курганы региона были раскопаны в 1890 г. Поводом для этого стала находка известняковой плиты с латинской надписью, выявленной в предыдущем году и вскоре опубликованной (Латышев 1892, 59-61). Рассчитывая найти вторую ее часть, Археологическая комиссия обратилась к инспектору Одесской рисовальной школы и члену ООИД А.А. Матвееву с просьбой провести раскопки.

Ход этих работ описан ниже (прил. 2), а здесь добавлю информацию о местах работ из отчета исследователя по другому источнику: «камень найден рабочими при посадке винограда в плантации, принадлежащей аккерманской купчихе А. Арнаутовой и расположенной под Аккерманом в расстоянии едва одной версты от городской окраины, у ведущей из Аккермана в уезд проезжей дороги, известной у местных жителей под кличкой «Черкесской». Виноградник от дороги отделен канавой, местонахождение памятника отстоит от последней шагах в 15-ти. Камень скрыт в мягкой почве виноградника, на глубине не более 2 аршин от поверхности. Как в том же винограднике, так и по другую сторону «Черкесской дороги», в противолежащих виноградных плантациях, уже при самом поверхностном исследовании найдены мной остатки сильно выветрившихся человеческих костей, черепки древней горшечной утвари из красноватой глины, что наводит на мысль о близости старинного некрополя» (Латышев 1892, 59). Анализ совокупности данных позволяет утверждать, что А.А. Матвеев выявил и частично раскопал два памятника: 1. Курган в 130 м к ЮВ от Черкесской дороги высотой до 5,5 м (частично), а в нем три погребения: ямное с каменным закладом, ориентированное на З; выше – вытянутое позднего кочевника головой на З-ЮЗ с костями лошади; почти на поверхности, разрушенное. 2. На другой стороне дороги, в месте находки плиты он выявил следы разрушенного *в древности* (?) погребения с керамическим инвентарем: светильником с рельефным лиственным орнаментом, урной и двумя «детскими» кувшинчиками (прил. 2). Набор находок не противоречит датировке надписи концом II в. от Р.Х.

Примерно в то же время, но до 1892 г. «в винограднике между Аккерманом и колонией Шабо» нашли нижнюю половину мраморной надгробной плиты с надписью римского времени, которую, ввиду неясности обстоятельств, можно связать с курганами лишь условно (Юргевич 1893, 11-12; Карышковский, Клейман 1985, 20).

Всего через два года там же нашли каменный склеп, но на этот раз студенту А.И. Яцимирскому удалось его описать: «Летом 1894 г. в Аккермане, в саду Д. Кардимиди, рабочими была открыта древняя гробница, тотчас же ими расхищенная. Гробница была найдена на глубине полуаршина в виде склепа, сложенного из местного тесаного известняка, прикрытого поперечными истлевшими бревнами. Рабочие, разграбив склеп, камни вынули, а углубление засыпали землей. Узнав о находке гробницы, г. Яцимирский осмотрел засыпанное место, около которого, среди перегоревших костей, перемешанных с золой и угольями, нашел следующие предметы: кусок расплавленной меди, железный наконечник срелы, 3 лошадиных зуба, черепок глиняной посуды, кусок стекла, костяную прорезную, с очень изящным узором, пластинку, 2 гипсовых предмета (украшения с саркофага –?), одно в виде крылатого сфинкса, другое в форме аканфа, 2 клейменых амфорных ручки с неясными, к сожалению, клеймами <...>. Один из найденных в гробнице сосудов, попавший в руки евреев, оказался лекифом; у того же еврея было несколько монет с надписью TYPA. О находке и разграблении этой гробницы кратко упомянуто в фельетоне газеты «Одесские Новости», № 2995» (Яцимирский 1894, 363).

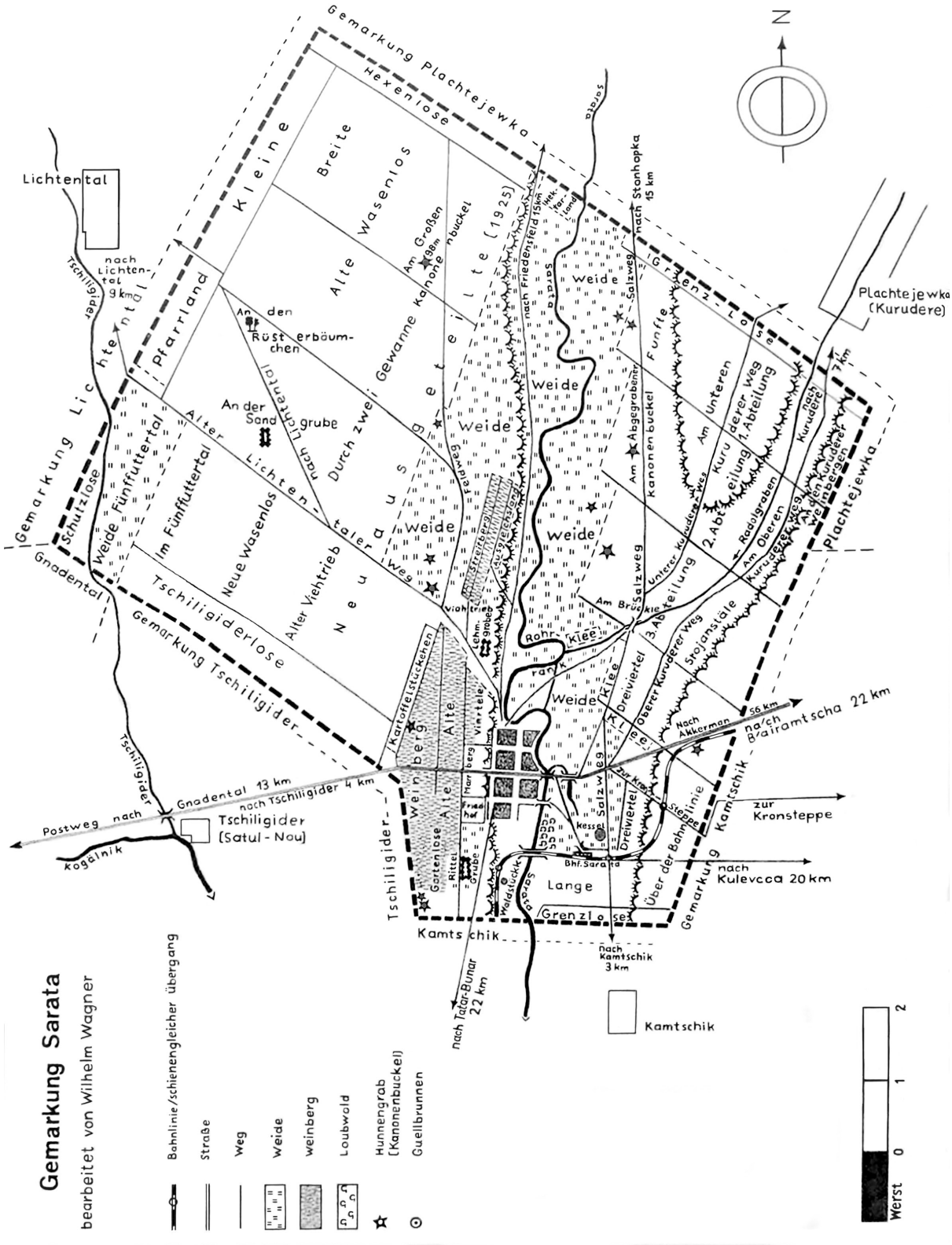


Рис. 6. План земельного надела с. Сарата с курганами (1920-е гг.).

Теперь охарактеризуем место наземной гробницы с горизонтальным дромосом в Аккерманском кургане, осмотренное А.А. Кочубинским и Э.Р. Штерном: «14-го сентября 1895 года, мы… отправились по поручению Одесского императорского общества истории и древностей в город Аккерман для осмотра и исследования древнего склепа, открытого в курганной насыпи вблизи города. Курган этот находится на городской земле, версты две от центра города, по правой стороне новой дороги, идущей вдоль по берегу лимана из Аккермана в колонию-посад Шабо, и составляет частную собственность еврея Ицки Зусмана [Ицьки Вольфовича Зисьмана]. Владелец устроил на своем участке каменоломню и, с целью добывания камня, снес левую сторону большого кургана. В середине кургана и открыт был упомянутый древний склеп… Между тем, как окружающая его земля спереди, с левой стороны и сзади почти совсем снесена, наружная часть правой стороны прилегает к нераскопанной правой части кургана. Склеп построен был на сплошной горизонтальной скале, и над постройкой сделана была *насыпь*, считая от фундамента, *вышиной в 5 метров 32 см*…» (Кочубинский, Штерн 1896, 13). Памятник частично сохранился до наших дней, обстоятельства находки также описаны (Отношение 1896).

Определенный интерес представляют собой краеведческие зарисовки о Буджаке бессарабца А.А. Кочубинского, собранные в статье «Тура (Тирас) Белгород Аккерман». В них есть факты находок вещей и могил в аккерманских песчаных кучугурах, в частности история неудачной покупки вместе с купцом Мержановым ценностей из так называемой «золотой могилы» в 1888 г. Интересен сюжет о грабительских раскопках зимой 1885-1886 гг. братьями Котляренко кургана у с. Дивизия на правом берегу устья р. Хаджидера, в ходе которых они выявили известняковую плиту с древнегреческой надписью. Любопытна и даже поэтична зарисовка парных курганов на степном горизонте по дороге от Оланешт в Каушаны. И, наконец, показательно описание «*грандиозного кургана*», стоявшего на высоком обрывистом берегу озера за с. Будаки, который в 1896 году частично уже обрушился (Кочубинский 1901, 97-98, 100-101, 112-113, 120).

Здесь автор не может обойти молчанием утверждение, что в 1895 году на хуторе Бугаз близ Аккермана И.К. Суручан произвел раскопки курганного могильника, надеясь обнаружить в них некрополь античной Тиры (Яровой 2014, 356). На самом деле этот исследователь в том же году провел работы у хутора Бугаз (Каролино-Бугаз) на херсонском берегу Днестровского лимана (Фабрициус 1951, 12). По данным В.И. Гошкевича 1910 года[15]: «При устье Днестровского лимана, где теперь имение г.г. Ингистовых и дер. Бугаз, находятся следы древних поселений. Лет 15 назад здесь производил раскопки бессарабский помещик Суручан» (Археологическая 1911, 153).

Здесь же можно сказать о каменной гробнице, открытой в Аккермане в 1904 г. при проведении земляных работ во дворе местного купца Литвина. Сначала рабочие нашли «огромную квадратную каменную плиту аршина три в ширину и длину», а потом в ходе «раскопки» была «сделана и открыта яма, построенная стенами наподобие гробницы, и в конце ее отверстие для двери, за этим отверстием снова видны плиты». Из нее якобы было «вынуто 7 скелетов», а древности отсутствовали, но однозначно ответить на вопрос, была ли над гробницей земляная насыпь, увы, невозможно (Пармакли, Руссев 1999, 362).

Первыми научными раскопками XX в. могли быть работы Синявского, исследовавшего четыре кургана у с. Шаболат на землях М.В. Окулича (бывших Арсеньевых), причем «находки Синявского были переданы на хранение в археологическое собрание Одесского университета». Он вел раскопки «широкими колодцами», но вскоре Д.Я. Самоквасов докопал все

[15] Справедливости ради напомню о еще одном открытии того же года: «Другое урочище – к северу от приднестровского села Чобручей; называется оно «Сто могил». Это ровная площадь в несколько десятин, покрытая множеством приземистых могильных насыпей. Крестьяне раскопали здесь большую площадь. В.И. осмотрел их раскопки. По-видимому, это – сплошное кладбище греко-скифского периода. Скелеты лежали в нишах, сводообразно выдолбленных в стенах могильных ям. Повсюду валяются человеческие кости. В.И. подобрал выброшенные из могил предметы: несколько обломков древних сосудов, глиняную пряслицу и фрагмент огромной бусины из синего стекла, украшенной налепленной на нее из белой пасты изображением глаз и носа. Как упомянутые выше ямы у с. Коротного, так и урочище «Сто могил» требуют немедленных археологических раскопок, о чем В.И. сообщил Археологической комиссии» (Археологическая 1911, 154).

четыре насыпи, углубив старые раскопы «до глиняного материка» (Самоквасов 1908, 20, 130).

Пока найти следы этих исследований в литературе не удалось, как и связь этого *забытого персонажа* археологии Буджака с Одессой. Могу предположить, что им мог быть *Антон Семенович Синявский* (1866-1951 гг.) – профессор, географ, автор 200 научных работ. В 1901-1914 гг. он был директором коммерческого училища в Екатеринославе и инициатором создания местной ученой архивной комиссии (1903-1916 гг.), в которой был помощником председателя и редактором ее «Летописей». В 1902-1903 гг. он провел ряд раскопок в Екатеринославе и окрестностях. Исходя из этого, А.С. Синявский мог работать в Буджаке, возможно, будучи сотрудником (соискателем) Одесского университета, в 1900 г. или даже чуть раньше.

Но вернемся к раскопкам 1906 года самого Д.Я. Самоквасова, описавшего их объекты таким образом: «*Шабалатская группа* была распахана, лежала в расстоянии около двух верст по дороге из д. Шабалата в д. Катаржу, возле *Великого кургана*; состояла из 18 насыпей, 14 были расположены с левой стороны сказанной дороги, а 4 с правой. Все насыпи распаханы так, что большинство из них представляли собой едва заметные возвышения на пахоте, а 7 имели, при широких основаниях, от 60 до 80 арш. в окружности, только от 1 до 3-х арш. высоты. ...*Группа курганов*, исследованная мной у д. *Катаржи или Каторги*, помещалась на земле Н.И. Мазаровича, на возвышенности между сказанной деревней и дорогой из д. Шабалата в курорт Будак, и заключала в себе до 40 нераспаханных насыпей, имевших от 30 до 50 арш. в окружности основания и от 1 до 5 арш. отвесной высоты, из которых мной раскопаны восемь курганов посредством широких колодцев, в размере срезов, получавшихся по удалении верхней части насыпи на треть высоты, углубляемых до глиняного материка. Как и в курганах предыдущей группы, на черноземном материке была обнаруживаема глина, выброшенная в древности из могильных ям, а на глиняном материке продолговатые черные пятна указывали на положение и размеры могильных ям, совершенно однородных по устройству и содержанию с могильными ямами Шабалатской курганной группы, исследованной на земле М.В. Окулича. Но нераспаханная курганная группа у д. Катаржи дала возможность точно выяснить способ ограбления могил той и другой группы...» (Самоквасов 1908, 130-131).

Надо сказать, что результаты этих работ давно и неплохо опубликованы (отсутствуют только рисунки) и лучше иных тех времен известны курганщикам разных периодов. Что касается первой группы курганов, то *Великим курганом* является второй из двух, претендующих на место раскопок А.С. Уварова 1848 г. (с абс. отметкой +35,8 м, см. выше). Место второй группы связано с мысом, образованным берегом Будакского лимана и левым берегом б. Катаржанской, расположенным к ЮЗ от с. Папаздра, и с курганом высотой 4 м, стоящим у его западной окраины (лист L36-73; абс. отметка +34,5 м по карте РККА).

Последний сюжет посвящен так называемому *Бородинскому (Бессарабскому) кладу*, найденному летом 1912 года в 3-5 км к З от одноименного села Аккерманского уезда. По наиболее распространенной версии обстоятельств его открытия, местные немцы-колонисты нашли древние предметы в ходе разработки на камень курганных насыпей близ села, передали их властям, от которых они попали в Одессу к археологу Э.Р. фон Штерну (Бородинский клад 2012). Если это так, данный вещевой комплекс следует рассматривать как погребальный инвентарь. Попробуем разобраться в данном противоречии.

По словам Э.Р. Штерна: «колонисты, добывая камни в холмистых окрестностях села, случайно наткнулись на эти замечательные древности. Благодаря сравнительной культурности крестьян и деревенского учителя, эти предметы не были проданы... торговцам на вес металла, а попали целиком по назначению в Археологическую комиссию». Далее узнаем, что автор цитаты туда не выезжал, но Б.В. Фармаковский – не менее профессиональный член «Комиссии... осенью 1912 г. посетил Бородино для осмотра места находки и установил, что вблизи него, в холмистой местности, возвышаются *ряды маленьких, нетронутых на вид курганов*. Это обстоятельство может говорить в пользу предположения, что и найденные здесь предметы покоились

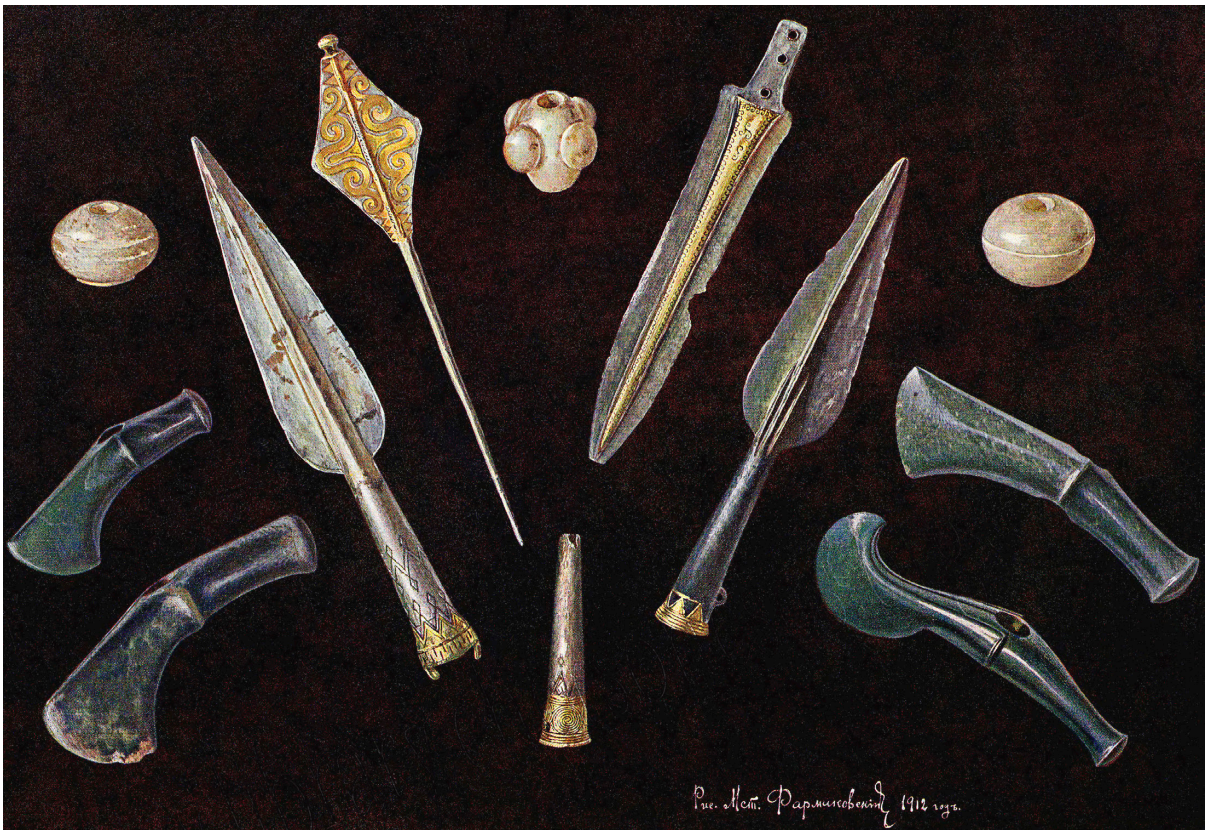


Рис. 7. Находки из Бородинского кургана 1912 г. (по Штерн 1914).

в подобном курганчике, и, во всяком случае, рекомендует скорее приступить к тщательному научному исследованию этого некрополя» (Штерн 1914, 1).

Хотя у меня нет оснований не доверять сказанному, приведу слова сомневавшегося Э.Р. Штерна: «при способе обнаружения этих предметов с точностью установить нельзя, составляли ли они инвентарь могилы, или представляют зарытый в свое время клад». Ученый подчеркнул, что, помимо 12 (11) предметов, обычно приводимых при публикации клада (рис. 7), в его состав входят «два фрагмента разбитого каменного топора, два обломка тонкой бронзовой пластинки, свернутой в трубочку, и черепок глиняного горшка»[16], но ни одной человеческой кости (Штерн 1914, 1). Исходя из сказанного, я склоняюсь к мнению Б.В. Фармаковского, но даже если это и был клад, то все равно найденный в кургане.

Что касается установления более точного места находки, могу с высокой долей вероятности предположить, что «холмистые окрестности села» связаны с более крутым правым берегом долины р. Сака, а точнее с примыкающим к нему участком плато, ограниченным с запада дорогой в с. Березино, а с востока – границей земель с. Веселый Кут (бывший Клястиц).

Выводы

Так на сегодня выглядит история изучения курганов Буджака до 1910-х годов включительно сама по себе и через призму археологической картографии. Подчеркну, что и позже, вплоть до 1950-х и даже до начала 1960-х годов (масштабных новостроечных работ в зонах оросительных систем) раскопки намогильных насыпей региона не вышли на качественно новый уровень. Подведу итоги начальному периоду курганной археологии региона в целом.

За время рассмотренного периода топографы провели сплошное картирование курганов Буджака. К сожалению, значительная часть карт из-за режима «совковой» секретности до сих пор недоступна, а некоторые листы «*бес-*

[16] В других источниках фигурируют три обломка каменных топоров и два фрагмента керамики (Попова 1981, 4).

сарабских трехверсток» по своей курганной наполненности значительно уступают другим, например, «херсонским». Это не дает возможности провести детальный топографический анализ всех курганов Буджака, тем более что на трехверстках отсутствуют их высоты.

На протяжении начального периода исследований в рамках Буджака курганы фиксировались, грабились и раскапывались крайне неравномерно. Как было показано выше, такие факты зафиксированы в основном вдоль Днестра и его лиманов, в том числе в ближних и дальних окрестностях Бендер, на городище Картал (Орловка) на Нижнем Дунае, а также в самом центре Бессарабии от Татарбунар до Бородино в бассейнах рек Сарата и Когильник. При этом древние курганы раскопаны в третьей (Ф.И. Кнауэром) и в южной части первой локации (А.А. Матвеевым, А.С. Уваровым, А.С. Синявским и Д.Я. Самоквасовым), но большая часть из них на берегах Будакского лимана), где главной целью археологов была Могила киммерийских царей, как впрочем и И.Т. Чернякова, разрывшего в 1997 г. Могилу Кишла или Аккембетский курган (высотой до 8 м).

Часть курганов вокруг Тиры и Картала являлись античными, чаще римскими. Более того, именно в этих районах грабители, а потом археологи столкнулись с подкурганными наземными каменными гробницами (иногда с надписями) разных типов, а в Картале, возможно, даже с двумя такими сооружениями под одной курганной насыпью.

Здесь следует сказать о части курганов Буджака, связанных с Нижним и Верхним Траяновыми, Змиевым и Прутским валами. Первым об этом написал А.А. Олофсон, который заметил это в районе Копанки, где особенно показательной была Могила Лат (Широкая), стоящая с тыла от вала и превращенная в своеобразный форт (рис. 3). Полный перечень таких курганов еще предстоит составить, но наиболее высоким курганом в тылу Змиевого вала была упомянутая Кишла, а с Нижним Траяновым валом связаны «тыловые курганы»: к С от с. Глубокое, два на плато левого берега р. Алияга, на плато правого берега оз. Китай к СЗ от Старых Траян, на плато правого берега балки Еника к З от Новой Покровки, упомянутый курган у Суворово и др. Не все они отличаются большой высотой, но часть (у Суворово и др.) наверняка досыпалась, оборудовалась наблюдательными вышками и пр., составляя с валом единый оборонительный комплекс.

Если ранее почти никто не задумывался над тем, где именно наши предшественики вели раскопки курганов, то в этой статье ряд таких мест уже удалось установить. Очевидно, что такие исследования следует продолжить, но уже не в кабинете, сидя в удобном кресле перед экраном компьютера, а в бескрайних степях любимого Буджака.

Приложение 1

Ф.И. Кнауэр

Раскопки Фриденсфельдских курганов Буджака в 1899 году

(Кнауэр 1902а, 39-41)

Еще в 1896 году профессор университета Св. Владимира Ф.И. Кнауэр, занимаясь археологическими изысканиями в окрестностях сел Сараты и Павловки Аккерманскаго уезда, установил, что из всех курганов, находящихся в этой местности, наиболее интересными являются курганы Татарбунарские и Фриденсфельдские, лежащие на Саратской горе, которая тянется вдоль степной реки Сараты с севера к югу почти от самого Днестра до Черноморского соляного озера вблизи м. Татарбунары. Среди Татарбунарских курганов выдается очень высокий и довольно острый курган верстах в 20 к Ю от с. Сараты, у дороги, ведущей в станицу Мангит. Этот курган оказался настолько потревоженным (и, по всей видимости, очень недавно), что раскопка его не представляла интереса. Вследствие этого Ф.И. Кнауэр остановился на Фриденсфельдских курганах, находящихся в 15 верстах к С от с. Сараты на землях к. Фриденсфельда и образующих одну нераздельную группу на небольшом пространстве. Эти курганы не имеют острой формы, как курган Татарбунарский; они, напротив, расплывчатого вида. Последнее объясняется тем, что курганы целиком насыпаны из земли, тогда как курганы острой формы заключают в себе такую массу камней, что их можно считать каменными, только прикрытыми землей. Проф. Кнауэром раскопаны были два кургана (№№ I и II), которые соединены были один с другим валом (№ IV), и один отдельно стоящий курган, в расстоянии

шагов на 200 от первых двух к югу. Первые два кургана с валом были такого же типа, как двойные курганы в Павловке, исследованные г. Кнауэром раньше. Окружности курганов были: у № I приблизительно 210 шагов, у № II – 160, у № III – 300; отвесные высоты: 4,4 м, 2,7 м и 6 м. Длина вала (№ IV), соединяющего курганы №№ I и II, была шагов 110, ширина шагов 30, высота 1,6 м.

Западные стороны курганов были несколько длиннее их восточных сторон. В раскопанной группе курганов было обнаружено в разных горизонтах 21 погребение. В № I найдено 9 погребений: a) в верхнем слое насыпи 3 погребения (один остов взрослого человека, а справа и слева от его головы остатки двух детских костяков), b) в нижнем слое насыпи 5 погребений /40/ (три взрослых и два отроческих), c) в подпочвенной яме одно погребение (красный костяк человека). В № II человеческих погребений не было ни одного, но в самом центре была найдена лошадиная голова. В № III: a) в самом верхнем слое, по-видимому, 2 погребения, b) в среднем слое – 5 (три взрослых и два отроческих; при одном из взрослых в самом центре кургана, очевидно, главном, были голова и ноги лошади: человек и лошадь голова с головой), c) в четырех подпочвенных ямах по одному с красными костями (два взрослых и два детских); один остов взрослого и, несомненно, главного покойника без головы находился в самом центре кургана, остальные – на краях центральной части его к С и З. Итого в № III – 11 погребений. В вале (№ IV), соединявшем курганы I и II, открыто одно погребение в равном расстоянии от концов вала (истлевший человеческий скелет в сидячем положении, под ним лошадиные кости).

Принимая во внимание, что костяк в кургане № I был положен, против ожидания, головой к ЮВ, лицом (вероятно, случайно) к ЮЗ, и что в кургане № II была найдена лишь одна лошадиная голова, которая положена была лицом к кургану № I, можно думать, что костяк, обнаруженный в кургане № I, и лошадиная голова в кургане № II составляют как бы одно погребение: человек и любимый его конь были здесь разъединены так, что для человека был сооружен курган больших размеров (№ II), а для коня был насыпан особый курган поменьше (№ I), который был затем соединен с большим курганом валом (№ IV). В разных слоях всех насыпей были находимы черепки сосудов, кости человеческие и животных, следы дерева и угля, камешки (особенно при покойниках), лошадиные головы. В кургане № I на значительной глубине найдено было три, по-видимому, тщательно положенных гусиных яйца.

Из археологических предметов найдены были следующие. В кургане № I при различных скелетах расползшиеся горшки из крайне слабо обожженной глины, в насыпи кургана – кувшинчик хорошей работы из хорошо обожженной глины; при главном костяке (в верхнем слон) найдены бронзовые предметы: пряжечка от лобной или головной ленты, два ушных неспаянных кольца и ножичек; при скелетах в нижнем слое – три круглые просверленные костяшки (из них уцелела лишь одна). В кургане № II /41/ никаких вещей не было найдено. В кургане № III найдены в среднем слое насыпи при покойниках также распавшиеся горшки из весьма плохо обожженной глины и горшочки из хорошо обожженной глины с геометрическими прямолинейными украшениями; при скелете человека, который был погребен с копьем, найдены железные предметы (удило, два стремени, огниво, ножик, куча стрел с костяным предметом от колчана, бронзовая пряжка со шпеньком и два больших золотых кольца без спайки; при одном отроческом скелете найдены бронзовая пряжечка от лобной или головной ленты и бронзовое винтообразное ушное колечко; далее в могильных ямах подпочвы при боковом красном скелете взрослого человека найдена часть ножика из кремня, а при красном детском остове, кроме горшка, кучи охры и осколка обработанного кремня, – два бронзовых крошечных ушных колечка без спайки. Наконец, в насыпи, почти у самой поверхности кургана № III, найдена куча бронзовых, серебряных (тонкие круглые бляшки) и железных предметов, попавших туда, вероятно, позднее. Скудость предметов объясняется отсутствием женских погребений. Весьма интересен факт нахождения бронзовых предметов при красном костяке, еще раз подтверждающий мнение гр. А.А. Бобринского, что погребения с красными костями следует относить не только к каменному веку, но и к началу бронзового. В общем раскопки показали, что во всяком случае курган № III, а также, вероятно, и № I принадлежат к числу этажных.

Уцелевшие костяки и черепа из раскопок были переданы проф. Кнауэром, с разрешения [Археологической] комиссии, для исследования Физико-медицинскому обществу при университете Св. Владимира.

Приложение 2

А.А. Матвеев

Раскопки в Аккермане в 1890 году
(Матвеев 1893, 49-51)

В 1889 году под самым Аккерманом, на плантации купцов Арнаутовых, шагах в 15-ти от Черкесской дороги, случайно найден обломок камня с латинской надписью, относящейся к концу 2-го века по Р.Х. Камень этот находившийся на глубине почти 2-х арш. от поверхности, представляет собой параллелепипед из простого местного известняка, вышиной в 1 арш. 4½ вершка, шириной до 14 вершков, толщиной около 9½ верш. В изученной на нем девятистрочной надписи идет речь об императоре Септимии Севере и сыновьях его: Марке Аврелии Антонине и Л. Септимии Гете, соправителях отца (Латышев 1892, 59-61).

Надеясь, что при ближайшем расследовании местности, где этот камень был найден, удастся отыскать и остальную часть его, Археологическая комиссия обратилась к члену Одесского общества истории и древностей, инспектору Одесской /50/ рисовальной школы А.А. Матвееву с просьбой принять на себя производство необходимых по сему предмету раскопок.

г. Матвеев наметил два пункта исследования: а) яму, где найден был фрагмент означенного памятника, и б) близлежащую каменную глыбу. Расчистка первого пункта до самого материка посредством широкого колодца в 2 саж. в диаметре не обнаружила никаких других остатков памятника. Подобный же, но еще более широкий колодец был вырыт г. Матвеевым и вокруг того места, где лежала под землей, еле обнажаясь частичкой, каменная глыба. Последняя оказалась большой плитой из слоистого известняка той породы, какая добывается из нижних слоев аккерманских каменоломен. Так как плита эта покоилась не на материке, а на слоях более или менее рыхлой почвы, то от этого (второго) колодца проведены были в разные стороны и, главным образом, к тому месту, где найден фрагмент с надписью, траншеи, которая однако нигде не обнаружила ни присутствия фундаментов, ни залежей каких-нибудь других камней. Только в одном месте встретилась небольшая кучка истлевших человеческих костей и черепков древней горшечной утвари, между которыми оказались: глиняная лампадка с отбитым носиком и грубым лиственным рельефным орнаментом, глиняная тонкогорлая урночка с отбитым концом шейки и два глиняные кувшинчика вроде детских игрушек, тоже с отбитыми верхушками шеек.

Затем г. Матвеев занялся раскопкой безымянного кургана, лежащего у Черкесской дороги, на урочище «Аккерманские сады», в расстоянии 65 саж. на ЮВ от старой дороги из Аккермана в село Черкесы. Высота этого кургана почти 8 арш., окружность в 175 шагов. Заложив колодец в 10 арш. в диаметре, г. Матвеев на глубине почти 1½ фута, в восточной половине его встретил разбросанные человеческие кости. На глубине 2½ арш. снова встретились раздробленные кости сильно истлевшего человеческого костяка, но в таком незначительном количестве, что о положении погребенного можно только сказать то, что оно находилось в восточной части кургана. На ½ арш. ниже, почти у середины кургана, оказался целый скелет, кости которого имели красно-бурую окраску. Погребенный лежал горизонтально, на спине, ногами к В-СВ, головой к З-ЮЗ, но череп покоился на правой щеке, так что лицевые кости были обращены к В. Руки были вытянуты вдоль туловища и примкнуты к бокам. Никаких следов /51/ ни одежды, ни утвари, ни украшений возле костяка не найдено, за исключением сильно перержавевшей и развалившейся железной дужки, вероятно от конского удила, так как влево от человеческого костяка, то есть к С от левой плечевой кости его, найдены сильно истлевший конский череп и конские копыта.

В южной половине колодца оказалось шесть толстых известняковых плит, под которыми находилась могила, заваленная землей и остатками совершенно перегнившего дерева. Костяк в ней лежал головой на З, ногами на В. Последние в коленных суставах были согнуты под острым углом. Правая рука имела весьма незначительный изгиб, а левая была согнута почти под прямым углом. Кости носили на себе красновато-бурый цвет и почти совершенно истлели. При костяке не найдено никаких вещей.

Библиография

Антонович 1890: В.Б. Антонович, Дополнение к сообщению Ф.И. Кнауэра [о раскопках 1889 г.]. В: Чтения Исторического общества Нестора-летописца, кн. 4, отд. I (Киев 1890), 15.

Антонович 1892: В.Б. Антонович, Выводы о раскопках, произведенных г. Кнауэром [в 1891 г.]. В: Чтения Исторического общества Нестора-летописца, кн. 6, отд. I (Киев 1892), 13.

Археологическая 1911: Археологическая хроника [о разведках В.И. Гошкевича в 1910 г.]. Известия Археологической комиссии: прибавл. к вып. № 39 1911, 153-154.

Бородинский 2012: Бородинский клад 2012, Википедия: http://ru.wikipedia.org/wiki/

Возобновление 1864: Возобновление сломанного створного знака Цареградского устья Днестровского лимана. Морской сборник LXXIII, № 7, 1864, 121-122.

Карышковский, Клейман 1985: П.О. Карышковский, И.Б. Клейман, Древний город Тира (Киев 1985).

Кеппен 1837: П.И. Кеппен, Список известнейшим курганам России. Северная пчела 1-3, 1837.

Кеппен 1908: П.И. Кеппен, О курганах. Предварительное разыскание Петра Кеппена (1836 г.). В: Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 42 (Симферополь 1908), 1-41.

Кнауэр 1889: Чтение Ф.И. Кнауэра о произведенной им раскопке курганов в Южной Бессарабии (О курганах, раскопанных в южной Бессарабии). В: Чтения Исторического общества Нестора-летописца, кн. 3, отд. I (Киев 1889), 32-49.

Кнауэр 1890: Ф.И. Кнауэр, Вторая археологическая раскопка около села Сараты (в Южной Бессарабии) (Курган № 10). В: Чтения Исторического общества Нестора-летописца, кн. 4, отд. II (Киев 1890), 30-41.

Кнауэр 1892: Ф.И. Кнауэр, Результаты небольшой археологической экскурсии, предпринятой по Аккерманскому уезду Бессарабской губернии, весной этого года (Результаты археологической экскурсии в Аккерманский уезд, предпринятый весною 1891 г.): А. Раскопки двойного кургана у с Павловки; Б. Список археологических (не курганных предметов), найденных в разных местах того же уезда. В: Чтения Исторического общества Нестора-летописца, кн. 6, отд. I (Киев 1892), 5-12.

Кнауэр 1893: Ф. Кнауэр, Раскопки в Бессарабской губернии. В: Отчет Археологической комиссии за 1891 год (Санкт-Петербург 1893), 82-86.

Кнауэр 1893а: Ф. Кнауэр, Дневник раскопки кургана у с. Павловки, Аккерманского уезда Бессарабской губернии, произведенной в 1891 году. В: Отчет Археологической комиссии за 1891 год (Санкт-Петербург 1893), 160-165.

Кнауэр 1899: Бессарабия. Аккерманский уезд. Могильник близ колонии Сарата, раскопано 3 кургана [в 1888 г.]. В: Каталог выставки XI Археологического съезда (Киев 1899), 74-75.

Кнауэр 1902: Ф.И. Кнауэр, Раскопки в Аккерманском уезде Бессарабской губернии. В: Труды XI Археологического съезда, Т. II (Москва 1902), 150-151.

Кнауэр 1902а: Ф.И. Кнауэр, Бессарабия [о раскопках Фриденсфельдских курганов в 1899 г.]. В: Отчет Археологической комиссии за 1899 год (Санкт-Петербург 1902), 39-41.

Кнауэр 1906: Ф.И. Кнауэр, Бессарабская губ. Бессарабский уезд. с. Павловка. В: Альбом рисунков, помещенных в Отчет Археологической комиссии за 1882-1898 годы (Санкт-Петербург 1906), 35-36.

Кутузов 1950: М.И. Кутузов. Документы (ред. Л.Г. Бескровный), т. I (Москва 1950).

Кочубинский 1901: А.А. Кочубинский, Тура (Тирас) Белгород Аккерман и его новая лапидарная надпись от 1454 года. ЗООИД XXIII, 1901, 79-178.

Кочубинский, Штерн 1896: А.А. Кочубинский, Э.Р. Штерн, О поездке в Аккерман для исследования там открытой гробницы. ЗООИД XIX, 1896, 13-16, табл. VII и VIII (протокол 290).

Латышев 1892: В.В. Латышев, Надписи из Тиры. В: Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в 1889-1891 годах (Санкт-Петербург 1892), 58-61.

Маркс 1917: Н.А. Маркс, К истории Бендерской крепости (Одесса 1917).

Матвеев 1893: А.А. Матвеев, Раскопки в Бессарабии [в Аккермане]. Отчет Археологической комиссии за 1890 год (Санкт-Петербург 1893), 49-51.

Мурзакевич 1844: Н.Н. Мурзакевич, Открытие древностей возле колонии Картал. ЗООИД I, 1844, 627-628.

Олофсон 1848: [А.А.] Олофсон, Примечательные курганы Бессарабской области в Бендерском уезде. ЗООИД II, 1848, 550-554.

Отношение 1896: Отношение аккерманского полицмейстера от 12 сентября 1895 г. ЗООИД XIX, 1896, 9-10 (протокол 289).

Пармакли, Руссев 1999: С.И. Пармакли, Н.Д. Руссев, К истории изучения античных памятников Бессарабии (по документам Императорского Одесского общества истории и древностей). Stratum Plus 3, 1999, 359-368.

Попова 1981: Т.Б. Попова, Бородинский клад (Москва 1981).

Репников 1908: Н. Репников, Список курганов, составленный академиком П.И. Кеппеном. В: Известия Таврической ученой архивной комиссии, 42 (Симферополь 1908), 42-55.

Самоквасов 1908: [Д.Я. Самоквасов], Могилы Русской земли. Описание археологических раскопок и древностей профессора Д.Я. Самоквасова (Москва 1908).

Сапожников 2011: И.В. Сапожников, Древние валы Бессарабии или Буджака: из истории картографирования в XVIII-XIX вв. Материалы по археологии Северного Причерноморья 12, 2011, 206-236.

Сапожников 2013: И. Сапожников, Новые картографические материалы о древних валах Бессарабии. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 345-354.

Сапожников 2017: И. Сапожников, Древние валы и дороги района переправы через Дунай у озера Картал: опыт картографической стратиграфии. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 213-225.

Сапожников, Болтрик 2018: И. Сапожников, Ю. Болтрик, Ягорлыкские курганы близ Днестра: история изучения, картография и топография. Tyragetia s.n. XII/1, 2018 (в печати).

Сапожников, Левчук 2017: И. Сапожников, В. Левчук, Генерал-лейтенант и «ученый археолог» Н.А.Маркс: вклад в исследования Бендерской крепости. Tyragetia s.n. XI/2, 2017, 173-194.

Сведения 1839: Сведения о древностях находящихся в Бессарабской области. Журнал министерства государственных имуществ, 23 (Санкт-Петербург 1839), 19-23 (смесь).

Свиньин 1821: П. Свиньин, Воспоминания в степях бессарабских [часть 1]. Отечественные записки, ч. 5, № 9, 1821, 3-24.

Свиньин 1867: П. Свиньин, Описание Бессарабской области. ЗООИД VI, 1867, 342-413.

Статистическое 1899: Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака с приложением генерального плана его края, составленное при гражданской съемке Бессарабии, производившей[ся] по Высочайшему повелению [с] размежевание[м] земель оной на участки с 1822 по 1828 год (Аккерман 1899).

Струве 1867: Ф. Струве, Археологические заметки по поводу посещения Аккермана и его окрестностей в летнее время 1866 года. ЗООИД VI, 1867, 605-611.

Уваров 1853: А. Уваров, Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Чёрного моря (Санкт-Петебург 1853).

Уваров 1856: А.С. Уваров, Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 2 (Санкт-Петебург 1856).

Фабрициус 1951: И.В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. I (Киев 1951).

Халиппа 1902: И.Н. Халиппа, Сведения о древностях бессарабских, собранные военным губернатором П.И. Федоровым в 1837-1838 гг. ТБГУАК 2, 1902, 98–115.

Штерн 1914: Э.Р. Штерн, Бессарабская находка древностей 1912 г. Материалы по археологии России 34, 1914, 1-14.

Юргевич 1893: О.В. Юргевич, Камни с надписями, купленные для Музея общества в 1892 г. ЗООИД XVI, 1893, 11-13.

Яровой 2014: Е. Яровой, Начало изучения курганов Бессарабии. В: Kallatida (Mangalia 2014), 349-362.

Яцимирский 1894: А.И. Яцимирский, О находке в Аккермане древней гробницы летом 1894 г. Археологические известия и заметки I, №11 1894, 363.

Începutul studierii tumulilor din Bugeac: istoriografie şi cartografie

Cuvinte-cheie: Bugeac, mormântul regilor cimerieni, tumuli, istoricul cercetării, cartografie, săpături arheologice, morminte, tezaurul de la Borodino, Tyras, Cartal.

Rezumat: În articol este prezentată istoria descrierii şi studierii tumulilor din stepele Bugeacului, care începe cu menţiunile lui Herodot despre mormântul regilor cimerieni de la Nistru. Primele cartografieri ale tumulilor din acest spaţiu sunt realizate în secolul XVIII: planul taberei lui Carol XII-lea de la Bender (1711) şi hărţile militare din timpul războiului ruso-turc din anii 1789-1790. Primele cercetări ştiinţifice la tumulii din Bugeac au fost întreprinse de profesorul F.I. Knauer în 1888. Începând cu acest an şi până în 1917 în spaţiul menţionat vor fi cercetate cca 30 movile funerare. De asemenea, vor fi întreprinse periegheze în regiunea tumulilor unde a fost descoperit tezaurul de la Borodino, precum şi în spaţiul necropolelor oraşului antic Tyras şi al cetăţii de la Cartal.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Tabăra regelui suedez de la Bender, anul 1711 (fragment, după Маркс 1917, 12).

Fig. 2. Planul taberei militare de la Tatarbunar, anul 1790 (după Кутузов 1950).

Fig. 3. Planul şi profilul întăriturii antice Mogila Širokaja (Lat) din preajma localităţii Copanca, anul 1843 (după НБУВ № 6337).

Fig. 4. Tumulii din preajma s. Pavlovka cercetaţi de F.I. Knauer în anul 1891 (după Кнауэр 1893a, рис. 194-195).

Fig. 5. Piese descoperite în tumulii de la Pavlovka (după Кнауэр 1893, рис. 63-65).

Fig. 6. Planul moşiei satului Sărata cu indicarea tumulilor (anii 1920).

Fig. 7. Piese descoperite în tumulul de la Borodino (după Штерн 1914).

The beginning of the study of Budjak burial mounds: historiography and cartography

Keywords: Budjak, Tomb of Cimmerian kings, burial mounds, history of exploration, treasure hunting, cartography, excavations, stone crypts, burials, Borodino hoard, Tyras, Kartal.

Abstract: The article is dedicated to the history of the description and study of the Budjak burial mounds, which originates from the Tomb of the Cimmerian kings on the Dniester mentioned by Herodotus. Mapping of the kurgans of the region dates back to the 18th century, with the map of the Swedish King Charles XII's camp near Bender (1711) and the 1789-1790 maps of the time of the second Russian-Turkish war. The history of their study passed a predatory period, recorded from the 1810s. The first successful scientific excavation of these sites was conducted in 1888 by Prof. F.I.Knauer. From that time until 1917, almost 30 mounds were explored in Budjak, as well as places of findings in the barrows of the Borodino hoard and a number of ancient tombs near the city of Tyras and Kartal.

List of illustrations:

Fig. 1. The camp of King Charles XII of Sweden near Bender, 1711 (fragment, after Маркс 1917, 12).

Fig. 2. The plan of the camp at Tatar-Bunar in 1790 (after Кутузов 1950).

Fig. 3. The plan and profile of the ancient fortification, now called the Wide Tomb (Lat), located in the Bendery district of the Bessarabian region at the camp of the official village of Kopanka, 1843 (after НБУВ № 6337).

Fig. 4. Barrows near Pavlovka excavated by F. Knauer in 1891 (after Кнауэр 1893a, рис. 194-195).

Fig. 5. Findings from the barrows near Pavlovka (after Кнауэр 1893, рис. 63-65).

Fig. 6. The plan of the land plot of the village of Sarata with barrows (1920s).

Fig. 7. Findings from the Borodino mound (after Штерн 1914).

05.02.2018

Др. хаб. Игорь Сапожников, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: igors@gcn.ua

O PRACTICĂ MAI PUȚIN ÎNTÂLNITĂ. REUTILIZAREA UNOR TOPOARE DE PIATRĂ DIN EPOCA BRONZULUI

Vasile Diaconu
Mariana Sîrbu

Cuvinte-cheie: Epoca bronzului, topoare de piatră, reutilizare, aşezări, morminte.

Într-o epocă în care metalul a reprezentat un bun definitoriu şi cu o simbolistică aparte, piatra a rămas în continuare o materie primă accesibilă pentru confecţionarea diferitelor obiecte. Cu toate acestea, sunt cunoscute situaţii în care unele componente ale utilajului litic, în diverse contexte, au fost reutilizate, în sensul unei transformări a funcţionalităţii piesei iniţiale. Pornind de la analiza mai multor topoare de piatră identificate în mediile epocii bronzului din spaţiul cuprins între Carpaţi şi Nistru, ne propunem să discutăm această practică a refolosirii unor unelte/arme. În plus, în literatura arheologică acest aspect nu a fost aprofundat, iar majoritatea specialiştilor s-au rezumat doar la menţionarea unor astfel de obiecte.

Atunci când ne referim la reutilizare, avem în vedere două situaţii distincte: reperforarea unor exemplare care s-au deteriorat şi întrebuinţarea unor piese distruse ca frecătoare/pisăloage/percutoare. Refolosirea putea avea la bază raţiuni practice (duritatea rocilor, forma potrivită pentru acţiuni de zdrobire/pisare, dificultăţile de procurare a unor materiale litice de bună calitate) sau considerente care ţineau de utilitatea iniţială pe care au putut-o îndeplini unele dintre aceste topoare de piatră (unelte, arme sau simboluri de putere). Faptul că unele exemplare sunt foarte îngrijit lucrate şi chiar decorate, poate constitui un posibil argument că astfel de artefacte reutilizate îndeplineau şi funcţii simbolice.

Pentru o mai bună receptare a acestei practici, vom prezenta, sub forma unui catalog, o serie de topoare descoperite în teritoriul dintre Carpaţi şi Nistru.

1. Bodeştii de Jos (com. Bodeşti, jud. Neamţ, România) (fig. 1/1). Descoperită în zona *Cetăţuii/Frumuşica*, piesa reprezintă jumătatea superioară a unui topor de dimensiuni reduse, a cărui muchie se termină cu un buton semisferic, foarte bine profilat. Obiectul a fost lucrat din rocă vulcanică şi cel mai probabil era un topor de luptă. Suprafaţa artefactului a fost atent şlefuită. Toporul a fost spart în zona perforaţiei pentru fixarea cozii, iar jumătatea superioară a piesei a fost refolosită ulterior, astfel încât urmele fragmentării s-au estompat foarte mult. Urme de folosire au fost observate şi pe muchia toporului. Tipologic, exemplarul aparţine epocii bronzului, iar în situl din perimetrul căruia provine au fost atestate şi alte vestigii arheologice din această perioadă.
Piesă inedită aflată în colecţiile Muzeului de Istorie şi Arheologie Piatra Neamţ.
Dimensiuni: lungime – 4,5 cm, lăţime – 3,5 cm.

2. Chirsova I (satul Chirsova, raionul Comrat, Republica Moldova) (fig. 1/2). Un fragment de topor masiv a fost descoperit în anul 2016 pe suprafaţa aşezării Chirsova I, atribuită culturii Sabatinovka. Artefactul este prelucrat din diabaz de culoare neagră-verzuie, spart în zona orificiului pentru fixarea cozii. Are profilul drept şi tăişul uşor curbat, cu urme de utilizare. În secţiune transversală are formă rectangulară. Zona în care a fost spartă piesa prezintă porţiuni şlefuite, dar şi ciobituri vechi, precum şi urme recente de uzură. Exemplarul se păstrează în colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (Chişinău).
Dimensiuni: lungime – 13 cm; lăţime max. – 11,2 cm; diametrul orif. – 3,6 cm.
Literatură: Сава и др. 2017, рис. 6/5.

3. Izvoare (com. Izvoare, jud. Neamţ, România) (fig. 1/3). Din zona sitului eneolitic pluristratificat provine un topor fragmentar, lucrat dintr-o rocă dură, cel mai probabil de origine vulcanică. Zona activă a toporului a fost spartă în vechime, iar piesa a fost refolosită, printr-o ajustare sumară a porţiunii degradate. De altfel, întreaga suprafaţă a piesei prezintă urme ale reutilizării. Având în vedere faptul că vechile cercetări au evidenţiat urme de locuire şi din epoca bronzului, conside-

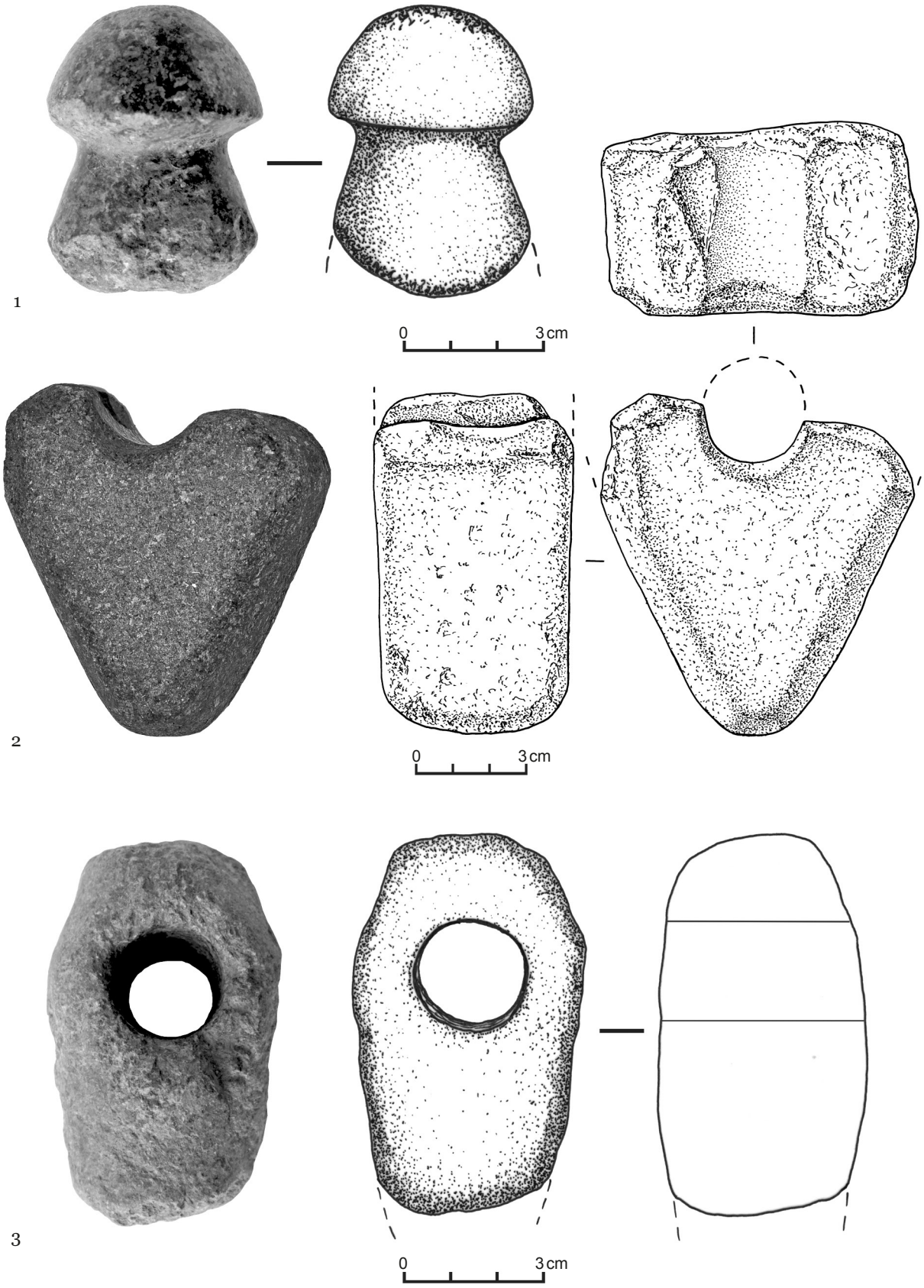


Fig. 1. Topoare de piatră reutilizate: 1 - Bodeşti; 2 - Chirsova I; 3 - Izvoare.

răm că artefactul poate fi atribuit acestui segment cronologic. Piesă inedită aflată în colecţiile Muzeului de Istorie şi Arheologie Piatra Neamţ.
Dimensiuni: lungime – 6,8 cm; lăţime max. – 4,4 cm; diametrul orif. – 1,7 cm.

4. Kazan Kulak II (satul Gorodne, raionul Bolgrad, regiunea Odessa, Ucraina) (fig. 2/1). Artefactul reprezintă jumătatea inferioară a unui topor bine şlefuit, oval în secţiune, prelucrat din gresie cuarţitică, de culoare cafenie-deschisă. A fost descoperit în urma cercetărilor arheologice efectuate în anul 1999 în cadrul aşezării culturii Sabatinovka de la Kazan Kulak II. Suprafaţa spartă prezintă urme multiple de refolosire, ceea ce presupune întrebuinţarea acestui obiect în calitate de percutor.
Dimensiuni: lungime – 4,6 cm; lăţime max. – 6,6 cm; grosime – 3,8 cm.
Literatură: Субботин 2002, 174, рис. 2/6.

5. „Neamţ" (judeţul Neamţ, România) (fig. 2/3). Fragmentul de topor provine din zona de nord-est a judeţului Neamţ şi tipologic poate fi încadrat în epoca bronzului. Artefact lucrat din andezit, păstrat în stare fragmentară. Piesa reprezintă jumătatea inferioară a unui exemplar masiv, care a fost spart în zona perforaţiei pentru fixarea cozii, dar reutilizat prin confecţionarea unui nou orificiu pentru mâner. Profilul este drept, iar tăişul uşor curbat şi cu urme de folosire. În secţiune transversală este rectangular. Perforaţia secundară este uşor descentrată faţă de axul longitudinal al piesei şi uşor tronconică. Spărtura din zona perforaţiei iniţiale a fost finisată sumar, sau s-a tocit ca urmare a utilizării muchiei pentru lovire. Se păstrează la Muzeul de Istorie şi Etnografie Târgu Neamţ.
Dimensiuni: lungime – 11,0 cm; lăţime max. – 7,2 cm; diam. perforaţiei – 2,3 cm.
Literatură: Diaconu 2014, 149, fig. 1/3.

6. Racova (jud. Bacău, România) (fig. 3/1). De pe teritoriul localităţii provine jumătatea inferioară a unui topor cu corpul alungit şi profilul uşor curbat. Exemplarul a fost spart în zona orificiului pentru fixarea cozii şi s-a încercat reperforarea sa. Tăişul este uşor lăţit. Suprafaţa obiectului este foarte atent lustruită. Obiectul a fost atribuit culturii Costişa. Se păstrează în colecţiile Muzeului de Istorie şi Arheologie Piatra Neamţ.
Dimensiuni: lungime – 11,3 cm, lăţime max. – 5,2 cm.
Literatură: Matasă 1940, 39, fig. 79; Munteanu 2006, 51, pl. 63/1.

7. Sârcova (satul Sârcova, raionul Rezina, Republica Moldova) (fig. 2/2). În 2016, cu prilejul unor excavaţii pe teritoriul satului Sârcova, a fost descoperit un topor din piatră, fragmentar. Piesa reprezintă partea inferioară a unui topor de luptă, prelucrat din diabaz, de culoare cafenie-închisă, foarte bine lustruită. Toporul a fost spart în zona perforaţiei, iar ulterior această zonă a fost bine finisată ca urmare a unei refolosiri intense. Exemplarul prezintă pe una din feţe o muchie mediană, în relief, iar tăişul este puternic lăţit şi arcuit. Profilul piesei este uşor curbat. Pe suprafaţa fragmentului de topor se observă urme de folosire intensă. Chiar dacă nu este cunoscut contextul arheologic din care provine artefactul, acesta poate fi încadrat, din punct de vedere tipologic, în epoca bronzului.
Exemplarul se păstrează în colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (Chişinău) şi a fost donat de Anatolie Colesnic, locuitor al satului Cojuşna. Piesă inedită.
Dimensiuni: lungime – 6,5 cm, lăţime max. – 3,5 cm.

8. Tiraspol (or. Tiraspol, Republica Moldova) (fig. 3/2). Cu prilejul unor lucrări edilitare pentru fundaţiile unei clădiri, în anul 1983 a fost descoperit un mormânt dublu, atribuit culturii Katakombnaja, din inventarul căruia provine şi un fragment de topor refolosit. Exemplarul reprezintă jumătatea superioară a piesei, fiind lucrat din bazalt de culoare neagră. Toporul a fost spart în zona perforaţiei, iar zona respectivă a fost ajustată şi atent şlefuită. Muchia toporului este uşor convexă. Pe una din faţete este realizat un decor în relief care constă dintr-o nervură longitudinală spre care converg alte două nervuri dispuse oblic. Suprafaţa piesei este foarte bine şlefuită, inclusiv pe zona care a rezultat prin spargerea toporului.
Exemplarul se păstrează în colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (Chişinău).
Dimensiuni: lungime – 6,0 cm, lăţime max. – 4,0 cm.
Literatură: Сава 1987, 89, рис. 2/2.

9. Vânători-Neamţ (com. Vânători-Neamţ, jud. Neamţ, România) (fig. 3/3). Exemplarul provine dintr-o aşezare a culturii Noua de la Vânători-Neamţ, punctul *La Izvoare*. Reprezintă jumătatea superioară a unui topor de luptă cu muchie cilindrică, terminată printr-o calotă semisferică. Exemplarul a avut dimensiuni medii şi a fost confecţionat din andezit cu piroxeni şi amfiboli. Toporul a fost spart în zona perforaţiei şi prezintă

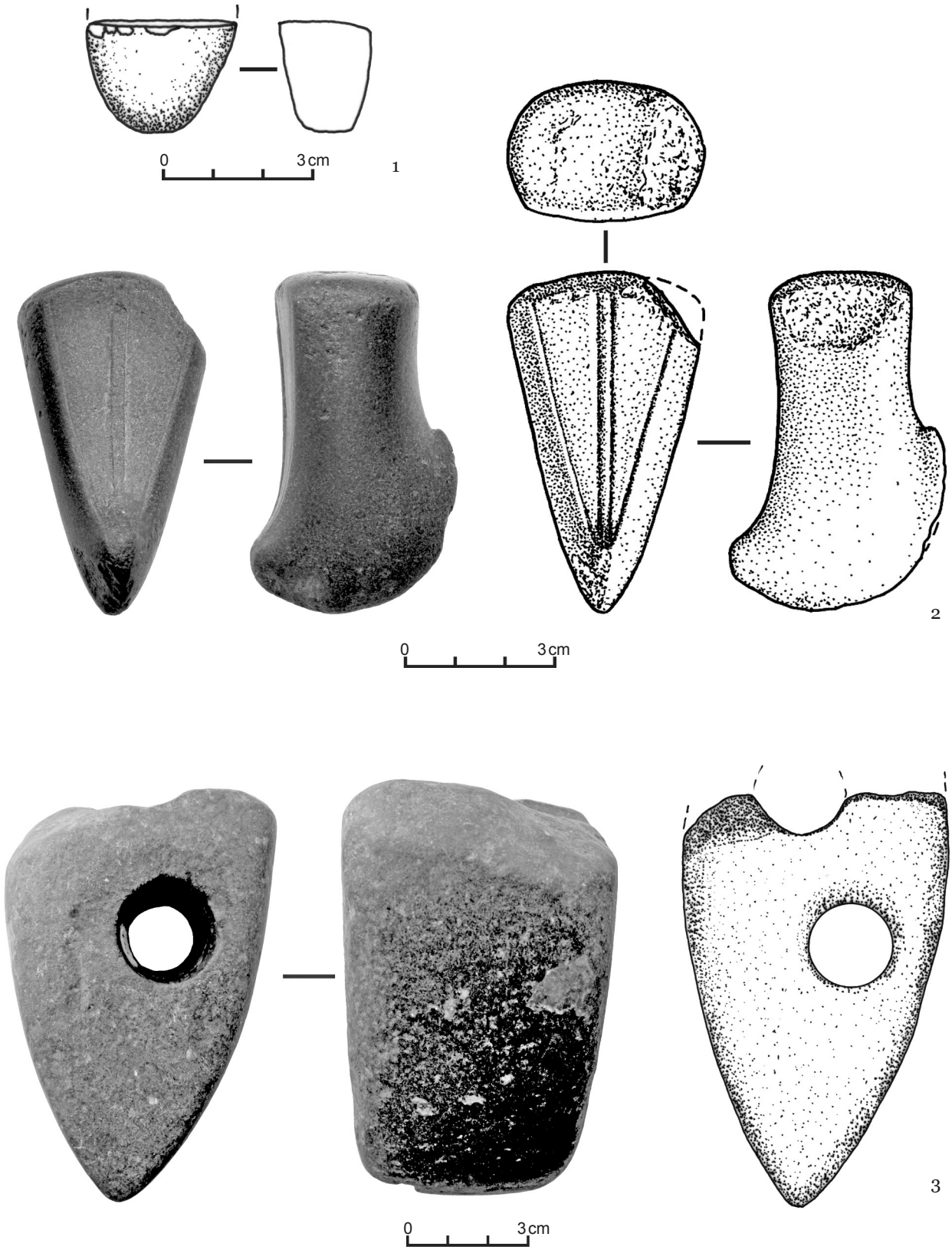


Fig. 2. Topoare de piatră reutilizate: 1 - Kazan Kulak II; 2 - Sârcova; 3 - „Neamţ”.

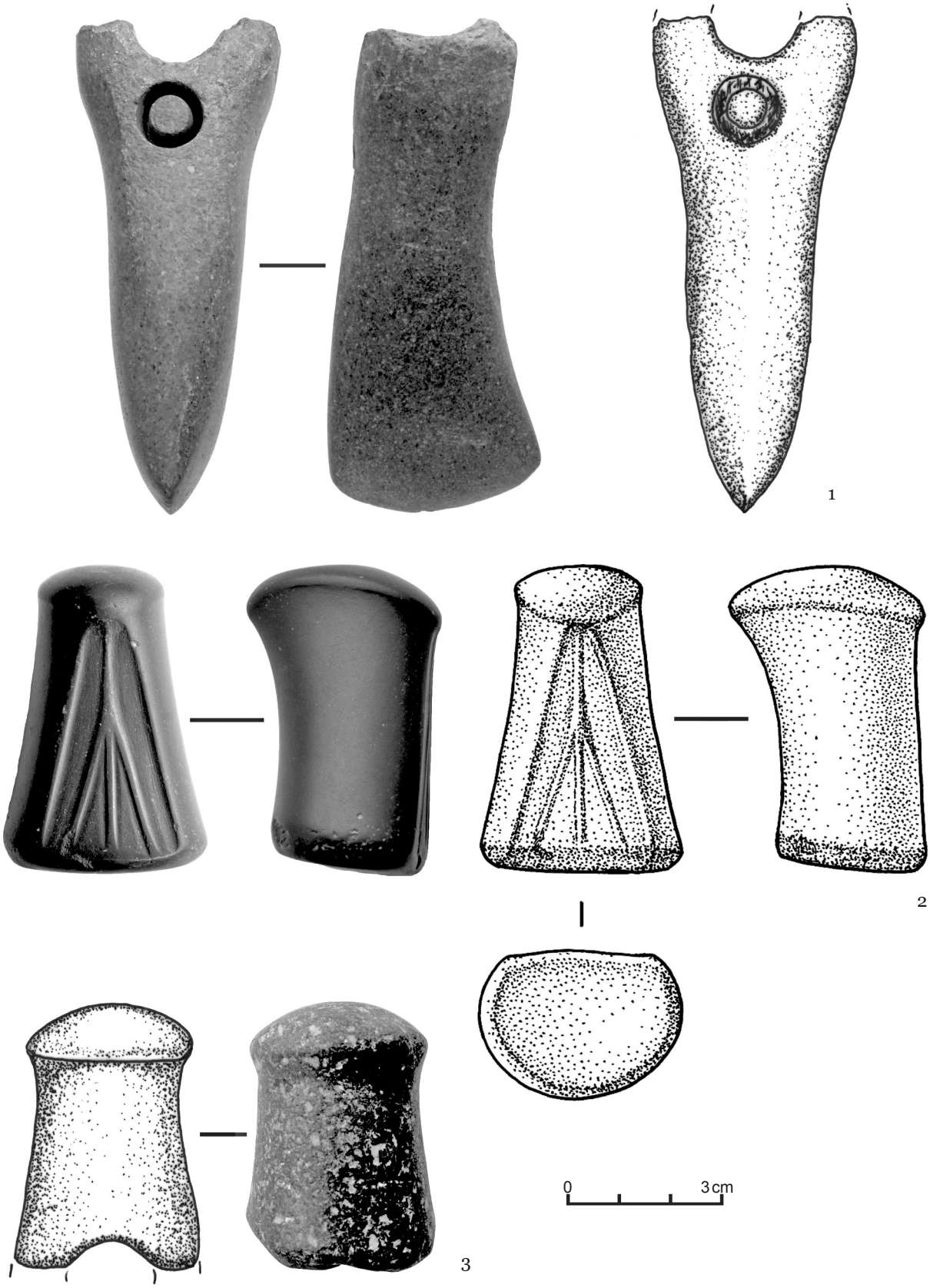


Fig. 3. Topoare de piatră reutilizate: 1 - Racova; 2 - Tiraspol; 3 - Vânători-Neamţ.

urme intense de reutilizare. Se păstrează în colecţiile Muzeului de Istorie şi Etnografie Târgu Neamţ.
Dimensiuni: lungime – 5,2 cm, diam. max. al muchiei – 3,7 cm.
Literatură: Diaconu 2007, 111, fig. 7/2; Buzgar et al. 2013, 5, fig. 1/A1; Diaconu 2016, 77, fig. 85/2.

Discuţii

Pornind de la exemplarele menţionate anterior, dar şi pe baza informaţiilor cunoscute în literatura arheologică privitoare la epoca bronzului, precizăm faptul că topoarele reutilizate apar atât în aşezări, cât şi în morminte, cea din urmă situaţie fiind mai rară. Desigur, rolul acestor obiecte în cazurile amintite deja ar putea să aibă raţionamente variate. Dacă în spaţiile locuite astfel de obiecte aveau o valoare utilitară, prezenţa lor în morminte indică, mai curând, atribute simbolice.

Deşi nu există studii traseologice pentru astfel de exemplare, pe baza observaţiilor macroscopice s-a presupus că unele topoare fragmentare au fost folosite ca pisăloage/frecătoare. Desigur, poate fi luată în calcul şi o astfel de interpretare, doar că pentru a transforma o piesă deteriorată într-o unealtă destinată acţiunilor de zdrobire/pisare era nevoie de o prelucrare suplimentară a sa, ceea ce ar fi însemnat un efort în plus, în condiţiile în care pentru operaţiuni precum cele amintite mai sus putea fi folosită orice piatră cu o formă naturală adecvată. Merită să amintim că pentru acţiuni de zdrobire sunt necesare piese cu o anumită greutate, pentru a avea o eficienţă sporită, ori, în multe cazuri, topoarele deteriorate nu îndeplinesc acest criteriu. Tocmai de aceea considerăm că unele exemplare de acest fel puteau să aibă o altă funcţionalitate, poate chiar pentru baterea/modelarea unor piese metalice de mici dimensiuni. Nu excludem faptul ca unele dintre aceste topoare fragmentare, mai ales cele decorate, să fi fost substituente pentru alte obiecte cu valoare socială. Avem în vedere exemplarul de la Tiraspol, care se remarcă prin eleganţă şi modul deosebit în care a fost lucrat, şi nu excludem posibilitatea ca astfel de piese, cu o estetică deosebită şi care, desigur, în stadiul iniţial au avut rolul unui indicator social, să fi fost ajustate după deteriorarea lor, chiar de către posesor, tocmai pentru valoarea lor simbolică.

Un aspect care merită reţinut este acela că topoare de piatră cu urme de reutilizare au fost identificate în contexte funerare, dar o astfel de practică nu este foarte frecvent atestată. Spre exemplu, în mediul Jamnaja din zona de nord-vest a Mării Negre sunt menţionate astfel de descoperiri la Beloles'e, Velikodolinskoe, Glubokoe, Kubey, Liman, Plavni şi Semenovka (Иванова, Цимиданов 1998, 150-151, рис. 4/2-3, 6-7; Субботин 2003, 71-88, таб.14/4; Субботин, Разумов, Синика 2017, 77, рис. 43/6). Unii specialişti au considerat că reutilizarea unor topoare fragmentare pentru diverse activităţi ar fi putut schimba statutul unui astfel de obiect, conferindu-i proprietăţi simbolice (Иванова, Цимиданов 1998, 146-147). Se admite că această transformare era una sacră, iar persoanele în mormintele cărora au fost descoperite topoare fragmentare ar fi avut un statut aparte în cadrul comunităţilor (Иванова, Цимиданов 1998, 147). Există opinii conform cărora aceste morminte au aparţinut unor meşteşugari, având în vedere că în cadrul vechilor comunităţi aceste persoane ar fi îndeplinit şi atribuţii ritualice, iar meşteşugurile ar fi avut o importantă componentă sacră (Иванова, Цимиданов 1998, 147). Spre exemplu, la Želoboc (Ucraina), într-un mormânt al culturii Katakombnaja (tumulul 3, mormântul nr. 1), a fost descoperit un fragment de topor prevăzut cu un ornament în formă de ace de brad şi plasă, realizat după spargerea piesei. Acest exemplar a fost descoperit într-o cutie de lemn, împreună cu alte obiecte, care au fost atribuite unui meşter în confecţionarea vârfurilor de săgeată din silex (Санжаров 1992, 165-166, рис. 2/7).

În morminte ale epocii bronzului au fost descoperite şi topoare fragmentare care prezintă urme ale unei reperforări, iar o astfel de situaţie este documentată într-un complex funerar de la Stoicani (jud. Galaţi) (Petrescu-Dîmboviţa 1953, 119, fig. 53/5, fig. 58/2).

Dacă ne referim la topoarele reperforate sau în curs de reperforare, suntem de părere că funcţia lor secundară nu mai putea fi legată de acţiuni de tăiere/despicare, deoarece parametrii dimensionali nu ar mai fi asigurat eficienţa necesară. Cel mai probabil aceste piese aveau o altă utilitate, poate pentru acţiuni de lovire/zdrobire.

Un alt aspect care merită amintit, dar pentru a cărui argumentare încă nu avem suficiente informaţii, este cel legat de faptul că refolosirea unora dintre piesele amintite anterior este posibil să nu se fi petrecut tot în aceeaşi etapă cronologică când au fost realizate şi întrebuinţate pentru funcţia lor iniţială. Ne gândim la faptul că unele topoa-

re au fost reutilizate după o anumită perioadă de la abandonarea lor datorată distrugerii parţiale, probabil şi din motive care ţin de managementul corect al resurselor avute la dispoziţie.

Pe baza celor menţionate anterior putem concluziona că practica reutilizării topoarelor de piatră a avut în principal justificări de ordin economic şi tehnologic (dificultatea procurării materiilor prime de calitate, rezistenţa acestora). Faptul că astfel de artefacte se întâlnesc şi în contexte care pot depăşi sfera activităţilor cotidiene (în morminte spre exemplu) credem că poate avea la bază şi raţiuni ritualice, dar acestea nu au fost condiţionate de transformările morfologice prin care au trecut unele dintre aceste obiecte. Altfel spus, piesele reutilizate au putut avea atribute simbolice doar odată cu depunerea lor în contexte funerare, dar nu credem că au fost confecţionate cu această destinaţie.

Bibliografie

Buzgar et al. 2013: N. Buzgar, I.A. Apopei, V. Diaconu, A. Buzatu, The composition and source of the raw material of two stone axes of Late Bronze Age from Neamţ County (Romania) - A Raman study. Analele Ştiinţifice ale Universităţii „Al. I. Cuza" din Iaşi. Seria Geologie 59 (1), 2013, 5-22.

Diaconu 2007: V. Diaconu, Recunoaşteri arheologice de suprafaţă în zona oraşului Târgu Neamţ. Memoria Antiquitatis XXIV, 2007, 87-119.

Diaconu 2014: V. Diaconu, Artefacte din epoca bronzului aflate în colecţia Muzeului de Istorie şi Etnografie Târgu Neamţ. Memoria Antiquitatis XXIX-XXX, 2014, 147-159.

Diaconu 2016: V. Diaconu, Repertoriul descoperirilor atribuite epocii bronzului din judeţul Neamţ, BMA, XXXVI (Piatra Neamţ: Editura Constantin Matasă 2016).

Matasă 1940: C. Matasă, Cercetări din preistoria judeţului Neamţ. Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorice 97, (1938), 1940.

Munteanu 2006: R. Munteanu, Alte descoperiri. In: (Coord. V. Cavruc, Gh. Dumitroaia) Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România (Piatra Neamţ 2001), 51-54.

Petrescu-Dîmboviţa 1953: M. Petrescu-Dîmboviţa, Cetăţuia de la Stoicani. In: Materiale Arheologice privind Istoria Veche a RPR, vol. I (Bucureşti 1953), 13-212.

Иванова, Цимиданов 1998: С.В. Иванова, В.В. Цимиданов, Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья. В: Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету, вип. IV (Запоріжжя 1998), 141-157.

Сава 1987: Е.Н. Сава, Катакомбное погребение у г. Тирасполя. В сб.: Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху (Кишинев 1987), 87-91.

Сава и др. 2017: Е. Сава, Э. Кайзер, М. Сырбу, Е. Мистряну, Новые исследования поселений с «зольниками» эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье. В сб.: Ex Ungue Leonem. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна (Санкт-Петербург 2017), 151-179.

Субботин 2002: Л.В. Субботин, Поселение сабатиновской культуры Казан-Кулак II. В сб.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V век н.э.). Материалы III международной конференции, Тирасполь 5-8 ноября 2002 г. (Тирасполь 2002), 169-176.

Субботин 2003: Л.В. Субботин, Орудия труда, оружья и украшение племен Ямной культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса: Полис 2003).

Субботин, Разумов, Синика 2017: Л.В. Субботин, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Семёновские курганы (Тирасполь 2017).

Санжаров 1992: С.Н. Санжаров, Каменные сверленые топоры-молотки Донбасса. РА 3, 1992, 160-178.

Ткач 2015: Е. Ткач, О подходах и возможностях исследования каменных боевых топоров эпохи неолита-бронзы. Археологические Вести 21, 2015, 52-65.

Uncommon practice of re-use of Bronze Age stone axes

Keywords: Bronze Age, stone axes, re-use, settlements, graves.

Abstract: This article examines the typological features of some Bronze Age stone axes with obvious signs of re-use, discovered in the area between the Carpathians and the Dniester. For these objects, two ways of re-use are known: the use of damaged axes as rubbing stones / hammer stones or re-perforation of the worn-out specimens.

The authors of the article present nine artifacts discovered in settlements and cemeteries or as a result of chance finds. Most of the specimens were made of volcanic rocks; some have preserved decorative elements.

The re-use of such items was determined by economic and technological reasons. Some communities of the Bronze Age were forced to re-use damaged stone axes due to a lack of high-quality raw materials.

The fact that axes with traces of re-use are also found in cemeteries may indicate the symbolic significance that these objects acquired when they were put next to the dead.

List of illustrations:

Fig. 1. Re-used stone axes: 1 - Bodeşti; 2 - Chirsova I; 3 - Izvoare.

Fig. 2. Re-used stone axes: 1 - Kazan Kulak II; 2 - Sîrcova; 3 - „Neamţ".

Fig. 3. Re-used stone axes: 1 - Racova; 2 - Tiraspol; 3 - Vânători-Neamţ.

Малораспространенная практика повторного использования каменных топоров эпохи бронзы

Ключевые слова: эпоха бронзы, каменные топоры, повторное использование, поселения, погребения.

Резюме: В данной статье рассматриваются типологические особенности каменных топоров эпохи бронзы с явными признаками повторного использования, относящихся к Карпато-Днестровскому пространству. Известно два варианта повторного использования этих предметов: применение поврежденных топоров в качестве растиральников/отбойников или реперфорация сработанных экземпляров.

Авторами статьи представлены девять артефактов, обнаруженных на поселениях, в погребальных комплексах или в результате случайных находок. Большинство экземпляров сделано из вулканических пород, на некоторых сохранились элементы декора.

В основе повторного использования таких предметов лежали главным образом экономические и технологические причины. Некоторые общины эпохи бронзы были вынуждены повторно использовать поврежденные каменные топоры из-за нехватки высококачественного сырья.

Тот факт, что топоры со следами повторного использования встречаются также в погребальных комплексах, может свидетельствовать о символическом значении, которое эти предметы приобретали при захоронении.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Каменные топоры со следами повторного использования: 1 - Бодешть; 2 - Кирсова I; 3 - Извоаре.

Рис. 2. Каменные топоры со следами повторного использования: 1 - Казан-Кулак II; 2 - Сыркова; 3 - «Нямц».

Рис. 3. Каменные топоры со следами повторного использования: 1 - Ракова; 2 - Тирасполь; 3 - Вынэторь-Нямц.

28.03.2018

Dr. Vasile Diaconu, Complexul Muzeal Judeţean Neamţ, Muzeul de Istorie şi Etnografie Târgu Neamţ, str. Ştefan cel Mare, 37, Târgu Neamţ, România, e-mail: diavas_n82@yahoo.com

Mariana Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

RESURSE ANIMALE PENTRU ECONOMIA COMUNITĂȚILOR CULTURII NOUA (EPOCA BRONZULUI): Studiu de caz privind aşezarea de la Crasnaleuca (judeţul Botoşani, România)

Simina Margareta Stanc
Vasile Diaconu
Luminița Bejenaru

Cuvinte cheie: epoca bronzului, cultura Noua, paleoeconomie, arheozoologie, creşterea animalelor, vânătoare, Crasnaleuca, România.

Introducere

Aşezarea specifică Epocii Bronzului târziu de la Crasnaleuca-Stanişte (judeţul Botoşani, România) se află la 1,2 km sud faţă de satul cu acelaşi nume, pe terasa mijlocie din dreapta Prutului. Situl arheologic ocupă un platou uşor înclinat, aflat la nord de pârâul Stanişte, delimitat spre vest de o vale puţin adâncă, iar spre est de un versant înclinat, pe care se află mai multe izvoare (fig. 1). Deşi cercetările iniţiale de aici au vizat locuirile paleolitice (Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976, 85-86), încă de la primele săpături (1974, 1977) a fost evidenţiată existenţa unei staţiuni a culturii Noua, cu o suprafaţă de aproximativ 4 ha, pe care puteau fi observate opt „cenuşare" (Brudiu 1979, 87-88). În perioada 1991-1992, recunoaşterile de teren efectuate de L. Dascălu au permis identificarea altor „cenuşare", astfel încât numărul lor a ajuns la 20. Potrivit menţiunilor autoarei cercetărilor, aceste structuri erau dispuse pe trei şiruri paralele şi ocupau un perimetru de aproximativ 5 ha (Dascălu 2007, 180).

Prezenta lucrare valorifică resturile faunistice descoperite în cursul săpăturilor din anii 1992-1994, cu scopul de a evalua resursele animale utilizate în economia comunităţii Noua de la Crasnaleuca.

Contextul arheologic

Săpăturile arheologice sistematice, începute încă din 1991, s-au concentrat asupra „cenuşarului" nr. 1, care a fost cercetat în proporţie de 2/3. Deşi nu dispunem de informaţii foarte amănunţite legate de contextele stratigrafice, reţinem faptul că

Fig. 1. Amplasarea aşezării Noua de la Crasnaleuca.

în structura „cenuşarului" au fost surprinse mai multe „platforme" de lut, lentile de cenuşă şi resturi de lipitură arsă. Dintre complexele identificate în interiorul „cenuşarului" pot fi menţionate mai multe vetre, o platformă de pietre şi o groapă. Instalaţiile de foc au formă aproximativ ovală, cu diametrul maxim de aproximativ 1 m şi sunt lucrate din lut sau din pietre şi lut. Ca element mai deosebit este menţionat un „complex de cult", construit tot din piatră şi lut, de formă pătrată, cu latura de 0,85 m (Dascălu 1994; Dascălu 1995; Dascălu 2007, 180-182). Din nefericire, nu au fost publicate suficiente informaţii care să argumenteze rolul special pe care ar fi putut să-l aibă această structură, mai ales că prin caracteristicile sale, pare a fi o simplă vatră.

Inventarul recuperat din săpăturile efectuate în aşezarea de la Crasnaleuca face notă comună cu descoperirile din alte situri aflate în arealul cultu-

rii Noua, în sensul că ponderea cea mai mare o au oasele de animale, resturile ceramice, la care se adaugă obiecte de os, bronz, piatră şi silex.

Un aspect deosebit de important este acela că din situl amintit provin singurele, momentan, datări absolute pentru cultura Noua din spaţiul răsăritean al României. Deşi au fost prelevate şi studiate patru probe, doar trei dintre acestea formează o serie coerentă, motiv pentru care le menţionăm şi aici: 3250±50 BP, 3240±40 BP şi 3190±45 BP (Motzoi-Chicideanu, Gugiu 2001-2002, fig. 11A; László 2006, 132, 143; László 2011, 267).

Analiza arheozoologică

Eşantionul arheozoologic luat în studiu cuprinde resturile faunistice recoltate cu ocazia campaniilor arheologice derulate între anii 1992-1994, în situl arheologic de la Crasnaleuca, şi aparţine Epocii Bronzului (cultura Noua). Analiza arheozoologică a fost realizată în cadrul Facultăţii de Biologie a Universităţii „Alexandru Ioan Cuza" din Iaşi, urmându-se procedura standard de identificare anatomică, taxonomică şi tafonomică, estimarea vârstei şi a sexului, osteometria şi cuantificarea datelor (Udrescu, Bejenaru, Hrişcu 1999).

Eşantionul este constituit din resturi menajere (oase, dinţi, procese cornulare), toate cu grad însemnat de fragmentare şi dispersare, ca urmare în principal a proceselor de tranşare şi consum. Astfel, din totalul de 2650 resturi atribuite mamiferelor, doar circa 40% dintre ele au fost identificate specific. Un număr de 38 de fragmente scheletice poartă urme de arsură, iar pe circa 70 apar semne clare că au fost roase de carnivore.

Eşantionul de la Crasnaleuca cuprinde 2656 resturi faunistice, a căror cuantificare este prezentată în Tabelul 1. Au fost identificate atât specii domestice cât şi sălbatice.

Studiul arheozoologic a pus în evidenţă trei resurse alimentare de origine animală pentru comunitatea culturii Noua de la Crasnaleuca, care, exprimate în termeni de economie locală, sunt: creşterea animalelor, vânătoarea şi pescuitul.

Creşterea animalelor. Urmărind distribuţia procentuală a resturilor de animale grupate pe categorii paleoeconomice (Tabelul 1; fig. 2), se remarcă ponderea dominantă a speciilor de mamifere domestice atât ca NR (circa 94%), cât şi ca NMI (circa 76%). Între aceste, raportate la totalul mamiferelor identificate, cele mai numeroase sunt

Tabelul 1

Cuantificarea resturilor faunistice

Taxon	NR	%	NMI	%
Bos taurus (bovina domestică)	529	50,48	19	26,76
Ovis aries/Capra hircus (oaie/capră)	265	25,29	16	22,54
Sus domesticus (porc domestic)	98	9,35	9	12,68
Equus caballus (cal)	83	7,92	8	11,27
Canis familiaris (câine)	7	0,66	2	2,82
Total mamifere domestice	982	93,7	54	76
Cervus elaphus (cerb)	34	3,24	8	11,27
Sus scrofa (mistreţ)	25	2,39	5	7
Capreolus capreolus (căprior)	6	0,57	3	4,26
Lepus europaeus (iepure de câmp)	1	0,1	1	1,41
Total mamifere sălbatice	66	6,3	17	24
Total mamifere identificate specific	1048	100	71	100
Mamifere neidentificate specific	1602			
Mamifere total	2650			
Păsări	4			
Peşti - *Silurus glanis* (somn)	2			
Total eşantion	2656			

(NR=număr de resturi; NMI=număr minim de indivizi).

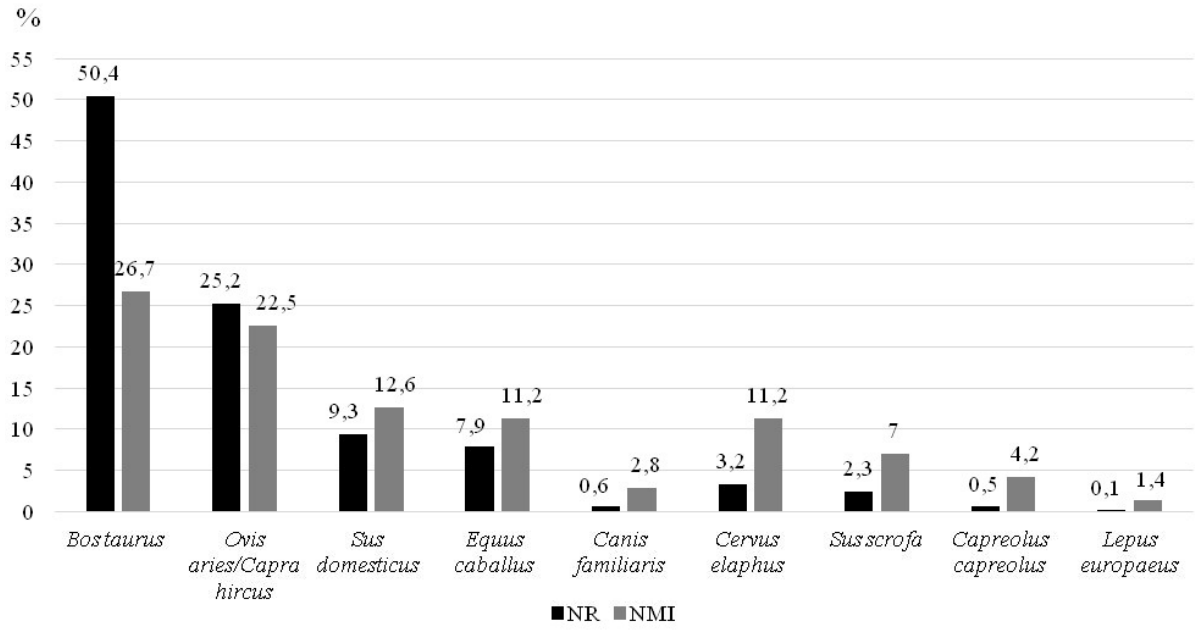


Fig. 2. Frecvenţa relativă a speciilor de mamifere identificate.

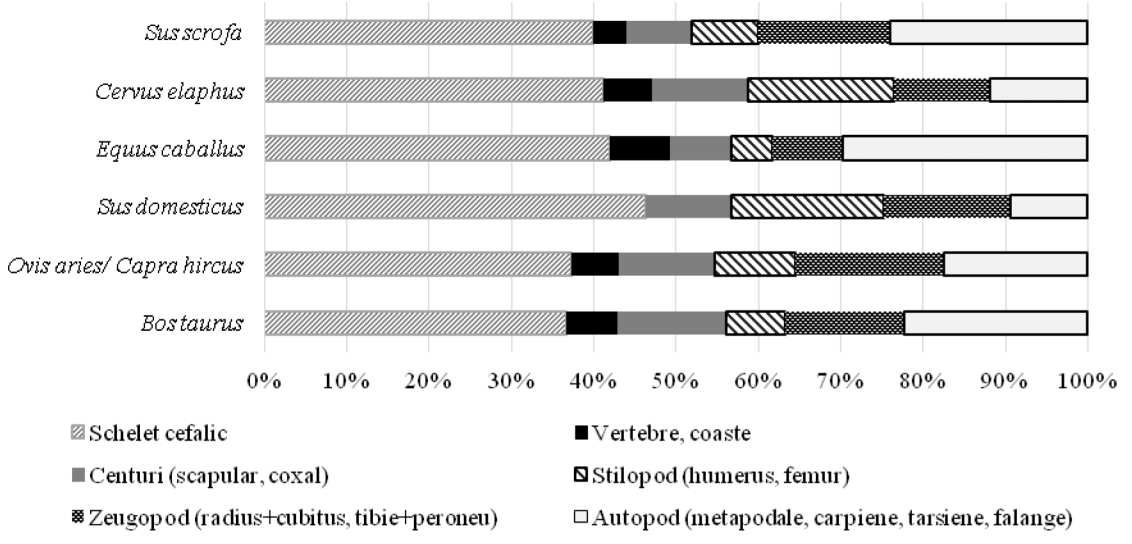


Fig. 3. Distribuţia resturilor de mamifere pe regiuni corporale.

bovinele (circa 50% NR şi 27% NMI). Urmează ca frecvenţă grupul oaie/capră, cu circa 25% NR şi 23% NMI. La o distanţă relativ mai mare, următoarele două specii domestice ca frecvenţă, dar apropiate între ele, sunt porcul (circa 9% NR şi 13% NMI) şi calul (circa 8% NR şi 11% NMI). Specia domestică identificată cu cea mai scăzută frecvenţă este câinele, cu circa 0,7% NR şi 3% NMI.

Urmărind distribuţia anatomică a fragmentelor scheletice aparţinând bovinelor, ovicaprinelor, porcului şi calului, se constată prezenţa tuturor regiunilor corporale sugerând că tranşarea animalelor se realiza în incinta aşezării (fig. 3). Frecvenţa regiunilor corporale variază de la o specie la alta, în funcţie de fragmentarea şi păstrarea diferenţiată a elementelor scheletice.

În ceea ce priveşte vârsta de sacrificare a mamiferelor domestice, aceasta variază de la o specie la alta, în funcţie de interesul economic principal, iar modelul de gestionare a turmelor apare relativ

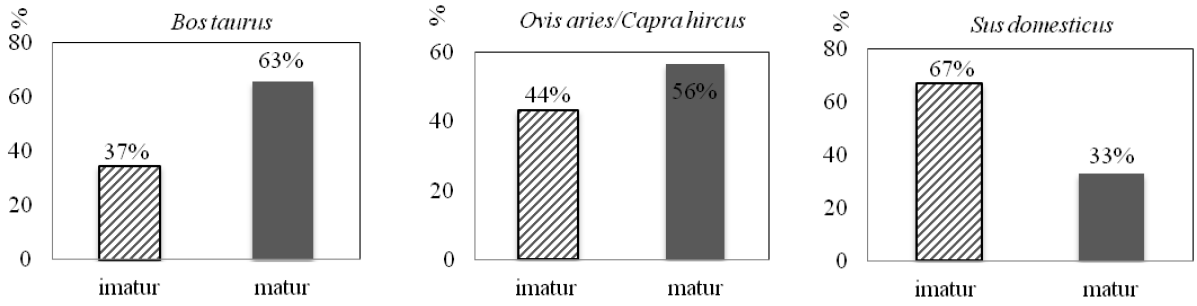


Fig. 4. Frecvenţa indivizilor estimaţi pe vârste de sacrificare la speciile de mamifere domestice.

unitar în cadrul şeptelului (fig. 4). Astfel, bovinele erau sacrificate mai mult ca exemplare mature (în proporţie de 63%, exploatarea lor fiind axată mai ales pe produsele secundare (lapte, forţă de tracţiune, reproducere); ponderea exemplarelor imature, de la care se obţineau produse primare precum carnea, este de 37%. Ovicaprinele apar sacrificate aproape în egală măsură, atât ca exemplare imature (44%) cât şi ca mature (56%), fiind utilizate atât pentru carne şi piele, cât şi pentru lapte, lână. Porcinele erau sacrificate predominant ca imature (67%), pentru carne şi alte produse obţine după tăiere (grăsime, piele).

Vânătoarea. Resturile mamiferelor sălbatice prezintă o frecvenţă redusă, de 6,3% NR şi 24% NMI. Mamiferele sălbatice identificate sunt doar patru: cerbul (*Cervus elaphus*), mistreţul (*Sus scrofa*), căpriorul (*Capreolus capreolus*) şi iepurele de câmp (*Lepus europaeus*). La acestea pot fi adăugate şi păsările neidentificate specific, posibil a fi sălbatice. În ceea ce priveşte preferinţa faţă de vânat, conform cuantificării (Tabelul 1), apar mai frecvente două specii – cerbul şi mistreţul (fig. 2). Analizând distribuţia anatomică a fragmentelor scheletice aparţinând speciilor de vânat cu frecvenţa mai mare (cerbul şi mistreţul), se constată, ca şi cazul speciilor domestice, prezenţa tuturor regiunilor corporale sugerând acelaşi tipar de comportament – tranşarea animalelor şi distribuţia carcaselor în incinta aşezării (fig. 3).

Pescuitul este foarte slab reprezentat, fiind identificate doar două resturi aparţinând somnului (*Silurus glanis*). Este posibil ca această resursă economică să fi contat foarte puţin în economia locală a comunităţii, dar trebuie considerată şi subevaluarea specifică siturilor în care nu se practică cernerea sedimentelor pentru recuperarea resturilor faunistice.

Consideraţii finale

Având în vedere rezultatele studiului arheozoologic din prezenta lucrare, putem considera comunitatea Epocii Bronzului târziu de la Crasnaleuca, drept una de păstori axaţi pe creşterea şi exploatarea mixtă a turmelor de cornute mari (bovine) şi mici (ovicaprine), atât pentru carne cât şi pentru produsele secundare. Ponderea scăzută a porcului domestic poate fi interpretată ca un indicator al mobilităţii comunităţii pentru păstorit. Cantitatea de carne pentru alimentaţie era suplimentată, de asemenea, din alte surse domestice (carne de porc, carne de cal), dar şi prin vânătoare, probabil ocazională, şi foarte rar cu peşte.

Eşantionul de resturi faunistice de la Crasnaleuca, alături de determinările arheozoologice din alte situri similare, precum cele de la Piatra Neamţ (jud. Neamţ) (Haimovici 1964), Dochia (jud. Neamţ) (Bejenaru, Stupu 2001), Valea Lupului (jud. Iaşi) (Haimovici 1963), Bârlad (jud. Vaslui) (Haimovici 1964), Cavadineşti (jud. Galaţi) (Haimovici 1983), Gârbovăţ (jud. Galaţi) (Haimovici 1991), Rateşu Cuzei (jud. Iaşi) (Ionescu-Rusu, Brăileanu 1979), Poşta-Elan (jud. Vaslui) (Haimovici 2006), Drăgeşti (jud. Vaslui) (Haimovici 1985), completează imaginea privitoare la strategiile economice ale comunităţilor bronzului târziu în ceea ce priveşte mai ales creşterea animalelor şi vânătoare.

Mulţumiri

Cercetarea s-a desfăşurat în cadrul unui grant oferit de Ministerul Cercetării şi Inovării din România – CNCS-UEFISCDI proiect numărul PN-III-P4-ID-PCE-2016-0852 (în PNCDI III).

Bibliografie

Bejenaru, Stupu 2001: L. Bejenaru, M. Stupu, Aspecte arheozoologice privind comportamentul ocupaţional al populaţiei de cultură Noua din zona depresiunii Cracău-Bistriţa. Natura şi Omul, 2001, 103-109.

Brudiu 1979: M. Brudiu, Cercetări arheologice de teren la Crasnaleuca şi Cotu Miculinţi. Hierasus II, 1979, 85-96.

Dascălu 1994: L. Dascălu, Şantierul arheologic Crasnaleuca (Botoşani). In: Cronica cercetărilor arheologice din România. Campania 1993 (Satu Mare 1994), 19-20.

Dascălu 1995: L. Dascău, Crasnaleuca. In: Cronica cercetărilor arheologice din România. Campania 1994 (Cluj-Napoca 1995), 26-27.

Dascălu 2007: L. Dascălu, Bronzul mijlociu şi târziu în Câmpia Moldovei (Iaşi 2007).

Haimovici 1963: S. Haimovici, Resturi de faună descoperite în aşezarea de la Valea Lupului-Iaşi, aparţinând culturii Noua (epoca Bronzului). Comunicări de Geologie-Geografie 2, 1963, 171-179.

Haimovici 1964: S. Haimovici, Studiu asupra resturilor de faună descoperite în aşezările aparţinând culturii Noua de la Bârlad şi Piatra Neamţ. ArhMold II-III, 1964, 217-236.

Haimovici 1983: S. Haimovici, Studiul paleofaunei de cultură Noua descoperită în staţiunea de la Cavadineşti (jud. Galaţi). Carpica XV, 1983, 97-103.

Haimovici 1985: S. Haimovici, Studiul materialului paleofaunistic din aşezarea de tip Noua de la Drăgeşti (jud. Vaslui). Thraco-Dacica VI/1-2, 1985, 161-167.

Haimovici 1991: S. Haimovici, Materialul faunistic de la Gârbovăţ. Studiu arheozoologic. ArhMold XIV, 1991, 153-166.

Haimovici 2006: S. Haimovici, Studiul materialului faunistic descoperit în situl de cultură Noua de la Poşta-Elan (jud. Vaslui), corelat cu cel găsit în alte situri. ArhMold XXIX, 2006, 223-234.

Ionescu-Rusu, Brăileanu 1979: V.E. Ionescu-Rusu, M. Brăileanu, Studiul resturilor faunistice descoperite în aşezarea de la Rateşu Cuzei aparţinând culturii Noua (Epoca bronzului). Cercetări Arheologice III, 1979, 77-86.

László 2006: A. László, Über die Beziehungen, die kulturelle und chronologische Lage der Bronzefunde vom Typ Ópály-Uriu-Drajna de Jos-Lozova-Pobit Kamăk. In: (Hrsg. J. Kobal) Bronzezeitliche Depotfunde. Problem der Interpretation. Materialen der Festkonferenz für Tivodor Lehoczky zum 175. Geburtstag, Užhorod, 5-6 Oktober 2005 (Užhorod 2006), 126-143.

László 2011: A. László, Unele probleme ale epocii bronzului din regiunile est-carpatice. Observaţii pe marginea unei cărţi recente. ArhMold XXXIV, 2011, 261-269.

Motzoi-Chicideanu, Gugiu 2001-2002: I. Motzoi-Chicideanu, D. Gugiu, Un mormânt din epoca bronzului descoperit la Cârlomăneşti, jud. Buzău. SCIVA 52-53, 2002, 5-41.

Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976: Al. Păunescu, P. Şadurschi, V. Chirica, Repertoriul arheologic al judeţului Botoşani, vol. I (Bucureşti 1976).

Udrescu, Bejenaru, Hrişcu 1999: M. Udrescu, L. Bejenaru, C. Hrişcu, Introducere în arheozoologie (Iaşi 1999).

Animal Resources in the Economy of the Noua Culture (Bronze Age) Communities: case study on the settlement at Crasnaleuca (Botosani County, Romania)

Keywords: Bronze Age, Noua Culture, paleoeconomy, archeozoology, animal husbandry, hunting, Crasnaleuca, Romania.

Abstract: During the excavations carried out in 1992-1994 at Crasnaleuca settlement (Botosani County, Romania) were found materials coming from the Bronze Age (Noua Culture). The archaeozoological sample consists of 2656 remains, of which four belong to the birds, two to the fish, and the rest to the mammals (2650). The presence of mammal remains illustrates two important activities of the Crasnaleuca population: hunting and animal husbandry. Most of the mammals remains belong to the domestic species (93.7%); in this group, cattle (*Bos taurus*) has the highest representation (50.4% of the identified mammal remains), followed by sheep/goat (*Ovis aries/Capra hircus*) – 25.3% and pig (*Sus domesticus*) – 9.3%. Other identified species of domestic mammals are horse (*Equus caballus*) and dog (*Canis domesticus*). Wild mammal remains do not have a significant frequency (6.3%), which indicated that hunting was not an important occupation for the inhabitants at Crasnaleuca. Identified species are red deer (*Cervus elaphus*), wild boar (*Sus scrofa*), roe deer (*Capreolus capreolus*), hare (*Lepus europaeus*); red deer and wild boar have the highest proportion in the group of wild mammals.

List of illustrations:

Fig. 1. Localisation of the Noua Culture settlement at Crasnaleuca.

Fig. 2. Relative frequency of identified mammal species.

Fig. 3. Distribution of mammal remains by corporal regions.

Fig. 4. Frequency of the slaughter ages for the mammal species.
Table 1. Quantification of the faunal remains.

Ресурсы животного мира в хозяйстве общин культуры Ноуа (бронзовый век): тематическое исследование поселения в Красналеуке (уезд Ботошань, Румыния)

Ключевые слова: бронзовый век, культура Ноуа, палеоэкономика, археозоология, животноводство, охота, Красналеука, Румыния.

Резюме: Во время археологических раскопок, проводившихся в период 1992-1994 годов на памятнике Красналеука (уезд Ботошань, Румыния), были собраны материалы, относящиеся к бронзовому веку (культура Ноуа). Археозоологические образцы содержат 2656 останков, из которых 4 принадлежат птицам, 2 рыбам и остальные млекопитающим (2650). Наличие останков млекопитающих свидетельствует о двух важных занятиях населения, проживавшего на территории Красналеуки: охоте и животноводстве. Большинство останков млекопитающих принадлежат домашним видам (93,7%); в этой группе крупный рогатый скот (*Bos taurus*) имеет наибольший процент (50,4% идентифицированных останков млекопитающих), за ним следуют овцы/козы (*Ovis aries/Capra hircus*) – 25,3% и свиньи (*Sus domesticus*) – 9,3%. Другие идентифицированные виды домашних млекопитающих – это лошадь (*Equus caballus*) и собака (*Canis domesticus*). Останки диких млекопитающих встречаются реже (6,3%), что указывает на то, что охота не являлась основным занятием жителей Красналеуки. Были идентифицированы следующие виды диких млекопитающих: олень (*Cervus elaphus*), кабан (*Sus scrofa*), косуля (*Capreolus capreolus*), заяц-русак (*Lepus europaeus*); у оленя и дикого кабана самая высокая доля в группе диких млекопитающих.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение поселения культуры Ноуа в Красналеуке.

Рис. 2. Относительная частота идентифицированных видов млекопитающих.

Рис. 3. Распределение останков млекопитающих по частям тела.

Рис. 4. Оценка количества особей домашних млекопитающих по возрасту убоя.

Табл. 1. Количественная оценка фаунистических останков.

12.03.2018

Dr. Simina Margareta Stanc, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, Iaşi, România, e-mail: simina.stanc@uaic.ro

Dr. Vasile Diaconu, Muzeul de Istorie şi Etnografie, Târgu Neamţ, România, e-mail: diavas_n82@yahoo.com

Dr. Luminiţa Bejenaru, Centrul de Cercetări Antropologice „Olga Necrasov”, Academia Română-Filiala Iaşi, Iaşi, România; Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, Iaşi, România, e-mail: lumib@uaic.ro

ПОСЕЛЕНИЯ, СТОЯНКИ И КЛАДЫ СТЕПНОГО ПОБУЖЬЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (материалы к археологической карте)

Виктор Гребенников

Ключевые слова: поселения, стоянки, памятники, Южный Буг, поздняя бронза.

Памятники эпохи поздней бронзы занимают важное место в изучении древней истории Степного Побужья. В настоящее время на данной территории они исчисляются тысячами. В первую очередь это курганы и погребения, а также поселения, стоянки, клады и городища. И если сами курганы изучены довольно хорошо (только на Николаевщине их раскопано около 700, давших до 2 тыс. погребений), то среди сотен поселений этого периода исследованы, в большей или меньшей степени, лишь несколько десятков. Тем не менее, ряд исследователей уже пытались обобщить накопленный материал (Шарафутдинова 1982; Березанская и др. 1986; Черняков 1985; Клюшинцев 1995; Ванчугов 1990; Шапошникова 1992).

В этой работе мы постарались собрать наиболее полные сведения о количестве поселений эпохи поздней бронзы в Степном Побужье, не увлекаясь их подробным описанием, т.к. оно уже имеется в указанных нами отчетах и публикациях.

В книгу включены все поселения, стоянки и клады эпохи поздней бронзы, открытые в Степном Побужье (на Николаевщине) к 2018 году и хоть в какой-то мере зафиксированные в научных источниках.

Найденные археологами поселения в большинстве своем обследованы очень предварительно, часто даже без шурфовки. Определением их культурно-временной принадлежности служит иногда несколько невыразительных фрагментов лепной керамики. В этой связи у нас вызывают сомнения поселения «скифской культуры», открытые во второй половине 50-х гг. по берегам рек Южный Буг и Ингул. Там же были зафиксированы и памятники «неопределенного периода» (Елагина, Погребова 1959, 23; Погребова, Кондрацкий 1960, 75-76). Практический опыт последующего исследования этих объектов подсказывает нам, что часть этих поселений при более тщательном изучении можно будет отнести к эпохе поздней бронзы. Также некоторые исследователи относили открытые ими памятники просто к эпохе бронзы, не уточняя их датировку и культурную принадлежность. Мы, не будучи знакомыми с этими материалами, не решились включать их в наш список.

В итоге хотелось бы отметить, что мы не пытаемся оспаривать культурную принадлежность открытых поселений у их первооткрывателей, т.к. точно установить её могут лишь раскопки. В наших списках памятников культурная принадлежность оставлена такой, какую дали ей специалисты, обследовавшие объект.

Различная степень изученности памятников дала нам и разный уровень информации о них. К сожалению, о некоторых из них сведений имеется минимум, к тому же не всегда достоверных.

***

Поселения сабатиновской культуры располагались на низких, пологих, иногда обрывистых берегах рек, обводнённых балок, лиманов, часто на мысах или у края плато. Большинство поселений находится не на берегах больших рек, а возле небольших речек-притоков и балок, где протекают ручьи. Места их расположения удобны для проживания. Это пологие склоны и террасы с плодородным грунтом и возле воды. Места сабатиновских поселений часто совпадают с земледельческими поселениями других эпох: трипольскими, античными, черняховскими, современными. Очень редко поселения расположены далеко от воды в глухой степи (Балабановка VII). Носители сабатиновской культуры обычно стро-

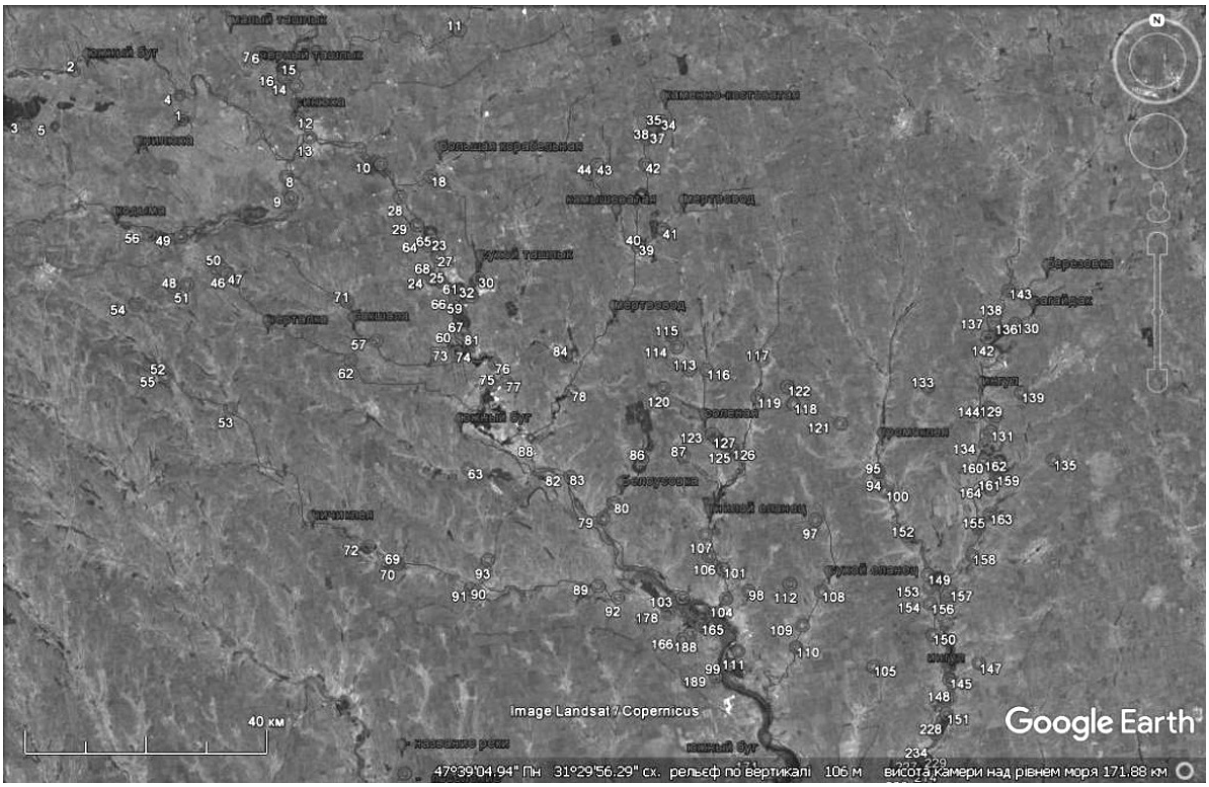


Рис. 1. Карта поселений эпохи поздней бронзы в Степном Побужье (северная часть). Номера поселений на карте соответствуют номерам поселений в тексте.

или свои жилища на склонах, защищённых от холодного северного ветра.

Многие поселения расположены довольно близко друг к другу, а количество их в ряде районов немного уступает количеству современных населённых пунктов. Расстояние между поселениями от 1,5 до 10 км. Отдельные «белые пятна» на карте можно объяснить тем, что эти районы ещё недостаточно обследованы. При изучении системы расположения поселений можно заметить, что они концентрируются отдельными компактными группами от 2 до 10 пунктов. Такие группы хорошо прослеживаются в нижнем течении Ингула и других районах. Всего в Николаевской области зафиксировано более 200 поселений данной культуры (Клюшинцев 1997, 49).

Небольшие и близко расположенные поселения составляли в древности одну социально-хозяйственную единицу, в которой были значительные свободные пространства между группами жилищ и хозяйственных комплексов. Здесь уместно предположить существование своеобразной хуторской системы (Клюшинцев 1997а, 19).

Площадь поселений колеблется в среднем от 0,5 до 6 га, но есть памятники, достигающие площади 20 га (Ташлык I). Большая же часть среди них не превышает площади 2 га. К сожалению, в настоящее время памятники с малой площадью практически не исследованы, поэтому разделить их на постоянные поселения и временные стоянки достаточно сложно. У нас это определение дано очень условно, в основном памятники названы так, как определили их первооткрыватели.

На поселениях этого периода встречаются слои, свидетельствующие о том, что они существовали и в переходное время. Так, со слоем КМК известны сабатиновские памятники Кременчук, Пересадовка, со слоем белозерской культуры – Новогригорьевка I, Ташлык V.

Постройки были многокамерные или однокамерные, наземные или углублённые в землю, сооружались с применением камня, бута и глины. Камень и глину добывали недалеко от поселений в обрывах берегов рек. Из камня сооружали обычно нижнюю часть стены, верхнюю из самана, бута и глины, реже дерева. Многокамерные комплексы представля-

Рис. 2. Карта поселений эпохи поздней бронзы в Степном Побужье (южная часть). Номера поселений на карте соответствуют номерам поселений в тексте.

ли собой часто неправильной формы многоугольники, с общими стенами, но с самостоятельными входами с улиц.

Относительно хорошая изученность отдельных поселений даёт возможность исследователям разделить их на периоды существования. К раннесабатиновским относят памятники Орлянские хутора, Новорозановка I, Варваровка II, Синюхин Брод и часть поселения Пересадовка. Поселения среднего периода: Новорозановка II, Ташлык I. К позднесабатиновским относятся Забары, Станиславчик, Ташлык V, Виноградный Сад I, Новогригорьевка I и Гулеватское I.

В отличие от поселений сабатиновской культуры, которых в Северном Причерноморье насчитывается около 1000, памятников белозёрской культуры обнаружено значительно меньше (Клюшинцев 1997а, 20). Всего по региону – несколько десятков объектов. Топография их в основном совпадает с поселениями сабатиновской культуры. За исключением того, что белозёрские поселения расположены преимущественно на плато и на высоких мысах долин рек и балок. Также не наблюдается резких изменений в характере домостроительства, хотя каменное домостроение, распространённое на сабатиновском этапе, менее характерно для поселений белозёрского периода. Преобладающим типом жилищ были землянки и полуземлянки (Ванчугов 1990, 23). Жилища шли в ряд вдоль берега. Среди них преобладали постройки квадратной или овальной формы. На поселениях также встречаются ямы диаметром до 2 м и глубиной до 1 м, и располагались они вне пределов жилищ. Возможно, они исполняли функцию погребов (Березанская и др. 1986, 125-126). В Степном Побужье известно более десятка поселений этой культуры.

***

Первые поселения эпохи поздней бронзы в Степном Побужье отрыты директором НКМ Каминским Ф.Т. в 1925-31 гг. Руководимой им группой было найдено несколько поселений этого периода по берегам Южного Буга и Бугского лимана, хотя точной их временной принадлежности он тогда не определил (Каминский 1926).

В 1930-32 гг. БАЭ проведена разведка по обоим берегам реки, на участке от г. Первомайска до с. Александровка. В результате было открыто и частично обследовано несколько поселений эпохи бронзы, которые были отнесены уже к различным периодам. Также были проведены небольшие раскопки на открытом памятнике на скале Кременчук (Козубовський 1933).

В дальнейшем на протяжении более 20 лет исследования поселений эпохи бронзы носили эпизодический характер.

С середины 50-х годов начался второй этап исследования. ИА АН УССР, ОАМ и ИА АН СССР проводят разноплановые археологические разведки в разных районах Побужья. В ходе них фиксировались и поселения эпохи бронзы (Сымонович 1950; Славин 1956; Єсипенко 1956; Рыбалова 1978).

В этот период Скифская степная экспедиция ИИМК АН СССР и МГУ провела разведки: по берегам р. Ю. Буг от г. Вознесенска до г. Николаева (Елагина 1957) и вдоль р. Ингул от с. Софиевка до г. Николаева (Елагина, Погребова 1959). В ходе них открыты и обследованы десятки поселений бронзового века. Также проведены раскопки на поселении Пересадовка (Погребова 1960). Кроме этого, результативные разведки были проведены ОАМ по р. Кодыма и в некоторых других районах области (Гаркуша 1959; Патокова 1960).

Через десять лет начался еще более значительный этап в исследованиях памятников эпохи бронзы. Проходил он в связи с началом строительства больших оросительных систем, на территориях, примыкающих к Южному Бугу. Для разведок и раскопок археологических объектов в ИА АН УССР были созданы две новостроечные экспедиции Ингульская и Южнобугская. Сотрудники Ингульской экспедиции осуществили в 1966-69 гг. обследование среднего течения р. Ингул и провели там раскопки двух поселений у с. Новорозановка (Шапошникова, Неприна 1977; Шарафутдинова 1968).

В 1969 г. Нижнеконстантиновский отряд экспедиции ИА АН УССР, в связи с проектированием строительства водохранилищ, провел новую разведку в долине р. Ю. Буг, практически по маршруту экспедиции БАЭ. В ходе неё были обследованы уже известные и зафиксированы новые поселения позднего бронзового века (Збенович 1972).

Южнобугская экспедиция провела разведку на участках низовий р. Чичиклеи.

В середине 70-х гг. много поселений по берегам лиманов открыла Ольвийская периферийная экспедиция ИА АН УССР. Проводя поиск античных памятников в Николаевском и Очаковском районах, её сотрудники попутно зафиксировали ряд объектов поздней бронзы (Бураков и др. 1976; Бураков, Буйских 1976а; Бураков, Буйских 1977). В это же время поиск древнегреческих поселений на правом берегу Бугского лимана проводил В.В. Рубан. Наряду с античными, он открыл и несколько поселений поздней бронзы (Рубан 1975; Рубан 1978).

С начала 60-х в течение 10 лет левый берег Бугского лимана обследовал В.Н. Клюшинцев. В результате его поисков было открыто несколько поселений и много стоянок различных культур бронзового века (Клюшинцев 1971; Клюшинцев 1973).

В 1974 г. Ингульская экспедиция провела раскопки поселений у сёл Новогригорьевка (Шапошникова 1974) и Гулеватское. Со второй половины 70-х гг. эта экспедиция начала раскопки поселений в районе сооружения водохранилищ Южноукраинской АЭС. За 30 лет работы здесь был исследован комплекс памятников у сёл Щуцкое (Фоменко и др. 1997), Виноградный Сад (Шарафутдинова 1988), Кременчук (Фоменко 1997), Бугское (Клюшинцев 1993), у скалы «Пугач», а также в Ташлыкской балке (Шапошникова 1992). В настоящее время эта экспедиция в районе Ташлыкской ГАЭС исследует многослойные поселения Лидына Балка (Фоменко, Требух 2010) и Гард (Фоменко и др. 2009).

Помимо этого, Ингульская экспедиция в 1985 г. провела раскопки поселения Балабановка VII (Фоменко, Клюшинцев 1987).

Со второй половины 60-х гг. в работу по исследованию поселений позднего бронзового века включается экспедиция НКМ. Сначала это были разведки. Но уже в 1968 г. были проведены раскопки поселений возле с. Сухая Балка и Авдотиевка (Никитин 1971), позднее у с. Баловное (Никитин 1988; Гаврилов, Гребенников 2004).

В 1986-87 гг. началась подготовка к изданию Свода памятников истории и культуры УССР (том «Николаевская область»), давшая возможность обследовать в большей или меньшей степени все районы Николаевщины. Эти разведки позволили нанести на археологическую карту Побужья новые памятники поздней бронзы (Снытко, Гребенников 1986; Снытко, Гребенников 1987).

В 1997 г. экспедицией НГУ были проведены небольшие раскопки на поселении Балабановка I (Требух 2006).

В начале XXI века сотрудники ГИОПК провели разведки в ряде районов области, в результате которых было открыто несколько поселений и стоянок (Лобко, Снитко 2004).

Огромное значение в изучении финального этапа эпохи поздней бронзы играют раскопки городища Дикий Сад. Его системное исследование начали сотрудники экспедиции НГПИ в 1991 г., и оно продолжается до настоящего времени (Горбенко, Гребенников 2007).

С 2008 г. отряд экспедиции НИЦ «Лукоморье» при ННУ начал проводить раскопки поселения сабатиновской культуры Розановка I (Філатов 2013).

Список памятников[1]

Реки: Гнилюха - Кодыма - Малый Ташлык - Синюха - Южный Буг

1. Великая Мечетня I. Стоянка находится в 1 км на юг от с. Великая Мечетня, на плато правого берега р. Гнилюха. Открыто И.А. Снытко в 2004 г. Площадь 0,8 га. Собраны фрагменты лепной керамики. Датируется эпохой поздней бронзы (Снитко 2004, 9).

2. Красненькое II. Поселение находится в северной части с. Красненькое, на высоком правом берегу р. Ю. Буг. Открыто экспедицией НКМ в 1966 г. Площадь 0,5 га, культурный слой до 0,8 м. Датируется эпохой поздней бронзы (Архив В.И. Никитина).

3. Михалково. Поселение расположено в 3 км от с. Михалково, на левом склоне обводненной балки. Открыто экспедицией ОАМ в 1955 г. Площадь 1,6 га, культурный слой 0,7 м. Собраны обломки лепной посуды. Датируется эпохой поздней бронзы (Патокова 1960, 134).

4. Терноватое. Поселение находится в 0,5 км на юг от с. Терноватое, на склоне плато правого берега р. Ю. Буг. Выявлено экспедицией НКМ в 1966 г. Площадь примерно 1 га, культурный слой до 0,5 м. Датируется эпохой поздней бронзы (Архив В.И. Никитина).

5. Клад. Обнаружен в 1,5 км на северо-запад от с. Курячьи Лозы, в 500 м от дороги Киев-Одесса. Находился в круглой яме диаметром до 50 см, на глубине 0,3 м от поверхности. Состоял из 22 кельтов, долота, 2 серпов, 2 боевых топоров и 5 слитков бронзы. Датируется культурой Ноа и сабатиновской культурой (Никитин, Черняков 1985).

6. Ермолаевка I. Поселение находится в 500 м на восток от с. Ермолаевка, на склоне плато северного берега р. Малый Ташлык. Открыто Ингульской экспедицией в 1972 г. Площадь около 2 га. Датируется эпохой поздней бронзы (Рыбалова 1978, 65-66).

7. Ермолаевка II. Поселение расположено на западной окраине с. Ермолаевка, в верховьях ручья, впадающего в р. Малый Ташлык. Открыто отрядом Правобережно-Днепровской экспедиции ЛГУ в 1955 г. Площадь 0,5 га, культурный слой 0,25 м. В разведочных шурфах обнаружена линейная каменная кладка. Лепная керамика представлена горшками, черпаками и банками с валиковым орнаментом. Датируется сабатиновской культурой (Гребенников, Яценко 2014а, 31).

8. Забары. Поселение расположено на южной окраине с. Конецполь, на левом пологом берегу р. Кодыма, в 5 км на юго-запад от места впадения ее в р. Ю. Буг. Открыто и исследовано в 1988 г. экспедицией НКМ (рук. В.И. Никитин). Площадь 3 га, культурный слой 0,3-0,5 м. Вскрыт участок в 224 м². Найдены хозяйственные ямы, 176 фрагментов лепной керамики, кости животных (КРС, МРС, конь, свинья), каменные орудия (растиральники, пестик, кирочка, навершие булавы), бронзовое шило и два костяных конька. Среди керамики преобладают большие и маленькие горшки, банки, глубокие миски с лощеной поверхностью, кубки и миниатюрные банки. Орнаментированы они валиками с насечками и пальцевыми вдавлениями. На одном фрагменте прочерчена горизонтальная линия с насечками в разные стороны. Венчики, как

[1] В него включены объекты, расположеные в бассейне р. Южный Буг от северной границы Николаевской области до устья Бугского лимана.

правило, прямые, иногда слегка отогнуты наружу. Датируется поздним этапом сабатиновской культуры (Нікітін, Требух 2006).

9. Каменный Мост I. Поселение расположено в 1 км на юго-восток от с. Каменный Мост, на первой надпойменной террасе правого берега р. Кодыма. Открыто экспедицией НКМ в 1986 г. Площадь 0,5 га, культурный слой 0,3-0,8 м. Собрано 17 фрагментов лепной посуды, куски глиняной обмазки, ладьевидная зернотёрка и кости животных. Датируется черняховской культурой и эпохой поздней бронзы (Снытко, Гребенников 1986).

10. Курипчино II. Поселение находится в 1,8 км на юго-запад от с. Курипчино, на южном пологом склоне балки, выходящей к левому берегу р. Ю. Буг. Открыто Нижнеконстантиновским отрядом в 1969 г. Площадь 1 га, культурный слой 2 м. Датируется поздней бронзой и ИКК (Збенович 1972).

11. Новопавловка II. Стоянка находится в 4 км на север от с. Новопавловка, на пологом склоне правого берега р. Черный Ташлык. Открыта Ингульской экспедицией в 1977 г. Площадь 1 га. Датируется поздней бронзой (Шапошникова 1977).

12. Орлянские хутора. Поселение находится в северной части г. Первомайска, на краю надпойменной невысокой террасы левого берега р. Синюха. Вытянуто вдоль берега. Открыто отрядом Правобережно-Днепровской экспедиции ЛГУ в 1955 г. Площадь 0,35 га. Найдена лепная керамика со следами сглаживания с лепными и оттянутыми валиками расчлененными вмятинами, а также псевдошнуровым орнаментом. Датируется поздним этапом КМК и раннесабатиновским периодом (Рыбалова 1978, 61-62).

13. Первомайск II. Поселение находится на территории городского парка возле автомобильного моста, на надпойменной террасе правого берега р. Ю. Буг. Открыто БАЭ в 1930 г. Памятник многослойный: черняховская культура, поздняя бронза, неолит, мезолит (Козубовський 1933).

14. Синюхин Брод I. Поселение расположено на юго-восточной окраине с. Синюхин Брод, на плато левого берега р. Синюха. Открыто БАЭ в 1930 г. Обследовано экспедицией НКМ в 1986 г. Площадь примерно 2 га, культурный слой 0,3 м. На поверхности присутствуют камни. Поселение двухслойное: средневековье (остатки укреплений в виде холма) и поздняя бронза (Архив Р.В. Кучерявого).

15. Синюхин Брод II. Поселение находится на территории с. Синюхин Брод, на склоне террасы левого берега р. Синюха, на огородах крестьян. Открыто отрядом Правобережно-Днепровской экспедиции ЛГУ в 1955 г. Культурный слой 0,3 м. В разведочном раскопе обнаружен земляной пол жилища и небольшой очажок. Керамика лепная, есть с лощением. Горшковидные и баночные сосуды с овальными ручками-упорами. Орнаментированы валиками различных видов. Датируется раннесабатиновским периодом (Рыбалова 1978, 62-65).

16. Станиславчик. Поселение расположено на склоне балки впадающей р. Малый Ташлык. Открыто отрядом Правобережно-Днепровской экспедиции ЛГУ в 1955 г. Культурный слой разрушен. Лепная посуда заглажена и подлощена с валиковым орнаментом. Датируется позднесабатиновским этапом (Рыбалова 1978, 66-67).

17. Станислвчик III. Поселение расположено в центре с. Станиславчик, на левом склоне балки реки Малый Ташлык, который является правым притоком р. Синюха. Открыто БАЭ в 1930 г. Площадь 1,2 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Поселение двухслойное: черняховская культура и поздняя бронза (Козубовський 1933).

Реки: Большая Корабельная - Мазница - Каменно-Костоватое - Камышеватая - Мертвовод - Южный Буг

18. Благодатное I. Поселение расположено в 200 м на юг от с. Благодатное, на склоне левого берега р. Б. Корабельная. Открыто в 1969 г. Нижнеконстантиновским отрядом экспедиции ИА АН УССР (рук. В.Г. Збенович). Площадь поселения 0,5 га, культурный слой 0,5 м. Проведена шурфовка, на основании которой памятник датируется эпохой поздней бронзы (Збенович 1972).

19. Бугское I. Поселение расположено в 500 м на северо-запад от с. Бугское на второй надпойменной террасе левого берега р. Ю. Буг (сейчас затоплено). Открыто БАЭ в 1931 г. (рук. Ф.А. Козубовский). Повторно обследовано Нижнеконстантиновским отрядом в 1969 г. Раскапывалось Ингульской экспедицией в 1986-92 гг. (рук. О.Г. Шапошникова). Пло-

щадь 1,5 га, культурный слой достигает 0,5 м. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1993).

20. Бугское II. Поселение расположено в 500 м на север от с. Бугское на первой надпойменной террасе левого берега р. Ю. Буг (сейчас затоплено). Открыто БАЭ в 1931 г. Повторно обследовано Нижнеконстантиновским отрядом в 1969 г. Площадь поселения 1,5 га, культурный слой достигает 0,5 м. Вскрыта площадь 9000 м². Раскапывалось Ингульской экспедицией одновременно с поселением Бугское I. Найдены остатки помещений полуземляночного типа, фрагменты керамики и др. артефакты. Поселение датируется катакомбной, бабинской и сабатиновской культурами (Клюшинцев 1993).

21. Бугское IV. Поселение расположено в 450 м на север от с. Бугское на второй надпойменной террасе левого берега р. Ю. Буг (сейчас затоплено). Открыто экспедицией БАЭ в 1931 г. Площадь поселения 1,5 га, культурный слой до 0,6м. Раскопки проводились Николаевской экспедицией с 1982 по 1998 гг. (рук. В.Н. Клюшинцев). Вскрыта площадь в 2000 м², на которой обнаружены одно- и двухкамерные жилища, построенные из камня и глины. Найдены многочисленные фрагменты керамики и костей животных, а также многочисленные каменные и бронзовые орудия труда. На раскопе №2 исследован так называемый «квартал металлургов» – комплекс помещений, где проводилась обработка и изготовление бронзовых изделий. Здесь же в 1991 г. на глубине 0,6 м в глиняном сосуде найден клад из 13 обломков бронзовых предметов: кельта, кинжала, двух ножей, копья и девяти серпов. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1995; Клюшинцев 1997б).

22. Ивановка I. Поселение расположено на северо-западной окраине с. Ивановка. Открыто Нижнеконстантиновским отрядом в 1969 г. Обследовано Николаевской экспедицией в 1980 г. Площадь поселения 1 га, культурный слой до 1 м. Датируется сабатиновской культурой (Збенович 1972).

23. Ивановка II. Поселение находится в 750 м на юг от с. Ивановка. Открыто Нижнеконстантиновским отрядом в 1969 г. Площадь поселения 0,5 га, культурный слой до 0,5 м. Сделана шурфовка, которая датирует памятник белозерской культурой (Збенович 1972).

24. Константиновка I. Поселение находится на юго-западной окраине с. Константиновка, на первой надпойменной террасе левого берега р. Ю. Буг, по обоим берегам ручья. Открыто БАЭ в 1931 г. Обследовано Николаевской экспедицией в 1980 г. Площадь 2 га, культурный слой до 0,8 м, насыщен золой. В обрыве ручья зачищены остатки хозяйственной ямы. Найдено 25 фрагментов выразительной лепной керамики, кости животных, кремневый скребок. Датируется сабатиновской культурой. (Козубовський 1933).

25. Константиновка II. Поселение расположено в юго-восточной части с. Константиновка, на второй надпойменной террасе левого берега р. Ю. Буг. Открыто БАЭ в 1931 г. Обследовано Ингульской экспедицией в 1980 г. Площадь 1,5 га, культурный слой 0,3 м. Часть поселения разрушена насосной станцией. Обнаружены кости животных и лепная керамика. Датируется эпохой энеолита и поздней бронзы (Козубовський 1933).

26. Константиновка III (Пугач I, II). Поселение находится в 2 км на юг от с. Константиновка на второй надпойменной террасе левого берега р. Ю. Буг, сразу за скалой Пугач (сейчас затоплено). Открыто БАЭ в 1931 г. В этом же году были проведены небольшие раскопки. Раскопки проводились Ингульской (Николаевской) экспедицией в конце 70-х и начале 80-х гг. (рук. О.Г. Шапошникова). Поселение многослойное (неолит, трипольская культура, поздняя бронза). Площадь 1,5 га, слой эпохи бронзы на глубине 0,7 м, насыщен золой и костями (Клюшинцев 1995).

27. Панкратово-Алексеевка. Поселение расположено западнее с. Панкратово, на склоне балки, которая выходит к левому берегу р. Ю. Буг. Открыто Николаевской экспедицией в 1982 г. Этой экспедицией проведены раскопки. Датируется периодом поздней бронзы и черняховской культурой (Клюшинцев 1995).

28. Семеновка II. Поселение находится на северной окраине с. Семеновка на первой надпойменной террасе левого берега р. Ю. Буг. Открыто Нижнеконстантиновским отрядом в 1969 г. Повторно обследовано Николаевской экспедицией в 1980 г. Площадь 1,5 га, культурный слой до 0,5 м. Датируется сабатиновской культурой (Збенович 1972).

29. Семеновка V. Стоянка расположена в 3 км на юг от с. Семеновка, на плато левого бе-

рега р. Ю. Буг. Открыто Нижнеконстантиновским отрядом в 1969 г. Повторно обследовано Николаевской экспедицией в 1980 г. На небольшой площади собран подъёмный материал в виде невыразительных фрагментов лепной керамики. Датируется поздней бронзой (Збенович 1972).

30. Ташлык I. Поселение расположено в 250 м на северо-восток от ЮУ АЭС на левом склоне р. Ташлык (сейчас затоплено). Открыто и исследовано Ингульской экспедицией в 1977-79 гг. Площадь 20 га, культурный слой до 0,3 м. Раскопано 8000 м². Обнаружены остатки прямоугольных каменных строений, расположенных во всю длину поселения в центральной ее части. Ниже по склону имелись отдельные постройки. Всего раскопано 16 строительных комплексов, из них 12 больших прямоугольных помещений с тамбурами у входа. На территории памятника обнаружено много хозяйственных ям. Найдены фрагменты бронзовых предметов: фибулы и браслета; 3 серпа, льячка, сплеск бронзы, шилья, подвески. Поселение специализировалось на скотоводстве, о чём свидетельствует найденная возле самой воды мастерская по обработке костей и шкур животных и изготовлению костяных орудий. Датируется развитым этапом сабатиновской культуры (Клюшинцев 1995).

31. Ташлык II. Стоянка расположена в 3 км на юг от г. Южноукраинска, на надпойменной террасе р. Ташлык (сейчас затоплена). Открыта в 1978 г. сотрудниками Ингульской экспедиции. В 1978-80 гг. В.Н. Фоменко и Н.Д. Довженко провели раскопки. Исследовано временное стойбище племен неолита, среднестоговской, трипольской и раннего и позднего периодов ямной культур, эпохи поздней бронзы (Фоменко и др. 2014).

32. Ташлык IV. Поселение расположено в 3 км на юг от г. Южноукраинска, на южном высоком склоне р. Ташлык, в 1 км от места впадения её в р. Ю. Буг (сейчас затоплено). Открыто и исследовано Ингульской экспедицией в 1978 г. Раскопано более 600 м². Обнаружен большой многокамерный комплекс, с примыкавшими к нему многочисленными пристройками. Кроме лепной керамики и костей животных найден бронзовый кинжал, фрагмент полированного каменного топора и зернотерки. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1995).

33. Ташлык V. Поселение находится в 800 м на северо-восток от поселения Ташлык IV, на крутом склоне р. Ташлык (сейчас затоплено). Открыто и исследовано Ингульской экспедицией в 1978 г. Найдено 5 строительных остатков, вытянутых вдоль склона балки. Они прямоугольные в плане и углубленные в землю. Датируются рубежом сабатиновской и белозерской культур (тудоровский этап) (Клюшинцев 1995).

34. Анновка I. Местонахождение расположено на южной окраине с. Анновка, на надпойменной террасе левого берега р. Мазница. Зафиксировано экспедицией НКМ в 1997 г. Площадь 0,5 га. Собран подъёмный материал в виде фрагментов лепной керамики, костей животных и каменных предметов. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко и др. 1997).

35. Анновка II. Местонахождение расположено в 600 м на юго-запад от с. Анновка, на надпойменной террасе левого берега р. Мазница. Зафиксировано экспедицией НКМ в 1997 г. Площадь 0,75 га. Собрано небольшое количество фрагментов лепной керамики. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко и др. 1997).

36. Анновка IV. Местонахождение находится в 1 км на юго-запад от с. Анновка, на склоне левого берега р. Мазница. Открыто экспедицией НКМ в 1997 г. Площадь 0,35 га. Собрано несколько фрагментов лепной керамики, кости животных, обломок каменной зернотерки. Датируется поздней бронзой (Снытко и др. 1997).

37. Анновка VII. Местонахождение находится в 2 км на юго-запад от с. Анновка, на плато левого берега р. Мазница. Открыто экспедицией НКМ в 1997 г. Площадь 0,75 га. Собрано несколько фрагментов лепной керамики и костей животных. Датируется поздней бронзой (Снытко и др. 1997).

38. Анновка VIII. Местонахождение расположено в 2,5 км на юго-запад от с. Анновка, на склоне левого берега р. Мазница, задернованo. Открыто экспедицией НКМ в 1997 г. Площадь 0,7 га. Собраны фрагменты лепной керамики и костей животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко и др. 1997).

39. Братское I. Поселение находится на северной окраине пгт Братское, на мысу слияния р. Мертвовод и р. Каменно-Костоватое. Открыто сотрудниками НКМ в 1972 г. Собра-

ны фрагменты лепной керамики, кости животных и кремневые отщепы. Датируется эпохой поздней бронзы (Никитин 1986).

40. Братское IV. Местонахождение расположено на северной окраине пгт Братское, на левом берегу р. Каменно-Костоватое в месте слияния ее с р. Мертвовод. Открыто экспедицией НКМ в 1997 г. Площадь 0,5 га. Собрано небольшое количество фрагментов лепной керамики и костей животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко и др. 1997).

41. Каменноватка I. Местонахождение расположено на юго-западной окраине с. Каменноватка, на надпойменной террасе левого берега р. Мертвовод. Зафиксировано экспедицией НКМ в 1997 г. Площадь 1,5 га. Найдены фрагменты лепной керамики, кости животных, болас. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко и др. 1997).

42. Каменно-Костоватое. Местонахождение расположено в 100 м на северо-восток от одноименного села, на склоне правого берега р. Каменно-Костоватая. Открыто экспедицией НКМ в 1997 г. Площадь 0,5 га. Собрано несколько фрагментов лепной керамики. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко и др. 1997).

43. Новомарьевка IV. Поселение расположено на юго-западной окраине с. Новомарьевка, на склоне правого берега р. Камышеватая. Открыто экспедицией НКМ в 1997 г. Площадь поселения 1,4 га, культурный слой 0,8-0,9 м. Памятник многослойный: неолит, поздняя бронза, новое время (Снытко и др. 1997).

44. Обуховка II. Местонахождение расположено на северной окраине с. Обуховка на правом склоне балки, выходящей к правому берегу р. Камышеватая. Открыто экспедицией НКМ в 1997 г. Площадь 1,8 га. Собрано небольшое количество маловыразительных фрагментов лепной керамики. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко и др. 1997).

45. Прищеповка I. Поселение находится на северной окраине с. Прищеповка, на мысу, в пойме левого берега р. Каменно-Костоватая. Открыто сотрудником НКМ Никитиным В.И. в 1986 г. Площадь 12,5 га, культурный слой уничтожен вспашкой. Собраны фрагменты лепной керамики, кости животных и кремневый нуклеус. Датируется эпохой поздней бронзы (Никитин 1986).

Реки: Кодыма - Столбовая - Бакшала - Черталка - Чичиклея - Южный Буг

46. Адамовка I. Поселение расположено в 2 км на север от с. Адамовка, на склоне балки, выходящей к левому берегу р. Бакшала. Открыто разведочным отрядом НКМ в 1986 г. Площадь 0,4 га, культурный слой 0,4-0,5 м. На поверхности много камней (гальки и гранита). Собраны мелкие фрагменты лепной керамики и кремневый скребок. Датируется поздней бронзой (Снытко, Гребенников 1986).

47. Адамовка II. Поселение расположено в 1 км на север от с. Адамовка, на мысу левого склона балки, выходящей к левому берегу р. Бакшала. Открыто отрядом НКМ в 1986 г. Площадь 1,5 га, культурный слой 0,5 м. На поверхности небольшие гранитные камни. Собраны фрагменты лепной керамики, кости животных, фрагменты каменных и костяных орудий и 2 кремневых отщепа. Датируется поздней бронзой (Снытко, Гребенников 1986).

48. Врадиевка I. Поселение находится в 3 км на юго-запад от пгт Врадиевка, на западном склоне балки р. Столбовая левого притока р. Чичиклея. Открыто краеведом В.В. Разумным. Обследовано отрядом НКМ в 1986 г. Площадь 1,6 га культурный слой 0,5-0,8 м. На территории – известняковые камни средних размеров. Найдены фрагменты лепной керамики и кости животных. По словам В.В. Разумного, здесь была найдена литейная форма. Датируется поздней бронзой (Снытко, Гребенников 1986).

49. Врадиевка III. Поселение находится в 2,5 км на северо-запад от пгт Врадиевка, на первой надпойменной террасе правого берега р. Кодыма. Открыто разведочным отрядом НКМ в 1986 г. Площадь 0,6 га, культурный слой перепахан. Собраны фрагменты лепной керамики, каменный растиральник. Датируется поздней бронзой (Снытко, Гребенников 1986).

50. Врадиевка IV. Поселение расположено в 1,5 км на юго-восток от пгт Врадиевка, на правом склоне балки, выходящей к левому берегу р. Бакшала. Открыто отрядом НКМ в 1986 г. Площадь 0,25 га, культурный слой 0,4 м. Собраны фрагменты лепной керамики и кости животных, а также обломок зернотерки. На поверхности небольшие известняковые камни. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко, Гребенников 1986).

51. Врадиевка V. Поселение находится в 2 км на юг от пгт Врадиевка, на склоне древней

балки, выходящей к левому берегу р. Бакшала. Открыто отрядом НКМ в 1986 г. Площадь 1 га. Собраны фрагменты лепной керамики и костей животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко, Гребенников 1986).

52. Каратаево. Местонахождение расположено в 500 м на юг от северной части с. Острогорское, на склоне плато левого берега р. Чичиклеи. Найдены обломки горшков баночной формы. Датировано эпохой поздней бронзы (Патокова 1959, 205).

53. Макеево II. Стоянка расположена на второй и третьей надпойменных террасах правого берега р. Столбовая, в 2 км на северо-запад от с. Макеево. Открыта экспедицией ГИОПК в 2003 г. Площадь 0,8 га. По всей поверхности разбросаны известняковые камни. Собраны фрагменты лепной керамики, каменной зернотерки, кремневые отщепы и болас. На поселении есть керамика черняховской культуры. Датируется поздней бронзой (Лобко, Снитко 2004).

54. Марьяновка I. Поселение расположено в 3 км на север от с. Марьяновка, на правом склоне балки, выходящей к левому берегу р. Чичиклеи. Открыто краеведом Разумным В. В. Обследовано отрядом НКМ в 1986 г. Площадь 0,5 га, культурный слой 0,4 м. Собрано немного фрагментов лепной керамики и костей животных. Также найден фрагмент литейной формы. Датируется поздней бронзой (архив ГИОПК).

55. Острогорское II. Поселение расположено на второй надпойменной террасе левого берега р. Чичиклеи, в 1 км на восток от южной окраины с. Острогорское. Открыто экспедицией ГИОПК в 2003 г. Площадь 2 га. По всей площади встречаются известняковые камни. Собраны фрагменты лепной керамики, кремневые отщепы, фрагменты зернотерки, растиральник. Датируется поздней бронзой (Лобко, Снитко 2004).

56. Сырово I. Поселение расположено в 600 м на северо-запад от с. Сырово, на второй надпойменной террасе правого берега р. Кодыма. Открыто отрядом НКМ в 1986 г. Площадь 0,8 га, культурный слой 0,5 м. Собраны фрагменты лепной керамики, костей животных, кремневый отщеп. Датируется поздней бронзой (Снытко, Гребенников 1986).

57. Викторовка I. Местонахождение расположено в северо-западной части с. Викторовка, на склоне правого берега р. Бакшала. Открыто экспедицией НКМ в 1996 г. Площадь 0,7 га, культурный слой не определен. Собрано немного фрагментов лепной керамики и костей животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников и др. 1997).

58. Виноградный Сад I. Поселение расположено в 800 м на северо-восток от с. Виноградный Сад на высокой террасе правого берега р. Ю. Буг (сейчас затоплено). Открыто БАЭ в 1931 г. Обследовано В.Г. Збенович в 1969 г. Раскопки проводились с 1978 по 2006 гг. Ингульской (Николаевской комплексной) экспедицией. Начальниками раскопов были И.Н. Шарафутдинова, В.Ф. Елисеев, А.М. Балушкин, К.К. Красильников, Н.Т. Товкайло, О.А. Требух и др. Площадь 6 га, культурный слой 0,6-1,8 м. Раскопано более 6000 м². На вскрытых участках выявлено каменное и каменно-глинобитное домостроительство, состоявшее из трех видов жилищ: большие (120-80 м²), средние (50-20 м²) и малые (10-7 м²), прямоугольные в плане. Также найдены хозяйственные постройки, печи, очаги, хозяйственные ямы и др. Собрано большое количество керамической посуды. Много костей домашних и диких животных. Найдены каменные, кремневые и бронзовые орудия. Поселение специализировалось на выращивании зерновых культур. В центре его обнаружен комплекс для просушки и хранения зерна площадью 250 м². Датируется поздним этапом сабатиновской культуры (Шарафутдинова, Балушкин 1997).

59. Виноградный Сад III. Поселение находится в 1,5 км на север от с. Виноградный Сад, на террасе правого берега р. Ю. Буг. Открыто БАЭ в 1931 г. Площадь 0,9 га, культурный слой до 0,5 м. Собраны фрагменты лепной керамики и костей животных. Датируется поздней бронзой (Козубовський 1993).

60. Виноградный Сад V. Поселение расположено в 1,5 км на юг от с. Виноградный Сад, на краю плато правого берега р. Ю.Буг. Открыто экспедицией ОГУ в 1996 г. Культурный слой 0,2-0,5 м. Датируется поздней бронзой (Дзиговский и др. 1997, 38).

61. Гард. Комплекс памятников расположен в 2,5 км на юго-восток от с. Богдановка, на надпойменных террасах правого берега р. Ю. Буг, на так называемом «Гардовом клине». Открыто БАЭ в 1930 г. В этом же и последующем году небольшие раскопки (36 м²) провел

Т. Мовчановский. В 1949 г. обследовано В.Н. Даниленко, в 1980 г. – К.И. Красильниковым, в 1985 г. – Н.Т. Товкайло. Полномасштабные раскопки начались с 2007 г. Культурный слой до 2 м. Общая площадь раскопа около 500 м². Памятник многослойный: поздний мезолит, буго-днестровская, трипольская, среднестоговская, ИКК, бабинская, сабатиновская культуры, римское и новое время. Слой, относящиеся к эпохе поздней бронзы, находится на глубине 0,6-0,7 м. Найдены остатки каменного строения, много артефактов из керамики, камня, кремня, кости. На территории поселения обнаружено погребение эпохи поздней бронзы (Фоменко и др. 2011).

62. Ивановка I-Ф. Местонахождение расположено в 300 м на юг от с. Ивановка (Фрунзовский с/с), на северном склоне балки, выходящей к правому берегу р. Бакшала. Открыто экспедицией НКМ в 1996 г. Площадь 0,4 га. Собрано несколько фрагментов лепных сосудов ранней и поздней бронзы (Гребенников и др. 1996).

63. Козубовка (Глюгово I). Поселение расположено в 2,5 км на восток от с. Козубовка и 0,5 км на север от с. Глюгово, на мысе выходящего в пойму северного берега р. Черталка. Открыто И.А. Снытко в 2013 г. Площадь 1,5 га. На поверхности видны известняковые камни. Собраны невыразительные фрагменты лепной керамики. Датируется эпохой поздней бронзы (архив ГИОПК).

64. Куйбышевка I. Поселение расположено в 3 км на север от с. Бугские Пороги, на высоком правом берегу р. Ю. Буг. Открыто Нижнеконстантиновским отрядом в 1969 г. Площадь 2 га, культурный слой 0,3-0,4 м. Датируется эпохой поздней бронзы (Збенович 1972).

65. Куйбышевка II. Поселение расположено в 2,5 км на север от с. Бугские Пороги, на плато правого берега р. Ю. Буг. Открыто Нижнеконстантиновским отрядом в 1969 г. Площадь 1 га, культурный слой 0,3-0,4 м. Поселение двухслойное – средневековье и поздняя бронза (Збенович 1972).

66. Лидына Балка. Комплекс памятников расположен в 3,5 км на юго-восток от с. Богдановка, в устье Лидыной балки. Открыто Николаевской экспедицией в 2007 г. Раскопки проводятся сотрудниками этой экспедиции с 2008 г. Раскопано около 800 м². Памятник многослойный: поздний неолит, энеолит, эпоха бронзы, новое время. К эпохе бронзы относятся материалы ранней ямной, ИКК, бабинской культур и поздней бронзы. На поселении обнаружено святилище: 2 менгира относящиеся к эпохе ранней и поздней бронзы, стелы. Прослежены остатки каменной стены позднего бронзового века. Также раскопано много разновременных захоронений, среди которых – 3 эпохи поздней бронзы. Найдено множество артефактов из керамики, камня, кремня и кости (Фоменко, Требух 2010).

67. Малый Кременчук II. Поселение расположено в 1 км на юг от с. Виноградный Сад, на высоком правом берегу р. Ю. Буг. Открыто Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь 0,5 га, культурный слой 0,3-0,5 м. В разведочных шурфах найдены фрагменты лепной керамики и костей животных. Датируется периодом поздней бронзы (Шапошникова 1976).

68. Марьевка. Местонахождение находится в южной части с. Марьевка, на склоне правого берега р. Ю. Буг. Открыто экспедицией НКМ в 1996 г. Площадь 1,5 га. Собраны фрагменты лепной керамики и костей животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников и др. 1996).

69. Мерцаки I. Поселение расположено напротив с. Черниговка, в пойме правого берега р. Чичиклеи. Открыто экспедицией ОАМ в 1958 г. Обнаружены фрагменты баночных сосудов с гладким и расчлененным валиком. Датируется поздней бронзой (Патокова 1960, 205).

70. Мерцаки II. Поселение расположено возле с. Черниговка, на склоне левого берега р. Чичиклеи. Открыто экспедицией ОАМ в 1958 г. Обнаружены фрагменты баночных сосудов с гладким валиком и без него. Датируется поздней бронзой (архив ГИОПК).

71. Счастливка II. Местонахождение расположено в 0,8 км на юго-запад от с. Счастливка, на правом склоне балки, выходящей к левому берегу р. Бакшала. Открыто разведками ГИОПК в 2002 г. Собран подъёмный материал, который датирует поселение эпохой поздней бронзы (архив ГИОПК).

72. Червона Поляна. Поселение расположено в 500 м на восток от с. Червона Поляна, на надпойменной террасе правого берега р. Чичиклея. Обнаружено местной жительницей Бабуриной А.О. в 1966 г. Обследовано В.И. Никитиным. Культурный слой 0,5-0,8 м.

Найдена лепная керамика и кости животных. Датируется сабатиновской культурой (архив ГИОПК).

73. Щуцкое I. Поселение расположено в 2,3 км на восток от с. Щуцкое, на склоне левого берега р. Бакшала (сейчас затоплено). Открыто Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь 5 га, культурный слой 0,2-0,3 м. Раскопки проводила эта же экспедиция в 1984-1999 гг. Общая площадь раскопа составила около 2000 м². Найдено много небольших построек, расположенных в несколько рядов вокруг центра поселения. Такая планировка в застройке поселений в эпоху поздней бронзы зафиксирована в этом регионе впервые. Также найдено большое количество фрагментов керамики, костей животных и много других артефактов (Фоменко и др. 1997б).

74. Щуцкое II. Стоянка расположена напротив поселения Щуцкое I, на склоне правого берега р. Бакшала. Обнаружено В.Н. Клюшинцевым в 1992 г. В 1993-1994 гг. Николаевской экспедицией проведены небольшие раскопки, показавшие слабый культурный слой. Датируется эпохой поздней бронзы (архив В.Н. Клюшинцева).

Реки: Мертвовод - Белоусовка - Южный Буг

75. Абузова Балка II. Стоянка расположена на южной окраине пгт Александровка на склоне одноименной балки, в 2 км на запад от левого берега р. Ю. Буг. Открыта разведками НКМ в 1963 г. Площадь 3,5 га. На мезолитической стоянке, на поверхности собраны фрагменты лепной керамики ИКК и поздней бронзы (Никитин 1991).

76. Александровка I. Поселение расположено в западной части пгт Александровка, на надпойменной террасе левого берега р. Ю. Буг. Открыто БАЭ в 1931 г. Повторные разведки проводил НКМ в 1980 г. На поверхности видны остатки кладок. Грунт на поверхности золистый. Собраны фрагменты керамики и много костей животных. Керамика с валиком и насечками. Датируется эпохой поздней бронзы (Козубовський 1933).

77. Александровка II. Поселение находится на юго-восточной окраине пгт Александровка, на южном склоне балки, выходящей в 2,3 км на восток к левому берегу р. Ю. Буг. Открыто сотрудниками НКМ в 1966 г. Площадь 2 га, культурный слой распахан. На поверхности много мелких известняковых камней. Собраны фрагменты лепной керамики и костей животных. Датируется эпохой поздней бронзы. (Гребенников, Яценко 2014, 32).

78. Вороновка I. Поселение расположено на юго-восточной окраине с. Вороновка, на плато левого берега р. Мертвовод. Открыто Ингульской экспедицией в 1968 г. Повторно обследовано ГИОПК в 2004 г. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1971)[2].

79. Дорошовка I. Поселение расположено на восточной окраине с. Дорошовка, где в Ю. Буг впадает речка Белоусовка. Открыто экспедицией МГУ в 1957 г. Длина его вдоль берега 150-200 м, культурный слой 0,4 м. На территории заложен шурф и собран подъёмный материал в виде фрагментов лепной керамики и амфор. Датировано скифским (?) временем (вероятно – поздняя бронза) (Елагина 1957).

80. Дорошевка II. Поселение расположено в 3 км на восток от с. Дорошевка, на южном склоне Белоусовской балки, выходящей к левому берегу р. Ю. Буг. Открыто экспедицией МГУ в 1957 г. Обследовано Ингульской экспедицией в 1971 г. Площадь 4 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Обнаружены остатки каменных построек. Найдены фрагменты амфор, лепных горшков, баночных сосудов, кубков, жаровен, которые орнаментированы валиками, наколами и насечками, кости животных, кремневые отщепы, зернотерки, отбойники, боласы, терочники. Датируется эпохой поздней бронзы (Елагина 1957).

81. Кременчук – производственный центр. Расположен на юго-западной окраине хут. Кременчук, на гранитном останце, на левом берегу р. Ю. Буг. Высота скалы 40 м над уровнем воды (была до затопления), размеры ее 220×80 м. Открыт БАЭ в 1930 г. Зафиксированы два ряда валов в доступном для подъема на скалу месте. В 1931 г. сотрудник БАЭ Е.Ф. Лагодовская раскопала на останце два участка общей площадью 400 м², а в 1977 г. отряд Ингульской экспедиции (рук. В.Н. Фоменко) продолжил исследования данного памятника. Был заложен раскоп общей площадью 56 м². Культурный слой сильно золистый, насыщен шлаками, пережженными камнями, костями

[2] Всего сотрудниками Ингульской экспедиции в 1968 г. зафиксировано в районе села 3 поселения эпохи поздней бронзы, но точное месторасположение двух из них неизвестно.

и древесным углем, колеблется от 0,1 до 0,9 м. Найдены выложенные из валунов площадки, огнища, фрагменты керамики, костей животных, кремневые орудия. В целом памятник датируется КМК и сабатиновской культурой (Козубовський 1933; Фоменко 2003).

82. Новогригорьевка I. Поселение расположено на высоком левом берегу Раковой балки, выходящей к левому берегу р. Ю. Буг. Открыто экспедицией МГУ в 1957 г. Площадь примерно 16 га, мощность культурного слоя 0,4-0,6 м. В 1974 г. отрядом Ингульской экспедиции (рук. И.Н. Шарафутдинова) проведены небольшие раскопки на трёх участках поселения. Общая их площадь 500 м². Открыты остатки 5 строительных комплексов и зольник. Найдено много мелких фрагментов керамики, костей животных, орудий из рога и кости, литейная форма ножа и наконечник копья. Часть найденной керамики относится к белозёрской культуре. Само поселение датируется позднесабатиновским этапом (Елагина 1957; Панковський 2007).

83. Клад. Найден в 1904 г. в районе с. Новогригорьевка недалеко от поселения. Он состоял из 4 бронзовых кельтов, 10 браслетов (один с насечками), 8 кусков спирали и ножа. Датируется сабатиновской культурой (Фабрициус 1951, 83-84).

84. Трикраты. Поселение находится на восток от с. Трикраты, на высоком южном берегу р. Арбузинка – правого притока р. Мертвовод. Открыто Ингульской экспедицией в 1977 г. Культурный слой в береговых обрывах достигал 0,3-0,4 м. Собран подъёмный материал, состоящий из фрагментов керамики, костей животных и бронзовой булавки с ромбической головкой. Датируется сабатиновской культурой (Шапошникова 1978).

85. Трудовое III. Местонахождение находится в 2 км на север от с. Трудовое, на второй надпойменной террасе правого берега р. Белоусовка. Открыто экспедицией ГИОПК в 2004 г. На поверхности мелкие известняковые камни. Также найдены фрагменты лепных сосудов. Датируется эпохой поздней бронзы (Снитко 2004, 4-5).

86. Трудовое IV. Местонахождение расположено в 3 км на север от с. Трудовое на склоне правого берега р. Белоусовка. Открыто экспедицией ГИОПК в 2004 г. Собраны фрагменты лепных сосудов. Датируется периодом поздней бронзы (Снитко 2004, 5).

87. Шевченково. Стоянка расположена в 800 м на восток от села. Открыта краеведом А.В. Шивой в 2000 г. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2014, 47).

88. Клад. Найден крестьянином Т. Бакуленко в конце 70-х гг. XIX в. возле хутора Мертвые Воды в районе г. Вознесенска. Он находился под камнем и состоял из 6 бронзовых топоров, кинжала, наконечника копья, серпа, долота. Датируется сабатиновской культурой (Фабрициус 1951, 84).

Реки: Чичиклея - Южный Буг

89. Безуварово. Поселение расположено в 3,5 км на юго-восток от села, на мысу левого берега р. Чичиклеи. Открыто экспедицией ОАМ в 1958 г. На поверхности видны остатки каменных сооружений. На поселении черняховской культуры найдена керамика сабатиновского типа (Патокова 1960, 207).

90. Веселиново I. Поселение расположено в 1,5 км на юго-запад от пгт Веселиново, на склоне плато правого берега р. Чичиклеи, правого притока Ю. Буга. Открыто Южно-Бугской экспедицией в 1976 г. Обследовано В.И. Никитиным в 1986 г. Площадь 1 га, культурный слой 0,3-0,8 м. Собраны фрагменты лепных горшков, глубоких мисок, сковород и костей животных, а также пестик и зернотерка из гранита. Датируется сабатиновской культурой (Ковпаненко 1976; Никитин 1986).

91. Веселиново III. Поселение расположено в 500 м на юго-запад от пгт Веселиново на склоне левого берега р. Чичиклеи. Открыто Южно-Бугской экспедицией в 1976 г. Площадь 1,7 га, культурный слой 0,5-0,6 м. Собран подъемный материал, в котором присутствовала лепная керамика с валиком. Датируется эпохой поздней бронзы (Ковпаненко 1976).

92. Покровка I. Поселение расположено в 200 м на юг от с. Покровка, на склоне правого берега р. Чичиклеи. Открыто сотрудниками НКМ в 1966 г. Обследовано Южно-Бугской экспедицией в 1976 г. Площадь 2 га, культурный слой 0,5-0,7 м. На поверхности видны остатки каменных стен. Обнаружены фрагменты лепной керамики (горшки, баночные сосуды, кубки) и кости животных (КРС). Датируется ИКК и сабатиновской культурой (Ковпаненко 1976).

93. Степановка I. Поселение находится в 2 км на юг от с. Степановка, на западном склоне балки, выходящей 5 км южнее к левому берегу р. Чичиклеи. Открыто Никитиным В. И. в 1986 г. Площадь 3 га, культурный слой 0,5-0,8 м. Собраны фрагменты лепных горшков, банок, чаш, чашек, сковород, кубков, также найдены каменные песты, дисковидные кружки, зернотерка и кости животных. Датируется сабатиновской культурой (Никитин 1986).

Реки: Гнилой и Сухой Еланцы - Громоклея - Южный Буг

94. Антоновка. Поселение расположено в 100 м на северо-восток от с. Антоновка на склоне плато левого берега р. Громоклея. Открыто Скифской экспедицией в 1956 г., обследовано Ингульской экспедицией в 1975 г. Площадь 3 га, культурный слой 0,3-0,6 м. Собраны фрагменты баночных сосудов и горшков с налепным валиком и лощением. Датируется поздней бронзой (Елагина, Погребова 1959).

95. Клад. В 1962 г. возле поселения Антоновка, на склоне оврага выходящего к р. Громоклея, местным жителем был обнаружен клад бронзовых изделий, получивший в археологической литературе название Ингульского и состоявший из 130 предметов. Это 85 серпов, 13 кельтов, 2 браслета, 2 псалия, 2 кинжала, косарь, 2 подвески и 20 обломков и слитков. Место обследовано начальником Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР Э.А. Сымоновичем. Датируется поздним этапом сабатиновской культуры (Сымонович 1966).

96. Баловное I. Поселение расположено в 1,5 км на север от с. Баловное на спуске плато левого берега р. Ю. Буг. Открыто экспедицией МГУ в 1957 г. Площадь 2 га, культурный слой 0,3-0,4 м. Раскопки проводились в 1985-87 и 1989 гг. экспедицией НКМ. Общая площадь раскопов составила более 2000 м². Нижний слой принадлежал катакомбной культуре, он перекрывался слабым слоем КМК. В верхнем сабатиновском слое обнаружено несколько прямоугольных и одно круглое помещение жилого и хозяйственного назначений. Найдено много фрагментов керамики, от горшков банковидных форм, чаш, чашек, лощеных кубков. Орнаментированы они валиками с ногтевыми и пальцевыми вдавлениями, врезными линиями и заштрихованными треугольниками. Также найдены кости животных, фрагмент зернотерки, болас, кремневые скребки, пряслице, каменный молоток, наковаленка, пест, брусок, костяные лощила (Гаврилов, Гребенников 2004).

97. Гребенники. Поселение расположено в 750 м на юго-восток от села, на правом склоне балки, который образовывает в этом месте мыс. Открыто И.А. Снытко в 2010 г. Площадь 1,5-2,0 га. На поверхности встречаются небольшие камни. Собраны фрагменты лепной керамики с валиковым орнаментом. Датируется сабатиновской культурой (архив ГИОПК).

98. Гулеватское I. Поселение находится в 2,3 км на северо-восток от г. Новая Одесса, на мысообразном выступе правого склона Гулеватской балки. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь 0,8 га, культурный слой до 0,5-0,7 м. В 1974 г. заложен раскоп площадью до 180 м² (рук. В.Н. Клюшинцев). Найдены остатки каменного домостроительства. Жилища были прямоугольной формы, основания сложены из крупного известняка. Сосуды баночной формы и горшки, кубки, черпаки, жаровни и миски, орнаментированные валиком, наколками и врезными линиями, иногда лощеные. Изделия из кремня. Из каменных орудий: зернотёрки, боласы, отбойники, тёрочники. А также бронзовая иголка. Много костей животных (КРС). Датируется позднесабатиновским периодом и белозерской культурой (архив В.Н. Клюшинцева).

99. Заевое. Поселение находится в 1 км на юго-запад от с. Заевое, на надпойменной террасе левого берега р. Ю. Буг. Открыто Скифской экспедицией в 1957 г. Обследовано В.Н. Фоменко в 1968 г. Датируется эпохой поздней бронзы (Елагина 1957).

100. Карловка I. Поселение находится в 2 км на запад от с. Карловка, на склоне левого берега р. Громоклея. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Обследовано Ингульской экспедицией в 1975 г. Площадь 3,5 га, культурный слой 0,3-0,6 м. Собрано 24 фрагмента лепной посуды (банки, горшки, кубки, черпаки), иногда лощеные, а также фрагменты каменных зернотёрок, боласы, отбойники, тёрочники. Датируется поздней бронзой (Елагина 1957).

101. Криворожье III. Стоянка находится на северной окраине с. Криворожье, на склоне плато левого берега р. Гнилой Еланец. Открыта Ингульской экспедицией в 1974 г. Собран 71

фрагмент лепной керамики. Датируется ИКК и белозерской культурой (Шапошникова и др. 1974).

102. Матвеевка III. Стоянка расположена в 2,7 км на запад от пос. Матвеевка, на песчаных отложениях левого берега р. Ю. Буг. Открыта В.И. Никитиным в 1998 г. Площадь 3 га, культурный слой 0,1-0,35 м. В 1999-2000 гг. вскрыт участок в 268 м². Найдено 128 фрагментов лепной керамики, каменные, кремневые и костяные орудия. Кости домашних и диких животных. Также на поселении много раковин от речных моллюсков. Датируется ИКК, есть находки КМК, поздней бронзы и скифского времени (Гребенников, Яценко 2012, 16-17).

103. Михайловка II. Стоянка расположена в 1 км на юго-восток от с. Михайловка, на второй надпойменной террасе левого берега р. Ю. Буг. Открыта экспедицией ГИОПК в 2002 г. Площадь 0,6 га. Собраны на поверхности фрагменты лепной посуды, каменные орудия и кости животных. Датируется сабатиновской культурой (Снитко, Лобко 2002).

104. Новая Одесса. Поселение расположено в 2,3 км на северо-восток от северной окраины г. Н. Одесса, на плато левого берега р. Гнилой Еланец. Открыто Скифской экспедицией в 1957 г. Обследовано экспедицией НКМ в 1971 г. Площадь 12 га, культурный слой 0,2-0,4 м. Собрано 9 фрагментов лепной керамики. Датируется белозерской культурой (Елагина 1957).

105. Новоингулка I. Поселение расположено в 2,5 км на восток, юго-восток от с. Новоингулка, на западном склоне Кандыбинской балки. Открыто ГИОПК в 2015 г. Площадь 1 га. Собран подъемный материал: болас, обломок зернотёрки, 2 растиральных камня, 2 кремня, 2 обломка лощеной керамики, 2 стенки с валиками и защипами, 9 фрагментов с гладким валиком, 15 венчиков, 6 донышек и 10 фрагментов с расчесами. Датируется сабатиновской культурой (Архив ГИОПК).

106. Новопавловка I. Поселение находится напротив с. Новопавловка, где плато плавно переходит в пойму правого берега р. Гнилой Еланец. Открыто экспедицией НКМ в 1969 г. Площадь 5 га. Собрано 148 фрагментов лепной керамики и 12 кремней, на поверхности много камней. Датируется белозерской культурой. Верхний слой поселения принадлежит черняховской культуре (Гребенников, Яценко 2012, 39).

107. Новоукраинка I. Стоянка расположена в 500 м на юг от с. Новоукраинка, на склоне правого берега р. Гнилой Еланец. Открыта экспедицией НКМ в 1968 г. На поверхности собрано 49 фрагментов лепной керамики ИКК и белозерской культуры (Гребенников, Яценко 2012, 46).

108. Новошмидтовка I. Поселение находится в 1,2 км на север от с. Новошмидтовка, на западном склоне балки, выходящей к левому берегу р. Ю. Буг. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь 5 га, культурный слой 0,3-0,6 м. Обнаружены развалы каменных стен. Собраны фрагменты банок, горшков, кубков, черпаков и жаровен, орнаментированных гладким валиком, углублениями и врезными линиями, обломки растирательников, боласы, тёрочники и кости животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

109. Новошмидтовка II. Поселение расположено в 5 км на юго-запад от с. Новошмидтовка, на третьей надпойменной террасе левого берега р. Сухой Еланец. Открыто экспедицией ГИОПК в 2002 г. Площадь 0,8 га, культурный слой не исследован. На поверхности собрано большое количество лепной керамики, каменные орудия, кости животных. Датируется сабатиновской культурой (Снитко, Лобко 2002).

110. Себино I. Поселение расположено в 4 км на север от с. Себино, на первой надпойменной террасе левого берега р. Сухой Еланец. Открыто экспедицией НКМ, обследовано экспедицией ГИОПК в 2002 г. Площадь 0,6 га, культурный слой распахан. Собрано 27 фрагментов лепной керамики и др. предметы. Датируется белозерской культурой (Снитко, Лобко 2002).

111. Спиридоновка. Поселение расположено в южной части г. Н. Одесса, на спуске плато к левому берегу р. Ю. Буг, на отроге балки. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь 1,5 га, культурный слой 0,5-0,7 м. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

112. Сухой Еланец. Поселение находится в 3 км на юго-запад от с. Сухой Еланец в районе развалин бывшего с. Касперовское на склоне балки. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Поселение двухслойное – скифская культура и поздняя бронза (Шапошникова и др. 1974).

Реки: Солёная - Громоклея - Ингул - Южный Буг

113. Великосербуловка I. Поселение расположено в 1 км на юг от с. Великосербуловка, на склоне правого берега р. Соленая, правого притока р. Гнилой Еланец. Открыто краеведом А.В. Шивой. В 1987 г. обследовано разведочной экспедицией НКМ. Площадь 3 га, культурный слой до 0,8 м. На поверхности много камней. При обвале берега, обнаружена хозяйственная яма грушевидной формы. Памятник двухслойный: черняховская и сабатиновская культуры. В нижнем слое найдены 21 фрагмент лепной керамики, каменное яйцо, 13 боласов и др. (Шива 2015, 13).

114. Великосербуловка II. Поселение расположено в 1 км на северо-запад от с. Великосербуловка, на склоне правого берега р. Соленая. Открыто А.В. Шивой в 1987 г. Площадь 3 га. Собраны 116 фрагментов лепной керамики, каменный топор, 3 фрагмента каменных топоров, 3 каменных яйца, 37 боласов, 6 зернотёрок, глиняная фигурка человека, кремневые отщепы, оселки и др. Датируется эпохой поздней бронзы (Шива 2015).

115. Великосербуловка III. Поселение расположено в 4 км на северо-запад от с. Великосербуловка, на склоне балки. Открыто А.В. Шивой в 1991 г. Найдено много фрагментов лепной керамики и каменная ступка. Датируется эпохой поздней бронзы (Шива 2015, 13).

116. Григоровское I. Поселение находится на юго-западной окраине с. Григоровка, на склоне правого берега ручья, впадающего в р. Соленая. Открыто А.В. Шивой в 1988 г. Площадь 2 га. Собраны 53 фрагмента лепной керамики, 3 каменных яйца, 2 фрагмента каменных булав, 10 боласов, жернов, растиральник, точило, боласы и кости животных. Датируется поздней бронзой (Шива 2015, 13).

117. Еланец I. Поселение расположено на территории пгт Еланец, на склоне правого берега р. Гнилой Еланец. Открыто сотрудниками Ингульской экспедиции в 1974 г. Площадь 1,6 га, культурный слой 0,1-0,4 м. Собраны фрагменты лепной керамики и кости животных. Датируется поздней бронзой (Шапошникова и др. 1974).

118. Калиновка I. Поселение расположено в центре села Калиновка, на правом склоне балки, выходящей к правому берегу р. Громоклея. Открыто сотрудниками Ингульской экспедиции в 1974 г. Площадь 4 га, культурный слой 0,15-0,5 га. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

119. Каменка I. Поселение расположено в центре с. Каменка на пологом склоне левого берега р. Гнилой Еланец. Открыто Ингульской экспедицией в 1974 г. Площадь 3-4 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Обнаружены горшки и банки с валиками, кости животных, фрагменты зернотёрок, боласы, растиральник, кремневые изделия и сколы. Датируется сабатиновской культурой (Шапошникова и др. 1974).

120. Куйбышевка I. Поселение расположено в 3,7 км на северо-восток от с. Солёное, на левом берегу р. Соленая, левый приток р. Гнилой Еланец. Открыто А.В. Шивой. Обследовано экспедицией ГИОПК в 2003 г. Площадь 1 га. Собран подъемный материал в виде фрагментов лепных сосудов. Датируется эпохой поздней бронзы (Лобко, Снитко 2003).

121. Новониколаевка I. Поселение находится в 150 м на юго-запад от с. Новониколаевка, на мысе левого берега древней балки, которая выходит к правому берегу р. Громоклея. Открыто сотрудниками НКМ в 1987 г. Площадь 0,7 га, культурный слой 0,5-0,7 м. Найдена лепная керамика и фрагмент зернотёрки. Датируется сабатиновской культурой (Снытко, Гребенников 1987).

122. Роза I. Поселение находится в 4 км на северо-запад от с. Калиновка, на склоне левого берега балки Роза. Открыто сотрудниками Ингульской экспедиции в 1974 г. Площадь 1 га, культурный слой 0,2-0,9 м. Выявлены остатки каменного домостроительства, обломки лепной с лощением керамики (горшки, банки с валиком гладким и с вдавлениями), кости животных и каменные орудия (растиральники, боласы), известняковые крышки. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1974).

123. Ульяновка I. Поселение расположено на юго-восток от с. Ульяновка где плато постепенно переходит в пойму левого берега р. Солёная. Тянется вдоль берега. Открыто В.И. Никитиным в 1966 г. Площадь 5 га. На поверхности много камней. Собрано 616 фрагментов лепной керамики, обломок зернотерки, бронзовое шило, костяной наконечник стрелы, 10 кремней, кости животных. Датировано сабатиновской культурой (Архив В.И. Никитина).

124. Ульяновка II. Поселение расположено к юго-западу от хутора Левуса, на склоне плато правого берега р. Солёная, на небольшом выступе берега. Открыто В.И. Никитиным в 1966 г. Площадь 7,5 га. На поверхности много камней. Датировано сабатиновской культурой (Архив В.И. Никитина).

125. Ульяновка III. Поселение расположено между поселениями Ульяновка I и IV в пойме левого берега р. Солёная, ограничено двумя балками. Открыто В.И. Никитиным в 1966 г. Собрано 280 фрагментов лепной керамики, 6 кремневых отщепов, обожженные кости, каменный кружок диаметром 6,5 см, обломок керамической формы для литья, керамический шлак. Датировано сабатиновской культурой (Архив В.И. Никитина).

126. Ульяновка IV. Поселение расположено в 900 м к юго-западу от с. Ульяновка, в пойме левого берега р. Солёная, на мысе. Открыто В.И. Никитиным в 1966 г. На поверхности видны выходы каменных кладок. Собраны 94 фрагмента лепной керамики, 2 кремня и кости животных. Датировано сабатиновской культурой (Архив В.И. Никитина).

127. Клад. Обнаружен на правом берегу р. Солёная напротив с. Ульяновка, в балке. Состоял из топора с каннелированым обухом, листовидного ножа, тесла, 2-х косарей (один фрагментирован). Датирован эпохой средней и поздней бронзы (Архив В.И. Никитина).

Реки: Берёзовка - Сагайдак - Ингул - Южный Буг

128. Анновка II. Поселение расположено на северо-восточной окраине с. Анновка, на склоне левого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Собран подъёмный материал, который датирует поселение сабатиновской культурой (Елагина, Погребова 1959).

129. Баратовка. Поселение расположено на север от с. Баратовка, на склоне левого берега р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1966 г. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1967, 202).

130. Варваровка V. Поселение расположено в 100 м на юг от с. Варваровка, на южном склоне балки, выходящей к левому берегу р. Ингул. Открыто экспедицией НКМ в 1965 г. Повторно обследовано Ингульской экспедицией в 1967 г. Площадь 0,8 га, культурный слой 0,3-0,5 м. Проведена шурфовка. Поселение двухслойное: черняховская культура и поздняя бронза (Архив В.И. Никитина).

131. Майоровка. Поселение расположено в 2,5 км на северо-восток от с. Майоровка, на первой надпойменной террасе правого берега р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1966 г. В 1971 г. отрядом этой экспедиции (рук. И.Н. Шарафутдинова) проведены небольшие раскопки. Вскрыты остатки каменного домостроительства, найдены фрагменты лепной керамики, каменные орудия, кости животных. Керамика представлена слабопрофилированными сосудами и небольшими банками, украшена валиками, прочерченными линиями и треугольниками. Найдены обломки кубка, мисок-сковород и жаровен, а также миниатюрные крышечки. Датируется сабатиновской культурой (Шапошникова и др. 1967, 202).

132. Малая Анновка I. Поселение находится в 500 м на север от с. Малая Анновка, на первой надпойменной террасе левого берега р. Ингул. Открыто В.Б. Гребенниковым в 1980 г. Площадь 0,5 га. Собран подъемный материал в виде фрагментов лепной керамики. На территории встречаются известняковые камни. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников и др. 2011, 15).

133. Новониколаевка 1. Поселение расположено в 600 м на юг от с. Новониколаевка, на правом склоне балки, выходящей к левому берегу р. Громоклея. Открыто В.Б. Гребенниковым в 1982 г. Площадь 0,5 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Собраны фрагменты лепной керамики, каменная зернотерка и кости животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Снытко, Гребенников 1987).

134. Новопетровка I. Поселение находится на южной окраине с. Новопетровка, на склоне правого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 2 га, культурный слой 0,5 м. Датируется поздней бронзой (Елагина, Погребова 1959).

135. Новополтавка I. Местонахождение расположено в 0,5 км на запад от с. Новополтавка, на правом склоне балки, выходящей к левому берегу р. Ингул. Открыто экспедицией ГИОПК в 2003 г. Собрано немного фрагментов лепной посуды. Датируется эпохой поздней бронзы (Лобко, Снитко 2004).

136. Новорозановка I. Поселение расположено в 1 км на юг от с. Новорозановка, на надпойменной террасе левого берега р. Ингул.

Открыто Ингульской экспедицией в 1966 г. Площадь 3 га, культурный слой 0,5-0,8 м. Отрядом этой экспедиции (рук. И.Н. Шарафутдинова) раскопан участок общей площадью 750 м². Обнаружены 4 наземных сооружения, состоявших из нескольких примыкавших друг к другу прямоугольных помещений, а также одно овальное. Все они располагались двумя рядами вдоль реки. Находки представлены фрагментами лепной посуды, каменными орудиями (зернотерки, растиральники, песты, боласы), изделиями из кости (шилья, проколки, лощила, орудие из лопатки быка с зазубринами по краю), фрагментами костей животных. Сосуды, как правило, слабопрофилированные без орнамента или с валиком. Разделить их можно на горшки, миски, сковороды, крышки, кубки и черпаки. Датируется поселение ранним этапом сабатиновской культуры (Шарафутдинова 1968).

137. Новорозановка II. Поселение расположено на юго-восточной окраине с. Новорозановка, на уступе левого берега р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1966 г. Площадь 1,6 га, культурный слой до 1,2 м. Раскопки проводились отрядом экспедиции (рук. В.И. Неприна). Заложены 3 раскопа общей площадью 400 м². Поселение многослойное: присутствуют буго-днестровская, среднестоговская, трипольская и сабатиновская культуры. Последняя находилась в верхнем слое мощностью 0,2 м. Найдены жилища смешанного типа с каменным основанием. В жилищах и за их пределами найдено большое количество керамики, костей животных, каменных орудий (зернотерки, точильный камень, кремневые скребки и отщепы). Также обнаружен обломок глиняного сопла, костяные лощила и астрагалы. Датируется развитым этапом сабатиновской культуры (обиточненский тип) (Шапошникова, Неприна 1977).

138. Новорозановка IV. Поселение находится в 800 м на север от с. Новорозановка, на крутом склоне левого берега р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1966 г. Площадь поселения 0,5 га, культурный слой 0,6 м. Датируется эпохой поздней бронзы.

139. Новый Буг. Поселение эпохи поздней бронзы (Архив ГИОПК).

140. Пелагеевка I. Поселение расположено в 800 м на северо-восток от с. Пелагеевка, на крутом склоне левого берега р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1966 г. Площадь 0,4 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Собран подъемный материал, в том числе и 37 фрагментов керамики. Датируется КМК и эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1967).

141. Пелагеевка II. Поселение находится в 600 м на юг от с. Пелагеевка, на мысу балки и правого берега р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1966 г. Площадь 0,4 га. Собрано 10 фрагментов лепной посуды. Датируется эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1967, 202).

142. Пелагеевка III. Местонахождение расположено в 1,75 км на юго-запад от с. Пелагеевка, на плато правого берега р. Ингул. Открыто экспедицией ГИОПК в 2003 г. Собраны фрагменты лепной керамики. Датируется поздней бронзой (Лобко, Снитко 2004).

143. Розановка I. Поселение расположено в 1,5 км на северо-восток от с. Розановка, на склоне плато правого берега р. Березовка, левого притока р. Ингул. Открыто экспедицией ИИП НГУ в 2008 г. Площадь 3 га, культурный слой 0,15-0,8 м. С 2009 г. начаты систематические раскопки, обнаружены развалы 4 каменных жилищ, несколько хозяйственных ям и около 8000 различных находок (керамика, костяные изделия, каменные и бронзовые орудия). Также найдены кости животных (бык, овца, коза, лошадь, свинья, заяц-русак, олень благородный, птица). Сейчас вскрыто до 500 м². Датируется сабатиновской культурой (Филатов 2012).

144. Червоная Поляна II. Поселение расположено на северной окраине с. Червона Поляна, на первой надпойменной террасе левого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Обследовано Ингульской экспедицией в 1968 г. Площадь 0,5 га, культурный слой 0,3-0,4 м. Керамика представлена сосудами баночной формы, орнаментированными валиком под венчиком, проглаженными линиями. Найдены отбойники, обломки пестов, точила и ступки. Датируется поздней бронзой (Елагина, Погребова 1959).

Реки: Ингул - Южный Буг

145. Виноградовка I. Стоянка расположена в 1 км на север от с. Виноградовка, на склоне балки, выходящей к левому берегу р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1979 г. На поселении черняховской культуры собрано 18

фрагментов керамики белозерской культуры (Гребенников, Яценко 2015, 25).

146. Воля I. Поселение расположено в 0,5 км на юг от с. Свобода, на первой надпойменной террасе левого берега р. Громоклея. Открыто Ингульской экспедицией в 1968 г. Культурный слой 0,2-1,5 м. Собраны фрагменты керамики энеолита, средней и поздней бронзы, позднескифской и черняховской культур (Шапошникова и др. 1971, 28).

147. Добрая Криница I. Поселение расположено на юго-западной окраине с. Добрая Криница, на северном склоне балки Добренька, которая выходит к левому берегу р. Ингул. Открыто сотрудниками Ингульской экспедиции. Площадь 1,2 га, культурный слой 0,5м. Датируется эпохой поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2015, 14).

148. Ингулка I. Поселение расположено в 1,5 км на юг от с. Ингулка, на склоне правого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 2 га, культурный слой 0,6 м. В результате шурфовки найдены кремневые вкладыши, фрагменты керамики и костей животных. Датируется периодом поздней бронзы (Елагина, Погребова 1959).

149. Кашперо-Николаевка I. Поселение расположено на юго-восточной окраине с. Кашперо-Николаевка, на краю надпойменной террасы правого берега р. Громоклея. Открыто в 1965 г. директором школы В.А. Задорожным. Обследовано в 1968 г. Ингульской экспедицией. Площадь 4 га, культурный слой 0,3 м. Собрано 156 фрагментов керамики. Поселение многослойное: ИКК, сабатиновская, белозерская и черняховская культуры (Шапошникова и др. 1971, 28).

150. Костычи. Поселение расположено на западной окраине с. Костычи. Открыто сотрудниками Государственного Эрмитажа в 1981 г. Найдены фрагменты лепной керамики, зернотёрка, жертвенник, кости крупных рыб. Датировано сабатиновской культурой (Архив ГИОПК).

151. Марьевка I. Поселение расположено в 800 м на юг от с. Марьевка, на склоне левого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 1,5 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Найдены фрагменты венчиков лепных сосудов с налепным валиком под венчиком. На отдельных фрагментах валик разделен пальцевыми вдавлениями. Также обнаружены фрагмент полированного топорика и обломки лепных сосудов с орнаментом в виде заштрихованных треугольников вершинами вниз. Поселение датируется сабатиновской и белозерской культурами (Елагина, Погребова 1959).

152. Михайловка II. Поселение расположено в 1 км на юг от с. Михайловка, на склоне правого берега р. Громоклея. Открыто НГ ОАО в 1966 г. Собрано 17 фрагментов лепной керамики белозерской культуры (Гребенников, Яценко 2015, 24).

153. Новопетровка I. Поселение расположено на северо-восточной окраине с. Новопетровское, на склоне правого берега старицы р. Громоклеи, распахивается. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 2 га, культурный слой 0,8-0,85 м. В шурфе кроме керамики обнаружен развал камней. Датируется сабатиновской культурой (Елагина, Погребова 1959).

154. Новофонтанка I. Поселение расположено на северной окраине с. Новофонтанка в устье балки, выходящей к правому берегу р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 1,5 га, культурный слой 0,5 м. Поселение черняховской культуры, в нижнем слое которого обнаружена лепная керамика ИКК и поздней бронзы (Елагина, Погребова 1959).

155. Отрадное I. Поселение расположено в 800 м на северо-запад от с. Отрадное, в пойме левого берега р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1971 г. Площадь 4 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Собраны фрагменты лепной керамики, кости животных, каменные орудия труда. На поверхности видны остатки каменного домостроительства. Датируется эпохой поздней бронзы. (Гребенников, Яценко 2015, 31).

156. Пески I. Поселение расположено в 300 м на юг от с. Пески, на первой надпойменной террасе левого берега р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1971 г. Площадь 2 га, культурный слой 0,5 м. Найдены фрагменты лепной керамики, костей животных, кремневые орудия. Датируется периодом поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2015, 30).

157. Пески III. Поселение расположено в западной части с. Пески, на левом берегу старицы в долине р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1971 г. Найдены фрагменты лепной керамики и костей животных. Датиру-

ется периодом поздней бронзы (Гребенников, Яценко 2015, 30).

158. Плющевка. Поселение расположено в пойме левого берега р. Ингул. Открыто и обследовано сотрудниками Ингульской экспедиции в 1968 г. Датировано эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1971, 28).

159. Привольное I. Поселение находится в 1,5 км на северо-запад от северной окраины с. Привольное, на склоне правого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Шурфовку провели сотрудники Ингульской экспедиции (рук. И.Н. Шарафутдинова). Площадь 4 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Выявлены остатки каменного домостроительства, сосуды банковидной формы и горшки с налепным валиком, кости животных, каменные орудия. Датируется сабатиновской культурой (Елагина, Погребова 1959).

160. Привольное II. Поселение расположено в 3,5 км на северо-запад от с. Привольное, на уступе надпойменной террасы правого берега р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1970 г. Площадь и культурный слой не определены. Датировано эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1980, 18).

161. Клад. В урочище Козорезово возле с. Привольное найден клад бронзовых изделий (браслет, двулезвийный топор, долото, 3 серпа минойского типа и др. предметы). Датируется сабатиновской культурой (Клочко 2011, 121).

162. Свитлицкое I. Поселение расположено в 1 км на юг от с. Свитлицкое, на правом берегу р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Обследовано Ингульской экспедицией в 1968 г. Площадь 2 га, культурный слой 0,5 м. Найдены фрагменты керамики, кости животных. Лепная керамика орнаментирована прорезными линиями. Датируется эпохой поздней бронзы (Елагина, Погребова 1959).

163. Соколовка. Поселение расположено в пойме левого берега р. Ингул. Открыто и обследовано сотрудниками Ингульской экспедиции в 1968 г. Датировано эпохой поздней бронзы (Шапошникова и др. 1971, 28).

164. Старогорожено. Стоянка расположена в пойме левого берега р. Ингул. Открыто Ингульской экспедицией в 1968 г. Датировано: ИКК, КМК и поздняя бронза (Шапошникова и др. 1971, 28).

Правый берег Бугского лимана

165. Авдотиевка I. Поселение расположено в 1 км на северо-запад от с. Ковалевка, на склоне плато правого берега р. Ю. Буг. Открыто экспедицией НКМ в 1968 г. Площадь 1 га, культурный слой 0,4 м. Проведены небольшие раскопки (36 м^2). Выявлен фундамент помещения прямоугольной формы, состоявший из больших известняковых плит, и 2 очага. Найдены дисковидные скребки, отбойники, растиральники, костяные орудия, 1290 фрагментов лепной посуды. Датируется ранним этапом сабатиновской культуры (Нікітін, Требух 2008).

166. Авдотиевка II. Поселение расположено в 0,1 км на запад от с. Авдотиевка, на второй надпойменной террасе правого берега р. Ю. Буг. Открыто и обследовано НГ ОАО. Площадь 1,2 га, культурный слой 0,2-0,4 м. Найдено 127 фрагментов лепной керамики. Датируется поздней бронзой (Нікітін, Требух 2008).

167. Варваровка II. Поселение расположено на юго-западной окраине пос. Варваровка, на высоком правом берегу Бугского лимана, на южном склоне небольшой балки. Открыто Ф.Т. Каминским в 1928 г. Прошурфовано В.И. Никитиным в 1966 г. Площадь 3 га, культурный слой до 0,8 м. Выявлена часть наземного с каменным основанием жилища, сложенного из необработанных известняковых плит, поставленных в два ряда. Верхняя его часть была саманной. Размеры его 4,0×2,5 м. Также обнаружено много хозяйственных ям. Найдены бронзовый кельт и 634 фрагмента керамики от горшков, банковидных сосудов, глубоких толстостенных мисок-сковород с венчиками, украшенными насечками. Горшки были украшены налепными валиками под венчиком. Кухонная посуда шероховатая, столовая подлощенная. Также найдены кости быка, козы, лошади, свиньи, кремневые скребки, зернотерка из гранита, растиральник, фрагменты молотков-топоров, каменная кирка и обломок точильного бруска. Датируется ранним этапом сабатиновской культуры (Нікітін, Требух 2013).

168. Варваровка III. Поселение расположено в 2 км на юго-запад от пос. Варваровка и в 500 м от Бугского лимана, на плато. Открыто В.В. Рубаном в 1974 г. Основной материал античного времени. На площади 3 га находится много камней и есть керамика эпохи поздней бронзы (Архив В.Н. Клюшинцева).

169. Великая Корениха IV. Поселение расположено в 2 км на запад от пос. Великая Корениха, на северном склоне Кривой балки. Открыто экспедицией НКМ в 1963 г. Площадь 5 га, культурный слой до 0,6 м. На поверхности много камней. Собрано 166 фрагментов керамики, обломок бронзового серпа. Датируется сабатиновской культурой (Рубан 1974).

170. Дидова Хата II. Поселение расположено в 3 км на запад от пос. Малая Корениха, на склоне плато правого берега Бугского лимана. Открыто Ф.Т. Каминским в 1925 г. Исследовалось экспедицией НКМ (рук. В.И. Никитин) в 1984-85 гг. Площадь 2 га, культурный слой 0,1 м. Найдено около 1000 фрагментов лепной керамики, которая представлена горшками банковидной формы, глубокими мисками, чашками, корчагами. Каменные изделия представлены зернотерками, растиральниками, подшипниками, абразивными инструментами, молотками-топорами, кирками, кремневыми скребками. Датируется поздней бронзой (Рубан 1974).

171. Каменная Балка I. Стоянка расположена в 350 м на северо-запад от села, на правом склоне балки. Открыта И.А. Снытко в 2003 г. Площадь 0,5 га. Фрагменты керамики датируют стоянку сабатиновской культурой (Гребенников и др. 2010, 17).

172. Кривая Балка I. Поселение расположено в 2,5 км на юго-восток от с. Кривая Балка, на склоне балки возле Бондарёвского урочища. Открыто разведками ГИОПК в 2001 г. Площадь 3 га. Собран подъёмный материал, который датирует поселение сабатиновской культурой (Архив ГИОПК).

173. Кривая Балка II. Поселение расположено на северо-восточной окраине с. Кривая Балка. Открыто ГИОПК в 2007 г. Обследовано экспедицией НИЦ «Лукоморье» НГУ в 2008 г. В одном из шурфов обнаружены остатки сырцовой стены. Найдено 143 фрагмента лепной керамики, кости животных и бронзовый предмет. Площадь до 2 га, культурный слой 0,85 м. Поселение двухслойное: сабатиновская и античная культуры (Филатов, Форносова 2014).

174. Кривая Балка III. Поселение расположено в 0,8 км на север от с. Кривая Балка, возле ставка. Открыто ГИОПК в 2009 г. Площадь 2 га. Поселение двухслойное: поздняя бронза и черняховская культура (Филатов, Форносова 2014).

175. Малая Корениха I. Расположено в восточной части поселка, на берегу Бугского лимана. Открыто В.В. Рубаном в 1974 г. Собраны фрагменты керамики эпохи поздней бронзы (Архив В.Н. Клюшинцева).

176. Малая Корениха II. Местонахождение расположено в 1 км на юг от поселка на берегу Бугского лимана. Открыто В.В. Рубаном в 1974 г. Собраны фрагменты керамики эпохи поздней бронзы (Архив В.Н. Клюшинцева).

177. Малая Корениха III. Поселение расположено в 1,3 км на запад от поселка Малая Корениха, на краю высокого плато правого берега Бугского лимана. Открыто экспедицией НКМ в 1965 г. Раскопки проводила эта же экспедиция в 1969-74 и 1984-85 гг. (рук. В.И. Никитин). Площадь оставшейся части поселения 0,9 га, остальная его часть сползла в обрыв. Культурный слой 0,4-0,6 м. Вскрыт участок в 686 м². Обнаружена часть слегка углубленного в землю жилища размером 5,7×2,5 м и две хозяйственные ямы. Найдены 283 фрагмента лепной керамики от округлобоких горшков – толстостенных с короткой шейкой и срезанным венчиком, чаш, небольших чашечек, миниатюрных горшочков. Орнаментированы они горизонтальными и косыми врезными линиями, часто образующими треугольники, а также косыми насечками под венчиком. Найдены кости КРС, кремневые и костяные орудия, листовидный наконечника дротика и стрелы, растиральник, абразивный инструмент, фрагмент пестика. Датируется ИКК. Есть также керамика неолита, КМК, поздней бронзы, обломки амфор (Нікітін 1986а).

178. Новоандреевка I. Поселение расположено в 0,4 км на север от с. Новоандреевка, на северном склоне балки, выходящей к правому берегу р. Южный Буг. Открыто ГИОПК в 2009 г. Площадь 2 га. Поселение двухслойное: поздняя бронза и черняховская культура (Гребенников и др. 2010, 40).

179. Новобогдановка III. Поселение расположено в 0,5 км на запад от с. Новобогдановка, по обеим сторонам балки, выходящей к берегу Бугского лимана. Открыто В.В. Рубаном в 1974 г. Площадь 4 га, культурный слой 0,4 м. Найдено 23 фрагмента лепной керамики (банковидных сосудов и горшков, орнаментированных валиком и насечками), кости животных, литейная форма, зернотёрка, растиральник и

фрагменты бронзового котла. Датируется эпохой поздней бронзы (Рубан 1975).

180. Новобогдановка IV. Поселение расположено в 1,6 км на запад от с. Новобогдановка, на северном склоне балки выходящей к правому берегу Бугского лимана, Открыто В.В. Рубаном в 1974 г. Площадь 9 га, культурный слой до 1 м. Найдены фрагменты лепной керамики, кости животных и литейная форма. Датируется сабатиновской культурой (Рубан 1975).

181. Новобогдановка V. Поселение расположено в 2 км на запад от с. Новобогдановка, на северном склоне балки, выходящей к правому берегу Бугского лимана. Открыто В.В. Рубаном в 1974 г. Площадь 4 га, культурный слой серозолистый 0,1-0,5м. Датируется эпохой поздней бронзы (Рубан 1975).

182. Новобогдановка VI. Поселение расположено в 500 м на юг от с. Новобогдановка, на мысу, образованном устьем балки и правым берегом Бугского лимана. Открыто В.В. Рубаном в 1974 г. Площадь 6 га, культурный слой 0,5 м. На поверхности видны скопления камней. Собраны фрагменты баночных сосудов и горшков, украшенных налепными валиками и насечками, а также зернотёрки, растиральники, керамическое лощило. Поселение двухслойное: античность и сабатиновская культура (Рубан 1975).

183. Новобогдановка VIII. Поселение расположено в 3 км на юго-запад от с. Новобогдановка, на южном склоне балки, выходящей к правому берегу Бугского лимана. Открыто Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1947 г. Обследовано В.В. Рубаном в 1974 г. Площадь 2 га, культурный слой серозолистый, до 1 м. Поселение двухслойное: античность и сабатиновская культура (Рубан 1975).

184. Сливино I. Поселение расположено в 300 м на север от пгт Весняное, на плато правого берега р. Ю. Буг. Открыто Скифской экспедицией в 1957 г. Площадь 5 га, культурный слой до 0,5 м. На территории поселения встречается много известняковых камней. Собран подъемный материал (лепная керамика и амфорный бой). С северо-запада к поселению примыкают 4 кургана. Датируется сабатиновской культурой (Елагина 1957).

185. Сливино II. Поселение расположено в 400 м на запад от с. Сливино, на плато правого берега р. Ю. Буг. Открыто экспедицией НКМ в 1992 г. Площадь 5 га. Собраны фрагменты лепной керамики и костей животных, есть также обломки амфор. На территории памятника встречается небольшое количество известняковых камней. Датируется эпохой поздней бронзы (Архив ГИОПК).

186. Старая Богдановка VI. Поселение расположено в 1,6 км на запад от с. Старая Богдановка, на мысе северного склона Крутой балки и в 2 км от лимана. Открыто В.В. Рубаном в 1974 г. Площадь 2 га. Поселение двухслойное: античного времени и сабатиновской культуры (Рубан 1975).

187. Старая Богдановка VIII. Античное поселение расположено в 2,8 км на северо-запад от села, на левом берегу Старобогдановской балки. Открыто В.В. Рубаном в 1974 г. В 2012 г. сотрудниками ГИОПК на территории памятника обнаружена керамика эпохи поздней бронзы (Архив ГИОПК).

188. Сухая Балка. Поселение находится в 200 м на северо-восток от с. Сухая Балка, на склоне балки, выходящей к правому берегу р. Ю. Буг. Открыто экспедицией НКМ в 1968 г., в этом же году проведены небольшие раскопки. Площадь 1 га, культурный слой до 1 м. Выявлены остатки каменных жилищ, расположенных в два ряда вдоль балки. Найдены многочисленные фрагменты лепной керамики – корчаги, горшки, кубки, биконические сосуды с валиковым орнаментом; каменные орудия – зернотёрки, растиральники, боласы, литейный шлак, фрагменты каменных топоров; бронзовые изделия – кинжал, шило; много костей диких и домашних животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Никитин 1971).

189. Шостаково. Поселение расположено на восточной окраине села, в 1 км от Ю. Буга, на большом мысу, образованном двумя балками, выходящим к реке. Открыто экспедицией ОАМ в 1958 г. Собраны обломки лепной сероглиняной посуды с орнаментами в виде валика с насечками и ямками, а также фрагменты амфоры. Датировано эпохой поздней бронзы (Патокова 1960, 205).

190. Кателино I. Поселение находится на северо-западной окраине с. Кателино, на плато, в 1 км на запад от правого берега Бугского лимана. Открыто Каминским Ф. Т. в 1925 г. Обследовано В.В. Рубаном в 1974 г. Площадь 2,3 га, культурный слой 0,5 м. Поселение двухслойное: античность и поздняя бронза (Рубан 1974).

191. Козырка X. Поселение расположено в 800 м на юго-запад от с. Козырка, в 0,5 км на запад от правого берега Бугского лимана. Открыто В.В. Рубаном в 1974 г. Площадь 1 га, культурный слой до 0,5 м. Датируется поздней бронзой (Рубан 1974).

192. Парутино VIII. Поселение находится в северной части с. Парутино, на склоне правого высокого берега Бугского лимана. Открыто разведками Ольвийской экспедиции. Площадь 1 га. Датировано эпохой поздней бронзы.

193. Широкая Балка. Поселение расположено в 1,5 км на юг от городища Ольвия, на правом высоком берегу Бугского лимана, на территории античного поселения Широкая Балка I. Открыто в 1932 г. Ольвийской экспедицией. Проведены раскопки античного памятника. Среди античного материала встречается керамика сабатиновской культуры обиточненского типа (Кривцова-Гракова 1955, 155).

Река Ингул. Левый берег Бугского лимана

194. Балабановка I. Поселение расположено на месте старого Балабановского кладбища, на южном склоне балки, выходящей к берегу Бугского лимана. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1964 г. Площадь 0,7 га, культурный слой в среднем 0,5 м, сильно поврежден современными могилами. В 1997 г. экспедицией НГПИ (рук. Ю.С. Гребенников) проведены раскопки на общей площади в 1500 м². Найдено два развала крупных горшков с валиками и защипами и кости КРС. Также найдены отмостка наземного и остатки углубленного жилищ и 36 фрагментов лепных сосудов, болас и растиральник. Датируется сабатиновской культурой (Требух 2006).

195. Балабановка IV. Стоянка расположена в 400 м на юг от пос. Балабановка, на плато. Открыто Клюшинцевым В. Н. в 1963 г. Площадь 0,15 га. Собран подъемный материал, датирующий памятник эпохой средней (КМК) и поздней бронзы. Фрагменты керамики украшены валиком и вдавлениями (Клюшинцев 1973).

196. Балабановка VII. Поселение расположено в 4 км на юго-восток от пос. Балабановка, на плато, в 10 км от его берега. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1967 г. Раскопки проводила Николаевская экспедиция ИА НАНУ в 1985-86 гг. Площадь 4 га, культурный слой 0,2-0,7 м. Раскопан участок более 1000 м². Планировка строительных комплексов рассеянная. Раскрыты три группы многокамерных жилых и хозяйственных построек, разделенных улицей шириной в среднем около 5 м. Площадь жилищ 34-70 м². Также найдены зольник, 2 колодца, хозяйственные ямы, много фрагментов лепной керамики (банки, горшки с налепным валиком, кубки, черпаки и др.), кости животных, орудия из камня, фрагмент бронзового браслета и бронзовая игла. Датируется сабатиновской культурой (Фоменко, Клюшинцев 1986).

197. Балабановка VIII. Стоянка расположена в 1,1 км на юг от пос. Балабановка, на плато. Открыто В.Н. Клюшенцевым в 1967 г. Площадь 0,5 га. Найдены обломки лепной керамики. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1973).

198. Балабановка X. Стоянка расположена в 1,8 км на юг от пос. Балабановка, на плато. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1964 г. Площадь 0,56 га. Найдены обломки лепной керамики баночных форм, которая украшена валиком. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1973).

199. Балабановка XII. Стоянка расположена в 400 м на юг от завода железобетонных изделий пос. Балабановка, на плато. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1963 г. Площадь 0,72 га. Найдены обломки лепной керамики. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1973).

200. Водоканал I. Стоянка расположена возле северо-восточной окраины пос. Жовтневое, на левом склоне Витовской балки, выходящей к берегу Бугского лимана. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1964 г. Площадь 0,35 га. Собран 21 фрагмент лепной керамики. Датируется эпохой поздней бронзы (Клюшинцев 1973).

201. Галициновка VI. Стоянка расположена в 0,1 км на север от с. Галициновка, на песчаных отложениях берега Бугского лимана. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1973 г. Площадь 0,3 га. Собрано несколько фрагментов лепной керамики баночных форм. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1973).

202. Галициновка VII. Стоянка расположена на северо-западной окраине с. Галициновка, на песчаных отложениях берега Бугского лимана. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1973 г. Площадь 0,3 га. Собрано несколько фрагментов лепной керамики с валиками. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1973).

203. Галициновка VIII. Стоянка расположена в 0,4 км на север от с. Галициновка, на песчаных отложениях берега Бугского лимана. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1973 г. Площадь 0,35 га. Собраны фрагменты лепной керамики баночной формы и кубков с заглаженной поверхностью. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1973).

204. Галициновка X. Стоянка расположена в 0,6 км на север от с. Галициновка, на песчаных отложениях берега Бугского лимана. Открыта В.Н. Клюшинцевым в 1971 г. Площадь 0,3 га. Собрано несколько фрагментов лепной керамики. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1971).

205. Галициновка XV. Стоянка расположена в 1 км на юг от с. Галициновка, на песчаных отложениях берега Бугского лимана. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1971 г. Площадь 0,45 га. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1971).

206. Дикий Сад. Городище находится на углу ул. Артиллерийская и Набережная г. Николаева, на высоком левом берегу р. Ингул в месте впадения её в Бугский лиман. Открыто Ф.Т. Каминским в 1927 г. Исследовалось экспедицией КГУ в 1951 г. (рук. Л.М. Славин). С 1991 г. экспедиция НГПИ начала его систематические исследования. Площадь 3 га, культурный слой до 1,5 м. К 2017 г. раскопанная площадь достигала 7000 м^2. Исследованы остатки 39 жилищ, культовых и хозяйственных построек с каменным основанием. Кладки в некоторых местах сохранили 3-4 ряда, в других помещениях камни поставлены на ребро. Обнаружены два рва глубиной 2,7 и 2 м, под которые приспособили овраги, проходящие по территории городища. Один ров опоясывал цитадель, а другой – посад. Найдено более 5000 фрагментов лепной керамики (горшки, кубки, корчаги, сковороды, жаровни). Также обнаружены льячка, литейная форма, зернотерки, отвес, боласы, растиральники и др. Костяные изделия представлены многочисленными псалиями, лощилами, орудиями из рога оленя, клыками с просверленными отверстиями и др. Также найдены бронзовые браслеты, два котла, булавки, стамески, ножи и шила. На территории городища в 2007 г. обнаружен клад, состоявший из 13 топоров-кельтов, стамески и одного наконечника дротика. Датируется позднебелозерским периодом. (Горбенко, Гребенников 2007).

207. Добрая Надежда I. Поселение расположено в 1,5 км на запад от с. Добрая Надежда, в пойме правого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 0,9 га, культурный слой до 0,8 м. Собраны фрагменты лепных сосудов и кости животных. Датируется поздней бронзой (Елагина, Погребова 1959).

208. Добрая Надежда II. Поселение расположено в 1,7 км на запад от с. Добрая Надежда, в пойме правого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь поселения 0,7 га, культурный слой 0,3-0,5 м. Собраны фрагменты лепных сосудов и кости животных. Датируется поздней бронзой (Елагина, Погребова 1959).

209. Жовтневое VI. Стоянка находится в пос. Жовтневое, в 400 м на запад от школы №44, на плато. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1963 г. Площадь 0,3 га. Собраны фрагменты лепной посуды баночной формы. Датируется поздней бронзой (Клюшинцев 1973).

210. Жовтневое VII. Стоянка находится на южной окраине пос. Жовтневое. Зафиксировано скопление керамики эпохи поздней бронзы (Архив В.Н. Клюшинцева).

211. Жовтневое XVII. Стоянка расположена в 150 м на северо-запад от гостиницы «Металлург» поселка Жовтневое, на плато. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1967 г. Площадь 0,5 га. Собран подъемный материал. Датируется поздней бронзой (Клюшинцев 1973).

212. Зайчевское III. Поселение расположено в 1 км на восток от с. Зайчевское, на правом берегу р. Ингул. Открыто экспедицией ННУ в 2012 г. Площадь 1,5 га, культурный слой 0,15-0,3 м. Собраны фрагменты лепной посуды с ангобом, расчёсами и орнаментами в виде прочерченных линий. Также найдены курант и остеологический материал. Датируется сабатиновской культурой (Олейниченко, Філатов 2014).

213. Калиновка IV. Поселение расположено на юго-западной окраине с. Калиновка, на склоне левого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 1,5 га, культурный слой 0,5-0,6 м. Проведена шурфовка, вскрыты остатки каменного строения. Собраны фрагменты лепной керамики и кости животных. Датируется средней бронзой и сабатиновской культурой (Елагина, Погребова 1959).

214. Калиновка V. Поселение расположено в 0,5 км на север от с. Калиновка, на склоне поймы левого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 0,5 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Собраны фрагменты лепной керамики и кости животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Елагина, Погребова 1959).

215. Коларовка II. Поселение расположено на юго-восточной окраине с. Каравелово, на склоне правого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 2 га, культурный слой 0,5 м. Собраны фрагменты лепной керамики, украшенные прорезными линиями, треугольными и ногтевыми вдавлениями. Датируется ИКК и эпохой поздней бронзы (Елагина, Погребова 1959).

216. Коларовка III. Поселение находится в 1,5 км на восток от с. Каравелово, в пойме правого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 2 га, культурный слой 0,5 м. Собран подъемный материал. Датируется ИКК и поздней бронзой (Елагина, Погребова 1959).

217. Лесхоз I. Стоянка расположена в 4,3 км на северо-восток от с. Лиманы, на плато. Открыто Клюшинцевым В.Н. в 1973 г. Площадь 0,3 га. На поверхности собраны фрагменты лепной керамики и кремневые отщепы. Датируется ИКК и сабатиновской культурой (Клюшинцев 1973).

218. Лесхоз II. Стоянка находится в 3,8 км на северо-восток от с. Лиманы, на плато. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1973 г. Площадь 0,56 га. Собраны фрагменты лепной керамики с валиком и косыми насечками. Найден фрагмент жаровни. Датируется поздней бронзой (Клюшинцев 1973).

219. Лесхоз III. Стоянка находится в 3 км на северо-восток от с. Лиманы, на мысоподобном выступе берега Бугского лимана. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1973 г. Площадь 0,8 га. Собрано немного фрагментов лепной керамики. Украшена валиком с вдавлениями. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1973).

220. Лиманы VII. Поселение расположено в 2,3 км на северо-запад от с. Лиманы, на высоком берегу Бугского лимана. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1963 г. Обследовано Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь 1,5 га, культурный слой 0,6-0,7 м. Собран подъемный материал, который датируется эпохой поздней бронзы (Клюшинцев 1971).

221. Лиманы VIII. Поселение расположено в 2,7 км на север от с. Лиманы на склоне отрога небольшой балки, выходящей к берегу Бугского лимана. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1967 г, прошурфовано Ингульской экспедицией в 1976 г. Площадь 4 га, культурный слой 0,4-0,5 м. На поверхности видны остатки каменного домостроительства. Собраны фрагменты банковидных сосудов, горшков, кубков, жаровен, орнаментированных валиком, наколками и насечками. Также найдены зернотерки, отбойники, боласы, растиральники, терочник и кости животных. Датируется поздней бронзой (Клюшинцев 1971).

222. Лиманы XII. Поселение расположено в 1,2 км на север от с. Лиманы, на краю мыса берега Бугского лимана. Открыто В.Н. Клюшинцевым в 1971 г. Площадь 4 га, культурный слой 0,4-0,5 м. Найдены фрагменты лепной керамики баночной формы с валиком, кости животных и фрагмент литейной формы. Найдено несколько фрагментов петельчатых ручек. Датируется поздней бронзой (Клюшинцев 1971).

223. Лупарево II. Поселение расположено на южной окраине с. Лупарево, на высоком берегу Бугского лимана. Открыто Ольвийской экспедицией в 1947 г. Раскопки проведены экспедицией ЛОИА в 1975-1977 и 1980-1981 гг. Сохранившаяся площадь 1 га, культурный слой 0,5-0,6 м. Площадь раскопа 417 м^2. Раскопан строительный комплекс №4, относящийся к поздней бронзе. Он представляет собой четырехугольное помещение, немного углубленное в землю и с рядом конических ям для опорных столбов. Вокруг него много хозяйственных ям. Найдены фрагменты лепной керамики с налепным и оттянутым валиком, с верёвочным орнаментом и бронзовый нож. Датируется сабатиновской культурой. Верхние слои памятника датируются архаикой и классическим периодом (Виноградов, Марченко 1986, 59-60).

224. Лупарево VII. Стоянка находится в 1,1 км на юг от с. Лупарево, на плато. Открыта В.Н. Клюшинцевым в 1973 г. Площадь 1,5 га, культурный слой 0,3 м. Собраны фрагменты лепной керамики с валиком. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1973).

225. Лупарево VIII. Поселение расположено в 1,8 км на юг от с. Лупарево, на плато. Открыта В.Н. Клюшинцевым в 1973 г. Площадь 1,2 га, культурный слой 0,3-0,5 м. Собраны фрагменты лепной керамики баночной формы и кости животных, на поверхности видны известняковые камни. Датируется сабатиновской культурой (Клюшинцев 1973).

226. Мешково V. Поселение расположено в западной части с. Мешково-Погорелово, в пойме левого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 3 га, культурный слой 0,3-0,5 м. Датируется поздней бронзой (Елагина, Погребова 1959).

227. Михайло-Ларино I. Поселение находится в 1 км на юг от с. Михайло-Ларино, на склоне левого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 0,8 га, культурный слой 0,3 м. Собраны 43 фрагмента лепной керамики, кости животных, кремневые отщепы. Датируется ИКК и поздней бронзой (Елагина, Погребова 1959).

228. Михайло-Ларино II. Поселение расположено в 0,9 км на север от с. Михайло-Ларино, на второй надпойменной террасе левого берега р. Ингул. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 0,8 га, культурный слой 0,2-0,4 м. Собраны фрагменты лепной керамики, орнаментированные расчесами и прорезными линиями, а также кремневые орудия и гранитный терочник. Датируется ИКК и поздней бронзой (Елагина, Погребова 1959).

229. Михайло-Ларино III. Поселение находится в 0,2 км на юг от с. Михайло-Ларино, на северном склоне древней балки, выходящей к левому берегу Ингула. Открыто экспедицией МГУ в 1956 г. Площадь 0,9 га, культурный слой 0,4 м. Собраны фрагменты лепной керамики, часть которой с расчесами. Датируется ИКК и поздней бронзой (Елагина, Погребова 1959).

230. Новогалициновка II. Стоянка находится в 1,5 км на северо-запад от с. Новогалициновка, на песчаных отложениях берега Бугского лимана. Открыта В.Н. Клюшинцевым в 1964 г. Площадь 0,6 га, культурный слой до 0,4 м. Собраны фрагменты лепной керамики. Датируется эпохой поздней бронзы (Клюшинцев 1973).

231. Обсерватория. Поселение расположено на территории Николаевской астрономической обсерватории, на самом высоком в этом районе участке плато левого берега Бугского лимана. Открыто Каминским Ф. Т. В 1991 г. экспедиция НКМ (рук. И.А. Снытко) провела небольшие раскопки. Площадь поселения примерно 0,9 га, культурный слой 0,25-1 м. Раскоп составлял 80 м². В культурном слое много остатков речных моллюсков. Найдены фрагменты лепных округлобоких горшков с прямыми или слегка отогнутыми наружу венчиками. Украшены параллельными желобками, ёлочным, зубчатым и в виде ногтевых насечек орнаментами. Обнаружено скопление астрагалов. Поселение датируется ИКК, также найдена керамика поздней бронзы (Снытко, Липавский 1991).

232. Пересадовка I. Поселение расположено в 3 км на юг от с. Пересадовка, на склоне правого берега р. Ингул. Открыто экспедицией ИИМК АН СССР в 1956 г. Площадь 2,5 га, культурный слой 0,4-0,8 м, сильно золистый. Раскопки проводила вышеназванная экспедиция в 1956 г. (рук. Н.Н. Погребова). На вскрытом участке обнаружен многокамерный комплекс каменных построек размером 9х9,5м. Помещения слегка углублены в землю, камни фундамента поставлены на ребро. В постройках имеются очаги, много хозяйственных ям. Найдено 124 фрагмента лепной керамики с расчесами, штампованным орнаментом, несколькими валиками, бронзовый нож и кости животных. На памятнике также встречается керамика ИКК, КМК, скифской культуры и кремневые орудия. Датируется сабатиновской культурой (Погребова 1960).

233. Пересадовка Iа. Расположено в 150-200 м восточнее поселения Пересадовка 1 (возможно является его продолжением или удалённой частью). Открыто экспедицией ИИМК АН СССР в 1956 г. Собранный подъёмный материал аналогичен материалу поселения Пересадовка I (Погребова 1960).

234. Пересадовка II. Поселение расположено на юго-восточной окраине с. Пересадовка, на первой надпойменной террасе правого берега р. Ингул. Открыто экспедицией ИИМК АН СССР в 1956 г. Площадь 2 га, культурный слой до 0,95 м. Собраны фрагменты лепной керамики с расчесами, штамповочным и зубчатым орнаментами, есть один венчик с резным узором. Поселение датируется сабатиновской культурой (Елагина, Погребова 1959).

235. Терновка I. Поселение находится на северо-западной окраине поселка Терновка, на высоком мысу правого склона Терновской балки. Открыто директором местной школы. В 1956 г. проведена шурфовка Ольвийской экспедицией (рук. Л.М. Славин). Площадь 6 га, культурный слой 0,5-0,6 м, сильно золистый. В разные годы было собрано 235 фрагментов лепной керамики разных типов. На поселении зафиксированы выходы известняковых кладок. В современных траншеях обнаружены остатки жилищ полуземляночного типа, фрагменты зернотёрки и кости животных. Датируется эпохой поздней бронзы (Никитин 1991, 35).

236. Морпорт. Местонахождение находится в южной части Николаевского полуострова, на высоком берегу Бугского лимана, в районе ул. Заводской. Открыто Ф.Т. Каминским в 20-е гг. XX в. На античном поселении найдены фрагменты лепной посуды с валиком (Гребенников, Клюшинцев 2016).

Библиогафия

Березанская и др. 1986: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).

Бураков и др. 1976: А.В. Бураков, В.М. Отрешко, С.Б. Буйских, В.П. Дудкин, Разведки Периферийного и Геофизического отрядов Ольвийской экспедиции. В: АО 1975 года (Москва 1976), 311.

Бураков, Буйских 1976а: А.В. Бураков, С.Б. Буйских, Отчет о разведочных работах Периферийного отряда Ольвийской экспедиции ИА АН УССР в 1976 г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1976/1д.

Бураков, Буйских 1977: А.В. Бураков, С.Б. Буйских, Отчет о разведках по побережью Причерноморских заливов в 1977 г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1977/8.

Ванчугов 1990: В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1990).

Виноградов, Марченко 1986: Ю.Г. Виноградов, К.К. Марченко, Античное поселение Лупарево II. В сб.: (Отв. ред. А.С. Русяева) Ольвия и её округа (Киев 1986), 59-68.

Гаврилов, Гребенников 2004: С.І. Гаврилов, В.Б. Гребенников, Розкопки поселення доби пізньої бронзи біля с. Баловне. В: Матеріали V Миколаївської обласної краєзнавчої конференції (Миколаїв 2004), 70-71.

Гаркуша 1959: Л.Г. Гаркуша, Археологічні пам'ятки в басейні р. Кодима. В: Матеріали з археології Північного Причорномор'я, 2 (Одеса 1959), 99-101.

Горбенко, Гребенников 2007: К.В. Горбенко, Ю.С. Гребенников, «Дикий Сад» археологический памятник XIII-IX вв. до н.э.- ровесник Трои (Николаев 2007).

Гребенников и др. 2010: В.Б. Гребенников, О.О. Бродецький, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Миколаївського району (Миколаїв 2010).

Гребенников и др. 2011: В.Б. Гребенников, В.В. Генчев, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Новобузького району (Новий Буг 2011).

Гребенников, Яценко 2012: В.Б. Гребенников, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Новоодеського району (Миколаїв 2012).

Гребенников, Яценко 2014: В.Б. Гребенников, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Вознесенського району (Миколаїв 2014).

Гребенников, Яценко 2014а: В.Б. Гребенников, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Первомайського району (Миколаїв 2014).

Гребенников, Яценко 2015: В.Б. Гребенников, С.М. Яценко, Пам'ятки археології Баштанського району (Миколаїв 2015).

Гребенников, Клюшинцев 2016: В.Б. Гребенников, В.М. Клюшинцев, Поселення пізньої бронзи на лівобережжі Бузького лиману. В сб.: (Отв. ред. М.В. Гончар) Минуле та сучасність. Херсонщина. Таврія. Каховка (Каховка-Херсон 2016), 48-50.

Гребенников и др. 1996: Ю.С. Гребенников, В.Б. Гребенников, И.А. Снытко, С.И. Гаврилов, Отчет разведочной экспедиции НКМ о работе в 1996 г., Фонды НКМ.

Дзиговский и др. 1997: А.Н. Дзиговский, А.А. Пригарин, И.В. Пиструил, Памятники археологии и казачества Доманевского района. В: Матеріали II Миколаївської краєзнавчої конференції, 1 (Миколаїв 1997), 37-42.

Єсипенко 1956: А.Л. Єсипенко, Археологічні розвідки Одеського музею у 1950-51 рр. В: Археологічні пам'ятки УРСР, 6 (Киев 1956), 203-204.

Елагина 1957: Н.Г. Елагина, Отчет Скифской степной экспедиции истфака МГУ за 1957г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1957/34.

Елагина, Погребова 1959: Н. Г. Елагина, Н. Н. Погребова, Археологическая разведка по берегам Ингула. КСИА АН СССР, 77 (Москва 1959), 21-34.

Збенович 1972: В.Г. Збенович, Розвідкові роботи на Південному Бузі. В: Археологічні дослідження в Україні за 1969 р. (Київ 1972), 352-357.

Каминский 1926: Ф.Т. Каминский, Исследовательские экскурсии по Николаевщине. Фонды НКМ, 1926.

Клочко 2011: В.І. Клочко, Бузький торговельний шлях. В сб.: (Отв. ред. В.І. Клочко) Гордіївський могильник (Вінниця 2011), 114-180.

Клюшинцев 1971: В.Н. Клюшинцев, Отчет левобережной разведывательной группы Бугского лимана Ольвийской экспедиции ИА АН УССР. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1971/20б.

Клюшинцев 1973: В.Н. Клюшинцев, Отчет об итогах разведочных работ на левом берегу Бугского лимана. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1973/13.

Клюшинцев 1976: В.Н. Клюшинцев, Новые памятники бронзы Нижнего Побужья. В сб.: Открытия молодых археологов Украины (Киев 1976), 1, 15.

Клюшинцев 1993: В.Н. Клюшинцев, Работы Бугского отряда. В: Археологічні дослідження в Україні у 1991 р. (Луцьк 1993), 43.

Клюшинцев 1995: В.Н. Клюшинцев, Поселения земледельцев и скотоводов позднего бронзового века Гранитно-Степного Побужья (Киев-Южноукраинск 1995).

Клюшинцев 1997: В.Н. Клюшинцев, Сабатиновская культура в Побужье (поселения и жилища). В сб.: (Отв. ред. В.Н. Клюшинцев) Сабатиновская и срубная культуры (Киев-Николаев-Южноукраинск 1997), 49-52.

Клюшинцев 1997а: В.Н. Клюшинцев, Культурно-хронологические группы поселений эпохи бронзы южнобугских степей. В: Матеріали II Миколаївської обласної краєзнавчої конференції, 1 (Миколаїв 1997), 18-21.

Клюшинцев 1997б: В.Н. Клюшинцев, Клад с поселения Бугское IV и аспекты сабатиновской металлообработки. В сб.: (Отв. ред. В.Н. Клюшинцев) Сабатиновская и срубная культуры (Киев-Николаев-Южноукраинск 1997), 12-17.

Ковпаненко 1976: Г.Т. Ковпаненко, Отчет Южно-Бугской экспедиции за 1976 г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1976/12.

Козубовський 1933: Ф.А. Козубовський, Археологічні дослідження на території Богесу (Київ 1933), 3-30.

Кривцова-Гракова 1955: О.А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46 (Москва 1955).

Лобко, Снитко 2003: О.Г. Лобко, І.О. Снитко, Звіт про археологічну розвідку Березнегуватського, Єланецького, Новобузького і Снігурівського районів у 2003 р. Фонды ГИОПК.

Лобко, Снитко 2004: О.Г. Лобко, І.О. Снитко, Археологічні розвідки на Миколаївщині у 2003р. В: Матеріали V Миколаївської обласної краєзнавчої конференції (Миколаїв 2004), 79-80.

Лысенко, Олейниченко 2013: С. Лысенко, Е. Олейниченко, Новая находка литейной формы сабатиновской культуры. Аркасівські читання. В: Матеріали III міжнародної науково-практичної конференції (Миколаїв 2013), 65-68.

Никитин 1971: В.И. Никитин, Поселение эпохи бронзы у с. Сухая Балка. В: Археологические исследования в Украине в 1968 г., 3 (Киев 1971), 64-66.

Никитин, Черняков 1981: В.И. Никитин, И.Т. Черняков, Курлозовский клад эпохи поздней бронзы. СА 2, 1981, 151-160.

Никитин 1986: В.И. Никитин, Отчет НКМ о раскопках поселения Баловное и о разведках в Братском и Веселиновском районах в 1986 г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1986/97.

Нікітін 1986а: В.І. Нікітін, Поселення доби середньої бронзи поблизу с. Мала Корениха Миколаївської обл. Археологія 54, 1986, 52-58.

Никитин 1988: В.И. Никитин, Раскопки многослойного поселения у с. Баловное Николаевской области. В: АО 1986 года (Москва 1988), 317.

Никитин 1991: В.И. Никитин, Катакомбные поселения и стойбища в Нижнем Побужье. В сб.: (Отв. ред. А.В. Гаврилов) Проблемы археологии Северного Причерноморья (Херсон 1991), 34-48.

Нікітін, Требух 2006: В.І. Нікітін, О.О. Требух, Дослідження поселення сабатинівської культури Забари на Первомайщині. В: Матеріали VI Миколаївської обласної краєзнавчої конференції (Миколаїв 2006), 55-57.

Нікітін, Требух 2008: В.І. Нікітін, О.О. Требух, Дослідження поселення сабатинівської культури Авдотіївка у Південному Побужжі. В: Матеріали VII Миколаївської обласної краєзнавчої конференції (Миколаїв 2008), 61-67.

Нікітін, Требух 2010: В.І. Нікітін, О.О. Требух, Поселення доби бронзи Варварівка II. В: Матеріали VIII обласної краєзнавчої конференції (Миколаїв 2010), 49-56.

Олейниченко, Філатов 2014: Є. Олейниченко, Д. Філатов, До питання археологічних досліджень епохи пізньої бронзи на території Миколаївщини. Аркасівські читання. В: Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції (Миколаїв 2014), 29.

Панковський 2007: В.Б. Панковський, Кістяна і рогова індустрія з поселення сабатинівської культури Новогригорівка. В: Матеріали та дослідження з археології Східної України (від неоліту до кіммерійців), 7 (Луганськ 2007), 234-243.

Патокова 1959: Е.Ф. Патокова, Археологічні пам'ятки по течії р. Савранки. В: Матеріали з археології Північного Причорномор'я, 2 (Одеса 1959), 131-134.

Патокова 1960: Э.Ф. Патокова, Обследование правобережья Южного Буга. В: Записки Одесского археологического общества, 1(34) (Одеса 1960), 202-208.

Погребова 1960: Н.Н. Погребова, Пересадовское поселение на Ингуле. СА 4, 1960, 76-90.

Погребова, Кондрацкий 1960: Н.Н. Погребова, Л.В. Кондрацкий, Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области. КСИИМК АН СССР, 78 (Москва 1960), 74-84.

Рубан 1974: В.В. Рубан, Отчет о разведках и раскопках по правому берегу Бугского лимана в 1974 г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1974/71.

Рубан 1975: В.В. Рубан, Разведка по Правобережью Бугского лимана. В: АО 1974 года (Москва 1975), 346.

Рубан 1978: В.В. Рубан, Отчет об археологической разведке территории Николаевского и Очаковского районов Николаевской области 1978г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1978/24а.

Рыбалова 1978: В.Д. Рыбалова, Сабатиновские поселения р. Синюхи и некоторые проблемы поздней бронзы. В сб.: (Отв. ред. Л.С. Клейн) Проблемы археологии, 2 (Ленинград 1978), 61-67.

Славін 1956: Л.М. Славін, Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949-50 рр. В: Археологічні пам'ятки УРСР, 5 (Київ 1956), 27-150.

Снытко, Гребенников 1986: И.А. Снытко, В.Б. Гребенников, Отчет экспедиции НКМ о разведках и охранных раскопках на территории Николаевской области в 1986 г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1986/108.

Снытко, Гребенников 1987: И.А. Снытко, В.Б. Гребенников, Отчет разведочной экспедиции НКМ об исследованиях в Николаевской области в 1987 г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1987/64.

Снытко, Липавский 1991: И.А. Снытко, С.А. Липавский, Отчет ОПЭ НКМ об охранных раскопках в Николаевской области в 1991 г. Фонды НКМ.

Снытко и др. 1997: И.А. Снытко, В.Б. Гребенников, Ю.С. Гребенников, С.И. Гаврилов, Отчет о разведках в Братском и Жовтневом районах в 1997 г. Фонды НКМ.

Снитко, Лобко 2002: І.О. Снитко, О.Г. Лобко, Звіт про археологічну розвідку в Новоодеському районі Миколаївської області у 2002. Фонди ДІОПК.

Снитко 2004: І.О. Снитко, Звіт про натурні обстеження Вознесенського та Кривоозерського районів у 2004 р. Фонды ГИОПК.

Сымонович 1950: Э.А. Сымонович, Отчет о работе Буго-Днепровской экспедиции (1950г.). Рукопись ИА НАНУ, 1950.

Сымонович 1966: Э.А. Сымонович, Ингульский клад. СА 1, 1966, 127-142.

Требух 2006: О.О. Требух, Дослідження поселення сабатинівської культури Балабанівка I у 1997 р. В: Історичні науки. Наукові праці (Миколаїв 2006), 62, 49, 88-90.

Фабрициус 1951: И.В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР (Киев 1951).

Филатов 2012: Д.В. Филатов, Исследования поселения Розановка I. В: Археологічні дослідження в Україні у 2011 р. (Київ 2012), 350-351.

Філатов 2013: Д.В. Филатов, Нові пам'ятки археології Новобузького району Миколаївської області. В: Матеріали IX Миколаївської обласної краєзнавчої конференції (Миколаїв 2013), 30-32.

Філатов, Форносова 2014: Д. Філатов, Б. Форносова, Археологічні дослідження поселення Крива Балка. Аркасівські читання. В: Матеріали VI міжнародної науково-практичної конференції (Миколаїв 2014), 38-40.

Фоменко, Клюшенцев 1986: В.Н. Фоменко, В.Н. Клюшенцев, О работе Явкинского отряда. В: АО 1985 года (Москва 1986), 423.

Фоменко 1997а: В.Н. Фоменко, О материалах сабатиновской культуры на скале Кременчук в Нижнем Побужье. В сб.: (Отв. ред. В.Н. Клюшинцев) Сабатиновская и срубная культуры (Киев-Николаев-Южноукраинск 1997), 69-70.

Фоменко и др. 1997б: В.Н. Фоменко, В.Ф. Елисеев, Н.П. Шевченко, Раскопки поселения эпохи бронзы Щуцкое I на р. Бакшале. В: Археологічні дослідження в Україні 1993 року (Київ 1997), 138-139.

Фоменко 2003: В.Н. Фоменко, Материалы сабатиновской культуры поселения Кременчук в Южном Побужье. В: Археологічні дослідження в Україні 2001-2002 рр. (Київ 2003), 303-309.

Фоменко, Требух 2010: В.М.Фоменко, О.О. Требух, Багатошарове поселення Лідина Балка на Південному Бузі. В: Матеріали VIII обласної краєзнавчої конференції (Миколаїв, 2010), 93-95.

Фоменко и др. 2010: В.М. Фоменко, М.Т. Товкайло, О.О. Требух, Дослідження Миколаївської експедиції в зоні добудови Ташлицької ГАЕС. В: Археологічні дослідження в Україні 2009 року (Київ 2010), 445-448.

Фоменко и др. 2011: В.М. Фоменко, М.Т. Товкайло, О.О. Требух, Науково-рятівні дослідження багатошарових поселень Гард та Лідина Балка. В: Археологічні дослідження в Україні у 2010 році (Київ-Полтава 2011), 357-358.

Фоменко и др. 2014: В.М. Фоменко, Н.Б. Бурдо, Л.А. Спіцина, Багатошарова пам'ятка Ташлик II. Археологія і давня історія України 1(12), 2014, 137-151.

Черняков 1985: И. Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).

Шапошникова и др. 1967: О.Г. Шапошникова, И.Н Шарафутдинова, С.В. Смирнов, В.И. Никитин, Археологические разведки по берегам Ингула. В: Археологические исследования в Украине за 1965-66 гг., 1 (Киев 1967), 200-204.

Шапошникова и др. 1971: О.Г. Шапошникова, И.Н. Шарафутдинова, В.И. Никитин, Г.П. Ребедайло, Работы Ингульской экспедиции. В: Археологические исследования в Украине за 1968 г., 3 (Киев 1971), 27-30.

Шапошникова и др. 1974: О.Г. Шапошникова и др., Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1974 г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1974/12.

Шапошникова и др. 1976: О.Г. Шапошникова и др., Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1976 г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1976/7.

Шапошникова др. 1977: О.Г. Шапошникова и др. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1977 г. Научный архив института археологии Национальной Академии Наук Украины, 1977/15.

Шапошникова, Неприна 1977: О.Г. Шапошникова, В.Н. Неприна, Новорозановское многослойное поселение. В сб.: (Отв. ред. О.Г. Шапошникова) Древности Поингулья (Киев 1977), 52-65.

Шапошникова 1978: О.Г. Шапошникова, Раскопки курганов в Николаевской области. В: АО 1977 года (Москва 1978), 400.

Шапошникова и др. 1980: О.Г. Шапошникова, В.С. Бочкарёв, В.Н. Корпусова, Курганная группа у с. Привольное. В сб.: (Отв. ред. О.Г. Шапошникова) Археологические памятники Поингулья (Киев 1980), 17-70.

Шапошникова 1992: О.Г. Шапошникова, Розкопки в Бузько-Інгулецькому межиріччі. Археологія 1, 1992, 77-85.

Шарафутдинова 1968: И.Н. Шарафутдинова, Поселение поздней бронзы Новорозановка I. В: Археологические исследования в Украине в 1967 году (Киев 1968), 25-26.

Шарафутдинова 1982: И. Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. (Киев 1982).

Шарафутдинова 1988: И.Н. Шарафутдинова Раскопки поселения у с. Виноградный Сад на Южном Буге. В: АО 1986 года (Москва 1988), 349.

Шарафутдинова, Балушкин 1997: И.Н. Шарафутдинова, А.М. Балушкин, Поселение Виноградный Сад и проблемы сабатиновской культуры. В сб.: (Отв. ред. В.Н. Клюшинцев) Сабатиновская и срубная культуры (Киев-Николаев-Южноукраинск 1997), 35-36.

Шива 2015: О. Шива, Великосербулівка (сторінки минулого) (Миколаїв 2015).

Aşezări, staţiuni şi depozite din regiunea de stepă a bazinului Bugului din perioada târzie a epocii bronzului (contribuţii la harta arheologică)

Cuvinte-cheie: aşezări, staţiuni, situri arheologice, Bugul de Sud, perioada târzie a epocii bronzului.

Rezumat: În articol au fost repertoriate siturile din perioada târzie a epocii bronzului, amplasate în regiunea de stepă a bazinului Bugului de Sud: de la limita de nord a regiunii Nikolaev, care corespunde liniei de delimitare dintre stepă şi silvostepă, şi până la gurile limanului Bugului. De regulă, aşezările sunt amplasate în preajma râului Bugul de Sud sau afluenţilor acestuia. Graţie cercetărilor realizate în ultimele decenii s-a reuşit colectarea unei vaste informaţii cu privire la siturile din această perioadă, care este expusă succint în repertoriul de faţă. Bibliografia anexată oferă posibilitatea celor interesaţi să se documenteze mai amplu în privinţa siturilor arheologice din epoca bronzului din spaţiul menţionat.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta aşezărilor din perioada târzie a epocii bronzului din regiunea de stepă a bazinului Bugului de Sud (partea de nord). Numerotarea siturilor corespunde numerelor din textul articolului.

Fig. 2. Harta aşezărilor din perioada târzie a epocii bronzului din regiunea de stepă a bazinului Bugului de Sud (partea de sud). Numerotarea siturilor corespunde numerelor din textul articolului.

Settlements, sites and hoards of the Steppe Pobuzhye of the Late Bronze Age (materials for the archaeological map)

Keywords: settlements, sites, monuments, the Southern Bug, Late Bronze Age.

Abstract: The article addresses the sites of the Late Bronze Age located in the Steppe Pobuzhye: from the northern border of the Nikolaev Region, which passes near the forest-steppe zone, to the estuary of the Bug inlet. All the settlements are located by the rivers and in the beams entering the basin of the Southern Bug River. Thanks to many years of research, all the information on monuments is collected and a brief general description is given. The bibliography provides an opportunity to get acquainted with each described object.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of settlements of the Late Bronze Age in Steppe Pobuzhye (northern part). The settlement numbers on the map match to the settlement numbers in the text.

Fig. 2. Map of settlements of the Late Bronze Age in Steppe Pobuzhye (southern part). The settlement numbers on the map match to the settlement numbers in the text.

07.12.2017

Виктор Гребенников, Государственная инспекция по охране памятников культуры в Николаевской области, ул. Декабристов, 34/1, г. Николаев, Украина, e-mail: grebennikov.v2013@yandex.ru

ЯГОРЛЫКСКИЕ КУРГАНЫ БЛИЗ ДНЕСТРА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, КАРТОГРАФИЯ И ТОПОГРАФИЯ

Игорь Сапожников
Юрий Болтрик

Положение… места между обоими
Яурлыками для обитания кажется
всех выгоднее. Сия выгодность…
была причиною того, что оно…
обсеяно курганами

Андрей Мейер (1794, 109)

Ключевые слова: реки Днестр, Ягорлык и Сухой Ягорлык, водораздельный мыс, локальный регион, курганы, история изучения, картография, топография, торговые пути, дороги, перспективы раскопок.

Статья посвящена археологическим памятникам, преимущественно курганам, расположенным на мысу, образованном реками Ягорлык (Мокрый Ягорлык) и Сухой Ягорлык (Большой Сухой Ягорлык). Их долины сходятся у левого берега Днестра, а общая протяженность водораздела от с. Бочмановки Подольского района Одесской области составляет 44,5 км. Серповидный в плане мыс шириной 2-4 км (в нижней части – 5,6 км) на своем протяжении меняет ориентацию от С-СВ - Ю-ЮЗ до СВ - ЮЗ. Абсолютные высоты мыса падают сверху вниз от +230 м до +135 м, а уровни тальвегов низовий долин Ягорлыков до подтопления дамбой Дубоссарской ГЭС в 1954 г. лежали на отметках +9-10 м (сейчас 27,5 м). Гребень мыса волнообразен, так как местами его верхняя часть перемыта боковыми оврагами и балками. Эти особенности, вероятно, нашли свое отражение в именах обоих малых рек, так как *ägrilik, eğrilik* в переводе с тюркского значит «извилистый», «кривой».

Ближе к Днестру в бортах долин-каньонов, ниже лессов и песков вскрываются отложения белого известняка (котельца), который добывают карьерами и шахтами. По мысу на протяжении 25,8 км (до границы между Украиной и Молдовой) проходит автодорога М13 Полтава - Бухарест. Низы водораздела (сс. Дойбаны, Койково и Дубово) принадлежат Молдове. Большая его часть на протяжении 31,5 км входит в состав Украины (площадь до 100 км^2). На левом берегу р. Ягорлык стоят сс. Флора, Окны (райцентр), Новый Орач (Красный Пахарь), Малаевцы, Розовка (Илья), Розовка (Селунское), а на правом берегу Сухого Ягорлыка – Ставрово, Унтиловка, Будаевцы, Гулянка, Платоново, Федоровка, Новорозовка.

Этот компактный микрорегион является уникальным природно-географическим объектом как сам по себе, так и по своему местоположению. По р. Ягорлык проходит часть рубежа между зонами степи и лесостепи, а границы региона примыкают к долинам бассейна Днестра и его притоков Кучургана, Томашлыка и др., а также к верховьям долин рек Кодыма и Тилигул, которые стекают в Южный Буг и Черное море. С 1540-х гг. до 1793 г. по Ягорлыку шла граница Порты Оттоманской и Российской империи с Речью Посполитой, а позже – рубеж Херсонской и Подольской губерний.

Ягорлыкский мыс впервые описал и даже нарисовал 8 и 11 августа 1781 г. французский военный инженер на польской службе и художник Ж.-А. Мюнц, который сначала спустился на лодке по Днестру до устья Ягорлыка, а потом возвращался в коляске из Бендер в Польшу по дороге Дубоссары - Балта. В подписях к трем рисункам, изображающим место впадения Ягорлыка в Днестр и вид на долину реки чуть севернее с. Окон, он написал: «видно тут больше курганов, чем жителей», «на возвышенностях множество курганов, некоторые больших размеров». О долине реки он написал, что «она окружена горами высотой от 300 до 400 футов [90-120 м]» (Південна Україна 2005, 37-38, 43-44, рис. 30-31, 37).

Первое описание мыса в научной литературе принадлежит А. Мейеру, побывавшему здесь в 1791 г. Ученый обратил внимание на нали-

чие выходов «сливного камня[1]», «изящных сенокосов, особенно от устья Сухого Яурлыка до самой почты», но более всего его поразило обилие курганов (см. эпиграф). О последних он заметил, что, скорее всего, их насыпали славяне, хотя одновременно предположил их значительную древность, так как «вокруг сих курганов не видно ни малейших рытвин и понижений в местоположении...», из которых могла быть «взята земля для насыпания сих холмов» (Мейер 1794, 109-112, 201-202).

В том же году эту местность охарактеризовал военный инженер Ф.П. де Волан. Его рапорт содержит наблюдения по топографии, геологии, ботанике, дорогам, населению и пр. Из курганов он описал самый примечательный у с. Илья (Розовка): «На возвышенности, близ кургана есть заросшие древние руины, а на кургане даже квадратный фундамент (цоколь) довольно крепкого здания наподобие башни, построенной из обработанного камня на растворе» (Петрунь 1928, 161; Волан 2002, 123). На карте, приложенной к труду Ф.П. де Волана, вокруг этого кургана есть что-то наподобие крестовидной в плане стены или ограды (рис. 1). Говоря о Сухом Ягорлыке, он же упомянул поздние, но уникальные для Украины объекты: «По этим местам проходит часть почтовой дороги из Дубазара в Балту и т. д., и здесь находятся две почтовые станции. Рядом со другим местом [второй из них], недалеко от дороги находятся остатки турецкого караван-сарая, а в 13 верстах отсюда на той же дороге [в сторону Балты] еще один караван-сарай, восстановленный одним евреем, который держит тут постоялый двор» (Волан 2002, 124). Мы имеем в виду караван-сараи, о локализации которых скажем ниже.

Первая находка древних предметов была совершена здесь около 1805 г.: крестьянин П. Гончарук «во время оранки на кургане Сорой нашел три топорика». Позже рядом выявили два ручных каменных жернова (Ястребов 1894, 170). Около 1880-х годов жители раскопали два небольших кургана близ Дойбан и один (из пяти) у Койково, но встретили только человеческие кости (Ястребов 1894, 169; Гошкевич 1903, 54-55).

В начале 1890-х гг. В.Н. Ястребов собрал свод древностей Херсонской губернии, в котором Ягорлыцкие курганы заняли свое достойное место. Священник А. Хухровский сообщил, что «в Дубовской волости на р. Ягорлыке считается более 10 курганов»: близ самого села Дубовое 3 больших – один из них высотой 4-5 сажень (8-10 м) и два малых; близ села с. Дойбаны 2 кургана. Более подробные данные прислал ему К.С. Василиади, который насчитал на берегу р. Ягорлык (в границах 2-й Малаештской волости) 54 кургана, описал и привел имена самых крупных из них (Ястребов 1894, 168-170). Из-за отсутствия в публикации свода карты эти данные долгие годы оставались непривязанными, и к ним мы также еще вернемся.

В конце XIX в. «в 20 м от Трактирной могилы при вспашке земли на глубине 0,71 м была найдена плита размерами 2×1 м, под ней лежали человеческие скелеты и множество камней различной формы и величины». В начале XX в. у с. Малаевцы «при вспашке поля случайно обнаружены железные гвозди, бурав, коса, лемех, 6 серпов, 2 стремени, топорик, цепь для подвешивания котла и куски металла; медные три тарелки, кунган, еще три тарелки металлические» (Фабрициус 1951, 37; ОАК 1904, 132).

Здесь уместно сказать о двух открытиях первой трети XX в. поблизости от нашего региона у с. Маяки (Ново-Германовка), на левобережье б. Выжной – левого притока Сухого Ягорлыка. Первым был курган, раскопанный графом С.Г. Карузо на землях своего имения (Сообщение 1911, 20-21; Фабрициус 1951, 39). В нем открыли основную могилу позднего кочевника вместе с оседланной лошадью. Поскольку этот объект до сих пор не включен в сводки соответствубщих памятников (Добролюбский 1986; и др.), его описание публикуется ниже (прил. 1). Со своей стороны, исходя из анализа карт, мы можем предположить, что данный курган располагался в 4 км к ЮЗ от названного села, на плато, примыкающем к долине б. Выжной. Второй находкой стал случайно найденный в 1932 г. на поселении в 2,5 км к Ю от села так называемый «Красномаяцкий клад литейщика» из 19 каменных матриц для отливки кинжалов, копий, кельтов, долот,

[1] Плотного, сплошного, непористого (Даль 2001, 90).

ножа и пр., датированный рубежом XII-XI вв. до РХ (Черняков 1965).

Первая разведка, проведенная сотрудниками ОАМ в 1954 г., затронула в основном правый берег Ягорлыка (Кравченко 1960), а вторая – Одесского палеолитического отряда ЛОИА АН СССР 1962 года – частично сам микрорегион, но в поисках памятников каменного века (Борисковский 1954). В 1975 г. попытку разведки всего Окнянского района предприняла экспедиция Одесского университета (нач. А.Г. Загинайло). К сожалению, из-за отсутствия автотранспорта и пр. в ходе нее было описано лишь несколько курганных групп у пгт. Окны и с. Малаевцы, в отчете отсутствуют схемы, а материалы остались неопубликованными.

В 1988 г. Буго-Днестровской экспедиции ИА АН УССР (нач. И.В. Сапожников) в рамках программы «Свода памятников истории и культуры УССР» (Сапожников 1991) удалось организовать и выполнить сплошную разведку Ягорлыцкого мыса (Сапожников 1989а, 41-55, рис. 19-20, 26-32, фото 9-22; Сапожников, Новицкий 1991), данные которой о курганах приведены ниже (прил. 2). Подчеркнем, что 30 лет назад из-за режима секретности в разведке 1988 года не было никаких карт, кроме земельного плана Окнянского района, а границы названных К.С. Василиади участков генерального межевания (т.н. «дач») были загадочны.

Через три года курганы молдавской части Ягорлыцкого мыса описал А. Ганган (Gangan 1993). В 2007 г. район обследовал С.И. Коваленко, добавив к ним еще несколько насыпей (Коваленко, Синика, Тельнов 2011; прил. 3). И наконец, в октябре 2017 г. с целью поисков объектов для будущих раскопок отдел «Полевой комитет» ИА НАНУ организовал специальную поездку для осмотра и оценки сохранности украинской части Ягорлыцких курганов.

Однако, как говорилось, археологическая картография региона велась с 1791 г., когда Ф.П. де Волан на своей карте М 5 верст в 1 дюйме отметил на протяжении всего водораздела 25 насыпей, стоящих отдельно и небольшими группами (рис. 1-2). Правда, после этого данные курганы не интересовали никого более полувека, пока военные топографы не провели здесь в середине 1840-х гг. съемки для «карт-трехверстовок». Позже детальные топосъемки имели место в 1880-1990-х гг. («одно-» и «двухверстовки» 1910-1930-х гг.[2]), в конце 1920-х гг. (карты Генштаба РККА), а также в 1950-х и 1980-х гг. (разные издания карт ВТС СА), но большинство из них, например, одноверстовки и особенно более поздние карты масштабов 1 : 25 000 и 1 : 10 000 (и РККА, и ВТС), остаются недоступными. Отметим, что этот район могли затрагивать и съемки, проводившиеся при составлении отдельных многолистовых карт: 20-верстовой 100-листовой (около 1800 г.), 10-верстовых Ф.Ф. Шуберта (1820-е гг.) и И.А. Стрельбицкого (1860-е гг.), а также для создания губернских и уездных карт и планов генерального межевания (по Тираспольскому уезду пока не доступны).

Большинство названных карт является для нас и рабочим инструментом, и источником ценной информации, но их археологическая наполненность неравнозначна (Сапожников 1989б; Сапожников 2003; и др.). Например, в исследуемом районе на трехверстовках (лл. 29-7, 28-8 и 29-8) отмечен 121 (рис. 3-4), а на двухверствках (лл. 41-28, 42-27 и 42-28) – 96 (рис. 5-6) курганов. Как видим, для поиска и изучения курганов более информативной является трехверстовка, хотя пока мы не можем сравнить ее с картами всего микрорегиона М 1: 50 000 (рис. 7-8) и крупнее. Тем не менее, нам удалось найти копию одного листа 250-метровки (Х35-55-В-б; рис. 9), на котором отмечены курганные группы: *Окны 2* – 8 насыпей высотой от 1 до 3 м (на трехверстовке – 10+11) и *Новый Орач (Красный Пахарь)* – 5 курганов от 0,7 до 1,3 м (на трехверстовке – 6+2). Это однозначно говорит в пользу трехверстовок, но при их использовании на практике возникает проблема привязки к современным картам, которая лучше всего решается путем сопоставления (и тех, и других) с реальными курганами на местности.

Здесь уместно затронуть тему старой почтовой дороги, так как она до сих пор местами видна на местности, являясь хорошим ориентиром для привязки археологических объектов (прил. 2). Ф.П. де Волан не только описал ее отрезок, проходящий по тальвегу Сухого

[2] Которые по археологическому наполнению почти аналогичны друг другу.

Рис. 1. Ягорлыкский мыс (низ; «Карта Очаковской обл.» де Волана 1791 г.).

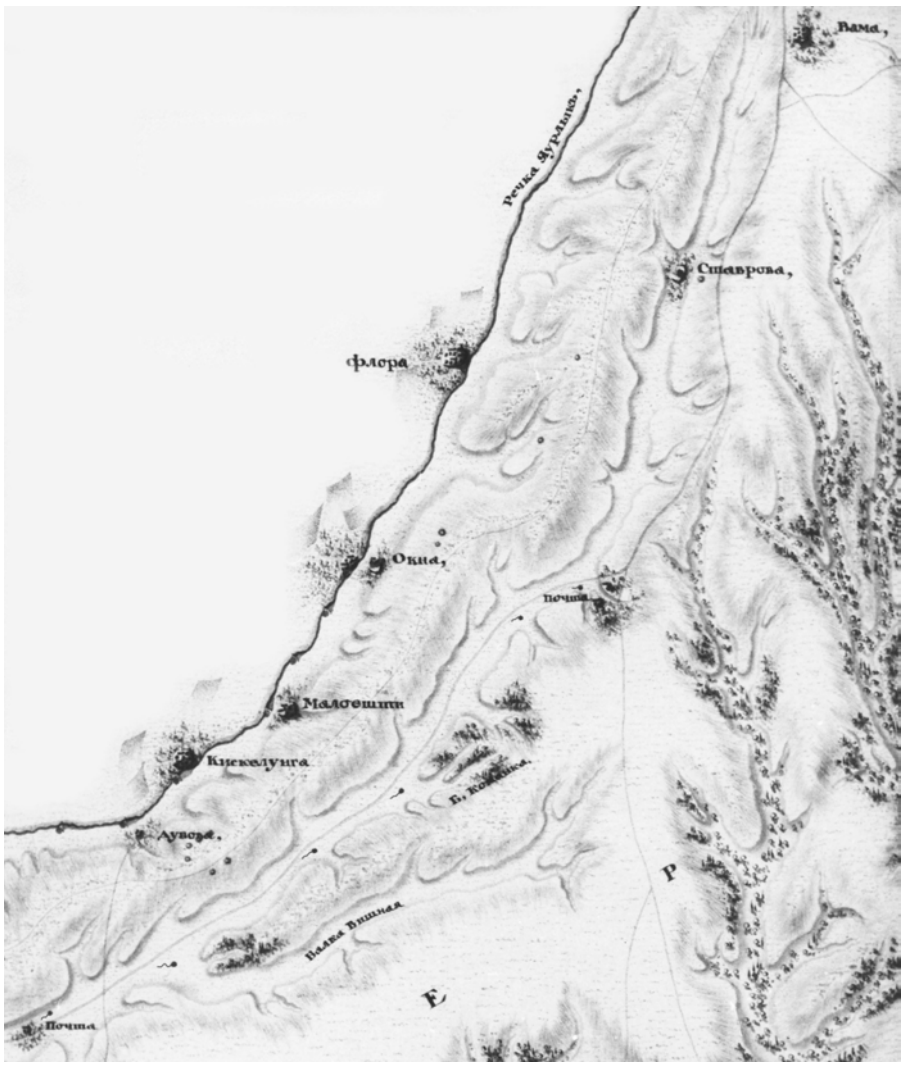


Рис. 2. Ягорлыкский мыс (верх; «Карта Очаковской обл.» де Волана 1791 г.).

Рис. 3. Ягорлыкский мыс, нижняя часть (3-верстовая карта, 1840-1850-е гг.).

Ягорлыка, но и показал его на карте вместе с двумя почтовыми станциями. Первая из них стояла на правом берегу реки у современных сс. Федоровка и Гулянка (Жуляновка), а вторая, *Вамская,* – на высоком левом берегу в с. Александровка (рис. 1-2). Зная это, можно уверенно предположить, что первый из упомянутых выше караван-сараев находился у Вамской станции, а второй – далее по дороге в Балту, у станции Липецкой (рис. 11).

История этой и более ранних дорог микрорегиона затрагивалась ранее Ф.Е. Петрунем. По его мнению, не позже XVII в. дорога, ведущая из южной Подолии вдоль Ягорлыка до Дубоссар, была отвершком Кучманского шляха (Петрунь 1928, 160). С конца того же века этот отрезок стал частью пути Киев – Константинополь, а с 1730-х гг. особую популярность приобрел маршрут от Ольвиополя на Буге – вверх по Кодыме через Палиево Озеро – «ключи Егорлыцкие» до Днестра и далее в Бендеры. В 1770 г. этой дорогой проследовала российская армия, оставив редуты у сс. Бирзулово, Окны и Дубово (Петрунь 1929, 34-36), следы которых пока не выявлены.

С последнего десятилетия XVIII в. до 1872 г. по району шла часть почтовой дороги Санкт-Петербург - Киев - Балта - Дубоссары, а до конца XIX в. – военно-транзитная дорога Дубоссары - Балта. С 1804 г. фиксируется ее вторая (долгое время – главная) ветка, проходившая по водоразделу мыса от ст. Ягорлык с трактиром Солунского до Окон (рис. 3-4). После завершения строительства железной дороги Киев – Одесса почтовый тракт упразднили вместе со станциями Ягорлыцкой и Вамской, а вместо них устроили земскую почтовую ст. Малаешты близ корчмы (Соколовский 1894, 33-34 и др.; рис. 4). Что касается дороги, проходящей по водоразделу от Окон до Ставрово, то она была построена после 1894 г. (явно ранее 1917 г.), но потеряла свое значение после строительства Полтавской трассы в 1960-х гг.

Теперь настало время сказать о земельных наделах микрорегиона. Сразу же подчеркнем, что в конце XVIII - начале XX вв. земли его нижней части (сс. Дойбаны, Дубовое, позже Койково) входили в состав крупной казенной дачи г. Дубоссары и в Тираспольский уезд Херсонской губернии. Земля остальной части мыса в 1792-1793 гг. была роздана в частные руки. Назовем эти дачи снизу вверх: 4. Полковника и кавалера Ивана Селунского 1550 десятин; 6. с. Ильина Ильи Катаржи 12100 дес.;.... 12. с. Окон дейст. стат. советника Скарлата Стурдзы 12 200 дес.; 13. Капитана Кристи Манойла 6100 дес.; 14. с. Флора Ивана Макарескула 6050 дес. (Каховский 1875, 322-323). В

Рис. 4. Ягорлыкский мыс, верхняя часть (3-верстовая карта, 1840-1850-е гг.).

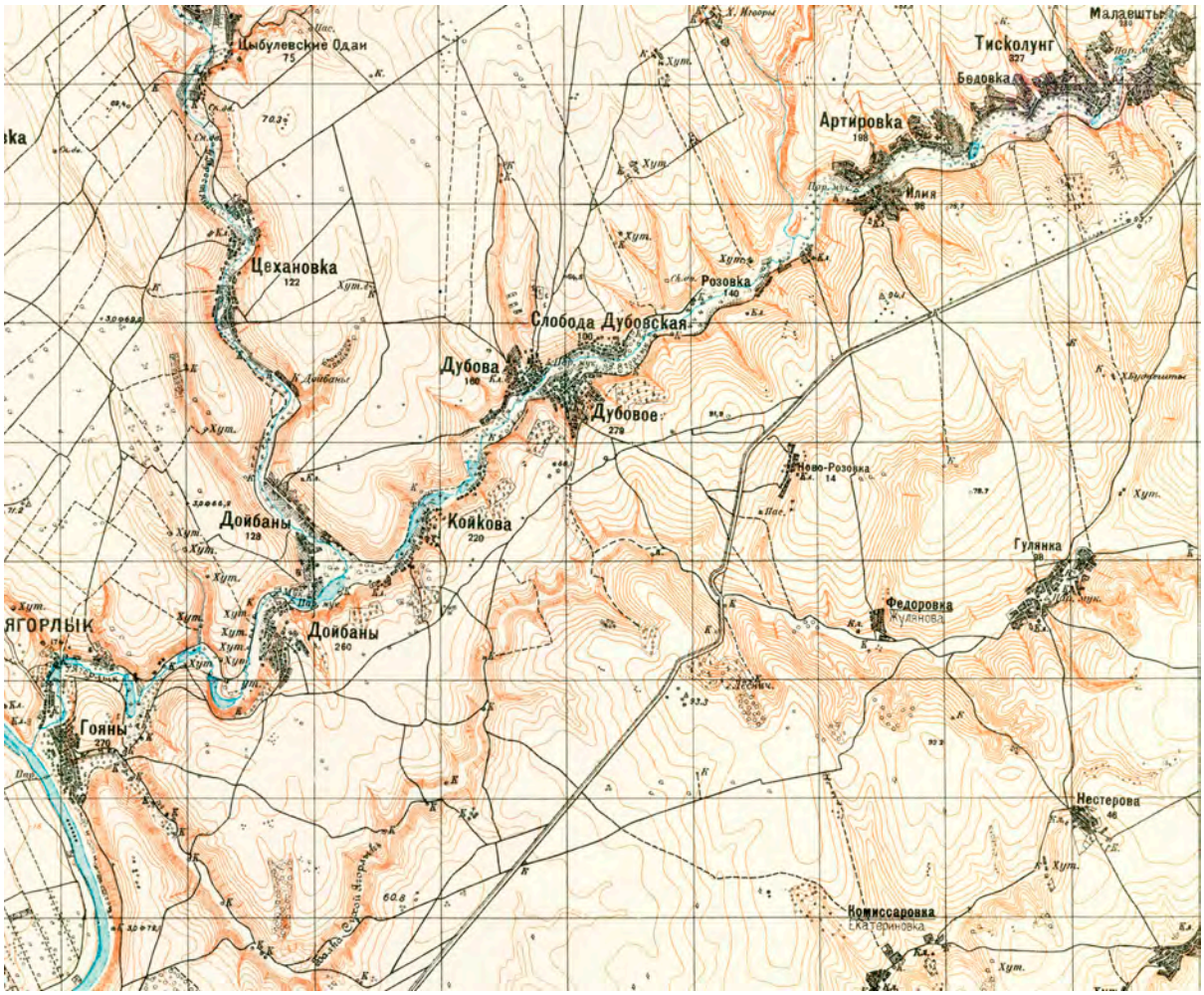


Рис. 5. Ягорлыкский мыс, нижняя часть (2-верстовая карта, 1910-е гг.).

1795 г. их нумерация поменялась: 193. – с. Дубовое и др.; 195. – с. Розовка И.Л. Селунского; 16. – с. Ильино И. Катаржи; ....201. – с. Окны и 202. – с. Флора тех же владельцев (Григорович 1876, 43-44; рис. 10-11).

В конце 1834 г. в состав новосозданного Ананьевского уезда перешли дачи № 201 и выше по течению Ягорлыка, причем граница между названными уездами в микрорегионе совпадала с межой между Дубовской и 2-й Малаештской волостями (рис. 4). В 1856 г. села Дубово, Дойбаны и др. оставались казенными, остальные принадлежали наследникам: сс. Илья и Малаешты – генерал-майору Катаржи, с. Розовка – Парулли, Розовка (Селунка) – Селунской[3]. Между этой датой и 1873 годом дача Катаржи с селами Малаешты, Ильи и Гулянкой (Григоро-Павловкой) перешла к Ф.П. Родоканаки (Пивовар, Пєший, Шляховий 2010)[4], а в 1880-1890-х гг. дача Стурдзы с центром в с. Окны – князю А.Е. Гагарину (Андреев 1898, 194-195).

Вернемся к крупным Ягорлыцким могилам, описанным К.С. Василиади с СВ на ЮЗ (Ястребов 1894, 170), и попробуем связать их с ныне существующими, используя информацию о дорогах и дачах. Насыпи перечислены в том же порядке, вместе с данными разведок 1988 г., приведенными в квадратных скобках (прил. 2; рисунки по: Сапожников, Новицкий 1991):

[3] ГАОО, Ф. 14, оп. 1, д. 1873, лл. 400б-410б.

[4] ГАОО, Ф. 249, оп. 1, спр. 611.

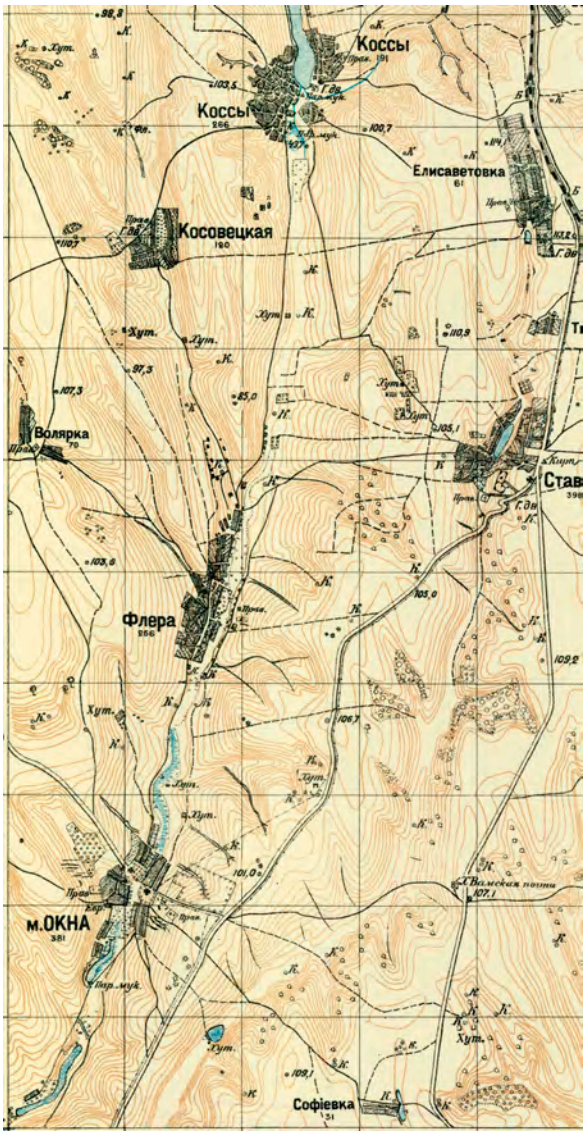


Рис. 6. Ягорлыкский мыс, верхняя часть (2-верстовая карта, 1910-е гг.).

1. ***Трактирная Могила***[5] в ½ версты от границы Тираспольского и Ананьевского уездов, в 1½ в. от Мокрого Ягорлыка и 20 саж. от дороги из Балты в Дубоссары, на земле кн.Гагарина [поместье в с. Окны], 3 саж. [6,48 м] высоты. = [***Окны 2*** из 6 насыпей (к. 1 – 6,6 м); с. 57, рис. 6, 1] (фото 1).

2. ***Скаковая могила*** в 320 саж. от предыдущей, в 1½ в. от Ягорлыка и в 50 саж. от Балтской дороги, на земле П.Ф. Родоканаки, высотой 3 саж. 1 аршин [7,2 м] = [***Красный Пахарь*** из 5 курганов (к. 1 – до 9 м)[6]; с. 57-58] (фото 2).

3. ***Карпенковы Могилы*** в 600 саж. от предыдущей – группа из 7 курганов в 1 в. от Ягорлыка и в 100 саж. от Балтской дороги, на общественной земле (с. Малаешты); образуют круг, внутри которого почва представляет неровности. = [***Малаевцы 1*** из 5 насыпей (к. 1 – 4,6 м), справа от въезда в село; с. 58, рис. 4, 1] (фото 3).

4. ***Сидорова Могила*** в 400 саж. от них, в 800 саж. от Ягорлыка и в 10 саж. от большой дороги, на крестьянской земле, 8 арш. [5,8 м] высоты. = [***Малаевцы 3***, из 5 курганов (к. 1 – 4,2 м), на краю сада, прямо на бывшей почтовой дороге; с. 59, рис. 4/3] (фото 4).

5. ***Могила Сорой*** в 400 саж. от предыдущей, в 1 в. от Ягорлыка и в 320 саж. от большой дороги, на общественной земле (с. Малаешты), 4 саж. [8,6 м – сильно преувеличено] высоты... = [***Малаевцы 4***, из 12 насыпей (к. 2 – 4,5 м); с. 59, рис. 5].

6. ***Росчехата Могила*** следует за нею, в 800 саж. от Ягорлыка и в 40 саж. от большой дороги, на земле П.Ф. Родоканаки, 8 арш. [5,8 м] высоты. = [***Розовка 1*** из 2 курганов (к. 1 – 4,0 м); с. 60] (фото 5).

7. ***Конторова могила***, в 300 саж. от предыдущей, в 700 саж. от Ягорлыка и в 100 саж. от Балтской дороги, 3 сажени [6,48 м] высоты. = [***Розовка 3*** с ***курганом Ф.П. де Волана*** из 14 курганов (к. 1 – 3,2 м), с остатками каменой башни; с. 61, рис. 2] (фото 6).

8) ***Солонская могила*** в 700 саж. от предыдущей, в 2 в. от Ягорлыка и в 100 саж. от дороги, 7 арш. [5,0 м – сильно преувеличено] высоты. = [***Розовка 4***, из 2 насыпей, к. 1 – 1,6 м, рядом мусорная яма с поздней керамикой, на картах трактир, почтовая станция с таким же названием; с. 61-62] (рис. 3).

Всего К.С. Василиади насчитал на Ягорлыцком водоразделе в пределах Малаештской волости 54 кургана, «расположенные группами неподалеку от большой дороги». По нашим подсчетам на трехверстовках в указанных границах их отмечено 40 (рис. 2-3), что

[5] Скорее всего, это не та Трактирная Могила, о которой в дневнике писал В.И. Гошкевич (см. выше; Фабрициус 1951, 37), так как в 1840-1890-х гг. трактир стоял также близ дороги, справа у поворота в с. Малаешты (рис. 4), на землях П.Ф. Родоканаки.

[6] Ранее, исходя из указанных и реальных высот, было допущено, что самый высокий курган группы можно связать с Сорой Могилой (Сапожников, Новицкий 1991, 58).

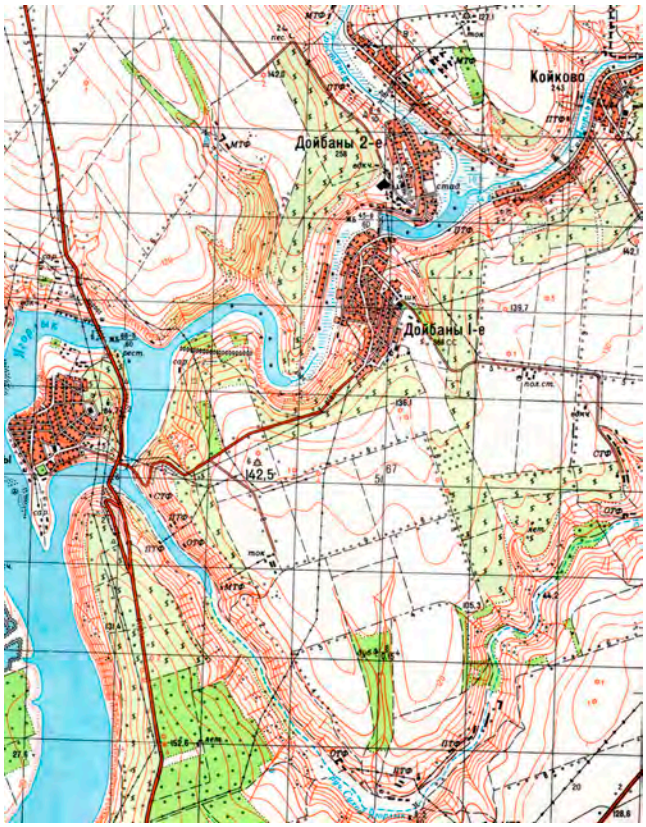


Рис. 7. Ягорлыкский мыс, нижняя часть (500-метровая карта, 1980-е гг.).

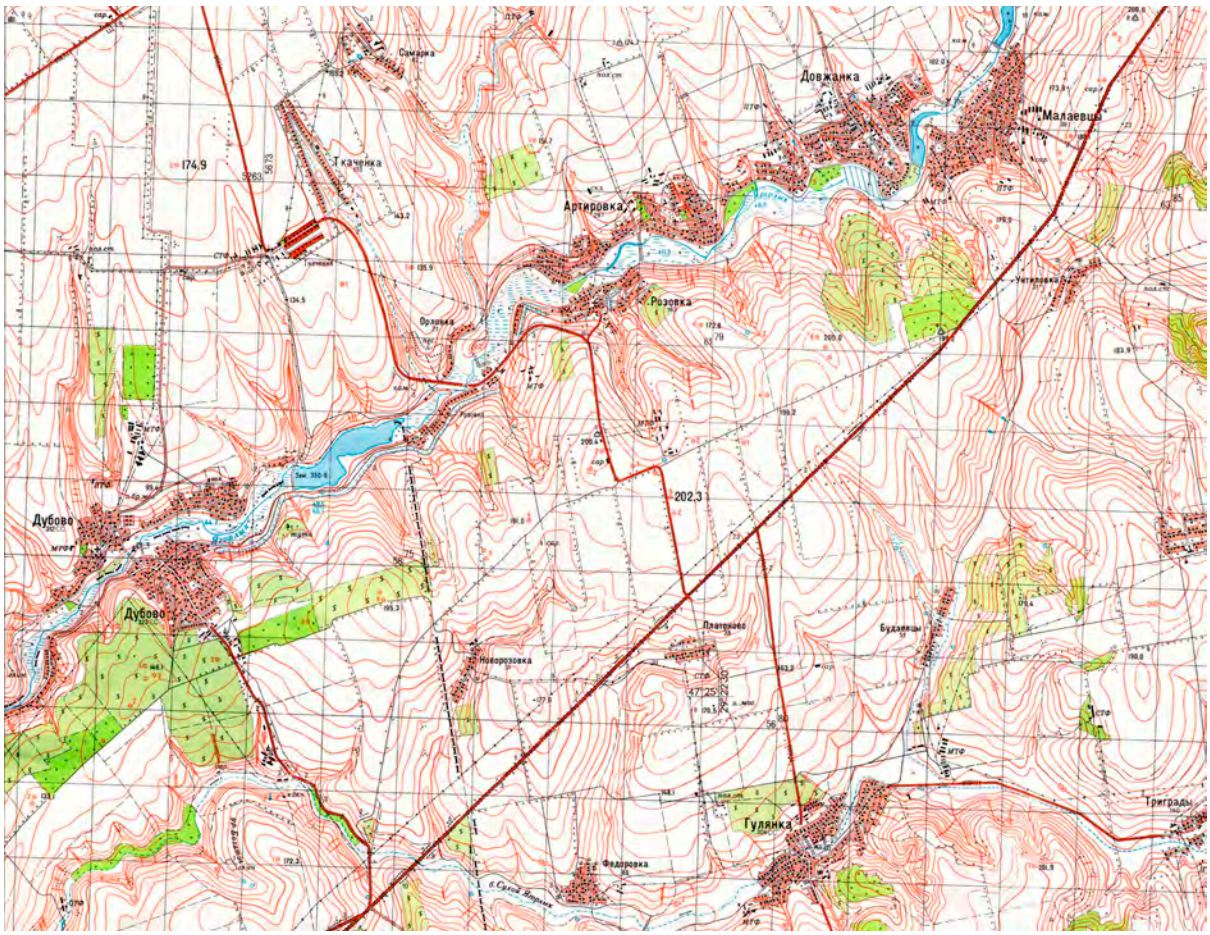


Рис. 8. Ягорлыкский мыс, средняя часть (500-метровая карта, 1980-е гг.).

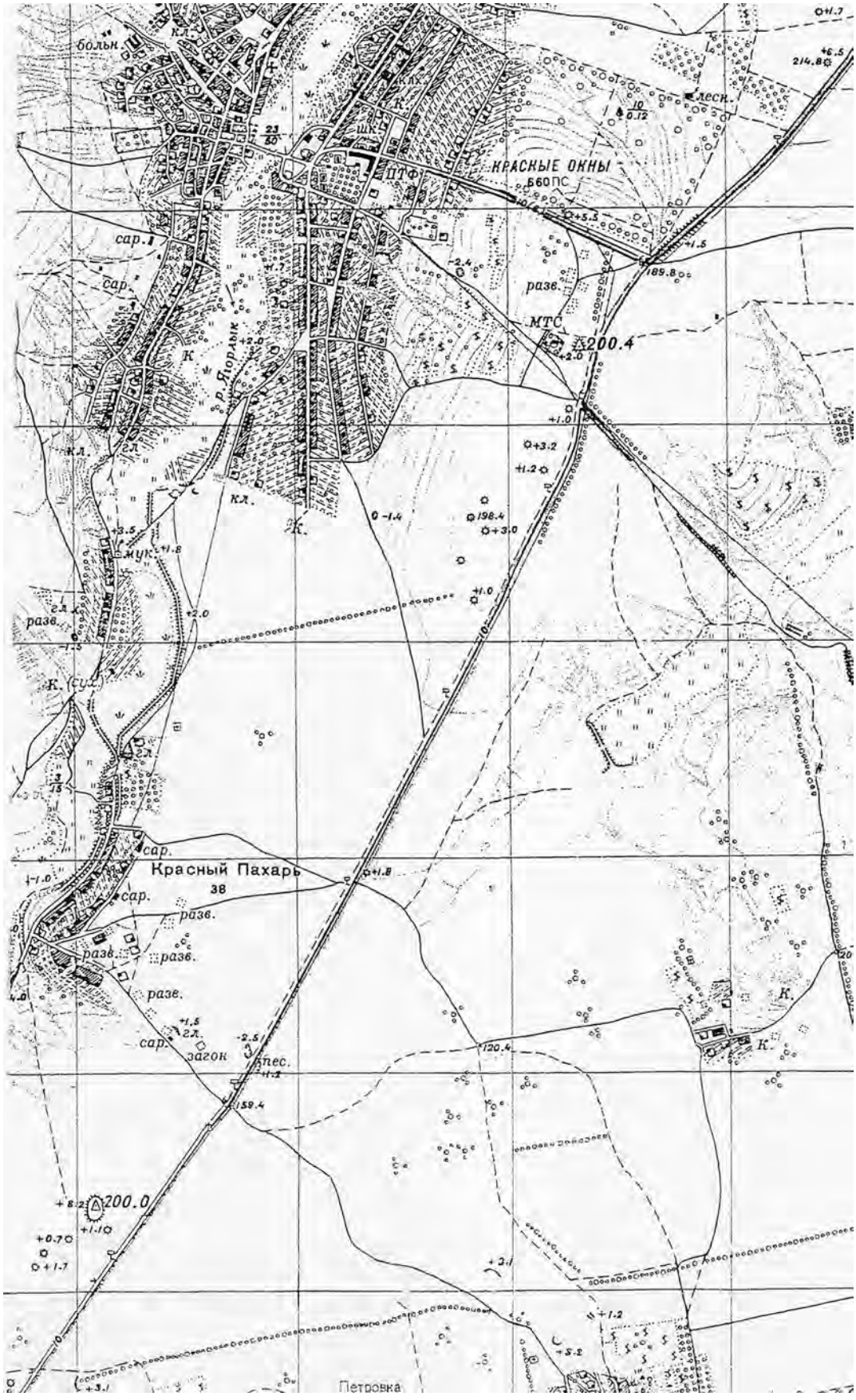


Рис. 9. Курганы района Окон и Нового Орача (250-метровая карта, 1960-е гг.).

Рис. 10. План земельных дач нижней части Ягорлыцкого мыса (1806 г.)

Рис. 11. План земельных дач верхней части Ягорлыцкого мыса (1806 г.)

говорит о том, что в указанное число входила часть насыпей, расположенных в 1880-1890-х гг., как и Трактирная могила, в Ставровской волости, точнее на землях окнянской дачи Гагариных.

Разведками 1988 г. на Ягорлыкском мысу в пределах украинской территории было выявлено 84 кургана, стоящих отдельно (4) и в составе 15 групп от ЮЗ окраины с. Бочмановка до границы с Молдовой (прил. 2). На трехверстовках же в тех же пределах отмечено 85 насыпей[7]. Напомним, что трехверстовки в тех разведках не использовались, причем в ходе них были выявлены насыпи, которых нет на этих картах и наоборот. Как видим, эффективная курганная разведка невозможна без применения трехверстовок или более поздних карт масштабов не менее 1 : 25 000.

Заметим, что на верстовках всех масштабов, в отличие от карт РККА и ВТС (рис. 7-8), высоты курганов не ставились. Поэтому приведем некоторые из них по 500-метровым картам ВТС 1980-х гг. Курган h более 6 м с абсолютной отметкой +142,5 м в составе курганной группы стоит к З - ЮЗ от ЮЗ окраины с. Дойбаны 1-е, в 500 м к В - ЮВ от него находится насыпь h более 4 м. Курган h более 5 м в составе курганной группы расположен в 1,5 м к В от В окраины того же села, распахивается. Такая же по высоте насыпь (+142,1 м) находится в 1,1 км к Ю от с. Койково (рис. 7). В окрестностях с. Дубово есть две группы курганов. В одной из них, в 2,0 км к В от села и 600 м к З от украино-молдавской границы, стоит Большая Могила h 8 м (+195,3 м; рис. 7-8; сравн. с прил. 3). Далее назовем высоты «именных могил»: Солонская – более 4 м (+191,0 м), Канторовая – 5 м (+200,4 м), Розчехата – более 4 м, Сорой – 6 м (+205,0 м), Сидорова – 4 м (+199,2 м), Карпенкова – более 3,0 м (+188,1 м), Скаковая – более 8 м (+200,0 м) (рис. 8), а также по 250-метровой: Скаковая – 8,2 м и Трактирная – 6,5 (+214,8 м) (рис. 9).

Если сравнить приведенные данные о размерах насыпей с высотами ягорлыцких курганов, определенных археологами в 1988, 1991 и 2007 гг. (см. выше и прил. 2-3), то мы увидим достаточно большой разброс в цифрах, как в сторону преувеличения, так и наоборот. Более того, мы видим, что некоторые высоты топографов явно «не бьют» и нередко уменьшены. Сказанное говорит о том, что многие курганы археологи измеряли в спешке и на глазок, чего все-таки надо избегать.

Теперь поговорим о топографии описанных курганов. В первой их публикации сделан вывод, что на Ягорлыцком мысу, в отличие от правого берега долины р. Ягорлык и левого

[7] На молдавской стороне мыса отмечено 25 курганов, в том числе Большая Могила h 7,3 м. (фото 7; прил. 3), а на трехверстовках в том же районе отмечено 36 насыпей (рис. 4).

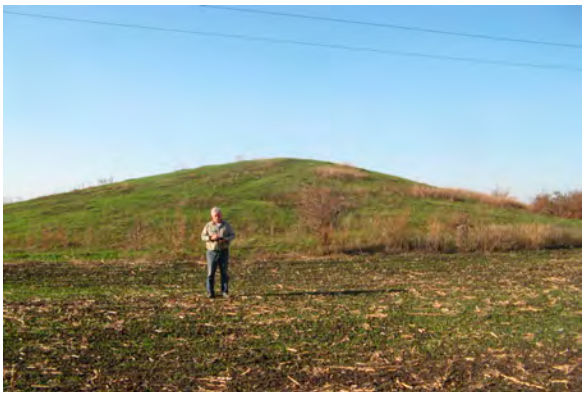


Фото 1. Могила Трактирная
(фото авторов 2017 г.).

Фото 2. Могила Скаковая
(фото И.В. Сапожникова 1988 г.).

Фото 3. Могила Карпенкова
(фото авторов 2017 г.).

Фото 4. Могила Сидорова с современной огневой точкой (фото авторов 2017 г.).

Фото 5. Могила Розчехата
(фото авторов 2017 г.).

Фото 6. Могила Канторова (курган Ф.П. де Волана; фото авторов 2017 г.).

Фото 7. Могила Большая
(фото С.И. Коваленко 2007 г.).

берега долины р. Сухой Ягорлык, преобладают не только насыпи в группах, но и наиболее высокие из них, что могло быть отражением более высокого статуса погребенных здесь членов древних коллективов (Сапожников, Новицкий 1991, 63-64). Думается, что топография этих курганов во многом определяется строением долин обоих рек, в которых нижние террасы выражены слабо, а приустьевые части, по сути, являются каньонами. Так, еще в 1738 г. казаки сообщали: «От Полеева озера [Палиева в р-н Балты на Кодыме] до ключей Егорлицких [р-н Окон[8]] 6 миль или 60 верст, где пустая и крайне безводная степь и колодезей копать не можно и для марша армии проход между крутых буераков и вершин только в ширину на версту» (Петрунь 1929, 35). Поэтому пойменных курганов здесь нет, а насыпи, стоящие на мысах ниже водоразделов, можно сосчитать на пальцах одной руки. Не трудно убедиться, что подавляющее число насыпей микрорегиона относятся либо к участкам плато, либо к гребням его останцов, стоят в основном группами, а единичные курганы среди них редки (прил. 2-3; рис. 3-8).

В археологической литературе есть аксиома, что курганы, расположенные цепочками, были возведены некогда вдоль дорог, чаще всего по гребням водоразделов или вдоль краев плато. Однако в нашем микрорегионе курганы образуют цепочки не только вдоль (Дойбаны, Дубово, Малаевцы I, Новый Орач), но и поперек (Малаевцы 2, 4, Розовка 3) линии водораздела. Кроме того, есть случаи, когда они стоят в две линии (Окны 3, по обе стороны дороги – ?) и бессистемными группами – Ставрово, Окны 2 и др. (прил. 2 и 3). Заметим, что расположение курганов поперек водоразделов в других местах Северо-Западного Причерноморья, кроме некрополей античных городов, не описано и может объясняться привязкой к дорогам-перекресткам основных путей.

В ходе обзорной поездки 2017 г. были осмотрены почти все крупные «украинские» Ягорлыкские курганы, и основной вывод состоит в том, что большая часть их насыпей продолжает интенсивно распахиваться (полностью или частично). Вместе с тем, ни на одном из них не было выявлено следов деятельности грабителей. Единственное существенное нарушение верхней части Сидоровой Могилы связано со строительством земляного укрепления (огневой точки) в ходе полевых учений Вооруженных сил Украины (фото 4). Вместе с тем самый крупный молдавский Ягорлыкский курган – Большая Могила у с. Дубово – имеет следы сравнительно недавнего грабежа в виде воронки ø до 20 м и глубиной 3,5 м, из которой были извлечены крупные плиты и камни известняка (прил. 3)

Таким образом, на территории локального микрорегиона площадью до 100 кв. км кабинетными исследованиями и разведками в поле удалось найти, атрибутировать и описать более 120 курганов, из которых 15-20% составляют насыпи высотой от 3-4 до 8 и 9 м. При планировании их раскопок следует учесть, что большинство из них распахивается, а на поверхности часто встречаются остатки каменных закладов могил, кромлехов и, может быть, даже панцирей и насыпей[9], что обусловлено близостью и доступностью выходов известняка.

Исходя из этого, приведенных выше данных, формы и пропорций самих насыпей, можно сказать, что большая часть Ягорлыцких курганов содержит в себе погребения эпох энеолита и бронзы.

Кроме того, на поверхности курганов 2 и 3 группы Розовка 3 выявлены фрагменты светлоглиняных амфор первых веков от РХ. Там же, на самой Конторовой могиле фрагментарно и очень плохо сохранились остатки каменного фундамента прямоугольной в плане формы размерами около 25×25 м (Сапожников, Новицкий 1991, 61, рис. 2; фото 6). Перспективны также поиски отмеченных Ф.П. де Воланом в 1791 г. следов других построек у этого кургана, а также караван-сарая на берегу Сухого Ягорлыка.

Особый интерес представляют некоторые имена местных курганов: Могила Солонская названа по трактиру генерал-майора И.Л. Селунского, имя Росчехатой могилы происходит от украинского слова *розчехата* – широко раскрытая, иначе – раскопанная могила, а

[8] Окны – с молдавского «ключи» (джерела).

[9] Последнее вероятно потому, что 4 кургана с каменными панцирями были выявлены разведками 1988 г. у с. Горячевка Окнянского района на левом берегу долины р. Тростянец, всего в 8-10 км от Ягорлыцкого мыса (Сапожников, Новицкий 1991, 55).

Конторовая не от слова контора, а вероятнее всего, от *кантора* (с польского – обмен валюты, с украинского – весы «безмен»). Это позволяет предположить, что руины на вершине этого кургана и вокруг него могут принадлежать турецкой таможне, которая стояла недалеко от границы Порты Оттоманской и Речи Посполитой. В пользу такого предположения говорит наличие у границы микрорегиона не раз упомянутой почтовой станции Вамской (vamă – по-молдавски таможня) и название села Вама, расположенного к С от Ставрово на карте Ф.П. де Волана (рис. 2). Кроме этого, по данным В.Ф. Петруня, на карте «Очаковской области с показанием всей подробной ситуации» 1790 г. в этом районе в долине Сухого Ягорлыка также отмечены «Старая Вама» и выше по течению – «Вама или таможня» (Петрунь 1928, 166-167; Петрунь 1929, 40)[10].

Авторы убеждены в том, что курганы микрорегиона так или иначе маркируют более древнюю дорогу, которая могла связывать названные выше регионы. Ранее, на основании картографии находок, один из нас предположил существование в античное время трех дорожных веток из окрестностей Ольвии, Березани и Никония (Тиры) в сторону Кучманского шляха и в район скифских городищ Подолья (Севериновского и др.). Важно, что они сливались в один путь как раз между долинами рр. Ягорлык и Тилигул на водоразделе у нынешнего Подольска (Болтрик 2009, 394-398, рис. 2). Теперь же мы можем связать два западных, наиболее значимых из них пути с дорогой вдоль долины Тилигула, а далее через Ягорлыцкий мыс в район Дубоссар и Григориополя, где на левом берегу Днестра отмечено значительное скопление скифских курганов.

В перспективе в этом уникальном археологическом микрорегионе можно будет организовать и провести многолетние исследования памятников очень широкого временного диапазона от медно-каменного века до позднего средневековья. Авторы надеются, что приведенная в статье информация поможет будущим исследователям Ягорлыцких курганов, а нам остается пожелать им удачи и интересных находок.

[10] РГВИА, Ф. 846, оп. 16, д. 2593.

Завершить эту статью хочется словами основателя «историко-археологического направления» И.Е. Забелина, который, характеризуя долину Днестра у с. Роги (район пещерного монастыря) близ устьев Ягорлыков, сказал: «Днестровский берег представляет много замечательного в топографическом отношении и показывает, что необходимо здесь существовали значительные поселения с самой глубокой древности» (Забелин 1876, 397).

В заключение мы искренне благодарим Ю.Б. Олейника за участие в поездке 2017 г., А.В. Пивовара за копии материалов по картографии и земельному межеванию, С.С. Аргатюка за помощь в поисках архивных и библиографических источников, С.И. Коваленко за литературу и фотографии.

Приложение 1

Письмо С.Г. Карузо[11] о раскопках в Тираспольском уезде

(Сообщение 1911, 21-22)

Сообщил Э.Р. фон Штерн: «В марте месяце сего года одна из 4-х могил, находящаяся в имении моем Ново-Вырна (оно же Германово) Тираспольского уезда, Херсонской губ., была разрыта мною. Насыпь имеет в высоту над горизонтальной ее поверхностью около 2 аршин; у основания могила обведена каменной стеной толщиной около аршина, высотой до ¾ аршина. Камень не тесан, собран, судя по его строению, в рытвинах и водомоинах и легко крошится. В центре могилы на глубине 2 ½ арш. найден остов лошади и рядом с ним гроб с человеческим остовом. Человек и лошадь лежали рядом, голова к голове с запада по восток. При остове лошади найдены пара стремян, пряжки и кольца от сбруи и какие-то украшения (как бы костяные) от седла. Во рту лошади оказались удила. Истлевшее седло (вероятно, и чепрак) оставили на приставшей к нему земле как бы след (окрашение); в одном месте (величиной с гривенник) земля была окрашена в красный (суриковый) цвет. Голова лошади показалась целиком, но когда хотели ее поднять, рассыпалась на части. Весь костяк, за исключением костей четырех ног, истлел совершенно.

[11] Карузо Сергей Григорьевич (20.07.1876-17.02.1912) – граф, землевладелец Херсонской губернии, известный конезаводчик.

Рядом с лошадью показался человеческий череп, раздавленный; при прикосновении кости крошились, и только зубы сохранились хорошо. Позвоночника, ребер, тазовых костей и костей рук нет; сохранились только кости бедра, голени и ступни. Руки не были сложены на груди, а лежали вдоль туловища, так как найдено кольцо (перстень) на месте, где должна была лежать левая рука. С левой же стороны остова найдены три куска железа (остатки какого-нибудь оружия), в ногах найдена костяная пластинка. Дуб, из которого сделан был гроб, при прикосновении растирался в порошок; боковые стены гроба сделаны были из бревен толщиной более 2-х вершков; нижняя часть гроба и верхняя не сохранились, а оставили только след, едва заметный, и то местами. 4-го апреля 1910 года».

Постановили: напечатать в протоколе заседания, г. Карузо выразить благодарность за доклад, за фотографии и за обещание передать находки Музею.

Приложение 2

И.В. Сапожников

Описание Ягорлыцких курганов Окнянского района 1988 года
(Сапожников 1989а, 46-55)[12]

с. Ставрово. Курганный могильник в 2,1 км к Юз от Юз окраины села и в 150-250 м к Сз от старой дороги Окны – Подольск. Состоит из 4 насыпей, три из которых полукольцом окружают четвертую. Центральный курган имеет h 2,1 м, ø 40 м; в 40 м к Ю-з от него – второй h 0,6 м, ø 25 м; в 20 м к к С-з от первого – третий h 2,4 м, ø 40 м и в 60 м к С-В от первого – четвертый h 2,3 м, ø 40 м с пирамидой геодезического пункта. Все распахиваются.

с. Флора. Курган на 10-15-метровом террасовидном уступе левого берега долины реки в 0,6 км к Ю-В от Ю-з окраины села и в 250 м к В от ставка, h 0,7 м, ø 35 м, распахивается.

п.г.т. Окны. Курганный могильник I в 3,8 км к С от В окраины поселка по обоим сторонам старой дороги на Подольск. Два кургана, расстояние между которыми 120 м, вытянуты по линии С-З - Ю-В. Юго-восточный курган стоит вплотную к лесопосадке справа от дороги – h 0,6 м, ø 40 м, распахивается. Слева от дороги расположена вторая курганная насыпь с геодезическим пунктом – h 4,8 м, ø 60 м, не распахивается.

п.г.т. Окны. Курган на вершине 55-60-метрового мыса левого берега долины реки, образованного двумя левосторонними балками-притоками в 2,2 км к С от С окраины поселка, h 0,6 м, ø 40 м, распахивается.

п.г.т. Окны. Курганный могильник 2 в 0,8 км к С от СВ окраины поселка, в 200 м к Сз от поворота шоссе Кишинев - Полтава на старую дорогу в Подольск. В 50 м к з от дороги находится самый крупный курган h 6,6 м, ø 60 м с пирамидой геодезического пункта; в 50 м к ЮЗ от него – второй h 0,5 м, ø 25 м; в 80 м к С-СЗ от первого – третий h 0,7 м, ø 30 м; в 100 м к З-СЗ от третьего – четвертый h 1,0 м, ø 45 м; в 70 м к СЗ от третьего – пятый h 0,4 м, ø 30 м и в 50 м к С от третьего – шестой h 0,6 м, ø 30 м. Все курганы, кроме первого, распахиваются.

п.г.т. Окны. Курганный могильник 3 в 0,2-1,0 км к Ю-ЮЗ от ЮВ окраины поселка, слева от дороги Кишинев - Полтава. Десять насыпей вытянуты двумя параллельными цепями по линии С-СВ - Ю-ЮЗ. Первая из них (три кургана) стоит вдоль шоссе в 50-120 м к СЗ от него. Первый курган h 0,4 м, ø 25 м находится в 150 м к Ю от автостанции; в 500 м к Ю от него – второй h 3,2 м, ø 40 м; в 320 м к Ю от второго – третий h 0,5 м, ø 30 м. Вторая цепь находится в 170-250 м к З от дороги. Из нее первый курган расположен в 200 м к ЮЗ от автостанции – h 2,6 м, ø 30 м; второй – в 300 м к Ю-ЮЗ от него – h 0,5 м, ø 35 м; далее в 30 м Ю – третий h 0,6 м, ø 35 м; еще в 120 м к Ю-ЮЗ – четвертый h 0,3 м, ø 20 м; в 30 м к Ю-ЮВ от четвертого – пятый h 3,3 м, ø 40 м; в 60 м к Ю от пятого – шестой h 0,3 м, ø 15 м и в 100 м к Ю от шестого – седьмой h 0,4 м, ø 45 м. Все курганы, за исключением 2-го первой и 5-го второй группы (№ 8), распахиваются.

с. Новый Орач. Курганный могильник в 1,7 км к Ю-ЮВ от центра села, в 250-300 м к З-СЗ от дороги Кишинев - Полтава. Состоит из 5 насыпей, четыре из которых вытянуты цепью

[12] Приведен текст из отчета о полевых исследованиях 1988 г. с некоторыми правками, названия населенных пунктов заменены на современные. Большинство курганов расположены на водоразделе, образованном долинами рек Ягорлык и Сухой Ягорлык, кроме нескольких случаев, описанных специально (прим. – И.С.).

по линии С-СВ - Ю-ЮЗ. Северный курган имеет h около 9 м, диаметр 70-80 м, на вершине пирамида геодезического пункта, не распахивается. Возможно, этот курган является Сорой Могилой, упомянутой в сводке В.Н. Ястребова (1894). В 130 м к ЮЗ от него – второй h 0,3 м, ø 25 м; в 120 м к Ю от второго – третий h 0,3 м, ø 40 м; в 60 м к Ю-ЮЗ от третьего – высотой 1,2 м, ø 40 м. Пятая насыпь h 0,6 м, ø 45 м находится в 40 м к В-ЮВ от первого кургана. Насыпи 2-5 распахиваются.

с. Малаевцы. Курган в 3,2 км к СВ от села, в 1,3 км к С от бывшей тракторной бригады к-за «Правда», в 150 м к З от дороги Кишинев - Полтава, в 100 м к С от склада удобрений, h 2,2 м, ø 50 м, распахивается.

с. Малаевцы. Курганный могильник I в 1,8 км к С-В от центра села, в 150-200 м к З от шоссе Кишинев - Полтава. Состоит из 5 насыпей, вытянутых цепью по линии С-Ю. Разделен на две части дорогой, ведущей от шоссе в село. Справа от этой дороги находятся 3 кургана: самый крупный h 4,6 м, ø 70 м расположен в 40 м к С от нее и в 250 м к СВ от бывшей тракторной бригады; в 150 м к С от него – второй h 1,2 м, ø 50 м; в 20 м к С от второго – третий h 0,8 м, ø 45 м. Слева от дороги стоят два кургана: в 180 м к Ю-ЮЗ от первого – четвертый h 1,0 м, ø 45 м и в 150 м к Ю от четвертого – пятый h 0,8 м, ø 45 м. Все насыпи распахиваются, кроме первой.

с. Малаевцы. Курганный могильник 2. Находится на мысовидном выступе плато левого берега долины реки в 1,7 км к Ю-В от центра села, в 1,2 км к Ю-ЮЗ от бывшей тракторной бригады и в 300-800 м к З-СЗ от дороги Кишинев - Полтава. Состоит из 7 насыпей, вытянутых по линии СЗ - ЮВ. Крайний с СЗ курган имеет h 1,1 м, ø 35 м; в 130 м к ЮВ от него – второй h 1,2 м, ø 40 м; в 120 м к ЮВ от второго – третий h 1,0 м, ø 35 м; в 30 м к Ю-ЮВ от третьего – четвертый h 1,1 м, ø 40 м; в 40 м к В от четвертого – пятый h 0,8 м, ø 35 м; в 60 м к Ю-ЮВ от пятого – шестой h 0,5 м, ø 35 м и в 50 м к ЮВ от шестого – седьмой h 0,6 м, ø 35 м. Все курганы, кроме первого и третьего, в насыпях которых много камней известняка, распахиваются.

с. Малаевцы. Курганный могильник 3 в 2,7 км к Ю от села, в 2,0 км к ЮЗ от основного поворота дороги Кишинев - Полтава на с. Унтиловка. Состоит из 5 насыпей, четыре из которых окружают центральный курган h 4,2 м, ø 60 м, примыкающий справа к старой дороге Окны – Дубоссары. Второй курган находится в 90 м к СЗ от него – h 0,6 м, ø 40 м; в 130 м к З от первого – третий h 0,3 м, ø 20 м; в 90 м к З-ЮЗ от первого – четвертый h 0,7 м, ø 40 м. В отличие от предыдущих, пятый курган расположен справа от шоссе в 250 м к В-ЮВ от первого – h 0,6 м, ø 35 м. Все насыпи, кроме первой, распахиваются. Второй, третий и четвертый курганы заняты фруктовым садом.

с. Малаевцы. Курганный могильник 4 в 3,2-3,7 км к ЮЗ от ЮЗ окраины села, справа от старой дороги Окны - Дубоссары. Состоит из 12 насыпей, 11 из которых вытянуты по линии С-СЗ - Ю-ЮВ на протяжении 800-850 м. Крайний с С курган имеет h 0,3 м, ø 30 м; в 150 м к Ю от него – второй h 4,5 м, ø 70 м; в 220 м к Ю от второго – шестой h 1,4 м, ø 40 м. Между 2-м и 6-м курганами расположены три насыпи h от 0,2 до 0,4 м, ø 25-30 м. В 150 м к Ю от шестого – девятый h 1,0 м, ø 45 м. Между шестым и девятым курганами находятся две насыпи h 0,4-0,6 м, ø 35-40 м. В 180 м к Ю-ЮЗ от девятого – десятый h 0, 6 м, ø 40 м и в 20 м к Ю от десятого - одиннадцатый h 0,3 м, ø 30 м. Двенадцатый курган находится в 800 м к ЮЗ от второго – h 0,8 м, ø 35 м. Все насыпи, кроме вершины второго кургана, распахиваются. На поверхности 2-го, 10-го и 11-го курганов много необработанных камней известняка.

с. Розовка. Курганный могильник I в 2,3 км к В от СВ части села (быв. Илия), в 200 м к С-СЗ от старой дороги Окны - Дубоссары. Два кургана, расстояние между которыми 90 м, стоят по линии С-СЗ - Ю-ЮВ. Северный курган h 0,7 м, ø 50 м распахивается. На нем найдена грубообработанная подпрямоугольная плита и много необработанных камней известняка. Второй курган h 4 м, ø 70 м с геодезическим пунктом, не распахивается.

с. Розовка. Курганный могильник 2. Расположен на мысовидном выступе плато левого берега долины реки в 1,5 км к В-ЮВ от центра СВ части села (быв. Илия), в 300 м к СВ от животноводческой фермы и в 250 м к СЗ от старой дороги Окны - Дубоссары. Два кургана, расстояние между которыми 90 м, вытянуты по линии С-СЗ - Ю-ЮВ. Северный имеет h 0,5 м, ø 30 м, второй – h 2,1 м, ø 45 м, распахивается.

с. Розовка. Курган на вершине 60-70-метрового мыса, образованного левым берегом долины реки и правым склоном балки, которая впадает в нее слева у центра села, в 1,1 км к В-СВ от СВ части села (быв. Илия), h 0,9 м, ø 35 м, распахивается.

с. Розовка. Курганный могильник 3 в 1,2 км к Ю – 2,8 км к Ю-ЮВ от центра СВ части села (быв. Илия). Состоит из 14 насыпей, разделенных на три группы дорогой, ведущей из села на шоссе Кишинев - Полтава. Шесть курганов находятся справа от дороги, 4 из них вытянуты цепью по линии С-Ю. Северный, наиболее крупный из них имеет h 3,2 м, ø 60 м и пирамиду геодезического пункта. На В поле этого кургана видны остатки каменной кладки. По-видимому, это сооружение определено в рапорте Ф.П. де Волана как остатки укрепления (Фабрициус 1951, 37).

В 300 м к Ю от него второй h 2,3 м, ø 45 м; в 300 м к Ю-ЮЗ от второго – третий h 0,8 м, ø 35 м; в 320 м к Ю от третьего – четвертый h 2,1 м, ø 45 м; в 80 м к В от третьего – пятый h 0,6 м, ø 35 и в 100 м к В от пятого – шестой h 0,3 м, ø 30 м. Четыре кургана второй группы слева от упомянутой дороги вытянуты по линии СВ-ЮЗ. Первый из них расположен в 30 м к СВ от дороги и в 90 м к В от кургана с каменной кладкой – h 0,3 м, ø 20 м; в 550 м к Ю-ЮВ от первого, напротив склада удобрений – второй h 0,4 м, ø 40 м; в 150 м к ЮВ от второго – третий h 0,4 м, ø 50 м и в 150 м к ЮВ от третьего – четвертый h 2,8 м, ø 55 м. На втором и третьем курганах этой группы подняты обломки светлоглиняных амфор первых веков н.э. Третья группа состоит из 3 насыпей, вытянутых по линии С-СЗ – Ю-ЮВ, расположенных слева от дороги после ее поворота направо. Первый находится в 400 м к Ю-ЮВ от поворота – h 3,5 м, ø 55 м; в 100 м к Ю-ЮВ – второй h 2,8 м, ø 40 м; в 200 м к ЮВ от второго – третий h 0,6 м, ø 30 м. На всех курганах третьей группы много необработанных камней известняка. Вторую и третью группы как бы связывает в одну цепь курган № 11 h 0,9 м, ø 40 м, расположенный в 60 м справа от дороги и в 120 м к Ю от ее поворота направо. Все курганы, кроме первого, распахиваются.

с. Розовка. Курганный могильник 4 в 2,2 км к Ю-ЮВ от центра основной, ЮЗ части села, в 200 м к СЗ от старой дороги Окны – Дубоссары. Два кургана, расстояние между которыми 40 м, вытянуты по линии СВ – ЮЗ параллельно дороге. СВ курган имеет высоту 1,6 м, диаметр 40 м, второй – h 1,8 м, ø 40 м. Обе насыпи распахиваются.

с. Розовка. Курганный могильник 5 в 2,2 км к Ю от центра основной, ЮЗ части села и в 300 м к СЗ от старой дороги Окны - Дубоссары. Два кургана, расстояние между которыми 35 м, вытянуты по линии С-СЗ - Ю-ЮВ. Северный курган имеет h 3,2 м, ø 55 м, второй – h 0,9 м, ø 40 м. ЮЗ пола первого из них занята лесопосадкой, перпендикулярной дороге. Оба распахиваются.

Приложение 3

Описание Ягорлыцких курганов Дубоссарского района

(Gangan 1993; Коваленко, Синика, Тельнов 2011, 35-36, 40-41, 46-47)

с. Дубово

Курган 1 известен среди местного населения как *Мовилэ чя Маре*. Расположен на пастбище в 2 км к В от села, к С от лесополосы и грунтовой дороги, h 7,3 м, ø 85 м. Вершина срезана при установке геодезического знака (с отметкой +195,3 м), от которого остались металлические опоры и заплывший ровик. СВ край насыпи и её центр заросли терновником, скрывающим огромную грабительскую яму. На поверхности выступают блоки известняка длиной до 1,5 м, часто встречаются камни до 30 см в поперечнике и множество мелких до 5-7 см. Оплывшая грабительская яма в виде воронки ø 20 м имеет выход в восточном направлении. Предполагаемый выброс из ямы располагался с ЮВ стороны. Отвал в виде площадки впечатляет своими размерами. Его протяженность по краю составляет почти 20 м. Глубина грабительской ямы – 2,5 м. В её центре заметны остатки более узкой заплывшей ямы ø 1,5 м и глубиной 1 м, с выброшенными из неё известняковыми плитами и камнями до 60 см в длину. В насыпи кургана заметны признаки прожога (карта VI:1[13]; Repertoriul 1993, 10, № 83).

Курган 2 находится в 2 км к В от села, в 75 м к СЗ от кургана 1. h 1,6 м, ø 40 м. До недав-

[13] Здесь и далее даны ссылки на карты издания (Коваленко и др. 2011).

него времени курган распахивался, сейчас используется под пастбище. На его поверхности встречаются редкие известняковые камни до 20 см в поперечнике (карта VI:2; Repertoriul 1993, 10, № 82).

Курган 3 находится в 1 км к В от села, в 0,2 км к С от полевой дороги и лесополосы. Некогда 3-метровая насыпь сейчас уменьшилась до h 1,1 м, а диаметр увеличился до 40 м. В настоящее время не распахивается. На ней встречаются редкие известняковые камни до 20 см в поперечнике (карта VI:3; Repertoriul 1993, 10, № 84).

Курган 4 находится у Ю окраины села, в 200 м к Ю от здания детского сада, в 170 м к З от тракторной бригады и асфальтной дороги, h 1,4 м, ø 40 м. На распаханной поверхности у северной полы кургана несколько камней известняка – плит длиной до 35 см (карта VI:4; Repertoriul 1993, 10, № 85).

Курган 5 (карта VI:5) находится в 100 м к З от шоссе и тракторной бригады, в 75 к СВ от кургана 4, в 20 м к З от водонапорной башни. Открыт в 2007 г. С.И. Коваленко. Высота 0,3 м, диаметр 25 м. Поверхность распахивается. На ней встречаются редкие известняковые камни до 20 см в поперечнике.

с. Койково

Курган 1 находится в 1,3 км к В от С границы с. Койково, в 0,6 км к ЮЗ от с. Дубово, в 120 м к ЮВ от наибольшей насыпи курганной группы. Н 2 м, ø 40 м. На распахиваемой насыпи изредка встречаются камни до 30 см в поперечнике (карта IV:13; Repertoriul 1993, 7, № 51).

Курган 2 находится в 1,1 км к ЮВ от с. Койково, в 0,5 км к ЮЗ от с. Дубово, вблизи полевой дороги. Это самый крупный курган в могильнике – ø 50 м, h 2,7 м (+146,1 м). На распаханной поверхности найдены человеческие кости (фрагмент черепа) и зубы лошади (карта IV:14; Repertoriul 1993, 7, № 50).

Курган 3 находится в 1,2 км к В от С границы с. Койково, в 0,7 км к ЮЗ от с. Дубово, в 160 м к Ю от самой крупной насыпи в курганном могильнике. Н 0,8 м, ø 35 м. На распаханной поверхности обнаружен фрагмент кости человека, а у её западной полы камень известняка размерами 25×12×10 см (карта IV:15; Repertoriul, 1993, 7, № 52).

Курган 4 находится в 1,1 км к В от С окраины села, в 0,2 км к СЗ от лесополосы и грунтовой дороги. Открыт в 2007 г. С.И. Коваленко. Н 0,4 м, ø 25 м. На поверхности встречаются известняковые камни до 25 см в поперечнике (карта IV:16).

Курган 5 находится в 1 км к ЮВ от северной окраины села, СВ от лесополосы и грунтовой дороги, в 100 м к С от развилки полевых дорог и трансформаторной будки. Его h 1,3 м, ø 40 м. Насыпь несколько растянута по линии северо-запад – юго-восток. На распаханной глинистой поверхности, у подножья насыпи изредка встречаются камни известняка до 30 см в поперечнике (карта IV:17; Repertoriul 1993, 7, № 54).

Курган 6 находится в 0,7 км к ЮВ от села, в 0,6 км к ЮВ от водонапорных вышек, к ЮЗ от полевой дороги, на возвышенности +133,1 м, на территории старого сливового сада. Его h 2 м, ø 40 м. Поверхность задернована (карта IV:18; Repertoriul 1993, 7, № 55).

Курган 7 находится в 0,6 км к ЮВ от села, в 50 м к югу от кургана 6, в 150 м к СЗ от лесополосы и полевой дороги. Его h 1,2 м, ø 32 м. Насыпь задернована, но нарушена глубокой междурядовой пропашкой бывшего сливового сада (карта IV:19; Repertoriul 1993, 7, № 56).

Курган 8 находится в 0,9 км к ЮВ от С границы села, на территории складов у тракторной бригады, с геодезическим знаком на вершине (+142,1 м). Его h 5 м, ø 35 м. Насыпь задернована, СЗ край кургана нарушен при строительстве здания, а СВ часть имеет признаки поздней подсыпки (карта IV:20; Repertoriul, 1993, 7, № 57).

Курган 9 находится в 1,2 км к югу от села, в 0,7 км к С от полевого стана, в 0,1 км к В от полевой дороги. Его h 0,6 м, а размеры насыпи 25×50 м (сильно растянута по линии ЮЗ - СВ). На распаханной поверхности курган выделяется по более светлому глинистому пятну и отдельным известняковым камням до 25 см в поперечнике (карта IV:21; Repertoriul 1993, 7-8, № 58).

Курган 10 находится в 1,2 км к Ю от села, в 0,6 км к СЗ от полевого стана, в 250 м к В от полевой дороги, обсаженной орехами. Высота распахиваемой насыпи 1,7 м, ø 60 м (карта IV:22; Repertoriul 1993, 8, № 59).

Курган 11 находится в 1,7 км к Ю от села, в 250 м к СЗ от полевого стана, в 130 м к С от щебневой дороги, лесополосы и ЛЭП. Высота распаханной насыпи 1 м, ø 35 м (карта IV:23; Repertoriul 1993, 8, № 60).

с. Дойбаны-1

Курган 1 находится в 1,3 км к ЮЗ от села, в 0,4 км к Ю от щебневой дороги, h 5,3 м, ø 60 м. От бывшего на задернованной вершине геодезического знака (+142,5 м) ныне осталась яма и заплывший ровик, а рядом остатки легкой постройки. Западная пола растянута вспашкой, восточная деформирована у подножья двумя терасками (карта IV:1; Repertoriul 1993, 8, № 62).

Курган 2 находится в 1,4 км к ЮЗ от села, в 350 м к Ю от щебневой дороги, в 60 м к С от кургана 1. Н 1,6 м, ø 40 м (карта IV:2; Repertoriul 1993, 8, № 61).

Курган 3 находится в 1,1 км к Ю - ЮЗ от села. Пересекается по С стороне лесополосой и грунтовой дорогой, которая подрезает насыпь более чем на 1 м, обнажая блок известняка диаметром более 1,5 м. Курган имеет овальную в плане форму, растянут по линии С - Ю. Его h 3,6 м, размеры 50×35 м. Центр и южная половина насыпи задернованы и поросли редким кустарником, северная – деревьями. На вершине видны старые перекопы. Южная оконечность насыпи вытянута распашкой. На поверхности встречаются известняковые камни до 20 см в поперечнике и щебень (карта IV:3; Repertoriul 1993, 8, № 64).

Курган 4 находится в 1,1 км к Ю - ЮЗ от села, в 0,4 км к Ю от щебневой дороги, в 350 м к С от кургана 1. Н 0,6 м, ø 25 м. Выделяется на пашне по глинистому пятну (карта IV:4; Repertoriul 1993, 8, № 63).

Курган 5 находится в 0,6 км к ЮВ от села, в 150 м к З от ЛЭП, на возвышенности +136,1 м. Поверхность кургана интенсивно распахивается. h 1,6 м, ø 40 м. В 15 м от ЮВ края кургана заметен подземный водовод от системы орошения (карта IV:5; Repertoriul 1993, 8, № 66).

Курган 6 находится в 0,5 км к ЮВ от села, в 200 м к З от ЛЭП, в 45 м к СЗ от кургана 5. Н 1,6 м, ø 37 м. Расположен в зоне орошения, интенсивно распахивается (карта IV:6; фото 053; Repertoriul 1993, 8, № 65).

Курган 7 находится в 0,7 км к ЮВ от села, в 150 м к северу от лесополосы, в 70 м к ЮЗ от кургана 5. Открыт в 2007 г. С.И. Коваленко. Н 0,7 м, ø 25 м. Заметен в поле по более светлому грунту (карта IV:7).

Курган 8 находится в 1,7 км к ЮВ от села, в 20 м к В от полевой дороги у лесополосы. h 1 м, ø 35 м. На сильно распаханной поверхности заметны камни до 25 см в поперечнике (карта IV:8; Repertoriul 1993, 9, № 68).

Курган 9 находится в 1,4 км к ЮВ от села, в 140 м к СЗ от кургана 8, на границе с землей с. Гояны. Вся западная часть насыпи, пересекаемая грунтовой дорогой и ЛЭП (с опорой №30), срезана до основания. Остатки насыпи видны в лесополосе, примыкающей с В. Её h 1,1 м, ø 30 м. На ней заметны камни размерами до 10 см (карта IV:9; Repertoriul 1993, 8-9, № 67).

Библиография

Андреев 1898: П.Н. Андреев, Иллюстрированный путеводитель по по Юго-Западным казенным железным дорогам (Киев 1898).

Болтрик 2009: Ю.В. Болтрик, Древние пути сообщений Правобережной Украины. В сб.: С.Н. Бибиков и первобытная археология (Санкт-Петербург 2009), 381-389.

Борисковский 1964: П.О. Борисковский, Разведки памятников каменного века в Одесской области. КСОГАМ за 1962 г. (Одесса 1964), 12-17.

Волан 2002: Ф.П. Волан, Отчет относительно географического и топографического положения Провинции Озу или Едисан, обычно называемой Очаковская степь, служащий пояснением к картам и планам, снятым по высочайшему указанию В: Наследие Ф.П. Де-Волана: из истории порта, города, края (Одесса 2002), 74-200.

Гошкевич 1903: В.И. Гошкевич, Клады и древности Херсонской губернии (Херсон 1903).

Григорович 1876: В. Григорович, Записка о пособиях к изучению южнорусской земли, находящихся в военно-ученом архиве Главного штаба. Записки Новороссийского университета XX, 1876, 1-45.

Даль 2001: В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, том 4: С-V (Москва 2001).

Добролюбский 1986: А.О. Добролюбский, Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья (Киев 1986).

Забелин 1876: И. Забелин, История русской жизни древнейших времен, часть I (Москва 1876).

Каховский 1875: В. Каховский, Ведомости четырех уездов, составляющих новоприобретенную область от Порты Оттоманской и присоединенную к Екатеринославскому наместничеству. ЗООИД IX, 1875, 320-331.

Коваленко, Синика, Тельнов 2011: С.И. Коваленко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Свод археологических памятников Дубоссарского района Приднестровской Молдавской Республики (Тирасполь 2011).

Кравченко 1960: А.А. Кравченко, Археологічні пам'ятки в долинах річок Тростянець і Ягорлик. МАПП III, 1960, 167-175.

Мейер 1794: А. Мейер, Повествовенное, землемерное и естествословное описание Очаковская земля, содержащееся в двух донесениях (Санкт-Петербург 1794).

ОАК 1904: Отчет Археологической комиссии за 1902 г. (Санкт-Петербург 1904).

Петрунь 1828: Ф. Петрунь, Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу. Східний світ 6, 1928, 155-175.

Петрунь 1829: Ф.О. Петрунь, Старовинні шляхи Одешини. ВОКК: серія соціяльно-історична, часть 4-5, 1929, 32-43.

Південна Україна 2005: Південна Україна кінця XVIII ст. в альбомі Жана Анрі Мюнца / Упоряд. О.Ю. Мицик (Запоріжжя 2005).

Пивовар, Пєший, Шляховий 2010: А.В. Пивовар, О.І. Пєший, К.В. Шляховий, Земельні банки Новоросійського краю: за описами фондів Одеського, Дніпропетровського та Кіровоградського архівів (Київ 2010).

Сапожников 1989а: И.В. Сапожников, Отчет о работах Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1988 г. (Одесса 1989), Архив ИА НАНУ, № 88/24.

Сапожников 1989б: И.В. Сапожников, Археологическое картографирование: методика и практика В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов конференции (Запорожье 1989), 141-142.

Сапожников 1991: І.В. Сапожников, Археологічні розвідки для «Зводу пам'яток історії та культури УРСР» і краєзнавство В сб.: Розвиток історичного краєзнавства в контексті національного і культурного відродження України. Тези доповідей V-ї Всеукраїнської конференції (Київ – Кам'янець-Подільський 1991), 498-499.

Сапожников Новицкий 1991: И.В. Сапожников, Е.Ю. Новицкий, Курганы в долинах рек Ягорлык и Тростянец (опыт топографического анализа) В сб.: Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины (Одесса-Запорожье 1991), 49-70.

Сапожников 2003: І.В. Сапожников, Картографія та її методи в археології В сб: Національне картографування: стан, проблеми та перспективи розвитку (Київ 2003), 317-319.

Соколовский 1895: В.Г. Соколовский, Земские дороги и дорожные сооружения Тираспольского уезда (Одесса 1895).

Сообщение 1911: Сообщение Э.Р. фон Штерном письма г. Карузо о раскопках в Тираспольском уезде. ЗООИД XXIX, 1911, 20-21.

Фабрициус 1951: И.В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. I (Киев 1951).

Черняков 1965: И.Т. Черняков, Красномаяцкий клад литейщика. КСОГАМ за 1963 г. (Одеса 1965), 87-123.

Ястребов 1894: В. Ястребов, Опыт топографического анализа древностей Хесонской губернии. ЗООИД, XVII, 1894, 63-177.

Gangan 1993: A. Gangan, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Dubăsari (Chişinău 1993), Arhiva MNIM, inv. nr. 19.

Tumulii de la Iagorlâc din preajma Nistrului: istoricul cercetării, cartografiere şi topografie

Cuvinte-cheie: râurile Nistru, Iagorlâc şi Suhoi Iagorlâc, interfluviu, tumuli, istoricul cercetării, cartografiere, topografie, căi comerciale, drumuri, perspective de cercetare.

Rezumat: Articolul este rezervat descrierii tumulilor amplasaţi pe interfluviul, cu lungimea de 45 km, format de confluenţa bazinelor râurilor Igorlâc şi Suhoi Iagorlâc. Pentru prima dată aceste movile sunt pomenite, unele şi

desenate, de către J.A. Münz în anul 1781. Ulterior acestea au fost descrise şi cartate de către A.K. Meyer şi F.P. de Volan în 1791. La momentul de faţă în acest spaţiu sunt cunoscuţi circa 120 de tumuli, unii din ei atingând înălţimea de 8-9 m. Majoritatea lor sunt amplasaţi în partea superioară a interfluviului, înşiruiţi de-a lungul lui, uneori fiind aranjaţi în două linii paralele. În general ei marchează o porţiune a unei căi comerciale antice pe care se putea ajunge la nord – în regiunea de silvostepă, la est – în bazinul Niprului şi la sud-est – la gurile Bugului şi la Marea Neagră.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Interfluviul Iagorlâc, partea inferioară („Harta regiunii Oceakov" a F.P. de Volan, 1791).
Fig. 2. Interfluviul Iagorlâc, partea superioară („Harta regiunii Oceakov" a F.P. de Volan, 1791).
Fig. 3. Interfluviul Iagorlâc, partea inferioară (harta 3-verste, anii 1840-1850).
Fig. 4. Interfluviul Iagorlâc, partea superioară (harta 3-verste, anii 1840-1850).
Fig. 5. Interfluviul Iagorlâc, partea inferioară (harta 2-verste, anii 1910).
Fig. 6. Interfluviul Iagorlâc, partea superioară (harta 2-verste, anii 1910).
Fig. 7. Interfluviul Iagorlâc, partea inferioară (harta 1:500, anii 1980).
Fig. 8. Interfluviul Iagorlâc, partea superioară (harta 1:500, anii 1980).
Fig. 9. Tumulii din preajma localităţilor Okny şi Novyi Orach (harta 1:250, anii 1960).
Fig. 10. Planul terenurilor din partea inferioară a interfluviului Iagorlâc (a. 1806).
Fig. 10. Planul terenurilor din partea superioară a interfluviului Iagorlâc (a. 1806).
Foto 1. Tumulul „Mormântul Traktir" (foto autori, 2017).
Foto 2. Tumulul „Mormântul lui Skakov" (foto I.V. Sapozhnikov, 1988).
Foto 3. Tumulul „Mormântul lui Karpenko" (foto autori, 2017).
Foto 4. Tumulul „Mormântul lui Sidor" (foto autori, 2017).
Foto 5. Tumulul „Mormântul Rozcehata" (foto autori, 2017).
Foto 6. Tumulul „Mormântul lui Kantor" (foto autori, 2017).
Foto 7. Tumulul „Mormântul Mare" (foto S.I. Kovalenko, 2007).

Yagorlyk mounds near the Dniester: history of exploration, cartography and topography

Keywords: the Dniester, the Yagorlyk, the Sukhoy Yagorlyk, watershed cape, local region, barrows, the history of exploration, cartography, topography, trade routes, roads, prospects for excavations.

Abstract: The article is devoted to the barrows located on the cape up to 45 km long, formed by the valleys of the Yagorlyk and Sukhoy Yagorlyk rivers, which merge at the left bank of the Dniester. These burial mounds were mentioned and even sketched by J.A. Münz (1781), and then described and mapped by A.K. Meyer and F.P. de Volan (1791). In total, in this local region topographers and archaeologists have noted up to 120 mounds reaching a height of 8-9 m. Most of them are spread along the top of the watershed, some groups are arranged in two parallel lines, a number of chains are oriented across the general line. In general, they mark the site of the ancient trade route, along which it was possible travelling from the Dniester northward to the forest-steppe, eastward to the Dnieper region and in the southeast direction to the mouth of the Bug and to the Black Sea.

List of illustrations:

Fig. 1. Yagorlyk Cape, the lower part ("Map of the Ochakov district" by F.P. de Volan, 1791).
Fig. 2. Yagorlyk Cape, the top ("Map of the Ochakov district" by F.P. De Volan, 1791).
Fig. 3. Yagorlyk Cape, the lower part (3-versts map, 1840-1850s).
Fig. 4. Yagorlyk Cape, the upper part (3-versts map, 1840-1850s.).
Fig. 5. Yagorlyk Cape, the lower part (2-versts map, 1910s).
Fig. 6. Yagorlyk Cape, the upper part (2-versts map, 1910s).
Fig. 7. Yagorlyk Cape, the lower part (500-meters map, 1980s).
Fig. 8. Yagorlyk Cape, the middle part (500-meters map, 1980s).
Fig. 9. Mounds near the Okny and Novyi Orach villages (250-meters map, 1960s).
Fig. 10. Map of ground areas of the lower part of the Yagorlyk Cape (1806).
Fig. 11. Map of ground areas of the upper part of the Yagorlyk Cape (1806).
Photo 1. Traktirnaya Grave Mound (photo of the authors, 2017).
Photo 2. Skakovaya Grave Mound (photo by I. Sapozhnikov, 1988).

Photo 3. Karpenkova Grave Mound (photo by the authors, 2017).

Photo 4. Sidorova Grave Mound (photo by the authors, 2017).

Photo 5. Roschekhata Grave Mound (photo by the authors, 2017).

Photo 6. Kantorova Grave Mound (de Volan Mound; photo by the authors, 2017).

Photo 7. Movilă cea Mare Mound (photo by S.I. Kovalenko, 2007).

03.12.2017

Др. хаб. Игорь Сапожников, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: igors@gcn.ua

Др. Юрий Болтрик, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: boltryk@ukr.net

PIESE DE METAL DIN EPOCA BRONZULUI ŞI CEA A FIERULUI DESCOPERITE ÎN REPUBLICA MOLDOVA

Eugen Uşurelu
Andrei Nicic

Cuvinte-cheie: spaţiul carpato-nistrean, epoca bronzului, epoca fierului, piese de bronz.

Articolul de faţă îşi propune prezentarea şi discutarea câtorva piese de bronz descoperite în Republica Moldova. Ele sunt, în majoritate, inedite, iar introducerea lor în circuitul ştiinţific întregeşte imaginea de ansamblu a unor tipuri de obiecte de bronz prin analizarea lor într-un cadru geografic şi cultural mai larg[1].

I. Descrierea pieselor

1. Satul Musteaţa, raionul Făleşti[2]. Topor-celt de bronz cu corpul hexagonal în secţiune şi cu bordura tocului de înmănuşare realizată în relief, turnat în tipar bivalv. Urechiuşa toporului-celt nu a căpătat formă definitivă ca rezultat al turnării defectuoase, ea rămânând de fapt ca un ţurţure de turnare. Ambele suprafeţe late sunt prevăzute cu muchii în formă de arcadă, iar în partea superioară a arcadei cu trei nervuri verticale paralele. Corpul piesei este uşor asimetric, iar tăişul puţin arcuit. L 9,0 cm; l în dreptul tăişului 4,5 cm; adâncimea tocului de înmănuşare 5,2 cm; gr. 235 g (fig. 1). Contextul descoperirii nu se cunoaşte. Muzeul de Istorie şi Etnografie „Lazăr Dubinovschi", or. Făleşti, nr. inventar 10[3].

2. Raionul Rezina. Topor-celt de bronz cu corpul hexagonal în secţiune, turnat în tipar bivalv. Gura tocului de înmănuşare şi urechiuşa prezintă defecte de turnare. Ambele suprafeţe late au muchii în formă de arcadă, prevăzute în partea superioară cu trei nervuri verticale paralele pe o parte şi patru pe cealaltă. L 8,2 cm; l în dreptul tăişului 4,3 cm; adâncimea tocului de înmănuşare 6,3 cm; gr. 200 g (fig. 2). Contextul descoperirii nu se cunoaşte. Colecţie particulară, or. Chişinău.

3. Satul Ilenuţa, raionul Făleşti. Ciocan-celt de bronz cu corpul oval în secţiune, turnat în tipar bivalv. Partea activă a piesei este deformată. Sub gura foarte puţin îngroşată a piesei, corpul prezintă o uşoară arcuire spre interior. Imediat sub aceasta, pe ambele suprafeţe late ale corpului a fost executat un decor compus din trei nervuri verticale scurte, care se termină la capetele de jos cu cerculeţe mici, în relief. L 8,8 cm; l lamei 4,0 cm; adâncimea tocului de înmănuşare 5,0 cm; gr. 432 g (fig. 3). Contextul descoperirii nu se cunoaşte. Muzeul de Istorie şi Etnografie „Lazăr Dubinovschi", or. Făleşti, nr. inventar 57.

4. Butuceni, raionul Orhei[4]. Ac de bronz cu capul bitronconic şi corpul circular în secţiune. În partea inferioară a capului şi în cea superioară a corpului piesa este decorată cu două grupe de linii incizate paralele, orizontale; la ambele grupe, în partea lor inferioară, se află o bandă orizontală de triunghiuri incizate, cu vârful în jos. L 9,1 cm (fig. 4). Descoperire izolată din zona complexului arheologic „Orheiul Vechi". Colecţie particulară, or. Chişinău.

5. Butuceni, raionul Orhei[5]. Fibulă de bronz în stare brută, cu piciorul terminat cu un buton conic şi cu portagrafă dreptunghiulară. Partea de mijloc, îngroşată, formează arcul şi este poligonală în secţiune. Piciorul are secţiunea circulară, iar partea dinspre vârf sau acul, dreptunghiulară. L 19,4 cm; gr. 12 g (fig. 5). Descoperire izolată din zona complexului arheologic „Orheiul Vechi". Colecţie particulară, or. Chişinău.

[1] Aducem sincere mulţumiri domnului dr. Tudor Soroceanu (Berlin), care ne-a sugerat câteva modificări, precum şi completări ale bibliografiei.

[2] Aducem mulţumiri şi pe această cale dnei muzeograf Ana Vârtosu pentru amabilitatea de a ne pune la dispoziţie piesele ce aparţin perioadei târzii a epocii bronzului din colecţiile muzeului.

[3] Piesa a fost inclusă şi în lucrarea apărută recent (Дергачев 2010, 166, таб. 17/37).

[4] Studierea piesei a fost posibilă datorită asistenţei acordate de către dnii V. Tocmacov şi I. Erhan, fapt pentru care le suntem recunoscători.

[5] Informaţia despre piesă o datorăm dlui M. Onilă, căruia îi aducem sincere mulţumiri.

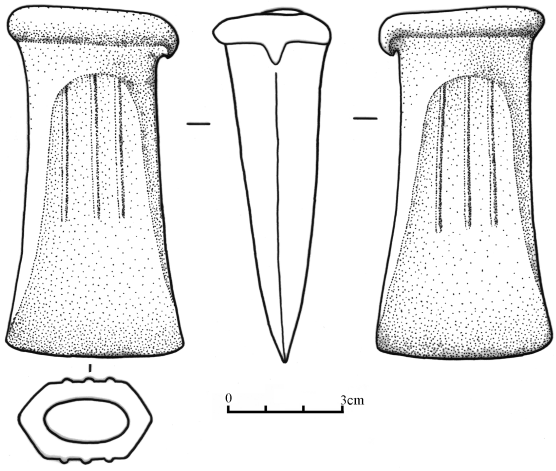


Fig. 1. Musteaţa, raionul Făleşti. Topor-celt.

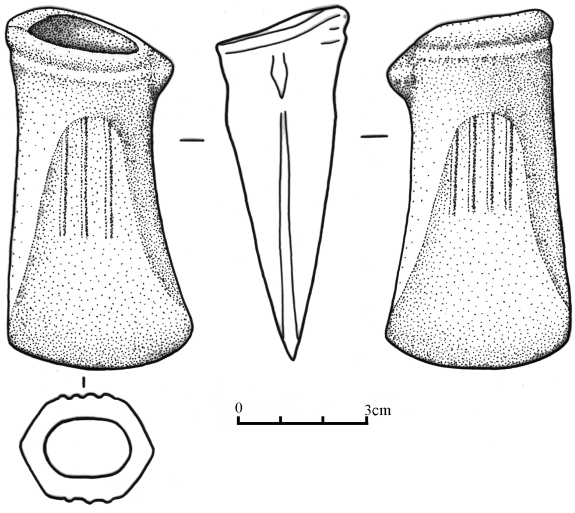


Fig. 2. Raionul Rezina. Topor-celt.

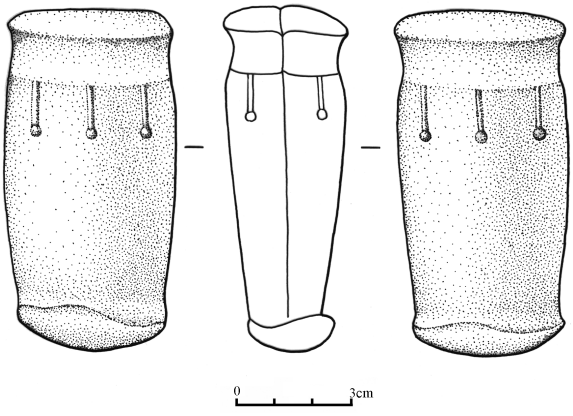


Fig. 3. Ilenuţa, raionul Făleşti. Ciocan-celt

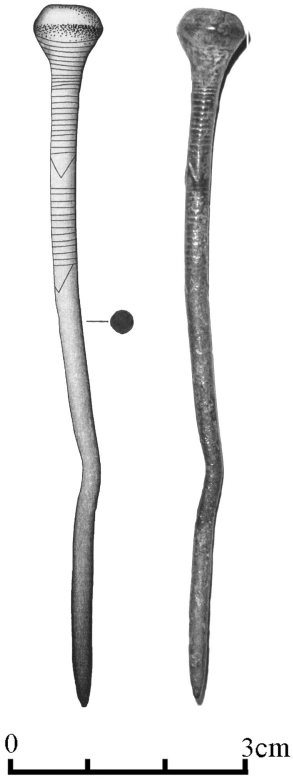


Fig. 4. Butuceni, raionul Orhei. Ac.

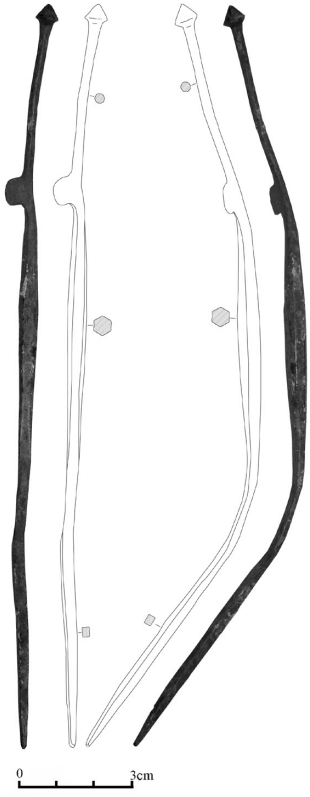


Fig. 5. Butuceni, raionul Orhei. Fibulă.

II. Încadrarea tipologică şi determinarea contextului cultural-cronologic

Topoarele-celt

Topoarele-celt analizate (fig. 1-2) sunt similare unei grupe de topoare-celt cu o urechiuşă, descoperite accidental în spaţiul carpato-nistrean, la care ambele suprafeţe late sunt de asemenea prevăzute cu muchii în formă de arcadă, iar în partea superioară a arcadei cu trei sau patru nervuri verticale paralele (Şadurschi 1989, fig. 6/1; Dergačev 2002, Taf. 50/F; 75/A479; Uşurelu 2003, fig. 3/6-10).

Din această regiune provin şi topoare-celt cu o urechiuşă la care decorul compus din două/trei sau mai multe nervuri verticale paralele, este amplasat în partea superioară a părţilor late sau a muchiilor plasate trapezoidal; piesele au fost descoperite atât izolat (Petrescu-Dîmboviţa 1964, fig. 6/3, 5-7; Coman 1980, fig. 116/6; 117/1; Ignat 1981, fig. 5/1; Chirica, Tanasachi 1984, fig. 9/3; Dumitroaia 1985, fig. 3/a; Dumitroaia 1992, fig. 10/1; Dergačev 2002, Taf. 50/E.G.H; 51/F; 75/A480; Uşurelu 2003, fig. 2/1-11; 3/1-5, 11), cât şi în cadrul depozitelor (Şadurschi 1989, fig. 4/2; Vulpe, Căpitanu 1995, Abb. 2/8; Кнауэр 1893, 85, рис. 64 (desen corect) = Дергачев 1975, fig. 9/4 (desen incorect); Uşurelu 2003, fig. 4/2,6)[6].

În ceea ce priveşte depozitele din acest spaţiu, în care se găsesc numai topoare-celt cu nervuri verticale paralele amplasate în partea superioară a muchiilor în formă trapezoidală a părţilor late, cel de la Gioseni, este încadrat în intervalul de unul sau două secole a perioadei HaA (Vulpe, Căpitanu 1995, 240-241). Alt depozit de la est de Carpaţi, cel de la Jijia, este datat diferit. Într-un caz, nu este propusă o datare precisă (Păunescu, Şadurschi 1983, 231, fig. 18/1-4; 19/1), în cel de-al doilea, este plasat în BzD-HaA1 (Boroffka, Ridiche 2005, 185, lista 9B), iar în cel de-al treilea în HaB1 (Dergačev 2002, 169; Uşurelu 2003, 214). Al treilea depozit, cel de la Pavlovka, din sudul Basarabiei, este datat în HaA2-HaB1 (Дергачев 1975, 74-75; Dergačev 2002, 169; Leviţki 2003, 81-83)[7].

Topoare-celt cu o urechiuşă şi muchii în formă de arcadă, cu una până la patru nervuri verticale paralele în partea superioară a arcadei, sunt răspândite şi în alte regiuni ale spaţiului carpato-dunărean.

În sudul Transilvaniei şi în Crişana, astfel de piese sunt incluse în unele depozite ale seriei Cincu-Suseni (HaA1), iar în nord-estul Munteniei, a seriei Jupalnic (HaA2) (Petrescu-Dîmboviţa 1978, 120, 131, 138, Taf. 104/34-35; 159/A1; 221/A2)[8].

În Serbia, topoare-celt similare au fost descoperite izolat (Вукмановић, Радојчић 1995, 85, 89, N. 150, 158) şi în cadrul depozitelor (Гарашанин 1975, 78-79, 86-90, 96-100, T. LXXI/3; LXXVII/5; LXXXI/11, 12; LXXXII/2; Vasić 1982, 268, 282, Abb. 3/8), fiind datate începând cu faza BzD şi până în HaB2[9].

Un cadru teritorial şi cronologic mai larg ne este revelat de topoarele-celt cu o urechiuşă şi cu una până la cinci nervuri verticale paralele amplasate în partea superioară a muchiilor în formă trapezoidală de pe părţile late.

În România, astfel de topoare-celt se găsesc în unele depozite din Banat şi din sud-vestul Transilvaniei, aparţinând seriei Cincu-Suseni (HaA1), din vestul Olteniei şi din Crişana, aparţinând seriei Jupalnic (HaA2), din Banat şi nord-vestul Transilvaniei, aparţinând seriei Moigrad (HaB1), din Dobrogea (seria Sâmbăta Nouă, HaB1), din sudul, sud-vestul şi nord-vestul Transilvaniei făcând parte din seriile Fizeşu Gherlii (HaB2) şi Şomartin (HaB3), şi depozitul de la Pietrosu (HaB1) din Muntenia (Petrescu-Dîmboviţa 1978, 119, 120, 122, 124, 127, 131, 132, 137, 138, 142, 147, 149, 150, 151, Taf. 98/B1; 105/38, 39, 42; 119/B2; 129/B3; 143/131, 132; 144/135; 160/B1; 161/15-16; 162/38-39; 217/C2-4; 220/B4, 6; 231/B1, C2;

[6] Câteva piese de bronz, printre care şi două topoare-celt cu o urechiuşă şi nervuri verticale paralele amplasate în partea superioară a muchiilor amplasate trapezoidal pe părţile late, care constituie probabil un depozit, sunt atribuite de I. Vatamanu (Vatamanu 1985, 483) depozitului de la Ruginoasa (Ursachi 1968, 27-35).

[7] Aflându-se la extremitatea estică a ariei de răspândire a ceştilor de tip Fuchsstadt, descoperirea de la Pavlovka trebuie datată mai degrabă în HaB1, având în vedere faptul că toate ceştile de acest tip din Ungaria şi România se plasează cel mai devreme în HaB1.

[8] Trebuie notat că depozitul de la Predeal (II) a fost localizat greşit de Petrescu-Dîmboviţa (şi de alţi cercetători) în Transilvania, el provenind de la Predeal-Sărari, jud. Prahova, localitate din nord-estul Munteniei (vezi clarificarea la Soroceanu 2012, 154-155, cu bibliografia mai veche). Un celt foarte interesant, cu o singură nervură verticală în muchia incipient arcuită a fost descoperit „în Banat". Această singură nervură verticală se termină în partea inferioară cu un unghi, element extrem de rar întâlnit la această variantă (Kacsó 1994, 14, Abb. 4/3).

[9] În cazul unor şi aceleaşi depozite din această regiune, sunt propuse datări semnificativ diferite (Гарашанин 1975, 90, 100, T. LXXVII/5; LXXXI/11, 12; Vasić 1982, 268, 282).

251/C1; 252/B13-14; 258/A47; 259/A2; 260/B4; 264/A15; 267/B2)[10].

Alte două depozite, în a căror componenţă intră topoare-celt similare, provin din judeţele Caraş-Severin (Gumă 1993, 256; Soroceanu 1995, Abb. 2/17) şi Mehedinţi (Crăciunescu 2005, Abb. 3/4; 5/4), datate în HaA1-HaA2 şi respectiv HaA2-HaB1.

Descoperiri izolate ale unor astfel de topoare-celt sunt localizate în sud-vestul Transilvaniei (Aldea, Ciugudean 1995, 220, Abb. 3/11) şi în Dobrogea (Simion 2004-2005, fig. 1), iar din Muntenia provine o descoperire din cadrul unei aşezări de tip Corlăteni-Chişinău (Renţa 2008, 101, fig. 67/8).

În Bulgaria, topoare-celt similare sunt incluse în depozitele de la Prodimčec[11] şi Gorsko-Slivovo, primul fiind datat în HaA2-HaB1 (Hänsel 1976, 42. Abb. 3; Черных 1978, таб. 39/14, 15), dar au fost descoperite şi izolat (Черных 1978, таб. 39/16; 40/2).

Depozitele din Serbia, care conţin astfel de topoare-celt (Гарашанин 1975, 52-63, 78, 79, 81-93, 96-103, T. LII/4; LVIII/4; LXXI/6; LXXIV/2; LXXVI/5, 6; LXXVII/1, 3, 4, 7, 9; LXXVIII/1; LXXXII/4; LXXXIII/1-3; Vasić 1982, 268, 282), sunt datate începând cu BzD până în HaB2.

În Ungaria, topoare-celt cu o urechiuşă şi nervuri verticale paralele amplasate în partea superioară a muchiilor amplasate trapezoidal pe părţile late, fac parte din componenţa unor depozite ale orizonturilor Hajdúböszörmény (HaB1/BVIa), Románd (HaB2/3/BVIb) şi Bükksentlászló (HaB3/BVIc) (Mozsolics 2000, Taf. 7/5; 26/2; 39/1-4; 44/27; 61/8; 69/10; 70/3; 76/11, 13-15; 80/1; 117/9).

Un topor-celt similar se află şi în depozitul Kljačanovo I, din regiunea Transcarpatică a Ukrainei, încadrat în seria Suskovo I (HaA2) (Kobal' 2000, Taf. 78/D3).

O arie de răspândire mai restrânsă şi un cadru cronologic mai limitat, oferă topoarele-celt cu nervuri verticale paralele în partea superioară a muchiilor în formă de arcadă sau trapezoidală a părţilor late, însă fără urechiuşă[12], având epicentrul de localizare în nordul Bulgariei (Черных 1978, таб. IV/8, K-6, K-8, K-10, K-34, K-36, K-38, K-40; рис. 97; 100; Дергачев 2011, рис. 40).

Aceste topoare-celt sunt caracteristice grupei de depozite Vyrbica (Черных 1978, 250, 253, 254, рис. 109)[13], poziţia cronologică a căreia este plasată în fazele BzD-HaA1 (Черных 1978, 250, 253, 254, рис. 109).

În conformitate cu schema de ordonare a depozitelor de bronzuri din Bulgaria, propusă de B. Hänsel, topoarele-celt fără urechiuşă şi cele cu o urechiuşă, cu nervuri verticale paralele în partea superioară a muchiilor în formă de arcadă sau trapezoidală, cunosc o dezvoltare pe parcursul fazelor HaA1-HaB1, fiind caracteristice grupelor de depozite Lesura-Vărbica şi Sâmbăta I-Mlada Gvardija, prima datată în HaA1, a doua în HaA2-HaB1 (Hänsel 1976, 25-47, Abb. 1; 3).

Date relevante referitoare la plasarea cronologică mai timpurie a grupei topoarelor-celt fără urechiuşă, le oferă depozitul descoperit la Ovča Mogila, în nordul Bulgariei. Asocierea în cadrul acestuia a spadei miceniene de „tip 1a" (după Kilian-Dirlmeier) cu topoarele-celt specifice grupei Lesura-Vărbica, a permis datarea acesteia începând cu faza BzC2 (Krauß 2005, 199-210).

Sub aspect tipologic, grupa topoarelor-celt cu o urechiuşă şi nervuri verticale paralele amplasate în partea superioară a muchiilor în formă de arcadă sau trapezoidală a părţilor late, sau tipurile

[10] La Petrescu-Dîmboviţa 1978 sunt cu siguranţă incorecte cel puţin desenele celturilor de la Petroşani II, Sâmbăta Nouă II, „Guşteriţa I", Târgu Mureş şi Ruşi.

[11] Transliterarea numelor şi a denumirilor de localităţi slave s-a efectuat conform normelor: Transliteration slawischer kyrillischer Buchstaben. DIN 1460.

[12] Tipul Vyrbica A, variantele E şi F; Tipurile Vyrbica T1A, T2A,T2B (Дергачев 2011, 82-84, 108-114, 129-138, рис. 42/E 12-21; 43; 59; 76/2-43; 78).

[13] Este subliniată lipsa totală a descoperirilor cu context cultural cert (Черных 1978, 11-12) şi nu este abordată apartenenţa culturală a acestei grupe. În acest sens poate fi menţionată descoperirea unui topor-celt de tip K-34 (după Черных 1978) şi a fragmentului unei forme de turnat a astfel de topoare-celt în aşezarea de la Radovanu, care ilustrează faza evoluată a culturii Coslogeni (Morintz 1978, 146-147, fig. 86/1). Un topor-celt de acelaşi tip provine de la Izvoru, jud. Giurgiu (Leahu 1988, 228, fig. 2/6), descoperit în urma unei periegheze pe un teren în care au apărut şi fragmente ceramice Tei IV. Descoperiri izolate de astfel de topoare-celt sunt localizate în judeţele Dolj (Berciu 1937, 138, fig. 174; Morintz 1978, 174; Leahu 1988, 228) şi Tulcea (Simion 2003, 68, pl. 7,9). Focarul de prelucrare a metalelor de tip Vyrbica este pus recent în legătură cu culturile hallsattiene timpurii (Дергачев 2011, 246, 260, 279). Secerile cu ciotul de turnare neîndepărtat, caracteristice acestei grupe, delimitate de către V.A. Dergačev în varianta Vyrbica, sunt relaţionate, într-un caz, cu aria culturii Zimnicea-Plovdiv (Дергачев 1997, 23, рис. 4/10-12, Карта 6/II.2), în altul, cu culturile hallsattiene timpurii (Дергачев 2011, 186-194, 202-205, 279, рис. 124).

Banat şi Jupalnic[14], a avut în calitate de prototip inclusiv grupa topoarelor-celt cu caracteristici morfologice şi ornamentale similare, însă fără urechiuşă (Дергачев 2010, 107, 108, 123, 124, 165-167, 175-177, рис. 62; 78; 82; 91; таб. 17/22-42; 22/1-21; 23/22-42).

În ceea ce priveşte apartenenţa culturală a topoarelor-celt cu o urechiuşă şi decor compus din nervuri verticale paralele, descoperite în spaţiul carpato-nistrean, acestea au fost atribuite, într-un caz, grupelor culturale Cozia din zona est-carpatică şi Saharna-Solonceni din interfluviul Nistru-Prut (Dergačev 2002, 168-169; Uşurelu 2003, 211-219), în cel de-al doilea, culturii ceramicii canelate de tip Corlăteni-Chişinău (Левицкий 1993, 57-58, рис. 3/1-3, 5-8, 11, 12; László 1994, 146; Leviţki 1994, 121-122, fig. 51/5, 8; 52/12; 53/11-14; 56/3, 4; Leviţki 2003, 82-83, fig. 3/32, 35; Дергачев 2010, 110; Романчук 2008, 54-55).

Formarea acestei din urmă culturi este pusă în legătură cu deplasările de populaţii din mediul cultural Belegiš II sau Bobda II-Belegiš II din zona Dunării de Mijloc (Banat), prin teritoriul de pe malul stâng al Dunării (Oltenia şi sudul Munteniei), în spaţiul carpato-nistrean (László 1994, 125-130; Leviţki 1994, 152-156).

În acelaşi timp, în răspândirea topoarelor-celt cu o urechiuşă şi nervuri verticale paralele amplasate în partea superioară a muchiilor în formă arcoidală sau trapezoidală a părţilor late, sau a tipurilor Banat şi Jupalnic din centrul primar, localizat în Banat, la est de Carpaţi, este admisă direcţia ce trece prin Transilvania (Dergacev 1997, 161; Дергачев 1997, 58-59; Дергачев 2010, 87, 100, рис. 60; 72; 94).

Ciocanul-celt

Exemplare identice ciocanului-celt de bronz cu decor compus din trei nervuri verticale scurte, prevăzute la capete cu cerculeţe mici reliefate (fig. 3), nu cunoaştem. Nu se încadrează această piesă nici în unul din tipurile de ciocane-celt din România (Gogâltan 2005, 343-386, Taf. XIV)[15], evidenţiate în baza formei generale. În acest caz, nu ne rămâne decât identificarea separată a paralelelor morfologice şi a celor ornamentale.

O formă identică cu cea a exemplarului nostru o are ciocanul-celt în negativ al tiparului descoperit la Balka, regiunea Zaporož'e, sudul Ucrainei (Попандопуло, Бусел 2000, рис. 1/1a). Ornamentul acestei piese, este însă constituit din două unghiuri haşurate, cu vârfurile în jos[16].

O formă similară are ciocanul-celt în negativ al valvelor descoperite în aşezarea culturii Noua de la Ostrovec, regiunea Ivano-Frankovsk, Ucraina, prevăzut cu decor compus din trei unghiuri haşurate, amplasate sub o nervură orizontală, având vârfurile în jos finisate cu cerculeţe mici reliefate (Bočkarev, Leskov 1980, Taf. 7/58) şi ciocanul-celt în negativ al tiparului de la Cernica (Leahu 1988, fig. 7/3)[17].

O altă analogie poate fi indicată forma dălţii în negativ a tiparului descoperit în Bulgaria, dar şi decorul toporului-celt în negativ, fără urechiuşă şi cu nervuri verticale paralele, unele având la capete cerculeţe mici reliefate, de pe partea opusă a acestuia (Wanzek 1989, Taf. 39/6b, d)[18].

Topoare-celt cu elemente ornamentale similare sunt caracteristice grupelor de depozite Dičevo şi Vyrbica (Черных 1978, 250, таб. 31/7; 36/1, 2, 11) sau Lesura-Vărbica (Hänsel 1976, 38-39, Taf. 1/6, 10) din Bulgaria.

Dintre descoperirile din zona est-carpatică, sunt prevăzute cu motive ornamentale analoage toporul-celt cu două urechiuşe descoperit izolat la Chiperceni şi ciocanul-celt din depozitul Dancu II (Dergacev 1991, fig. 1/5; 2/9; Dergačev 2002, 165-167. Taf. 23/5; 40/C), ultimul incluzând şi alte tipuri de bronzuri specifice Dunării de Jos. Acest depozit aparţine fazei evoluate a complexului cultural Sabatinovka-Noua-Coslogeni, caracterizată printr-o intensitate maximă a schimbului de bronzuri între regiunile est-carpatică şi cea a Dunării de Jos (Dergacev 1991, 51-53; Дергачев 1997, 49-50; Dergacev 1997, 156-157).

Această perioadă corespunde cadrului cronologic al grupelor de bronzuri Râşeşti-Băleni de la est

[14] Descoperirile din spaţiul carpato-nistrean ale acestor tipuri sunt delimitate în tipurile/variantele Sâneşti şi Jijia (Дергачев 2010, 91, 123, 124, рис. 91; 94; таб. 17/36-41; 23/25-42).

[15] O imagine de ansamblu a clasificării celturilor-ciocan şi a funcţionalităţii lor, în Bazinul Carpatic, ne este oferită în studiul Nessel 2008, 71-82.

[16] În locul descoperirii formelor de turnat au fost colectate şi fragmente ceramice aparţinând culturilor Sabatinovka şi Belozerka din perioada târzie a epocii bronzului (Попандопуло, Бусел 2000, 191).

[17] A se vedea şi Popescu 2014, 427-444, articol în care sunt adunate şi discutate rezumativ ciocanele-celt din Muntenia.

[18] O serie de alte exemple se găsesc în articolul Leshtakov 2018, 1-16, care este o sinteză a ciocanelor-celt din Bulgaria.

de Carpaţi, Drajna de Jos-Oinac din Muntenia şi Nicolae Bălcescu-Gura Dobrogei din Dobrogea (Petrescu-Dîmboviţa 1977), datate tradiţional în BzD, grupei Dičevo (Черных 1978) sau Gura-Râşeşti şi Bozia-Dolješti (Hänsel 1976, 30-36), sau a grupei carpato-nistrene de bronzuri Râşeşti-Lozova (Uşurelu 2005, 72-76) sau Râşeşti (Uşurelu 2010, 37, 57), datată în BzC2-BzD.

Luând în consideraţie cele menţionate mai sus, dar şi faptul că, din punct de vedere morfologic, ciocanul-celt analizat aici îşi găseşte cele mai apropiate corespondenţe în negativele formelor de turnat de la Balka, Ostrovec şi Cernica, iar în ceea ce priveşte elementele ornamentale, în decorul unor piese sincrone din complexul Sabatinovka-Noua-Coslogeni, exemplarul nostru ar trebui pus în legătură cu acest mediu cultural şi datat în fazele BzC2-BzD.

Acul

Sub aspect morfologic, dar şi în ceea ce priveşte decorul, acul de bronz (fig. 4), prezintă similitudini cu un alt ac de bronz descoperit în interfluviul Nistru-Prut, la Holercani, decorat pe toată suprafaţa capului bitronconic şi pe partea superioară a corpului cu o bandă de linii incizate paralele, la care se adaugă, în partea inferioară a ornamentului, o bandă formată din triunghiuri incizate, cu vârful în jos. Această din urmă descoperire, caracterizată drept „mit doppelkonischem Kopf und Ritzverzierung", este analizată împreună cu alte variante de ace din spaţiul carpato-nistrean în cadrul tipului „Nadeln mit verdicktem Kopf" şi datată în HaA1 (Dergačev 2002, 161-162, Taf. 53/B1).

La est de Carpaţi, un ac cu capul bitronconic, ornamentat pe toată suprafaţa acestuia şi partea superioară a corpului cu linii incizate paralele, a fost descoperit în mormântul 9 de incineraţie de la Vaslui-„Curţile Domneşti", într-un vas-urnă hallstattian timpuriu (Andronic 1981-1982, 118, fig. 5/6). Altă piesă similară, fără loc de descoperire, se păstrează în colecţiile muzeului din Suceava (Dergačev 2002, 162, Taf. 74/A472).

În Transilvania, ace asemănătoare fac parte din inventarul depozitelor de la Şpălnaca II şi Tăşad (seria Cincu-Suseni, HaA1) (Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 210/17, 18; 213/5).

Descoperiri izolate de ace cu capul bitronconic şi ornament compus din linii incizate (Вукмановић, Радојчић 1995, 62, N.100, 102), cât şi în cadrul depozitelor de bronzuri, sunt localizate şi în Serbia (BzD-HaB1) (Гарашанин 1975, T. VII/9; XXXV/1; XLIV/4; LXXIX/14).

Ace având formă şi decor similar, sunt cunoscute în Europa Centrală (Laux 1976, 79. Taf. 32/439-442), fiind atribuite tipului „mit tonnenförmigem Kopf", varianta Kronsberg (BzD-HaA1, faza Deutsch-Everen III), perioada timpurie a Urnenfelderzeit.

Acest tip de ace se mai numeşte în acelaşi context al Europei Centrale „Nadeln mit doppelkonischem, dicht gerilltem Kopf" şi sunt datate în perioada timpurie a culturii câmpurilor cu urne (Urnenfelderzeit, faza HaA) (Novotná 1980, 134-135, Taf. 40/866, 871) sau „Nadeln mit einfachem, doppelkonischem Kopf" (Říhovský 1979, 116-121, Taf. 34/641, 647, 652, 653, 666, 669, 670; 35/711), cunoscute şi în faza Peschiera (BzD-HaA1).

Un decor similar celui de pe acul analizat, se întâlneşte şi la acele de tip „Nadeln mit geschwollenem, ungelochtem Hals vom Typ Velká Lehota", varianta cu decorul compus din linii paralele, din perioada timpurie a culturii câmpurilor cu urne (Urnenfelderzeit, faza BzD) (Říhovský 1979, 86-87, Taf. 24/427, 434). Acelaşi decor cu benzi de linii paralele, asociate cu o linie în formă de zigzag, se regăseşte şi la acele numite „Keulenkopfnadeln" (Říhovský 1979, 145-152, Taf. 46/1092, 1101, 1112; 47/1126), datate în fazele BzD-HaA1. Acele descoperite la Peschiera (Müller-Karpe 1959, 66, 76, 89, 105, 107, 110, 135, 149, 161, 184, Taf. 104/45-47), din fazele BzC-D, prezintă de asemenea un decor foarte asemănător.

Fibula

În conformitate cu caracteristicile morfologice, această piesă reprezintă o eboşă, care urma să fie finisată (fig. 5), a tipului tracic de fibulă, sau mai nou de schemă tracică (Mândescu 2000).

Exemplare similare, nefinisate, au fost descoperite în aşezările geto-dacice de la Poiana (Vulpe, Vulpe 1933, 325, fig. 106/24; Teodor, Ţau 1996, 66, 104, nr. 364, fig. 27/2) şi Răcătău (Căpitanu 1984, 64, fig. 1/2). Fiecare din aceste două fibule au piciorul terminat cu un buton conic, iar partea de mijloc, care formează arcul, îngroşată. Piciorul, scurt în cazul fibulei de la Răcătău, şi ceva mai lung al celei de la Poiana, este circular în secţiune. Conform desenului piesei de la Răcătău, partea de mijloc a acesteia, care formează arcul,

are secţiune poligonală. Portagrafa acestor fibule, spre deosebire de piesa noastră, prezintă o formă triunghiulară, având şi o lungime mai mică.

Fibulele de tip tracic sau de schemă tracică, care se întâlnesc atât la sud cât şi la nord de Dunăre, au constituit subiectul mai multor studii speciale[19], iar în cadrul de faţă considerăm că nu este cazul să reluăm şi prezentarea analogiilor cunoscute.

În acelaşi timp, cu toate că tipologiile propuse în cazul acestui tip de fibulă sunt efectuate pe baza exemplarelor finite, luând ca bază caracteristicile morfologice ale piesei discutate aici, vom încerca să oferim o încadrare tipologică şi cronologică a acesteia.

Raportată la tipologia fibulelor de tip tracic sau schemă tracică, propusă de D. Mândescu, piesa noastră corespunde criteriilor morfologice pe baza cărora a fost definit subtipul I 3, care, însă nu dispune de elemente sigure de datare (Mândescu 2000, 79, 86, fig. 3/I3).

Corespunzător schemei tipologice elaborate de V.V. Zirra, fibula în discuţie ar aparţine subvariantei Id, care încheie evoluţia primei grupe a acestei scheme şi care se plasează în prima jumătate şi către mijlocul sec. III a. Chr. (Zirra 1996-1998, 29-53, fig. 3/8; 9/14).

Bibliografie

Aldea, Ciugudean 1995: I.A. Aldea, H. Ciugudean, Der dritte hallstattzeitliche Depotfund von Vinţu de Jos, Kr. Alba, Siebenbürgen. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien, PAS 10 (Berlin 1995), 213-223.

Andronic 1981-1982: A. Andronic, Descoperirile traco-getice de la Vaslui. Cercetări Istorice (SN) XII-XIII, 1981-1982, 117-126.

Berciu 1937: D. Berciu, Arheologia preistorică a Olteniei (Craiova 1937).

Bočkarev, Leskov 1980: V. Bočkarev, A. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. PBF XX, 1, C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung (München 1980).

Boroffka, Ridiche 2005: N. Boroffka, F. Ridiche, Der Gußformenfund von Pleniţa, Kreis Dolj, Rumänien. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II (Bistriţa, Cluj-Napoca 2005), 133-208.

Căpitanu 1984: V. Căpitanu, Fibule de tip Latene descoperite în aşezarea de tip „dava" de la Răcătău, comuna Horgeşti, judeţul Bacău. Carpica XVI, 1984, 61-83.

Chirica, Tanasachi 1984: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi, vol. I (Iaşi 1984).

Coman 1980: G. Coman, Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al judeţului Vaslui (Bucureşti 1980).

Crăciunescu 2005: G. Crăciunescu, Der Bronzefund von Mileni, Kr. Mehedinţi. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II (Bistriţa, Cluj-Napoca 2005), 209-218.

Dergacev 1991: V. Dergacev, Depozitul de bronzuri din satul Dancu, raionul Hînceşti (R. Moldova). Thraco-Dacica XII/1-2, 1991, 39-55.

Dergacev 1997: V.A. Dergacev, Piesele de metal-referinţe la problema genezei culturilor Hallstattului timpuriu din regiunea Carpato-Danubiano-Nord-Pontică. Thraco-Dacica XVIII/1-2, 1997, 135-205.

Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX, 9 (Stuttgart 2002).

Dumitroaia 1985: G. Dumitroaia, Obiecte de aramă şi bronz descoperite pe teritoriul judeţului Neamţ. Memoria Antiqvitatis IX-XI (1977-1979), 1985, 465-481.

Dumitroaia 1992: G. Dumitroaia, Materiale şi cercetări arheologice din nord-estul judeţului Neamţ. Memoria Antiqvitatis XVIII, 1992, 63-143.

Gogâltan 2005: F. Gogâltan, Zur Bronzeverarbeitung im Karpatenbecken. Die Tüllenhämmer und Tüllenambosse aus Rumänien. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien II (Bistriţa, Cluj-Napoca 2005), 343-386.

Gumă 1993: M. Gumă, Civilizaţia primei epoci a fierului în sud-vestul României (Bucureşti 1993).

Hänsel 1976: B. Hänsel, Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Band 16/17 (Bonn 1976).

Ignat 1981: M. Ignat, Contribuţii la cunoaşterea epocii bronzului şi a Hallstatt-ului timpuriu în judeţul Suceava. Thraco-Dacica II, 1981, 133-146.

Kacsó 1994: C. Kacsó, Frühhallstattzeitliche Bronzefunde in Transsilvanien. Ephemeris Napocensis 4, 1994, 5-15.

[19] O rezumare a stadiului actual al cercetării cu o prezentare detaliată a istoricului cercetării acestui tip de fibulă la Mândescu 2000, 71-78.

Kobal' 2000: J. Kobal', Bronzezeitliche Depotfunde aus Transkarpatien (Ukraine). PBF XX, 4 (Stuttgart 2000).

Krauß 2005: R. Krauß, Der Depotfund von Ovča Mogila, Kreis Svištov (Bulgarien): Zur Datierung der Bronzehorte von der unteren Donau über mykenische Schwerter. In: (Hrsg. B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser, B. Teržan) Interpretationsraum Bronzezeit (Bonn 2005), 199-210.

László 1994: A. László, Începuturile epocii fierului la est de Carpați (București 1994).

Laux 1976: F. Laux, Die Nadeln in Niedersachsen, PBF, XIII, 4 (München 1976).

Leahu 1988: V. Leahu, Obiecte de metal și mărturii ale practicării metalurgiei în aria culturii Tei. SCIVA 39/3, 1988, 223-241.

Leshtakov 2018: L. Leshtakov, Late Bronze Age Socketed Hammers in Bulgaria. Archaeologia Bulgarica XXII, 2018, 1-16.

Levițki 1994: O. Levițki, Cultura Hallstattului canelat la Răsărit de Carpați (București 1994).

Levițki 2003: O. Levițki, Lumea tracică și masivul nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (București 2003).

Mândescu 2000: D. Mândescu, Fibula de schemă tracică - noi puncte de vedere. SCIVA 51/1-2, 2000, 71-92.

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii, vol. 1 (București 1978).

Mozsolics 2000: A. Mozsolics, Bronzefunde aus Ungarn. Depotfundhorizonte Hajdúböszörmény, Románd und Bükkszentlászló. PAS, 17 (Kiel 2000).

Müller-Karpe 1959: H. Müller-Karpe, Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen, Römisch-Germanische Forschungen, Band 3 (Berlin 1959).

Nessel 2008: B. Nessel, Zur Gliederung und Verwendungsmöglichkeiten bronzener Tüllenhämmer der jüngeren Bronzezeit im Karpatenbecken. Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 29, 2008, 71-82.

Novotná 1980: M. Novotná, Die Nadeln in der Slowakei, PBF, XIII, 6 (München 1980).

Păunescu, Șadurschi 1983: A. Păunescu, P. Șadurschi, Repertoriul arheologic al României. Județul Botoșani. Comuna Albești. Hierasus V, 1983, 221-270.

Petrescu-Dîmboviţa 1964: M. Petrescu-Dîmboviţa, Date noi relativ la descoperirile de obiecte de bronz de la sfârșitul epocii bronzului și începutul hallstattului din Moldova. ArhMold II-III, 1964, 251-272.

Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (București 1977).

Petrescu-Dîmboviţa 1978: M. Petrescu-Dîmboviţa, Die Sicheln in Rumänien, PBF XVIII, 1 (München 1978).

Popescu 2014: A. Popescu, O formă de turnare din a doua jumătate a mileniului al II-lea a. Chr. descoperită la Căscioarele. In: (Eds. N. Boroffka, G.T. Rustoiu, R. Ota) Nucleul Carpatic. Studii privind preistoria și istoria Transilvaniei în context european, dedicate lui Horia Ciugudean la aniversarea a 60 de ani. – Studies on the prehistory and history of Transsylvania in European contexts, dedicated to Horia Ciugudean on his 60th birthday. Apulum, series archaeologica et anthropologica 51, 2014, 427-444.

Renţa 2008: E. Renţa, Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomiţa (Târgoviște 2008).

Říhovský 1979: J. Říhovský, Die Nadeln in Mären und im Ostalpengebiet (von der mittleren Bronzezeit bis zur älteren Eisenzeit), PBF, XIII, 5 (München 1979).

Simion 2003: G. Simion, Culturi antice în zona gurilor Dunării, vol. I, Biblioteca Istro-Pontică, Seria Arheologie 5 (Cluj-Napoca 2003).

Simion 2004-2005: G. Simion, Arme și podoabe inedite de bronz din județul Tulcea. Pontica XXXVII-XXXVIII, 2004-2005, 99-110.

Soroceanu 1995: T. Soroceanu, Die Fundumstände bronzezeitlicher Deponierungen - Ein Beitrag zur Hortdeutung beiderseits der Karpaten. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. PAS 10 (Berlin 1995), 15-80.

Soroceanu 2012: T. Soroceanu, Die Kupfer- und Bronzedepots der frühen und mittleren Bronzezeit in Rumänien. – Depozite de obiecte din cupru și bronz din România. Epoca timpurie și mijlocie a bronzului. In: Archaeologia romanica Bd. V (= *Bronzefunde aus Rumänien IV*) (Cluj-Napoca/Bistrița 2012).

Șadurschi 1989: P. Șadurschi, Piese metalice din epoca bronzului descoperite pe teritoriul județului Botoșani. Hierasus VII-VIII, 1989, 158-182.

Teodor, Țau 1996: S. Teodor, S. Țau, Obiecte de port și podoabă din așezarea geto-dacică de la Poiana, jud. Galați (I). Fibule. Arh Mold XIX, 1996, 57-105.

Ursachi 1968: M. Ursachi, Depozitul de obiecte de bronz de la Ruginoasa. Carpica 1, 1968, 27-34.

Uşurelu 2003: E. Uşurelu, Consideraţii cu privire la celturile de tip Cozia-Saharna. In: Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 211-219.

Uşurelu 2005: E. Uşurelu, Contribuţii noi la cronologia pieselor metalice caracteristice bronzului târziu carpato-nistrean. Revista Arheologică S.N. I/1, 2005, 72-76.

Uşurelu 2010: E. Uşurelu, Cronologia complexelor ce ţin de prelucrarea metalelor în perioada târzie a epocii bronzului din spaţiul carpato-dunăreano-nord-pontic. Revista Arheologică S.N. VI/1, 2010, 24-70

Vasić 1982: R. Vasić, Spätbronzezeitliche und älterhallstattzeitliche Hortfunde im östlichen Jugoslawien. In: (Hrsg. B. Hänsel) Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. PAS 1 (Berlin 1982), 267-285.

Vatamanu 1985: I. Vatamanu, Noi date referitoare la depozitul de la Ruginoasa, judeţul Neamţ. Memoria Antiqvitatis IX-XI, 1985, 483-490.

Vulpe, Vulpe 1933: R. Vulpe, E. Vulpe, Les fouilles de Poiana. Dacia III-IV, 1927-1932 (1933), 253-351.

Vulpe, Căpitanu 1995: A. Vulpe, V. Căpitanu, Der Hortfund von Gioseni, Kr. Bacău, in der Moldau. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. PAS 10 (Berlin 1995), 237-244.

Wanzek 1989: B. Wanzek, Die Gußmodel für Tüllenbeile in südöstlichen Europa. UPA 2 (Bonn 1989).

Zirra 1996-1998: V.V. Zirra, Bemerkungen zu den Thrako-Getischen Fibeln. Dacia N.S. 40-42, 1996-1998, 29-53.

Вукмановић, Радојчић 1995: М. Вукмановић, Н. Радојчић, Каталог метала II (Београд 1995).

Гарашанин 1975: М. Гарашанин, Праисторијске оставе у Србији и Војводини I (Београд 1975).

Дергачев 1975: В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).

Дергачев 1997: В.А. Дергачев, Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона (Кишинэу 1997).

Дергачев 2010: В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Выпуск 1 (Кишинэу 2010).

Дергачев 2011: В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Выпуск 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья (Кишинэу 2011).

Кнауэр 1893: Ф.И. Кнауэр, Производство археологическихъ раскопокъ въ Бессарабской губерніи. Отчетъ Императорской археологической коммисіи за 1891 год (Санкт Петербург 1893), 82-86.

Левицкий 1993: О.Г. Левицкий, Бронзовые изделия раннегальштатской культуры с каннелированной керамикой Восточно-Карпатского региона (К вопросу о связях). Revista Arheologică 1, 1993, 54-82.

Попандопуло, В.А. Бусел 2000: З.Х. Попандопуло, В.А. Бусел, Клад литейных форм из с. Балки. Старожитності степового Причорномор'я і Криму VIII (Запоріжжя 2000), 187-192.

Романчук 2008: А. Романчук, Культурно-хронологическое и генетическое соотношение ранних групп КРШК эпохи раннего гальштата Карпато-Днестровского региона. In: Păstrarea patrimoniului cultural în ţările europene. Conferinţă internaţională ştiinţifică (25-26 septembrie 2008, or. Chişinău) (Chişinău 2009), 53-56.

Черных 1978: Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).

Findings of metal objects of the Bronze and Iron Ages on the territory of the Republic of Moldova

Keywords: Carpathian-Dniester region, Bronze Age, Iron Age, bronze objects.

Abstract: The article introduces into the scientific circulation data on new random finds of bronze products on the territory of the Republic of Moldova. The found objects are represented by two celts-axes, a celt-hammer, a pin, and a fibula.

Both celts-axes (Fig. 1-2) typologically belong to the group of one-tab celts-axes with vertical ribs on the facets, synchronous to the early-Hallstatt culture with fluted Corlăteni-Chişinău pottery.

Based on morphological and ornamental analogies common in the Sabatinovka-Noua-Coslogeni cultural environment, the celt-hammer (Fig. 3) is attributed to this group of cultures and dated to BzC2-BzD.

The pin (Fig. 4) has analogies in the early Hallstatt cultures of the Danube-Carpathian and Dniester- Carpathian regions and dates back to HaA1.

The semi-finished fibula of the so-called Thracian type (Fig. 5) corresponds in its morphological characteristics to the subtype I 3 by the Mândescu's typological scheme and to the Id variant by the Zirra's classification; the latter dates from the first half to the middle of the 3rd century BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Musteaţa, Făleşti District. Celt-axe.

Fig. 2. Rezina District. Celt-axe.

Fig. 3. Ilenuţa, Făleşti District. Celt-hammer.

Fig. 4. Butuceni, Orhei District. Pin.

Находки металлических изделий бронзового и железного веков на территории Республики Молдова

Ключевые слова: карпато-днестровское пространство, бронзовый век, железный век, бронзовые предметы.

Резюме: Статья вводит в научный оборот сведения о новых случайных находках бронзовых изделий на территории Республики Молдова. Найденные предметы представлены двумя топорами-кельтами, кельтом-молотом, булавкой и фибулой.

Оба топора-кельта (рис. 1-2) в типологическом отношении принадлежат к группе одноушковых топоров-кельтов с вертикальными нервюрами на фасках, синхронных раннегальштатской культуре с каннелированной керамикой Корлэтень-Кишинэу.

На основании морфологических и орнаментальных аналогий, распространенных в культурной среде Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень, кельт-молот (рис. 3) отнесен к данному блоку культур и датирован BzC2-BzD.

Булавка (рис. 4) имеет аналогии в раннегальштатских культурах Карпато-Подунавья и Карпато-Поднестровья и датируется начиная с HaA1.

Фибула-полуфабрикат так называемого фракийского типа (рис. 5) по своим морфологическим характеристикам соотносится с подтипом I 3 по типологической схеме Мэндеску и подвариантом Id по классификации Зирры; последний датируется первой половиной – серединой III в. до н.э.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Мустяца, Фэлештский район. Топор-кельт.

Рис. 2. Резинский район. Топор-кельт.

Рис. 3. Иленуца, Фэлештский район. Кельт-молот.

Рис. 4. Бутучень, Орхейский район. Булавка.

Рис. 5. Бутучень, Орхейский район. Фибула.

23.02.2018

Dr. Eugen Uşurelu, e-mail: eugen_usurelu@mail.ru
Dr. Andrei Nicic, e-mail: nicicandrei@gmail.com

БРОНЗОВАЯ МАТРИЦА С БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА: К ВОПРОСУ О ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ МОТИВАХ В РАННЕСКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Роман Зимовец
Сергей Скорый
Виталий Окатенко

Ключевые слова: скифы, скифский звериный стиль, матрица, штамп, Бельское городище, раннескифское время.

В 2011 году, при случайных обстоятельствах, на Западном укреплении Бельского городища скифской эпохи, между зольниками №№ 5-6, после распашки, на небольшой глубине была найдена бронзовая матрица для изготовления аппликаций из золотого или серебряного листа[11]. Изделие имеет прямоугольную форму. Его вес – 26,8 г, длина – 2,8 см, ширина – от 1,8 до 2,0 см, толщина (вместе с рельефом) – 0,9 см. С левой торцевой стороны имеются следы двух обломанных в древности петелек. Их назначение не вполне понятно (аналогии нам не известны). Возможна реконструкция 3-х вариантов их предназначения. Допустим, они служили для крепления еще одной створки матрицы. В этом случае бельское изделие представляет собой лишь фрагмент сложносоставной матрицы, состоявшей как минимум из двух сегментов. Или же к петелькам крепилась нижняя сторона (стенка) матрицы, в которой находилось специальное углубление для свинцовой прокладки, смягчавшей удар по листу. Наконец, к петелькам также могла крепиться подвижная ручка. Отчётливых следов ударов с тыльной стороны матрицы не наблюдается, однако на рабочей поверхности имеются многочисленные следы износа. В целом сохранность изделия хорошая, оно более-менее равномерно покрыто зеленоватой благородной патиной (рис. 1).

Матрица отлита из оловянистой бронзы, с содержанием Sn – 17,17, а также с повышенным присутствием свинца: Pb – 0,912 (см. Приложение). Такой сплав обеспечивал достаточную твёрдость и прочность данного орудия труда и, как следствие, производство чётких изделий высокого качества. Аналогичного рода состав имеют некоторые подобные орудия труда в Поднепровье, правда, более поздние по времени (Шрамко 1970).

Износ матрицы свидетельствует о её использовании. Принимая во внимание размеры и форму орудия, можно полагать, что с его помощью изготавливались мелкие золотые или серебряные бляшки-аппликации, либо же изображения на больших листах драгоценного металла, в том числе в составе многофигурных композиций. Техниками такого изготовления является тиснение и басма – в зависимости от того, кладется ли материал под матрицу, на свинцовую прокладку, либо на неё. Во втором случае удар молотом наносится по свинцовой прокладке, лежащей сверху, над листом (Минасян 2010, 183; Журавлев, Новикова, Шемаханская 2014, 178). Более точное определение весьма затруднительно из-за неясного назначения петелек. Учитывая отсутствие явных следов воздействия молотка с оборотной стороны, можно лишь предположить более вероятной технику басмы.

На рабочей стороне матрицы представлена лежащая лошадь с подогнутыми ногами. Изображение строго профильное, правостороннее, выполненное в высоком рельефе. Фигура животного читается очень хорошо. У него узкое, поджарое туловище, поджатые длинные ноги (передняя лежит на задней), массивная

[1] Находчики передали изделие авторам настоящей статьи, которые в свою очередь преподнесли его в дар Археологическому музею Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Рис. 1. Матрица с Бельского городища: 1 - фото; 2 - рисунок; 3-4- графическая реконструкция аппликаций.

шея средней длины, крупная, опущенная вниз голова. Ноги лежат не параллельно поверхности, а под углом: колено передней, а также задняя нога направлены вперед и вниз. Пропорции задней ноги немного удлинены. Копыто передней ноги – в форме треугольника, задней – едва намечено выемкой. Возможно, изначально оно также было чётко выделено, но потеряло форму в результате износа матрицы. Судя по относительной нечёткости очертаний и уплощенному рельефу, задняя нога и бедро лошади в наибольшей степени подверглись износу в процессе изготовления аппликаций. Лопаточная же часть выделена весьма чётко. Над шеей удлинённым низким полуовалом, без рифления, показана грива. Массивная, явно преувеличенная голова трактована весьма детально. В ней чётко выделяется расширенная носовая часть, передающая пухлые губы и ноздри. Они акцентированы двумя впадинками. Глаз показан круглой впадиной. Большое листовидное ухо продолжает линию головы, оно трактовано двумя рельефными полосками с углублением внутри. Над головой сужающимся к окончанию рельефным выступом показана направленная вперед чёлка. От носа к глазу тянется узкое углубление, визуально разделяющее голову на верхнюю и нижнюю части. Немного ниже глаза, на щеке, имеется округлый рельефный выступ. Не исключено, что таким образом автор матрицы хотел передать элементы конской узды (ремень уздечки, нащёчник), хотя уверенно утверждать это нельзя из-за сработанности изо-

бражения. Возможно, округлый рельефный выступ это всего лишь уплощенный выступ щеки/скулы. Однако в пользу того, что здесь представлена одомашненная лошадь, может свидетельствовать и оригинальная трактовка хвоста животного. Он узкий и необычно длинный, плавно огибает круп и ногу лошади, доходя почти до её копыта. По наблюдениям М.А. Дэвлет, сделанным, правда, по материалам петроглифов, так мог выглядеть хвост лошади, заплетённый в косу или обвитый лентой (Дэвлет 2009, 188).

В целом, несмотря на условность и увеличенные пропорции отдельных элементов (головы, уха, хвоста), изображение выполнено весьма художественно и смотрится гармонично.

Находки матриц и штампов античного времени, предназначавшихся для тиснения изображений на тонких листах драгоценных металлов (золотых или серебряных), являются крайне редкими. Один из авторов настоящей работы учёл в своё время 20 экземпляров из 14 пунктов Восточной Европы. Большинство из них предназначалось для тиснения простых изделий (щитков серёг, бусин, незамысловатых бляшек), либо же изображений, относящихся к греческой культурной традиции (Деметра, Афродита, Дионис, ракушка, цветок аканфа) (Скорый 2013). Не так давно была опубликована большая и в определённой степени уникальная матрица, обнаруженная в пойме левого притока Днепра – р. Трубеж (Левобережная террасовая лесостепь), содержащая 6 изображений, объединённых орнаментальными фризами (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016), и отнесённая к IV в. до н.э. Несмотря на то, что некоторые из образов, представленных на матрице, использовались при производстве золотых аппликаций для скифской элиты (крылатые кабаны), сама она, скорее всего, принадлежит боспорской школе торевтов (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016). Впрочем, с античными городами Северного Причерноморья связано большинство матриц и штампов из сводки С.А. Скорого, что, видимо, подтверждает тезис целого ряда исследователей о ведущей роли греческих, в первую очередь боспорских, мастеров в производстве золотых аппликаций для скифской элиты (Ростовцев 1926; Онайко 1976; Трейстер 1989). Во всяком случае, этот тезис справедлив для IV-III вв. до н.э.

Кроме учтённых С.А. Скорым экземпляров, необходимо упомянуть 2 наиболее архаических штампа, датируемых временем до середины VI в. до н.э., происходящих с острова Березань и хранящихся в Государственном Эрмитаже (Solovyov, Treister 2005). На их рабочей части представлены мужская голова и неопределенная геометрическая фигура.

Следует также отметить, что большая серия матриц классического скифского и особенно эллинистического и римского времени происходит из Фракии (L'Еорее 2015, 200-201, cat. 167-170, Трейстер 2017, 201). При этом 3 изделия, датирующиеся не позже IV в. до н.э., найдены в одном районе – окрестностях Варны (Трейстер 2017, 201). Это матрицы с одиночными изображениями синкретического существа с человеческой головой, птичьими крыльями, телом и конечностями коня из Кубрата и Горско-Абланово, а также знаменитая большая матрица, выполненная в скифском зверином стиле из Гарчиново. Неполными, но близкими аналогиями изображениям из Кубрата и Горско-Абланово являются электровые бляшки из с. Пруссы в Лесостепном Поднепровье (Трейстер 2017, 202). Позднее матрицы из Фракии, вероятно, попадают и в Северное Причерноморье, в частности в Крым. К этой серии «фракийских» матриц можно отнести как упомянутое С.А. Скорым изделие из Херсонеса с изображением Диониса, так и матрицу с изображением Зевса из Усть-Альминского некрополя в Крыму, относимую публикаторами к 1-й четверти II в. н.э. (Пуздровский, Труфанов 2010). Её ближайшей иконографической и сюжетной (изображение Зевса) аналогией является матрица с юга Фракии (Пуздровский, Труфанов 2010, 204). Кроме того, из Херсонеса происходит фрагмент прямоугольной матрицы с изображением Тюхе, близкий по времени к указанным выше изделиям (Костромичев, Трейстер 2009).

Со скифских же памятников Северного Причерноморья (и памятников скифской эпохи Лесостепи) нам достоверно известны 7 штампов. Четыре из них найдены на Каменском городище: с изображением нижней части львиной лапы (Граков 1954, 134, рис. 13/5); женской головы с длинными волосами и, воз-

можно, в головном уборе (некая скифская богиня?) (Шрамко 1970, 218, рис. 1/3, 4; 219, рис. 2/2), ракушки (?) (Болтрик, Ліфантій 2016, 224, табл. 1); головы-маски (Болтрик, Ліфантій 2016, 221, рис. 1/1-3). Все упомянутые орудия труда относятся ко времени не ранее IV-III вв. до н.э.

Любопытно, но находки штампов (или пуансонов) для изготовления аппликаций из драгоценных металлов на скифском Каменском городище Ю.В. Болтрик и О.В. Лифантий связывают с мастерами, которые якобы обитали в пределах некоего «греческого квартала» на данном поселении (Болтрик, Ліфантій 2016, 224).

Ряд штампов обнаружен в украинской Лесостепи. Это «штамп фигурный для бусин» из с. Стайки на Киевщине (Ханенко 1900, 7, № 371); для изготовления бронзовых блях с селища скифского времени у с. Большая Даниловка на Харьковщине (Шрамко 1962, 209), наконец, задняя стенка от трёх штампов для изготовления бляшек круглой и прямоугольной формы, относимая к IV в. до н.э., найденная на Восточном укреплении Бельского городища (Шрамко 1970, 218-219, рис. 1/1, 2).

Если же говорить об изображениях, выполненных в традициях скифского звериного стиля (либо с доминированием таковых), то в научном обороте их фигурирует всего 2: упомянутая матрица из Гарчиново (Болгария), датируемая V в. до н.э. (Treister 2001, 161; L'Ерорее 2015, 202, cat. 171), и штамп с изображением идущей пантеры из ритуального комплекса кургана № 5 у аула Уляп (Канторович, Эрлих 2006, 125, 194, кат. 79). Он также датируется V в. до н.э.[22] В этой связи бельская матрица представляет особый интерес, поскольку представленное на ней изображение, как будет продемонстрировано ниже, иконографически и стилистически принадлежит *архаическому пласту скифского искусства*. Матрицы или штампы этого времени, выполненные в традициях скифского звериного стиля, на территории Восточной Европы до настоящего времени не были известны или, во всяком случае, не стали достоянием науки, а следовательно, и объектом изучения.

Полнофигурные изображения лошади в восточноевропейском варианте скифского звериного стиля крайне редки. К ним относятся лошади на двух прямоугольных и трёх круглых золотых обкладках уздечного набора из келермесского кургана № 4, раскопки Д.Г. Шульца 1904 г. (Галанина 1997, табл. 26/55, 58), на золотых бляшках из кургана № 7 могильника Колбино-I (Гуляев 2009, рис. 1), из Мастюгино (ОАК 1908, 96-97, рис. 119/1), на псалии из хутора Шунтук (Канторович, Эрлих 2006, кат. 83), на застёжке-крючке, псалии, наносниках и уздечной бляшке из Предгорного Крыма (Скорый, Зимовец 2014, кат. 189, 244, 273-275, 319). Две взнузданные лошади также входят в скифский бестиарий, представленный на келермесской секире (Алексеев 2012, 75).

За исключением келермесских лошадей, все указанные изображения относятся к классической эпохе и характеризуются схематизмом, условностью передачи образа и вариативностью основных черт. В отличие от них келермесские лошади, в особенности на обкладках узды, выполнены относительно реалистично и в едином каноне. Именно с ними проявляет наибольшее сходство лошадь на матрице с Бельского городища, что дает возможность атрибутировать находку и обосновать дату её бытования.

На келермесских обкладках также представлена лежащая лошадь с подогнутыми ногами, длинным узким хвостом, огибающим круп и заднюю ногу, опущенной вниз головой с торчащим ухом и направленной вперёд челкой. На круглых изделиях показана одна лошадь, на прямоугольных – две, расположенные в антитетической композиции. Лошади на прямоугольных обкладках выглядят более реалистично. Размер изображений на обкладках несколько больше размера изображений, получаемых с матрицы (рис. 2/2, 3).

[2] В последнее время, правда, мы располагаем сведениями о нескольких находках бронзовых матриц и штампов. Но они, увы, попали в частные коллекции и не стали достоянием науки. В двух случаях информация с соответствующими иллюстрациями размещена на сайте www.violity.com: 1) «клад» с территории Полтавской области (2 штампа с изображениями животных и 3 матрицы для изготовления пластин с растительным орнаментом); 2) 3 небольших матрицы – место находки не известно – с изображением хищников. Чрезвычайно важной является большая матрица (9×10 см) с изображением животного с поджатыми ногами, достоверно найденная на Бельском городище в 2017 г. Последняя предназначалась, скорее всего, для изготовления пластин-оббивок деревянных чаш. О данной находке нам любезно сообщил директор Историко-культурного заповедника «Бельск» И.И. Корост.

Лошади на золотой секире отличаются в деталях от лошадей с обкладок. Последние переданы более условно, их ноги не прижаты друг к другу и к туловищу, шеи – длинные, головы – узкие и вытянутые. У лошадей на секире ноги плотно прижаты (передняя лежит на задней) и находятся в горизонтальной плоскости. Шея короткая, длина головы – средняя. Хвост, грива, ухо переданы рубчатым кантом, а наличие узды придает всему изображению дополнительную детализацию, характерную также и для других образов, показанных на секире (рис. 2/1). Уникальной чертой и тех, и других изображений, сближающей их с бельским образом, является наличие длинного узкого хвоста. Правда, если у лошадей с обкладок хвост огибает не только заднюю часть, но и ногу животного, у лошадей на секире он заканчивается перед изгибом задней ноги, как бы переходя в неё; тем самым сохраняется плавность контура нижней части изображения.

По пропорциям головы и шеи бельская лошадь занимает промежуточное положение между изображениями на золотых обкладках уздечного набора и золотом кожухе секиры. Её шея – средней длины (несколько короче, чем на накладках, но длиннее, чем у лошадей с секиры), голова – более широкая и менее вытянута, чем на обкладках, однако длиннее и массивнее, чем у лошадей на секире. Тем не менее, ряд черт в большей степени сближает бельский экземпляр с «обкладочными» изображениями, нежели с лошадками на секире. Это общий лаконизм трактовки образа, хвост, заходящий под заднюю ногу, расширение головы для передачи ноздрей и рта. Последняя черта особенно объединяет бельский образ с лошадками на прямоугольных пластинах: ноздри и губы в обоих случаях переданы углублениями. Также необходимо обратить внимание на специфическое положение ног: они показаны не параллельно к условной поверхности, а под небольшим углом к ней, при этом колено передней ноги направлено вперед и вниз, а задняя нога имеет удлиненные пропорции и также направлена вперед и вниз.

В.А. Кисель, анализируя лошадей на золотых обкладках уздечного набора из Келермеса, обратил внимание на их сходство с рядом изображений на оленных камнях Монголии, Тувы и Алтая (Кисель 1997, 34). Там также

Рис. 2. Изображения лошадей из кургана 4/Ш Келермеса: 1 - на золотой секире; 2, 3 - на золотых обкладках уздечного набора (по: Алексеев 2012, 75; Галанина 1997, табл. 26/55, 58). Здесь и далее на рисунках – масштаб произвольный.

показана лежащая лошадь с подогнутыми ногами (передняя находится на задней) с опущенной вниз головой, стоящим ухом и направленной вперед челкой. Действительно, лошади на оленных камнях проявляют существенное сходство как с изображениями на келермесских обкладках, так и с бельской лошадкой. В качестве примеров можно привести изображения из Гурванбулаг сумын («по дороге из Гурванбулага в Баянбулаг сумын»); Жаргалант Сумын Баянхонгорского аймага, местность Хэрэксурийн дэнж; Хубсугульского аймага, Цагаан уул сумын поселка Увгуд местности Хушуут; Архангайского Аймага, Ихтамир Сумын, в Монголии (Волков 2002, табл. 34/1, табл. 38/2; табл. 94; табл. 3/1) (рис. 3/1-4). На Алтае лошадь в аналогичной позе присутствует на оленных камнях из Узунтала (Савинов 1994, табл. VIII/11) (рис. 3/5); в Туве – на камне из Саглы-Бажи VI (Савинов 1994, табл. VIII, 12) и Кош-Пея (Марсадолов 2005, рис. 3) (рис. 3/6, 7). Правда, хвосты есть

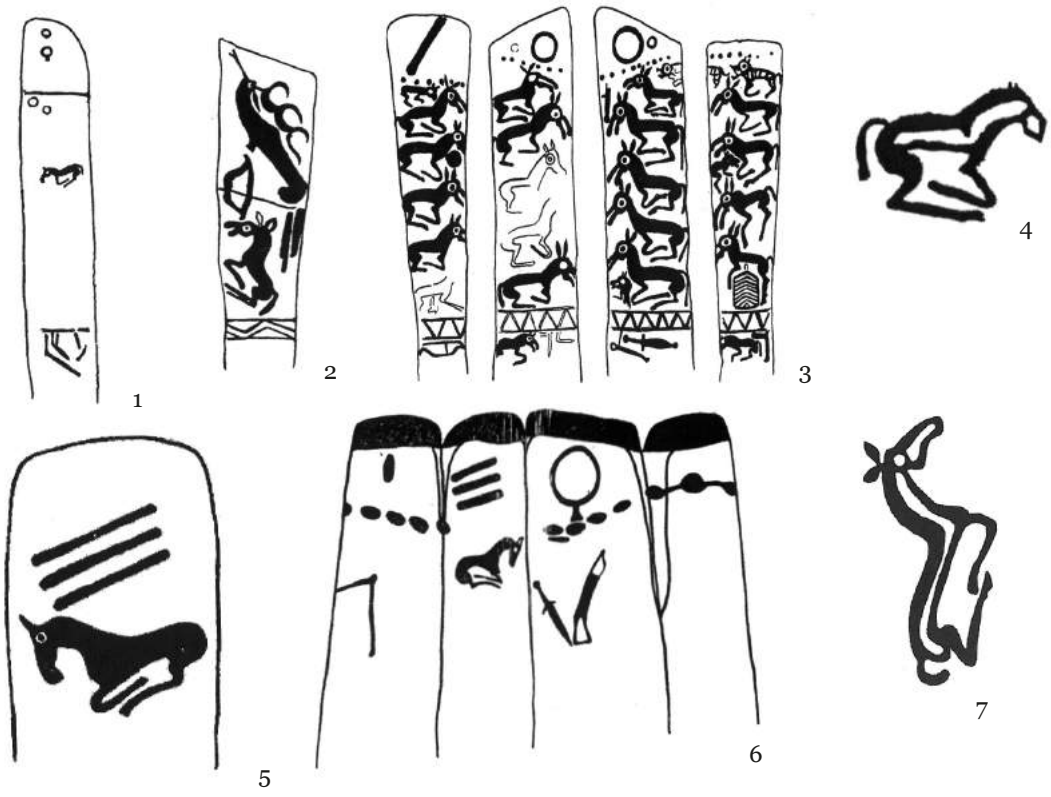


Рис. 3. Изображения лошадей на оленных камнях Монголии, Алтая и Тувы: 1 - Гурванбулаг сумын («по дороге из Гурванбулага в Баянбулаг сумын»); 2 - оленный камень № 3 из Жаргалант сумын Баянхонгорского аймага, местность Хэрэксурийн дэнж; 3 - Оленный камень № 2, Хубсугульский аймаг, Цагаан уул сумын, поселок Увгуд, местность Хушуут; 4 - Архангайский аймаг, Ихтамир сумын; 5 - Узунтал; 6 - Саглы-Бажи VI; 7 - Кош-Пей (по: Волков 2002, табл. 34/1, 38/2, 94, 3/1; Савинов 1994, табл. VIII/11, 12; Марсадолов 2005, рис. 3).

только у монгольских и кошпейского изображений. Остальные лошади с оленных камней Тувы и Алтая лишены этой детали. Однако во всем остальном – аналогии довольно близкие.

Такое иконографическое сходство позволило В.А. Киселю сделать вывод о том, что изображения на обкладках из Келермеса «выступили в качестве продолжения образа, запечатлённого на оленных камнях, и послужили примером для создания изображений на секире» (Кисель 1997, 34). Последние «подверглись сильной переработке с привнесением стилистических элементов урартского, иранского, а возможно, сирийского и ассирийского искусства», что проявилось в таких деталях, как рифление гривы, трактовка чёлки и хвоста (Кисель 1997, 35). Сам же образ лошади на секире является именно скифским, т.е. пришедшим вместе с носителями скифской культуры и подвергшимся стилистической интерпретации со стороны ближневосточных или закавказских мастеров. Отталкиваясь от этого вывода, можно сделать предположение о наличии двух стилистическо-временных горизонтов в келермесских изображениях лошадей: более раннего, связанного с центрально-азиатским импульсом, и более позднего, основного, явившегося результатом работы закавказских и ближневосточных мастеров. Образы лошадей на золотых обкладках принадлежат первому, более архаичному горизонту, в то время как на секире – второму[33].

[3] Д.Г. Савинов прослеживает центрально-азиатское влияние и на другом предмете из Келермеса – серебряном ритоне из кургана № 3, раскопки Д.Г. Шульца, 1904. На нём изображен «жертвенный» олень, подвешенный на ветвистый сук, который несёт кентавр Хирон. Исследователь обращает внимание на иконографическую близость оленя на ритоне «стоящим на цыпочках» оленям из Майэмира, Аржана, Уюк-Турана и т.д. А «непосредственным прототипом для келермесского оленя могло послужить изображение, подобное уйгаракскому» (Савинов 1987, 113-114).

Существует и другое мнение, в соответствии с которым келермесские изображения лошадей с обкладок являются местными, а их иконография – подражанием позе «келермесско-кульобского» оленя (Канторович 2016, 110), т.е. классического скифского оленя в «летящем галопе». Эту точку зрения необходимо принимать во внимание, однако, учитывая очевидные параллели на оленных камнях, а также ряд аргументов, которые будут приведены ниже, центрально-азиатские истоки образа представляются нам более вероятными.

Помимо образов на оленных камнях, в качестве более отдаленных аналогов изображению на бельской матрице можно привести лошадей на золотых изделиях из кургана Аржан 2 (рис. 4/1, 2). Представляется важным наблюдение К.В. Чугунова, сделанное на основе анализа материала из этого памятника, относительно синхронности образа лошади с подогнутыми ногами и образа оленя с ногами, опущенными вниз (Chugunov, Partsinger, Nagler 2004, 7). Другими словами, образ лошади в рассматриваемой иконографии является таким же архаическим, как и аржано-майэмирский тип оленя, который никак не младше келермесско-кульобского. В свою очередь это означает, что поза келермесских лошадей с подогнутыми ногами совершенно не обязательно была заимствована из иконографии оленя в летящем галопе. Она является самостоятельной и такой же изначальной в скифском искусстве звериного стиля, как и поза оленя с подогнутыми ногами.

Видимо, близким к аржанским было изображение лошади на бронзовой бляхе из Минусинского края, датируемой VII в. до н.э., однако фрагментированность находки не позволяет сделать окончательных выводов (Королькова 2006, табл. 16/5) (рис. 4/3). Более определённо можно говорить об аналогии на золотой бляхе из погребения № 23 у поселка Комсомольский в Нижнем Поволжье (Очир-Горяева 2012, 427, илл. 553-554), на что уже обращали внимание Е.Ф. Королькова и Ю.Б. Полидович (Королькова 2006, 52, Полидович 2010, 217-218) (рис. 4/4). Последний также провел параллель между лошадью из Комсомольского и отдельными чертами изображения копытного (утолщенная морда, длинный тонкий хвост), выгравированного на диске зеркала из могилы № 41 некрополя Ольвии

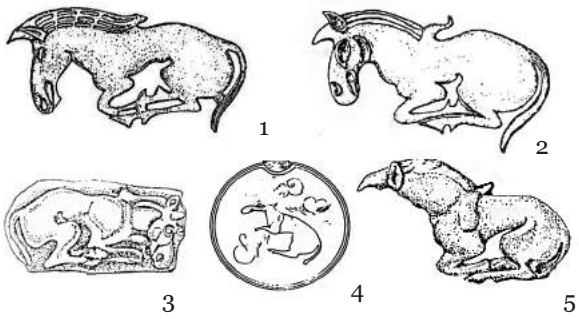


Рис. 4. Изображения лошадей раннескифского времени на предметах торевтики: 1, 2 - Аржан 2; 3 - Комсомольский; 4 - Ольвия, 5 - Минусинский край (по: Королькова 2006, табл. 16/1, 2, 4, 5; Скуднова 1988).

(Полидович 2010, 218) (рис. 4/5). От публикуемого нами изображения центрально-азиатские и поволжское отличаются наличием длинной гривы, заканчивающейся завитком или небольшим бугорком. Что касается изображения из Ольвии, то у него не подогнутые, а вытянутые вперед ноги, что, безусловно, свидетельствует о его архаичности, но представляет собой другой иконографический тип.

Аналогичная иконография изображения лошади в Туве, Южной Сибири и Северном Китае продолжает существовать и в более позднее время. Мы встречаем её на золотой нашивной бляшке из тувинских могильников V-IV вв. до н.э. Кош-Пей I (курган № 1) и Саглы-Бажи II (курган № 13) (рис. 5/1, 4); на бронзовой бляхе из урочища Лысая гора на р. Яя (Тюменская область) (рис. 5/2); на двух бронзовых бляхах из Минусинского края (рис. 5/ 5, 6); на золотой гривне V-III вв. до н.э. из Алучадэна (Северный Китай) (Королькова 2006, табл. 16/3, 7, 10, 16; табл. 15/3, 4) (рис. 5/3). Правда, при всём подобии общей иконографии поздние изображения лошадей отличаются от ранних образцов важными деталями. У них уже другая схема расположения ног – они сомкнуты копытами и параллельны условной поверхности. Если у ранних образцов хвост плавно огибает округлое бедро, то у более поздних он становится коротким и свисающим вниз, благодаря чему вся фигура приобретает более компактную, подпрямоугольную форму. Появляются дополнительные элементы, меняющие стилистику образа (крыло, декор туловища).

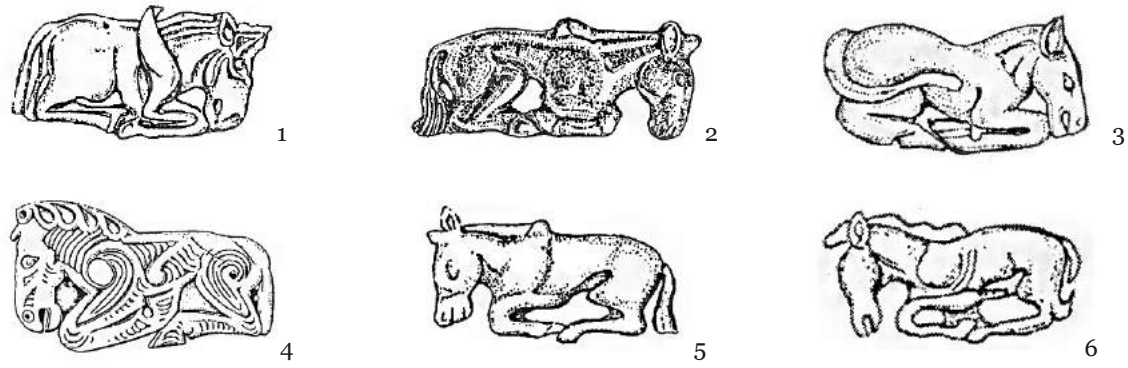


Рис. 5. Изображения лошадей V-III вв. до н.э. из Южной Сибири, Тувы и Северного Китая: 1 - Кош-Пей I, курган № 1 (Тува); 2 - урочище Лысая гора на реке Яя (Тюменская область); 3 - Алучадэн (Северный Китай); 4 - Саглы-Бажи II, курган №13 (Тува); 5, 6 - Минусинский край (по: Королькова 2006, табл. 16/3, 7, 10, 16; табл. 15/3, 4).

В пользу центрально-азиатских истоков бельского изображения, а также его архаического характера свидетельствуют и отдельные детали. Д.Г. Савинов обратил внимание на тот факт, что подогнутые, но не сомкнутые ноги (как у келермесских образов с обкладок) – «один из самых характерных стилистических приёмов в искусстве раннескифского времени» (Савинов 2012, 47). В целом на ранних изображениях копытных наблюдается вариативность расположения ног, единая схема отсутствует. Однако, действительно, на многих из них, в первую очередь, происходящих из восточных регионов скифского культурно-исторического континуума, наблюдается именно такое несомкнутое положение ног. Архаичность этой схемы подтверждается и её наличием у представительной серии изображения оленей, а также у лошадей с центрально-азиатских оленных камней и петроглифов.

На бельской матрице ноги лошади сложены более компактно, чем на келермесских обкладках, однако, судя по чёткой разделительной впадине между ними, они тоже изображены несомкнутыми. Кроме того, здесь также наблюдается ещё одна черта, характерная лишь для архаического звериного стиля. На многих раннескифских изображениях копытных подогнутые под туловище ноги показаны не только не сомкнуто, но и под небольшим углом к условной поверхности. Колено передней ноги направлено вперед и немного вниз, задней – иногда параллельно, иногда так же, вперед и вниз. Зачастую задняя нога имеет удлинённые пропорции, доходя до колена передней. Ноги могут образовывать две параллельные прямые, находящиеся под небольшим углом к условной поверхности. По отношению к некоторым изображениям создается впечатление, что рассматриваемое положение ног – нечто промежуточное между позой «внезапной остановки» с согнутыми и направленными вперед ногами и классической позой с подогнутыми ногами.

Именно в такой манере «под углом» трактованы ноги на ряде эталонных образцов скифского звериного стиля, относящихся к эпохе архаики. В качестве наиболее репрезентативных примеров приведём положения ног лосей на костяной пластине и бляшках из Жаботинского кургана № 2, оленей на костяной пластине из погребения около Константиновска-на-Дону, оленей на золотых бляшках из Ульского кургана № 1 (рис. 6/1-4), оленей с золотой обкладки, видимо, горита из Келермеса. В этой же манере показаны ноги у целого ряда оленей на зеркалах «ольвийского типа».

Наиболее распространённым этот прием был именно в центрально-азиатском регионе, в изображениях, хронологически предшествующих или синхронных причерноморским. Он хорошо просматривается в уже упоминавшихся образах лошадей с оленных камней из Узунтала, Саглы-Бажи VI, Архангайского аймага, Гурванбулаг сумын, Жаргалант Сумын. Аналогичное положение ног фиксируется и у оленей на оленных камнях и петроглифах Центральной Азии (рис. 6/6, 7). В торевтике

наиболее яркими примерами являются изображения лошадей на изделиях из кургана Аржан 2 и взрослого оленя и оленёнка на фрагментированной золотой пластине из кургана № 45 Южного Тагискена (рис. 6/5).

Таким образом, прослеживается определённая эволюция ног копытных в раннескифском зверином стиле. Для наиболее ранних образцов, зафиксированных на оленных камнях, петроглифах, отдельных предметах торевтики из Монголии, Тувы, Алтая, Казахстана, характерны несомкнутые ноги, зачастую расположенные под углом к условной поверхности, при этом задняя нога имеет удлиненные пропорции. Возможно, такое положение ног явилось следствием развития позы «внезапной остановки»: изменению подверглось лишь положение передней ноги, которая подогнулась под туловище. Далее эта схема видоизменяется: ноги плотно прижимаются и «выравниваются» относительно поверхности. Это характерно как для Причерноморья, так и для центрально-азиатских изображений. На многих причерноморских изделиях, причем самых ранних (жаботинские лоси, келермесские олени), мы видим уже её пережитки. На зеркалах «ольвийского типа» она консервируется и бытует несколько дольше, вплоть до конца VI в. до н.э. На лошади с бельской матрицы эта ранняя схема представлена *очень аутентично, вполне в соответствии с центрально-азиатскими образцами*.

Любопытным представляется вопрос определения возможной породы лошади с матрицы. Н.Л. Членова обратила внимание на тот факт, что на оленных камнях Монголии, Алтая и Тувы изображались лошади двух пород: местной низкорослой, с короткими ногами и шеей, и элитной, не характерной для данного региона. Исследовательница сделала предположение, что высокопородные лошади, изображавшиеся, в отличие от местных, с длинной шеей и ногами, импортировались в эти регионы из Средней Азии (Членова 1999, 312). Лошадь с бельской матрицы явно не коротконогая. Но у нее мощная шея и голова увеличенных пропорций. И эти черты сближают её с центрально-азиатскими породами – монгольской, тувинской, лошадью Пржевальского. Очень похоже, что автор бельской матрицы был знаком с внешним видом лошадей этого типа.

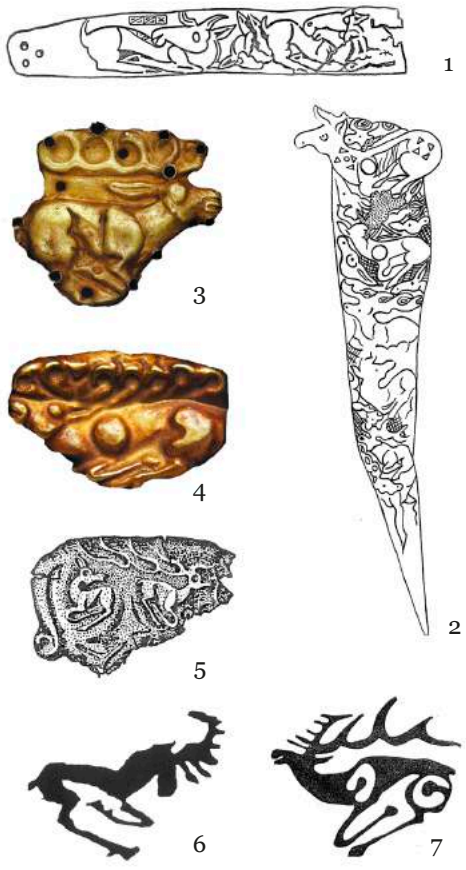


Рис. 6. Изображения копытных с ногами, лежащими под углом к условной поверхности: 1 - Жаботин; 2 - Константиновск-на-Дону; 3, 4 - Ульский курган № 1; 5 - Южный Тагискен, курган № 45; 6 - Ешкиольмеса (Южный Казахстан); 7 - Елангаш (Алтай) (по: Ильинская 1975, табл. VI/8; Кияшко, Кореняко 1976, 174, рис. 3; Ульские курганы 2015, табл. 31/1 (кат. 39), табл. 32/1 (кат. 40); Яблонский 2017, рис. 18/2; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, 122, рис. 89/8; Кубарев 1979, табл. XII).

Подводя итог анализу сюжетных, иконографических и стилистических аналогий, можно сделать вывод о том, что бельское изображение принадлежит келермесскому этапу скифской культуры, причём наиболее раннему её горизонту, проявляющему несомненную связь с центрально-азиатскими образцами (лошади с обкладок уздечного набора, олень с серебряного ритона). Ближайшей аналогией бельской лошадке являются образы с келермесских обкладок, а также с келермесской секиры, на которой они уже подверглись серьезной творческой переработке. Келермесский курган 4/Ш датируется серединой – 2-й поло-

виной VII в. до н.э. или, более узко, по серебряному зеркалу – 650-620 гг. до н.э. (Галанина 1997, 190). Соответственно и нашу матрицу необходимо датировать этим временем. Если верно предположение В.А. Киселя, и изображения на обкладках действительно выступили «продолжением» образа, запечатленного на оленных камнях, тогда и бельскую лошадку также нужно рассматривать как такое развитие центрально-азиатской линии.

Показательно, что в Южной Сибири, на Алтае и в Туве рассматриваемый образ продолжает бытовать и в более позднее время, претерпевая определённую эволюцию, а в Причерноморье и Предкавказье появляется лишь мимолетно, в VII в. до н.э., затем полностью исчезая. В этой связи огромный интерес вызывает вопрос о том, почему полнофигурные изображения лошади вообще настолько редки в восточно-европейском зверином стиле. Тем более, принимая во внимание значение лошади как в скифском быту, так и в погребальных ритуалах, зафиксированных археологическими и письменными источниками. Да и редуцированные изображения встречаются нечасто и являются особенностями локальных культурных традиций, в первую очередь посульской. Вполне вероятно, что изображение лошади у восточноевропейских скифов могло быть табуировано (Канторович 2016, 110). Д.Г. Савинов полагает, что образ лошади вообще не относится к скифскому звериному стилю с его «дикой» фауной и мифологизированными персонажами, переданными ограниченным набором стилистических приемов (Савинов 2000, 179). На этом фоне все известные изображения лошади выглядят весьма реалистично по сравнению с другими представителями репертуара скифского звериного стиля. Возможно, именно в силу того, что это животное активно использовалось как в хозяйстве, так и в ритуальных целях. Однако отнесение рассмотренных изображений к скифскому звериному стилю, на наш взгляд, все-таки оправдывается позой животного и акцентированием определённых деталей (хвост, голова, глаз).

Интересно и то, что архаические изделия торевтики с изображением лошади выполнены в основном в золоте, и бельская матрица, соответственно, была предназначена для работы по драгоценному металлу. Это также подчеркивает значение образа лошади, который, судя, в том числе, по археологическому контексту находок, был связан с погребальным обрядом и процессом перехода в мир мертвых в архаической скифской культуре. Роль изображений лошадей в погребальных церемониях раннескифского времени в Центральной Азии уже подчеркивалась исследователями. Это и специфическая укладка грив и хвостов жертвенным особям (Советова 2005, 43), четвёрка лошадей, запряженная в погребальную колесницу на оленном камне из Аржана 2, а также золотые изображения лошади на царском головном уборе из этого же комплекса (Чугунов 2004, 31, 22, 42), наскальные рисунки 4-х лошадей на камне № 114 из Мозага-Комужап в Туве (Дэвлет 2009, 190), жертвоприношение лошади «хтоническому персонажу» на оленном камне из Ушкийн-Увэра в Монголии (Савинов 1994, 133). Видимо, привнесённая в Северное Причерноморье художественная традиция производства золотых аппликаций в виде лошади для погребального обряда прервалась здесь очень рано, в то время как в Центральной Азии она продолжала практиковаться.

Насколько предложенная датировка бельской матрицы отвечает общему археологическому контексту бельских древностей?

Хорошо известно, что Бельское городище представляло собой крупный центр металлообработки, а также производства предметов в скифском зверином стиле (Шрамко 1970; Шрамко 1987, 116-121; Шрамко 2002; Ольговский 2014, 178-197). Яркие следы производственной деятельности, в том числе бронзолитейного производства, зафиксированы как на Западном, так и на Восточном укреплениях городища (Шрамко 2002; Шрамко 2016; Шрамко 1987, 116), а также на территории ряда селищ в пределах Большого укрепления, в урочище Царина (Мурзин и др. 2001, 38, 41; Черненко и др. 2005, 43), Лисовый Кут (Мурзин и др. 1997, 11; Скорый 2008, 171, 177). Находка нижней части штампа (точнее штампов) для тиснения круглых бляшек из драгоценных металлов на Восточном укреплении, датируемая IV в. до н.э., свидетельствует о весьма развитом производстве соответствующих предметов (Шрамко 1970, 218-219, рис.

1/1, 2). Местным изделием Б.А. Шрамко также считал и золотую накладку на рукоять меча с фигурой хищника из могильника Осняги (Шрамко 1976, 198).

Особое значение для доказательства ранней датировки производства бронзовых изделий имеет находка створки бронзовой формы для отливки двухлопастных и трехлопастных втульчатых с шипом наконечников стрел в центральной части Западного укрепления Бельского городища в 2000 г. Б.А. Шрамко датирует ее «временем, не позже конца VIII в. до н.э.» (Шрамко 2002, 186). В 2015 году в этой же части Бельского городища была найдена ещё одна створка с негативом двух аналогичных стрел. И.Б. Шрамко и С.А. Задников убедительно продемонстрировали, что обе створки являются двумя частями одной литейной формы. Авторы датируют время изготовления и использование формы VII веком до н.э. (Шрамко, Задников 2016, 332).

Следует также подчеркнуть, что мастера, проживавшие на Бельском городище, уже в эпоху архаики прекрасно владели навыками изготовления ряда изделий, оформленных в традициях искусства звериного стиля. Убедительным подтверждением сказанному являются в частности разнообразные предметы из кости, украшенные образами реальных и мифических животных, обнаруженные в слоях начиная с середины - 2-ой половины VII в. до н.э. Речь идет, например, об элементах конской узды – трёхдырчатых псалиях, украшенных резными головками хищных птиц или грифобаранов, обнаруженных в некоторых зольниках Западного укрепления Бельского городища (Шрамко 2004, 105) и селища в урочище Царина в пределах Большого укрепления Бельска (Махортых и др. 2006, 62, рис. 37/1, 2; Черненко и др. 2004, рис. 16/1, 2), или великолепной резной ложечке, декорированной парными фигурками козлов и волков (Шрамко 1995, 69, рис. 3, 4). К первой половине VI в. до н.э. местное косторезное ремесло достигает высокого уровня художественного мастерства, подтверждением чему служат находки налучья в виде бараноптицы с зооморфными превращениями и заготовка для производства аналогичного налучья в зольниках №№ 28 и 13 Западного укрепления (Шрамко 2015, 488, ил. 1; 491, ил. 2).

Таким образом, рассматриваемая матрица с изображением лежащей лошади с подогнутыми ногами вполне вписывается в общий контекст бельских древностей, являясь, скорее всего, наиболее ранним инструментом для изготовления бляшек из драгоценных металлов в традициях скифского звериного стиля, известных не только на этом памятнике, но и в лесостепи и степи в целом. Это вновь заставляет вернуться к весьма старому, но до сих пор не утратившему свою актуальность вопросу о месте изготовления предметов в скифском зверином стиле из драгоценных металлов в раннескифское время. В свою очередь, он связан с вопросом об этническом составе мастеров, изготавливавших эти предметы.

Безусловно, в V и особенно в IV вв. до н.э. значительная часть предметов, обнаруженных в могилах скифской знати, производилась в греческих государствах Северного Причерноморья, в частности на Боспоре, о чем свидетельствуют находки уже упомянутых матриц и штампов. Однако здесь необходимо сделать две важные оговорки.

Во-первых, среди них крайне редки предметы, выполненные в традициях классического скифского звериного стиля (поза животного, акцентирование определённых частей тела, наличие зооморфных превращений). Матрицы из Пантикапея – вполне греческие. Идентификация штампа с изображением лапы хищника с Каменского городища затруднена в силу неудовлетворительного качества публикации и утраты оригинала. Подавляющее большинство остальных изображений на рабочих сторонах матриц и штампов, приведённых в начале статьи, также не имеют отношения к скифскому звериному стилю. Исключения – как уже отмечалось – составляют штамп из Ульского кургана и матрица из Гарчиново, связь которых с греческими городами Северного или Западного Причерноморья не установлена.

Во-вторых, все они более-менее поздние, относящиеся к V, а по большей части – к IV вв. до н.э. Между тем, судя по всему, бельская матрица была изготовлена тогда, когда из греческих поселений в Северном Причерноморье точно существовал лишь Борисфен, основанный в 647-646 или 646-645 гг. до н.э. (Вахтина 1989, 74), и, возможно, Ягорлыцкое поселе-

ние, а также Истрия – в Западном Причерноморье (Алексеев 2003, 282, 283). Однако два наиболее ранних штампа с острова Березань являются чисто греческими, лишенными любых проявлений скифского искусства.

Если же говорить о литейных формах для производства бронзовых бляшек в скифском зверином стиле, найденных в Северном Причерноморье (Марицынский могильник, Кошарское поселение), то, как убедительно показал С.Я. Ольговский, их не обязательно следует связывать с античными производственными центрами (Ольговский 2014, 145-157). Вышеприведенные аргументы ставят под сомнение устоявшееся мнение о массовом производстве изделий в скифском зверином стиле в греческих городах Северного Причерноморья как *в раннескифское время, так и в начале классической эпохи*. Оно становится таковым лишь в IV в. до н.э. и касается, прежде всего, изделий, выполненных в эллино-скифском стиле.

Таким образом, матрица из Бельска не могла быть изготовлена ни на Березани, ни, тем более, в других греческих городах Северного Причерноморья, которых на тот момент, скорее всего, еще не существовало. Возникает вопрос: является ли она местным произведением или, возможно, принесена носителями раннескифской традиции с других территорий, и если это так, то с каких? На данном этапе развития источниковой базы на него невозможно ответить однозначно. Как демонстрируют приведённые выше примеры, бельские мастера обладали достаточной компетенцией для производства предметов в скифском зверином стиле уже в раннескифскую эпоху, хотя мастерские архаического времени на территории городища пока не локализованы (Шрамко, Задников 2017, 325). Однако, как известно, на территории украинской степи и лесостепи отсутствуют традиции зооморфного искусства в доскифский период. В то же время в Центральной Азии они нашли отражение на самых ранних памятниках начала железного века, в частности на оленных камнях. Это относится, как мы увидели, и к рассматриваемому образу лошади с бельской матрицы. Т.е. даже если матрица была изготовлена в Бельске, сам образ должен был проникнуть сюда с других территорий, вместе с его носителями.

Однако ранняя дата бельской матрицы, а также приведённые иконографические и стилистические аналогии свидетельствуют в пользу того, что она попала в Бельск уже в виде готового изделия, в результате миграционных процессов, вместе с одной из волн скифского освоения Северного Причерноморья. Каков был путь этих волн? Конечно, заслуживает внимания проведенное Ю.Б. Полидовичем сопоставление образов лошадей из Аржана 2, Комсомольского и Ольвии. Вместе с тем, между ними и бельской лошадкой есть существенные стилистические отличия, да и вопросы хронологии мешают, во всяком случае, пока, выстроить чёткую линию (хронологический разрыв между аржанскими и поволжским/ольвийским изображениями составляет 100-150 лет). Для прямого сопоставления образов с оленных камней и бельской матрицы в горизонте VII в. до н.э. пока не хватает промежуточных звеньев, которые обязательно должны были быть на огромном пространстве между Тувой и Поднепровьем.[44] Не известны нам и матрицы раннескифского времени, происходящие с территории Центральной Азии.

Учитывая близость изображения на бельской матрице келермесским обкладкам, на сегодняшний день представляется наиболее вероятным, что она проникла в Поворсклье с территории или через территорию Кавказа, вместе с носителями *келермесских традиций*. Связь элементов звериного стиля Монголии и Кавказа стала предметом специального исследования Н.Л. Членовой, обратившей внимание на общность раннескифских изображений оленьих рогов, свастиковидных элементов и детально проанализированных нами лошадей (Членова 1999, 310-317). В эту кавказскую коллекцию центрально-азиатских образов, безусловно, необходимо добавить и оленя с келермесского ритона. Эти аналогии позволяют сделать вывод о том, что центрально-азиатский импульс на Кавказе был представлен не очень большой, но все-таки представительной серией изображений. И лошадь на матрице из Бельска вполне вписывается в этот круг изде-

[4] Г.Н. Курочкин считал такими памятниками Чиликту, Тагискен, Гумарово, которыми, как «кратковременным мостиком», маркируется продвижение ранних групп кочевников с Востока на Запад (Курочкин 1989, 111-113). Однако в них не встречены изображения лошадей.

лий, еще не задетых, либо очень слабо опосредованных переднеазиатским влиянием.

Находка на Бельском городище выразительной бронзовой матрицы для изготовления аппликаций в раннескифском зверином стиле из драгоценных металлов заставляет ещё раз обратить пристальное внимание на целый ряд подобных изделий, известных к настоящему времени в курганах, в том числе архаических, на территории восточноевропейской лесостепи, использовавшихся в качестве декора головных уборов, одежды, воинского снаряжения. А круг таких находок – не мал. При этом по большей части среди аппликаций доминируют, во-первых, золотые изделия, во-вторых, исполненные именно в традициях искусства звериного стиля: бляшки, выполненные в геометрическом стиле (строенные круглые бляшки, розетки), в целом немногочисленны.

Образы животных представлены как минимум пятью персонажами – сидячим грифоном (курган Перепятиха, конец VII - начало VI вв. до н.э.) (Скорий 1990, фото 7-8) и образами реальных животных, изображённых в жертвенной позе, с поджатыми ногами. Наибольшее распространение из них получили олень (находки из кургана № 100 у с. Синявка в Поросье; кургана № 407 у с. Журовка; поля вблизи Владимирской экономии; кургана у с. Дарьевка в бассейне Тясмина и в одном из курганов Роменской группы в Посулье) (Ковпаненко 1981, 52-53, рис. 41/5, 53, рис. 42/21; Ильинская 1975, табл. X/6; XXIII/2; XXXIV/19-22; Ильинская 1968, 137, рис. 38/1), горный козёл[55] (находки из кургана № 35 у с. Бобрица в Поросье; в кургане № 1 у с. Жаботин; кургане № 499 у с. Гладковщина; в одном из курганов Роменской группы; кургане № 1 могильника Скоробор вблизи Бельского городища в бассейне р. Ворскла (Ковпаненко 1981, 14, рис. 10/2; Ильинская 1975, табл. VI/12; Галанина 1977, 43, табл. 21/3; Ильинская 1971, 75, рис. 2/18; Шрамко, Задников 2017, 17, рис. 5/18, рис. 6/13). Практически все упомянутые курганы относятся к концу VII – началу VI вв. до н.э. или 1-ой половине VI в. до н.э. (курган № 1 могильника Скоробор). Несколько более позднюю группу аппликаций в виде горных козлов (рубеж VI-V вв. до н.э.), однако весьма близких стилистически, составляют находки из кургана Витовая Могила в бассейне р. Ворскла (Ковпаненко 1968, рис. 48).

Крайне немногочисленной, но наиболее ранней группой представлены аппликации в виде фигурок лани – в кургане № 346 у с. Орловец и кургане № 524 у с. Жаботин в бассейне Тясмина (Ильинская 1971, 75, рис. 2/22; Ильинская 1975, табл. VII/14, 16).

В своё время совершенно справедливо было отмечено, что указанные золотые аппликации стилистически связаны с костяными фигурками лосей, найденными в кургане № 2 у с. Жаботин (Іллінська, 1971, 78). Нужно отметить, что все 3 упомянутых кургана относятся к числу наиболее архаических древностей скифской культуры в восточноевропейской лесостепи и дата их располагается в рамках 1-ой половины VII в. до н.э., возможно, в начале 1-ой четверти столетия (Скорый 2003, 38-39). Подобная, ранняя датировка указанных курганных комплексов не вызывает возражений в недавних работах по хронологии раннескифской культуры (Махортых 2016, 148).

Наконец, ещё одну, более многочисленную, но и более позднюю группу аппликаций, оформленных в традициях звериного стиля, составляют бляшки в виде фигурок кошачьих хищников, тела которых украшены дополнительными зооморфными элементами. Пока достоверно такие золотые аппликации зафиксированы лишь в нескольких погребальных памятниках бассейна р. Ворскла – курганах Опишлянка и Витова Могила (рубеж VI-V вв. до н.э.) (Ковпаненко 1967, рис. 17-18) и одном из курганов конца VI или начала V вв. до н.э. в могильнике Скоробор близ Бельского городища[66].

В своё время было высказано мнение о том, что большинство из указанных изображений на аппликациях (не учитывались лишь бляшки из Перепятихи, Витовой Могилы и Опишлянки) выполнены в духе раннескифского искусства без какого-либо стилистического воз-

[5] В.А. Ильинская полагала, что данные бляшки изображают коня (Іллінська 1971, 74, 76). Однако на них несомненно представлен козёл. Во-первых, довольно хорошо просматривается длинный изогнутый рог, во-вторых, у животных отсутствует хвост, обычный на конских изображениях.

[6] Материалы не опубликованы. Раскопки 2017 г. археологической экспедиции Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (начальник И.Б. Шрамко).

действия искусства народов древнего Востока и раннегреческого мира (Іллінська 1971, 77)

С постулатом об отсутствии раннегреческого воздействия на указанные раннескифские изображения, конечно, следует согласиться. Что же касается якобы отсутствия следов стилистического, иконографического влияний на персонажи упомянутых аппликаций со стороны искусства древнего Востока, в широком смысле этого понятия, то этот тезис в свете современного состояния источника и разработок в области искусства скифского звериного стиля представляется неверным. Так, несомненно, следы переднеазиатского влияния имеют бляшки в виде грифонов из Перепятихи (9 экз.), причём можно думать, что наиболее «реалистичная» из них, выполненная из серебра, является, по-видимому, привнесённым артефактом в Северное Причерноморье (Скорий 1999, 38-42, фото 7:1). Иные же 8 экземпляров (разносторонние и весьма схематичные) изготовлены из золотого листа, несомненно, в качестве подражания «реалистической» аппликации неким местным мастером, не отличающимся высоким мастерством, на довольно примитивных, скорее всего, не металлических матрицах.

Бронзовая матрица с изображением лошади с Бельского городища, не затронутая влиянием искусства Ближнего Востока и Малой Азии, свидетельствует о том, что орудия труда, предназначенные для изготовления предметов в зверином стиле, или мастера, хорошо знакомые с его образами, могли попадать в Северное Причерноморье в раннескифское время непосредственно из Центральной Азии.

Находка на Бельском городище, в бассейне Ворсклы, выразительной бронзовой матрицы для изготовления аппликаций из драгоценных металлов, золотые, довольно различающиеся по уровню исполнения, бляшки из кургана Перепятиха, позволяют вполне допускать уже в архаическое время производство перечисленных выше золотых изделий в местах оседлости населения, прежде всего – в лесостепи, или – говоря по-иному – на городищах скифской поры Днепровского Лево- и Правобережья.

Приложение /Appendix

Т.Ю. Гошко / T.Yu. Goshko

Рентгенофлуоресцентный анализ матрицы / X-ray fluorescence analysis of matrix

26	Fe	0,25
27	Co	0,074
28	Ni	0,042
29	Cu	81,06
33	As	0,282
47	Ag	0,089
50	Sn	17,17
51	Sb	0,116
82	Pb	0,912

Библиография

Алексеев 2003: А.Ю. Алексеев, Золото скифских царей в собрании Эрмитажа (Санкт-Петербург 2003).

Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015: А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Искусство саков Сарыарки (Алматы 2015).

Бессонова, Скорый, Зимовец 2016: С.С. Бессонова, Р.В. Зимовец, С.С. Скорый, Бронзовая матрица скифского времени, найденная в пойме реки Трубеж (предварительная публикация). В: Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України, 2 (19) (Київ 2016), 189-205.

Болтрик, Ліфантій 2016: Ю.В. Болтрик, О.В. Ліфантій, Виготовлення золотих аплікацій костюму в Скіфії (пуансон з Кам'янського городища). В сб.: (Отв. ред.: З.П. Марина) Археологія та етнологія Півдня Східної Європи (Дніпро 2016), 217-227.

Вахтина 1989: М.Ю. Вахтина, Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII-VI вв. до н.э. (к проблеме первых контактов). В: Кочевники евразийский степей и античный мир (к проблеме контактов). Материалы 2-го археологического семинара (Новочеркасск 1989), 74-89.

Волков 2002: В.В. Волков, Оленные камни Монголии (Москва 2002).

Галанина 1977: Л.К. Галанина, Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). САИ Д1-33, 1977.

Галанина 1997: Л.К. Галанина, Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи (Москва 1997).

Граков 1954: Б.Н. Граков, Каменское городище на Днепре. МИА, вып. 36 (Москва 1954).

Гуляев 2009: В.И. Гуляев, Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Макаров) Археологические открытия 1991-2004. Европейская Россия (Москва 2009), 213-224.

Дэвлет 2009: М.А. Дэвлет, Мозага-Комужап. Памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС (Москва 2009).

Журавлев, Новикова, Шемаханская 2014: Д.В. Журавлев, Е.Ю. Новикова, М.С. Шемаханская, Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование (Москва 2014).

Ильинская 1968: В.А. Ильинская, Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья) (Киев 1968).

Іллінська 1971: В.А. Іллінська, Золоті прикраси скіфського архаїчного убору. Археологія 4, 1971, 73-79.

Ильинская 1975: В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э.) (Киев 1975).

Канторович 2016: А.Р. Канторович, Образ лошади в восточно-европейском скифском зверином стиле. В сб.: (Отв. ред.: А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда) Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва 2016), 89-115.

Канторович, Эрлих 2006: А.Р. Канторович, В.Р. Эрлих, Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи (Москва 2006).

Кисель 1997: В.А. Кисель, Священная секира скифов (Москва 1997).

Кияшко, Кореняко 1976: В.Я. Кияшко, В.А. Кореняко, Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону. СА 1, 1976, 170-177.

Ковпаненко 1967: Г.Т. Ковпаненко, Племена скіфського часу на Ворсклі (Київ 1967).

Ковпаненко 1981: Г.Т. Ковпаненко, Раннескифские курганы в бассейне р. Рось (Киев 1981).

Королькова 2006: Е.Ф. Королькова, Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности (Санкт-Петербург 2006).

Костромичев, Трейстер 2009: Д.А. Костромичев, М.Ю. Трейстер, Бронзовая матрица с рельефным изображением Тюхе из раскопок цитадели Херсонеса. Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург 2009), 415-422.

Кубарев 1979: В.Д. Кубарев, Древние изваяния Алтая (Оленные камни) (Новосибирск 1979).

Курочкин 1989: Г.Н. Курочкин, Ранние этапы формирования скифского искусства (новый фактический материал и необходимость построения эффективной теоретической модели). Кочевники евразийских степей и античный мир (проблема контактов). Материалы 2-го археологического семинара (Новочеркасск, 1989), 102-120.

Марсадолов 2005: Л.С. Марсадолов, «Оленные» камни из поселка Аржан в центре Азии. В сб.: (Гл. ред. В.И. Гуляев) Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского (Москва 2005), 301-316.

Махротых 2016: С.В. Махортых, Современное состояние изучения хронологии раннескифской культуры. В: Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України, 2 (19) (Київ 2016), 140-151.

Махортых и др. 2005: С.В. Махортых, Р.А. Ролле-Герц, С.А. Скорый, В.Ю. Герц, В.П. Белозор, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2005 г. (Киев 2006).

Минасян 2010: Р.С. Минасян, Матрица - «формер». АСГЭ 38, 2010, 180-195.

Мурзин и др. 1997: В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С.В. Махортых, Е.В. Черненко, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1996 г. (Киев 1997).

Мурзин и др. 2001: В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С.А. Скорый, С.В. Махортых, В.П. Белозер, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 году (Киев 2001).

ОАК 1908: Отчёт Императорской археологической комиссии за 1905 г. (Санкт-Петербург 1908).

Ольговский 2014: С.Я. Ольговский, Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII-V вв. до н.э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья (Москва 2014).

Онайко 1976: Н.А. Онайко, Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н. э. В сб.: (Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова) Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии (Москва 1976), 66-73.

Полидович 2010: Ю.Б. Полидович, Находки в тувинском кургане Аржан 2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий. Древние культуры Евразии. В: Материалы международной

конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама (Санкт-Петербург 2010), 217-224.

Пуздровский, Труфанов 2010: А.Е. Пуздровский, А.А. Труфанов, Бронзовая матрица с изображением Зевса из Юго-Западного Крыма. Stratum Plus 4, 2010, 197-204.

Ростовцев 1925: М.И. Ростовцев, Скифия и Боспор (Ленинград 1925).

Савинов 1987: Д.Г. Савинов, Изображение «висящего» оленя на ритоне из Келермеса. В сб.: (Отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин) Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология (Новосибирск 1987), 112-117.

Савинов 1994: Д.Г. Савинов, Оленные камни в культуре кочевников Евразии (Санкт-Петербург 1994).

Савинов 2000: Д.Г. Савинов. Реалистические изображения лошадей скифского времени и сейминская изобразительная традиция. В: Исторический ежегодник. Специальный выпуск (Омск 2000), 179-187.

Савинов 2012: Д.Г. Савинов, Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции. В: Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ, IX (Москва-Кемерово 2012), 35-55.

Скорий 1999: С.А. Скорий, Курган Переп'ятиха (До етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя) (Київ 1999).

Скорый 2008: С.А. Скорый, Селище в урочище Лисовый Кут на Большом укреплении Бельского городища (материалы раскопок 1999-2001 и 2004 гг.). Revista arheologică IV/1, 2008, 146-179.

Скорый 2015: С.А. Скорый, Бронзовая античная матрица из Предгорного Крыма. Stratum Plus 3, 2013, 193-201.

Скорый, Зимовец 2014: С.А. Скорый, Р.В. Зимовец, Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции (Киев 2014).

Скуднова 1988: В.М. Скуднова, Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции (Ленинград 1988).

Советова 2005: О.С. Советова, Петроглифы тагарской эпохи на Енисее. Сюжеты и образы (Новосибирск 2005).

Трейстер 1989: М.Ю. Трейстер, Матрицы из Пантикапея (к вопросу о боспорской торевтике IV в. до н.э.). В: Кочевники евразийский степей и античный мир (к проблеме контактов). Материалы 2-го археологического семинара (Новочеркасск 1989), 89-101.

Трейстер 2017: М.Ю. Трейстер, Бронзовая матрица, найденная в пойме р. Трубеж (об использовании бронзовых матриц с рельефными изображениями в Причерноморье в VI-IV вв. до н.э.). В: Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України, 2 (23) (Київ 2017), 200-207.

Ханенко, Ханенко 1900: Б.И. Ханенко, В.Н. Ханенко, Древности Приднепровья, вып. III (Киев 1900).

Ульские курганы 2015: Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum, 2 (Москва-Берлин-Бордо 2015).

Черненко и др. 2004: Е.В. Черненко, Р.А. Ролле-Герц, С.А. Скорый, С.В. Махортых, В.Ю. Герц, В.П. Белозер, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2004 г. (Киев 2005).

Членова 1999: Н.Л. Членова, Новые данные о связях Монголии и Северного Кавказа в скифскую епоху. В сб.: (Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов) Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи (Москва 1999), 310-317.

Шрамко 1962: Б.А. Шрамко, Древности Северского Донца (Харьков 1962).

Шрамко 1987: Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).

Шрамко 1970: Б.А. Шрамко, Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии. СА 2, 1970, 217-221.

Шрамко 2002: Б.А. Шрамко, Новая литейная формочка с Бельского городища: к истории вооружения у племен Скифии. РА, 1, 2002, 163-166.

Шрамко 2004: И.Б. Шрамко, О начальном периоде существования Бельского городища. В: Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології ІА НАНУ: матеріали Міжнар. наук. конф. (Київ 2004), 104-105.

Шрамко 2015: И.Б. Шрамко, Роговые наконечники луков с Западного Бельского городища. В: Труды Государственного Эрмитажа, 77. Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы (Санкт-Петербург 2015), 487-511.

Шрамко, Задников 2017: И.Б. Шрамко, С.А. Задников, Новая информация об известной литейной форме с территории Бельского городища. В сб.: (Отв. ред. И.И. Корост) Археологічні дослідження Більского городища: збірник наукових праць (Київ-Котельва 2017), 325-334.

Яблонский 2017: Л.Т. Яблонский, На востоке скифской ойкумены (Москва 2017).

Chugunov, Partsinger, Nagler 2004: K.V. Chugunov, H. Partsinger, A. Nagler, Chronology and cultural affinity of the kurgan Arzhan-2 complex according to archeological data // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia // NATO Science Series IV. Earth and Environmental Sciences, Vol. 42 (Dordrecht, Boston, London 2004), 1-7.

L'Epopee 2015: L'Epopee des rois thraces. Des guerres mediques aux invasions celtes 479-278 av. J.-C. Decouvertes archeologiques en Bulgarie (Paris 2015).

Solovyov, Treister 2004: S. Solovyov, M. Treister, Bronze Punches from Berezan. Ancient West and East 3.2, 2004, 365-375.

Treister 2001: M. Treister, Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics (Leiden, Koln, Boston 2001).

Matriţa din bronz de la cetăţuia Bilsk: cu privire la motivele din Asia Centrală în stilul animalier scitic timpuriu din regiunea nord-pontică

Cuvinte-cheie: sciţi, stilul animalier scitic, matriţă, ştampilă, cetăţuia Bilsk, perioada scitică timpurie.

Rezumat: Articolul introduce în circulaţia ştiinţifică o matriţă unică din bronz, destinată pentru fabricarea pieselor în stilul animalier scitic, descoperită la cetăţuia din Bilsk. Suprafaţa de lucru a matriţei prezintă un cal cu picioare îndoite şi capul în jos. Piese similare provin din regiunile Niprului, Ciscaucaziei şi Balcani. Însă, o analogie directă pentru figura calului de pe matriţa din Bilsk există doar în setul de piese de harnaşament din aur, descoperite în tumulul nr. 4 de la Kelermes. Plecând de la această similitudine, se propune încadrarea cronologică a matriţei în a doua jumătate a sec. al VII-lea a. Chr. Subiectul, analogiile iconografice şi stilistice permit să concluzionăm că imaginile calului de pe piesele de la Bilsk şi Kelermes sunt similare cu cele din Asia Centrală, fiind cunoscute, în special, pe „stelele cimeriene cu cerbi", atestate în Mongolia, Altai şi Tuva. Astfel, se presupune că matriţa ar fi putut ajunge la cetăţuia Bilsk odată cu unul dintre valurile migraţiilor scitice timpurii din Asia Centrală, sau a fost făcută în silvostepă, dar de un producător familiarizat cu tradiţia central-asiatică. Totodată, în articol sunt expuse unele consideraţii referitoare la semantica imaginii calului în ritualul de înmormântare scitică.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Matriţa de la cetăţuia din Bilsk. 1 - Fotografie; 2 - desen; 3-4 - reconstrucţia grafică.

Fig. 2. Imagini de cai din tumulul Kelermes nr. 4: 1 - pe toporul din aur; 2, 3 - pe piese de harnaşament (după Алексеев 2012, 75; Галанина 1997, табл. 26/55, 58). Scări diferite.

Fig. 3. Imagini de cai de pe „stelele cimeriene cu cerbi" din Mongolia, Altai şi Tuva: 1 - regiunea Gurvanbulag („pe drum din Gurvanbulag la Baynbulag"); 2 - stela nr. 3 din regiunea Zhargalant, Bayanhongor aimag, Hereskuriyn denzh; 3 - stela nr. 2, Hubsugul aimag, plasa Tsagaan uul sumyn, satul Uvgud, Khushuut; 4 - Arkhangay aimag, Ikhtamir sumyn; 5 - Uzuntal, 6 - Saglî-Baji VI; 7 - Koş-Pei (după Волков 2002, табл. 34/1, 38/2, 94, 3/1; Савинов 1994, табл. VIII/11-12; Марсадолов 2005, рис. 3).

Fig. 4. Imagini de cai de pe toreutică scitică timpurie: 1, 2 - Arjan 2; 3 - Komsomolskij; 4 - Olbia; 5 - regiunea Minusinsk (după Королькова 2006, табл. 16/1, 2, 4, 5; Скуднова 1988).

Fig. 5. Imagini de cai din sec. V-III a. Chr. din Siberia de Sud, Tuva şi China de Nord: 1 - Koş-Pei, tumul nr. 1 (Tuva); 2 - Lîsaia Gora pe r. Iaia (Tiumen); 3 - Aluchaden (China de Nord); 4 - Saglî-Baji II, tumul nr. 13 (Tuva); 5, 6 - regiunea Minusinsk (după Королькова 2006, табл. 16/7, 10, 3, 16; табл. 15/4, 3).

Fig. 6. Imagini de ungulatele cu picioarele situate sub unghi faţă de suprafaţa condiţionată: 1 - Jabotin; 2 - Konstantinovsk pe Don; 3, 4 - tumul nr. 1 din Ulskij; 5 - Taghisken de Sud, tumul nr. 45; 6 - Eşkiolmesa (Kazakhstanul de Sud); 7 - Elangash (Altai) (după Ильинская 1975, табл. VI/8; Кияшко, Кореняко 1976, 174, рис. 3; Ульские курганы 2015, табл. 31/1 (кат. 39), табл. 32/1 (кат. 40); Яблонский 2017, рис. 18/2; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, 122, рис. 89/8; Кубарев 1979, табл. XII).

Bronze matrix from Bilsk forthill: about Central Asian motifs in early Scythian animal style of Northern Black Sea Cost

Keywords: Scythians, Scythian animal style, matrix, punch, Bilsk forthill, early Scythian epoch.

The article introduces into scientific circulation a unique matrix for the production of golden or silver plaques in the Scythian animal style, which was discovered at the Bilsk forthill. On the working surface of the matrix there is depicted a horse with bent legs and a bowed head. Analogical working tools from Dnieper, North Caucasus and Balkan regions are analyzed. There is only one analogy to the image on the matrix among products originated from Eastern Europe: golden plates of the horse's bridle from Kelermes kurgan № 4. On this basis the matrix is dated

the 7th century B.C. Further plot, iconographic and stylistic analogies allow us to conclude that the horse images from the Bilsk matrix and Kelermes plates is matched with the Central Asian images of horses, in particular those placed on deer stones of Mongolia, Tuva and Altay. It's argued that the matrix could have reached Bilsk settlement together with one of the waves of Scythian migrants from Central Asia, or could be produced by a local master familiar with the Central Asia tradition of depicting a horse. Considerations about semantics of the image of a horse in the Scythian funeral ceremony are represented.

List of illustrations:

Fig. 1. Matrix from Bilsk hillfort. 1 - photo; 2 - drawing; 3-4 - graphic reconstruction of applications.

Fig. 2. Images of horses from Kelermes kurgan 4/Sh: 1 - on a golden ax; 2, 3 - on golden plates of bridle set (by Алексеев 2012, 75; Галанина 1997, табл. 26/55, 58). Here and below – free scale.

Fig. 3. Images of horses on deer stones of Mongolia, Altay and Tuva: 1 - Gurvanbulag sumyn («on the road from Gurvanbulag in Baynbulag sumyn»); 2 - deer stone № 3 from Zhargalant sumyn, Bayanhongor aimag, Hereskuriyn denzh locality; 3 - deer stone № 2, Hubsugul aimag, Tsagaan uul sumyn, Uvgud village, Khushuut locality; 4 - Arkhangay aimag, Ikhtamir sumyn; 5 - Uzuntal, 6 - Sagly-Bazhy VI; 7 - Kosh-Pey (by Волков 2002, табл. 34/1, 38/2, 94, 3/1; Савинов 1994, табл. VIII/11-12; Марсадолов 2005, рис. 3).

Fig. 4. Images of horses in Early Scythians time on toreutics articles: 1, 2 - Arzhan 2; 3 - Komsomolsky; 4 - Olbio; 5 - Minusinsky Region (by Королькова 2006, табл. 16/1, 2, 4, 5; Скуднова 1988).

Fig. 5. Images of horses of the 5th-3rd centuries B.C. from South Siberia, Tuva and North China: 1 - Kosh-Pey, kurgan № 1 (Tuva); 2 - Lysaya Gora on Yaya river (Tumen'); 3 - Aluchaden (North China); 4 - Sagly-Bazhy II, kurgan № 13 (Tuva); 5, 6 - Minusinski Region (according to: Королькова 2006, табл. 16/7, 10, 3, 16; табл. 15/4, 3).

Fig. 6. Images of ungulates with legs lying at an angle to the conventional surface: 1 - Zhabotyn; 2 - Konstantinovsk-na-Donu; 3, 4 - Ulskiy kurgan № 1; 5 - South Tagisken, kurgan № 45; 6 - Eshkiolmesa (South Kazakhstan); 7 - Elangash (Altay) (by Ильинская 1975, табл. VI/8; Кияшко, Кореняко 1976, 174, рис. 3; Ульские курганы 2015, табл. 31/1 (кат. 39), табл. 32/1 (кат. 40); Яблонский 2017, рис. 18/2; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, 122, рис. 89/8; Кубарев 1979, табл. XII).

07.02.2018

Д-р Роман Зимовец, Институт философии им. Г.С. Сковороды НАН Украины, ул. Трехсвятительская 4, 02000 Киев, Украина, e-mail: romanzimovets@gmail.com.

Д-р хаб. Сергей Скорый, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: idanfirs@ukr.net

Виталий Окатенко, ДП ОАСУ «Слобожанская археологическая служба» Института археологии НАН Украины, ул. Культуры 25-А, 61058 Харьков, Украина, e-mail: okatenkovitalij@gmail.com

SISTEMUL DEFENSIV DIN PERIOADA GETICĂ BUTUCENI-VEST: PRECIZĂRI PRIVIND TRAIECTORIA LINIEI DEFENSIVE VEST NR. 2

Octavian Munteanu
Nicolae Batog
Valeriu Prohnițchi

Cuvinte-cheie: fortificații getice, linii defensive, palisadă complexă, paramente de piatră, bermă, șanț defensiv.

Introducere. Rezultate anterioare: probleme și direcții de cercetare

Cu prilejul construcției apeductului în satele Morovaia și Butuceni, în primăvara-vara anului 2013, au fost efectuate săpături arheologice preventive în spațiul celei de a noua linii de apărare a renumitului sit getic Butuceni, care se află în partea de vest a promontoriului cu același nume (fig. 1/1, 2; fig. 2, SI). Este unica fortificație necercetată de către arheologi dintre cele nouă cunoscute, evident, pentru perioadele în care s-au efectuat investigațiile respective[1]. Descoperirile ce au văzut lumina zilei ne-au determinat să continuăm cercetările de teren, care s-au perpetuat până în anul 2018 și sunt departe de a fi încheiate (fig. 2, SII-SXIII). Făcând bilanțul celor studiate anterior, se conturează un tablou în care se regăsesc deopotrivă explicații pentru a înțelege modalitățile de fortificare a spațiului din vestul promontoriului Butuceni, cât și probleme care își mai așteptă soluții. Le vom rezuma succint.

Sistemele defensive din vestul promontoriului Butuceni. În baza informațiilor acumulate de-a lungul campaniilor 2013-2016, se desprindea ideea existenței, în partea de vest a promontoriului Butuceni, a trei segmente defensive diferite care sunt orientate preponderent pe axa est-vest:

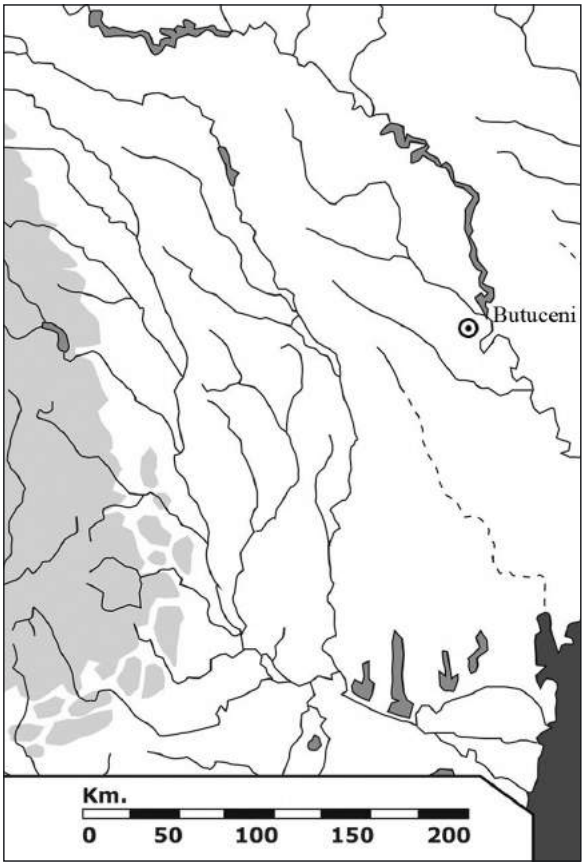


Fig. 1. Amplasarea geografică și ortofotoplanul sitului de la Butuceni.

[1] Pentru cercetările anterioare a se vedea lucrările mai importante: Смирнов 1954; Arnăut 1996; Niculiță 1996; Niculiță, Teodor, Zanoci 1995; Niculiță, Teodor, Zanoci 1997; Niculiță, Teodor, Zanoci 2002.

Fig. 2. Promontoriul Butuceni, partea de vest. Ortofotoplan. Amplasarea secţiunilor trasate în perioada anilor 2013-2018.

– prima linie defensivă[2] este cea care, în partea de est, porneşte de la segmentul conservat în vârful promontoriului şi continuă spre vest, spre rămăşiţele valului din fâşia forestieră (fig. 3, segmentul ce leagă punctele 1 şi 2; Munteanu 2016, 237-238; Munteanu 2017, 79-81). Între aceste două repere nu a mai rămas nici urmă vizibilă de fortificaţie după intervenţiile masive în sol ce au fost întreprinse odată cu amenajarea podului. Nefiind cercetată deocamdată, analiza vizuală a fortificaţiei nu poate oferi multe informaţii. Ceea ce poate fi afirmat fără echivoc, însă, este caracterul viguros al sistemului defensiv, fără ca acesta să fie atribuit perioadei getice (deşi, în contextul datelor existente, bănuim că anume aşa este) sau oricărei alteia;
– a doua linie defensivă (*linia defensivă Vest nr. 2*) este cea care a fost identificată şi cercetată în diferite segmente pe parcursul anilor 2013 şi 2014 (fig. 3, segmentul ce leagă punctele 3 şi 4; Munteanu 2016a, 238-243; Munteanu 2016b, 23-24, Munteanu 2016c; Munteanu 2017a, 71-88; Munteanu 2017b, 44-46; Munteanu 2017c), dar şi în 2017-2018 (fig. 3, segmentul ce leagă punctele 3 şi 3A; Munteanu 2018). La nivelul actual de călcare ea este slab vizibilă, fiind posibilă delimitarea doar a valului, şanţul fiind afectat de intervenţiile în sol din perioada construcţiei podului de beton. Traiectoria acestei linii defensive poate fi urmărită cu ochiul liber dinspre malul Răutului, prin grădinile locuitorilor din Butuceni (este adevărat că începând de la o distanţă destul de importantă de albia râului) până la drumul de acces în sat, dar şi dincolo de acesta – spre interiorul promontoriului (drumul şi parcarea auto au tăiat din sistemul defensiv). Şi imediat după drum poate fi urmărit doar valul, căci, după toate observaţiile, şanţul antic s-ar afla pe locul actualului drum ce urcă în vârful promontoriului spre intrarea în mănăstirea rupestră. Observaţiile mai atente ce au fost făcute după cercetările din secţiunea nr. V, în care au fost clar stabilite urmele sistemului defensiv Vest nr. 2 şi dincolo de drum (Munteanu 2017a, 89, fig. 16), au oferit posibilitatea urmăririi structurii defensive mai înspre est. Ea avansează paralel cu valul vizibil din vârful promontoriului (linia defensivă Vest nr. 1) cam până în drept cu capătului acesteia, după care face curba spre sud, iar la scurtă distanţă de curbură dispare de la nivelul actual de călcare (fig. 3, segmentul marcat cu linie întreruptă ce porneşte de la punctul 4). Am admis, într-o anumită fază a cercetărilor, în calitate de ipoteză, că respectivul sistem defensiv ar putea avea formă circulară. Încercările de a urmări traiectoria fortificaţiei mai spre est, dincolo de spaţiul în care aceasta poate fi observată la nivelul actual de călcare (pe parcursul campanii arheologice din anul 2016), nu a dat rezultat. Renunţând la ipoteza formei circulare, am restrâns versiunea de lucru spre o formă semicirculară. Am admis, în acest sens, că aceeaşi linie defensivă ar putea avea o prelungire şi în partea de vest, având în vedere întreruperea artificială a sistemului defensiv, dar şi aglomeraţiile de piatră depistate de-a lungul râului (fig. 3, segmentul marcat cu linie întreruptă de la linia punctat-întreruptă amplasată mai la vest de punctul 3; Munteanu 2017a, 92-97, fig. 18-20). Mai mult, am admis că respectivele aglomeraţii de piatră ar putea sugera conexiunea liniei defensive Vest nr. 2 cu un alt segment de aglomeraţii de pietre ce a fost localizat mai înspre sud, perpendicular cu albia râului. Cercetările din anul 2015, însă au indicat prezenţa, în acel loc, a unui alt segment

[2] Pentru a evita orice confuzii în desemnarea liniilor defensive în partea de vest a promontoriului, vom utiliza pentru această linie, de aici încolo, termenul linia defensivă Vest nr. 1 or, este vorba de ceea ce predecesorii noştri au desemnat cu termenul de linia defensivă nr. 9. Toate celelalte segmente de fortificare care au fost identificate ulterior în partea vestică a promontoriului, le-am numerotat consecutiv folosind aceeaşi sintagmă: linia defensivă Vest nr. 2, nr. 3 etc.

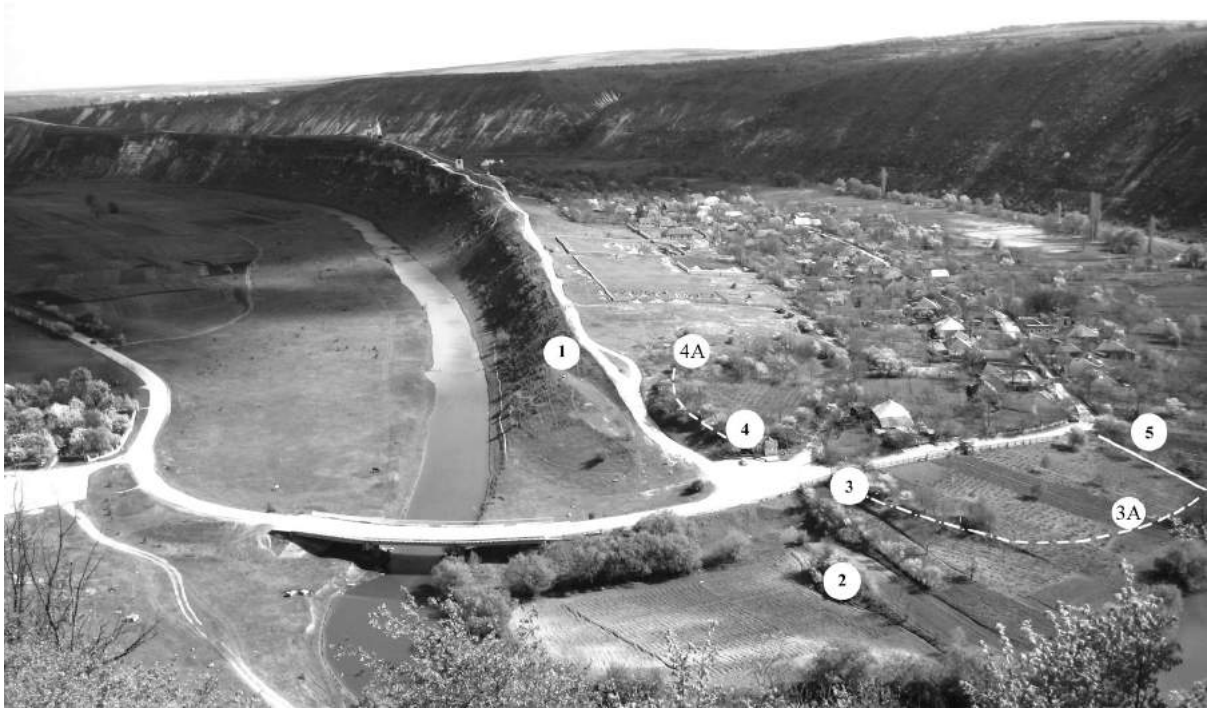


Fig. 3. Promontoriul Butuceni. Vedere generală dinspre nord-vest cu marcarea punctelor în care au fost identificate urme de fortificare (1-5). Linie întrerupt-punctată: traiectoria stabilită a liniei defensive; linie întreruptă: traiectoria ipotetică a sistemului defensiv

defensiv, diferit de linia Vest nr. 2 – linia defensivă Vest nr. 3. În acest fel, problema traiectoriei sistemului defensiv Vest nr. 2 rămânea una deschisă.

– cel de al treilea segment defensiv (*linia defensivă Vest nr. 3*), descoperit în anul 2015, a fost constituit din palisadă complexă şi şanţ adiacent amplasat în partea de nord a construcţiei (fig. 3, punctul 5 şi segmentul marcat cu linie dreaptă; Munteanu 2016a, 243-248; Munteanu 2017a, 96-102). Aceste concluzii s-au desprins din cercetările şi observaţiile privind dispunerea elementelor constitutive, a dimensiunilor acestora şi datelor stratigrafice care ne-au determinat să apreciem respectivele structuri drept gropi de par şi să le abordăm ca un tot întreg împreună cu şanţul. De remarcat lipsa bermei, care reprezintă o particularitate a acestui segment fortificat în raport cu linia defensivă Vest nr. 2.

Delimitând clar cele două linii defensive cercetate (nr. 2 şi nr. 3), ne-am pus problema traiectoriei şi corelării lor cronologice, la care vom reveni, însă, imediat după ce vom prezenta observaţiile privind elementele constitutive ale fortificaţiilor cercetate şi tehnicile utilizate pentru edificarea lor.

Elemente constitutive şi tehnici utilizate pentru ridicarea sistemelor defensive cercetate

Cercetările efectuate în anii 2013-2016 au oferit informaţie suficientă pentru a ne forma o imagine relativ clară cu privire la tehnicile utilizate pentru ridicarea sistemelor defensive cercetate. Totodată, trebuie să constatăm că există atât asemănări, cât şi deosebiri ale elementelor caracteristice ce definesc segmentul defensiv Vest nr. 3 (cercetat în anul 2015) şi cele cercetate în anii anteriori în cadrul sistemului defensiv Vest nr. 2. Astfel, *la capitolul asemănări consemnăm următoarele*:

– atât la sistemul defensiv Vest nr. 3, cât şi la linia defensivă Vest nr. 2, avem aceleaşi componentele de bază: palisadă complexă şi şanţ adiacent;
– şi într-un caz şi în altul se observă utilizarea aceloraşi materii prime: deopotrivă cu utilizarea masivă a lemnul şi pământului, piatra a fost parte componentă distinctă a construcţiilor de apărare;
– în ambele cazuri s-au identificat urmele gropilor pentru parii de lemn;
– în ambele cazuri gropile formau aliniamente;

– și într-un caz și în altul piatra utilizată nu este prelucrată;
– în ambele situații nu a fost folosit vreun fel de mortar pentru fixarea pietrelor.

Și la capitolul deosebiri vom sesiza un șir de indici:

– în primul rând, de atenționat asupra lipsei anumitor elemente constitutive ale sistemului defensiv în cadrul fortificației Vest nr. 3. Astfel, în cazul segmentelor cercetate din linia defensivă nr. 2 avem clar delimitată berma, pe când în cazul liniei defensive nr. 3, ea este lipsă;
– în fortificarea liniei defensive nr. 2 se observă utilizarea unei cantități foarte mari de piatră, pe când în cazul liniei defensive nr. 3 – nu a fost sesizată o astfel de situație (de altfel, și dimensiunile pietrelor utilizate diferă în favoare segmentelor defensive ale liniei defensive nr. 2);
– cantitatea de piatră utilizată ne sugerează că și elementele edificării sistemului defensiv au fost diferite. Astfel, în cazurile liniei defensive nr. 2 a fost posibilă urmărirea unui tablou mai mult sau mai puțin unitar, fortificația reprezentând o palisadă complexă formată din 3 aliniamente. Un aliniament realizat preponderent din piatră era amplasat dinspre incintă, la care se adăugau altele două realizate din lemn (pari îngropați, fortificați cu piatră). În cazul descoperirilor din linia defensivă nr. 3 utilizarea pietrei poate fi admisă doar pentru fortificarea componentelor din lemn și în componența emplectonului.

Traiectoria liniilor defensive, corelația dintre ele și obiectivele cercetării

Traiectoria liniei defensive Vest nr. 1 ne este relativ clară. Ea are orientarea est-vest, cu o ușoară înclinare pe axa SE - NV. Nu ne sunt clare deocamdată limitele vestice, dar, având în vedere că în cadrul acestui articol respectiva linie defensivă nu face subiectul analizei, nu vom stărui asupra detaliilor.

Traiectoria liniei defensive Vest nr. 2 a suportat diferite abordări de-a lungul celor cinci ani de investigații. Mai întâi am admis forma circulară a acesteia, la care, însă, am renunțat după un șir de verificări. O doua ipoteză – cea privind forma semicirculară, prin conexiunea liniei defensive Vest nr. 2 cu aliniamentele de piatră aflate mai la sud (fig. 3, traiectoria pe punctele 4, 3, și 5) a fost abandonată și ea, aliniamentul respectiv constituind urmele unei linii defensive distincte (linia defensivă Vest nr. 3; Munteanu 2016, 248-250; Munteanu 2017, 98-103). Amintim că atât șanțul liniei defensive Vest nr. 2, cât și șanțul liniei defensive Vest nr. 3, se află la nord de palisadă, or linia defensivă Vest nr. 3 are spațiul extra-mural orientat spre zona intra-murală a liniei defensive Vest nr. 2. În această situație, se desprinde limpede concluzia că respectivele segmente defensive, chiar dacă ar fi sincrone, nu ar putea fi percepute ca o singură linie defensivă cu caracter circular/semicircular, așa cum am admis într-o etapă anterioară.

Excluzând conexiunea între cele două linii de fortificare, nu am exclus, însă, caracterul semicircular al liniei defensive Vest nr. 2. În favoarea menținerii respectivei ipoteze un rol decisiv l-au avut meditațiile privind aglomerațiile de piatră depistate la suprafața actuală a solului de-a lungul râului (fig. 3, segmentul marcat cu linie punctat-întreruptă), pe de o parte, dar și caracterul artificial al întreruperii urmelor defensive în partea de vest (e vorba de o certă intervenție actuală în contextul extinderii spațiului pus în circuit agricol).

Cercetările din anul 2017-2018: scop, sarcini, acțiuni și rezultate

După cum menționasem chiar de la începutul textului, printre obiectivele de bază ale investigațiilor realizate în vara anului 2017, iar apoi și în anul 2018, prioritară a fost încercarea delimitării traiectoriei liniei defensive Vest nr. 2. În capătul de est, unde cercetările anului 2016 nu au dat rezultate, am decis să oprim cercetările, axându-ne pe latura de vest, acolo, unde perspectiva înțelegerii subiectului era mai vizibilă, în special în contextul celor doi indicatori deja prezentați: întreruperea artificială a segmentului fortificat și existența unui segment important de teren în care se observau aglomerații de pietre.

Menținând ipoteza traiectoriei semicirculare, neam propus s-o verificăm prin trasarea unor secțiuni care ar străbate, pe axa est-vest, teritoriul amplasat mai la sud de urmele vizibile ale liniei defensive Vest nr. 2. În acest fel, ar fi devenit posibil de clarificat, pe de o partea, dacă linia defensivă tinde spre o formă semicirculară, iar pe de alta – să lămurim care este traiectoria acestei linii defensive, deocamdată ipotetice.

Totodată, un alt obiectiv al cercetărilor, urma să verifice spațiul aflat mai la nord de șanțul liniei

defensive Vest nr. 3. Această acţiune a fost determinată de unele incertitudini care s-au strecurat în interpretarea sistemului defensiv nr. 3, dar şi de acele neconcordanţe ale amplasării şanţurilor între liniile defensive Vest nr. 2 şi Vest nr. 3 (având în vedere posibila traiectorie circulară a fortificaţiei). În acest sens, din punct de vedere teoretic, putea fi admisă existenţa unor elemente defensive inclusiv în partea de nord a şanţului Vest nr. 3, care ar fi putut reprezenta un tot întreg cu acesta şi care ar fi putut oferi o altă explicaţie decât cea pe care am oferit-o la moment. Atâta timp cât lucrurile nu erau verificate, plana suspiciunea unor posibile reinterpretări, îndemnându-ne să excludem orice duplicităţi.

Primele trei secţiuni trasate în anul 2017 (S X, S XI şi S XII), care au avut menirea să verifice situaţia în dreptul limitei vizibile ale sistemului defensiv nr. 2 (fig. 2; Munteanu 2018), nu au oferit urme de fortificare, redimensionând meditaţiile asupra posibilei organizări de apărare ale spaţiului. Astfel, în condiţiile verificărilor realizate, una dintre cele mai plauzibile ipoteze împingea traiectoria liniei defensive nr. 2 tocmai spre malurile râului (fig. 3). Am admis că aceasta ar putea să ajungă până în imediata apropiere a râului, iar de acolo să-şi schimbe traiectoria spre sud, de-a lungul malului, fără să ne fie clar, la această etapă, până unde ar putea ajunge (eventual, spre o posibilă joncţiune cu elementele defensive descoperite în anul 2015 – linia defensivă Vest nr. 3, în cazul în care s-ar dovedi că există construcţii defensive mai la nord de şanţ ?).

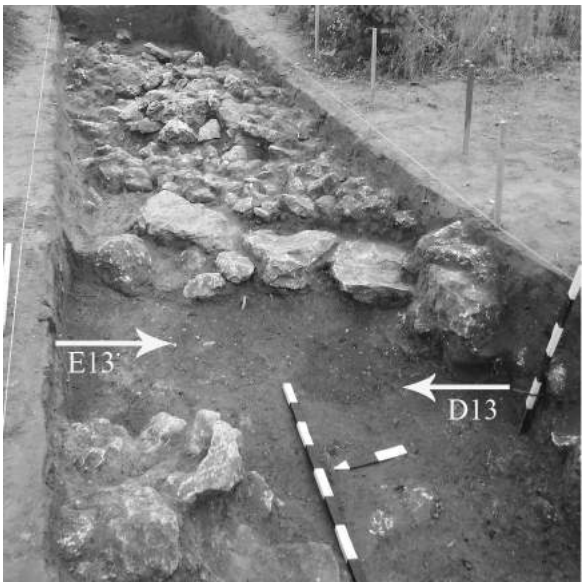
Pentru a verifica ipoteza de lucru, am decis să trasăm o secţiune puţin mai la sud-vest de locul unde

Fig. 4. Microregiunea Orheiul Vechi – rezultatele prospecţiunilor Lydar (după Musteaţă, Popa, Voß 2017).

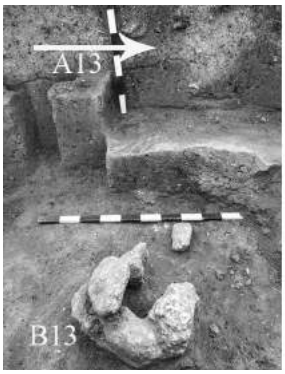
linia defensivă Vest nr. 2 dispărea de la nivelul actual de călcare (fig. 2, S XIII). Decizia a fost determinată şi de observaţiile asupra respectivului teren imediat după ce în acea zonă s-a intervenit pentru eliberarea unui segment din plantaţia de viţă-de-vie. Observaţiile au scos la lumina zilei unele aglomeraţii de piatră, ale căror repartizare în teren ofereau un tablou asemănător celui din spaţiile aceleiaşi linii defensive în care cu certitudine au fost stabilite elementele de fortificare, confirmând, astfel, logica traiectoriei dedusă din observaţiile vizuale anterioare, dar şi valabilitatea ipotezei de lucru. La aceste observaţii se vor mai adăuga şi imaginile Lydar, pe care am ajuns să le vedem, însă, deja după cercetările întreprinse şi care au confirmat atât ipoteza de lucru, cât şi rezultatele obţinute, cel puţin în partea aflată în vizorul cercetărilor din anii 2017-2018 (fig. 4).

În acest fel, Secţiunea XIII a fost localizată mai înspre sud-vest de limitele vizibile ale liniei defensive Vest nr. 2, fiind orientată E-V, aproape

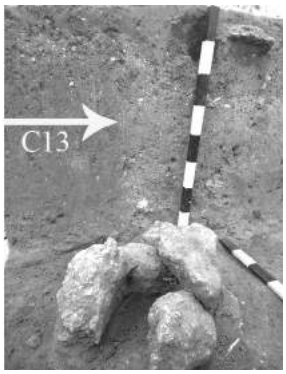
Fig. 5. Vedere generală dinspre vest asupra secţiunii nr. 14 la nivelul descoperirii aglomeraţiilor de piatră.



1



2



3

Fig. 6. Vedere asupra aliniamentelor de gropi: 1 - gropile din primul aliniament: D13 şi E13; 2 - gropile din al doilea aliniament: A13 şi B13; 3 - gropile din al doilea aliniament B13 şi C13.

perpendicular pe albia râului şi ajungea până în imediata apropiere a acestuia (fig. 2, S XIII). Din punctul cu coordonatele Lat. 47.182477708, Long. 28.573830551, Alt. 53.888, secţiunea a fost extinsă cu 20 m spre vest (spre albia râului) şi cu 1 m spre sud, formând o suprafaţă rectangulară cu dimensiunile de 20×1 m, respectiv de 20 m² (fig. 5). În urma cercetărilor, la lumina zilei au fost scoase urmele unui şir de construcţii şi amenajări care pot fi puse în legătură cu edificarea sistemului defensiv ce ajungea până în imediata apropiere a apei.

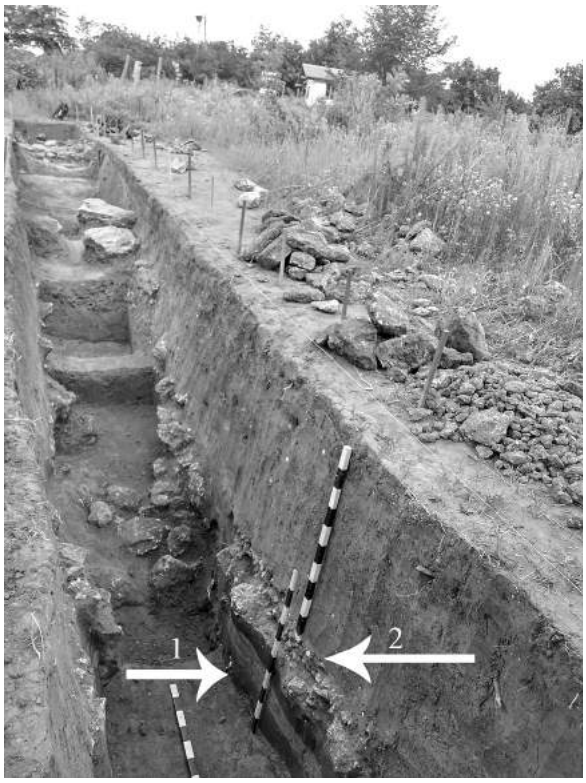
În primul rând, atragem atenţia la aglomeraţia de piatră care s-a conturat pe o suprafaţă cu lungimea ce depăşeşte 5 m. Multe dintre pietrele descoperite erau de dimensiuni mari (0,4×0,3×0,2 m) (fig. 5). La distanţa de circa 3-3,5 m mai înspre vest de prima aglomeraţie de pietre (mai înspre albia râului), putea fi urmărită o a doua, dar pe o lungime mai mică.

În al doilea rând, de reţinut că la marginea vestică a aglomeraţiei amintite, au fost descoperite cel puţin 2 şiruri de gropi aşezate în linii paralele pe axa N-S (fig. 6/1-3). Gropile aveau diametrul de circa 0,38-0,5 m, iar adâncimea lor varia de la 0,42 m la 0,54 m. În umplutura gropilor, mai aproape de fundul a două dintre ele au fost descoperite pietre de dimensiuni mai mici.

În al treilea rând, descoperirea unui şanţ umplut cu pietre (fig. 7/1, 2), care este amplasat la o distanţă de 3 m de la limita exterioară a gropilor de pari, formând, în acest fel, loc pentru bermă, reprezintă elemente suplimentare care definesc prezenţa sistemului defensiv (regăsite şi în alte segmente cercetate anterior ale respectivei linii defensive). Astfel, se conturează existenţa unei construcţii din lemn, piatră şi pământ, precedate de un şanţ despărţit prin bermă. Să urmărim detaliile tabloului.

Amenajări ale sistemului defensiv: şanţul

Şanţul (fig. 7/1, 2) a fost identificat începând de la intersecţia carourilor A10 şi A11 a secţiunii XIII şi putea fi urmărit cu certitudine până în caroul A15. Revărsarea râului, dar şi intervenţiile ulterioare în spaţiul şanţului, au eliminat orice posibilităţi de stabilire exactă a parametrilor dimensionali în segmentul cercetat, în special în partea de vest. Ceea ce a putut fi constatat cu certitudine este că deschiderea şanţului dinspre partea estică începea



1

2

Fig. 7. Vederi dinspre vest asupra şanţului umplut cu pietrele scurse din construcţia defensivă: 1, 2 - diferite faze de cercetare.

la adâncimea de 0,2 m de la nivelul actual de călcare (intersecţia carourilor A10 şi A11). Din acel punct, şanţul cobora sub un unghi de circa 30 de grade pe o lungime de aproximativ 3 m, după care unghiul brusc se accentua, şanţul fiind posibil de urmărit pe o porţiune de încă 2 m. În perimetrul primilor 3 m şanţul se adâncea maximum până la 1,3 m de la nivelul actual de călcare (or 1,56 m de la nivelul deschiderii şanţului), iar în următorii 2 m adâncimea cobora până la 2,54 m de la nivelul actual de călcare, or 2,8 în raport cu nivelul deschiderii şanţului. Traiectoria şanţului din acel punct spre vest nu a mai putut fi urmărită din două considerente: pe de o parte este vorba de procesele de revărsare ale Răutului (fig. 7, săgeata 1), iar pe de alta – de intervenţiile ulterioare ce au fost realizate în perioada modernă (fig. 7, săgeata 2). Inundaţiile succesive au rupt malul şanţului dinspre vest, acoperind fundul acestuia cu un strat gros de mâl ce alterna cu lentile de nisip (fig. 7, săgeata 1).

Făcând bilanţul celor prezentate, constatăm existenţa unui şanţ care, în perimetrul spaţiului cercetat, era orientat pe axa nord-sud şi care a fost săpat de la nivelul stratului de pietriş ce coincide cu orizontul getic. Dimensiunile acestuia la nivelul deschiderii pot fi doar deduse, ele fiind de minim 7 m. Adâncimea maximă a şanţului coboară până la 2,8 m în raport cu nivelul de la care a fost săpat şanţul în partea de est. Forma şanţului nu poate fi restabilită exact, decât în partea ei de est unde pantele sunt relativ line până la 1,5 m, după care acestea capătă o accentuare mai pronunţată până la fundul şanţului. Practic toată partea de est a şanţului (cea dinspre incintă) a fost umplută cu pietre, dimensiunile unora fiind destul de consistente (fig. 7/1, 2).

Construcţii ale sistemului defensiv

Situaţia atestată în procesul cercetărilor oferă un şir de indici care trebuie luaţi în seamă în procesul de analiză şi reconstituire a elementelor construcţiei defensive, pe care îi prezentăm în cele ce urmează.

În primul rând, pornim de la aglomeraţia de pietre, care a fost atestată pe o suprafaţă de circa 7 m la nivelul superior al descoperirii. Pietrele erau preponderent de dimensiuni medii şi mari, printre ele fiind descoperite şi anumite exemplare de di-

Fig. 8. Vedere dinspre sud-vest asupra aglomeraţiei de pietre din construcţia fortificaţiei cu primul parament în prim-plan (fază a cercetării).

mensiuni mai mici (fig. 8). În spaţiul vestic al aglomeraţiei, pietrele erau practic la suprafaţă (fapt datorat intervenţiei buldozerului care a eliberat o parte din spaţiul plantat cu viţă-de-vie). Stratul de pietre avea grosimea ce varia între 0,3 şi 0,4 m. În procesul de decapare s-a constat că pietrele păstrate *in situ* ocupau o suprafaţă cu lăţimea de circa 2 m şi constituiau urmele unei construcţii, restul fiind rezultatul prăbuşirii construcţiei propriu zise. Pietrele s-au scurs atât în direcţia extra-muros (ajungând, preponderent în şanţ), cât şi în direcţia intra-muros (pe o distanţă de circa 4-5 m). De luat în seamă modul în care au fost aranjate pietrele. Înainte de a realiza construcţia, a fost adâncită suprafaţa de călcare cu aproximativ 0,2 m şi în limitele viitoarei construcţii s-a aşternut un strat argilo-nisipos cu grosimea de 0,12-0,15 m (fig. 8; 9). Abia pe acest strat au fost depuse pietrele, care, după toate, formau două paramente. Cel puţin unul este foarte clar vizibil (cel dinspre spaţiul extra-mural), fiind constituit, la bază, din plăci mari de piatră care erau neprelucrate, dar selectate pentru forma şi dimensiunile sale şi dispuse în linie dreaptă (fig. 8). Construcţia din piatră nu a păstrat urme de liant. Linia paramentului era amplasată oblic pe secţiunea trasată, sugerând foarte clar conexiunea cu urmele fortificaţiei vizibile şi astăzi la suprafaţă actuală a solului. Traiectoria sistemului defensiv, în această zonă, făcea o curbă destul de pronunţată spre sud-vest. De altfel şi al doilea parament putea fi relativ uşor sesizat, fiind paralel cu primul. Între cele două paramente au fost descoperite pietre care aveau dimensiunile ceva mai mici.

În al doilea rând trebuie atenţionat asupra identificării unui şir de gropi de par. În total au fost descoperite 5 structuri certe, acestea fiind amplasate pe două aliniamente: una dintre ele, constituită din două gropi (fig. 6/1), se afla la intersecţia carourilor A5-A6 (în apropierea construcţiei de piatră) şi o a doua – la intersecţia carourilor A7-A8, la distanţa de circa 1,4-1,5 m de primul aliniament, fiind constituită din trei gropi (fig. 6/2, 3). Pentru a le delimita de gropile menajere, le-am marcat, pe măsura descoperirii, cu litere latine majuscule, începând de la litera A. Totodată, având în vedere că numerotarea gropilor de la alte segmente ale liniei defensive a fost realizată tot cu litere latine majuscule, pentru sistemul defensiv din S XIII am alăturat literei şi cifra 13 arabă. Astfel, complexele ce reprezintă parte componentă a sistemului defensiv au fost numerotate începând cu A13, mergând spre B13, C13 etc. Vom prezenta în cele ce urmează caracteristicile celor cinci complexele amintite.

Aliniamentul din carourile A5-A6. Gropile acestui aliniament (două la număr) au fost amplasate la distanţa de 0,2-0,25 m de la paramentul extramural al construcţiei de piatră.

Groapa D13 (fig. 6/1). A fost descoperită în caroul A6, la adâncimea de 0,3 m, fiind cercetată integral. Conturul gropii a fost surprins foarte clar pe fundalul solului de culoare brun-gălbuie. La nivelul descoperirii, groapa avea forma aproape circulară, uşor alungită pe axa N-S, cu dimensiunile de 0,42-0,38 m. De la nivelul descoperirii groapa se adâncea cu 0,12 m, îngustându-se uşor la fund. Având în vedere nivelul la care a fost descoperită groapa, admitem că adâncimea ei era nu mai mică decât 0,42m, dar, în contextul intervenţiilor de la suprafaţa solului, care au scos un strat greu apreciabil ca grosime, adâncimea gropii ar putea fi şi mai mare. Urme de lemn sau arsură nu au fost descoperite.

Groapa E13 (fig. 6/1). A fost descoperită la intersecţia caroului A5 şi A6, la adâncimea de 0,3 m, fiind cercetată integral. Conturul gropii a fost

Fig. 9. Vedere dinspre sud-est asupra aglomeraţiei de pietre din construcţia fortificaţiei (fază a cercetării).

surprins foarte clar pe fundalul solului de culoare brun-gălbuie, la distanţa de 0,28 m mai înspre nord-est de groapa D13. La nivelul descoperirii, groapa avea forma neregulată, apropiată de una circulară, uşor alungită pe axa N-S, cu dimensiunile de 0,44-0,38 m. De la nivelul descoperirii groapa se adâncea cu 0,1 m, uşor îngustându-se la fund. Având în vedere nivelul la care a fost descoperită groapa, admitem că adâncimea ei era nu mai mică decât 0,4m, dar, în contextul intervenţiilor de la suprafaţa solului, care au scos un strat greu apreciabil ca grosime, adâncimea gropii ar putea fi şi mai mare. Urme de lemn sau de arsură nu au fost descoperite.

Aliniamentul din carourile A7-A8. Gropile acestui aliniament (trei la număr) au fost amplasate la distanţa de 1,4-1,5 m de la aliniamentul din carourile A5-A6.

Groapa A13 (groapă de par) (fig. 6/2). A fost descoperită la intersecţia caroului A7 şi A8, la adâncimea de 0,27 m, fiind observată doar în profilul de sud a secţiunii. Groapa avea, după toate, forma circulară, cu diametrul pe axa profilului de 0,48 m la nivelul superior. Pereţii gropii erau uşor înclinaţi spre interior, coborând până la adâncimea de 0,51 m de la nivelul descoperirii. Fundul gropii avea diametrul de 0,38 m de-a lungul profilului. Umplutura gropii era constituită din sol amestecat cu pietriş. Urme de lemn sau arsură nu au fost descoperite.

Groapa B13 (groapă de par) (fig. 6/2, 3). A fost descoperită la intersecţia caroului A7 şi A8, la adâncimea de 0,64 m, fiind cercetată integral. Conturul gropii nu a fost surprins foarte clar, dar delimitarea exactă a complexului a fost posibilă graţie umpluturii acestuia. Groapa era umplută cu pietre, iar pe centrul ei s-a păstrat spaţiul gol în care fusese introdus parul. Groapa avea forma circulară, cu diametrul de 0,47-0,5 m. Diametrul spaţiului liber, respectiv dimensiunile parului, erau de 0,23 m. Urme de lemn sau arsură nu au fost descoperite.

Groapa C13 (groapă de par) (fig. 6/3). A fost descoperită în caroul A7, la adâncimea de 0,3 m de la nivelul actual de călcare, fiind observată doar în profilul de nord al secţiunii. Groapa avea, după toate, forma circulară în partea superioară, cu diametrul pe axa profilului de 0,48 m. Pereţii gropii erau uşor înclinaţi spre interior, coborând până la adâncimea de 0,54 m. Fundul gropii avea diametrul de 0,4 m de-a lungul profilului. Umplutura gropii era constituită din sol amestecat cu pietriş. Urme de lemn sau arsură nu au fost descoperite.

Concluzii

În urma cercetărilor din anul 2017-2018, putem afirma cu certitudine că, în partea de vest, linia defensivă identificată în anul 2013 (linia defensivă Vest nr. 2), deosebită de cea cunoscută anterior (linia defensivă Vest nr. 1), nu se opreşte în punctul în care dispare vizibilitatea ei la suprafaţa solu-

lui. Ea continuă spre albia râului, făcând o curbă în direcţie sud-vestică şi ajunge până în imediata apropierea a apei, după care coteşte spre sud, de-a lungul acesteia (fig. 3, linia care uneşte punctele 3A şi 4A, trecând prin punctele 3 şi 4). Această traiectorie care urmează cursul apei este clar sugerată de aglomeraţiile de piatră ce se vedeau la suprafaţa solului după intervenţia buldozerului şi care aveau conexiune perfectă cu descoperirile din anul 2018.

Elementele constitutive ale liniei defensive Vest nr. 2 din apropierea albiei râului sunt, în linii mari, asemănătoare elementelor cercetate în alte segmente ale aceleiaşi fortificaţii. Totodată, se întrezăresc anumite particularităţi care ne demonstrează că nu peste tot, în cadrul aceliaşi linii defensive, au fost utilizate tehnici identice. În cazul ultimelor cercetări se remarcă existenţa acelei construcţii din piatră cu două paramente, unul dintre care se evidenţiază prin acurateţea selectării şi aranjării pietrelor. În acelaşi context, de remarcat existenţa unui singur şanţ, fapt observat ulterior şi pe imaginea Lydar (fig. 4), ceea ce ar confirma selectarea diferitor strategii de fortificare a spaţiului, în dependenţă de factorii ambientali. Fără a intra în discuţii aprofundate, atragem atenţia la configuraţia terenului şi a râului (fig. 2), care se dovedesc a fi definitorii în alegerea modalităţilor de fortificare. Astfel, dinspre nord, acolo unde sunt amenajate două şanţuri, terenul este mai deschis, respectiv mai accesibilă avansarea. Dinspre vest, acolo unde avem prelungită linia defensivă până la râu, cu o curbură de-a lungul acestuia – avem bariera râului, dar, totuşi, dincolo de râu se deschide un spaţiu larg în care se poate manevra relativ uşor. În fine, acolo, unde pe imaginea Lydar dispare linia defensivă, albia râului avansează tocmai până aproape de stâncă, astfel încât pericolul avansării pe această cale este redus la maximum).

Observaţiile de pe imaginea Lydar a microzonei sunt în totală concordanţă cu observaţiile de teren, dar şi cu cercetările realizate în anii 2017-2018. Totodată, ipoteza anterioară privind continuarea liniei defensive mai înspre sud şi eventuala ei conexiune cu urmele defensive cercetate în anul 2015 (fig. 3, conexiunea liniei întrerupte de la punctul nr. 3 cu linia dreaptă de la punctul 5), pare a fi una epuizată şi considerăm oportun să renunţăm la ea. Faptul se datorează, în primul rând, discordanţelor ce sunt atestate în orientarea respectivelor linii defensive. Amintim, în acest sens, că linia defensivă Vest nr. 3 are spaţiul extra-mural orientat spre zona intra-murală a liniei defensive Vest nr. 2. De mai menţionat că în vara anului 2018, aşa după cum ne-am propus, am întreprins un sondaj în imediata apropiere a şanţului de la sistemului defensiv Vest nr. 3 dinspre partea de nord (fig. 2, S XIV). Acesta a fost determinat de verificarea unei eventuale existenţe a elementelor defensive, în partea opusă a şanţului, fapt neconfirmat, ceea ce tranşează ideea a două linii total diferite (linia defensivă Vest nr. 2 şi nr. 3). În al doilea rând, de pe imaginea Lydar, pe care am consultat-o deja după cercetările din vara anului 2017, nu se deduce prelungirea liniei defensive Vest nr. 2 până la linia defensivă Vest nr. 3 (fig. 4), respectiv nu se observă conexiunea dintre anomalii – în cazul de faţă a celor ce reprezintă urmele sistemului defensiv cercetat în anul 2015, linia defensivă Vest nr. 3 şi a celui cercetat de-a lungul anilor, inclusiv în 2018– linia defensivă Vest nr. 2.

În acest fel, dincolo de anumite progrese în stabilirea modalităţilor de fortificare a limitei vestice a promontoriului Butuceni, rămân nedesluşite mai multe aspecte. În mod particular, vorbind de linia defensivă Vest nr. 2, rămân a fi nelămurite problemele privind limitele fortificaţiei atât dinspre sud, cât şi dinspre est. Rămân a fi sub semn de întrebare mai multe aspecte ce ţin de linia defensivă Vest nr. 3: ce spaţiu protejează, ce traiectorie are şi cum se corelează cu fortificaţia delimitată de linia defensivă Vest nr. 2 şi prin ce se explică o astfel de organizare a spaţiului fortificat? Un alt subiect care rămâne a fi verificat, în special în contextul analizei Lydar, este modul în care cele două şanţuri din partea nordică a liniei defensive Vest nr. 2 făceau joncţiune în zona apropierii de albia râului. Evident, studierea liniei defensive Vest nr. 1 rămâne a fi un deziderat de perspectivă, care necesită o strategie separată şi care ar putea fi mai bine stabilită doar când vor fi mai mult sau mai puţin clare situaţiile enumerate mai sus.

Bibliografie

Arnăut 1996: T. Arnăut, Arheologul G.D. Smirnov şi unele probleme de concepţie privind istoria mil. I î.e.n. Tyragetia III, 1996, 275-281.

Munteanu 2015: O. Munteanu, Raport tehnico-ştiinţific privind cercetările arheologice realizate în anul 2014 în situl getic Butuceni, raionul Orhei (Chişinău 2015). Arhiva MNIM.

Munteanu 2016a: O. Munteanu, Noi descoperiri defensive în partea de vest a promontoriului Butuceni. Tyragetia s.n. X/1, 2016, 237-252.

Munteanu 2016b: O. Munteanu, Fortificaţia getică Butuceni: 3 ani de la revenire. In: Sesiunea ştiinţifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală şi Arheologie a USM. Program şi rezumate, ediţia a III-a (Chişinău 2016), 23-24.

Munteanu 2016c: O. Munteanu, Raport tehnico-ştiinţific privind cercetările arheologice realizate în anul 2015 în situl getic Butuceni, raionul Orhei (Chişinău 2016). Arhiva MNIM.

Munteanu 2017a: O. Munteanu, Butuceni: general and particular features of the defense system from the west side of promontory. In: (Eds. A. Zanoci, V. Sîrbu, M. Băţ) Iron Age fortifications on the Tisa-Dniester space. Proceeding of Saharna Summer Colloquium, July 14th-17th 2016 (Chişinău-Brăila 2017), 65-113.

Munteanu 2017b: O. Munteanu, Cercetările arheologice de la Butuceni în anul in 2016. In: Cercetări Arheologice în Republica Moldova. Campania 2016. Sesiunea Naţională de Rapoarte. 24 mai 2017. Program şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2017), 44-46.

Munteanu 2017c: O. Munteanu, Raport tehnico-ştiinţific privind cercetările arheologice realizate în anul 2016 în siturile Butuceni şi Orheiul Vechi, raionul Orhei (Chişinău 2017). Arhiva MNIM.

Munteanu 2018: O. Munteanu, Raport tehnico-ştiinţific privind cercetările arheologice realizate în anul 2017 în situl getic Butuceni-Vest, raionul Orhei (Chişinău 2018). Arhiva MNIM.

Munteanu et al. 2014: O. Munteanu, V. Paşa, S. Popovici, V. Iarmulschi, Raport tehnico-ştiinţific privind cercetările arheologice preventive realizate în anul 2013 pe teritoriul rezervaţiei cultural-naturale „Orheiul Vechi" (Chişinău 2014). Arhiva MNIM.

Munteanu, Iarmulschi, Popovici 2014: O. Munteanu, V. Iarmulschi, S. Popovici, Preliminarii privind cercetările arheologice la Butuceni în anul 2013, raionul Orhei. Arheologia Preventivă în Republica Moldova I/1-2, 2014, 55-67.

Munteanu, Moraru 2015: O. Munteanu, S. Moraru, Remodelarea sistemului defensive getic de pe promontoriul Butuceni. In: Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor. Conferinţa ştiinţifică internaţională, ed. VII-a, Chişinău 26-28 mai 2105. Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2015), 33.

Munteanu, Moraru, Vetrilă 2015: O. Munteanu, S. Moraru, M. Vetrilă, Cercetările arheologice din anul 2014 în situl fortificat de la Butuceni, r-nul Orhei. Arheologia preventivă în Republica Moldova II, 2015, 33-42.

Musteaţă, Popa, Voß 2017: S. Musteaţă, A. Popa, H.-U. Voß, Non-Invasive Archaeology in the Republic of Moldova — an example of multidisciplinary approach and international partnership, Internet Archaeology 43. https:/doi.org/10.11141/ia.43.4

Niculiţă 1996: I. Niculiţă, Habitatul traco-getic de la Butuceni. Thraco-Dacica XVII/1-2, 1996, 139-167.

Niculiţă, Zanoci 1999: I. Niculiţă, A. Zanoci, Les vestiges du type Saharna-Solonceni decouverts sur le promontoire de Butuceni. Thraco-Dacica XX, 1999, 135-142.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 1995: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Săpăturile arheologice de la Butuceni, raionul Orhei, 1993-1994. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, I (Bucureşti 1995), 472-490.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 1997: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Săpăturile arheologice de la Butuceni, raionul Orhei, 1995-1996. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, II (Bucureşti 1997), 292-339.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (Bucureşti 2002).

Смирнов 1954: Г.Д. Смирнов, Археологические исследования Старого Орхея. КСИА 56, 1954, 26-34.

The Getic defensive system of Butuceni-West: details regarding the West No. 2 defensive line trajectory

Keywords: Getic fortifications, defensive lines, complex palisade, berm, defensive ditch, semicircular trajectory.

Abstract: As a result of preliminary research conducted in Butuceni in 2013, information was obtained on the organization of a defensive system that proved to be totally different from those that were known until that time. The discoveries made predetermined the continuation of the field work, which was carried out until 2018 and is still far from completion. New defensive lines were discovered and investigated; their configuration, correlation and synchronization are far from completion, and this determines the minimum set of tasks that need to be solved. One of the key issues considered in 2017–2018 was to explain the possible trajectory of the Butucen-West No. 2 defensive line. The working hypothesis, which implied a semicircular trajectory of the fortification, was confirmed by the results obtained from several test pits. These studies have revealed the remains of a complex palisade (consisting of two rows of pillar pits and a stone wall), a berm and a ditch filled with stones from a destroyed fortification structure.

List of illustrations:

Fig. 1. Geographical location and the orthophotomap of the Butuceni site.

Fig. 2. The western side of the Butuceni Promontory. Orthophotomap. Location of the excavations made during the period of 2013-2018.

Fig. 3. Butuceni Promontory. Northwest general view with marks where signs of fortification were identified (1-5). Interrupted dashed line: defined defensive line trajectory; interrupted line: a hypothetical trajectory of the defensive system.

Fig. 4. Old Orhei – the LIDAR survey results (after Musteață, Popa, Voß 2017).

Fig. 5. General view from the west to the excavation no. 14 at the level of discovery of the stone agglomerations.

Fig. 6. View of the linear arrangement of pillar pits: 1 - pits of the first line: D13 and E13; 2 - the pits of the second line: A13 and B13; 3 - the pits of the second line B13 and C13.

Fig. 7. A view from the west of a ditch filled with stones from a defensive structure: 1, 2 - different stages of research.

Fig. 8. A view from the southwest of the stone agglomeration that formed the defensive structure (the stone base in the foreground, the stage of research).

Fig. 9. A view from the southeast of the stone agglomeration that formed the defensive structure (the stage of research).

Гетская оборонительная система Бутучень-Вест: уточнения относительно траектории оборонительной линии Вест № 2

Ключевые слова: гетские укрепления, оборонительные линии, комплексный палисад, берма, оборонительный ров, полукруглая траектория.

Резюме: В результате предварительных исследований, проведенных в Бутучень в 2013 году, была получена информация об организации оборонительной системы, которая полностью отличалась от тех, что были известны до этого времени. Сделанные открытия предопределили продолжение полевых работ, которые проводились вплоть до 2018 года и еще далеки от завершения. Были открыты и исследованы новые оборонительные линии, конфигурация, корреляция и синхронизация которых далеки от завершения, и этим определяется минимальный набор задач, которые необходимо решить. Один из ключевых вопросов, рассматривавшихся в 2017-2018 годах, заключался в том, чтобы объяснить возможную траекторию оборонительной линии Бутучень-Вест № 2. Рабочая гипотеза, согласно которой конфигурация укрепления была полукруглой, была подтверждена полученными результатами из нескольких проверочных шурфов. В результате исследования перед нами предстали следы комплексного палисада (состоящего из двух рядов столбовых ям и каменной стены), бермы и рва, заполненного камнями из разрушенной фортификационной конструкции.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Географическое расположение и ортофотоплан памятника Бутучень.

Рис. 2. Западная сторона мыса Бутучень. Ортофотоплан. Расположение раскопов исследованных в период 2013-2018 гг.

Рис. 3. Бутученский мыс. Северо-западный общий вид с отметками, где были обозначены признаки укрепления (1-5). Прерванная пунктирная линия: установленная траектория оборонительной линии; прерванная линия: гипотетическая траектория оборонительной системы.

Рис. 4. Микрорайон Старый Орхей – результаты сканирования Лидар (по Musteață, Popa, Voß 2017).

Рис. 5. Общий вид с запада на раскоп № 14 на уровне обнаружения каменных скоплений.

Рис. 6. Вид на линейное расположение столбовых ям: 1 - ямы первой линии: D13 и E13; 2 - ямы второй линии: A13 и B13; 3 - второй линии: B13 и C13.

Рис. 7. Вид с запада на ров, заполненный камнями из оборонительного сооружения: 1, 2 - разные фазы исследований.

Рис. 8. Вид с юго-запада на скопление камней, составлявших оборонительную структуру (каменная основа на переднем плане, этап исследования).

Рис. 9. Вид с юго-востока на скопление камней, составлявших оборонительную структуру (этап исследования).

05.09.2018

Dr. Octavian Munteanu, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, str. Ion Creangă nr. 1, MD-2069, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ocmunteanu@gmail.com

Nicolae Batog, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, str. Ion Creangă nr. 1, MD-2069, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: batognicolai@gmail.com

Valeriu Prohnițchi, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, str. Ion Creangă nr. 1, MD-2069, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: valeriu.prohnitchi14@gmail.com

ПОСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ВИКТОРОВКА-I

Денис Бондаренко

Ключевые слова: Нижнее Побужье, Ольвия, Викторовка-I, поздняя архаика, полуземлянка, зольник.

Во второй половине VII в до н.э. Черноморский регион, включая все его северное побережье, входит в зону Великой греческой колонизации. Первой древнегреческой колонией на этой территории стал Борисфен (на современном о-ве Березань). В скором времени ионийские колонисты начали активное освоение внутренних территорий близлежащих берегов Березанского и Днепро-Бугского лиманов, где в первой половине VI в. до н.э. появляется целая сеть аграрных поселений, подчиненных, вероятно, сперва Борисфену, а позднее – Ольвии. Именно эти поселения и начали формировать самую раннюю хору в Нижнем Побужье. К этому времени относится и основание поселения Викторовка-I (Буйских, Буйских 2010, 4-6), общая характеристика которого приводится в настоящей работе.

Викторовка-I расположена на правом высоком обрывистом коренном берегу Березанского лимана, в 1,5 км к северу от его устья и в 300 м к югу от современного с. Викторовка Березанского района Николаевской области Украины (рис. 1). С юга памятник ограничен поймой лимана и частично разрушен искусственными террасами, оставленными вследствие неоконченного строительства середины XX в. Восточная часть примыкает к высокому береговому обрыву, что способствует его интенсивному разрушению с этой стороны. Северная часть упирается в широкую балку на южной окраине с. Викторовка. Западная граница проходит восточнее грунтовой дороги Рыбаковка - Викторовка (рис. 3). Таким образом, сохранившаяся часть памятника имеет протяженность вдоль береговой линии в направлении север – юг до 400 м и простирается на запад от берега на 10-20 м. Общая площадь около 6000 м² (Крыжицкий и др. 1990, 12-13, 44).

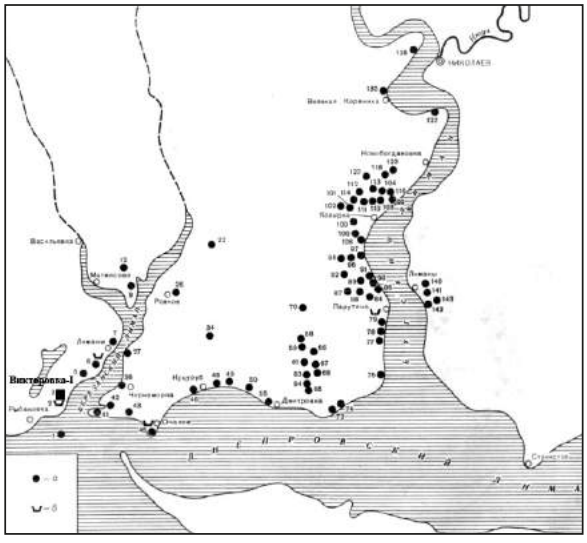


Рис. 1. Поселения Нижнего Побужья архаического времени (по Крыжицкий 1990, 11, рис. 4). Расположение Викторовки-I.

Первое упоминание о поселении в научной литературе содержится в публикации В. И. Гошкевича, посвящённой проблеме локализации древнего Одессоса (Гошкевич 1915, 446). И.В. Фабрициус утверждает, что именно этому исследователю принадлежит честь открытия памятника. В.И. Гошкевич произвел сбор подъемного материала и определил, что памятник занимает полосу обрывистого берега протяжённостью около 1 км (Фабрициус 1951, 61), что, как теперь понятно, было ошибочным суждением.

Первые стационарные раскопки на поселении были проведены Березанским отрядом Буго-Днепровской экспедиции во главе с М.Ф. Болтенко и С.И. Капошиной в 1949 г. Учеными снова была обследована территория памятника, произведена шурфовка и заложены два раскопа (рис. 2). Раскоп «А» был исследован С. И. Капошиной. Ей удалось обнаружить жилую полуземлянку и хозяйственный комплекс

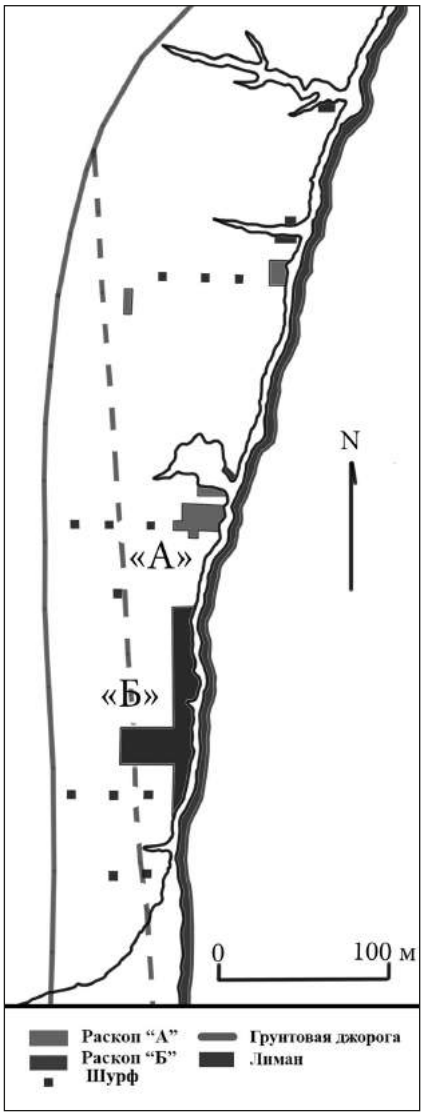


Рис. 2. Викторовка-I. Расположение раскопов 1949 г. (по Болтенко 1949).

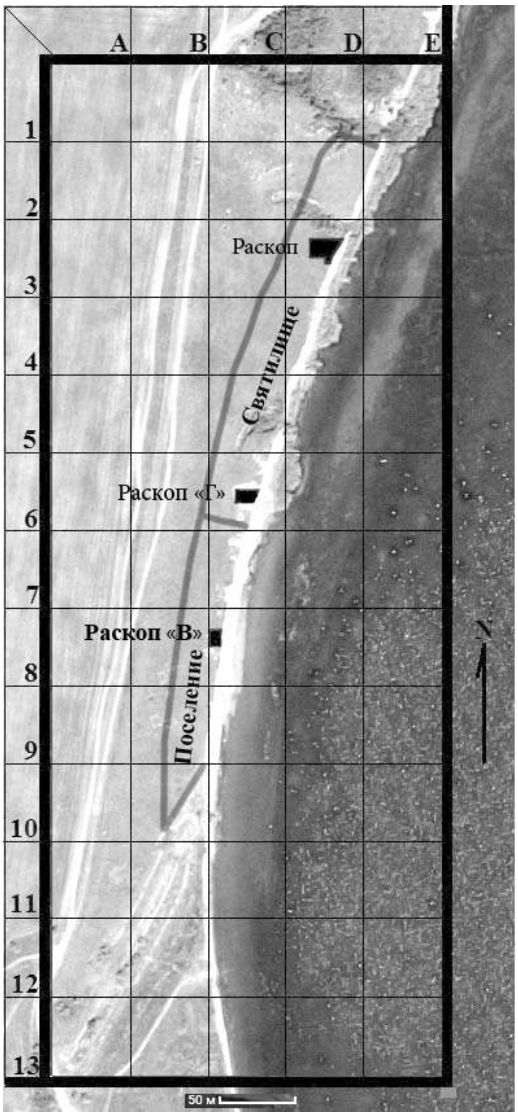


Рис. 3. Викторовка-I. Вид из космоса. Расположение раскопов 2012-2017 гг.

второй половины VI в. до н.э. (Капошина 1956, 240-246). Работами на раскопе «Б», расположенном несколько южнее, руководил М.Ф. Болтенко. Исследователь определил наличие двух строительных этапов существования поселения. К архаическому времени относились полуземлянки и хозяйственная яма; к раннеэллинистическому (концу IV - началу III в. до н.э.) – каменные цоколи наземного многокамерного сооружения, имевшего прямоугольную в плане форму (Славін 1955, 143-145; Рудык 1957, 63-66). Площади раскопов 1949 г. на данный момент полностью уничтожены береговой абразией.

С последней трети XX в. Викторовка-I неоднократно упоминалась в научной литературе в контексте дискуссий по поводу факта существования и локализации Березанского полиса и поселений его хоры (см. например: Лапин 1966, 174-175; Отрешко 1976; Марченко 1984; Колесников 2009; Буйских, Отрешко 2009, 138-139). В 2010 г. увидела свет публикация С.Б. Буйских и А.В. Буйских, в которой на основании подробного анализа коллекции восточногреческой керамики с памятника и уточнения её датировки время основания архаического поселения близ с. Викторовка было отнесено к первой четверти или первой половине VI в. до н.э. (Буйских, Буйских 2010, 4-6). В результате этой работы была произве-

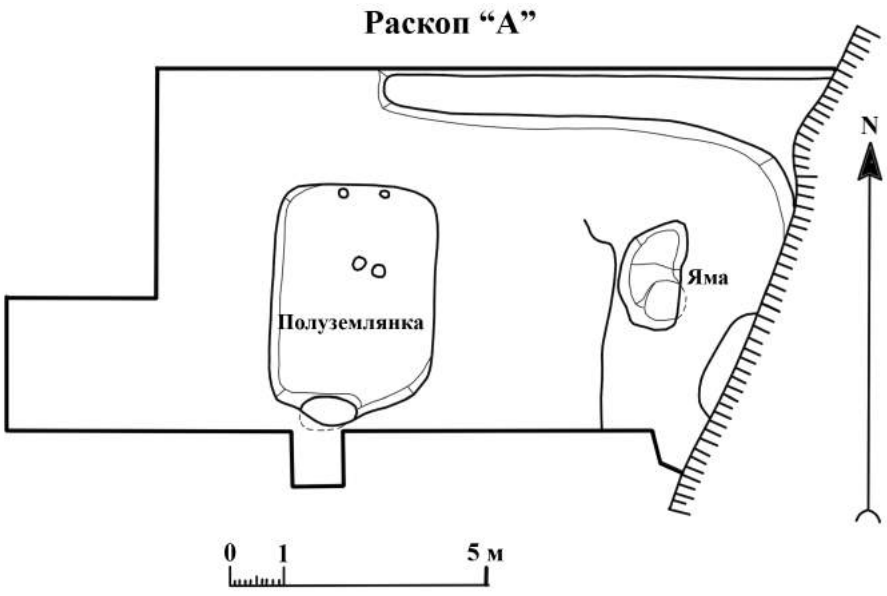


Рис. 4. Викторовка-I. Раскоп «А» (по Капошина 1949).

дена и переоценка общей политической и экономической ситуации в регионе.

Современные археологические исследования поселения были начаты в 2012 г. и с тех пор и до настоящего времени носят системный характер (рис. 3). В ходе изучения поселении Викторовка-I, которое интенсивно и постоянно разрушается грабителями и береговой абразией, Викторовским отрядом Николаевской археологической экспедиции Научно-исследовательского центра «Лукоморье» Охранной археологической службы Украины ИА НАН Украины были проведены работы по зачистке грабительских шурфов – раскоп «В». В ходе работ исследована полуземлянка архаического времени.

В 2013 г. был заложен раскоп «Г». С этого времени все работы сосредоточены на последовательном изучении святилища, находящегося севернее поселения. Оно состояло из больших, выкопанных в материковой глине котлованов, засыпанных золой. Такие объекты в настоящее время следует интерпретировать в качестве зольников. В 2013-2014 гг. и 2016 г. был изучен зольник № 1, датированный концом VI - первой четвертью V в. до н.э. В 2017 г. в северной части плато заложен раскоп «Д», в пределах которого начато исследование зольника № 2, относящегося уже ко второму периоду существования памятника, синхронному наземному сырцово-каменному сооружению, выявленному в 1949 г. М.Ф. Болтенко, – к концу IV - первой половине III в. до н.э.

Результаты исследования Викторовки-I позволяют прийти к предварительному заключению, что этот памятник представляет собой археологический комплекс, состоящий из поселения и святилища, существовавших с перерывами с первой половины VI по первую половину III вв. до н.э. В настоящей работе анализируются материалы, относящиеся только к первому периоду существования памятника – VI - первой трети V в. до н.э. Особое внимание мы уделим комплексам обозначенного времени, изученным в 2012-2016 гг.

Поселение

В ходе работ на площади поселения удалось изучить следующие строительные остатки архаического времени.

Полуземлянка. Исследована С.И. Капошиной 1949 г. на раскопе «А» (рис. 4). Заглубленный котлован имел почти прямоугольную в плане форму с закруглёнными углами, размерами 3,60×4,94 м и глубиной 0,12-0,55 м. Пол неровный, с заметным понижением к югу. В наиболее углублённой южной части жилища зафиксирован очаг в виде простого углубления в материке. В центральной части котлована прослежены две столбовые ямки диаме-

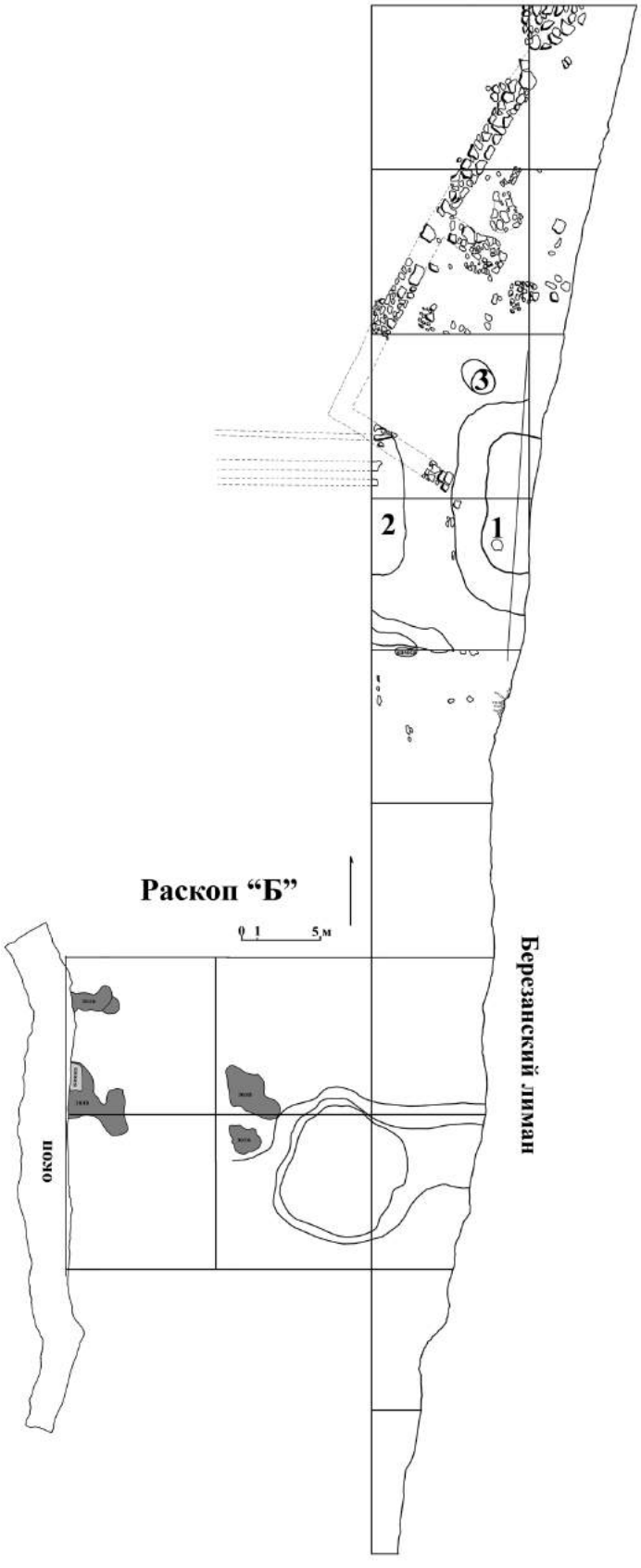


Рис. 5. Викторовка-I. Раскоп «Б»: 1, 2 - земляночные жилища; 3 - хозяйственная яма (по Болтенко 1949).

тром 0,12 м. Две ямки меньших размеров зафиксированы в северной части жилища, где располагался вход. На бортах котлована были замечены следы сырца, вероятно, некогда относившегося к конструкции наземных стен сооружения. Реконструкция формы перекрытия достаточно проблематична. Заполнение котлована изобиловало золой, обломками керамики и костями животных. Керамика представлена фрагментами амфор, красноглиняных, сероглиняных, серолощёных, чернолаковых, чернофигурных, восточногреческих и других сосудов. Особое место среди находок занимает целый ряд рыболовных грузил разных типов, что прямо указывает на занятия обитателей этого поселения. Полуземлянка, по утверждению автора раскопок, датируется второй половиной VI в. до н.э. и была жилым сооружением (Капошина 1949; Капошина 1956, 240-242). Следует отметить, что в публикации С.И. Капошиной (Капошина 1956, 241, рис. 15) в качестве иллюстрации к описанной полуземлянке была ошибочно подана фотография объекта из раскопок поселения черняховской культуры Викторовка-II того же года (Болтенко 1949, ф. 51).

Хозяйственная яма (рис. 4). Раскопана С.И. Капошиной в 1949 г. на раскопе «А» в 3,28 м к востоку от полуземлянки. Согласно сохранившемуся плану, имела вытянутую по линии север – юг форму с размерами 2,0×1,10 м. Датируется второй половиной VI в. до н.э. (Капошина 1949; Капошина 1956, 241-242).

Полуземлянка (рис. 5). Исследована М.Ф. Болтенко в 1949 г. на раскопе «Б». Округлой в плане формы, вероятно, была жилой. Почти наполовину разрушена береговой абразией. Диаметр котлована 5,2 м. На дне – каменная вымостка. Заполнялся котлован послойно, верхняя часть сильно затрамбована и носит следы термического воздействия (Болтенко 1949; Рудык 1957, 64).

Полуземлянка (рис. 5). Изучена М.Ф. Болтенко в 1949 г. на раскопе «Б». Вероятно, была жилой. Котлован полуовальной формы, диаметром до 4,5 м и глубиной до 1 м (Болтенко 1949; Рудык 1957, 64).

Хозяйственная яма (рис. 5). Раскопана М.Ф. Болтенко в 1949 г. на раскопе «Б». Округлой в плане формы, диаметром в 1 м и глубиной 0,9 м. Относится ко времени функционирования описанного выше жилища (Болтенко 1949; Рудык 1957,64).

Полуземлянка (рис. 6). Исследована автором на раскопе «В» в 2012 г. Сооружение имело овальную в плане форму, вытянуто по линии запад – восток. Восточная часть сооружения уничтожена береговой абразией. Сохранившиеся размеры 3,60 м (север - юг) × 4,20 м (запад - восток), глубина в материке 0,55-0,65 м. Пол ровный, слегка возвышается к центру, стенки слегка покатые. В западной части полуземлянки выявлена столбовая ямка диаметром 0,10 м. Вероятно, такая же ямка находилась и в разрушенной восточной части сооружения, являясь частью столбовой конструкции двускатного перекрытия. В северо-восточной части на дне котлована было зафиксировано довольно крупное скопление раковин черноморской мидии (Mytilus Galloprovincialis), большей частью уходящее в разрушенную береговой абразией часть полуземлянки. Скопление имеет округлую в плане форму диаметром, по меньшей мере, 1 м и толщиной до 0,07 м. Размеры и внутреннее устройство сооружения могут указывать на его жилой характер. Отсутствие очага может объясняться его расположением в разрушенной части котлована, либо же использованием обитателями полуземлянки переносных жаровен для обогрева, фрагменты которых часто встречаются в архаических слоях нижнебугских поселений. С другой стороны, отсутствие промазки пола и скопление раковин моллюсков может свидетельствовать и о хозяйственном использовании полуземлянки или ее части как помещения для обработки морепродуктов.

В целом подобной формы овальные полуземлянки довольно редко встречаются на архаических памятниках Нижнего Побужья. Большее распространение получили полуземлянки прямоугольной, трапециевидной и круглой форм (Мазарати, Отрешко 1987).

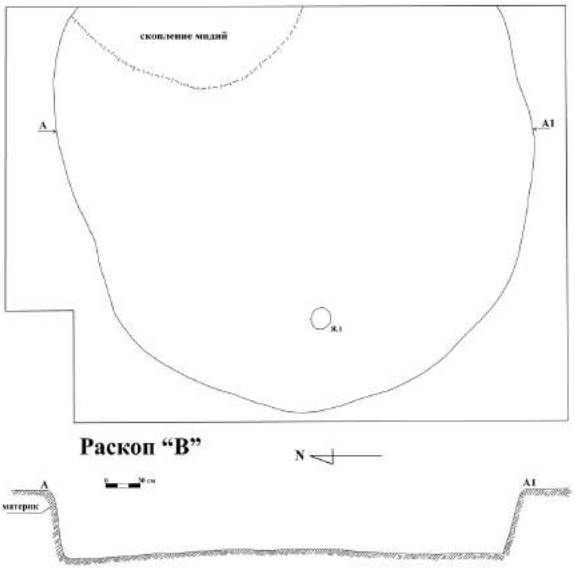


Рис. 6. Викторовка-I. Раскоп «В». Земляночное жилище № 1. План и разрез.

Материал, обнаруженный в комплексе полуземлянки, в общей сложности, составляет 600 артефактов и 130 экофактов.

Соотношение хозяйственной, кухонной и столовой керамики мы указываем без учёта амфорной тары. Количество венчиков, принадлежащих явно разным сосудам, позволяет подсчитать их количество. Применительно к амфорной таре учитывается количество ножек. Безусловно, эти данные не показывают действительное количество сосудов, фрагменты которых найдены в комплексе, однако демонстрируют их абсолютный минимум.

Преобладающее большинство находок принадлежит керамической посуде (97,3%), среди которой традиционно преобладают фрагменты амфорной тары – 78% от общего количества керамики. Среди них выделяются фрагменты не менее трёх амфор Хиоса (одна ножка), из них одна пухлогорлая раннего варианта (III-A) (рис. 7/1) и две пухлогорлых развитого варианта (III-B) (рис. 7/2, 3, 10), пять лесбосских красноглиняных амфор (рис. 7/4, 5), одна ножка клазоменской амфоры (рис. 7/11), шесть «протофасосских» амфор (одна ножка) (рис. 7/6, 7, 12) и три амфоры Фасоса (рис. 7/8, 9) (Монахов 2003).

Без учета амфорной тары наиболее представительна лепная керамика (31,6%). Данная группа представлена фрагментами шести горшков (рис. 7/21-26) и корчаги (Марченко 1988,

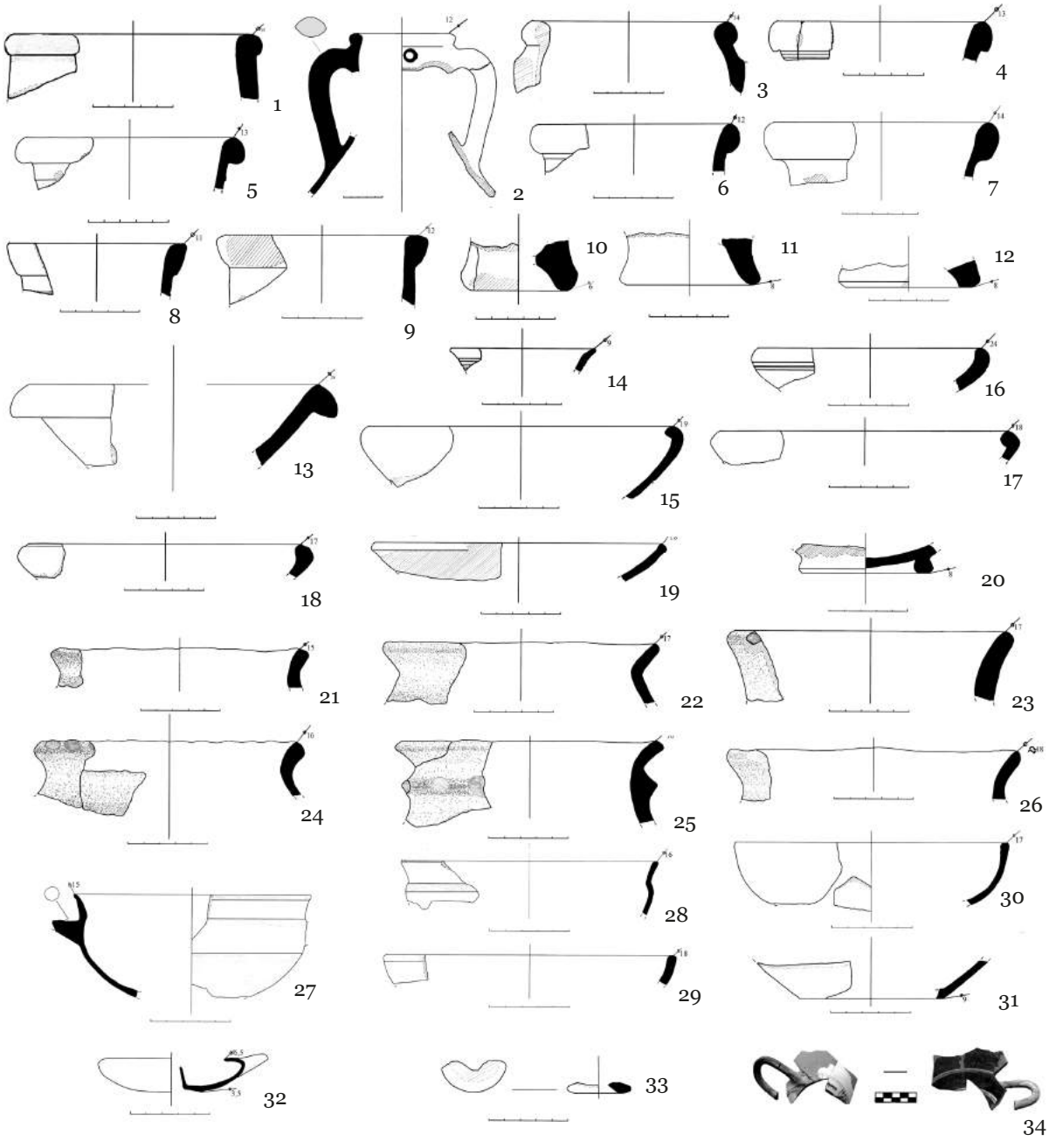


Рис. 7. Викторовка-I. Раскоп «В». Полуземлянка № 1: 1-12 - амфорная тара; 13 - хозяйственная керамика; 14 - красноглиняная столовая керамика; 15-20 - серолощеная столовая керамика; 21-26 - лепная керамика; 27-32 - восточно-греческая керамика; 33 - изделие из керамики; 34 - хиосская керамика.

68-106). Основные орнаментальные мотивы: пальцевые, пальцево-ногтевые вдавливания и защипы по шейке, горлу и венчику; оттянутые валики с пальцевыми защипами.

Сероглиняная столовая керамика с лощеной поверхностью составляет 18% фрагментов без учета амфорной тары. Среди неё выделяются обломки пяти мисок (рис. 7/15-20), кувшина и кубка (Крапівіна 2007). Сюда же следует добавить и 1,7% сероглиняной керамики.

Фрагменты красноглиняной столовой керамики менее многочисленны (15,4%). Среди них присутствует миниатюрный кубок (рис. 7/14) (Крапивина 1987). Ещё 2,6% фрагментов принадлежат красноглиняной керамике с покрытием.

Наконец, 11,1% принадлежит невыразительным фрагментам кухонной гончарной керамики.

Восточно-греческая столовая посуда встречается чаще (17,1%): фрагменты светильника (рис. 7/32), двух ионийских киликов (рис. 7/27, 28), ионийской полосатой чаши (рис. 7/29), мисочки (рис. 7/30) и трёх кувшинов, а также хиосского кубка (рис. 7/34) (Буйских 2003).

Аттический импорт представлен только одной ножкой чернолакового килика.

Толстостенной хозяйственной керамики также было немного (1,7%): фрагменты красноглиняного лутерия (рис. 7/13) и корчаги (Sparkes, Talcott 1970).

Кроме того, в заполнении полуземлянки были найдены железная втулка от небольшого инструмента и керамическая поделка из дна ионийского сосуда (рис. 7/33). Кости животных представлены 117 находками.

Таким образом, время функционирования землянки на основании анализа керамического материала из её заполнения следует определять концом VI - первой четвертью V в. до н.э. Во всяком случае, в пределах первой четверти V в. до н.э. сооружение уже было засыпано. После этого достаточно интенсивная жизнедеятельность на поселении, результатом которой стало образование культурного слоя, продолжалась, по крайней мере, до конца первой трети V в. до н.э.

Святилище

К северу от поселения с полуземляночной застройкой располагалось святилище, состоящее из зольников-жертвенников. Оно, вероятно, занимало всю северную часть плато, ограниченную большой балкой на южной окраине с. Викторовка с севера и северной границей поселения с юга.

Ввиду отсутствия на поселении природных расщелин, или по каким-либо другим причинам, викторовские зольники устраивались в искусственных котлованах. В настоящее время частично изучены два таких сооружения, хотя стратиграфические наблюдения со стороны берегового обрыва позволяют предполагать, что ими была занята вся часть плато на север от поселения. К позднеархаическому времени относиться зольник № 1, исследованный в 2012-2016 гг. в пределах раскопа «Г» (рис. 8; 9). Его котлован имеет округлую с неровными краями форму, с целой системой разнообразных ям, приступков и ступенек. Стратиграфические и планиграфические наблюдения в пределах исследованной части позволяют думать, что исследован почти весь объект и его диаметр достигал около 20 м.

Под зольными напластованиями в глинистом слое на приступках зафиксировано семь погребений, три из которых были парными.

При всей хаотичности конструктивных деталей котлована, в них всё же прослеживается некая система. Центральную часть сооружения занимал основной котлован размерами 4,17 (север - юг) × 4,0 (запад - восток) м и глубиной в материке 2,33 м. По периметру он окружён внешним уступом.

Южный борт котлована представлен рядом уступов в два уровня и ямой с подбоем на нижнем уровне. Подбой имеет подпрямоугольно-подовальную форму размерами 1,13 м (север - юг) × 1,07 м (запад - восток) и глубиной 0,15 м. Глубина подбоя до 0,25 м. Стенки углубления отвесные, дно ровное. В северо-западной части углубления зафиксирована округлая в плане ямка диаметром по впуску 0,12 м, по дну – 0,08 м, глубиной 0,25 м. В заполнении углубления и подбоя зафиксированы отдельные кости верхней части скелета человека – *погребение № 3* (рис. 10/3). Среди костей обнаружено несколько фрагментов тарных амфор, однако к погребению они, вероятно, отношения не имеют.

На верхнем уровне уступов исследовано еще два погребения – №№ 2 и 4.

Погребение № 2 (рис. 10/2). Парное. Изучено в юго-восточной части основного котлована на центральном уступе верхнего яруса южной системы уступов, в золистом слое заполнения, на глубине 0,80 м от впуска в котлован. Погребённые лежали головами на запад, лицами обращены друг к другу. Северный скелет уложен в скорченном на правом боку положении, головой на запад, лицом на юг. Ноги подогнуты, руки вытянуты вдоль тела, правая рука прямая, левая – согнута в локте. Южный скелет лежал на спине, головой на запад. Ноги согнуты в коленях и завалены в северном направлении. Большинство костей рук отсутствуют. Погребение безынвентарное.

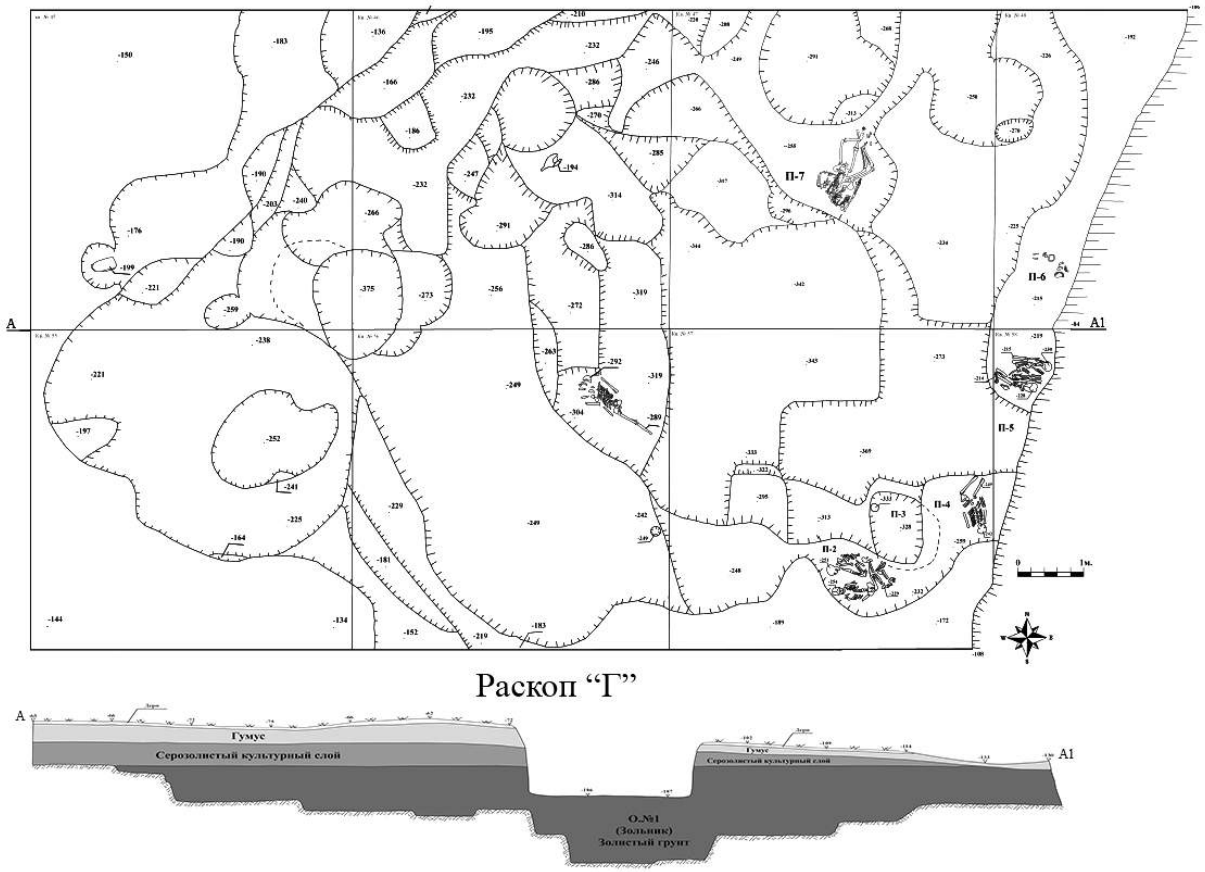


Рис. 8. Викторовка-I. Раскоп «Г». Зольник № 1. План и разрез.

Погребение № 4 (рис. 10/4). Исследовано в юго-восточной части основного котлована на восточном уступе верхнего яруса южной системы уступов, в золистом заполнении, на глубине 1,07 м от уровня впуска в котлован. Скелет уложен на спину головой на юг с незначительным отклонением к востоку. Верхняя часть тела спиной упиралась о борт котлована, слегка развернута на правый бок. Ноги подогнуты коленями к востоку. Руки вытянуты вдоль тела. Кости ног ниже коленей и левая рука ниже локтя отсутствуют. Погребение безынвентарное.

На верхний уровень уступов из основного котлована ведут две ступени. К югу от описанных выше уступов вдоль южного борта раскопа выявлена северная оконечность изрезанного ими южного внешнего уступа. Он раскопан на ширину до 1,70 м, глубина от уровня материка 0,53 м.

К западу от основного котлована расположен большой уступ шириной до 8 м и глубиной в материке до 1,13 м. С него в основной котлован ведут три ступени. На уровне нижней ступени зафиксировано погребение № 1.

Погребение № 1 (рис. 10/1). Обнаружено на глубине 1,67 м от уровня впуска в котлован. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Левая нога, обе ступни, левая рука ниже локтя и правая рука отсутствовали. Череп смещен в северо-западном направлении. Лицевая часть черепа и нижняя челюсть разбиты и хаотично разбросаны. Погребение безынвентарное.

Сообщение между западным внешним уступом и древней дневной поверхностью осуществлялось с помощью ступеней: одной в юго-западной и четырех – в западной и северо-западной частях. В южной части западного уступа зафиксировано углубление округлой формы размерами 1,42 (север - юг) × 1,83 (запад - восток) м и глубиной 0,26 м.

Приблизительно в центре уступа, ближе к его северной части, зафиксирована яма с приямком и подбоем. Яма имеет округлую в плане форму. Её размеры по впуску составляют 1,70

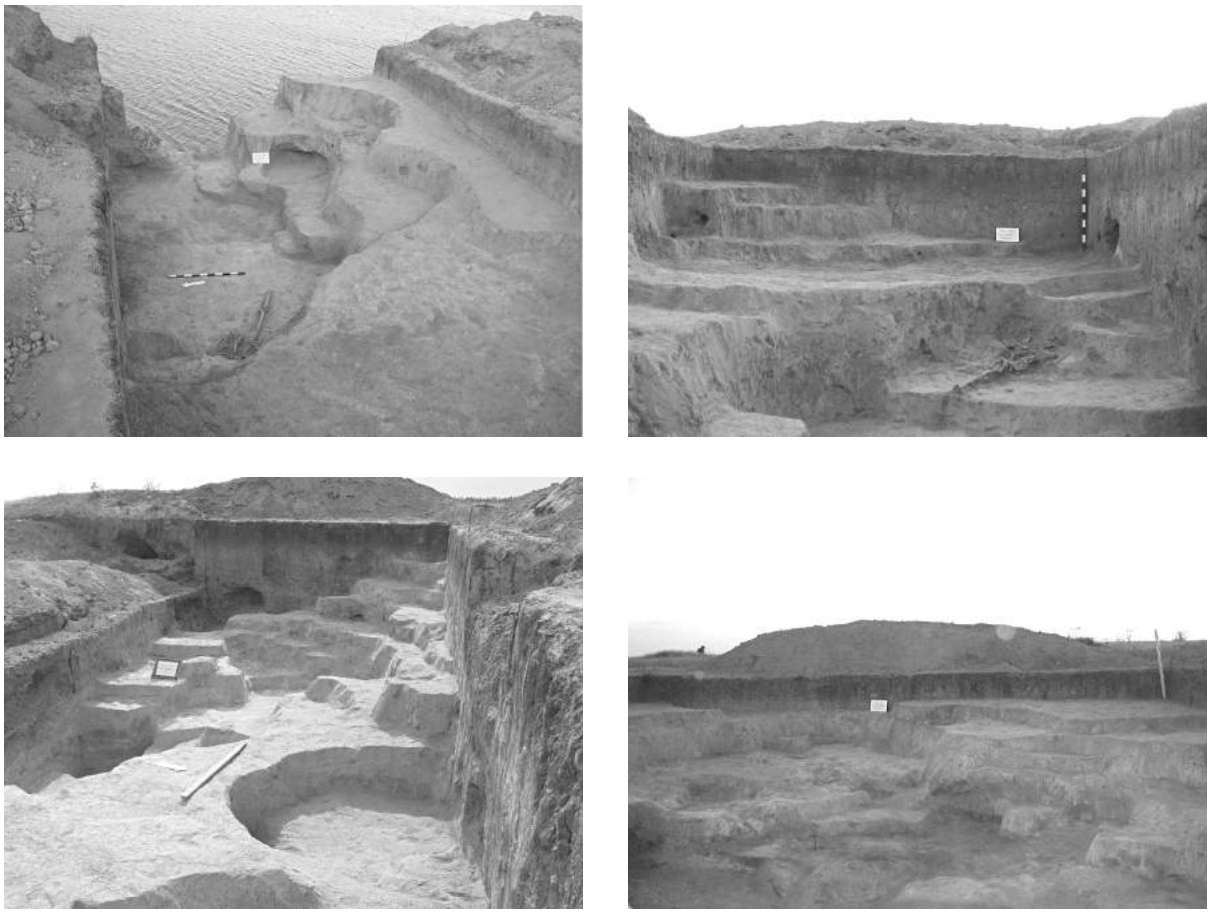


Рис. 9. Викторовка-I. Раскоп «Г». Зольник № 1. Детали конструкции.

(север - юг) × 1,45 (запад - восток) м, по дну – 1,78 (север - юг) × 2,08 (запад - восток). Яма имеет подбой в северо-западном направлении, глубиной до 0,63 м и высотой до 0,70 м. Общая глубина ямы 1,19 м. С восточной стороны к яме примыкает округлый приямок размерами 1,61 (север - юг) × 0,71 (запад - восток) м и глубиной 0,17 м. Стенки отвесные, слегка сужаются ко дну.

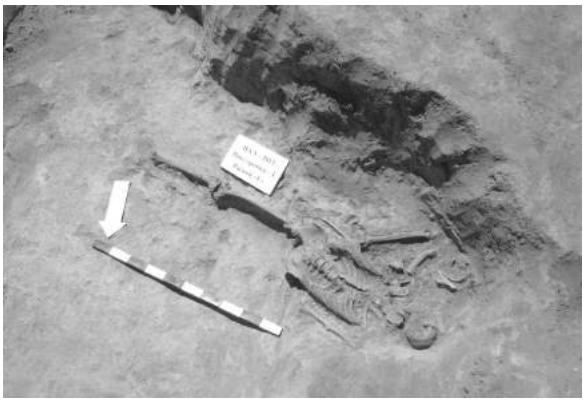
В юго-западной части котлована находились три ступени, ведущие с уровня большого западного уступа на древнюю дневную поверхность. Похожие ступени частично исследованы и в северо-западном углу котлована.

К северу от основного котлована зафиксирован ряд хаотично расположенных уступов и ям. Заполнение ям идентично заполнению основного котлована.

На приступке неправильной формы к северу от основного котлована на глубине 1,19 м от уровня материка зафиксировано парное погребение № 7.

Погребение № 7 (рис. 10/7). Западный скелет расположен в вытянутом на спине положении с юго-западной ориентировкой. Череп отсутствовал. Левая рука сломана в предплечье, согнута в локте, кисть уходит под нижний отдел позвоночника. Правая – уложена на туловище вдоль него. Левая нога согнута в колене и завалена вправо, правая – согнута в колене в вертикальном положении. Голени обеих ног сломаны. Восточный скелет расположен на боку, тело завалено на спину, ориентирован на юго-запад. Череп отсутствует. Левая рука уходит под спину, правая – вытянута вдоль туловища. Ноги согнуты в коленях, завалены вправо. Коленные чашечки перемещены в противоположную от своего природного расположения сторону. Погребение безынвентарное.

К востоку от погребения находится более высокий уступ, размерами 4,90 (север - юг) × 3,25 (запад - восток) м и глубиной 0,98 м от уровня материка. В южной его части зафиксировано детское погребение № 6.



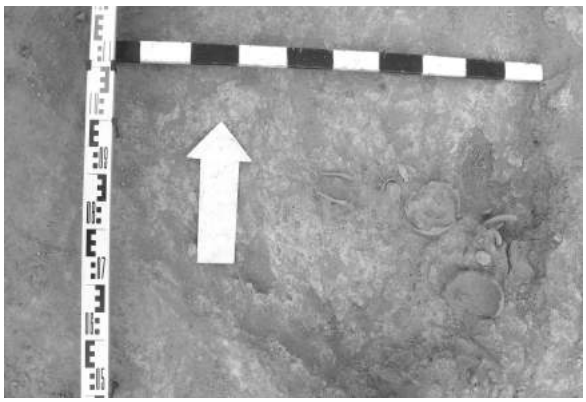
1

2

3

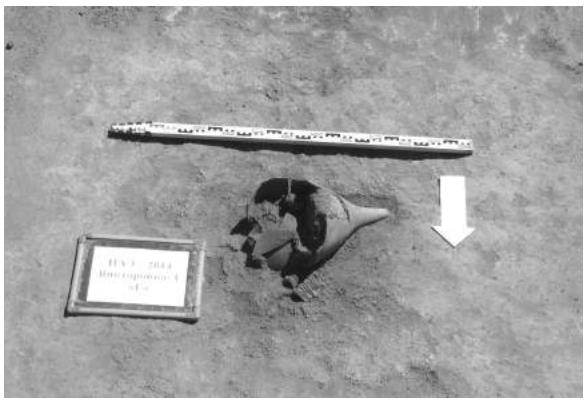
4

5



6

7



8

Рис. 10. Викторовка-I. Раскоп «Г». Зольник № 1: 1 - погребение № 1; 2 - погребение № 2; 3 - погребение № 3; 4 - погребение № 4; 5 - погребение № 5; 6 - погребение № 6; 7 - погребение № 7; 8 - амфора с костями сома.

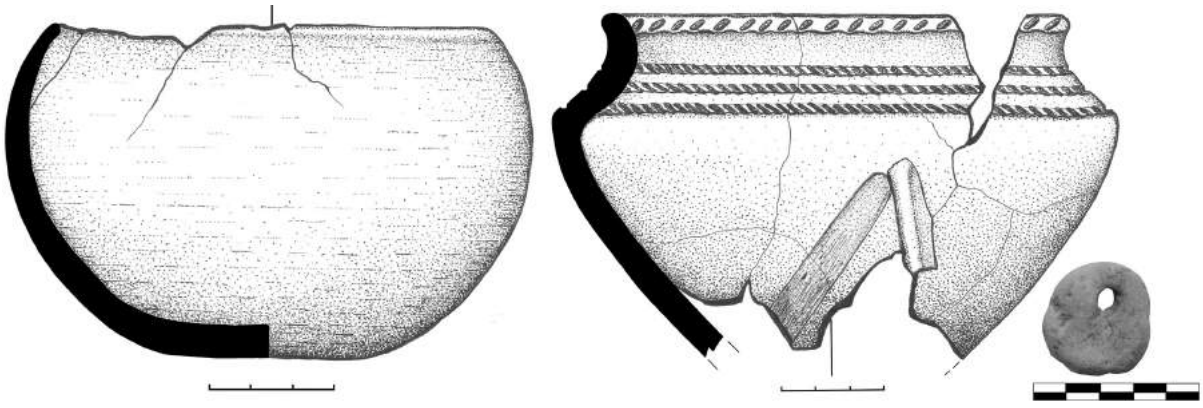


Рис. 11. Викторовка-I. Раскоп «Г». Зольник № 1. Погребение № 6: 1, 2 - лепная керамика; 3 - изделие из камня.

Погребение № 6 (рис. 10/6). Детское. Сохранились только череп, ребра и бедренные кости. Погребенный расположен в вытянутом положении на спине, головой на восток.

К востоку от черепа зафиксирован погребальный инвентарь, включающий подвеску из плоской окатанной песчаниковой гальки с отверстием, лепные чашу и амфорку (?) (рис. 11). Последняя орнаментирована валиком с шнуровым орнаментом по венчику, тремя рядами шнурового орнамента по плечикам и налепным валиком в нижней части корпуса сосуда. Погребальный инвентарь относится к эпохе бронзы.

У берегового обрыва исследована часть разрушенного оползнями восточного внешнего уступа шириной до 2,13 м и глубиной 0,87 м от уровня материка. Длина изученной части по линии север-юг 6,35 м. В южной части уступа зафиксировано парное погребение № 5.

Погребение № 5 (рис. 10/5). Выявлено на глубине 0,67 м от уровня впуска в котлован. Представляет собой расчлененные уложенные «пакетами» кости двух погребенных. Кости южного скелета длинными гранями, как правило, уложены по оси восток-запад. Череп расположен с восточной стороны от остальных костей, уложен на основание лицом на восток. Кости северного скелета длинными гранями, как правило, уложены по оси восток-запад. Череп расположен с восточной стороны от остальных костей, уложен на правую сторону, лицом на восток. Длина погребения 0,60 м, ширина 0,28 м. Погребение безынвентарное.

В северо-западном углу раскопа частично исследованы три ступени, ведущие с уровня материка на западный внешний уступ неправильной формы. Максимальные его размеры 2,82 м (север - юг) × 1,27 м (запад - восток). К востоку от уступа зафиксирован ряд небольших уступов и округлая в плане яма размерами 1,36 м (север - юг) × 1,27 м (запад - восток) и глубиной 1,23 м. У северного борта раскопа частично исследована округлая яма, уходящая в борт раскопа. Ее размеры 1,87 м (до северного борта раскопа) (север - юг) × 2,15 м (запад - восток). В восточной части зафиксирован уступ высотой 0,23 м, а у юго-восточной стены – полукруглая ямка с пологими стенками размерами 0,77×0,38 м и глубиной от уровня дна ямы 0,20 м.

Площадь у северо-западной границы основного котлована представляет собой хаотично расположенные уступы и углубления.

Более возвышенная часть восточного внешнего уступа шириной до 2,13 м зафиксирована у берегового обрыва. Длина его исследованной части по линии север-юг 6,35 м.

Все выявленные погребения, кроме детского, безынвентарные. Скелеты расположены в скорченном на боку и вытянутом на спине положении с разной ориентировкой (восток, юг, запад). На некоторых костях фиксируются переломы, часть погребенных была подвергнута расчленению, в одном случае кости уложены «пакетом».

Котлован засыпан золой с большим количеством обломков раковин черноморской мидии, фрагментов керамики и костей животных. По краям ступенек и уступов зафиксированы практически стерильные заплывы

светло-желтой глины (мощностью до 0,28 м) с гумусированными включениями. Стратиграфические наблюдения позволяют говорить как минимум об одиннадцати этапах формирования зольника.

Материал из заполнения котлована представлен 8898 артефактами и 1592 экофактами. При анализе материала зольника использована та же схема, что и при анализе материала полуземлянки с раскопа «В» 2012 г.

Абсолютное большинство находок принадлежит керамической посуде (97,9%), среди которой традиционно преобладают обломки амфорной тары (81,3%). Среди них выделяются фрагменты не менее 84 амфор Хиоса (14 ножек: из них одна – с белым ангобом) (тип I-B) (рис. 12/1), четыре – воронковидных (II-B) (рис. 12/2), 45 – пухлогорлых раннего варианта (III-A) (рис. 12/3), 32 – пухлогорлых развитого варианта (III-B) (рис. 12/4), шесть амфор Милета (рис. 12/5), 77 амфор Лесбоса (35 ножек), из них пять – сероглиняные вариантов I-C/I-D/I-E (рис. 12/6) и 72 красноглиняные вариантов I-B/C (рис. 12/7), 13 амфор Клазомен (девять ножек) (вариантов 4/5) (рис. 12/8), одна амфора Коринфа, 58 «протофасосских» амфор (12 ножек) (из них две – 1-2 серии, четыре – 3-5 серии) (рис. 12/9), шесть амфор Фасоса (12 ножек) (рис. 12/10) (из них одна пифоидного типа I-A-1), аттическая амфора типа SOS (рис. 12/11), амфора «круга Лесбоса» (рис. 12/12) и две амфоры неустановленных центров (рис. 12/13) (Монахов 1999; Монахов 2003).

Без учета амфорной тары наибольшую группу составляет сероглиняная столовая керамика с лощеной поверхностью (31,3%). Среди неё выделяются обломки 49 мисок (12 – тип I (рис. 12/14), одна – тип 3 (рис. 12/15)), 19 кувшинов (рис. 12/16), 16 кратеров (рис. 12/17), четырёх ойнохой, трёх кубков (рис. 12/18), трёх киликов (рис. 12/19), двух горшков (рис. 12/20), блюда, столовой амфоры (рис. 12/21), лекифа (рис. 12/22) и светильника (Крапівіна 2007). Сюда же добавим 0,3 % сероглиняной керамики.

Приблизительно столько же фрагментов лепной керамики (30,8%). Данная группа представлена крышкой от сосуда, 60 горшками (рис. 12/23-24), шестью мисками (рис. 12/25), шестью банковидными (рис. 12/26) и одним кубковидным сосудами (рис. 12/27), миниатюрной баночкой-мисочкой (рис. 12/28) (Марченко 1988). Основные орнаментальные мотивы: пальцевые и пальцево-ногтевые вдавливания и защипы по шейке, горлу и венчику; налепные и оттянутые валики с пальцевыми защипами по шейке; косые вдавливания-насечки по шейке и венчику. Весьма любопытна находка фрагментированной жаровни или переносного очага, вероятно, имевшего ладьевидную форму. Поверхность изделия сильно пережжена и крошится.

Значительно меньше красноглиняной столовой керамики (9%). Среди нее присутствуют фрагменты лекифа и амфориска. Еще 1% составляет красноглиняная керамика с лощеной поверхностью (одна миска), и 0,3% – красноглиняная керамика с покрытием.

Похожие показатели в группе кухонной гончарной керамики (8,7%): фрагменты трёх кастрюль (вариант II) (рис. 12/29), семи горшков типа 2 (рис. 12/30) и одного миниатюрного кубка (Лейпунская 2010, 128-129).

Восточно-греческой керамики меньше (6,5%): фрагменты северо-ионийской полосатой чаши (рис. 12/31), четырёх ионийских полосатых киликов (рис. 12/32), трёх чаш-скифосов (рис. 12/33), трёх кувшинов (рис. 12/34), трёх столовых амфор, леканы, диноса/стамноса, миски (рис. 12/35), аска, арибаллического лекифа, паросского килика (рис. 12/36), ионийского красноглиняного лекифовидного сосуда, ионийского сосуда с темным покрытием, ойнохои и тарелки в стиле LWG (Буйских 2013). Встречаются и местные имитации ионийской полосатой керамики – обломки трёх киликов (рис. 12/37). Так же найдены фрагменты двух миниатюрных ольп хиосского производства (0,1% керамики без учета амфорной тары) (Буйских 2013).

Аттический импорт представлен чернолаковыми сосудами (6,4%): фрагменты 14 киликов (рис. 12/38), четырёх чаш на ножках (рис. 12/39), кратера, лекифа, фиалы и светильника (рис. 12/40) (Sparkes, Talcott 1970). Обнаружена также чернофигурная (1,4%) (фрагменты четырёх киликов (рис. 12/41), двух кратеров, скифоса, столовой амфоры и лекифа) и краснофигурная (0,1%) (ножки двух киликов) керамика.

Толстостенной хозяйственной керамике принадлежит 2,3% фрагментов сосудов: фраг-

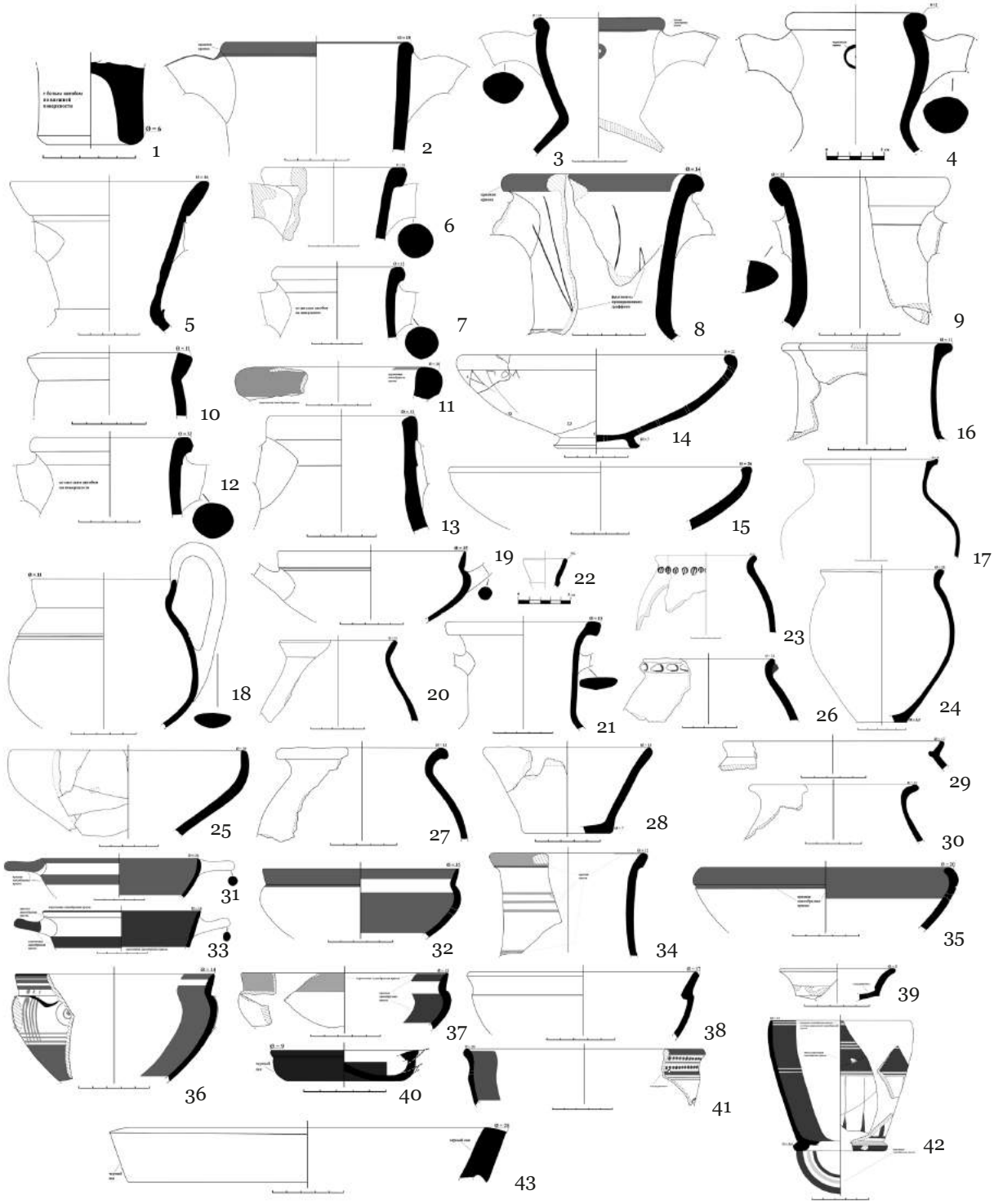


Рис. 12. Викторовка-I. Раскоп «Г». Зольник № 1: 1-13 - амфорная тара; 14-22 - сероглиняная столовая керамика; 23-28 - лепная керамика; 29, 30 - кухонная керамика; 31-37 - восточно-греческая керамика; 38-41 - аттическая керамика; 42 - коринфская керамика; 43 - лаконская керамика.

менты пяти лутериев, одного пифоса и трёх корчаг. Светлоглиняной керамики немного (0,7%): обломки одного блюда.

Коринфской (1%) и лаконской (0,1%) также мало. Первая представлена фрагментами не менее чем девяти скифосов (рис. 12/42), вторая – обломками чернолакового кратера (рис. 12/43).

Коропластика представлена двумя находками. Форма первой, ввиду небольших размеров сохранившейся части фрагмента, не устанавливается. Вторая фигурка представляет собой статуарное изображение домашней свиньи. Некоторые ее части утрачены в древности. Фигурка покрыта белым ангобом и полихромной росписью красной, синей и черной красками. В нижней части статуэтки имеются три отверстия. В полой части фигурки находятся три глиняных шарика-погремушки (рис. 13/1).

Довольно многочисленны керамические поделки. Это 13 вотивов (пять из стенок амфор (рис. 13/2-4), восемь – из тонкостенных сосудов (рис. 13/5, 6)), один из которых с граффити неясного содержания, 28 рыболовецких грузил из стенок амфор (26 с перехватами (рис. 13/7), два – с отверстием (рис. 13/8)), два пряслица (рис. 13/9, 10), фрагмент сопла (?) из ножки лесбосской красноглиняной амфоры (рис. 13/11), два растиральника из ручек тарных амфор (рис. 13/12), фрагменты плохо обожженного глиняного хлебца (рис. 13/13), крышка из донной части серолощеной столовой миски с просверленными отверстиями для выхода пара (рис. 13/14), а также четыре изделия неизвестного назначения.

Нумизматический материал представлен одной монетой-стрелкой (рис. 13/15) и тремя дельфинчиками (рис. 13/16-18).

Среди изделий из железа найдены фрагменты двух гвоздей (рис. 13/19), двух серпов, долота и ножа; из свинца – пряслице (рис. 13/20), четыре рыболовецких грузила в виде скрученных пластин (рис. 13/21), два фрагмента скреп для ремонта керамики (рис. 13/22) и скрученная пластина (рис. 13/23); из бронзы – четыре наконечника стрелы со скрытой втулкой (один трехгранный, три – трехлопастных) (рис. 13/24-27); из кости – два астрагала со следами обработки (рис. 13/28), расчёска (?) (рис. 13/29) и скребок (рис. 13/30); из камня – 12 рыболовецких сетевых грузил из известняка и сланца (11 с перехватом (рис. 13/31), один – с просверленным отверстием), фрагменты четырёх ладьевидных зернотерок из гранита (рис. 13/32) и три фрагмента оселков брусковидной формы (рис. 13/33).

Также в заполнении зольника найдено большое количество печины, плоских окатанных камней и морской гальки. Многочисленны и кости животных: в заполнении зольника их найдено 1484 экз.

Интересна находка в заполнении зольника лесбосской красноглиняной амфоры без горла (рис. 10/8). Сосуд обнаружен в северо-западной части котлована на глубине 0,58 м от уровня материка лежащим на боку ножкой на юго-запад. Внутри сосуда находились фрагменты ножки и ручки лесбосской красноглиняной и ножка «протофасосской» амфор. С севера вплотную к амфоре компактно в анатомическом порядке лежали две группы по пять позвонков сома.

С разделкой жертвенных животных могли быть связаны железные ножи, а с перетиранием жертвенной пищи – каменные растиральники, морская яйцевидная галька и изделия из ручек амфор с обработанными сколами, которые могли играть роль пестов.

Как связующее сакральное звено земного и потустороннего миров, по мнению А. Г. Чехович, могли использоваться и железные гвозди, при этом глиняные и свинцовые пряслица усиливали процесс «преобразования жертвы и перехода ее в другой мир, другое качество» (Чехович 2015, 330-331).

На отправление земледельческих культов и культов плодородия, в связи с почитанием Деметры, на территории святилища могут указывать находки фрагментов каменных растиральников, железных серпов, глиняного хлебца, статуэтки свиньи. На почитание Аполлона прямо указывают граффити (рис. 11/14), а косвенно – монеты-стрелки и дельфинчики.

Некоторые предметы могут быть интерпретированы как дары богам отдельных групп жителей поселения. Предпочтительно женскими приношениями, видимо, были атрибуты ткачества – глиняные и свинцовое пряслица; приношениями рыбаков – свинцовые, камен-

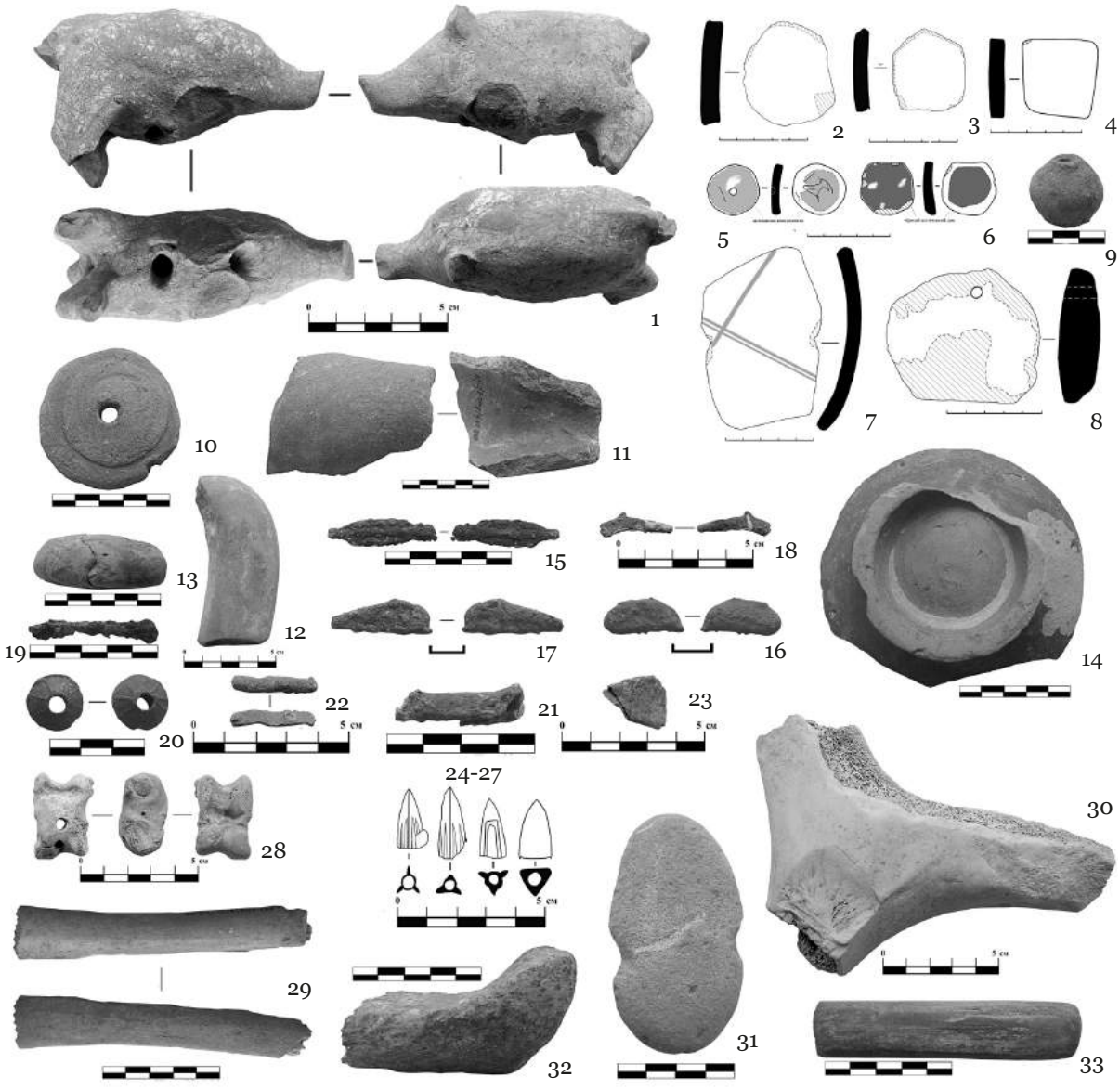


Рис. 13. Викторовка-I. Раскоп «Г». Зольник № 1: 1 - терракота; 2-14 - керамические поделки; 15-18 - монеты; 19 - изделие из железа; 20-23 - изделия из свинца; 24-27 - изделия из бронзы; 28-30 - изделия из кости; 31-33 - изделия из камня.

ные и глиняные сетевые грузила; столяров – железное долото.

Концентрация указанных находок в заполнении зольника значительно превышает их количество в культурных слоях поселения. Большинство их принадлежит фрагментам керамических сосудов, которые могли использоваться как для возлияний, так и для подношения богам жертвенной пищи и питья, либо же как самостоятельные дары.

Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть находок, в том числе и костей животных, из заполнения зольника носит на себе следы прямого воздействия огня.

Таким образом, исследованный комплекс представлял собой святилище под открытым небом, связанное, вероятно, с земледельческими культами, культом огня и домашнего очага. Находки граффити и терракоты могут свидетельствовать об отправлении в пределах святилища культов Аполлона и Деметры. На основе керамического материала можно говорить о функционировании зольника в пределах конца VI - первой трети V в. до н.э.

Географическое положение комплекса позволяет отнести его к разряду святилищ extra-urban (Буйских 2004). Однако прямые его аналогии среди обозначенной категории памятников региона на сегодняшний день не известны. Наиболее близкий времени функционирования и конструктивным особенностям объект (однако, без погребений) был изучен С.Б. Буйских на поселении Бейкуш в ходе исследования святилища Ахилла (Буйских 2001). Этот памятник располагался на мысу противоположного берега Березанского лимана. Оба объекта находятся приблизительно на одной широте. Викторовское святилище расположено менее чем на 1 км к северу от Бейкушского.

Таким образом, с учётом новых археологических данных, полученных при исследовании памятника, можно сделать ряд заключений:

– планиграфически площадь памятника разделена на две приблизительно равные части: южную занимало поселение, северную – святилище;
– исследованные сооружения можно отнести к двум периодам: полуземляночные строения и зольник № 1 – ко второй половине VI - первой трети V в. до н.э., а наземное каменно-сырцовое сооружение и зольник № 2 – к концу IV - первой половине III в. до н.э.; сооружения первой половины VI в. до н.э. пока не обнаружены;
– святилище относится к категории т.н. святилищ extra-urban (загородных относительно Ольвии приграничных святилищ Ольвийского полиса), которое маркировало юго-западную границу государства;
– на святилище отправлялись культы плодородия, огня и домашнего очага, приносились жертвы Аполлону и Деметре;
– ритуалы на территории святилища совершались представителями различных социальных и профессиональных групп населения, среди которых можно указать земледельцев, рыбаков, скотоводов, купцов, ткачей, плотников и т.д.
– место расположения святилища имело важное символическое значение для населения полиса, поэтому оно либо существовало беспрерывно, либо возрождалось на старом месте на протяжении почти трех столетий;
– расположение Викторовки-I и Бейкуша относительно друг друга, а также их близость к Березани (4,5 км и 5,5 км соответственно) может свидетельствовать о том, что в непосредственной близости от Борисфена уже на самом раннем этапе освоения этой территории размещение святилищ планировалось.

Дальнейшие исследования поселения Викторовка-I, несомненно, позволят уточнить имеющиеся в настоящее время представления о связи поселения со святилищем, определить точнее время функционирования святилища, зафиксировать детальнее отправляемые здесь культы и ритуалы. Эта информация станет ценным дополнением не только к картине исторического развития Нижнего Побужья, но и Северного Причерноморья в античное время в целом.

Библиография

Болтенко 1949: М.Ф. Болтенко, Дневник начальника одесской группы Очаковско-Березанского отряда Ольвийской археологической экспедиции АН УССР доцента М. Ф. Болтенко по археологическим раскопкам и разведке в августе-сентябре 1949 г. на западном берегу Березанского лимана. Науковий архів ОАМ. № 69901.

Буйских 2013: А.В. Буйских, Архаическая расписная керамика из Ольвии (Киев 2013).

Буйских 2001: С.Б. Буйских, Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги). В сб.: (Отв. ред. М.И. Золотарёв) Херсонесский сборник 11 (Севастополь 2001), 34-43.

Буйських 2004: С.Б. Буйских, Святилища extra-urban епохи грецької колонізації Нижнього Побужжя. Археологія 3, 2004, 3-14.

Буйских, Буйских 2010: С.Б. Буйских, А.В. Буйских, К хронологии архаических поселений хоры Ольвии Понтийской. В сб.: (Гл. ред. А.И. Айбабин) БИ 24 (Керчь 2010), 3-64.

Буйских, Отрешко 2009: С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, Основные этапы развития сельской округи Ольвии. В. сб.: (Отв. ред. С.Д. Крыжицкий) Ольвийские древности. Сб. науч. трудов памяти В. М. Отрешко (Киев 2009), 136-144.

Гошкевич 1915: В.И. Гошкевич, Где был древний Одесс? ЗООИД 32 (Одесса 1915), 445-450.

Капошина 1949: С.И. Капошина, Полевой дневник. Буго-Днепровская экспедиция 1949 г. Древнее городище у села Викторовка Тилигуло-Березанского района Николаевской области. Науковий архів ІА НАН України. № 1949/21.

Капошина 1956: С.И. Капошина, Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА 50, 1956, 211-254.

Колесников 2009: М.А Колесников, К методике определения границ античной сельской округи (на примере Нижнего Побужья и Европейского Боспора). В. сб.: (Отв. ред. С.Д. Крыжицкий) Ольвийские древности. Сб. науч. трудов памяти В. М. Отрешко (Киев 2009), 243-251.

Крапивина 1987: В.В. Крапивина, Простая столовая керамика. В сб.: (Отв. ред. С.Д. Крыжицкий) Культура населения Ольвии и её сельской округи в архаическое время (Киев 1987), 71-79.

Крапівіна 2007: В.В. Крапівіна, Сіроглиняна кераміка Ольвії VI-V ст. до н.е. Археологія 1, 2007, 98-106.

Крыжицкий и др. 1990: С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта) (Киев 1990).

Лапин 1966: В.В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья (Киев 1966).

Лейпунская 2010: Н.А. Лейпунская, Опыт классификации керамики из архаических комплексов (по материалам Центрального квартала Ольвии). В сб.: (Гл. ред. А.И. Айбабин) БИ 24 (Керчь 2010), 123-151.

Мазарати, Отрешко 1987: С.Н. Мазарати, В.М. Отрешко, Полуземлянки и землянки. В сб.: (Отв. ред. С.Д. Крыжицкий) Культура населения Ольвии и её сельской округи в архаическое время (Киев 1987), 8-17.

Марченко 1984: К.К. Марченко, Поселения античного времени на территории Нижнего Побужья. В сб.: (Отв. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков В.С.) Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья (Москва 1984), 40-44

Марченко 1988: К.К. Марченко, Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII - первой половине I вв. до н.э. По материалам лепной керамики (Ленинград 1988).

Монахов 1999: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары (Саратов 1999).

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель (Москва, Саратов 2003).

Отрешко 1976: В.М. Отрешко, Позднеархаические поселения Березанского лимана. В сб. (Отв. ред. В.Д. Баран) Открытия молодых археологов Украины 1 (Киев 1976), 31-33.

Рудык 1957: Ф. Рудык, Древнее поселение Викторовка I (VI - III вв. до н.э.). МАСП 1, 1957, 63-66.

Славін 1955: Л.М. Славин, Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників Ольвійського оточення у 1949-1950 рр. АП 5, 1955, 127-148.

Фабрициус 1951: И.В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР (Киев 1951).

Чехович 2015: А.Г. Чехович, Ремесленные вотивы двух зольников поселения Глубокой Пристани. Археологія і давня історія України 14 (Київ 2015), 328-332.

Sparkes, Talcott 1970: B.A. Sparkes, L. Talcott, Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. The Athenian Agora 12 (Princeton, NJ 1970).

Aşezarea din perioada arhaică târzie Viktorovka-I

Cucinte-cheie: Bugul Inferior, Olbia, Viktorovka-I, perioada arhaică târzie, semibordei, cenuşar.

Rezumat: Aşezarea Viktorovka-I reprezintă un sit antic cu două nivele de locuire ce face parte din chora Olbiei, amplasat în partea de vest a polisului, pe malul limanului Berezan. Din punct de vedere al planimetriei situl a fost împărţit în două părţi: partea de sud – aşezarea cu urme de locuinţe şi anexe gospodăreşti; partea de nord – spaţiul sacru, care consta din cenuşare cu depuneri rituale. Au fost stabilite două perioade ale funcţionării sitului: a doua jumătate a sec. VI - prima treime a sec. V a. Chr. şi sfârşitul sec. IV - prima jumătate a sec. III a. Chr. Printre complexele din prima perioadă se evidenţiază locuinţe de tip semibordei cu anexe gospodăreşti – în aşezare şi un cenuşar ritual din cadrul spaţiului sacru. Cea de a doua perioadă este reprezentată de o construcţie de suprafaţă, edificată din cărămidă crudă şi piatră, descoperită în aşezare, şi de un cenuşar ritual, identificat în zona spaţiului sacru. Un interes deosebit prezintă rezultatele cercetării spaţiului sacru, unde au fost descoperite complexele care nu-şi găsesc analogii la siturile din această perioadă din nordul Mării Negre.

În articolul de faţă sunt sistematizate şi descrise vestigiile din perioada arhaică târzie: construcţiile, ceramica, uneltele de muncă, ustensilele etc. Cercetarea evidenţiază un şir de aspecte importante ce ţin de arhitectura construcţiilor locative şi de cult din nordul Mării Negre în antichitate.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Aşezările din bazinul Bugului Inferior (după Крыжицкий 1990, 11, рис. 4). Amplasarea aşezării Viktorovka-I.

Fig. 2. Viktorovka-I. Amplasarea secţiunilor din anul 1949 (după Болтенко 1949).

Fig. 3. Viktorovka-I. Imagine satelitară. Amplasarea secţiunilor din anii 2012-2017.

Fig. 4. Viktorovka-I. Secţiunea „A” (după Капошина 1949).

Fig. 5. Viktorovka-I. Secţiunea „Б”: 1, 2 - locuinţe adâncite; 3 - groapă menajeră (după Болтенко 1949).

Fig. 6. Viktorovka-I. Secţiunea „Б”: 1 - locuinţa adâncită nr. 1. Planul şi profilul.

Fig. 7. Viktorovka-I. Secţiunea „Б”. Semibordeiul nr. 1. 1-12 - material amforistic; 13 - ceramică de uz gospodăresc; 14 - ceramică fină de culoare roşie; 15-20 - ceramică fină de culoare cenuşie; 21-26 - ceramică lucrată cu mâna; 27-32 - ceramică est-grecească; 33 - piesă din ceramică; 34 - ceramică de Chios.

Fig. 8. Viktorovka-I. Secţiunea „Г”. Cenuşarul nr. 1. Planul şi profilul.

Fig. 9. Viktorovka-I. Secţiunea „Г”. Cenuşarul nr. 1. Detalii.

Fig. 10. Viktorovka-I. Secţiunea „Г”. Cenuşarul nr. 1: 1 - mormântul nr. 1; 2 - mormântul nr. 2; 3 - mormântul nr. 3; 4 - mormântul nr. 4; 5 - mormântul nr. 5; 6 - mormântul nr. 6; 7 - mormântul nr. 7; 8 - amforă cu oase de somn.

Fig. 11. Viktorovka-I. Secţiunea „Г”. Cenuşarul nr. 1. Mormântul nr. 6: 1, 2 - ceramică lucrată cu mâna; 3 - obiect din piatră.

Fig. 12. Viktorovka-I. Secţiunea „Г”. Cenuşarul nr. 1: 1-13 - material amforistic; 14-22 - ceramică fină de culoare cenuşie; 23-28 - ceramică lucrată cu mâna; 29, 30 - ceramică de uz gospodăresc; 31-37 - ceramică est-grecească; 38-41 - ceramică atică; 42 - ceramică de Corint; 43 - ceramică de Laconia.

Fig. 13. Viktorovka-I. Secţiunea „Г”. Cenuşarul nr. 1: 1 - teracotă; 2-14 - imitaţii ceramice; 15-18 - monede; 19-21 - piese din fier; 22-25 - piese din plumb; 26-29 - piese din bronz; 30-32 - piese din os; 33-35 - piese din piatră.

The Viktorovka-I settlement of the Late Archaic time

Keywords: Lower Bug Region, Olbia, Viktorovka-I, Late Archaic, pit house, ash lens.

Abstract: Viktorovka-I is a double-layered ancient site belonging to the chora of Olbia, which existed in the western suburbs of the polis on the right shore of the Berezansky Liman. It was divided into two parts: the southern part was occupied by a settlement and the northern part was occupied by a temple. Today we can talk about two periods of the site's functioning: from the 2nd half of the 6th century to the 1st third of the 5th century BC and from the end of the 4th century to the 1st half of the 3rd century BC. Pit houses and outbuilding complexes on the territory of the settlement and an ash lens on the area of the sanctuary belong to the first period. The second period is represented by the remains of terrestrial multi-stone raw structure and a ritual ash lens. The study of the sanctuary is of particular interest, because it includes complexes which have no analogues among the monuments of the Northern Black Sea Region.

The article is devoted to materials of the Late Archaic time. There are analyzed architectural remains, pottery, tools, and household items.

List of illustrations:

Fig. 1. The map of Lower Bug area settlements of Archaic period (after Крыжицкий 1990, 11, рис. 4). Location of the Viktorovka-I.

Fig. 2. Viktorovka-I. Location of the sectors 1949 (after Болтенко 1949).

Fig. 3. Viktorovka-I. View from space. Location of the sectors 2012-2017.

Fig. 4. Viktorovka-I. Sector «A» (after Капошина 1949).

Fig. 5. Viktorovka-I. Sector «Б»: 1, 2 - pit houses; 3 - utility pit (after Болтенко 1949).

Fig. 6. Viktorovka-I. Sector «B». Pit house № 1. Plan and section.

Fig. 7. Viktorovka-I. Sector «B». Pit house № 1: 1-12 - containers amphoras; 13 - economic pottery; 14 - red clayed painted pottery; 15-20 - grey clayed painted pottery; 21-26 - handmade pottery; 27-32 - east-greek pottery; 33 - clay ware; 34 - chios pottery.

Fig. 8. Viktorovka-I. Sector «Г». Ashpit № 1. Plan and section.

Fig. 9. Viktirovka-I. Sector «Г». Ashpit № 1. Structural details.

Fig. 10. Viktorovka-I. Sector «Г». Ashpit № 1: 1 - burial № 1; 2 - burial № 2; 3 - burial № 3; 4 - burial № 4; 5 - burial № 5; 6 - burial № 6; 7 - burial № 7; 8 - amphora with bones of catfish.

Fig. 11. Viktorovka-I. Sector «Г». Ashpit № 1. Burial № 6: 1, 2 - handmade pottery: 3 - stone ware.

Fig. 12. Viktorovka-I. Sector «Г». Ashpit № 1: 1-13 – containers amphoras; 14-22 - grey clayed painted pottery; 23-28 - handmade pottery; 29, 30 - cooking pottery; 31-37 - east-greek pottery; 38-41 - attic pottery; 42 - korinfian pottery; 43 - laconian pottery.

Fig. 13. Viktorovka-I. Sector «Г». Ashpit № 1: 1 - terracotta; 2-14 - clay wares; 15-18 - coins; 19-21 - iron wares; 22-25 - lead wares; 26-29 - bronze wares; 30-32 - bone wares; 33-35 - stone wares.

19.01.2018

Денис Бондаренко, Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия» Национальной академии наук Украины, ул. Ольвийская 47А, 57540 Парутино, Украина, e-mail: bondarenkod1987@gmail.com

O MONEDĂ MACEDONEANĂ DE BRONZ DE LA TUDORA (RAIONUL ŞTEFAN VODĂ)

Sergiu Matveev
Ana Boldureanu

Cuvinte-cheie: istoria arheologiei, RSSM, Tudora, geţi, monedă macedoneană.

Primele monede macedonene care au ajuns în spaţiul Carpato-Nistrean au fost piesele de aur emise sub regii Filip II, Alexandru III cel Mare, Filip III etc. Moneda macedoneană de argint este o raritate în regiune, iar piesele din metal comun sunt considerate inexistente în spaţiul dintre râurile Prut şi Nistru. Din aceste considerente, descoperirile de acest fel au o valoare istorică de mare importanţă.

În anul 1958 Detaşamentul Arheologiei Scitice al Expediţiei Moldoveneşti a Institutului de Istorie a Culturii Materiale şi al Filialei Moldoveneşti a AŞ URSS sub conducerea A.I. Meljukova (1921-2004) a realizat cercetări de teren în partea de sud a RSSM. Pe malul drept al Nistrului cercetările s-au axat pe zona satelor Olăneşti şi Palanca, în special pe teritoriul localităţii Tudora. Ca urmare au fost cercetate 14 aşezări, trei din perioada „prescitică", patru din care au fost atribuite epocii scitice, şase – primelor secole ale erei creştine şi trei din perioada medievală (Мелюкова 1958a; Мелюкова 1958b). La acel moment în apropierea localităţii Tudora (Tudorovo – în documentele epocii) din cercetările efectuate de G.B. Fedorov în anul 1950 erau cunoscute două situri fortificate din perioada numită scitică. Situl Tudora II încă în anii '50 a fost inclus în zona de extindere a localităţii, fiind iremediabil pierdut, astfel încât sistemul de fortificaţie descris de G.B. Fedorov nu a mai putut fi identificat de membrii expediţiei conduse de A.I. Meljukova. S-a reuşit doar recuperarea unei colecţii de vase de lut care includea ceramică confecţionată cu mâna, datată cu secolele IV-III a. Chr., fragmente de amfore elenistice, dar şi vase aparţinând culturii Sântana de Mureş-Černjachov şi amfore romane din secolele II-III p. Chr.

Situl Tudora I se află la intrarea în sat dinspre Olăneşti şi avea în anul 1958 un grad mai ridicat de conservare (fig. 1). Suprafaţa cercetată prin săpături a depăşit 650 m², fiind identificate două nivele de locuire, unul din perioada de existenţă a cetăţuii numit „prescitic" şi altul din perioada romană. În stratul superior împreună cu materiale din perioada romană au fost identificate fragmente de ceramică tătărească, dar şi pereţi de amfore elenistice din secolele IV-III a. Chr. şi vase confecţionate cu mâna.

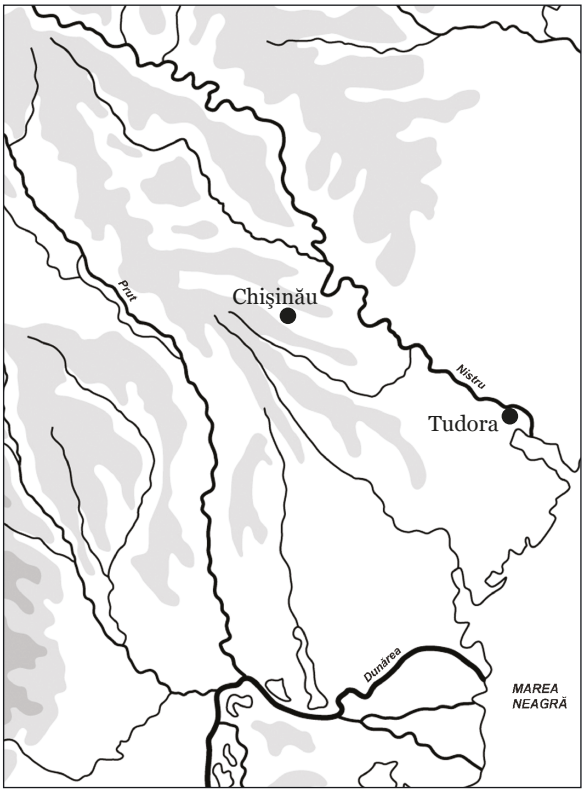


Fig. 1. Amplasarea sitului Tudora I.

Dintre piesele distincte din acest sit se remarcă o monedă de bronz atribuită de A.I. Meljukova emisiunilor regelui macedonean Filip II, şi descrise drept având pe avers chipul unui tânăr aberb (Apollo) cu părul prins de o bandă spre dreapta, iar pe revers cuprinzând imaginea unui călăreţ spre dreapta, cu legenda în partea superioară

Fig. 2. Moneda descoperită la Tudora.

ΦΙΛΙΡΠΟΥ, iar în partea inferioară monograma NE (Мелюкова 1958a, 31-32; Мелюкова 1958b, рис. 23/15)[1]. Modul de reprezentare a monedei ar presupune un raport de cca 45° între avers și revers (fig. 2). Autorul cercetărilor considerase atunci că ceramica din secolele IV-III a. Chr. și moneda au putut fi aduse pe suprafața sitului Tudora I, de locuitorii sitului Tudora II (Мелюкова 1958a, 32).

Analiza imaginii prezentate în albumul care însoțea raportul de săpături demonstrează că piesa de la Tudora I este de tipul SG 6696v. Monedele de acest tip au de obicei diametrul de circa 17-18 mm și greutatea variind între cca 5,5 și 7,5 g, și sunt datate în limita anilor 359-336 a. Chr. Ținem să atragem atenția că polisul care a utilizat monograma NE a fost Neonteichos, dar care puțin probabil să fi confecționat monede replici ale emisiilor lui Filip II Macedoneanul.

În ciuda importanței piesei, nu am regăsit descrierea ei în lucrările semnate de A.I. Meljukova, mai mult decât atât, în unul dintre volume autoarea atenționează că, în mediul funerar tracic pruto-nistrean nu sunt cunoscute monede macedonene din bronz (Мелюкова 1979, 151). Amintindu-și de discuțiile avute cu A.I. Meljukova privind evoluția economiei și influența lumii greco-macedonene asupra tracilor și sciților, prof. I. Niculiță afirmă că, cercetătoarea moscovită opina: „la tracii nordici nu pot fi prezente monede, deoarece nici chiar la sciți ele nu se întâlnesc". Nici în cele două volume care reflectă istoria circulației monetare și descoperirile de monede și tezaure monetare pe teritoriul RSSM, semnate de A.A. Nudelman, această piesă nu este semnalată (Нудельман 1976; Нудельман 1985). A. Nudelman chiar atenționează în volumul editat în anul 1976 că, dacă în spațiul dintre Carpați și Prut sunt cunoscute monede din argint și bronz ale dinaștilor macedoneni, în spațiul pruto-nistrean astfel de piese nu sunt cunoscute (Нудельман 1976, 12).

În volumul din anul 1985 deja apare informația despre o primă monedă macedoneană de argint emisă sub Alexandru III, descoperită în apropierea orașului Bolgrad (Нудельман 1985, 11, 159).

Datele statistice după metalul din care au fost confecționate monedele grecești și macedonene descoperite în spațiul pruto-nistrean, se prezentau până în anul 1985 astfel (Нудельман 1985, 10). Cele șase monede din bronz, emise în diferite orașe-polisuri grecești, ca, spre exemplu, cele din Tyras, au fost descoperite pe suprafața siturilor getice din zona Complexului istorico-arheologic Orheiul Vechi.

	Aur	Argint	Electrum	Aramă
Număr de piese	1021	293	74	6
% din nr. total	73,24%	21,01%	5,31%	0,43%

Singura lucrare în care este pomenită existența piesei în repertoriul siturilor arheologice din secolele VII-III a. Chr. este cea semnată de Tudor Arnăut, dar în aceeași lucrare în repertoriul numismatic descoperirea respectivă lipsește (Arnăut 2001, 271). Piesa lipsește și din volumul apărut în anul 2015 privind moneda în Republica Moldova, compartiment semnat de Aurel Vîlcu (MRM 2015, 21-30).

În catalogul Rapoartelor de săpături arheologice din Arhiva Institutului de Arheologie al Academiei de Științe a Rusiei, Raportul respectiv al A.I. Meljukova și albumul corespunzător apar sub codificarea „Ф-1. Р-1. № 1831. 49 л. № 1831a – Альбом иллюстраций к отчету. 21 л, 39 ил.". Referitor la locul păstrării artefactelor colectate se menționează lipsa informațiilor privind colecția de piese arheologice (КН-ОАИА РАН 2010, 285). Verificările realizate în fondurile Muzeului Național de Istorie și ale Muzeului Național de Etnografie și Istorie Naturală la fel nu au dat nici un rezultat.

În zonele sud-dunărene învecinate acest tip de monedă este bine cunoscut. Spre exemplu *Catalogul pieselor de bronz emise sub Filip al II-lea descoperite pe teritoriul Dobrogei*, publicat în anul 2009 de G. Talmațchi, cuprinde 52 de monede (Talmațchi 2009, 73-93), autorul conside-

[1] Mulțumim dlui Sergiu Popovici, director adjunct al Agenției Naționale Arheologice, care ne-a atenționat asupra acestei piese.

rând că cea mai mare parte a monedelor de bronz ale lui Filip II par a fi postume. Pentru teritoriul Bulgariei cantitatea de monede de bronz ale lui Filip II este de-a dreptul impresionantă, depăşind cifra sutelor (Talmaţchi 2009, 88). Mai mult chiar, câteva piese cu o monogramă similară au fost colectate de profesorul Ilya Prokopov, care o consideră mai curând o combinaţie între litera N şi un trident (A se vedea şi: Славова, Прокопов 2017, 31-37; Slavova, Prokopov 2017)[2]. Şi într-adevăr, piesele care ne-au fost demonstrate în anul 2016 (nepublicate la acel moment) aveau un trident evident, aşezat alături de litera N. Înclinăm să susţinem opinia cercetătorului de la Sofia.

Monedă macedoneană de bronz identificată în Raportul de cercetări arheologice din anul 1958 realizate la Tudora (r-nul Ştefan Vodă), prima cunoscută în spaţiul dintre Prut şi Nistru, nu a putut fi găsită în niciunul dintre muzeele din Republica Moldova, în care ar fi trebuit să se afle. Soarta ei rămâne incertă, cu şanse minime de a fi recuperată vreodată. Analiza imaginii permite a data perioada de emisie a monedei respective în limitele celei de-a două jumătăţi a secolului al IV-lea a. Chr., poate chiar spre finalul lui. Laconismul textului Raportului nu facilitează identificarea altor valenţe cronologice a momentului şi condiţiilor de penetrare a piesei în mediul barbar.

Bibliografie

Arnăut 2001: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2001).

MRM 2015: Moneda în Republica Moldova (Chişinău 2015).

Slavova, Prokopov 2017: M. Slavova, I. Prokopov, Numismatic collection of the RegionalHistorical Museum at Haskovo. Coins and Coin hoards from VI to I Century BC (Sofia-Haskovo 2017).

Talmaţchi 2009: G.M. Talmaţchi, Câteva date noi privind descoperirile monetare de bronz macedonene din Dobrogea. ArhMold XXXII, 2009, 73-93.

КН-ОАИА РАН 2010: Научно-отраслевой Архив Института Археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог 1955-1959 гг. (Москва 2010).

Нудельман 1976: А.А. Нудельман, Топография кладов и находок единичных монет. Археологическая карта Молдавии. Выпуск 8 (Кишинев 1976).

Нудельман 1985: А.А. Нудельман, Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства) (Кишинев 1985).

Мелюкова 1958a: А.И. Мелюкова, Отчет о работе отряда скифской археологии Молдавской экспедиции в 1958 г., Arhiva Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, nr. 386.

Мелюкова 1958b: А.И. Мелюкова, Альбом к отчету о работе отряда скифской археологии Молдавской экспедиции в 1958 г., Arhiva Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, nr. 12.

Мелюкова 1979: А.И. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).

Славова, Прокопов 2017: М. Славова, И. Прокопов, Бронзови монети на македонските царе по долината на река Марица в Хасковска област. Будител 1 (43) 2017, 31-37.

A bronze Macedonian coin from the village of Tudora (Ştefan Vodă District)

Keywords: history of archaeology, MSSR, Tudora, Getae, Macedonian coin.

Abstract: In 1958, the Department of Scythian Archaeology of the Moldavian Expedition of the Institute of History and Material Culture and the Moldavian branch of the USSR Academy of Sciences under the direction of A.I. Meljukova conducted field research in the southern part of the MSSR. On the right bank of the Dniester River, studies were carried out in the area of the Olăneşti and Palanca villages, particularly in the territory of the village of Tudora. As a result, 14 settlements were studied, three of which were of the pre-Scythian time, four attributed to the Scythian period, six to the first centuries of Christianity, and three of the medieval times.

The site Tudora I was located at the entrance to the village from Olăneşti and in 1958 was in better state of preservation. There were identified 2 habitation layers – one of the period of the existence of the pre-Scythian fortress and the second of the Roman period.

Among the individual finds from this site there is a bronze coin attributed by A.I. Meljukova to the issues of Macedonian King Philip II. On the front side there was an image of the head of the beardless young man (Apollo?), with the hair tied, and on the reverse side - the rider on horse galloping to the right, the legend at the top: ΦΙΛΙΡΠΟΥ, and in the lower part - monogram NE . The ratio of the obverse and the reverse was 45°.

[2] Mulţumim pe această cale dlui dr. Ilya Prokopov pentru sfaturile utile.

The analysis of the image taken from the original research report shows that the coin from Tudora I belongs to type SG 6696v, whereas items of this type usually have the diameter about 17-18 mm and the weight varying between 5.5 and 7.5 g, and are dated between 359 and 336 BC. We would like to point out that the polis that used the monogram NE was Neonteichos, but it is very unlikely that this town produced bronze imitations of the coins of King Philip II the Macedonian. In the neighboring south Danube areas, this type of coin is well-known, both in Dobrogea, but especially on the territory of Bulgaria. Prof. Ilya Prokopov considers that the respective monogram is rather a combination of letter N and a trident. The authors of this study support the Bulgarian researcher's opinion.

The bronze Macedonian coin presented in the 1958 archaeological report on Tudora (Ştefan Vodă District) is the first such find between the Prut and the Dniester. Unfortunately, the coin itself was not found in any of the museums of the Republic of Moldova. Its fate remains uncertain, with a minimal chance of recovery. The analysis of the image in the photograph allows us to date the coin the second half of the 4th century BC, even near the end of it. The brevity of the text of the report does not allow us to identify other chronological elements, the moment and conditions for the penetration of the coin into the Barbarian World.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the site of Tudora I.

Fig. 2. The coin discovered in Tudora.

Бронзовая македонская монета из села Тудора (район Штефан-Водэ)

Ключевые слова: история археологии, МССР, Тудора, геты, македонская монета.

Резюме: В 1958 году Отряд скифской археологии Молдавской экспедиции Института истории материальной культуры и Молдавского филиала Академии наук СССР под руководством А.И. Мелюковой провел археологические исследования в южной части МССР. На правом берегу Днестра исследования проводились в зоне сел Олэнешты – Паланка, особенно на территории села Тудора (Тудорово). В результате было исследовано 14 поселений, 3 из которых предскифского периода, 4 – датированы скифским периодом, 6 – первыми веками нашей эры и 3 – эпохой средневековья.

Городище Тудора I располагалось при въезде в село со стороны с. Олонешты и на момент исследования было в лучшей сохранности. Оно содержало археологические находки двух периодов. Первый из них соответствовал периоду существования городища – предскифскому. Другой датировался первыми веками нашей эры. Среди индивидуальных находок этого памятника выделяется бронзовая монета, причисленная А.И. Мелюковой к эмиссиям македонского царя Филиппа II. На лицевой стороне находилось изображение головы безбородого молодого мужчины (Аполлона), с повязанными волосами, а на оборотной стороне – всадник на лошади, скачущий направо, легенда в верхней части: ΦΙΛΙΡΠΟΥ, а в нижней части – монограмма NE. Соотношение аверса и реверса составляло 45°.

Анализ изображения монеты, представленного в отчете, свидетельствует, что монета из Тудоры I принадлежит к типу SG 6696v; данный вид монет обычно имеет диаметр 17-18 мм, вес варьирует между 5,5-5,7 грамма, датируется 359-366 годами до нашей эры.

Из числа полисов, использующих монограммы, монограмма NE принадлежала Неонтеихосу. Но кажется маловероятным, что этот город изготовлял бронзовые имитации монет Филиппа II Македонского. На территории южнее Дуная этот тип монет хорошо известен в Добрудже, а особенно на территории Болгарии. Профессор Илья Прокопов считает, что данная монограмма представляет собой комбинацию между буквой N и трезубцем. Авторы данного исследования поддерживают мнение софийского исследователя.

Бронзовая македонская монета, представленная в отчете об археологических раскопках 1958 года у села Тудора района Штефан-Водэ, является первой такой находкой между Прутом и Днестром. К сожалению, сама монета не была обнаружена ни в одном из музеев Республики Молдова. Ее судьба остаётся неопределенной, с минимальными шансами на обнаружение. Анализ изображения на фотографии позволяет датировать монету второй половиной IV в. до н.э., даже ближе к его концу. Лаконичность текста отчета не позволяет идентифицировать другие хронологические элементы, момент и условия проникновения монеты в варварскую среду.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение городища Тудора I.

Рис. 2. Монета, обнаруженная у села Тудора.

20.04.2018

Dr. Sergiu Matveev, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: sssmatveev@yahoo.com

Dr. Ana Boldureanu, Muzeul Naţional de Arheologie şi Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: anaboldureanu@yahoo.com

BASTARNII DE LA ROŞIORI. REZULTATELE CAMPANIEI ARHEOLOGICE DIN ANUL 2016

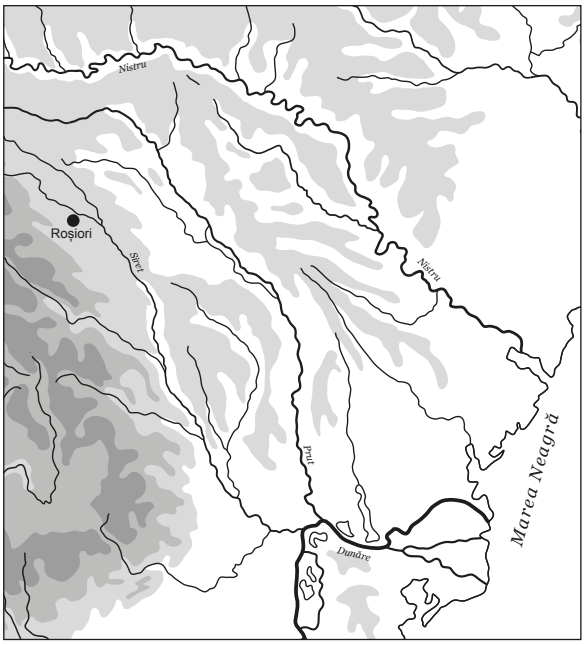
George Dan Hânceanu

Cuvinte-cheie: Roşiori, terasa râului Moldova, ceramică neagră, vase lustruite, vase nelustruite, ceramică grosieră, barbotină.

Săpăturile arheologice efectuate în anul 2016, pe terasa superioară a râului Moldova, au permis să observăm păstrarea celor patru niveluri de locuire din stratigrafia sitului de pe teritoriul satului Roşiori, comuna Dulceşti, judeţul Neamţ (fig. 1): cel mai vechi nivel, geto-dacic, secolele V-IV a. Chr., urmat de stratul bastarnic, din secolele II-I a. Chr., nivelul dacilor liberi, secolele II-III p. Chr. şi stratul romanic, cel mai recent, secolele VI-VII p. Chr.

În campania anului 2016 am urmărit cercetarea botului de terasă (terasa superioară fiind împărţită în două de drumul sătenilor care ajunge la parcelele agricole din proprietate (vezi Hânceanu 2017, 144, 150, pl. I/1) din partea dreaptă a sitului, dinspre latura de nord, unde mai desfăşurasem săpături în anul 2006. În lateral de fosta secţiune S.VI/2006 am trasat o casetă, de mari dimensiuni (26,0×6,5 m), dispusă în paralel cu buza terasei (fig. 2/1). Pe lângă complexele închise (două locuinţe geto-dacice, un cuptor amenajat în aer liber, două gropi menajere antice şi un grup de cuptoare romanice) nivelurile de locuire au oferit un material arheologic numeros şi variat tipologic.

1



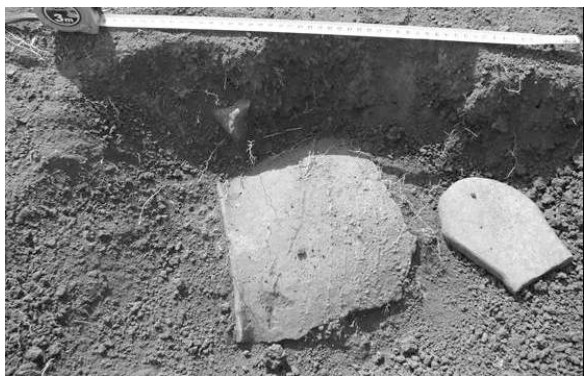
2

Fig. 1. 1 - Amplasarea sitului arheologic de la Roşiori (jud. Neamţ) pe terasa superioară a râului Moldova; 2 - localizarea sitului în spaţiul est-carpatic.

Date generale

Pentru stratul de locuire bastarnic, săpăturile au dezvăluit prezenţa unor tipuri de vase noi pentru aşezarea de la Roşiori, dar cunoscute prin intermediul descoperirilor din alte situri de profil. Pe parcursul cercetărilor arheologice, din situl de pe malul Moldovei, am urmărit să facem cunoscute vestigiile de tip bastarn din aşezare. Prin urmare, fie am evidenţiat anumite vase (Hânceanu 2006, 61-64), deosebite din punctul nostru de vedere, fie am prezentat toate descoperirile respectivei campanii, incluzând şi artefactele nivelului bastarn (Hânceanu 2007, 429-435, pl. VI-IX; Hânceanu 2008, 277-286; Hânceanu 2012, 32-33, 74-75, pl. XII-XIII; Hânceanu 2016, 42-44, 58-59, 68-69, pl. VII/4, VIII, XVII-XVIII), care să permită celor interesaţi accesul la obiectele culturii *Poieneşti-Lucaşeuca*.

1



2

Fig. 2. 1 - Limitele casetei E; 2 - fragment vas-sac cu barbotină *in situ*.

Descoperirile arheologice din anul 2016 se rezumă doar la ceramică[1], care extind tipologia vaselor pentru situl de la Roşiori. Ambele categorii ceramice se păstrează, pe de o parte *ceramica neagră*, cu cele două variante (fină, lustruită şi semifină, nelustruită), la care se adaugă acele vase arse incomplet, de culoare gălbuie ori gălbui-cărămizie, iar pe de altă parte *ceramica de uz casnic cu aspect grosier*, rezistentă la sursele de foc, utilizată în gospodărie (decorată cu „stropi", barbotinată).

Descrierea ceramicii

Până la momentul actual al cercetărilor de la Roşiori am constatat, în cadrul ceramicii bastarne, preponderenţa categoriei negre, care are deopotrivă atât recipiente fine, cât şi semifine, precum străchini cu sau fără toartă, vase borcan, căniţe, strecurători. Profilul sub forma literei S şi toarta ce imită litera X sunt caracteristici ale ceramicii bastarne. Categoria de uz casnic cu aspect grosier este mai slab reprezentată, iar vasele erau folosite pentru gătit, fapt indicat de arderea secundară. Aceleiaşi categorii îi aparţin şi recipientele de mari dimensiuni, cum sunt vasele pentru depozitare.

Noile tipuri de vase pentru aşezarea de la Roşiori sunt din categoria ceramicii negre, fine şi semifine (căni, castroane), alături de care s-au găsit şi recipiente cunoscute din campaniile precedente (vase borcan, străchini, căniţe). Comparativ cu ceramica descoperită anterior, în săpătura anului 2016 nu avem vase cu motive ornamentale deosebite (exceptând linii incizate), aspect remarcabil însă pentru vestigiile campaniei din anul 2017[2].

Principalele criterii care împart categoria ceramicii bastarne în două sunt compoziţia pastei şi aspectul final, motiv pentru care sunt recipiente cu aspect fin şi semifin (în urma omogenizării lutului şi eliminării imperfecţiunilor), dar şi grosiere (cu multe pietricele în structură, rezistente la foc).

I. Ceramica neagră din pastă fină, lustruită şi semifină, nelustruită

1. *Varianta fină, lustruită* este reprezentată printr-un număr mai mare de fragmente, din care au putut fi restaurate parţial şi complet câteva străchini, restul vaselor rămânând la stadiul fragmentar, cum au fost descoperite.

Tipologic avem următoarele vase: căni, căniţe, străchini, castroane, vase borcan şi vase pentru depozitare.

a) Căni: recipientele sunt de dimensiuni medii şi mari, din care s-au păstrat doar corpuri ce indică o formă bitronconică, lustruite la exterior (fig. 4/5, 6). Asemănări cu vasele întregi din cimitirele de la Poieneşti (jud. Vaslui) (Vulpe 1953, 347, fig. 170) şi Boroseşti (jud. Iaşi) (Babeş 1993, 185, 187, Taf. 1/7a; 4/19a; 7/63a).

b) Căniţe: deşi puţine, fragmentele au permis observarea formelor. De dimensiuni medii şi mici, vasele au buza evazată simplă sau dreaptă, teşită, gâtul scurt, uneori canelat (la exemplarele cu buza evazată), corpul puternic bombat, uşor globular şi fundul drept. Nu au păstrate torţile. Exemplarele au suprafaţa exterioară intens lustruită (fig. 4/1-4; 15/1-4). Seamănă cu vasele de la Târpeşti (jud. Neamţ) (Babeş 1981, 109-110, fig. 225/5, 13;

[1] Aducem mulţumiri colegului desenator, muzeograf Dan Spătariu, pentru efortul depus în finalizarea desenelor articolului.

[2] Datorită cantităţii, diversităţii tipologice şi decorative a vaselor am preferat să le analizăm în cuprinsul unui viitor articol.

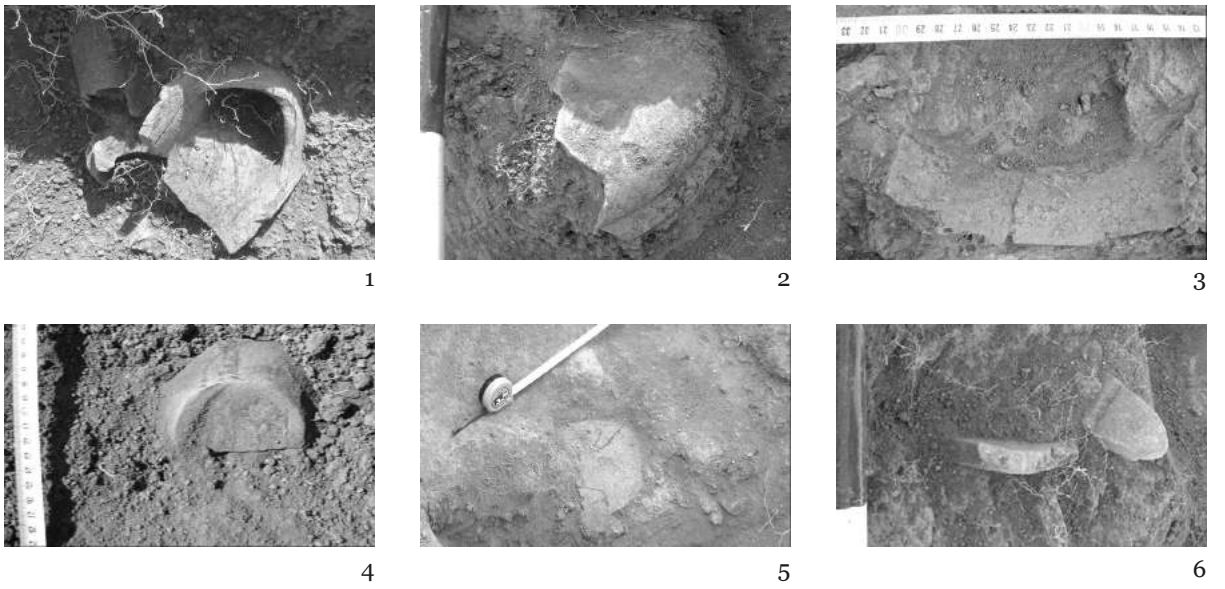


Fig. 3. Ceramică neagră, fină, semifină, grosieră, *in situ*: 1 - cană; 2 - fund vas borcan; 3 - strachină; 4-6 - fragmente de la vase grosiere pentru depozitare.

226/9-11), Ciurea (Teodor 1987, 88-89, fig. 19/1, 4) şi Boroseşti (jud. Iaşi) (Babeş 1993, 187, Taf. 6/49b).

c) Castroane (fig. 5/3-7a-c): de mari dimensiuni, adânci şi cu diametrul gurii care îl depăşeşte pe cel al străchinilor. Buza vaselor este de tip colac, rotunjită şi nu faţetată ori dreaptă, teşită, ca la străchini. Gâtul scurt şi drept se prelungeşte cu pereţi conici, probabil finalizaţi tot cu un fund plat, precum la străchini. Ornamentul unui vas este format din linii circulare orizontale, incizate succesiv pe corp, care are şi porţiuni arse incomplet (fig. 5/7a-c; 16/3a-c). Momentan nu am găsit analogii pentru această formă de vas.

d) Străchini: cele mai numeroase din inventarul aşezării, cu mici diferenţe datorate aspectului buzei, înălţimii corpului şi a diametrului interior. Modelate manual din pastă fină, neagră, cu aproape toată suprafaţa interioară şi exterioară lustruită, vasele au buza îngroşată, faţetată, evazată (fig. 5/1), delimitată de gâtul scurt printr-o subţiere a pastei, având pereţii conici, finalizaţi cu un fund rotund, plat. Recipientele sunt medii ori joase şi au o toartă, mică, care imită forma literei X. Datorită lustruirii au un aspect lucios, iar uneori dispun de mici linii interioare sau exterioare, executate tot prin tehnica menţionată (fig. 5/2). Dintre recipiente două au fost restaurate complet şi sunt diferite: una este cu buza faţetată, evazată şi joasă, cu toarta păstrată parţial (fig. 9; 18/3), iar cealaltă este cu buza dreaptă, teşită şi mai înaltă (fig. 10; 18/5). De asemenea, două exemplare similare au fost restaurate doar pe jumătate, fiind medii, cu buza evazată, faţetată, de culoare neagră, pe alocuri cu porţiuni arse incomplet (fig. 3/3; 8/5-6a-b; 18/7, 9). Întrucât străchinile sunt foarte numeroase la bastarni, doar vom selecta câteva. Pentru exemplarele cu buza evazată, faţetată şi medii, chiar joase avem asemănări la Poieneşti (jud. Vaslui) (Vulpe 1953, 369, 371, fig. 234; Babeş 1993, 213, Taf. 37/561b; 38/588b), Cârligi-Bahna (jud. Neamţ) (Mitrea 1980, 433-434, fig. 2/5), Târpeşti (jud. Neamţ) (Babeş 1981, 109-110, fig. 227/11), Ciurea (Teodor 1987, 88-89, fig. 19/5), Satu Nou-Oltina (jud. Constanţa) (Conovici 1992, 6, fig. 1/1, 7) şi Boroseşti (jud. Iaşi) (Babeş 1993, 185, Taf. 2/13a; 3/14b, 16b, 17b), iar pentru vasele înalte cu buza dreaptă găsim o similitudine cu recipientul de la Boroseşti (jud. Iaşi) (Babeş 1993, 186, Taf. 13/2). Totodată sunt asemănări şi cu exemplarele medii şi înalte din aşezarea de la Ulmu (Romanovskaja 1987, 220, fig. 11/2, 4, 5) şi Lucaşeuca (Republica Moldova) (Tkaciuk 1994, 246, fig. 8/1, 2).

2. *Varianta semifină, nelustruită* cuprinde aproape aceleaşi tipuri de vase descrise anterior. Spre deosebire de varianta anterioară, dispunem de un exemplar de cană înaltă, însă nu avem reprezentate castroanele. Nu sunt vase restaurate complet, ci doar parţial.

Fig. 4. Ceramică neagră, pastă fină, lustruită (1-6) şi pastă semifină, nelustruită (7-13) (1-4, 8, 9 - căniţe; 5-7/a-b, 10-13 - căni): 1-2, 8-11 - buze; 4 - fund; 5-7/a-b - corpuri; 12, 13 - căni păstrate parţial.

a) Cănile sunt diferite, formele indicând două variante (globulare şi bitronconice):

a.1 Căni globulare, medii, cu buza evazată, faţetată, gâtul scurt, corpul bombat, spre globular şi fundul drept. Toarta scurtă, sub forma literei X, este prinsă de buză şi corp, precum la străchini. Exemplarele sunt nelustruite (fig. 4/10-12; 15/6-8; 18/1). Similitudini cu recipientele de la Poieneşti (jud. Vaslui) (Vulpe 1953, 341-343, fig. 157-158, 160; Babeş 1993, 213, Taf. 37/561a), Cârligi-Bahna (jud. Neamţ) (Mitrea 1980, 433-434, fig. 2/1; 3/1), Ciurea (Teodor 1987, 88-89, fig. 19/7), Boroseşti (jud. Iaşi) (Babeş 1993, 183, Taf. 4/25a), Ghelăieşti (jud. Neamţ) (Babeş 1993, 199-200, Taf. 26/2) şi Horodiştea (jud. Botoşani) (Babeş 1993, 201, Taf. 45/11).

Fig. 5. Ceramică neagră din pasta fină, lustruită (1, 2 - străchini; 3-7/a-c - castroane): 1 - buză evazată; 2 -corp cu decor incizat interior; 3-7/a-c - buze de tip colac.

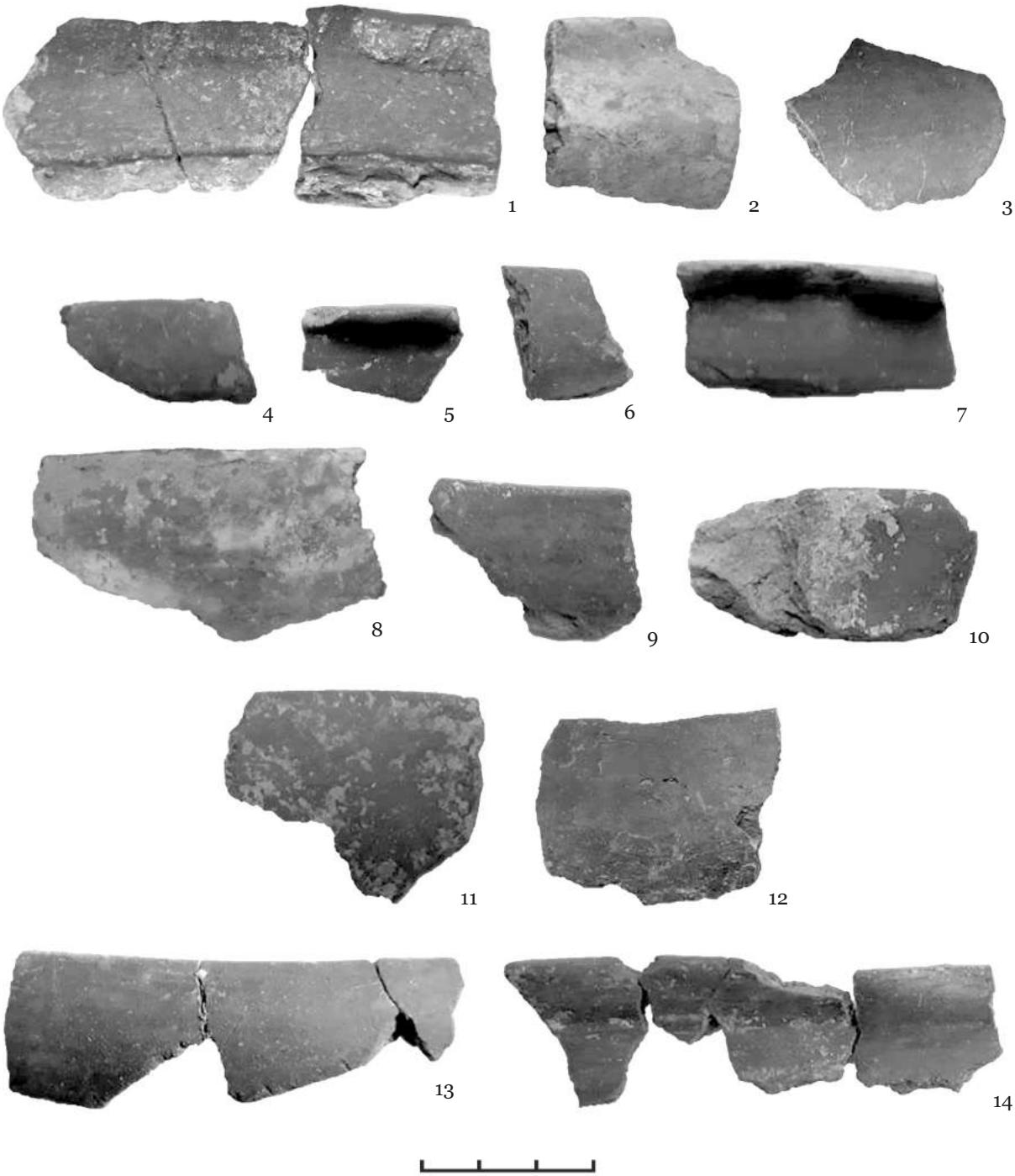


Fig. 6. Ceramică din pastă semifină, neagră, nelustruită (străchini): 4, 6, 8-13 - buze drepte aplecate spre interior; 1-3, 5, 7, 14 - buze evazate.

a.2 Căni bitronconice, înalte, cu buza dreaptă, teşită, gâtul prelung sau lung, delimitat uneori de corpul bitronconic printr-o linie incizată. Toarta lungă, sub forma literei X, este prinsă tot de buză şi corp. Au suprafaţa nelustruită (fig. 3/1; 4/7a-b, 13; 15/9). Forma buzei, teşită şi gâtul lung nu le-am întâlnit la alte vase, ci doar am observat unele apropieri cu cănile de la Poieneşti (jud. Vaslui) (Babeş 1993, 212, Taf. 35/434a), Boroseşti (jud. Iaşi) (Babeş 1993, 185-186, Taf. 2/10a; 6/36a) şi Curteni-Olteneşti (jud. Vaslui) (Teodor 1999, 235, fig. 49/9).

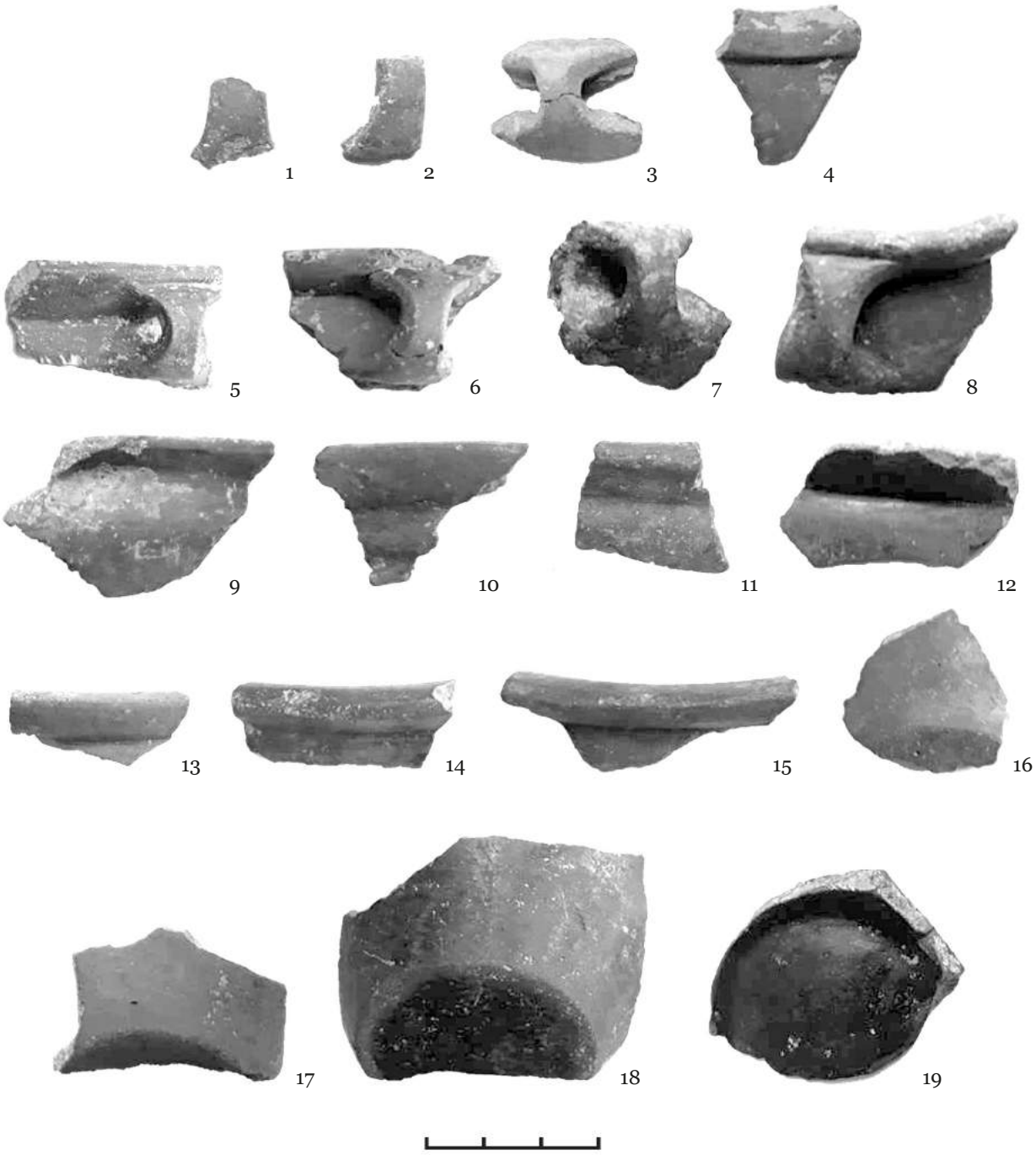


Fig. 7. Ceramică din pastă semifină, neagră, nelustruită: 1-3 - torţi de străchini, sub forma literei X; 5-8 - buze de străchini cu torţi; 9-12 - tipuri de buze de străchini; 4, 13-15 - buze şi toartă de vase borcan; 16-19 - funduri de vase borcan.

b) Căniţe: medii, nelustruite, cu buza dreaptă teşită, gâtul scurt şi corpul bombat, probabil terminat cu un fund drept, nepăstrat, asemenea torţilor (fig. 4/8, 9; 15/5). Au aceleaşi forme ca la exemplarele lustruite. Remarcăm legături cu un vas fragmentar din aşezarea de la Ulmu (Republica Moldova) (Romanovskaja 1987, 220, fig. 11/10).

c) Străchini: cu buzele diferite, sub forma unui colac, faţetate, evazate (fig. 7/8-10, 12; 8/1; 17/4-6) ori drepte, teşite, trase spre interior sau la exterior (fig. 6; 7/11; 17/1-3, 7-10), delimitate de gâtul scurt printr-o subţiere a pastei, având pereţii conici, finalizaţi cu un fund rotund, plat (fig. 8/2, 3). De cele mai multe ori, vasele au toarta mică,

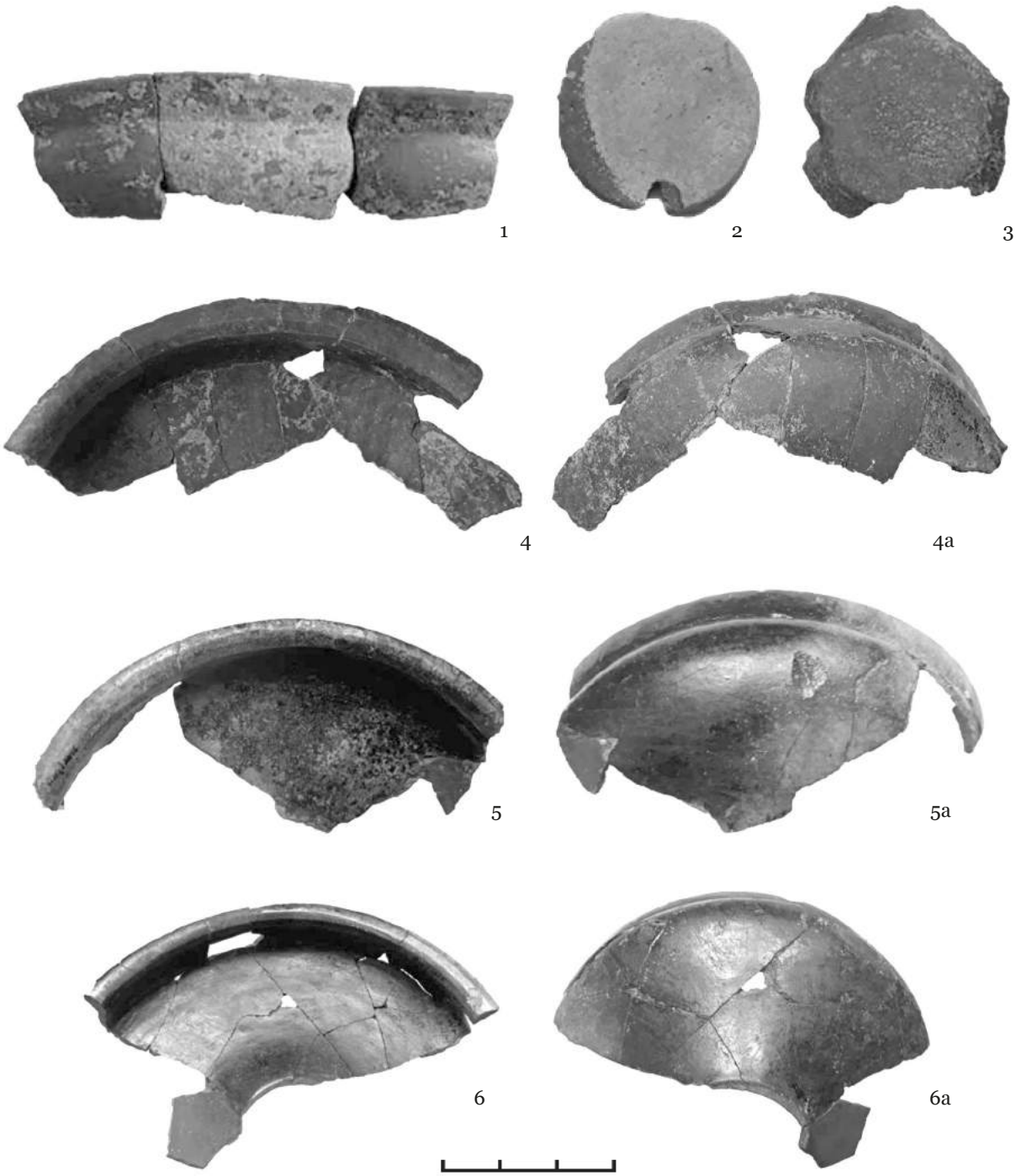


Fig. 8. Ceramică neagră, semifină, nelustruită (1-4/a-b) şi fină, lustruită (5, 6/a-b): 1-3 - buză şi funduri de străchini; 4-6/a-b - străchini restaurate parţial.

comparativ cu dimensiunile totale, care imită forma literei X (fig. 7/1-3, 5-8; 17/11, 12; 18/2, 4, 6). Medii sau joase, recipientele au diametre foarte mari, fiind largi, încăpătoare. Un singur exemplar a fost restaurat parţial, fiind cu buza evazată, faţetată, gâtul scurt, iar pereţii conici, înalţi (fig. 8/4a-b; 18/8). Am descoperit şi fragmente de străchini care au fost arse incomplet, de culoare gălbuie sau gălbui-roşietică (fig. 11/4-9). Formele sunt aceleaşi precum la varianta cu vase lustruite. Pentru străchinile cu buza dreaptă, unele trase spre interior, avem analogii la Ciurea (Teodor 1987, 88-89, fig. 19/3), Boroseşti (jud. Iaşi) (Babeş 1993, 186, Taf. 13/2, 7), Buhăieşti (jud. Vas-

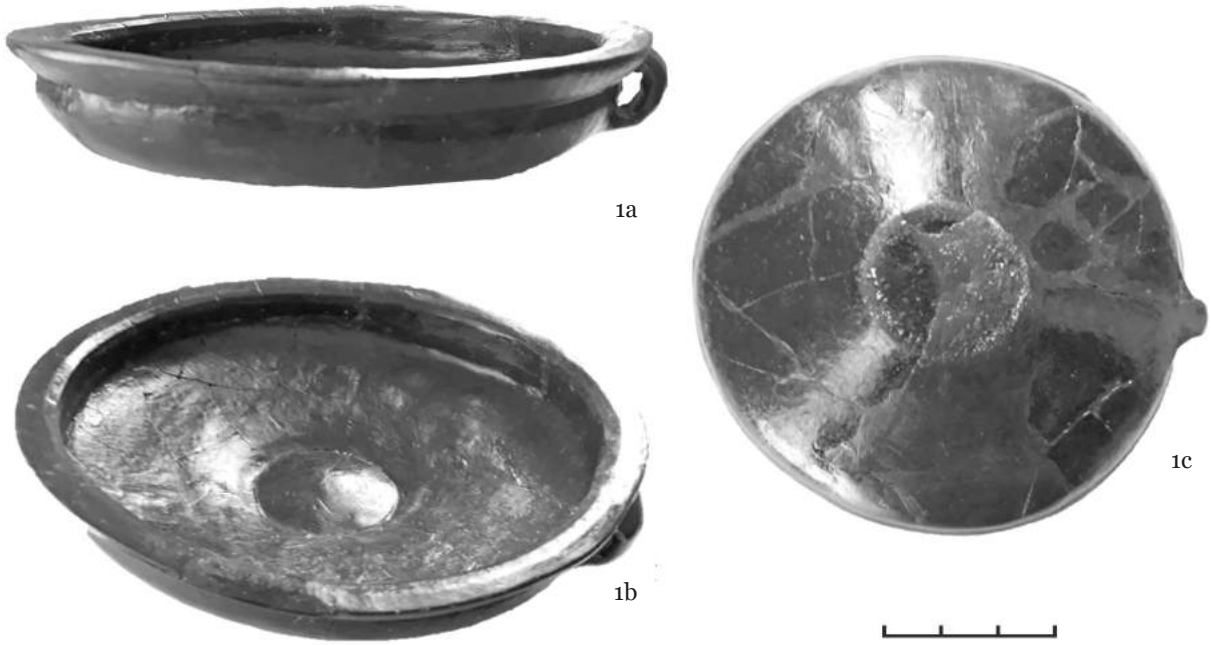


Fig. 9. Strachină neagră din pasta fină, lustruită.

Fig. 10. Strachină din pasta fină, neagră, lustruită.

Fig. 11. Ceramică semifină (4-9) şi grosieră (1/a-b, 2, 3, 10, 11), nelustruită, arsă incomplet, de culoare gălbui-cărămizie, unele cu ardere secundară (1/a-b, 2, 3, 10, 11): 1/a-b, 2, 3 - buze drepte de castroane; 4-9 - buze şi fund de străchini; 10, 11 - vase depozitare.

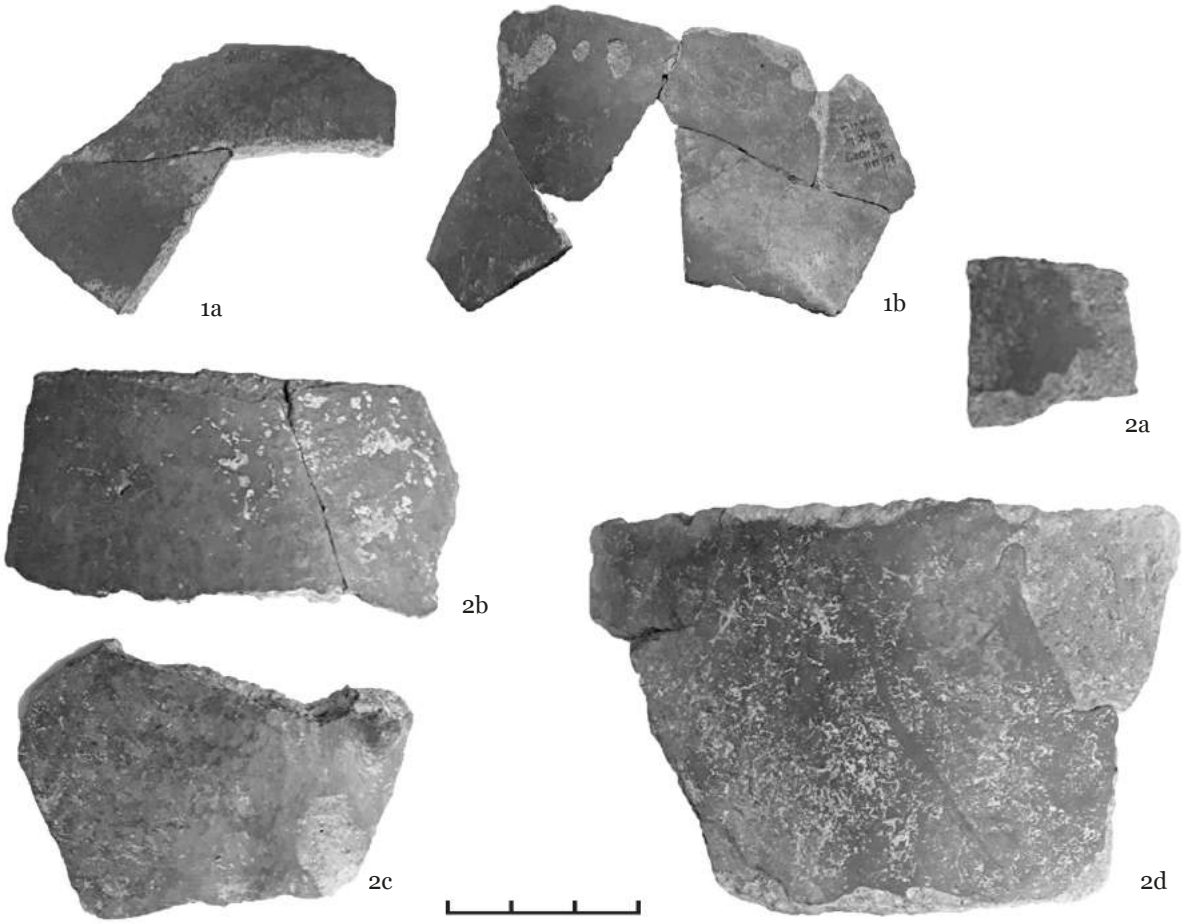


Fig. 12. Ceramică neagră din pastă semifină, nelustruită (1/a-b) şi semifină, grosieră, nelustruită (2/a-d): 1/a-b, 2/a-d - fragmente de la vase pentru depozitare.

lui) (Teodor 1999, 235, fig. 49/3) şi în aşezarea de la Ulmu (Republica Moldova) (Romanovskaja 1987, 220, fig. 11/20).

d) Vase borcan: mai puţin numeroase comparativ cu alte campanii, păstrate în stare fragmentară. Buza este de tip colac sau evazată, faţetată, gâtul scurt, care se continua cu un corp bombat mediu sau extrem, nepăstrat în timp, finalizat cu un fund drept (fig. 3/2; 7/13-19; 16/2). De regulă, aveau torţi sub forma literei X (fig. 7/4; 16/1), asemenea celor de la străchini. Deşi nu s-au găsit în campania anului 2016 sunt şi vase borcan din pastă fină, lustruită. Apropieri cu vasele de la Poieneşti (jud. Vaslui) (Vulpe 1953, 319-320, fig. 112), Boroseşti (jud. Iaşi) (Babeş 1970, 223, fig. 2; Babeş 1993, 185-186, 191, Taf. 3/16a; 6/33a; 11/128a; Babeş 2001, 526, fig. 95/A), Drăgeşti-Todireşti (jud. Vaslui) (Coman 1980, 249, 337, fig. 127/9, 10), Târpeşti (jud. Neamţ) (Babeş 1981, 109-110, fig. 227/1, 3-4, 9), Ciurea (Teodor 1987, 88-89, fig. 19/2, 9), Satu Nou-Oltina (jud. Constanţa) (Conovici 1992, 6, fig. 1/4, 6), Ghelăieşti (jud. Neamţ) (Babeş 1993, 199-200, Taf. 26/1), dar şi cu cele din aşezarea de la Ulmu (Republica Moldova) (Romanovskaja 1987, 220, fig. 11/1, 3, 6).

e) Vas pentru depozitare: două fragmente mari din corpul unui vas din pastă semifină, neagră, cu pereţii subţiri, destinat păstrării alimentelor sau pentru apă (fig. 12/1a-b).

Între cele două variante ale ceramicii negre bastarne avem ca diferenţe aspectul, oferit de pasta mai aspră a vaselor semifine, nelustruite, precum şi utilitatea lor, cele fine pentru păstrarea şi servirea produselor, iar cele semifine pentru uzul curent, cotidian, fiind sortite mai des fragmentării.

Fig. 13. Ceramică grosieră cu barbotină: 1-9 - vase fragmentare pentru depozitare şi uz casnic, cu ardere secundară (1, 3, 4, 7, 8), de culoare gălbui-cărămizie (2, 3, 5, 7) şi cenuşie-neagră (1, 4, 6, 8, 9).

Probabil, deşi încă nu am găsit complet, ambele variante cuprind aceeaşi gamă de vase, care sunt asemănătoare, doar compoziţia pastei este diferită şi lipsa lustruielii, motiv pentru care sunt lesne de reperat şi comparat.

Ca tipuri de vase comune ambelor categorii sunt cănile bitronconice, căniţele, străchinile, iar în plus avem pentru prima variantă (fină, lustruită) castroanele, iar pentru a doua variantă (semifină, nelustruită), cănile globulare, vasele borcan şi vasul pentru depozitare.

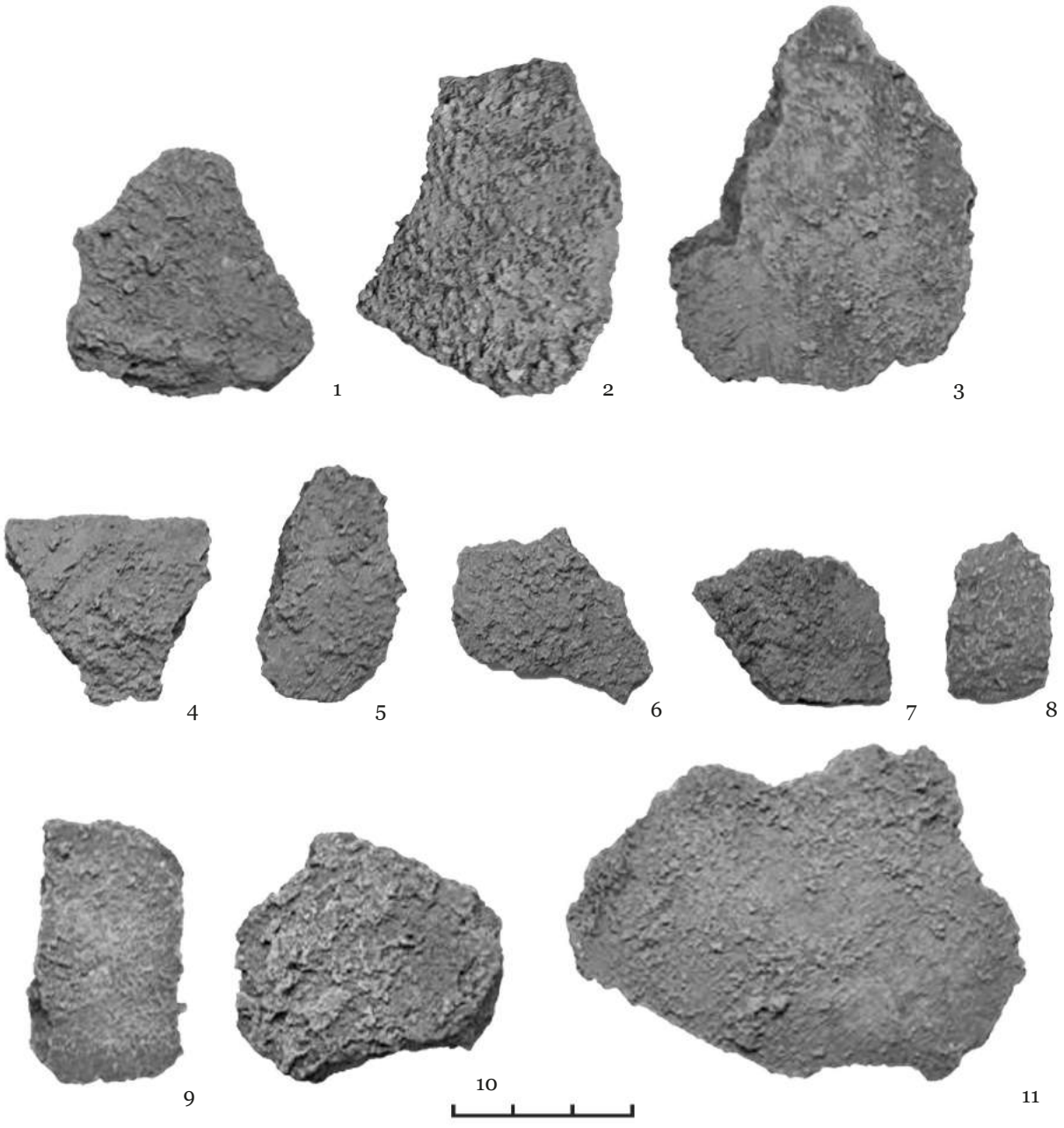


Fig. 14. Ceramică grosieră cu barbotină: 1-11, fragmente de vase pentru depozitare, de culoare gălbui-cărămizie (1-3) şi cărămiziu-cenuşie (4-11).

II. Ceramica grosieră de uz casnic (de bucătărie)

Comparativ cu categoria ceramicii negre, cea de uz casnic cu aspect grosier are variante diferite din cauza compoziţiei pastei, aspectului, decorurilor şi a întrebuinţării. În primul rând variază grosimea pereţilor, iar în compoziţia pastei găsim pietricele. Ceramica grosieră dispune de vase negre nelustruite (unele arse incomplet) şi de vase cărămizii cu barbotină.

1. *Varianta grosieră, neagră (vase pentru depozitare)*: include recipiente lucrate dintr-o pastă cu pietricele având pereţii groşi, de culoare neagră, nelustruită. Unele sunt arse incomplet, fiind de culoare gălbuie. De uz curent, recipientele erau folosite în gospodărie, dar ca vase pentru depozitarea alimentelor.

a) Castroane: cu buza dreaptă, gâtul scurt şi pereţii conici, groşi, probabil finalizaţi cu un fund

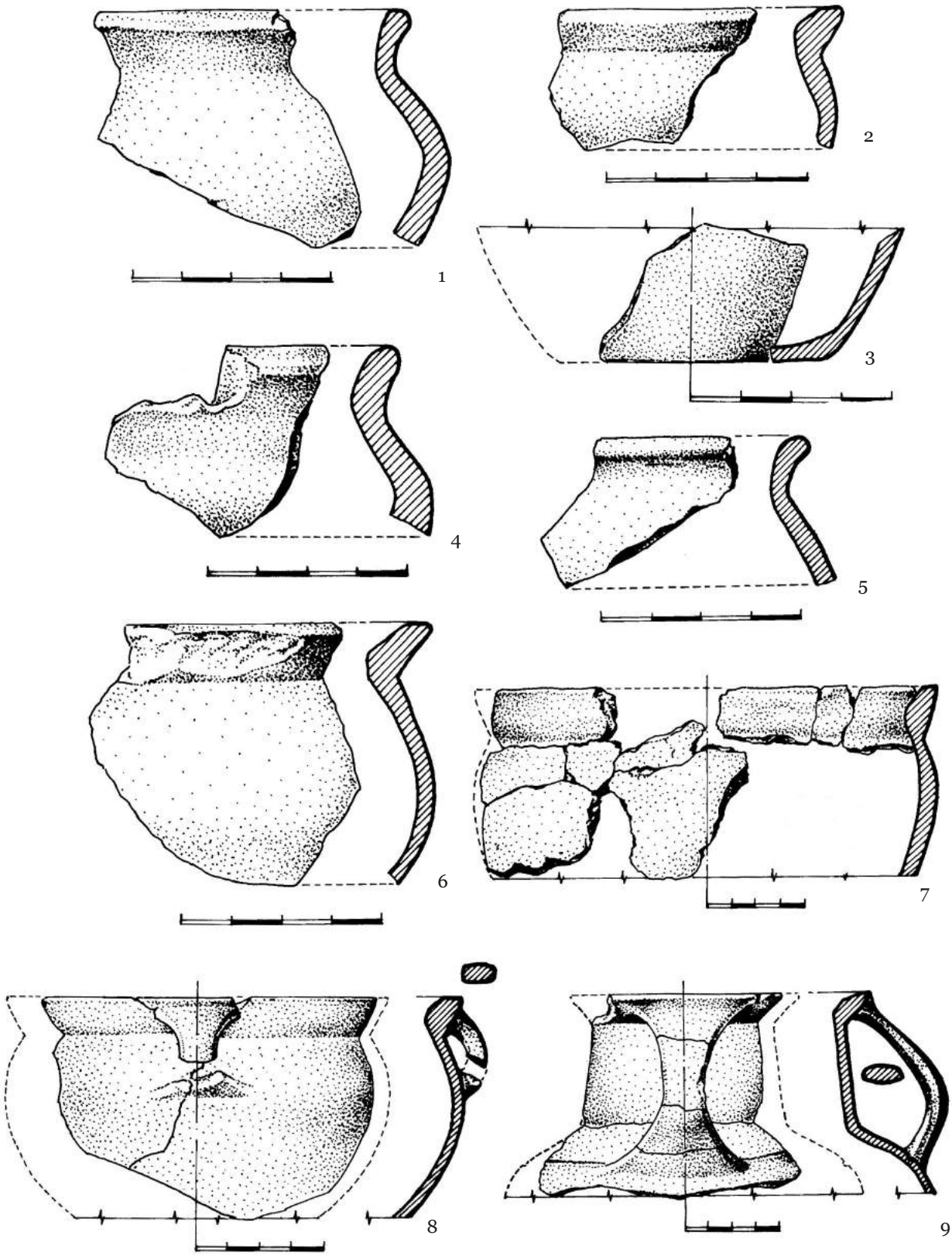


Fig. 15. Ceramică neagră, pastă fină, lustruită (1-4) sau pastă semifină, nelustruită (5-9): 1-5 - buze şi fund de căniţe; 6, 7 - buze de căni; 8, 9 - căni păstrate parţial.

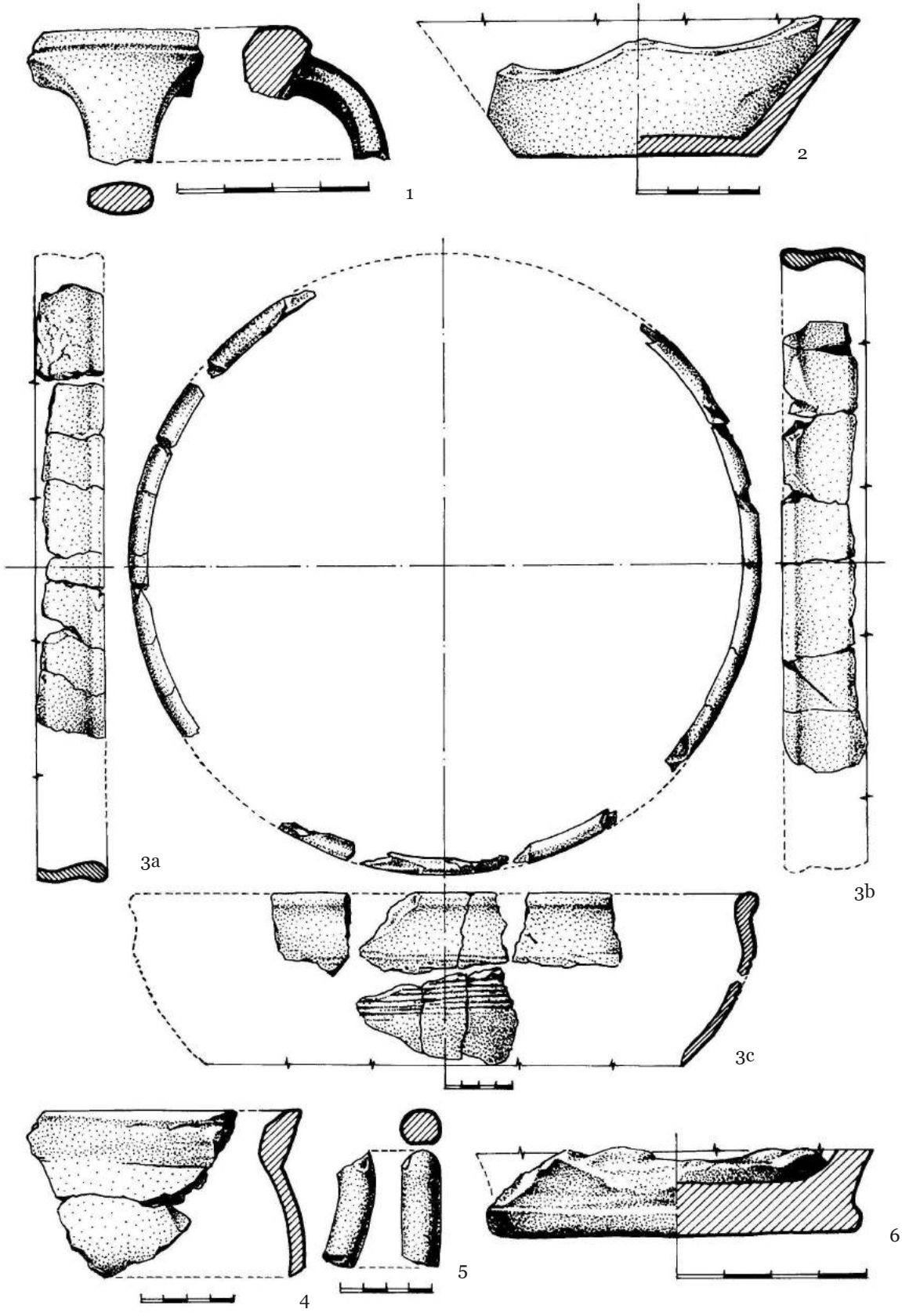


Fig. 16. Ceramică neagră din pasta semifină, nelustruită (1, 2), fină, lustruită (3/a-c) ori semifină, grosieră, nelustruită (4-6): 1, 2 - toartă şi fund de vase borcan; 3/a-c - fragmente dintr-un castron; 4 - buză de castron; 5, 6 - toartă şi fund de la vase pentru depozitare.

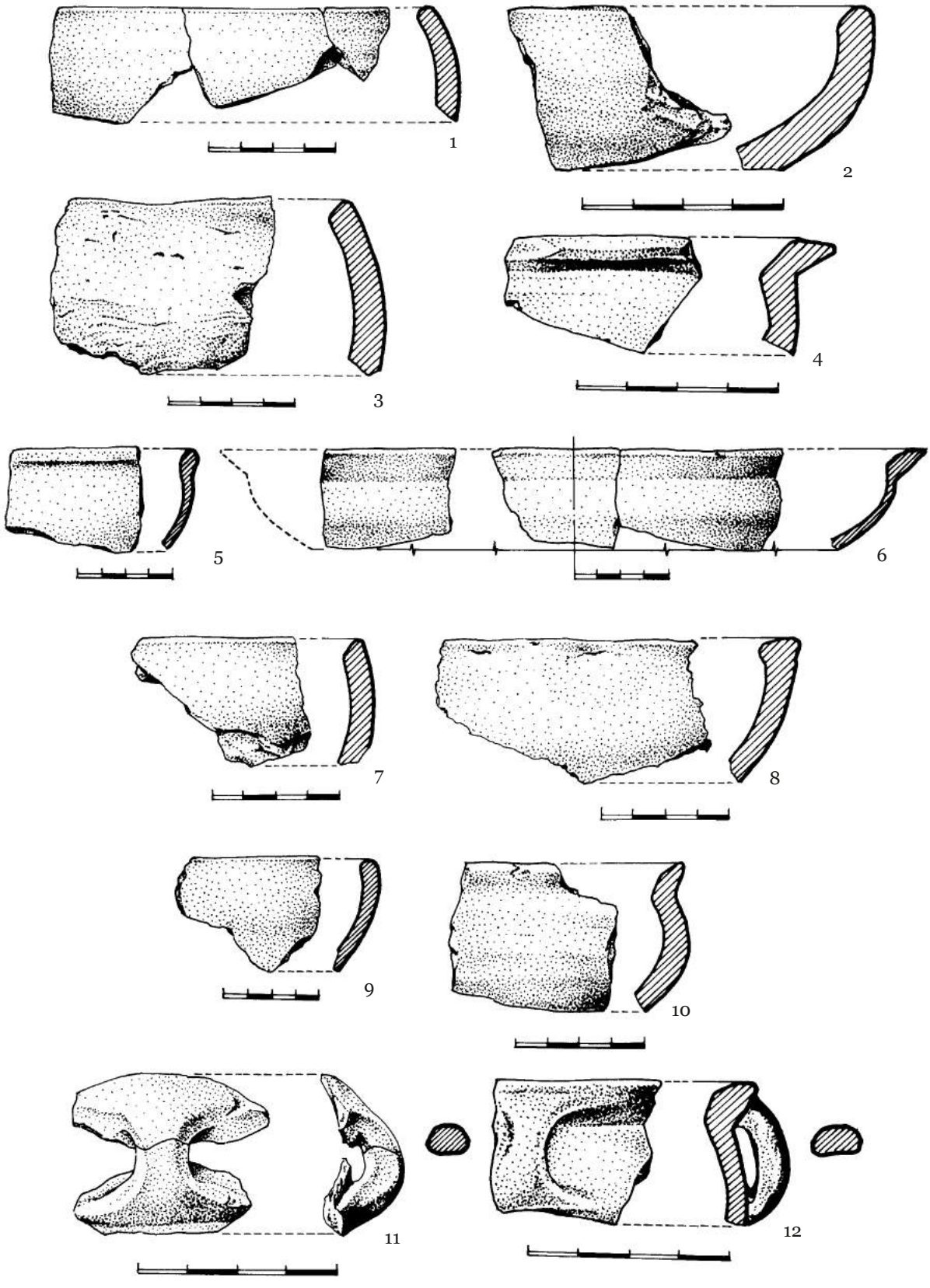


Fig. 17. Ceramică neagră din pastă semifină, nelustruită: 1-12 - buze drepte aplecate spre interior (1-3, 7-9) sau evazate (4-6, 10) şi torţi (11, 12) de străchini.

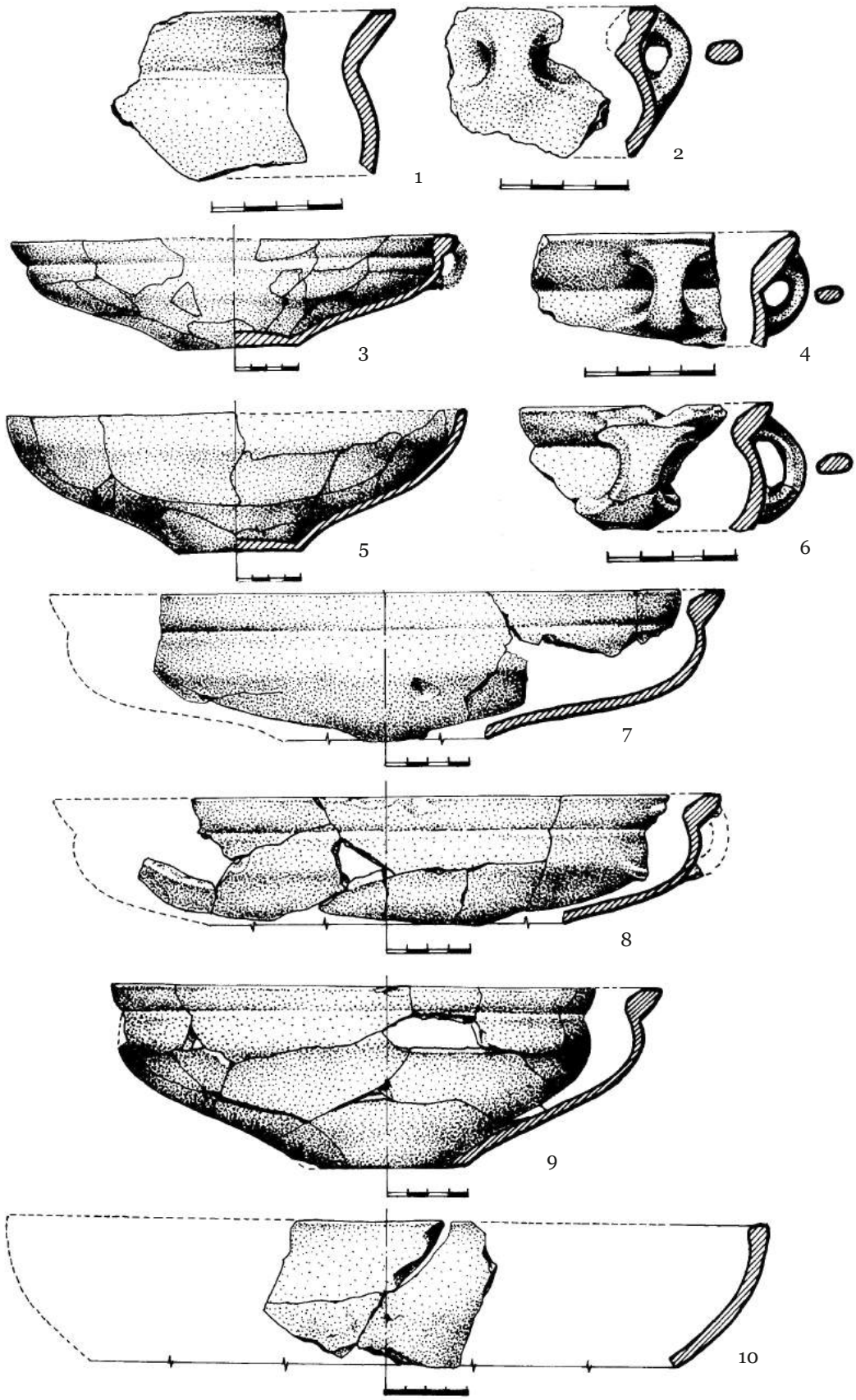


Fig. 18. Ceramică neagră din pasta semifină, nelustruită (1, 2, 4, 6, 8), fină, lustruită (3, 5, 7, 9) sau semifină, grosieră (10): 1 - buză de cană; 2, 4, 6 - torţi de străchini; 3, 5 - străchini restaurate; 7-9 - străchini restaurate parţial; 10 - buză de strachină.

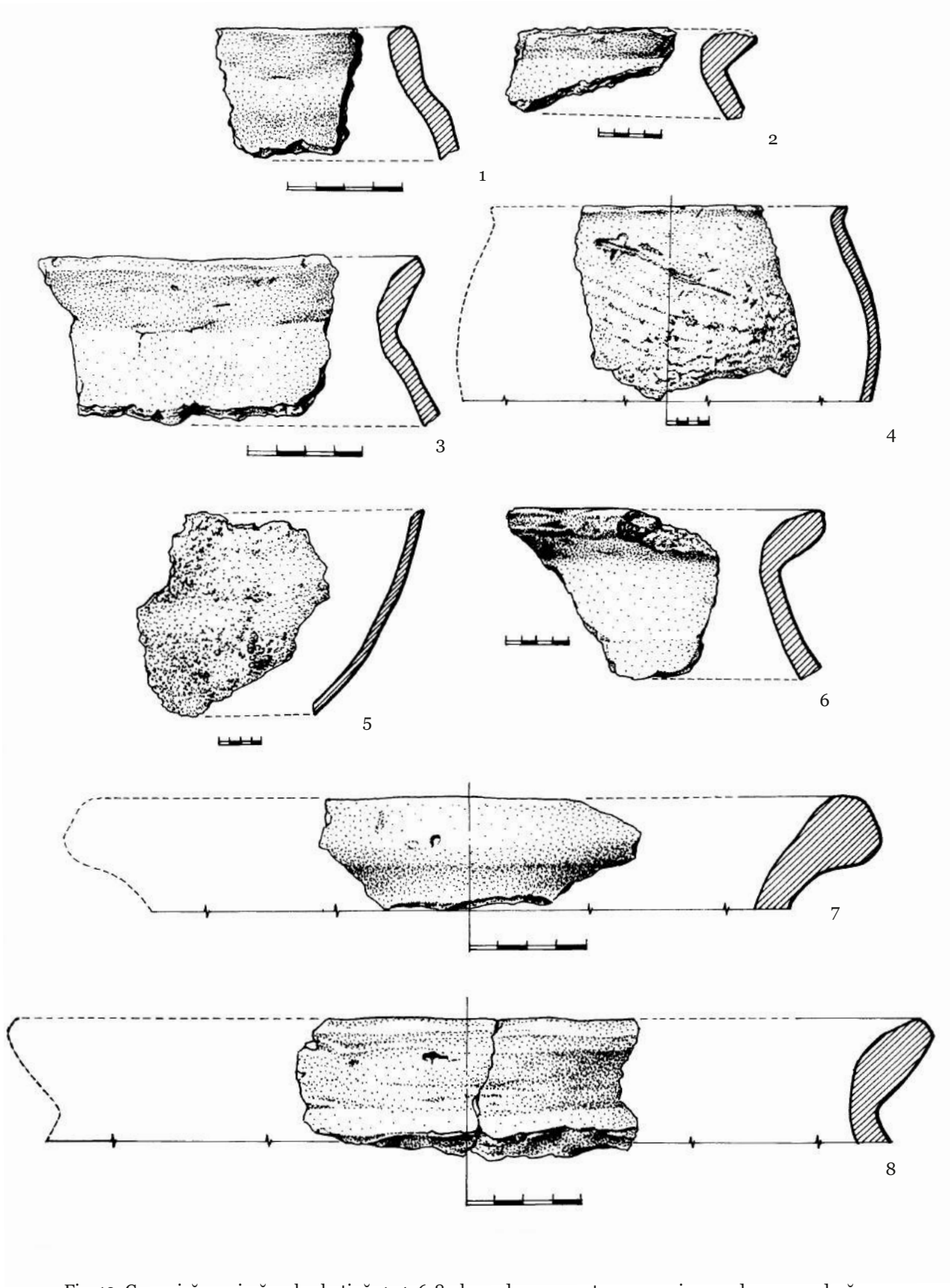


Fig. 19. Ceramică grosieră cu barbotină: 1, 4, 6-8 - buze de vase pentru uz casnic cu ardere secundară; 2, 3, 5 - buze de vase pentru depozitare.

drept, nepăstrat în timp. Exemplarele nu au fost arse complet şi au intense urme de ardere secundară, datorită utilizării la foc (fig. 11/1a-b, 2, 3; 16/4; 18/10).

b) Vase pentru depozitare: cu pereţii îngroşaţi (între 10mm-15mm), de formă bitronconică, fundul drept, iar uneori cu una sau două torţi, circulare, dispuse orizontal ori vertical (fig. 3/4-6; 11/10-11; 12/2a-d; 16/5, 6). Asemănări cu vasele de la Poieneşti (jud. Vaslui) (Vulpe 1953, 349-350, fig. 176-177, 361-362, fig. 208/b, 209, 365, fig. 217, 367, fig. 225), Şorogari (Teodor 1969, 325, fig. 3/3) şi Boroseşti (jud. Iaşi) (Babeş 1970, 223, fig. 2; Babeş 1993, 187, 191, Taf. 6/42a; 11/143a). Pentru ambele tipuri de vase găsim analogii şi în siturile de la Lucaşeuca (Tkaciuk 1994, 246, fig. 8/5) şi Trebujeni (Tkaciuk 1994, 246, fig. 8/9, 11, 15).

2. *Varianta grosieră cu barbotină (vase pentru gătit)*: alături de exemplarele anterioare am găsit recipiente modelate manual, dintr-o pastă cu multe pietricele în compoziţie, de culoare gălbui-cărămizie, cărămiziu-cenuşie şi cenuşie-neagră, care prezintă la exterior stropi, decor cunoscut sub denumirea de barbotină. Majoritatea au fost utilizate în gospodărie, fiind rezistente, ca vase uzuale, arse secundar datorită contactului cu sursa de foc.

Vase borcan de mari dimensiuni cu pereţii grosieri (între 12 mm - 15 mm), care datorită formei pot fi împărţiţi în două variante:

a.1 Vase bitronconice cu buza groasă, evazată, gâtul scurt şi corpul proeminent, uşor bombat, finalizat cu un fund drept, nepăstrat, dar cunoscut din descoperirile anterioare de la Roşiori. Decorul cu barbotină este îndeosebi dispus pe corpul recipientelor, ajungând chiar până spre bază. De culoare gălbui-cărămizie şi cărămiziu-cenuşie (fig. 13-14; 19/2, 3, 5), vasele au de cele mai multe ori ardere secundară fiind întrebuinţate în bucătărie (fig. 13/1, 3, 4, 7, 8; 19/1, 4, 6-8). Asemănări la Boroseşti (Babeş 1993, 183, Taf. 18/11-13, 15), Glăvăneşti (Babeş 1993, 200, Taf. 28/9), Şorogari (jud. Iaşi) (Babeş 1993, 215-216, Taf. 40/29-31) şi Târpeşti (jud. Neamţ) (Babeş 1981, 109-110, fig. 228/24-25; Babeş 1993, 216, Taf. 41/38-39).

a.2. Vase de tip sac cu buza dreaptă, teşită, gâtul şi pereţii slab conturaţi, de culoare cenuşie-neagră, cu barbotină (fig. 2/2; 13/8, 9; 19/4).

Pentru ambele tipuri de vase avem asemănări la Lucaşeuca (Tkaciuk 1994, 246, fig. 8/6), Ulmu (Tkaciuk 1994, 246, fig. 8/7, 8) şi Trebujeni (Tkaciuk 1994, 246, fig. 8/10).

*

Am preferat să nu insistăm asupra analogiilor, selectând doar câteva, întrucât pe parcursul articolelor anterioare, care au avut ca tematică ceramica bastarnă, am amintit majoritatea siturilor cu descoperiri asemănătoare.

Spre deosebire de restul campaniilor arheologice de la Roşiori, cea din anul 2016 a permis descoperirea unor noi forme de vase, precum cănile bitronconice, castroanele, vasele de tip sac, care au adus completări gamei ceramicii bastarne din aşezarea de pe malul Moldovei, al cărei nivel de locuire poate fi atribuit secolelor II-I a. Chr. Acestor rezultate se adaugă descoperirile din anul 2017, aflate în curs de prelucrare, şi care aduc noutăţi nu doar categoriei ceramicii. Cu siguranţă şi pe viitor vor apărea interesante vestigii ale grupului de populaţie ce a locuit temporar terasa superioară a râului menţionat, cel mai probabil o enclavă a *peucinilor*. Unul din triburile bastarne purtători ai culturii *Poieneşti-Lucaşeuca*, stabiliţi un interval de timp în părţile de nord-est ale Daciei, între Carpaţii Orientali şi Nistru, până spre o linie sudică delimitată de arealul localităţilor Piatra Neamţ - Roman - Crasna - Leova - Tighina (Babeş 1977, 79-85; Babeş 1985, 183, inclusiv nota 2).

Bibliografie

Babeş 1970: M. Babeş, Dacii şi bastarnii. Memoria Antiqvitatis II, 1970, 215-236.

Babeş 1977: M. Babeş, Peuce – Peucini. Peuce 6, 1977, 79-85.

Babeş 1981: M. Babeş, The Bastarnae. In: (S. Marinescu-Bîlcu) Tîrpeşti. From Prehistory to History in Eastern Romania (Oxford 1981), 109-103 (+ fig. 10, 224-228, nepaginate).

Babeş 1985: M. Babeş, Date arheologice şi istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole înaintea erei noastre. SCIVA 36/3, 1985, 183-214.

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poienești-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte in Raum östlich der Karpaten in den letzen Jahrhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993).

Babeş 2001: M. Babeş, Spaţiul carpato-dunărean în secolele III-II a. Chr. In: (Coord: M. Petrescu-Dîmboviţa, Al. Vulpe) Istoria Românilor, vol. I (Bucureşti 2001), 501-531.

Coman 1980: Gh. Coman, Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al judeţului Vaslui (Bucureşti 1980).

Conovici 1992: N. Conovici, Noi date arheologice privind începuturile culturii Poienești-Lukaševka și prezența bastarnilor în Dobrogea. SCIVA 43/1, 1992, 3-13.

Hânceanu 2006: G.D. Hânceanu, Două strecurători bastarne din aşezarea carpică de la Roşiori-Dulceşti (jud. Neamţ). Carpica XXXV, 2006, 61-64.

Hânceanu 2007: G.D. Hânceanu, Cercetările arheologice din 2005 de la Roşiori-Dulceşti (jud. Neamţ). Memoria Antiqvitatis XXIV, 2007, 419-461.

Hânceanu 2008: G.D. Hânceanu, Ceramica bastarnă din aşezarea de la Roşiori-Dulceşti (jud. Neamţ). ArhMold XXX, 2008, 277-286.

Hânceanu 2012: G.D. Hânceanu, Cercetarea sitului arheologic de la Roşiori-Neamţ (2006-2007). Contribuţii la cultura dacilor liberi de pe malul Moldovei. Acta Musei Tutovensis VII, 2012, 24-116.

Hânceanu 2016: G.D. Hânceanu, Vestigii dacice şi bastarne dintr-o locuinţă a sitului de la Roşiori – Neamţ. Acta Musei Tutovensis. Istorie veche şi arheologie (Historica et Archaeologica in honorem Ion Ioniţă octogenarii) XII_2, 2016, 40-71.

Hânceanu 2017: G.D. Hânceanu, Campania arheologică din 2015 de la Roşiori – Neamţ (punctul Ţarina Veche). Acta Musei Tutovensis. Istorie veche şi arheologie XIII, 2017, 144-172.

Mitrea 1980: I. Mitrea, Şantierul arheologic Izvoare – Bahna. In: Materiale (a XIV-a sesiune anuală de rapoarte) (Tulcea 1980), 432-449.

Romanovskaja 1987: M.A. Romanovskaja, Aşezarea de la Ulmi. Săpăturile din anul 1960. ArhMold XI, 1987, 207-226.

Teodor 1969: S. Teodor, Aşezarea din secolele III-II î.e.n. de la Şorogari. Arh.Mold VI, 1969, 321-327.

Teodor 1987: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Ciurea, judeţul Iaşi. ArhMold XI, 1987, 65-102.

Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpatice ale României în secolele V-II î. d. Hr. Consideraţii generale şi repertoriu arheologic (Bucureşti 1999).

Tkaciuk 1994: M. Tkaciuk, Manifestări culturale din sec. V - I a. Chr. Thraco-Dacica XV/1-2, 1994, 215-256.

Vulpe 1953: R. Vulpe, Săpăturile de la Poienești din 1949. Materiale, I, 1953, 213-506.

Les Bastarnes de Roşiori. Les résultats de la campagne archéologique de l'année 2016

Mots clef: Roşiori, la terrasse de la rivière Moldova, céramique noire, céramique polie, céramique non polie, céramique grossière, barbotine.

Résumé: Les fouilles archéologiques qu'on a effectué pendant l'année 2016 sur la terrasse supérieure de la rivière de Moldova nous ont permis d'observer l'existence des quatre niveaux d'habitation caractéristiques pour la stratigraphie du site localisé sur le territoire du village de Roşiori, commune Dulceşti, dép. de Neamţ. Ainsi, il s'agit d'un niveau attribué aux Geto-daces du Vème - IVème siècles av. J. C. suivi d'un niveau attribué au Bastarnes du IIème - Ier siècles av. J. C., puis le niveau des Daces libres encadré dans l'intervalle des IIème - IIIème siècles ap. J. C. et finalement, le niveau le plus récent, des VIème - VIIème siècles attribué aux populations locales d'origine latine.

En 2016 on a ouvert une section de grandes dimensions – 26,0 m de longueur et 6,5 m de largeur. Dans le niveau culturel des bastarnes on a découvert de la céramique noire, fine, polie et demi-fine, non polie mais aussi céramique grossière utilisée dans la cuisine. De la catégorie de céramique à usage domestique on mentionne les types suivants: tasses, petites tasses, plats, bols, vases-sac et pots pour stockage; toutes les pièces se trouvent dans un état fragmentaire. On n'a restauré complètement que deux plats; trois autres exemplaires ont été partiellement complétés. En ce qui concerne la catégorie de la céramique à usage domestique, pour la cuisine, avec un aspect grossier, couleur jaune-rouge, rouge-gris et gris-noire, elle comprend des pots bitronconiques et des vases-sac de grandes dimensions décorés avec barbotine avec des traces d'une brûlure secondaire.

Liste des illustrations:

Fig. 1. 1 - L'emplacement du archéologique site de Roşiori (dép. de Neamţ) sur la terrasse supérieure de la rivière de Moldova; 2 - l'emplacement du site dans est-carpathes l'espace.

Fig. 2. 1 - Limites de la casette E; 2 - fragment provenant d'un vase-sac qui présente des traces de barbotine, *in situ*.

Fig. 3. Céramique noire, fine, demi-fine, grossière, *in situ*: 1 - tasse; 2 - la base d'un vase-sac; 3 - plat; 4-6 - fragments provenant des pots grossiers pour stockage.

Fig. 4. Céramique noire, pâte fine, polie (1-6) et pâte demi-fine, non-polie (7-13) (1-4, 8, 9 - petites tasses; 5-7/a-b, 10-13 - tasses): 1-2, 8-11 - lèvres; 4 - base d'une petite tasse; 5-7/a-b - fragments provenant du corps des tasses; 12, 13 - tasses partiellement conservées.

Fig. 5. Céramique noire en pâte fine, polie (1, 2 - plats; 3-7/a-c - bols): 1 - lèvre évasée; 2 - le corps d'un vase qui présente une décoration incisée intérieure; 3-7/a-c - lèvres de type enroulée.

Fig. 6. Céramique noire en pâte demi-fine, non-polie (plats): 4, 6, 8-13 - lèvres droites courbées à l'intérieur; 1-3, 5, 7, 14 - lèvres évasées .

Fig. 7. Céramique noire en pâte demi-fine, non-polie: 1-3 - anses provenant des plats sous la forme de la lettre *X*; 5-8 - lèvres provenant des plats qui présentent des anses; 9-12 - différentes types de lèvres provenant des plats; 4, 13-15 - lèvres et une anse appartenant à un vase-sac; 16-19 - bases provenant d'un vase-sac.

Fig. 8. Céramique noire en pâte demi-fine, non-polie (1-4/a-b) et céramique fine, polie (5, 6/a-b): 1-3 - lèvre et bases provenant des plats; 4-6/a-b - des plats partiellement restaurés.

Fig. 9. Un plat noir en pâte fine, polie.

Fig. 10. Un plat noir en pâte fine, polie.

Fig. 11. Céramique demi-fine (4-9) et grossière (1/a-b, 2, 3, 10, 11), non-polie, cuisson réductrice, couleur jaune-rouge, quelques-unes avec des traces de brûlure secondaire (1/a-b, 2, 3, 10, 11): 1/a-b, 2, 3 - lèvres droites provenant des bols; 4-9 - lèvres et une base provenant des plats; 10, 11 - vases de stockage.

Fig. 12. Céramique noire en pâte demi-fine non-polie (1/a-b) et céramique en pâte demi-fine, grossière, non-polie (2/a-d): 1/a-b, 2/a-d - fragments provenant des vases de stockage.

Fig. 13. Céramique grossière avec de la barbotine: 1-9, vases fragmentaires utilisés pour stockage et avec une utilisation domestique, les derniers avec des traces de brûlure secondaire (1, 3, 4, 7, 8), couleur jaune-rouge (2, 3, 5, 7) et couleur gris-noire (1, 4, 6, 8, 9).

Fig. 14. Céramique grossière avec de la barbotine: 1-11 - fragments provenant des vases utilisés pour stockage, couleur jaune-rouge (1-3) et rouge-gris (4-11).

Fig. 15. Céramique noire en pâte fine, polie (1-4) où en pâte demi-fine, non-polie (5-9): 1-5 - lèvres et une base provenant des petites tasses; 6, 7 - lèvres provenant des tasses; 8, 9 - des tasses fragmentaires.

Fig. 16. Céramique noire en pâte demi-fine, non-polie (1-2), céramique en pâte fine, polie (3/a-c) où demi-fine, grossière, non-polie (4-6): 1, 2 - anse et différentes bases provenant des vases-sac; 3/a-c - fragments provenant d'un bol; 4 - lèvre provenant d'un bol; 5, 6 - anse et base d'un vase de stockage.

Fig. 17. Céramique noire en pâte demi-fine, non-polie: 1-12 - lèvres droites courbées à l'intérieur (1-3, 7-9) où évasées (4-6, 10) et anses provenant des plats (11, 12).

Fig. 18. Céramique noire en pâte demi-fine, non-polie (1, 2, 4, 6, 8), céramique en pâte fine, polie (3, 5, 7, 9) où demi-fine, grossière (10): 1 - lèvre provenant d'une tasse; 2, 4, 6 - anses provenant des plats; 3, 5 - des plats restaurés; 7-9 - des plats partiellement restaurés; 10 - lèvre provenant d'un plat.

Fig. 19. Céramique grossière avec de la barbotine: 1, 4, 6-8 - lèvres provenant des vases avec une utilisation domestique qui présentent de traces de brûlure secondaire; 2, 3, 5 - lèvres provenant des vases pour stockage.

Бастарны из Рошиорь. Результаты археологической экспедиции 2016 г.

Ключевые слова: Рошиорь, терраса реки Молдова, черная керамика, лощеные сосуды, нелощеные сосуды, грубая керамика, барботин.

Резюме: Археологические раскопки, проводившиеся в 2016 году на верхней террасе реки Молдова, позволили обнаружить четыре сохранившихся жилых слоя в стратиграфии памятника, расположенного на территории села Рошиорь коммуны Дулчешть уезда Нямц: самый старый слой, гето-дакийский, V-IV веков до н.э., затем бастарнский слой III века до н.э., слой II-III веков н.э., относящийся к свободным дакам, и римский слой, самый поздний, VI-VII веков н.э. Во время экспедиции 2016 года был сделан большой раскоп (26×6,50 м). В бастарнском жилом слое была обнаружена черная керамика, тонкая лощеная и грубоватая нелощеная, а также грубая кухонная керамика. Среди бытовых сосудов следует упомянуть кружки, кружечки, чаши, миски, баночные сосуды и сосуды для хранения продуктов, обнаруженные во фрагментарном состоянии. Были полностью восстановлены только две чаши, еще три – лишь частично (половинки). Категория бытовой керамики, кухонной, грубой, желтовато-кирпичного, кирпично-серого и пепельно-черного цветов, включает в себя большие сосуды усеченно-биконической или мешковидной формы, украшенные барботином, со следами вторичного обжига в результате использования.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1 - Расположение археологического памятника в Рошиорь (уезд Нямц) на верхней террасе реки Молдова; 2 - расположение памятника на восточно-карпатском пространстве.

Рис. 2. 1 - Границы раскопа E; 2 - фрагмент сосуда мешковидной формы украшенный барботином *in situ*.

Рис. 3. Черная керамика, тонкая и грубая, *in situ*: 1 - кружка; 2 - дно баночного сосуда; 3 - чаша; 4-6 - фрагменты грубых сосудов для хранения продуктов.

Рис. 4. Черная керамика, тонкая лощеная (1-6) и грубоватая нелощеная (7-13) (1-4, 8, 9 - кружечки; 5-7/a-b, 10-13 - кружки): 1-2, 8-11 - венчики сосудов; 4 - дно сосуда; 5-7/a-b - тулова сосудов; 12, 13 - частично сохранившиеся кружки.

Рис. 5. Тонкая лощеная черная керамика (1, 2 - чаши; 3-7/a-c - миски): 1 - отогнутый венчик; 2 -тулово сосуда с насечкой; 3-7/a-c - венчики.

Рис. 6. Нелощеная черная керамика из грубоватой глины (миски): 4, 6, 8-13 - прямые венчики, загнутые вовнутрь; 1-3, 5, 7, 14 - отогнутые наружу венчики.

Рис. 7. Нелощеная черная керамика из грубоватой глины: 1-3 - иксовидные ручки мисок; 5-8 - края мисок с ручками; 9-12 - типы краев мисок; 4, 13-15 - края и ручка от баночных сосудов; 16-19 - днища баночных сосудов.

Рис. 8. Нелощеная черная керамика из грубоватой глины (1-4/a-b) и тонкая лощеная керамика (5, 6/a-b): 1-3 - край и днища мисок; 4-6/a-b - частично восстановленные миски.

Рис. 9. Черная лощеная миска из тонкой глины.

Рис. 10. Черная лощеная миска из тонкой глины.

Рис. 11. Керамические изделия из грубоватой (4-9) и грубой глины (1/a-b, 2, 3, 10, 11), нелощеные, неполного обжига, желто-кирпичного цвета, некоторые со следами вторичного обжига (1/a-b, 2, 3, 10, 11): 1/a-b, 2, 3 - прямые венчики мисок; 4-9 - края и дно от чаш; 10, 11 - сосуды для хранения продуктов.

Рис. 12. Нелощеная черная керамика из грубоватой (1/a-b) и грубой глины (2/a-d): 1/a-b, 2/a-d – фрагменты сосудов для хранения продуктов.

Рис. 13. Грубая керамика украшенная барботином: 1-9 - фрагментированные сосуды для хранения продуктов и бытового использования, со следами вторичного обжига (1, 3, 4, 7, 8), желто-кирпичного (2, 3, 5, 7) и пепельно-черного цвета (1, 4, 6, 8, 9).

Рис. 14. Грубая керамика украшенная барботином: 1-11, фрагменты сосудов для хранения продуктов, желто-кирпичного (1-3) и кирпично-серого цвета (4-11).

Рис. 15. Черная керамика, лощеная, из тонкой глины (1-4) или нелощеная, из грубоватой глины (5-9): 1-5 - края и дно от кружечек; 6, 7 - края кружек; 8, 9 - частично сохранившиеся кружки.

Рис. 16. Черная керамика, нелощеная, из грубоватой глины (1, 2), тонкая лощеная (3/a-c) или грубая нелощеная (4-6): 1, 2 - ручка и дно баночного сосуда; 3/a-c - фрагменты миски; 4 - край миски; 5, 6 - ручка и дно сосуда для хранения продуктов.

Рис. 17. Нелощеная черная керамика из грубоватой глины: 1-12 - прямые венчики, загнутые вовнутрь (1-3, 7-9) или отогнутые наружу (4-6, 10), и ручки (11, 12) мисок.

Рис. 18. Черная керамика, нелощеная, из грубоватой глины (1, 2, 4, 6, 8), тонкая лощеная (3, 5, 7, 9) или грубая (10): 1 - край кружки; 2, 4, 6 - ручки мисок; 3, 5 - восстановленные миски; 7-9 - частично восстановленные миски; 10 - край миски.

Рис. 19. Грубая керамика украшенная барботином: 1, 4, 6-8 - края сосудов со следами вторичного обжига; 2, 3, 5 - края сосудов для хранения продуктов.

19.03.2018

Dr. George Dan Hânceanu, Muzeul de Istorie din Roman (Complexul Muzeal Judeţean Neamţ), str. Cuza Vodă, 19, RO-611009 Roman, jud. Neamţ, România, e-mail: georgehanceanu@yahoo.com

AN INCINERATION BURIAL IN METAL URN (2nd-3rd C. AD) DISCOVERED AT IAGORLÂC, DUBĂSARI

Ion Tentiuc
Valeriu Bubulici

Keywords: funerary urn, metal vessels, Roman period, Hemmoor type vessels, shell vessel.

Introduction. Systematic archaeological research and surveys carried out over the last decades in the eastern regions of the Oriental Carpathians have led to the accumulation of important vestiges of the last centuries of the old era and the first centuries of the new era. The inclusion of the materials discovered in settlements and necropoleis in the scientific circuit allowed the reconstruction of new aspects of the economic, social and political life of the local communities, of their relations with the populations that periodically penetrated the Northwestern Pontic space, coming from the west, north or east.

In this context, a special category of vestiges, which can be linked to the level of social-economic development, but also to the spiritual life of human communities, are precious metal vessels. This category of vestiges, rather rare in the settlements, is most often found in the funeral complexes where they were used both as a funerary urn, as cover for the funeral container and for the funeral banquet. The researchers mention the communities of Getae-Dacians (Ursachi 1995, 132; Rustoiu 2005, 53-117; Никулицэ, Рикман 1973, 116-123; Niculiţă 2004, 214-221), Carpo-Dacians (Sanie 1972, 427; Sanie 1981, 60), Bastarns (Babeş 1993, 87-88; Tentiuc, Bublici, Simalcsik 2015, 211-248; Tentiuc, Bublici, Simalcsik 2016, 39-74; Tentiuc, Bublici, Simalcsik 2017, 122-143), Sarmatians (Bârcă 2009, 85-124; Раев 1993, 160-171; Симоненко 2011), Goths (Рафалович 1986), and Roman legionaries (Шилов 1975; Надвирняк, Погорелец, Надвирняк 2014, 136-150) etc. as users of these categories of metal vessels in the Carpathian and Northwest Pontic space.

The details reflecting the penetration of these categories of materials into the north-western Pontic space and to the eastern regions of the Carpathians could be different, researchers invoking in particular the trade exchange route (Rustoiu 2005, 70-84). However, metal containers, along with other imported materials, could penetrate these regions as a result of population movements or warlike incursions in the Roman Empire's adjacent territories (Надвирняк, Погорелец, Надвирняк 2014, 136-150) during the periods of greatest displacement of populations during the waves of the great migration of the peoples.

Recently, the National Museum of History of Moldova from Chişinău came into possession of two copper alloy vessels, discovered by accident. According to the discoverers, the metal containers were recovered in a crumbled portion of the road on the territory of Iahorlîc natural reserve, the Dubasari district (fig. 1), situated at the mouth of the river with the same name, a left tributary of Nistru River[1]. Also, the discoverers pointed out that inside the "bucket" vessels were found *"burned bones"*.

1. Funerary bucket-urn, Hemmoor type (Eggers 63)

The vessel has a corroded body with traces of cracks (fig. 3). The surface of the container has strong traces of burning and soot, in some places it is covered with greenish patina. At the time of the discovery it was filled with *"earth and burned bones"*.

The container has a height of 14.9 cm (without the ring forming the base). The body diameter of the vessel is 19.5 cm. The total height of the vessel (together with the base) is 16.2 cm. The rim of the bowl is pulled out and has a diameter of 20.5 cm.

[1] Circumstances did not allow us to check the location of the incineration burial. The repertoire of archaeological sites for this region mentions two settlements belonging to the Sântana de Mureş-Cherniahov culture near the villages of Ţâbuleuca and Harmaţcoe. They are located 2 and 3 km northwest of the discovery of metal vessels with calcined remnants (Рикман 1975, 82; Коваленко, Синика, Тельнов 2011, 30). These sites were discovered in 1952 by researcher M.A. Tihanova.

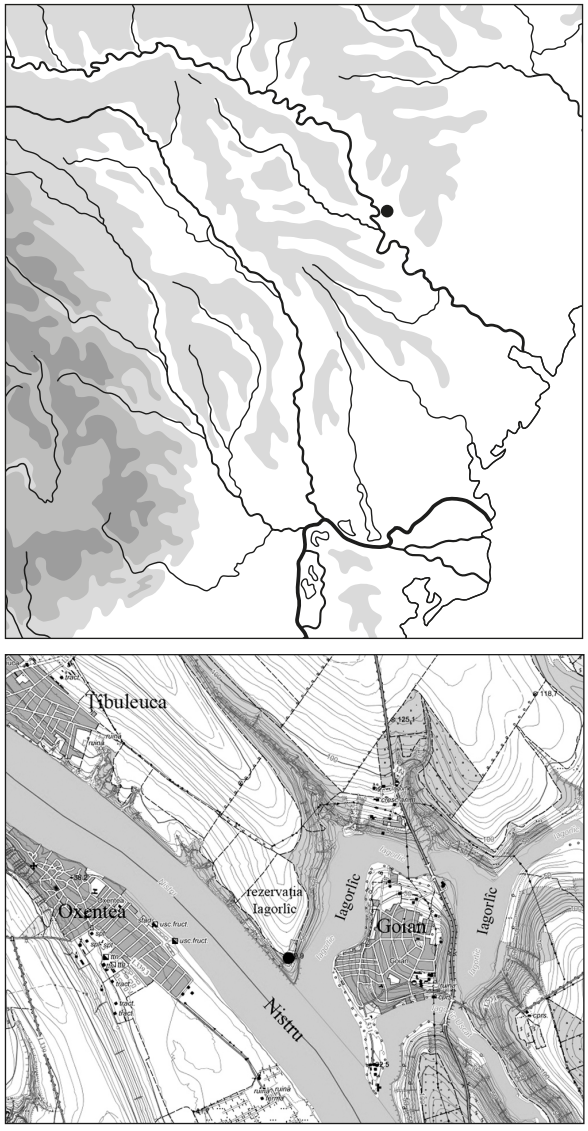


Fig. 1. Map with the location of the cremation burial at Iagorlâc.

The container is made of thin copper-alloy sheet, just 0.1 cm thick. The upper part of the vessel is modestly ornamented. In the middle of the rim, on the outside, there is a superficial horizontal incision. Also on the outside, the passage from the rim to the vessel's body is marked by a 0.3 cm wide groove. From the groove level, the rim of the bowl is thickened to 0.25 cm. On the upper part of the rim, on two symmetrically arranged sides, were modeled two semicircular earlobes with the base made in steps. The earlobes have a height of 2.2 cm and a width of 5.1 cm. Together with the "steps" at the base, the earlobes are 6.1 cm wide. In the middle of the earlobes was made the hole for the handle, an elongated circular shape with the dimensions of 1.2×1.5 cm.

The upper body ornament of the vessel is represented by two strips, consisting of two incised lines, arranged in parallel, with a line spacing of 0.2 and 0.4 cm. The distance between the two strips is 0.9 cm.

The semicircle shaped vessel's handle is mobile, quite thick, and rectangular in section (0.8×0.9 cm). It is made of a brass bar with rounded corners. It has narrowed ends up to 0.6 cm and widened to 0.9 cm, on a length of 2.6 cm, reminiscent of bird heads. On the median side, on three sides of the bar from which the handle was made, there were made incised marks, which remind the Roman numerals IX and XI. The bottom of the bowl was made of a separate sheet of metal. This was worked by pressing on the lathe. Proof of the use of this procedure serve the recess from the lathe attachment rod, which has been preserved on the central part of the bottom of the vessel. An ornament consisting of two bands of concentric lines with a diameter of 1.8 cm and 5.9 cm, respectively, was made around this recess. The lower part of the vessel is raised and placed on an annular support/base, formed by shaping the vessel walls and bending the workpiece that formed the bottom. It has a diameter of 8.7 cm at the bottom and 7.7 in the contact area with the vessel body. The height of the bottom base is 1.3 cm. The morphological particularities of the container fall into the Hemmoor type of buckets, according to J. Werner (Werner 1936, 401, 408) and can be assigned to Eggers 63 variation (Eggers 1951, 53-55, 57).

Chronological and cultural framework. For the period covering the last centuries BC and the first centuries AD, most of the metal vessels considered by the researchers to be Italic, Galo-Italic or Mediterranean and which were used as funerary urn or inventory, were discovered in complexes belonging to the Bastarns (Babeş 1993, 87-88, Iarmulschi 2013, 29-52; Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015, 221-248, Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2016, 39-74). To the Sarmatian tribes were linked the discoveries of bronze vessels, especially situlas identified in some deposits considered "strange" (Simonenko 2011; Bârcă 2009, 85-124).

It should be noted that in the Eastern Carpathian area metal containers were discovered in the funerary complexes belonging to the 2nd and 3rd centuries BC, a period that preceded the development of the Sântana de Mureş-Cherniahov culture in the north-western Pontic area.

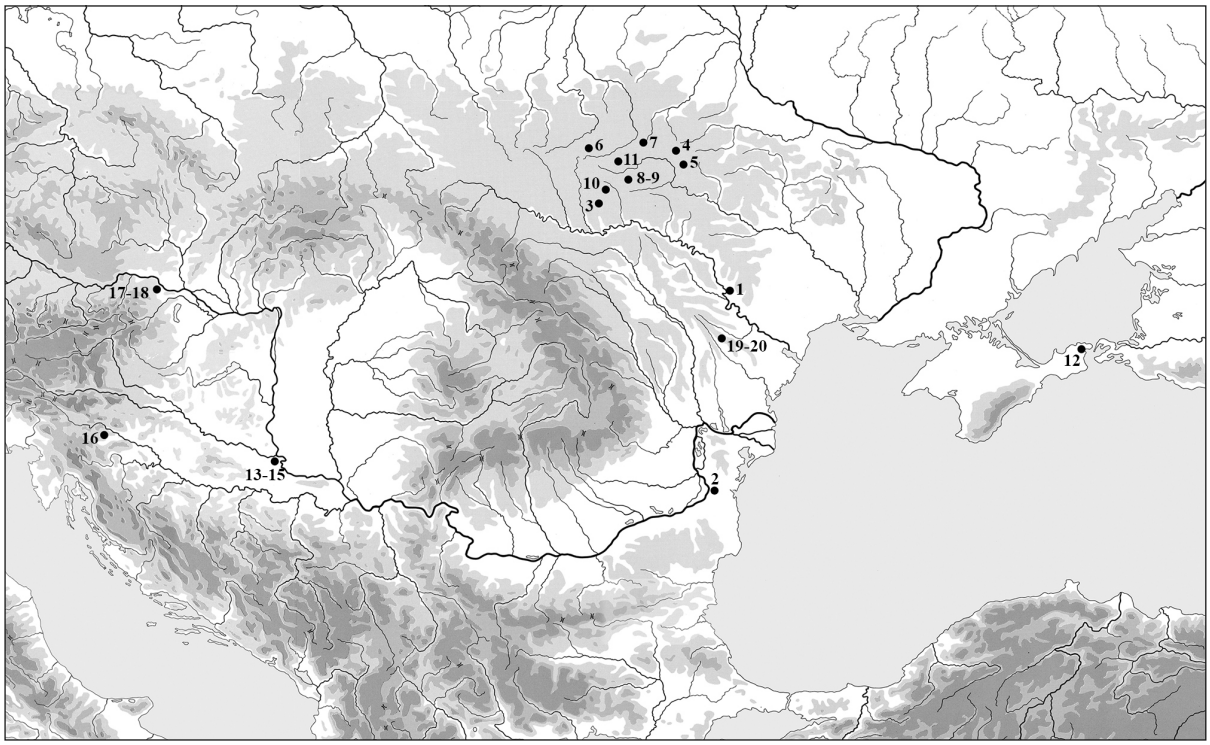


Fig. 2. Map of distribution of Hemmoor buckets.

For the north-west Pontic and east Carpathian areas we will mention some disparate sites or sites with fragments of metal vessels discoveries used as funeral inventory. These are the discoveries from the funerary complexes of some flat necropoleis, dated with the first centuries AD, located in the central part of the Prut and Nistru interfluves, at the sites of Hansca-Lutăria II and Dănceni-Ialoveni.

At Hansca-Lutăria II was excavated a necropolis where were discovered 15 incineration tombs. The authors of the research attributed the necropolis from Hansca-Lutăria to the period of the 2nd and 3rd centuries AD. The two tombs (M12 and M14), represented by a rich funeral inventory, revealed fragments of bronze walls, rims and handles from bronze with strong secondary burning traces. The extremity of these vessel's handles was modeled in the shape of a swan head (Никулицэ, Рикман 1973, 116-123; Никулицэ, Рикман 2004, 214). Here, on one of the metal pieces found in M14, was also identified an inscription, made by incision, showing the Roman numerals IX and XI. The presence of weapons, arrow heads and spear heads, a dagger and iron plates that appears to be from a *umbo*, golden bracelet fragments, beads, etc. made this tomb to be included in the category of the rich, being assigned to an elite member of the community. According to the authors of the research, ceramic vessels discovered in funerary contexts find their closest analogies to Carpi-Dacian sites from the east of Carpathians (Никулицэ, Рикман 1973, 118). E.A. Rikman points out that the vessels shapes made using the potter's wheel discovered in the graves from Hansca-Lutăria are similar to the ceramics found in the complexes of Carpi culture and Lipitza culture in the period preceding the emergence of the Sântana de Mureş-Cherniahov culture (Рикман 1975, 293).

Another important discovery is the incineration tomb no. 203, studied at the Dănceni-Ialoveni necropolis. Among the materials representing the funeral inventory was found a metal handle, rectangular in section, with the ends made in the shape of a swan head (Рафалович 1986, 72). The researchers, M. Shchukin and T. Shcherbakova, who studied the discovered remains with the aim of further publication, consider that the bronze vessel from tomb 203 belongs to the category of Stara Zagora type containers. The presence of this vessel allowed the chronological framing of the funeral complex and, together with it, the establishment of the beginning of the necropolis from Dănceni – at the end of the 2nd century - the

Fig. 3. Iagorlâc. The Hemmoor bucket – a funerary urn (photo and drawing).

first half or the middle of the 3rd century (Щукин, Щербакова 1986, 209).

So, geographically, the closest analogies for the Hemmoor type bucket from Iahorlîc can be considered fragments of metal containers discovered in early tombs from the flat necropoleis that belong to the period before the appearance of the Sântana de Mureş-Cherniahov culture in the east Carpathian space. These vessels, as a rule, carry strong burning traces, are fragmented and deformed in fire. For the ceramic fragments discovered in funerary complexes, researchers found analogies in the sites and remains of the Carpi-Dacians (Никулицэ, Рикман 1973, 118), chronologically anchored in the period between the end of the 2nd century and the 1st half of the 3rd century.

Among the Hemmoor type vessels, we will mention the quasi-identical vessels discovered in the point Dervent-Păcuiul lui Soare (Constanta County) (Bucovală 1972, 117-127) and Skovoridki (Khmelnytskyi region) (Надвирняк, Погорелец 2014, 151-155, рис. 4). These vessels have many affinities with the urn from Iahorlîc, both in shape and in size. It is important to note that the container of Skovoridki has a similar inscription as the one from the vessel discovered at Iahorlîc.

In the last decades, Hemmoor type vessels were found in several sites in western Podolia and southern Volynia, in the regions Ternopil, Vinnytsia and Khmelnytsky of west Ukraine (Магомедов 2010, 174-182; Надвирняк, Погорелец 2014, 151-155), in the area of Wielbark culture. Central European discoveries of Hemmoor type vessels were made in Poland (Wielowiejski 1985, 132-320, no. 66 and no. 67), Hungary (Radnoti 1938, pl. 118), Slovenia (Brescak 1982), Bulgaria (Raev 1977, 605-642, no. 78 and no. 91.), Croatia, Austria (Radnoti 1957, 173-224; no. 14, pl. 39/7, no. 40, pl. 37/2, no. 41, pl 39/5, no. 73, pl. 38/1; Radnoti 1966, 199-221, Taf. II, Ia and B) etc. Containers of this type have been discovered in sites researched along the Danube. Some were part of the former Roman province of Pannonia and Noricum. Thus, for example, three vessels almost identical to that from our territory have been found at Osijek, on Drava (anti-

Fig. 4. Iagorlâc. The shell-shaped vessel – the lid of the funerary urn (photo and drawing).

ent Mursa), in Croatia (Pinterovič 1962, 118, T. I/5 and pl. III/1-3.), two vessels were identified at Vindobona (Austria) and another one in a tomb at Sentjernej, in Slovenia (Breščak 1982, no. 1, c. 17-43, Tabl. 7/62.) (fig. 2). A Hemmoor vessel type was found in the famous tomb with gold mask from Kerch-Panticapaeum (Шаров 2009, 41, kat. no. 44; Трейстер 2009, 56-57.).

Other analogies, the most numerous, are the discoveries of similar metal vessels in France (Notte 1989, 27), in northern Germany (Kunow 1983; Berke 1990; Bienert 2007) or in Denmark (Ekholm 1962, 152). This category of vessels is also known on the territory of Norway and Sweden, where they are chronologically included in the 2nd - 3rd centuries AD (Eggers 1951, 55-57; Hansen 1987).

According to J. Werner, Hemmoor type buckets have been produced since the middle of the 2nd century AD, and are found throughout the 3rd century (Werner 1936, 401, 408). The opinion of J. Werner was embraced by H.J. Eggers. The latter, included the category of containers (types 55-66, according to the classification proposed by him) in the period C1-C2, or the time interval between 150 AD and the end of the 3rd century (Eggers 1951, 53-55, 57). It is necessary to mention that this dating of Hemmoor type recipients, middle of the 2nd century and the 3rd century AD, met the opinion of most scholars (Шаров 2009, 41; Трейстер 2009, 56-57). Ludovic Notte believes that the Hemmoor type vessels do not exceed the limits of the 3rd century BC, and, of all Eggers 63 type would be the earliest (Notte 1989, 27).

It is necessary to mention that this chronology of Hemmoor type recipients, middle of the 2nd century and the 3rd century AD, obtained the adhesion of most scholars (Шаров 2009, 41; Трейстер 2009, 56-57). Ludovic Notte believes that the Hemmoor type vessels do not exceed the limits of the third century AD, and, of all Eggers 63, would be the earliest (Notte 1989, 27).

2. Basin with curved walls, used as lid for the funerary urn (Becken mit gewellten Kanneluren)

At the time of discovery, the container, heavily deformed by burning on the funeral pyre, was deposited over the Hemmoor vessel. It is made of brass sheet[2]. The basin has a hemispherical shape

[2] The analysis carried out in the specialized laboratory at the Hermitage Museum from Sankt Peterburg, showed that the metal used to make the vessel with the wavy walls, shell type, contains the following components: copper - 92%; zinc - 7%; iron - 0.2%; arsenic - less than 0.1%; lead - less than 0.1%. It is made of brass.

in section and circular in plan. It has, on the inside, an ornament formed by two incised, concentric lines that mimic the bottom of the bowl. Its diameter is 3.9 cm and the distance between the two lines is 0.25 cm. The vessel was made by pressing the lathe. It has a slightly inclined towards the exterior and thick rim (fig. 4). On some portions of the vessel's rim which were less affected by the action of the funeral pyre, were preserved gilded traces.

The height of the vessel is 7.5 cm and the maximum diameter at the rim level is 27.7-28.0 cm. The walls made of brass sheet are only 0.1 cm thick. The rim is thickened up to 0.35 cm.

On the inside and the outside of the bottom of the vessel can be observed the place where it was attached to the lathe. On the inside, around the stem attachment recess, were made by incision concentric circles arranged in pairs. From a technological point of view, the casting was followed by lathe pressing, made in a special matrix. The vessel walls are wavy, just like the top of the rim. Only a portion of the surface of the walls, from the rim, is not wavy. Here, the waves are arranged radially, in the form of arches, symmetrically organized by three forming a loop, which makes us assume that the shape of a shell was intended to be imitated[3].

The vessel has strong secondary burning traces, which led to the destruction of a significant part of the body (about a fifth of the surface) by melting.

The basin is a very rare discovery. We have not been able to identify close analogies as shape, ornamentation and dimensions for the Iahorlîc vessel. The closest analogies for this category of metal vessels with wavy walls surface are found on the Danube line, in the Danubian provinces of Noricum and Panonnia. For Noricum, are published fragments of pots, close to ours by the method of making the surface of the walls, discovered in the Ovilava-Weis deposit (Sedlmayer 1999, 159, Abb.20). These were dated to the 2nd century AD. Another vessel, with wavy walls surface discovered at Albertfalva and dated to the 2nd century, was published in 1999 by Klara Szabo (Szabo 1999, 242-263, fig. 14).

For Central Europe and the Danube, Aladar Radnoti published in 1938 a fragment of a vessel, similar to the one presented by us, discovered in the Roman colony at Brigetio, Komárom-Esztergom County (Hungary). The difference lies in the fact that Brigetio is endowed with ring-shaped support for the bottom (Radnoti 1938, Table XXIX/2). The vessel of Brigetio, as well as the Roman camp here, was dated between the 1st and 3rd centuries, or even the 1st-2nd centuries AD.

We have to mention that the closest analogy for the vessel with wavy walls used as lid for the funerary urn from Iahorlîc was noticed by the authors in the exhibition of the Hermitage Museum. The vessel from the exhibition is almost identical in shape to the one discussed in this article. It comes from the excavations of Pompeii.

Instead of conclusions. In the eastern Carpathian space, several incineration burials were discovered in bronze vessels (situla or buckets): Sipoteni (Călăraşi), Mana (Orhei), Poieneşti (Vaslui), Răcătău (Bacău), Bădeni (Iaşi). These belong to the period of the 2nd and 1st centuries BC, and may be related to the penetration and establishment of the Bastarn tribes in these regions.

It is important to note that at a distance of about 25 km north-northeast of the site with the discoveries from Iagorlâc, at the site of Mocra (Dubăsari) an incineration burial was deposited in a ceramic urn-bowl in association with a lid-bowl. As funerary urn in the tomb of Mocra was used a bowl with preserved polishing traces in the upper part and barbotine the lower part (Кашуба, Курчатов, Щербакова 2001-2002, 200-201, рис. 10). The authors assigned the funeral complex, made in the mantle of a Sarmatian tumulus, to the Wielbark culture. The graves of the Sarmatian aristocracy discovered in the mounds near Mocra were, according to the authors, made in the first quarter of the 2nd century AD (Кашуба, Курчатов, Щербакова 2001-2002, 242). In turn, the ceramic incineration tomb with a ceramic lid-bowl, inside of which, among the calcined bones was discovered a rectangular iron buckle, classified by R. Madyga-Legutka (Madyga-Legutka 1986, 233, Taf. 23, Tab. 9) with group G, type 8, was dated to the end of the 2nd or the beginning of the 3rd century (Кашуба, Курчатов, Щербакова 2001-2002, 243).

[3] In the present vessels of this kind, or imitating the shape of a shell, are used for anaphora and are called "St. Jacob's Shell".

Therefore, the two incineration complexes, from Iahorlic and Mocra, were made approximately during the same period. It is possible that they belong to the first waves of Gothic population which arrived in the east-Carpathian space and in the north-western Pontic regions. Also, to the same chronological period, 2nd-3rd centuries, belong the necropolis of Hansca-Lutăria II (Никулицэ, Рикман 2004, 218) and some incineration tombs in the necropolis of Dănceni-Ialoveni. At Hansca-Limbari II there were fragments of bronze vessels with metal handles similar to the Iahorlîc vessel. The fact that in the complexes of Hansca-Lutăria II were discovered ceramic categories similar to those of the Carpi culture or the Lipitza culture, does not contradict with the cultural processes carried out in the first centuries of the Christian era to the east of the Oriental Carpathians. It is possible that during the southward movement of the Goths, groups of Carpi and Costoboci joined in. We can also assume that the free Dacians which were overlapped by Goth tribes, was the local Thracian population who later participated in the formation of the Sântana de Mureş-Cherniahov culture.

Bibliography

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poieneşti-Lukasevka Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993).

Bârcă 2009: V. Bârcă, Câteva consideraţii privind vasele metalice de import din mediul sarmatic nord-pontic. Cercetări arheologice XVI, Supplimentum, 2009, 85-124.

Berke 1990: S. Berke, Römische Bronzegefässe und Terra Sigillata in der Germania Libera. Münsterische Beiträge zur Archäologie 7 (Munster 1990).

Bienert 2007: B. Bienert, Die römischen Bronzegefässe im Rhenischen Landesmuseum Trier. Trierer Zeitschrift 31 (Trier 2007).

Breščak 1982: D. Breščak, Anticno bronasto posodje Slovenije. Situla 22/1 (Liubljana 1982).

Bucovală 1972: M. Bucovală, Vase romane de bronz descoperite la Dervent jud. Constanţa. Pontica 5, 1972, 117-127.

Eggers 1951: H.J. Eggers, Der römisch Import im Freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. 1 (Hamburg 1951).

Ekholm 1962: G. Ekholm, Die Hemmoorer Eimer Skandinaviens. Acta Archaeologica 32, 1962, 135-152.

Hansen 1987: U.L. Hansen, Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien während der Kaiserzeit unter besonderer Berücksichtigung Nordeuropas (Kobenhaum 1987).

Iarmulschi 2013: V. Iarmulschi, Unele consideraţii privind cronologia şi periodizarea culturii Poieneşti-Lucaşeuca. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 29-52.

Kunow 1983: J. Kunow, Der römische Import in der Germania Libera bis zu der Markomannenkrigen. Studien zu Bronze- und Glassgefässen (Neümunster 1983).

Madyga-Legutka 1986: R. Madyga-Legutka, Die gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbarikum în BAR. IS, nr. 360 (London 1986).

Notte 1989: L. Notte, Les seaux de Hemmoor, en France et en Europe (Bruxelles 1989).

Pinterovič 1962: D. Pinterovič, O rimskoj bronci s terena Osijeka i okolice, In: Osjecki zbornik, Br. VIII (Osijek 1962).

Radnoti 1938: A. Radnoti, Die römischen Bronzegefässe von Pannonien. Dissertationes Pannonicae, Ser. II, nr. 6 (Budapest 1938).

Radnoti 1957: A. Radnoti, Gefäße, Lampen und Tintenfässer aus Bronze. In: (Hrsg. M.R. Alföldi, L. Barkóczi, J. Fitz, K.Sz. Póczy, A. Radnóti, Á. Salamon, K. Sági, J. Szilágyi, E.B. Vágó) Intercisa II (Dunapentele). Geschichte der Stadt in der Römerzeit, Arch. Hungarica. Ser. Nova XXXVI (Budapest 1957), 173-224.

Radnoti 1966: A. Radnoti, Ein römische Urnengrab in Halbtur (Burgenland). In: Festschrift für Alphons A. Barb (Eisenstadt 1966), 199-221.

Raev 1977: B. Raev, Römische Bronzegefässe in Thrakien und Mösien. Bericht der Romisch-Germanischen Kommission 58, 1977, 605-642.

Rustoiu 2005: A. Rustoiu, Dacia şi Italia în sec. I a. Chr. Comerţul cu vase de bronz în perioada republicană târzie (studiu preliminar). In: Comerţ şi civilizaţie. Transilvania în contextul schimburilor comerciale şi culturale în antichitate (Cluj-Napoca 2005), 53-117.

Sanie 1973: S. Sanie, Importuri elenistice şi romane în câteva cetăţi şi aşezări dacice din Moldova. SCIV 24/3, 1973, 407-434.

Sanie 1981: S. Sanie, Civilizaţia romană la est de Carpaţi şi romanitatea pe teritoriul Moldovei (sec. II î.e.n. - III e.n.) (Iaşi 1981).

Sedlmayer 1999: H. Sedlmayer, Die römische Bronzegefässe in Noricum (Montagnac 1999).

Szabo 1999: K. Szabo, Un seau d"Albertfalva (Radnoti type XI, 57). Budapest Regisegei 33, 1999, 242-263.

Tentiuc, Bublici, Simalcsik 2015: I. Tentiuc, V. Bublici, A. Simalcsik, A cremation burial of a horseman near the village of Mana (the Orhei district). Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 221- 248.

Tentiuc, Bublici, Simalcsik 2016: I. Tentiuc, V. Bublici, A. Simalcsik, Despre mormântul de incineraţie în situlă de bronz de la Sipoteni (sec. II-I a. Chr.). Tyragetia s.n. X/1, 2016, 39-74.

Tentiuc, Bublici, Simalcsik 2017: I. Tentiuc, V. Bublici, A. Simalcsik Gheare de urs şi reprezentări de urside în contexte arheologice din prima şi a doua epocă a fierului la est de Carpaţi. Acta Musei Tutovensis XIII. Istorie veche şi arheologie, 2017, 122-143.

Ursachi 1995: V. Ursachi, Zargidava. Cetatea dacică de la Brad (Bucureşti 1995).

Werner 1936: J. Werner, Zur Herkunft und Zeitstellung der Hemmoor Eimer und der Eimer mit gewellten Kanneluren. Bonner Jahrbucher 140-141, 1936, 395-410.

Wielowiejski 1985: J. Wielowiejski, Die spätkeltischen und römischen Bronzegefässe in Polen. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 66, 1985, 123-320.

Кашуба, Курчатов, Щербакова 2001-2002: М.Т. Кашуба, С.И. Курчатов, Т.А. Щербакова, Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра). Stratum plus 4, 2001-2002, 180-252.

Коваленко, Синика, Тельнов 2011: С.И. Коваленко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Свод археологических памятников Дубоссарского района Приднестровской Молдавской Республики (Тирасполь 2011).

Магомедов 2010: Б.В. Магомедов, Знахідки предметів римського імпорту з металу на черняхівських пам'ятках України. В: Археологія Правобережної України. АДІУ, вип. 2 (Київ 2010), 174-182.

Надвирняк, Погорелец 2014: О.В. Надвирняк, О.Г. Погорелец, Нови знахидки бронзових казанив типу Hemmoor на Подилли. В сб.: Черняхивська культура: до 120-риччиа вид дня нарождення В.П. Петрова (Киев 2014), 151-155.

Надвирняк, Погорелец, Надвирняк 2014: А.В. Надвирняк, О.Г. Погорелец, А.А. Надвирняк, К вопросу о римском военном присутствии и некоторых аспектах возникновения и формирования черняховской культуры в междуречье Среднего Поднестровья и Южного Побужья. В сб.: (Відп. ред. О.В. Петраускас, С.А. Горбаненко) Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В.П. Петрова (Київ 2014), 136-150.

Никулицэ, Рикман 1973: И.Т. Никулицэ, Э.А. Рикман, Могильник Ханска-Лутэрия II первых столетий н.э. КСИИА 133, 116-123; reeditat în I. Niculiţă, Thraco-getica. Studii şi materiale (Chişinău 2004), 214-221.

Раев 1993: Б.А. Раев, Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии. В сб.: Античный мир и археология, вып. 9 (Саратов 1993), 160-171.

Рафалович 1986: И.А. Рафалович, Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. (Кишинев 1986).

Рикман 1975a: Э.А. Рикман, Памятники сарматов и племен черняховской культуры (Кишинев 1975).

Рикман 1975b: Э.А. Рикман, Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры (Москва 1975).

Симоненко 2011: А.В. Симоненко, Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья (Санкт Петербург 2011).

Трейстер 2009: Т.Ю. Трейстер, Посуда и предметы утвари из серебра и бронзы. В: Тайна золотой маски. Каталог выставки (Гос. Эрмитаж) (Санкт Петербург 2009), 56-57.

Шаров 2009: О.В. Шаров, Погребение с золотой маской. История открытия и хронология комплекса. В: Тайна золотой маски. Каталог выставки (Гос. Эрмитаж) (Санкт Петербург 2009).

Шилов 1975: В.П. Шилов, Очерки по истории племен Нижнего Поволжья (Ленинград 1975).

Щукин, Щербакова 1986: М.Б. Щукин, Т.А. Щербакова, К хронологии могильника Данчены. В: И.А. Рафалович, Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. (Кишинев 1986), 177-212.

Un mormânt de incineraţie în recipient de metal (sec. II-III p. Chr.), descoperit la Iagorlâc, Dubăsari

Cuvinte-cheie: urnă funerară, vase din metal, epoca romană, vas de tip Hemmoor, vas de tip scoică.

Rezumat: În anul 2017 Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, de la Chişinău, a intrat în posesia a două vase de metal descoperite întâmplător. Conform informaţiei descoperitorilor, acestea au fost găsite în surpătura unui drum pe teritoriul rezervaţiei naturale Iagorlâc, raionul Dubăsari (fig. 1), situată la gura râului omonim, afluent de stânga al fluviului Nistru.

Setul alcătuieşte inventarul unui mormânt de incineraţie în urnă funerară. Este reprezentat de un vas de tip „căldăruşă", aparţinând variantei Eggers 63, a găleţilor de tip Hemmoor. Acest vas, conform informaţiei, era plin cu „pământ şi oase arse" şi reprezintă o urnă funerară. Pe partea mediană toarta are incizate semne care amintesc cifrele romane IX şi XI, iar extremităţile torţii imaginează capete de pasăre (fig. 3). Cel de-al doilea recipient, un bazin de formă semisferică în secţiune şi circulară în plan, cu pereţii ondulaţi şi buza cu urme de aurire, în momentul descoperirii era puternic deformat şi depus peste vasul cu oase calcinate. Bazinul reprezintă capacul pentru urna funerară. Ambele vase păstrează urme puternice de funingine şi de ardere secundară. În urma arderii pe rugul funerar, bazinul cu pereţii ondulaţi şi-a pierdut, prin topire, a cincea parte din suprafaţă (fig. 4).

Vasele sunt confecţionate din tablă subţire de alamă, fiind realizate cu ajutorul strungului, în matrice speciale. Cele mai apropiate analogii pentru aceste vase le găsim în necropola de incineraţie de la Hansca-Lutărie II unde, în două morminte (M12 şi M14), au fost descoperite fragmente de pereţi, buze de la vase din bronz şi torţi cu extremităţile în formă de cap de lebădă, care aveau puternice urme de ardere. Fragmentele de vase ceramice din aceste complexe funerare găsesc analogii în vestigiile culturii carpice şi a culturii Lipiţa. În necropola de la Dănceni-Ialoveni, în M203, realizat prin incinerare, au fost găsite, pe lângă alte materiale, o toartă cu extremităţile în formă de cap de lebădă şi urechiuşa unui vas din bronz. Aceste morminte, cu inventar bogat, au fost atribuite secolelor II-III p. Chr. Ele aparţineau unor membri de elită ai comunităţilor goţilor care au pătruns în regiune până la formarea culturii Sântana de Mureş-Černjachov.

Analogii pentru vasele din metal de la Iagorlâc găsim în diferite regiuni din Europa Centrală şi de Nord-Vest, dar şi în Ucraina de Vest, unde sunt datate în intervalul de timp cuprins între anii 150 şi 250 p. Chr. (fig. 2).

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta cu locul descoperirii mormântului de incineraţie de la Iagorlâc.

Fig. 2. Harta răspândirii căldărilor de tip Hemmoor.

Fig. 3. Iagorlâc. Căldare de tip Hemmoor – urnă funerară (foto şi desen).

Fig. 4. Iagorlâc. Vas de tip scoică – capac pentru urna funerară (foto şi desen).

Кремационное захоронение в металлическом сосуде (II-III в. н.э.), обнаруженное в Ягорлыке (Дубоссарский р-н)

Ключевые слова: погребальная урна, металлические сосуды, римское время, сосуд типа Хеммор, сосуд в форме раковины.

Резюме: В 2017 году в фонды Национального музея истории Молдовы в Кишиневе поступили два металлических сосуда, которые были обнаружены случайно. По информации находчиков, они были найдены на дороге, на территории природного заповедника Ягорлык в Дубоссарском районе (рис. 1), расположенного в устье одноименной реки, левого притока реки Днестр.

Набор составляет инвентарь кремационного захоронения в погребальной урне. Он представлен сосудом в форме ведра варианта 63 Эггерса, типа Хеммор. Этот сосуд, согласно полученной информации, был заполнен «землей и сожженными костями» и является погребальной урной. На средней части ручки сосуда вырезаны знаки, напоминающие римские цифры IX и XI, а ее концы выполнены в виде птичьих голов (рис. 3). Второй сосуд, полусферический в разрезе и круглый в плане, с ребристыми стенками и остатками позолоты по краю, на момент обнаружения был сильно деформирован и лежал на сосуде с кальцинированными костями. Он является крышкой погребальной урны. На обоих сосудах сохранились сильные следы копоти и вторичного горения. В результате сжигания на погребальном костре сосуд с ребристыми стенками утратил пятую часть своей поверхности, которая расплавилась (рис. 4).

Сосуды были изготовлены из тонкого листа меди с помощью токарного станка и специальных матриц. Ближайшие аналогии этим контейнерам можно найти в кремационном некрополе Ханска-Лутэрие II, где в двух погребениях (M12 и M14) были обнаружены фрагменты стенок, края бронзовых сосудов и ручки с концами в виде головы лебедя, с сильными следами горения. Фрагменты керамических сосудов из этих погребальных комплексов находят аналогии в памятниках культуры карпов и липицкой культуры. В некрополе Дэнчень-Яловень, в погребении M203, совершенном по обряду кремации, были найдены, наряду

с другими материалами, ручка с концами в форме головы лебедя и ручка-ушко бронзового сосуда. Эти захоронения с богатым инвентарем были отнесены к II-III векам н.э. Они принадлежали знатным членам общин готов, которые проникли в этот регион до образования культуры Сынтана-де-Муреш - Черняхов.

Аналогии металлическим сосудам из Ягорлыка встречаются в разных регионах Центральной и Северо-Западной Европы, а также в Западной Украине, где они датируются периодом времени между 150 и 250 годами нашей эры (рис. 2).

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта с местом обнаружения кремационного захоронения в Ягорлыке.

Рис. 2. Карта распространения ведер типа Хеммор.

Рис. 3. Ягорлык. Ведро типа Хеммор – погребальная урна (фотография и рисунок).

Рис. 4. Ягорлык. Сосуд в форме раковины – крышка погребальной урны (фотография и рисунок).

03.08.2018

Dr. Ion Tentiuc, National Museum of History of Moldova, 121-A 31 August str., MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, e-mail: ion_tentiuc@yahoo.com

Valeriu Bubulici, National Museum of History of Moldova, 121-A 31 August str., MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, e-mail: vbubulici@mail.ru

NORMĂ CANONICĂ ŞI ORIENTAREA PRACTICĂ A ALTARELOR ÎN BISERICILE PALEOCREŞTINE. LĂCAŞURI ANTICE ŞI MEDIEVALE TIMPURII DIN SPAŢIUL ROMÂNESC

Vlad D. Ghimpu

Cuvinte-cheie: biserici rupestre, spaţiu românesc, arianism, biserici-rotonde, Bizanţ, Orient, gepizi, Transilvania, Crăciun.

Problema orientării altarelor bisericilor creştine are o importanţă semnificativă pentru a înţelege natura construcţiilor religioase, dar, în special, şi a amplasării morţilor în cimitirele antice şi ale evului mediu timpuriu. În istoriografie, structurarea geografică a edificiilor religioase a încercat să o rezolve printre primii arhitectul Dinu Theodorescu, odată cu analiza şi reconstituirea arheologică destul de complicată a bisericii de tip sirian cu altarul neabsidat din oraşul antic Callatis (Mangalia). Stabilind direcţia altarului pătrat al bisericii spre sud, el s-a pronunţat în general şi asupra normelor de amplasare a acestora şi la alte biserici în cadrul oraşelor antice, depinzând de contextul planimetric al entităţilor urbane (Theodorescu 1963, 257-300). Pentru a demonstra concepţia sa, a şi adus mai multe exemple de stabilimente variabile ale altarelor mai multor biserici paleocreştine din spaţiul românesc şi din afara lui, prezentate cu măsurări ale cadranului geografic (Theodorescu 1963, 284).

Alt cercetător al lăcaşelor creştine, probabil, bazată pe experienţa celui de mai sus, arhitecta Silvia Păun, a mers mai departe, şi a adus argumentul canoanelor religioase al poziţiilor altarului, care au fost determinate, mai întâi, conform normei biblice, spre vest, apoi, după Constituţiile Apostolice (anul 380), spre est. În câteva din lucrările ei, în special, s-a oprit la această problemă în anul 1999 (Păun 1999, 6-7) şi în anul jubiliar creştin 2000, ultima o cercetare monografică de ansamblu, cu o opinie nouă asupra simbolisticii mai multor genuri de obiective arhitectonice (Păun 2000). Într-o prezentare amplă de planuri şi imagini de biserici rupestre şi de zid, unele orientate spre vest, altele spre est, ea a evidenţiat şi dintre acele cu altarul îndreptat spre nord şi sud. Ajunsă într-un impas, cu ultimele două poziţii, cum se vede, explicând două dintre direcţii, a încercat să demonstreze diferenţele de structură mai largi ale altarelor creştine, prin simbolica unor viziuni cosmogonice, ale pătrunderii luminii soarelui, greşită, după părerea noastră.

Despre problema orientării diferite a unor altare bisericeşti antice au scris şi alţi cercetători arheologi, cu precădere, atunci când au prezentat sau au analizat unele lăcaşuri paleocreştine. Preocupat de studiul bisericilor rupestre, noi am întreprins unele aprecieri ale acestora în legătură cu analiza structurală a diferitor lor părţi componente. Una dintre cele mai importante fiind şi cauzele orientării diferite a altarelor bisericilor vechi – spre vest sau est, dar şi la nord şi la sud (Ghimpu 2016, 303-314; Ghimpu 2017a, 81-96; Ghimpu 2017b, 12-94; Гимпу 2017, 325-330). Bisericile antice de zid cunoscute de pe teritoriul românesc au început mai întâi să se construiască în temei în oraşele romane şi romano-bizantine, prezentând varianta oficială cultă a creştinismului, dezvoltată după anul 313, când va fi acceptată liber în cadrul Imperiului Roman. Orientarea altarelor bisericilor de zid în diferite părţi cardinale a cunoscut posibil aceleaşi particularităţi ca şi cea a bisericile rupestre, eventual, de fapt, mai degrabă edificiile zidite au devenit un reper şi pentru cele din cavernele peşterilor de la noi, iar încercarea autorului de evaluare a lor mai devreme a fost întreprinsă dintr-o mai bună soliditate a materialului.

Cea mai veche normă biblică de orientare a altarelor bisericilor spre vest este întâlnită în biserica de zid din castrul roman de la Slăveni (sat, comuna Gostăvăţu, jud. Olt). După aprecierea descoperitorilor, ea se datează în secolul al IV-lea, biserica de 7×21 m s-ar fi construit în timpul domniilor împăraţilor Constantius II (337-361) sau Valens

(364-378), și a funcționat până la invazia hunică (Tudor et al. 2011, 77-78). Despre specificul altarului ei îndreptat spre vest, nu spre est, autorii subliniază, că în epoca constantiniană o atare orientare nu era obligatorie, comparând-o la acest capitol cu exemple notorii ale bazilicii „Învierii" din Ierusalim, a bazilicii episcopului Paulin din Tyr, și vechile bazilici din Roma, a Sf. Petru și a Lateranului, care au altarul spre vest (Tudor et al. 2011, 76). În teritoriul daco-roman s-a mai descoperit o altă biserică veche în castrul de la Porolissum (sat Moigrad, com. Mirșid, jud. Sălaj), cu dimensiunea de 10,50×9,0 m și altarul îndreptat spre nord. Datarea ei se apreciază la sfârșitul sec. al IV-lea (Gudea 2011, 119), iar noi îl putem preciza post quem, după Constituțiile Apostolice din anul 380, eventual și la începutul sec. al V-lea. Dar, așa cum presupune N. Gudea, în acest oraș trebuia să mai fi existat încă o biserică sau casă de rugăciune, ce se confirmă, după noi, cu ceva mai timpurie, și prin orientarea unor morminte de inhumație est-vest (Gudea 2011, 120, 308), databile în secolul al IV-lea (după anul 313). Același lucru se poate observa și la Napoca, în care oraș, de asemenea, sunt atestate morminte cu orientarea est-vest (Gudea 2011, 121), ca și peste tot unde sunt înmormântări cu aceeași direcție, altfel nu se poate gândi decât la o racordare a populației daco-romane spre orientarea canonică, biblică, a Vechiului Testament, deci iudaică, imposibilă, fără să aibă un lăcaș de cult în apropiere. După apariția Constituțiilor Apostolice, anul 380, se stabilește amplasarea altarelor spre est, până în secolul al IX-lea (Cabrol, Leclerq 1913, 26-65), iar acest lucru s-a realizat sinuos, probabil, cum se vede, inclusiv și cu prezența orientării, spre nord, și spre sud, înțeleasă inițial ca desprinderea fluturelui de cocoașă, posibil, doar pentru a se delimita de cutuma inițială, iudaică. Ulterior secolului al IX-lea, prin dezvoltarea progresivă a Bisericii, a dogmaticii creștine, s-a înăsprit și norma de orientare a altarelor, practic în toate edificiile religioase, numai spre est, urmată și de defuncții din morminte, în conformitate cu cea a lăcașelor de cult.

În aserțiunea celor de mai sus, de asemenea, am susținut că au existat și lăcașuri creștine rupestre cu orientarea altarelor spre vest, la așa-numita Peșteră a Sf. Andrei (com. Ioan Corvin, jud. Constanța), ca stabiliment monahal, și la bisericuța rupestră a mănăstirii Bistrița (jud. Argeș) (Păun 2000, 97, 113), care s-ar data tot în secolul IV, sau, ceva mai timpuriu în cazul când creștinii se ascundeau încă de persecuții, și ulterior, eventual, inclusiv, puțin mai târziu, în secolul IV-V, după conceptul de construcție, dirijat de același precept biblic de orientare a altarului. Spre vest ar mai fi avut altarul și prima bisericuță din complexul rupestru de la Dumbrăveni, apreciată greșit, după noi (Ghimpu 2017b, 64-65) în calitate de contraabsidă (Chiriac, Papasima 2000, 223-228), ea având o absidă deosebită, decroșată. Ca și la bisericile de zid (Păun 2000, 129, 131, 133, 134, 135, 139, 145, 153), întâlnim altare ale bisericilor rupestre, care sunt mai puține, în general, în toate cele patru direcții cardinale, spre vest, nord și sud (Ștefan 1980)[1], și spre est. Deci, la începutul construcțiilor edificiilor de rugăciune promotorii noii religii s-au condus inițial de preceptele Vechiului Testament, pentru orientarea altarelor spre vest. Odată cu apariția normelor noi, având scopul de a se deosebi de vechile temple, s-a acceptat orientarea spre est, iar ca excepție, și spre nord, și la sud. Ultimele două, noi le putem evalua cronologic, corespunzător până în secolul al IX-lea, spre deosebire de cea spre est, care s-a generalizat în timp și nu avem posibilitatea de a le înregistra mai exact, decât după alte criterii. Această caracteristică spre est a fluctuat, cum arăta și Silvia Păun (observată în general și de alți cercetători), după anotimpul și ziua punerii fundației, minimum, între 55 de grade la solstițiul de vară și, 125 de grade, maximum, la solstițiul de iarnă (Păun 1999, 6-7; Păun 2000, 185-186), iar cele care au unghiul mai mic pot fi considerate cu orientare nordică, și mai mare ca cel de iarnă, – spre sud. Numai la echinocțiul de primăvară și la cel de toamnă orientarea altarului poate fi perfectă și constituie 90 de grade, astfel că, între 20 martie și 20-21 iunie, direcția altarului poate varia între 90 și 55 de grade, iar între 22-23 septembrie și 21-22 decembrie, între 90 și 125 de grade, ce se pot înscrie în calitate de norme canonice spre est.

Adaptarea și construcția de biserici în perioada antică s-a început mai întâi în locuințele personale, apoi în unele case de rugăciune pentru colective mai mari și au culminat cu bazilicile paleocreștine, ce preluau locul edificiilor publice civile. Geneza lor poate fi studiată mai concludent după prezența absidelor semicirculare. De regulă, se

[1] Studiind vestigiile rupestre din Munții Buzăului, noi am găsit un indiciu de o orientare a altarului spre sud, la Peștera lui Iosif (Ștefan 1980, 60), însă la V. Boroneanț (2000, 94), altarul acesta este indicat spre nord.

poate admite că biserica paleocreştină s-a adaptat iniţial de la casa romană dreptunghiulară cu absidă. În Siria, Mesopotamia, acolo unde au fost nuclee timpurii mai dezvoltate ale creştinismului, primele biserici ale noii religii s-au construit şi după forma casei romane tradiţionale, dreptunghiulare, aşa-numitele biserici fără absidă, cu altar pătrat sau dreptunghiular (Якобсон 1983, 79-81, 83-84). De obicei, bisericile antice, paleocreştine, din spaţiul românesc sunt numite bazilici, ceea ce nu este corect întotdeauna, deoarece cele mai timpurii lăcaşuri au existat în casele de rugăciune, care mai greu pot fi evidenţiate dintre locuinţe, şi apoi bisericile urmând locuinţa romană cu absidă, şi după ele bazilicile. S-au construit, însă, şi biserici de tip sirian, după tipul casei romane (sau tradiţionale) dreptunghiulare. Inclusiv, noi avem aproape toate direcţiile cardinale ale bisericilor de tip sirian, spre vest, la Peştera Sf. Andrei (com. Ioan Corvin, jud. Constanţa), la sud, basilica de la Callatis şi bisericuţa de la Sobari (Soroca) (Ghimpu 2016, 303-314; Ghimpu 2017b, 15-37, 66-69), ca şi orientări spre est la biserica mănăstirii rupestre cu altar pătrat de la Orheiul Vechi (Butuceni, sec. VI-XII) şi la altă bisericuţă rupestră la Saharna (Zaharna, Gonţa 1990, 284) (Ghimpu 2017c, 37, 51). În ceea ce priveşte bisericuţa cu două compartimente şi cu altar pătrat de la Sobari, căreia i s-a demonstrat mai greu apartenenţa la un edificiu creştin (Teodor 1991, 82; Niculiţă,1996, 20; Niculiţă, Popa 2000, 69; Popa 2001, 15, 153; Ghimpu 2016, 307-311), fiind apropiată de forma casei romane, şi datată în secolele VI-VII, are analogii dintre cele mai strânse cu edificii creştine siriene, împrejmuite de colonade, ce sprijineau portice exterioare (Якобсон 1983, 83; Ghimpu 2017b, 36).

Dacă bisericile antice, ce au urmat în temei tradiţia cultă a creştinismului de tip urban roman şi romano-bizantin, de unde s-a propagat şi în localităţile rurale (Gudea 2011, 112), este (s-au poate fi) mai clară, constituirea celor medievale timpurii, ca şi cele rupestre, aici situaţia mai trebuie studiată. Este mai greu de evaluat, pe de o parte, din cauza condiţiilor instabile a marilor migraţii ale popoarelor spre lumea bizantină, ce au produs mai multe perturbări social-politice şi etnice, iar pe de alta, în plan subiectiv, s-au comis şi unele erori de apreciere, urmările cărora se resimt şi astăzi (Theodorescu 1974, 94; Theodorescu 2002, 120-123). În ce priveşte construcţia de biserici medievale, aproape că s-a pus semnul egalităţii între evoluţia lor si cea din epoca antică. Să mai remarcăm, la perioada medievală timpurie, ea este şi mai greu de explicat arheologic, cu toate acestea, în ce priveşte evoluţia creştinismului, ea poate fi deja demonstrată şi prin unele biserici paleocreştine, de zid sau rupestre. În primul rând, aşa cum considerăm noi, prin orientarea altarelor. La direcţia altarului spre nord de la Peştera lui Bechir de lângă Soroca mai avem şi argumentul prezenţei unui templon, sculptat în imitaţie, după cele de lemn, care, având câteva icoane, prin prezenţa unor chenare pătrate, se datează în secolul VII (Ghimpu 2013, 135-138; Ghimpu 2016, 305; Ghimpu 2017b, 96-110). Ca şi biserica rupestră de la mănăstirea Butuceni (Orheiul Vechi), ce are un altar pătrat de tip sirian, dar şi dormitor comun al călugărilor, care au durat, începând după legislaţia lui Iustinian, între secolul VI şi XII în Bizanţ, când vor dispărea (Каждан 1971, 54-55). Ţinând cont de structura şi amplasamentul ei (greu de pătruns pentru femei) (Ghimpu 2000, fig. 69; Ghimpu 2017b, 69), iniţial ea nu a avut pronaos, decât din anul 1821, după o lungă perioadă cu căile de acces prăbuşite, când s-a săpat o intrare dinspre sat, din partea opusă, şi a fost transformată în biserică parohială (Курдиновский 1906, 1313-1316). Continuând în acelaşi spaţiu est-carpatic, mai adăugăm caracteristicile unei posibile episcopii rurale (Ghimpu 2016, 311) la Sobari (Soroca), dar şi valenţele extraordinare ale unui exponat redescoperit aici, de unicat în spaţiul românesc, ce ne reprezintă cu primul document "scris", operă artistică, de iconografie creştină, şi tradiţie seculară, de atestare a obiceiului popular al Pluguşorului (Ghimpu 2016, 307-311). La est de Carpaţi o altă bisericuţă rupestră aproape de mănăstirea Putna, numită Chilia lui Daniil Sihastrul, şi-a dezvăluit, de asemenea, valenţe mai vechi decât secolul XV, cum s-a crezut până acum, având altarul orientat spre nord (Păun 2000, 87), ce s-a construit până în secolul al IX-lea (Ghimpu 2016, 305), apoi, implicit, şi cu pronaos pentru accederea în ea a femeilor (Dan 1905, 113), de influenţă crimeeană (Ghimpu 2017b, 17-18, 67-68).

La sud de Carpaţi situaţia poate fi reapreciată, de asemenea, şi ea, prin monumentele rupestre, bisericuţa cu altar spre vest de la mănăstirea Bistriţa, din secolul IV, apoi biserica numită sugestiv al lui Negru Vodă (Drăghiceanu 1912, 89), cu două faze de execuţie (Chihaia 1974, 321; Mulţescu, Mulţescu 1980, 49-56), una cu altar preponde-

rent spre nord, mai timpurie, și a doua, tot veche, păstrând până târziu tradiția templonului bizantin. Mai departe, în munți, la mănăstirea rupestră Șinca Veche (jud. Brașov) (Bâgiu Marino 2014), una din bisericuțe a păstrat și ea urme de barieră a altarului nedezvoltat, ce avea, fie un număr mic de icoane, fie proprie unui templon neevoluat de până în secolul al IX-lea (Ghimpu 2017b, 18-19). Aceeași stare de biserică veche a fost și la Corbii de Piatră (jud. Argeș), care o putem aprecia și după structura ei insolită cu două abside, de origine crimeeană, ce o datăm și cu semnele de rune, inclusiv, dacă se confirmă și ipoteza noastră despre o primă experiență de delimitare pe sexe în biserici, bărbați și femei, conform compoziției duble a altarului (Ghimpu 2017b, 71-75; Ghimpu 2017c, 259-262), ca și atestarea celei mai vechi picturi parietale, așa cum s-a afirmat, din Țara Românească (Dumitrescu 1975, 23-51).

În Dobrogea, un leagăn al creștinismului românesc timpuriu, situația este elocventă din toate punctele de vedere. Fost teritoriu roman și romano-bizantin, aici creștinismul a cunoscut cele mai timpurii faze de dezvoltare, inclusiv putem menționa cea mai incipientă perioadă din timpul persecuțiilor în labirinturile peșterii de la Limanu (jud. Constanța) (Boroneanț, Ciuceanu 1977, 49-57), secolul III-IV, acolo unde creștinii mergeau pe ascuns și își manifestau noua religie în mici colectivități subpământene, inclusiv, cazul relevant al bisericii rupestre Peștera Sf. Andrei (sec. al IV-lea), având altarul alungit și orientat spre vest (Păun 2000, 97). Bisericuța de o planimetrie aparte, rotundă, ea își găsește analogie în edificiile de zid de plan central din Siria și orientul bizantin (Якобсон 1983, 74, 100). Alte biserici rupestre, de la Dumbrăveni (sec. IV-VI și VIII-IX) (Chiriac 1988-1999, 249-269; Chiriac, Papasima 2000, 223-238) și de la Basarabi-Murfatlar (Barnea, Bilciurescu 1959, 541-563), sec. VIII-IX (Ghimpu 2017b, 27; Ghimpu 2017c, 253-258) (zisă acum Murfatlar, jud. Constanța), ce poartă un facies cultural mai târziu și de o cu totul altă anvergură, în mare, prin posibilitatea unei atribuții etnice deosebite, sau și a unei cronologii mai ferme, detașate de epoca antică, ambele complexe cu o problematică de viitor determinantă, atât pentru români, dar și pentru slavii de sud vecini. Ne oprim aici, cu deosebire, la structura compartimentelor de plan, bisericuțe cu o singură absidă semicirculară în capăt, cu altar, naos și pronaos, care ne vor marca în ritual, dar și arhitectural, tot evul mediu românesc. Dominate de inscripții runice, noi am apreciat complexul Basarabi-Murfatlar să fi fost întemeiat de călugări goți, refugiați din Crimeea (Ghimpu 2017b, 30; Ghimpu 2017c, 258-259), și nu toți, conviețuind acolo cu alani, așa și erau numiți uneori împreună gotalani, sau alano-goți, iar mai târziu, după ce se creștinau, și protobulgarii din Crimeea, posibil, au venit și unii dintre ei[2], atrași de statul ce avea la cârmă organizarea statală a bulgarilor turcici. Locuiau acolo, periodic, după unele date, și români, și slavi. Esențial pentru noi este caracteristica edificiului creștin, adus de ei la Dunăre, separați în naos pentru bărbați, și după o ușă în pronaos, care, fie că se mai și închidea uneori, pentru femei, reflecție a influenței religiei musulmane din estul Bizanțului și Crimeea (Ghimpu 2017b, 26-30, 63-64; Ghimpu 2017c, 258-259).

Astfel, aceleași circumstanțe le reliefăm și în teritoriile de mai la nord, la est de Carpați, biserica lui Daniil Sihastrul s-a săpat undeva până în secolul al IX-lea, cu un naos mic, iar pronaosul s-a alungit de călugări crimeeni, sau, sub influența acestora, pentru a putea primi și femei. Scriere cu rune turcice s-a descoperit și în zona din nordul Moldovei (Teodor 2003, fig. 3-5)[3]. În Crimeea nu s-au atestat biserici cu diferențieri ale orientării geografice, decât cu unele excepții (la Tepe-Kermen)[4]. Aceste fapte vin să confirme existența unei comunități paleocreștine românești de mireni lângă Putna, de bărbați și de femei. Mai departe de influența răsăriteană, și cronologic, a fost biserica românească de la Sobari (Soroca) (sec. VI-VII), acolo unde nu au ajuns călugării din Crimeea, ca și la Peștera lui Bechir (sec. al VII-lea), dar nici la Saharna (pe Nistru), fără pronaos. La Orheiul Vechi, în unele complexe dispersate, s-au descoperit rune turcice (Гросу, Василаки 1984, 61-69), dar sunt lipsă în mănăstirea rupestră de la Butuceni (sec. VI-XII), care nu a avut nici pronaos, iar dormitoare comune în peșterile crimeene nu s-au atestat. Deși, după mențiunea runelor, s-a expus afirmația pe ansamblu, că ar avea origini protobulgare (Atanasov 1993, 61-73), dar

[2] Deși la protobulgarii turcici creștinați din Crimeea se consideră să fi avut numai paraclise, fără pronaos (Баранов 1990, 139), ceea ce denotă că accesul femeilor era oprit în întregime sau mult restricționat.

[3] Aici avem rune germanice și turcice, care sunt ceva asemănătoare. La Basarabi-Murfatlar, după noi, sunt numai turcice, ceea ce îngreunează descifrarea lor întreprinsă de cercetătorii bulgari, iar cei români nu le studiază.

[4] Caz singular semnalat de noi, ce urmează a fi publicat în timpul apropiat (2018).

ca atare, nici călugări protobulgari printre creştinii din Crimeea nu s-au evidenţiat. La sud de Carpaţi biserica rupestră a lui Negru Vodă are pronaos clar adăugat mai târziu (cf. supra), inclusiv, rune parietale pe stâncă, a avut deci şi comunitate de mireni în preajmă, românească, ca şi biserica cu două abside de la Corbii de Piatră (jud. Argeş), de asemenea, cu rune, ceea ce înseamnă că s-au scris înainte de creştinarea Bulgariei şi trecerea la limba liturgică slavă, într-un caz, iar în altul, că românii au primit aportul crimeean şi direct de la purtătorii lor nemijlociţi, nu numai prin intermediul Bisericilor bulgară şi sârbă. La Şinca Veche (jud. Braşov), bisericuţa rupestră mai timpurie, din secolul al IX-lea (Ghimpu 2017b, 18-19), nu a avut pronaos, şi posibil marchează situaţia de trecere spre interiorul carpatic transilvănean, ce o vom aborda mai departe.

Închisă de cetatea naturală a munţilor Carpaţi, Transilvania s-a dezvoltat relativ într-o ambianţă ceva mai deosebită decât teritoriile extracarpatice, dar şi cu un colorit mai variat al edificiilor creştine. Dintre bisericile atestate până acum arheologic, între cele mai vechi în Alba Iulia, lângă catedrala romano-catolică, s-a descoperit în fundaţie o biserică cu plan în cruce greacă înscrisă de tradiţie bizantină de la mijlocul sec. X - mijlocul sec. XI cu o absidă semicirculară şi patru stâlpi de susţinere la mijloc a unei cupole sau turle (Marcu Istrate 2014, 93-128), iar alta, din sec. al XI-lea, din Sânnicolau de Beiuş (jud. Bihor) (Popa, Chidioşan, Lukács 1984, 21; Popa 2014, 341-342), de plan dreptunghiular şi cu o absidă semicirculară în capăt. Ele denotă (ca şi alte biserici de până în secolul al XIII-lea) (Arta 1981), că fenomenul răspândirii pronaosului pentru femei, adus din Crimeea, s-a oprit pe linia Carpaţilor, în rest comunităţile româneşti din evul mediu timpuriu trebuie să fi avut şi aici biserici de lemn.

În Alba Iulia – Apulum, aşezată pe valea Mureşului, un centru al habitatului uman din vremuri îndepărtate, cu castru roman apoi dezvoltat în timp până la cetate medievală, a mai fost găsită şi o bisericuţă rotondă, prelungită cu o absidă semicirculară pentru altar, care a suscitat multe discuţii (fig. 4). Numai după o altă descoperire a altei asemenea rotonde (fig. 5) de la Geoagiu de Jos (jud. Hunedoara), cu acelaşi plan, s-au considerat ambele a fi lăcaşe de cult (Anghel 1965, 619-622), cu diferite opinii privind natura şi originea acestor tipuri de biserici. Potrivit lui Virgil Vătăşianu, rotonda ca tip arhitectonic e veche, adaptată cultului creştinîncă din veacul al IV-lea şi prototipul celebru a fost biserica Învierii (Anastasis) din Ierusalim, din vremea lui Constantin cel Mare. Replici ale acelui prototip şi combinaţii ale rotondei cu clădirile de tip poligonal (prototip „octogonul" din Antiohia) s-au răspândit apoi în tot cuprinsul Imperiului bizantin, ca şi în Italia şi în imperiul lui Carol cel Mare, dar toate acestea sunt vaste, cu o sală centrală înconjurată de unul s-au mai multe deambulatorii, uneori şi cu tribune. *Alături de aceste tipuri apare însă mai târziu şi rotonda mică, simplă sau polilobă*. Zona de răspândire a acestora din urmă cuprinde îndeosebi Europa central-răsăriteană, de la Bornholm, în Marea Baltică, până în Dalmaţia (Polonia, Cehoslovacia, Germania de sud-est, Austria, Ungaria şi Transilvania) (Vătăşianu 1966, 111), cu o obiecţie din partea noastră, cronologică. O altă caracteristică interesantă pentru Europa central-răsăriteană, a formulat-o şi Radu R. Heitel, dintr-un alt unghi de vedere. „*Rotonda Ecclesia*, monumentul eclesiastic cu planul navei circular sau polilobat în interior (uneori cruciform), realizat, sub imperiul anumitor cerinţe de simbol, în diferite variante, din momentul când Carol cel Mare, în 804, la Aachen, a consacrat un monument de acest tip, a devenit – ceea ce a stat în intenţia ctitorului –, simbolul sacrosant al puterii celor ce doreau să se creadă că autoritatea sprijinită de cea divină şi totodată că unităţile politice ce le creau stau sub acelaşi imperiu de voinţă" (Heitel 1983, 101). Unii s-au şi îndoit, pe drept cuvânt, că nu s-ar putea admite pentru bisericile rotonde din Transilvania un rol politic, legat de influenţa şi unitatea imperiului lui Carol cel Mare (Anghel 1965, 622). Noi mai subliniem, la asemenea biserici rotonde, găsite şi în Moravia, care pot fi datate mai exact, la începutul secolului al IX-lea (Поулик 1979, 91; Поулик 1985, 41), deci să fi fost construite în acelaşi timp cu Domul de la Aahen, şi nu avem de ce crede să vină ca influenţă de acolo.

Exemplu de biserică rotondă mai apropiat îl găsim totuşi în chiar spaţiul românesc (fig. 1), la lăcaşul rupestru de la Peştera Sf. Andrei (com. Ioan Corvin, jud. Constanţa). Într-un stabiliment monahal asemănător, cu un plan rotund şi un altar alungit, orientat spre vest, avem o cronologie destul de timpurie, ce a fost construit până în anul 380, apariţia Constituţiilor Apostolice, care au schimbat direcţia altarelor spre est. Rotondele din Transilvania toate au orientarea spre est,

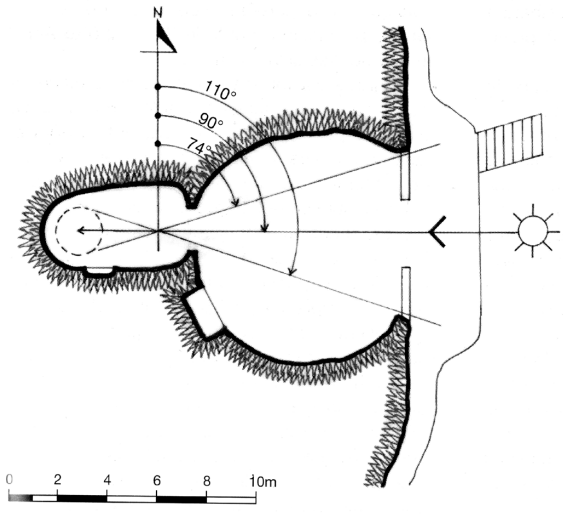


Fig. 1. Biserica rupestră Peştera Sf. Andrei, com. Ioan Corvin, jud. Constanţa (apud D. Manolache).

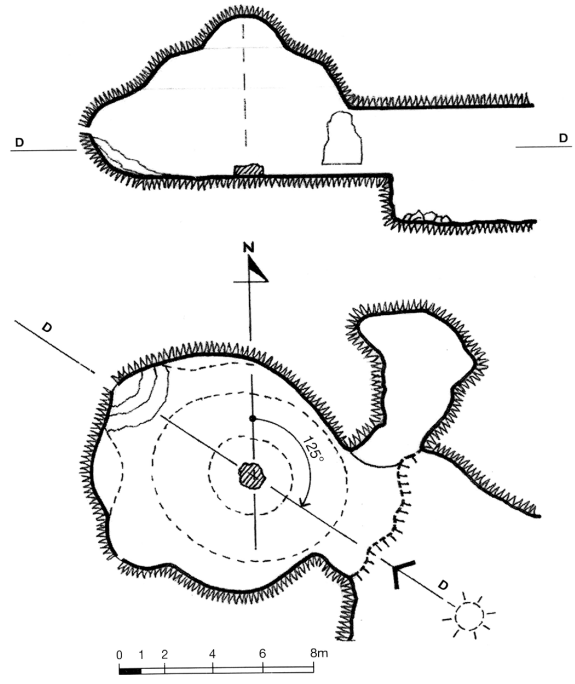


Fig. 2. Planul şi secţiunea bisericii rupestre Peştera Poarta Alunului, jud. Bihor (apud S. Păun).

construite ceva mai târziu, prin secolul V-VI. Cea de la Alba Iulia-Apulum s-a rezidit dintr-un turn de la castrul roman (Heitel 1972, 151-152; Heitel, 1975, 5-7; Heitel 1983, 101-103), şi pare cea mai veche, ea poate fi încadrată arheologic în nivelul de cultură al secolelor IV-VI (Istoria 2001, 558; Rustoiu 2005, 39-52; Marcu Istrate 2014, 93), altă biserică de exact acelaşi plan, dar ceva mai mare, s-a edificat la Geaoagiu de Jos (jud. Hunedoara), deşi s-a ridicat cu materiale din ruinele antice, se consideră că ea nu poate fi apreciată cu datarea ca fiind apropiată de cea din Alba Iulia (Anghel 1965, 619), problema precizării cronologiei şi a altor rotonde din Transilvania rămâne însă valabilă. O altă rotondă cu interiorul cvadrilobat a fost descoperită în fundaţie (fig. 7) la Ilidia-Obliţa (jud. Caraş-Severin) (Uzum 1979, 387-389), iar unii arheologi i-au admis o datare apropiată cu cea de la Alba Iulia, din secolele IX – X (cronologia lui R. R Heitel, supra), care, după noi, poate fi coborâtă mai jos, în zonă existând şi vestigii daco-romane din sec. al IV-lea (Mărghitan 1985, 76). La Gurasada (jud. Hunedoara) există o biserică cruciformă – patrulob cu pronaos (fig. 8), datată pe baza unor izvoare documentare la sfârşitul secolului al XIII-lea, căreia s-a încercat, însă, să i se acrediteze ideea că poate fi mai veche, din secolele IX-X, dintre acele monumente premaghiare din teritoriile româneşti intracarpatice (Popa, Chicideanu 1984, 66). Şi această biserică intră în caracteristicile de tip central, apreciate mai sus, afirmăm şi noi, patrulobul ar fi putut prezenta centrul unei structuri concentrice cu *duplicibus muris* (Curinschi Vorona 1991, 108), bazată pe coloane ori stâlpi de forma crucii, care ulterior s-a reconstruit, probabil, cu zid plin, pierzând unele rigori planimetrice iniţiale. La Cluj-Mănăştur a fost descoperită arheologic o altă rotondă de tip central hexalobat (fig. 6), datată la mijlocul secolului al XIII-lea (Iambor, Matei 1979, 606-608), ce intră, de asemenea, în acelaşi gen de monumente-simbol cum le-a caracterizat Radu R. Heitel, ele având, într-adevăr o linie stilistică comună. Dar ce fel de simbol?

În Transilvania secolelor V-VI cele mai multe obiecte creştine de import erau din Orient, mai ales din Egipt şi Siria, fiind aduse de misionari, care ajung şi în fostele provincii Pannonia şi Noricum (Gudea-Ghiurco 1988, 127-129; Diaconescu 1995, 255-291), acest fapt ne-ar putea spune câte ceva. Originea bisericilor de plan central se găseşte în Orientul bizantin, ea a fost preluată şi în bazilicile de tip longitudinal prin cupola care muta acţiunea principală a ritualului creştin din faţa altarului sub aceasta din urmă, ce simboliza cerul, bolta cerească (Якобсон 1983, 6). Astfel, se diviza accentul din ciclul hristologic, cunoscut în

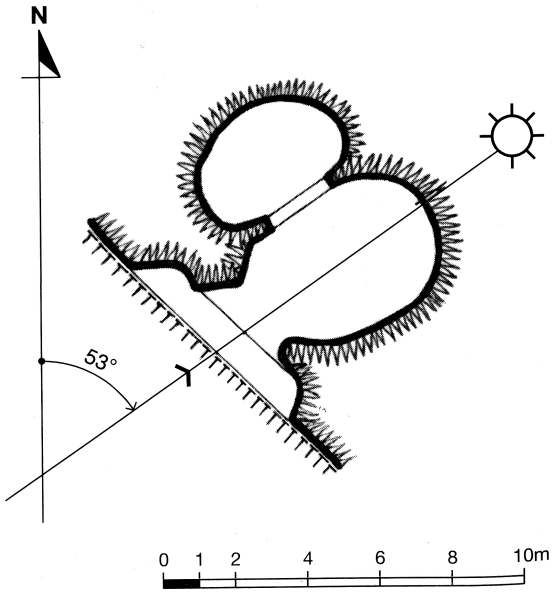


Fig. 3. Planul bisericii rupestre Peştera Şura Pintei din munţii Rodna, zona Borşa, jud. Maramureş (apud S. Păun).

principal în iconografia din temploane, dedicate lui Isus Hristos şi sfinţilor, cei drept, apărut ceva mai târziu la Sf. Sofia în 537, dar până atunci acest subiect se menţiona în liturghie[5]. Probabil, creştinii arieni prin ataşamentul faţă de acest specific al bisericilor de tip central, rotonde, au încercat să-şi susţină punctul lor de vedere, al doctrinei divergente, care susţinea principiul dominant al lui Dumnezeu-Tatăl cu rol de monoteism strict. Învăţătura lui Arius era o interpretare în spirit raţionalist a dogmei creştine, care se înscria intr-un plan mai degrabă filosofic decât biblic. Arianismul a fost în definitiv condamnat la al doilea conciliu ecumenic de la Constantinopol (381), unde sunt stabilite bazele canonice ale dogmei ortodoxe (*Credo*), care vede în Trinitate o singură substanţă, dar trei ipostaze. Doctrina lui Arius dispare treptat în jumătatea orientală a imperiului în veacurile V-VI, în timp ce în partea occidentală ea se menţine până în secolele VI-VII la neamurile germane migratoare (Brezeanu 2007, 406). Arie a emis ideea că Fiul lui Dumnezeu era o fiinţă creată de Dumnezeu-Tatăl. Şi această idee forma baza ereziei ariene. Iar după cum au subliniat mai mulţi cercetători, chiar dacă a existat un preot din

[5] Să fi fost apariţia primului templon cu icoane la Sf. Sofia din Constantinopol un răspuns la aceste transformări? Se ştie doar că biserici de plan central s-au construit mai puţine în Apus, respectiv bisericile de aici nu au avut templon, dar nici aceeaşi dezvoltare iconografică ca în estul bizantin.

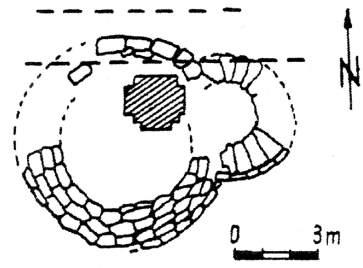


Fig. 4. Biserica rotondă de la Alba Iulia – Apulum, jud. Alba (apud R. Heitel).

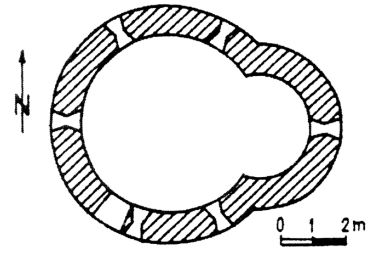


Fig. 5. Biserica Rotondă de la Geoagiu de Jos, jud. Hunedoara (apud G. Anghel).

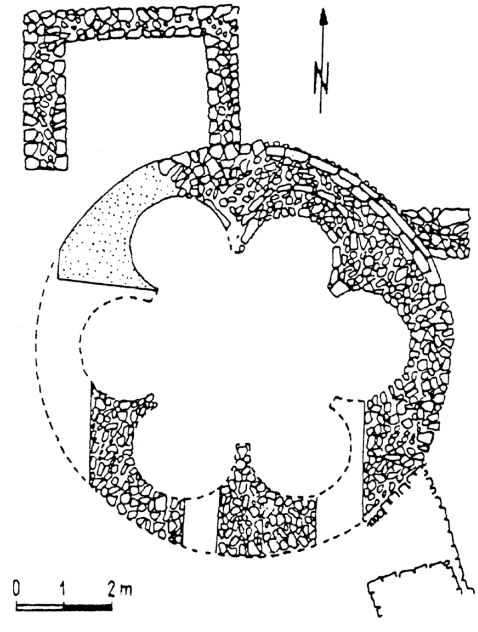


Fig. 6. Biserica rotondă cu interior hexalob de la Cluj-Mănăştur, jud. Cluj (apud P. Iambor, Şt. Matei).

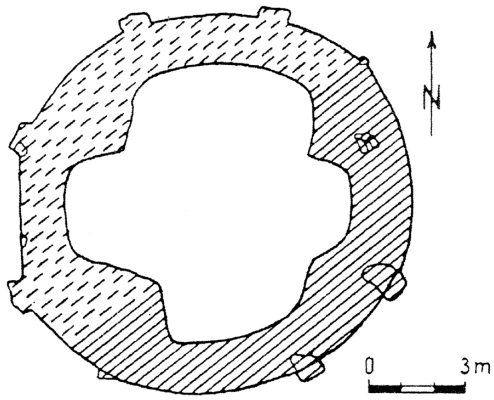


Fig. 7. Biserica rotondă de la Ilidia, jud. Caraş-Severin (apud I. Uzum).

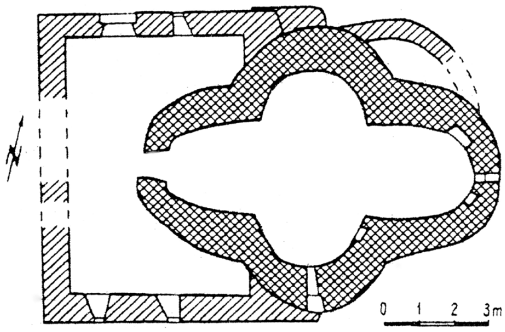


Fig. 8. Planul bisericii de la Gurasada, jud. Hunedoara (apud R. Popa).

Alexandria, Arie, care a dat numele său celei mai importante concepţii „eretice" a epocii constantiniene, doctrina aceasta îşi avea deja rădăcinile în a doua jumătate a secolului al III-lea în Antiohia (Siria), unde Lucian, unul dintre cei mai instruiţi oameni ai timpului, fondase o şcoală de exegeză teologică. Această şcoală şi era pepiniera doctrinei ariene (Vasiliev 2010, 99).

Bisericile *rotonde* de plan central din Transilvania: Alba Iulia, Geoagiu de Jos, Cluj-Mănăştur, Ilidia şi alte asemenea foste *rotonde* din menţiuni documentare şi toponime (Heitel 1983, 100-111), au fost construite, fie de călugări şi misionari din Orient, fie sub impulsul lor în epoca gepidă[6], în cadrul cărora români şi germanici au oficiat slujba creştină separat, sau, uneori, şi împreună[7]. Acest stil de biserici *rotonde* s-a impus în toată zona de migraţie a misionarilor şi călugărilor arieni orientali, iniţial, care coincidea cu stăpânirea gepidică (şi ostrogotică), iar după înfrângerea regatului lor în 567 şi prin gepizii care au continuat să conlocuiască în fostul teritoriu, proliferarea lor spre vest continuând şi în epoca gepido-avară, urmându-şi firul, după creştinare, la sfârşitul secolului al VIII-lea - începutul secolului al IX-lea (Zugravu 1997, 481), la avari şi la slavii de vest. Semnificaţia specială a bisericilor de tip central pentru arieni o putem desprinde şi din construcţia principalelor monumente de acest tip din Europa. Biserica Sf. Serghie şi Vakhos din Constantinopol (fig. 11) a fost edificată de împăratul Iustinian aproximativ în anul 527 (Якобсон 1983, 23-24), dispus din tinereţe spre conciliere (Vasiliev 2010, 164), probabil, ca o măsură compensatorie, după ce unchiul său, Iustin I, printr-un edict din 524 contra arienilor, a închis toate bisericile acestora din Constantinopol, după care înăspreşte relaţiile dintre imperiu şi regele ostrogot Theodoric cel Mare (Brezeanu 2007, 71). Pe de altă parte, urmaşii ostrogoţi ai lui Theodoric Amalul, mai devreme, sau ceva mai târziu, undeva în acelaş an, 527, încep construcţia bisericii San Vitale (fig. 12), tot de plan central din Ravenna, finisată apoi şi ea după recucerirea Italiei tot de Iustinian (Vasiliev 2010, 213; Fleming 1983, fig. 97-98), aceste biserici dovedesc realizări de prestigiu ale artei bizatine, având, însă, ambele, cum se vede, o motivaţie ariană, neînţeleasă, totuşi, până acum de istorici. Pe această filieră şi un nou parcurs a avut biserica *rotondă* de la Aahen, venită tot pe cale oficială, cultă, ca influenţă orientală, apoi de la Constantinopol, după biserica Sf. Serghie şi Vakhos, şi de la Ravenna, din noua capitală a Imperiului Roman de Vest (la San Vitale, 546-548) (Якобсон 1983, 30-31, fig. 8), de la care s-a inspirat şi Carol cel Mare, fiind profund impresionat după ce o vizitase (Fleming 1983, 167), că hotărăşte să construiască alta aproximativ la fel, ceea ce a dat exemplu şi pentru alţi feudali să-i urmeze exemplul, iar aceste două direcţii, transilvăneană-românească şi cea carolingiană undeva s-au întâlnit, cu o posibilă linie de demarcaţie. În vecinătatea mai apropiată, unele biserici rotonde s-au construit şi în Bulgaria, descoperite arheologic la Durankulak în Dobrogea de sud, din prima jumătate a secolului IX, mijlocul secolului al X-lea (Damian 2015, 105-106), ca şi alta de plan central dezvoltat, la Preslav, ce a continuat şcoala

[6] Înţeleasă şi ca un fel de „pax gepidica" (Dumitraşcu, Sfrengeu 2006, 197-217).

[7] La acest fenomen s-a referit şi C.C. Diculescu în anii '20, când exista o bază documentară cu mult insuficientă faţă de cea de astăzi (Diculescu 1922; Diculescu 1926, 357-376).

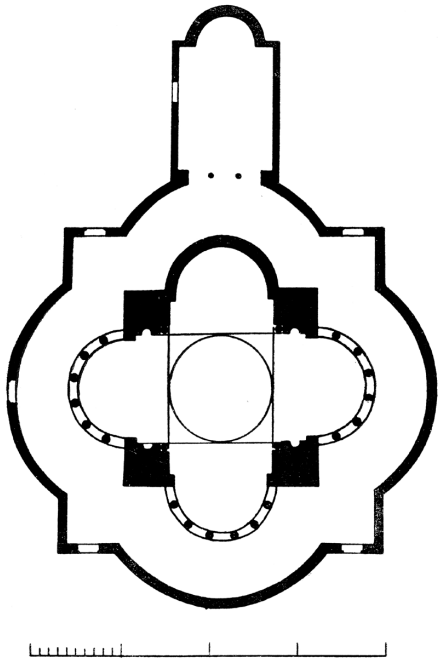


Fig. 9. Biserica de plan central de la mijlocul sec. al VI-lea din Apameia pe Oronta, Siria de Nord (apud А. Якобсон).

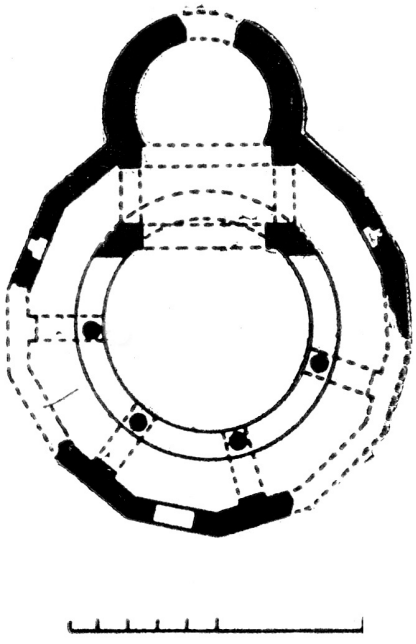


Fig. 10. Planul bisericii Binbirkilise (Asia Mică) din evul mediu timpuriu (apud А. Якобсон).

de tradiţie constantinopolitană (Якобсон 1985, 86-87, 88; Якобсон 1987, 107-108) de după creştinarea bulgarilor.

În acelaşi timp, noi putem consemna construcţia locală a rotondelor din Transilvania şi după exemplul unor stabilimente rupestre de aici, mai degrabă călugăreşti: la peştera Poarta Alunului (jud. Bihor), la peştera Şura Pintei (munţii Rodna, zona Borşa, jud. Maramureş) şi, posibil, la Peştera lui Deneş (colina Morgău, la nord de Baia Mare, jud. Maramureş) (Păun 2000, 35-36). Peştera Poarta Alunului (fig. 2) pare a fi un lăcaş creştin de un plan circular, de circa 8.50 m în diametru, cu o boltă până la 6,5 m înălţime, dacă nu a fost adaptată, iar jos, în mijloc, cu o piatră de 1,00×0,90×0,36 m, asemenea cu o masă sfântă, sau imita amvonul de la bisericile cu cupolă, acolo, unde se desfăşura ritualul religios principal. Ea ar fi cea mai veche dintre toate trei stablimente rupestre şi, pare să fost trilobată (Păun 2000, 34) spre vest, respectiv ;i cu o cronologie distinctă, fiind întemeiată până la anul 380. Peştera Şura Pintei (fig. 3), rotondă şi cu un altar semicircular, este de acelaşi plan cu biserica de la Apulum-Alba Iulia şi cea de la Geoagiu de Jos, cu o lungime totală de 7,0 m, cu altarul spre nord-est, deci, trecută de norma biblică iniţială, cioplită în piatră după 380. Peştera lui Deneş este mai greu de spus dacă a fost rotondă, cu un altar semicircular spre nord, cu dimensiuni reduse, s-a săpat şi ea după anul 380, iar alături, paralel, în afară, are un altar mai mic, ce putea reprezenta un baptiseriu? – prin analogie din planimetria unor biserici de zid timpurii.

Misionari sau călugări sirieni au mai fost în spaţiul nostru, influenţând construcţia bazilicii cu altar pătrat de la Callatis, cât şi alte lăcaşuri de la est de Prut. În bisericuţa rupestră de la Peştera Sf. Andrei (jud. Constanţa) au venit, posibil, de asemenea, sihaştri din Siria[8], construită până la anul 380, după care se schimbă direcţia altarelor spre est. Erau ei sau nu, arieni? – probabil nu. Impunerea noii orientări a altarelor spre est, după cum se crede, a fost de sorginte (origine) ariană. Alte iniţiative au determinat misionarii arieni din Orient, Egipt şi Siria, să vină în spaţiul dominat de

[8] Aducem exemple de comparaţie pentru ea din Apameia (fig. 9), Siria de Nord şi Binbirkilise (fig. 10), Asia Mică. Biserici cu asemenea plan au fost mai multe (cf. Якобсон 1983), inclusiv trebuie luat în calcul că cea rupestră are o factură mai simplă, mai populară.

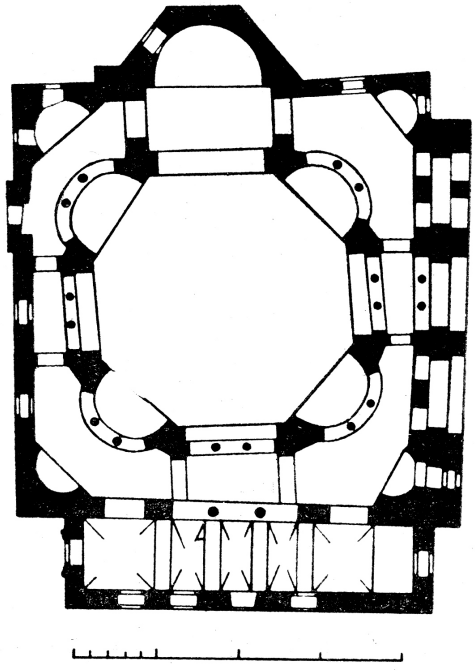


Fig. 11. Biserica Sf. Serghie şi Vakhos din Constantinopol (527).

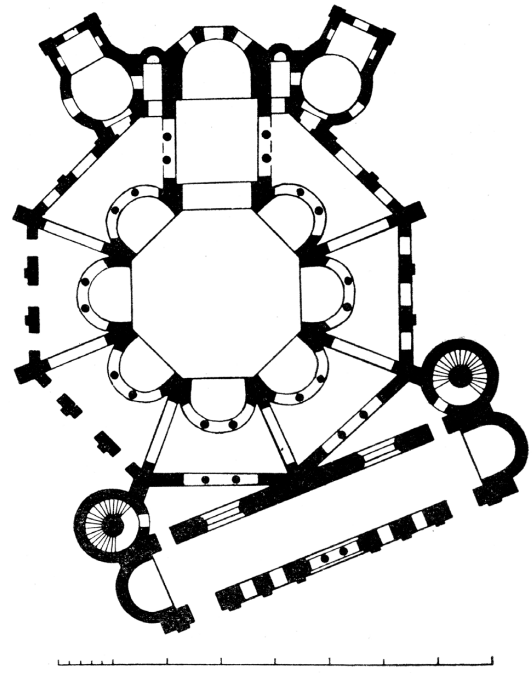


Fig. 12. Italia, biserica San Vitale din Ravenna (527-547).

gepizii de aceeaşi credinţă, după anul 381, când au fost condamnaţi la Conciliul de la Constantinopol, iar mai exact, şi după anul 454, odată ce învinge în lupta de la Nedao şi îi alungă pe huni. Şi mai facil la gepizii creştinaţi în masă către 472, după formarea regatului şi ocuparea oraşului Sirmium (Opreanu 1995, 238; Zugravu 1997, 409). În aceste împrejurări au impulsionat construirea bisericilor rotonde din Transilvania, împreună cu un ritual anume, impus şi locuitorilor români de aici, care au avut, aveau, şi alte biserici, s-a văzut, inclusiv şi după orientările înmormântărilor, sau a obiectelor liturgice (Gudea, Ghiurco 1988, 199-200; Gudea 2011, 118 et passim), covieţuind cu aceşti germanici până ce i-au asimilat, pe la mijlocul secolului VII - secolul VIII (Protase 2000, 102; Istoria 2001, 602-603; Rustoiu 2005, 39-52; Dumitraşcu, Sfrengeu 2006, 197-217). În rezultatul acestei practici creştine, românii vor adopta denumirea sărbătorii de la Naşterea lui Isus Hristos prin noţiunea ariană *Creatio*, sau *Creationem*, adică *Crăciun* (Diaconescu 1988-1991, 37-38; Zugravu 1997, 340, 424-425, 484; MDA 2001, 708), ce a rămas în limba română din această experienţă ariană. Aflate în zonele de influenţă ariană, sau germanice, cunoscute prin ataşamentul lor la această erezie, lămpile de iluminat îndeplineau, probabil, un rol important la sărbătorirea Crăciunului (Diaconescu 1995, 289), ca ziua Creaţiei lui Dumnezeu-Tatăl suprem, iar reprezentările sau invocaţiile cu Sf. Minas de pe ele, popular printre arieni (Айбабин 1990, 69), ne aduc şi ele un argument suplimentar la apariţia termenului românesc Crăciun, care a apărut atunci ca o sărbătoarea deosebită de ceea ce ne-a rămas mai târziu prin marcarea zilei de Naştere a Domnului Isus Hristos.

Există şi alte influenţe, asimilate de români nemijlocit de la gepizi, unele cuvinte, dar cum se susţine, şi regionalismul Banat, ban, de origine germanică (Poruciuc 2007-2008, 215-216)[9], implicit, se ştie că aceştia au fost menţionaţi în izvoarele scrise, dar s-au depistat şi arheologic în interiorul carpatic. În regiunea oraşului Napoca, după tezaurele de obiecte de aur ce s-au găsit la Apahida, s-a presupus că au aparţinut unui personaj de rang princiar, dar nu regal (Opreanu 1995, 247), posibil era cel de-al doilea rege gepid, după primul din oraşul Sirmium (Horedt 1960, 707; Horedt 1977, 265), nerecunoscut de bizantini ca atare, dar mai mult cu rol judecătoresc, având şi titlul de *bann*, caracterizat astfel şi prin arma de paradă depusă în mormânt, obicei

[9] M. Vinereanu îl apreciază ca traco-dacic (2009, 114), posibil să fi fost în uzul ambelor etnii: română şi germanică.

deosebit de cel al goţilor (Harhoiu, Spânu, Gall 2011, 47). Şi în acelaşi segment, putem denumi alături de termenii moşteniţi ai râurilor Marisia (Mureş), Crisia (Criş), semnificativ, posibil rămas tot din aceeaşi vreme şi oronimul bănăţean Munţii Domanului, de la numele lui Doman, apărut în perioada latinizantă, pentru persoanele care se năşteau în ziua a şaptea – numită atunci *domenica*. Acest nume era, spre exemplu, echivalent cu al grecescului Kiriakos, iar mai târziu l-au influenţat şi pe al slavilor, numit Nedelea. Ulterior, a evoluat în forma Duman, în uz până în zilele noastre, care, sub presiunea prenumelor creştine, a rămas numai la vitele care se nasc în ziua de duminică.

Astfel, în concluzie, în evul mediu timpuriu noi putem constata orientarea altarelor bisericilor creştine în toate direcţiile cardinale, începând cu cele mai vechi spre vest, după preceptele biblice, apoi spre nord, spre sud şi spre est, după Constituţiile Apostolice, anul 380. În teritoriul de la est de Carpaţi în evul mediu timpuriu s-au construit biserici de zid şi rupestre de influenţă siriană cu altare îndreptate la sud, neabsidate (pătrate), şi la est. De asemenea, şi de origine bizantină, cu altarul spre nord şi cu templon imitat de lemn, şi o mănăstire rupestră ce a avut biserică cu altar pătrat spre est şi dormitor comun al călugărilor, cu aproximativ 12 chilii-nişe, specific vieţii monahale din Bizanţ în secolele VI-XII. Atât la est de Carpaţi, cât şi la sud de ei, către secolele VIII-IX se aduce influenţa pronaosului, ca încăpere pentru femei, de către monahi crimeeni.

În Transilvania, matrice a poporului român, implicit, şi datorită unor condiţii geografice mai bune, fiind apărată de coroana Carpaţilor, după atestarea unor biserici antice, reprezentate clar, altele demonstrate prin inventar liturgic şi prin orientarea mormintelor, către secolele V-VI, în epoca gepidă, sub influenţa călugărilor şi misionarilor sirieni şi egipteni de concepţie ariană, s-au construit biserici rupestre şi de zid de plan rotund, central, reflectând universul lor de credinţă în Dumnezeu-Tatăl suprem, care a creat celelalte componente ale treimii şi de la care românii au moştenit denumirea sărbătorii naşterii Domnului Isus Hristos prin termenul *Creatio* sau *Creationem*, transformat în limba română în *Crăciun*, şi păstrat până astăzi.

Aflată la răspântia lumii sud bizantine şi estice, şi între cea nord-dunăreană, Dobrogea a conservat toate evoluţiile care au influenţat viaţa creştină în nordul românesc carpatic, atât prin biserici de zid, cât şi prin cele rupestre, pătrunse în spaţiul extracarpatic spre est, sud şi intracarpatic la vest.

Bibliografie

Anghel 1965: G. Anghel, Biserica românească de la Geoagiu de Jos. Apulum V, 1965, 615-624.

Arta 1981: Arta creştină în România, vol. 2, sec. VII-XIII. Studiu introductiv şi prezentarea planşelor de I. Barnea (Bucureşti 1981).

Boroneanţ 2000: V. Boroneanţ, Arheologia peşterilor şi minelor din România (Bucureşti 2000).

Boroneanţ, Ciuceanu 1977: V. Boroneanţ, R. Ciuceanu, Cercetările din Peştera de la Limanu, jud. Constanţa. Revista Muzeelor şi Monumentelor, monumente de istorie şi de artă 2, 1977, 49-57.

Brezeanu 2007: S. Brezeanu, Istoria Imperiului Bizantin (Bucureşti: Meronia 2007).

Cabrol, Leclercq 1913: F. Cabrol, H. Leclercq, Dictionnaire d'archeologie et liturgie, vol. XIII/1 (Paris 1913).

Chihaia 1974: P. Chihaia, Din cetăţile de scaun ale Ţării Româneşti (Bucureşti 1974).

Chiriac 1988-1989: C. Chiriac, Un monument inedit: complexul rupestru de la Dumbrăveni (jud. Constanţa). Pontica XXI-XXII, 1988-1989, 249-269.

Chiriac, Papasima 2000: C. Chiriac, T. Papasima, Un străvechi aşezământ creştin dobrogean – complexul monastic de la Dumbrăveni (judeţul Constanţa). In: Priveghind şi lucrând pentru mântuire. Volum editat la aniversarea a 10 ani de arhipăstorire a Înalt Preasfinţitului Mitropolit Daniel al Moldovei şi Bucovinei (Iaşi 2000), 222-230.

Curinschi Vorona 1991: Gh. Curinschi Vorona, Introducere în arhitectura comparată (Bucureşti: Editura Tehnică 1991).

Damian 2015: O. Damian, Bizanţul la Dunărea de Jos (secolele VII-X). Byzantium at Lower Danube (7th - 10th centuries) (Brăila: Istros 2015).

Dan 1905: D. Dan, Mănăstirea şi comuna Putna (Bucureşti 1905).

Diaconescu 1995: A. Diaconescu, Lămpi romane târzii şi paleobizantine din fosta provincie Dacia. Ephemeris Napocensis V, 1995, 255-291.

Diaconescu 1988-1991: Tr. Diaconescu, Motivaţia semantică a cuvântului românesc Crăciun «Noel». Studiu asupra terminologiei creştine din Romania Orientală. In: Anuarul de lingvistică şi istorie literară, 32, A (Iaşi 1988-1991), 29-69.

Diculescu 1922: C.C. Diculescu, Die Gepiden (Leipzig 1922).

Diculescu 1926: C.C. Diculescu, Contribuţii la vechimea creştinismului în Dacia. Din istoria religioasă a gepizilor. In: Anuarul Institutului de Istorie Naţională, III, 1924-25 (Cluj 1926), 357-376.

Drăghiceanu 1912: V. Drăghiceanu, Cetatea şi schitul Negru Vodă. In: BCMI, anul V (Bucureşti 1912), 89.

Dumitraşcu, Sfrengeu 2006: S. Dumitraşcu, F. Sfrengeu, Relaţiile interetnice în Dacia occidentală în secolele IV-VI. In: (Coord. I.M. Ţiplic, S.I. Purece) Relaţii interetnice în spaţiul românesc. Populaţii şi grupuri etnice (sec. II î. Hr. - V d. Hr.) (Alba Iulia 2006), 195-217.

Dumitrescu 1975: C.L. Dumitrescu, Biserica rupestră Corbii de Piatră cel mai vechi ansamblu de pictură cunoscut astăzi din Ţara Românească. Studii şi Cercetări de Istoria Artei. Seria artă plastică 22, 1975, 23-51.

Fleming 1983: W. Fleming, Arte şi idei, vol. 1. Traducere de F. Ionescu (Bucureşti: Meridiane 1983).

Ghimpu 2000: V. Ghimpu, Biserici şi mănăstiri medievale în Basarabia (Chişinău 2000).

Ghimpu 2016: V.D. Ghimpu, Biserici paleocreştine din spaţiul românesc în evul mediu timpuriu. Tyragetia s.n. X/1, 2016, 303-314.

Ghimpu 2017a: V.D. Ghimpu, Paleo-Christian and Romanian Rupestrian Churches from the Early Middle Ages. In: The fundamentals of our spirituality, IX (Batumi 2017), 81-96.

Ghimpu 2017b: V. Ghimpu, Lăcaşuri creştine şi izvoare medievale necunoscute ale românilor (Chişinău: Tyragetia-Destin 2017).

Ghimpu 2017c: V. Ghimpu, Basarabi-Murfatlar şi Corbii de Piatră – unele contribuţii crimeene în bisericile româneşti din evul mediu timpuriu. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 253-264.

Gonţa 1990: A.I. Gonţa, Documente privind istoria României. A. Moldova, veacurile XIV-XVII (1384-1625). Indicele numelor de locuri (Bucureşti 1990).

Gudea 2011: N. Gudea, Christiana Minora. Studii, articole şi note în legătură cu creştinismul timpuriu din Dacia romană, Dacia postromană şi unele provincii vecine (Cluj-Napoca: Ed. Mega, 2011).

Gudea, Ghiurco 1988: N. Gudea, I. Ghiurco, Din istoria creştinismului la români, mărturii arheologice (Oradea 1988).

Harhoiu, Spânu, Gall 2011: R. Harhoiu, D. Spânu, E. Gall, Barbari la Dunăre (Cluj-Napoca: Argonaut 2011).

Heitel 1972: R. Heitel, Arhäologische Beiträge zu den romanischen Baudenkmälern aus Südsiebenbürgen. Revue roumaine d'histoire de l'art, serie Beaux-Arts IX/2, 1972, 139-160.

Heitel 1975: R. Heitel, Arhäologische Beiträge Geschichte der romanischen Baudenkmäler in Siebenbürgen. Revue roumaine d'histoire de l'art XII, 1975, 3-10.

Heitel 1983: R. Heitel, Unele consideraţii privind civilizaţia din bazinul carpatic în cursul celei de-a doua jumătăţi a secolului al IX-lea în lumina izvoarelor arheologice. SCIVA 34/2, 1983, 93-113.

Horedt 1960: K. Horedt, Gepizii. In: Istoria României, vol. I (Bucureşti 1960), 704-714.

Horedt 1977: K. Horedt, Der ostliche Reihengraberkreis in Siebenburgen. Dacia N.S. XXI, 1977, 251- 268.

Iambor, Matei 1979: P. Iambor, Şt. Matei, Incinta fortificată de la Cluj-Mănăştur (sec. IX-XIV). Acta Musei Napocensis XVI, 1979, 606-608.

Istoria 2001: Istoria românilor, vol. II: Daco-romani, romanici, alogeni (coord.: D. Protase, A. Suceveanu (Bucureşti: Ed. Enciclopedică 2001).

Mărghitan 1985: L. Mărghitan, Banatul în lumina arheologiei (secolele VII-XII e.n.) (Timişoara: Făclia 1985).

MDA 2001: Micul dicţionar academic, vol. I (Bucureşti 2001).

Mulţescu, Mulţescu 1980: A. Mulţescu, M. Mulţescu, Cetăţeni-Muscel reper al continuităţii permanenţei româneşti. Arhitectura XXVIII/4 (185 s.n.), 1980, 49-56.

Niculiţă 1996: I. Niculiţă, Situl de epocă romană de la Sobari şi unele aspecte ale romanizării în spaţiul de la Est de Carpaţi. In: Probleme actuale ale istoriei, economiei şi culturii moldovenilor de la Est de Prut. Romanizarea la Est de Carpaţi, caietul 2 (Chişinău 1996), 14-23.

Niculiţă, Popa 2000: I. Niculiţă, A. Popa, Prezenţă romană în zona nord-pontică (Chişinău 2000).

Opreanu 1995: C. Opreanu, Creştinismul şi neamurile germanice în secolele IV-V în Transilvania. Ephemeris Napocensis V, 1995, 227-249.

Păun 1999: S. Păun, De două mii de ani primim lumina din absida altarului creştin. Academica. Revistă de ştiinţă, cultură şi artă X/1-2, 1999, 6-7.

Păun 2000: S. Păun, Absida altarului (Bucureşti: Ed. Per Omnes artes 2000).

Popa 2001: A. Popa, Romains ou barbares? Architecture en piere dans le barbaricum à l'époque romaine tardive (sur le matériel archéologique du Nord-Ouest du Pont Euxin) (Chişinău 2001).

Popa 2014: R. Popa, Autour des sources de l'architecture ecclesiastique roumaine. In: R. Popa, Studii şi articole. Ediţie îngrijită de D. Marcu Istrate şi A. Ioniţă (Cluj-Napoca: Mega 2014).

Popa, Chicideanu 1984: R. Popa, I. Chicideanu, Informaţii noi şi câteva consideraţii istorice privind biserica românească din Gurasada, jud. Hunedoara. SCIVA 35/1, 1984, 54-67.

Popa, Chidioşan, Lukács 1984: R. Popa, N. Chidioşan, A. Lukács, O reşedinţă feudală în secolele XI-XII la Sânnicolau de Beiuş. Revista muzeelor şi monumentelor. Monumente istorice şi de artă XV/2, 1984, 21-24.

Poruciuc 2008: A. Poruciuc, Historical implications of the romanian term ban as an old germanism. Studia antiqua et archaeologica XIII-XIV (2007-2008), 2008, 181-216.

Protase 2000: D. Protase, Autohtoni în Dacia, vol. II. Dacia postromană până la slavi (Cluj-Napoca 2000).

Rustoiu 2005: G.T. Rustoiu, Habitatul în Transilvania în a doua jumătate a secolului al V-lea şi prima jumătate a secolului al VI-lea. In: (Coord. Z.K. Pinter, I.M. Ţiplic, M.E. Ţiplic) Relaţii interetnice în Transilvania (secolele VI-XIII) (Bucureşti 2005).

Ştefan 1980: C. Ştefan (coord.), Vestigii rupestre din Munţii Buzăului (Buzău 1980).

Teodor 1991: D.Gh. Teodor, Creştinismul la est de Carpaţi, de la origini până în secolul al XIV-lea (Iaşi 1991).

Teodor 2003: D.Gh. Teodor, Inscripţiile rupestre de la Cotârgaşi – Suceava. In: (Ed. I. Cândea, P. Cernovodeanu, Gh. Lazăr) Închinare lui Petre S. Năsturel la 80 de ani (Brăila: Istros 2003), 789-799.

Theodorescu 1963: D. Theodorescu, L'Edifice Romano-Byzantin de Callatis. Dacia N.S. VII, 1963, 257-300.

Theodorescu 1974: R. Theodorescu, Bizanţ, Balcani, Occident, la începuturile culturii medievale româneşti (secolele X-XIV) (Bucureşti 1974).

Theodorescu 2002: R. Theodorescu, Un mileniu de artă la Dunărea de Jos (400-1400) (Bucureşti: Ed. Gramar 2002).

Tudor et al. 2011: D. Tudor, Gh. Popilian, D. Bodoc, N. Gudea, Castrul roman de la Slăveni (Cluj-Napoca: Ed. Mega 2011).

Uzum 1979: I. Uzum, Săpăturile arheologice de la Ilidia (comuna Ciclova română), campania 1978. MCA XIII, 1979, 387-389.

Vasiliev 2010: A.A. Vasiliev, Istoria Imperiului bizantin (Iaşi: Polirom 2010).

Vătăşianu 1966: V. Vătăşianu, Arhitectura şi sculptura romanică în Pannonia Medievală (Bucureşti 1966).

Vinereanu 2009: M. Vinereanu, Dicţionar etimologic al limbii române pe baza cercetărilor de indo-europenistică (Bucureşti 2009).

Zugravu 1997: N. Zugravu, Geneza creştinismului popular al românilor (Bucureşti 1997).

Айбабин 1990: И.А. Айбабин, Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. В: Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, вып. 1 (Симферополь 1990), 5-86.

Баранов 1990: И.А. Баранов, Таврика в эпоху раннего средневековья (Салтово-Маяцкая кульура) (Киев 1990).

Гимпу 2013: В. Гимпу, Древнейшая церковь Пещеры Бекира возле города Сорока. Археологические вести 19, 2013, 135-138.

Гимпу 2017: В. Гимпу, Об алтарной ориентации некоторых древнехристианских пещерных церквей Карпато-Причерноморского бассейна. В сб.: Добруджа, 32/2017 (Силистра 2017), 325-330.

Гроссу, Василаки 1984: В.Г. Гроссу, К.Г. Василаки, Лапидарные знаки Бутученских пещер. В: Известия Академии Наук Молдавской ССР", серия общественных наук, № 3 (Кишинев 1984), 61-69.

Каждан 1971: А.П. Каждан, Византийский монастырь XI-XII вв. как социальная группа. В: Византийский Временник (Москва 1971), 54-55.

Курдиновский 1906: В. Курдиновский, Окрестности Старого Орхея. В: Кишиневские Епархиальные Ведомости, № 41 (Кишинев 1906), 1313-1316.

Поулик 1979: Й. Поулик, Великая Моравия в свете археологических находок. В: Наука и человечество, международный ежегодник (Москва 1979), 79-92.

Поулик 1985: Й. Поулик, Вклад чехослокакской археологии в изучение истории Великой Моравии. В: Великая Моравия, ее историческое и культурное значение (Москва 1985), 28-44.

Якобсон 1983: А.Л. Якобсон, Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры (Ленинград: Наука 1983).

Якобсон 1985: А.Л. Якобсон, Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Центральные области, Византия, Греция, Малая Азия, Сирия, Месопотамия, Югославянские страны, Древняя Русь, Закавказье, Средняя Азия (Ленинград: Наука 1985).

Якобсон 1987: А.Л. Якобсон, Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX-XV вв. Византия. Греция. Южнославянские страны. Русь. Закавказье (Ленинград: Наука 1987).

Canonical rules and the actual orientation of altars in early Christian churches. Ancient and early medieval places of worship in Romanian lands

Keywords: rupestrian churches, Romanian lands, Arianism, rotunda churches, Byzantium, the East, Gepids, Transylvania, Christmas.

Abstract: The altars of Christian churches at the beginning of the early Middle Ages could be oriented in all cardinal directions: first, the oldest ones, to the west, according to the biblical covenant, then to the north, to the south, and to the east, after the apostolic constitutions of 380. On the eastern Carpathian territory in the early Middle Ages stone and cave churches of the Syrian type were built, with altars oriented to the south and east, without a semicircular apse. Also there were Byzantine churches with an altar to the north and a simulated wooden templon; there was a rock monastery with a square altar and a common dormitory with 12 cells-niches for monks, characteristic of the Byzantine monastic life of the 6th-12th centuries. In the East Carpathian and South Carpathian territories in the 8th-9th centuries there were churches with a narthex – an area intended for women that was introduced into the local church architecture by Crimean monks influenced by the traditions of Islam.

In Transylvania, the matrix of the Romanian people, that was located in more favorable geographical conditions, being protected by the crown of the Carpathian Mountains, several ancient churches and other similar evidences were found, including liturgical objects and the characteristic orientation of burials. In the 5th and 6th centuries, during the Gepid period, under the influence of Syrian and Egyptian monks and Arian missionaries, cave and stone rotund churches were built here. These centric churches reflected their creed about the one God-Father who created the other entities of the Trinity; from here comes the Romanian name of the Christmas holiday as *creatio* or *creationem*, a term transformed into the Romanian word *Crăciun* (Christmas), which has survived to this day.

Dobruja, located at the junction of the South Byzantine, eastern and north-Danube worlds, preserved evidences of evolution that passed through its territory and influenced the Christian life of the Carpathian region.

List of illustrations:

Fig. 1. The St. Andrew's Cave Church, com. Ioan Corvin, Constanța County (by D. Manolache).

Fig. 2. Plan and section of the Poarta Alunului Cave Church, Bihor County (by S. Păun).

Fig. 3. Plan of the Șura Pintei Cave Church in the Rodna Mountains, Borșa, Maramureș County (by S. Păun).

Fig. 4. Rotunda church in Alba Iulia – Apulum, Alba County (by R. Heitel).

Fig. 5. Rotunda church in Geoagiu de Jos, Hunedoara County (by G. Anghel).

Fig. 6. Rotunda church with 6 exedrae in Cluj-Mănăștur, Cluj County (by P. Iambor, Șt. Matei).

Fig. 7. Rotunda church in Ilidia, Caraș-Severin County (by I. Uzum).

Fig. 8. The plan of the church from the commune of Gurasada, Hunedoara County (by R. Popa).

Fig. 9. The dome temple in Apamea on Orontes (mid-6th century), Northern Syria (by А. Якобсон).

Fig. 10. The plan of the Binbirkilise church (Asia Minor) in the Early Middle Ages (by А. Якобсон).

Fig. 11. The Church of Saints Sergius and Bacchus in Constantinople (527).

Fig. 12. The Church of San Vitale in Ravenna (527-547), Italy.

Канонические правила и фактическая ориентация алтарей в палеохристианских церквях. Античные и раннесредневековые обители в румынских землях

Ключевые слова: скальные церкви, румынские земли, арианство, церкви-ротонды, Византия, Восток, гепиды, Трансильвания, Рождество.

Резюме: Алтари христианских храмов в начале раннего средневековья могли быть ориентированы во всех кардинальных направлениях: сначала на запад, по библейскому завету, а потом, после апостольских конституций 380 года – на север, юг и на восток. На восточно-карпатской территории в раннем средневековье строились каменные и пещерные церкви сирийского типа, с алтарями, ориентированными на юг и восток, без полукруглой абсиды. Также здесь встречались византийские церкви с алтарем на север и с имитированным деревянным темплоном, существовал скальный монастырь с квадратным алтарем и общим дормиторием с 12 кельями-нишами для монахов, характерным для византийского монашеского быта VI-XII веков. На восточно-карпатской и южно-карпатской территориях в VIII-IX вв. появляется нартекс – помещение храма, предназначенное для женщин, которое было привнесено в местную церковную архитектуру крымскими монахами, на которых оказали влияние традиции мусульманства.

В Трансильвании, этой матрице румынского народа, которая находилась в более выгодных географических условиях, зачищенная короной Карпатских гор, было обнаружено несколько античных церквей и прочие подобные свидетельства, включая богослужебные предметы и характерную ориентацию захоронений. В V-VI в., в гепидский период, под влиянием сирийских и египетских монахов и миссионеров арианского толка здесь стали строиться пещерные и каменные церкви-ротонды. Эти центрические храмы отражали их вероучение о едином Боге-Отце, сотворившем остальные сущности Троицы; отсюда идет воспринятое румынами название праздника Рождества Христова как *creatio* или *creationem* – термин, преобразовавшийся в румынское слово Crăciun («крэчун», Рождество), сохранившееся до наших дней.

Добруджа, находившаяся на стыке южно-византийского, восточного и северо-дунайского миров, сохранила свидетельства эволюций, которые прошли через ее территорию и оказали влияние на христианскую жизнь карпатского региона.

Список иллюстраций:

Рис. 1. План скальной церкви «Пещера св. Андрея», коммуна Иоан Корвин, уезд Констанца (по D. Manolache).

Рис. 2. План и разрез скальной церкви «Пещера Поарта-Алунулуй», уезд Бихор (по S. Păun).

Рис. 3. План скальной церкви «Пещера Шура-Пинтей» в горах Родна, регион Борша, уезд Марамуреш (по S. Păun).

Рис. 4. Церковь-ротонда в г. Алба-Юлия (Апулум), уезд Алба (по R. Heitel).

Рис. 5. Церковь-ротонда в Джоаджиу-де-Жос, уезд Хунедоара (по G. Anghel).

Рис. 6. Церковь-ротонда с 6 экседрами в Клуж-Мэнэштур, уезд Клуж (по P. Iambor, Şt. Matei).

Рис. 7. Церковь-ротонда в Илидии, уезд Караш-Северин (по I. Uzum).

Рис. 8. План церкви из коммуны Гурасада, уезд Хунедоара (по R. Popa).

Рис. 9. Купольный храм в Апамее на Оронте (середина VI в.), Северная Сирия (по А. Якобсон).

Рис. 10. План раннесредневековой церкви Бинбиркилисе (Малая Азия) (по А. Якобсон).

Рис. 11. Храм св. Сергия и Вакха в Константинополе (527 г.).

Рис. 12. Храм Сан-Витале в Равенне (527-547 гг.), Италия.

26.03.2018

Dr. Vlad D. Ghimpu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 121A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: vladdghimpu@mail.ru.

К ПРОБЛЕМЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОГО СЕРЕБРА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Михаил Веревкин
Юрий Пятницкий

Ключевые слова: Восточное серебро, Государственный Эрмитаж, прикладное искусство, технический анализ, Средние века, торевтика крестоносцев, византийская иконография, блюдо «Орфей (?) с лютней на льве».

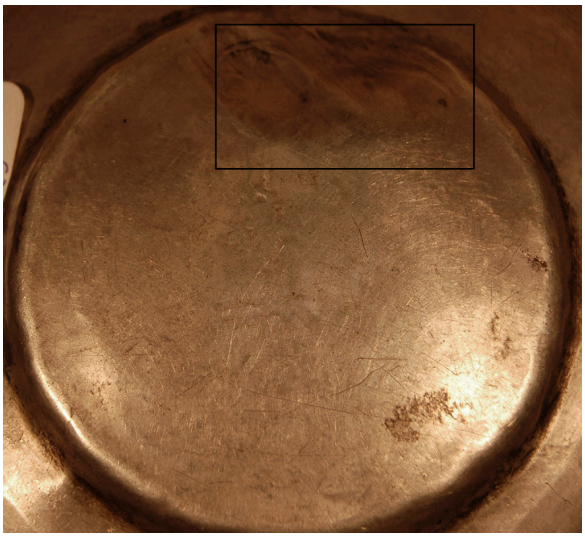
В изучении произведений Средневекового искусства весьма важными являются «технические вопросы», связанные с особенностями их изготовления. Это касается как живописи, так и прикладного искусства. Несмотря на осознаваемую всеми исследователями существенность этих вопросов, значительная часть сведений, сообщаемых научными каталогами и монографическими публикациями, весьма далека от реальности. В лучшем случае, это повторение традиционных постулатов, кочующих из одного издания в другое. При этом автор, особенно если это историк искусства, часто имеет крайне смутные и далекие представления о технической стороне изготовления того, что является объектом его исследования. Правда, это не останавливает подобного автора от декларативных заявлений и псевдонаучных рассуждений, которые излагаются с чрезвычайной важностью и глубоким сознанием своей «учености». Как правило, ситуацию не меняет даже привлечение сведений из заключений научно-технической экспертизы, в оптимальном случае автор их просто бездумно копирует, но чаще всего, и это самое печальное, пытается интерпретировать исходя из своего «уровня вежества».

Приятным исключением из описанной выше ситуации являются отдельные специальные работы некоторых археологов, уделяющих пристальное внимание анализу именно материалов и технике изготовления находок. Однако и здесь обстановка часто бывает не лучше; многое зависит от причин субъективных, а еще более, от уровня реальной компетентности исследователя. Из серьезных публикаций следует отметить труды ныне покойного Бориса Ильича Маршака (Маршак 1985, 134-151; Marschak 1986; Маршак 1996, 6-44; Маршак 2014) и, особенно, замечательную монографию Рафаэля Сергеевича Минасяна о металлообработке в древности и Средневековье, выпущенную Государственным Эрмитажем (Минасян 2014). Хотя в последней есть и спорные страницы, и фактические ошибки, и не совсем верные утверждения; но это характерно для любого творческого исследования, тем более, когда автор, является первопроходцем. Обращение к серебряным сосудам из Концешты подвигло Р.С. Минасяна и Е.А. Шаблавину[1] более пристально взглянуть на проблему изучения коллекции знаменитого византийского серебра, составляющего славу и гордость Эрмитажа. К сожалению, они пришли к весьма неутешительному выводу, что в публикациях музея технической информации о способах изготовления этих памятников нет, «а все уже сказанное по этому поводу мало соответствует действительности» (Минасян, Шаблавина 2014, 111). Авторы имели в виду статьи и научный каталог собрания, опубликованные доктором наук, ведущим научным сотрудником Государственного Эрмитажа, многие годы являвшегося хранителем коллекции византийского прикладного искусства (Залесская 2006, 41-78; там же подробный список её публикаций). При этом Р.С. Минасян и Е.А. Шаблавина постарались использовать максимально дипломатичную формулировку. В качестве подтверждения этого тезиса, всецело мною разделяемого, приведем один пример.

[1] Специальное монографическое исследование находок из Концешты подготовлено к печати А. Фурасьевым и Е.В. Шаблавиной и в скором времени должно выйти в свет.

1. Серебряная чаша с изображением человечка с руками в колодках. Профиль. Государственный Эрмитаж, № w-1486.

3. Серебряная чаша с изображением человечка с руками в колодках. Деталь центрального изображения. Государственный Эрмитаж, № w-1486.



4. Серебряная чаша с изображением человечка с руками в колодках. Внешняя сторона со следами инструмента. Государственный Эрмитаж, № w-1486.

2. Серебряная чаша с изображением человечка с руками в колодках. Внутренний вид. Государственный Эрмитаж, № w-1486.

В 2001 году в собрание Эрмитажа поступила небольшая серебряная чашечка (диаметр 12,6 см; высота 4 см), на дне которой выгравирована фигурка человечка с руками, зажатыми колодкой (инв. № w-1486). Сама колодка, руки, ноги, глаза и рот человека вызолочены. По мнению Б.И. Маршака, высказанному во время экспертизы чаши в 2001 году, фигурка могла быть нанесена позднее и быть связанной с демонологией. Действительно ли изображение было нанесено позднее или оно является оригинальным, в данном случае для нашей темы не столь существенно. Намного важнее то, что во время его нанесения внутри чаши, на её обороте (т.е. на днище с внешней стороны) образовались следы от инструмента, которым работал мастер (рис. 1-4). Аналогичные следы на внешней стороне византийских серебряных чаш с изображениями известны. В качестве примера укажем блюдо с евангельскими сценами и сирийскими надписями (инв. № w-154), происходящее из села Григоровского и датируемое IX-X веком (Минасян, Шаблавина 2016, 1-8, ил. 2). Однако с завидным упорством В.Н. Залесская видит в этих следах на чаше клейма – «полустертые клейма не императорского типа, а распространенные в конце VII - начале VIII в.», которые были поставлены «уже на готовом изделии» (Залесская 2006, 78; Залесская 2002, 34-36). Ни выводы Государственной ювелирной экс-

пертизы, которая не признала клейма в этих следах, ни хорошо видимое в микроскоп и даже просто в лупу с сильным увеличением совпадение линий внутреннего изображения и наружных отпечатков, не смогли и не могут поколебать её выводы. Вероятно, причина в том, что в таком случае датировка чаши, данная В.Н. Залесской, не будет иметь совершенно никаких оснований.

Весьма примечательно, что в собрании Эрмитажа имеется близкая по размерам и форме серебряная чаша (диаметр 15 см, высота 4,8 см), найденная в Тобольской губернии и поступившая в музей 1860 году (инв. № w-1479). На ней нет ни клейм или их следов, ни изображений (рис. 5). Если первую упомянутую нами чашу (инв. № w-1486) исследовательница отнесла ко второй половине VII века, а в тексте каталожного описания – к концу VII - началу VIII века, то вторую – к первой половине VII века. Однако при этом для обеих чаш ею приводится одна и та же аналогия: серебряные сосуды из Венского художественно-исторического музея (Залесская 2006, 77, 78). Вопрос о «полустертых клеймах» и об атрибуции данных чаш – вопрос не только профессиональной компетенции конкретного исследователя, но и вопрос научной методологии. Хотя сочинение В.Н. Залесской «Памятники византийского прикладного искусства» имеет грифы «научное издание» и «каталог коллекции», к сожалению, всем, кому приходится иметь с ним дело, довольно скоро становится очевидным, что серьезной научной обработкой памятников автор каталога не занималась. В лучшем случае – это перенос сведений из музейных инвентарных карточек (как правило, с многочисленными фактическими ошибками). Конечно, ни о каком техническом исследовании предметов речь вообще не шла; не был сделан анализ материала даже для знаменитых серебряных и золотых вещей. Впрочем, данное издание нельзя позитивно рассматривать не только с научной точки зрения, но и с хранительской; и пользоваться этим изданием следует с очень большой осторожностью, тщательно проверяя изложенные сведения и атрибуции.

На первой же странице введения «каталога коллекции»(!) сообщается, что в него не вошли «все те материалы, изучение которых со-

5. Серебряная чаша без изображений. Государственный Эрмитаж, № w-1479.

ставляет специальные дисциплины. Не включены также памятники материальной культуры сугубо утилитарного характера – такие, как ключи, замки, безмены, горшки, миски и т.д.» (Залесская 2006, 7). Таким образом, «каталог коллекции» является всего лишь публикацией приглянувшихся автору избранных предметов. Однако анализ этого сочинения увел бы нас слишком далеко от темы статьи и от научных проблем.

Обратимся еще к одному интересному памятнику Восточного серебра в собрании музея. Летом - осенью 2016 года в залах Государственного Эрмитажа проходила выставка «Византия сквозь века», на которой были представлены замечательные произведения из музеев Греции, а также уникальные предметы из собрания самого Эрмитажа (Пятницкий 2016a; Пятницкий 2016b, 58-59; Пятницкий 2017a; Пятницкий 2017b, 15-21; Пятницкий 2017c, 72-87). Среди эрмитажных экспонатов было серебряное блюдо с рельефными изображениями: «Орфей (?) с лютней на льве» в центральном медальоне и двумя поясками с фигурами птиц, зверей и мифологических существ. Оно было найдено еще в 1880 году близ города Ирбита Пермской губернии – регионе, хорошо известном по находкам византийского и сасанидского серебра. Несмотря на многолетнее хранение блюда в музее, оно довольно редко экспонировалось, мало публиковалось и известно ограниченному кругу специалистов. Конечно, оно не могло пройти мимо внимания такого выдающегося знатока, как

Я.И. Смирнов, хранителя Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Императорского Эрмитажа, который специально занимался Восточным серебром; блюдо было включено им в знаменитый «Атлас» (Смирнов 1909, илл. 93). Через много лет другой эрмитажный хранитель и также замечательный специалист по Восточному серебру, Б.И. Маршак включил его в свою немецкую монографию. Он датировал блюдо XII веком и посчитал продукцией мастерских, располагавшихся на территориях крестоносцев в Северной Сирии (Marschak 1986, 113, 119, Abb. 142, 142). Уделил он внимание данному памятнику и в своей фундаментальной вступительной статье в каталоге выставки «Сокровища Приобья». Б.И. Маршак отметил большое сходство этого произведения с уникальным серебряным блюдом из Мужей со сценой полета на грифонах Александра Македонского (ныне в ГЭ, инв. № w-1501) и с группой блюд, найденных в Болгарии и хранящихся в Париже, Афинах и Фессалониках (Маршак 1996, 41, 42; Ballian, Drandaki 2003, 47-80). Правда, в состав выставки блюдо не попало по субъективным обстоятельствам, не имеющим отношение к науке. Зато оно экспонировалось в 2015 году на другой эрмитажной выставке – «“Подарок созерцающим”. Странствования Ибн Баттуты». В каталожном описании хранитель А.А. Иванов расширил датировку до позднего XII - раннего XIII века и отказался от строгой локализации центра производства (Иванов 2015, 292). Наконец, в каталоге уже упоминавшейся выставки «Византия сквозь века» мною были объединены мнения предыдущих специалистов. Отказавшись от конкретного указания на месторасположение мастерской, что должно являться предметом дальнейшего изучения памятника, и сохранив широкую датировку – поздний XII - ранний XIII век, было отдано предпочтение позднему XII столетию (Пятницкий 2017а, 358-359). Следует указать еще одно исследование Б.И. Маршака, которое появилось в свет уже после его кончины, благодаря усилиям В.И. Распоповой. Это монографическое исследование о торевтике XI-XIII веков, изданное на личные средства В.И. Распоповой в количестве 30 экземпляров (Маршак 2014). Несмотря на отмеченный в последнее время интерес к данному блюду, требуется сложное комплексное исследование, поскольку целый ряд кардинальных вопросов остается нерешенным. Некоторые проблемы были нами отмечены в каталожном описании 2016 года, другие встали позднее во время обследования памятника в Лаборатории научной реставрации драгоценных металлов Государственного Эрмитажа.

Как уже было отмечено, серебряное блюдо найдено в 1880 году близ города Ирбит Пермской губернии. Его диаметр 26 см, высота 5 см и диаметр ножки 12,5 см; хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (инв. № V3-874).

Блюдо имеет горизонтально отогнутый борт, край которого слегка приподнят; в центре – медальон с рельефными изображениями; с внешней стороны припаяна широкая кольцевая ножка с отогнутым низом. Изображения на лицевой стороне расположены в трех регистрах: в центре – медальон с фигурой юноши с крыльями, который сидит на льве и играет на лютне; вокруг медальона поясок с тринадцатью фигурами реальных и мифологических животных и птиц; аналогичный поясок с двадцатью девятью фигурами находится на бортике блюда; по внешнему краю идет орнамент из соприкасающихся листьев. Боковое поле блюда имеет горизонтальные полоски (рис. 6).

На внешней стороне блюда и на ножке имеются граффити, в том числе расположенные крестообразно греческие буквы «K» и «I» и четырехконечный крест (рис. 7).

Еще в период подготовки выставки блюдо было осмотрено Р.С. Минасяном и Е.А. Шаблавиной, высказавшими свое мнение относительно техники его изготовления; оно, с указанием их авторства, вошло в текст каталожного описания (Пятницкий 2017а, 358, 359). Согласно наблюдениям Р.С. Минасяна и Е.А. Шаблавиной, первоначально на серебряном кованом листе на токарном станке выдавили рельефные ободки и утоньшили между ними фон. Затем на лицевой стороне были размечены, возможно, с помощью трафаретов и оконтурены чеканкой два пояса с изображением животных и сцена с юношей в центральном медальоне. После этого работа продолжалась на оборотной стороне. На пластичной опоре в пределах разметки выколотили чеканами предварительные объемы фигур (углубленный рельеф). Дальнейшая

проработка и детализация рельефного рисунка производилась на лицевой стороне чеканкой на пластичной опоре. В некоторых местах фигуры животных заходят на поле рельефных ободков. Бордюр с орнаментом из акантовых листьев по внешнему краю блюда сделан чеканкой и гравировкой – каждый листок имеет индивидуальный рисунок. На следующем этапе из подготовленного таким образом декорированного листа (заготовки) выдавили чашу на токарном станке, в результате чего стенки блюда получились более тонкими в сравнении с остальными участками изделия. По окончании работы к блюду припаяли ножку (кольцевой поддон) и позолотили способом горячего золочения. Изделие является одним из ранних образцов классической двусторонней чеканки. Данные выводы были сделаны на основе визуального изучения памятника с помощью бинокулярного микроскопа МБС-9 и лупы с 10-кратным увеличением, а также анализа детальной макросъемки блюда.

Позднее, уже после закрытия выставки «Византия сквозь века», во время консервационных работ в Лаборатории научной реставрации драгоценных металлов Государственного Эрмитажа, её сотрудник М.В. Веревкин по нашей просьбе провел дополнительное обследование памятника. Он использовал стереомикроскоп Vision Engineering Lynx Evo, микроскоп Zeiss Axio Zoom.V16 for Materials и портативный РФА анализатор Olympus Delta Professional (Innov-X Systems). Мы предлагаем ознакомиться с его выводами.

«Форма блюда вытянута с помощью станка вращения из пластины с последующей проковкой, о чем свидетельствуют характерные следы инструмента на поверхности металла. Отметку центра идентифицировать не удалось, так как дно блюда подвергалось чеканке. Максимальная толщина металла – 5 мм на утолщении венчика. Цилиндрическая ножка с расширяющимся основанием припаяна под углом 90° к дну блюда на оловосодержащий припой[2].

Рельефные изображения на дне блюда и на венчике выполнены в технике чеканки с внутренней стороны и доработаны с лицевой. Использовались инструменты с различными бойками: скругленными, плоскими, узкими, канфарниками. Мастер отдавал предпочтение чеканной технике: прочеканены основные объемы, контуры всех фигур[3] и даже тонкая

6. Серебряное блюдо с изображением «Орфея (?) на льве» в центральном медальоне. Лицевая сторона. Государственный Эрмитаж, № V3-874.

7. Серебряное блюдо с изображением «Орфея (?) на льве» в центральном медальоне. Оборотная сторона. Государственный Эрмитаж, № V3-874.

[2] Олово обнаружено только в месте пайки. Здесь и далее данные о составе металла получены в результате анализа поверхностного слоя РФА-анализатором OLYMPUS. Для более точного определения состава металла необходимо проведение более сложных исследований.

[3] Проследить следы чекана с лицевой стороны на всем протяжении линий не представляется возможным, так как углубления заполнены толстым слоем амальгамного золочения, в некоторых местах чеканный контур подрезан вместе с фоном, однако следы чеканки заметны с обратной стороны.

проработка лиц людей, шерсти животных и растительного узора на венчике блюда. Фон фигур также был сначала углублен чеканами, а затем подрезан штихелем. Особенно хорошо это прослеживается в труднодоступных для подрезки штихелем местах, в местах выхода чекана за контур подрезки с лицевой стороны, а также с оборотной стороны. В самых глубоких участках контура (например, палец лютниста) при увеличении различима характерная деформация в виде трещин. Радиальные линии, образующие ободки вокруг рельефных изображений на внутренней поверхности блюда, следы подрезки полей чеканных изображений, линии на венчике и на расширении ножки можно отнести к гравированным штихелем с использованием станка вращения. Струны лютни, параллельные насечки, проработка волос и гривы в центральной композиции, вероятно, также выполнены или подправлены штихелем, но проследить следы инструмента под толстым слоем ртутного золочения не представляется возможным. Венчик, центр блюда с внутренней стороны и основание ножки покрыты слоем амальгамного золочения, перекрывающим все чеканные изображения и гравировку. Отдельные потеки золочения выходят на оборотную сторону венчика и ножки, а также на внутреннюю сторону тулова блюда. Позолота в углублениях имеет ноздреватую структуру (рис. 8).

На оборотной стороне дна сохранились следы разметки[4] декоративного ободка вокруг центрального изображения. Следы обработки напильником на обратной стороне дна блюда и внутри ножки были оставлены до пайки. Следы напильника на торце венчика и на основании ножки нанесены с повреждением ртутного золочения. Трещина на основании ножки образовалась до золочения, о чем свидетельствует слой позолоты на разрыве и потек с обратной стороны. Линии гравировки в этом месте также искажаются и раздваиваются. Трещина могла влиять на движение штихеля. Металл ножки значительно отличается от металла основной части по содержанию серебра и свинца, в трещине обнаруживается незначительное содержание олова[5], обработка штихелем и характер золочения обеих частей совпадает. Вокруг трещины имеются следы оплавления, образовавшиеся после гравировки[6]. Схожие следы присутствуют на внешнем ободке чеканного пояса в центре блюда. Гравированные линии после оплавления не подправлялись. Отдельного внимания заслуживают знаки, процарапанные иглой. Звезда на внешней поверхности тулова прочерчена значительно слабее[7], чем крест и лигатура на внутренней стороне ножки (рис. 9-13).

8. Серебряное блюдо с изображением «Орфея (?) на льве» в центральном медальоне. Чеканка с наружи и изнутри. Государственный Эрмитаж, № V3-874.

За время бытования блюдо получило ряд повреждений. Сквозное отверстие диаметром 4,2 мм, пробитое в чеканном поле венчика[8], вероятно, служило для подвески. Второе сквозное отверстие в венчике и разрыв, переходящий на тулово, получены в результате удара плоским острым предметом[9], срезавшим выступающую часть рельефа (срезанная часть сохранилась на блюде). Сквозное отверстие на тулове[10] получено в результате удара тонким острым инструментом. Венчик блюда деформирован и, возможно, загнут вниз по всему периметру чаши. Профиль тулова также имеет характерную деформацию, свидетельству-

[4] Разметка точками 0,2 мм с промежутками 0,5-1 мм; в некоторых местах разметка двойная.

[5] Обнаружить паяный на оловянный припой шов не удалось.

[6] На оплавленных участках присутствует слой золочения.

[7] Толщина линии «звезды» – 0,12 мм, креста и лигатуры – 0,2 мм.

[8] Слой позолоты внутри отверстия отсутствует, отверстие пробито с незначительным повреждением чеканного рельефа.

[9] Отверстие получилось в результате срезки выступающей части рельефа, золочение на срезе отсутствует.

[10] Входной диаметр 0,9 мм.

9. Граффити на обороте серебряного блюда с изображением «Орфея (?) на льве» в центральном медальоне. Государственный Эрмитаж, № V3-874.

11. Граффити на обороте серебряного блюда с изображением «Орфея (?) на льве» в центральном медальоне. Государственный Эрмитаж, № V3-874.

ющую о сдавливании по вертикали. На внешней поверхности тулова имеется несколько трещин, не выходящих на противоположную сторону, и одна зачеканенная сквозная трещина. Эти трещины могли образоваться как в процессе бытования предмета, так и в процессе его изготовления».

В результате своего изучения М.В. Веревкин высказал некоторые соображения относительно инструментальной обработки блюда.

«Следы чеканной обработки на торце венчика: следы напильника поверх позолоты, две линии симметричного профиля шириной около 0,7 мм, выполненные остроконечным штихелем.

Следы чеканной обработки на внешней стороне: следы чеканов различного профиля, следы напильника на дне. Разметка точками диаметром 0,2 мм частей концентрических окружностей радиусом 30 мм и 48 мм от центра (соответствует ободку вокруг центрального изображения), точки и соскобы, царапины от иглы шириной 0,12 мм.

10. Граффити на обороте серебряного блюда с изображением «Орфея (?) на льве» в центральном медальоне. Государственный Эрмитаж, № V3-874.

12. Граффити на обороте серебряного блюда с изображением «Орфея (?) на льве» в центральном медальоне. Государственный Эрмитаж, № V3-874.

13. Граффити на обороте серебряного блюда с изображением «Орфея (?) на льве» в центральном медальоне. Государственный Эрмитаж, № V3-874.

Следы чеканной обработки на внутренней стороне: следы чеканов различного профиля, следы срезки плоским и остроконечным штихелями, поясок на переходе венчика в тулово образован подрезкой чеканки на венчике и симметричным резом штихеля (угол заточки 90-110°) шириной около 0,7 мм, поясок на тулове образован двумя резами штихеля: асимметричного профиля (завален внутрь чаши) шириной около 0,9 мм и симметричного профиля шириной около 0,7 мм. Пояски вокруг чеканного пояса на дне образованы резами штихеля симметричного профиля шириной около 2,2 мм, 2 мм, 2 мм, 2 мм, 1,2 мм 1,8 мм, 1,6 мм[11], два последних реза дополнительно прочерчены иглой.

Следы чеканной обработки на ножке: следы чеканки, следы напильника с внутренней стороны, линия симметричного профиля, выполненная штихелем шириной 0,7 мм на раструбе ножки, два линии 0,9-1,0 мм асимметричного профиля выполнены штихелем в месте расширения ножки, царапины иглой 0,2 мм на внутренней стороне ножки».

Приведенные данные чрезвычайно красноречиво показывают, насколько важны профессиональные исследования памятников Восточного серебра с применением современного оборудования. Вместе с тем, появляющиеся новые возможности налагают на исследователя и более серьезную ответственность за интерпретацию полученной информации и конечных выводов. В рассуждении о технике эрмитажного блюда с Орфеем (?) Р.С. Минасян и Е.А. Шаблавина исходили из своего богатого практического опыта изучения приемов изготовления позднеантичных и средневековых серебряных блюд и сосудов в собрании Эрмитажа. Реставратор М.В. Веревкин, не имеющий пока в своем багаже такого большого количества просмотренного средневекового серебра, сконцентрировал внимание на констатации увиденных им технических особенностей, и свел интерпретацию к минимуму. Направление дальнейшего изучения блюда и определение групп для сравнительного анализа техники – это задача, которая определяется совместно специалистом по технике серебра (в данном случае реставратором) и специалистом, занимающимся изучением и атрибуцией средневековой торевтики.

Относительно блюда с Орфеем (?) чрезвычайно важные наблюдения высказал в свое время Б.И. Маршак в работах, посвященных торевтики крестоносцев. Он обратил внимание на памятники XI-XIII веков, в которых в тех или иных пропорциях сочетаются византийские, исламские и западноевропейские элементы формы и декора (Маршак 1985, 134-151; Маршак 2014). Именно к таким произведениям относится эрмитажное блюдо, которое по целому ряду технико-стилистических признаков входит в одну группу с ларцом из собора в Вавеле в Кракове и с блюдом из Музея исторических драгоценностей в Киеве, найденном в селе Ржищево. На основе подробного анализа этих трех предметов Б.И. Маршак пришел к выводу, что они были сделаны мастерами самостоятельной школы, существовавшей на Востоке в XI-XII веках. По его мнению, она, скорее всего, сложилась на основе традиций Монте-Кассино и других итальянских центров, и обогатилась новыми византийскими и исламскими элементами на Ближнем Востоке (Маршак 2014, 75). В некоторых деталях технической обработки изображений он выделил «определенно романский характер», причем не заимствованный или имитационный, а такой, который позволил ему достаточно уверенно говорить об этих трех серебряных вещах как о продукции «западноевропейских торевтов, переселившихся на Восток» (Маршак 1985, 146). В то же время он отметил, что мастера как бы перелицовывают византийские и исламские мотивы, придавая изображениям «чисто светский, несколько экзотический и, пожалуй, развлекательный характер» (Маршак 1985, 146, 147). Выводы Б.И. Маршака кажутся весьма логичными, аргументированными и убедительными. Однако последний штрих в его построениях должен быть нанесен специалистом-реставратором. Требуется тщательный анализ техники краковского ларца из Вавеля и киевской чаши из Ржищево, аналогичный тому, какой был сделан для эрмитажного блюда из Ирбита М.В. Веревкиным на современном высокотехничном оборудовании.

Дополнительно в эту же группу можно включить еще две менее художественные чаши.

[11] Размеры даны от внешней окружности к центру.

Одна, с изображением аллегорической фигуры, хранится в Ямало-Ненецком окружном краеведческом музее (Маршак, Крамаровский 1996, 162, 163); другая, чаша из Арельи – в Сербии (Miloševič 1980, cat. 142). Обе датируются концом XII столетия.

Изображение в центральном медальоне эрмитажного блюда было условно названо Орфеем на льве. В частности, такое определение фигурировало на выставке «“Подарок созерцающим”. Странствования Ибн Баттуты», где юноша с крыльями на льве был трактован как Орфей, играющий на лютне, и его мелодией заворожены животные, расположенные на двух поясах (Иванов 2015, 292). Действительно, в позднеантичном и раннехристианском искусстве образ музицирующего Орфея и слушающих его зверей был чрезвычайно распространен (Tülek 1998, 36-41; Пятницкий 2017а, 326, 327); но для средневизантийского времени он не очень характерен. Следует обратить пристальное внимание на ряд иконографических деталей, которые ставят под сомнение отожествление персонажа на блюде из Ирбита с Орфеем. Изображен юноша с лютней в руках, сидящий на льве, у которого за спиной большие, четко проработанные крылья. Орфей, насколько нам известно, не изображался сидящим на льве, и он не имел крыльев. Животные на обоих поясах представлены не в статичных спокойных позах, как это характерно для сцены с музицирующим Орфеем. Напротив, часть животных передана в бурном движении, в агрессии; к тому же они расположены группами по два или три персонажа. Среди изображенных зверей численное преимущество имеют мифологические существа. Особо следует отметить двухголовых грифонов и птиц-змей. Группы и их расположение, без сомнения, имеют некое символическое значение, пока не расшифрованное. Возможно, основой сюжета послужили западные источники – Бестиарий или Сочинения о сотворении мира; следует также обратить внимание на сочинения армянской средневековой литературы. На загадочность рельефов ирбитского блюда в свое время обратил внимание и Б.И. Маршак, который не нашел в них сюжетного единства. Относительно центрального медальона он критически отнесся к попыткам увидеть здесь образ демона Акратоса или музицирующего Эрота (Маршак 2014, 55-57). Вполне возможно, что единого источника действительно не существовало, и мастер использовал различные прототипы, в том числе даже для фигуры центрального медальона.

Проблемы, возникающие при изучении эрмитажного блюда из Ирбита, весьма четко показывают, что настало время новых подходов в изучении Восточного серебра, основанных, в первую очередь, на профессиональном изучении техники изготовления. И задача эта уже не под силу «среднестатистическому» археологу, историку или искусствоведу. Требуется привлечение и профессиональных сил, и высокоточного профессионального оборудования. Вместе с тем существует опасность большого искушения исключительно на основе реставрационных и технических исследований, и исключительно силами технических профессионалов и реставраторов заняться атрибуционными и интерпретационными исследованиями, что, бесспорно, приведет к ошибочным выводам и утверждениям. Нам представляется, что лишь комплексное исследование, проведенное разнообразными специалистами, обладающими действительно высоким профессионализмом, может приблизить нас к объективной оценке такого сложного и многообразного явления как Восточное серебро.

Библиография

Залесская 2002: В.Н. Залеская, Византийская чаша с изображением болгарского демона. В сб.: Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского, 2002 (Санкт-Петербург 2002), 34-36.

Залесская 2006: В.Н. Залеская, Памятники византийского прикладного искусства IV-VII веков. Каталог коллекции. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург 2006).

Иванов 2015: А.А. Иванов, Блюдо. В: (Научн. ред. А.Д. Притула, А.Н. Теплякова, О.М. Ястребова) «“Подарок созерцающим”. Странствования Ибн Баттуты»: кат. выст., Государственный Эрмитаж, 8 сентября - 13 декабря 2015 г. (Санкт-Петербург 2015), 292.

Маршак 1985: Б.И. Маршак, К вопросу о торевтике крестоносцев. В сб.: (Науч. ред. В.Г. Луконин) Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Сборник статей (Ленинград 1985), 134-151.

Маршак 1996: Б.И. Маршак, Сокровища Приобья В: (Ред.: Б. Маршак, М. Крамаровский) Сокровища Приобья [Каталог выставки] (Санкт-Петербург 1996), 6-44.

Маршак 2014: Б.И. Маршак, Культурные связи Востока и Европы в торевтике XI-XIII вв. Серебро с чернью (Санкт-Петербург 2014).

Маршак, Крамаровский 1996: Б. Маршак, М. Крамаровский (ред.) Сокровища Приобья [Каталог выставки] (Санкт-Петербург 1996).

Минасян 2014: Р.С. Минасян, Металлообработка в древности и Средневековье (Санкт-Петербург 2014).

Минасян, Шаблавина 2014: Р.С. Минасян, Е.А. Шаблавина, Об одном способе изготовления позднеантичной «парадной» посуды. В: Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXX. Белградский сборник. К XXIII Международному конгрессу византинистов, Белград, Сербия, 22 -27 августа 2016 года (Санкт-Петербург 2016), 105-111.

Пятницкий 2016a: Ю.А. Пятницкий, Искусство дивной красоты и духовности. Выставка «Византия сквозь века» из музеев Греции и Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург 2016).

Пятницкий 2016b: Ю.А. Пятницкий, Ирреальная реальность: шедевры византийского искусства в залах Зимнего дворца. В журнале: Русское искусство, вып. II/ 2016: Россия-Греция. Диалог культур, 58-59.

Пятницкий 2017a: Ю.А. Пятницкий, Византия сквозь века: кат. выст. Государственный Эрмитаж, 24 июня - 2 октября 2016. Отв. научн. ред. М.Б. Пиотровский, научн. ред. Ю.А. Пятницкий (Санкт-Петербург 2017).

Пятницкий 2017b: Ю.А. Пятницкий, Немеркнущая красота блистательной Византии. В: Византия сквозь века: кат. выст. Государственный Эрмитаж, 24 июня - 2 октября 2016. Отв. научн. ред. М.Б. Пиотровский, научн. ред. Ю.А. Пятницкий (Санкт-Петербург 2017), 15-21.

Пятницкий 2017c: Ю.А. Пятницкий, Выставка «Византия сквозь века» в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 72- 87.

Смирнов 1909: Я.И. Смирнов, Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи (Санкт-Петербург 1909).

Ballian, Drandaki 2003: A. Ballian, A. Drandaki, A Middle Byzantine silver treasure. In: Μουσειο Μπενακη 3, 2003, 47-80.

Marschak 1986: B. Marschak, Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3. - 13. Jahrhunderts und ihre Kontinuaität (Leipzig 1986).

Miloševič 1980: D. Miloševič, Art in Medieval Serbia from the 12th to the 17th century (Beograd 1980).

Tülek 1998: F. Tülek, Orpheus, The Magician (Istanbul 1998).

Probleme cu privire la studierea tehnică a argintului oriental din colecţia Ermitajului de Stat

Cuvinte-cheie: argintul oriental, Ermitajul de Stat, artă decotarivă, analiză tehnică, Evul mediu, toreutica cruciaţilor, iconografie bizantină, „Orfeu (?) cu lăută pe leu”.

Rezumat: Publicaţiile despre piesele din colecţia Argintul oriental a Ermitajului rar conţin o expertiză profesională a tehnicii confecţionării lor. Excepţie fac lucrările lui R.F. Minosyan şi, în special, ale lui B.I. Marshak, în care la atribuirea şi datarea pieselor s-a ţinut cont de tehnica de realizare utilizată de meşteri. B.I. Marshak a analizat şi platoul, descoperit în anul 1880 în apropierea oraşului Irbit, gubernia Perm. El a datat piesa cu sec. XII şi a atribuit-o producţiei unui atelier amplasat pe teritoriul cruciaţilor din Siria de Nord. Utilizarea aparatelor şi metodelor moderne a dat posibilitatea de a se reveni încă o dată la expertiza tehnică a vasului. Ea a fost efectuată în Laboratorul restaurării ştiinţifice a metalelor preţioase al Ermitajului de Stat. În articol sunt publicate rezultatele acestei investigaţii şi este menţionată necesitatea de a efectua astfel de expertize şi pentru alte piese care au analogii stilistice cu platoul de la Irbit – lădiţa de la Cracovia din Wawel şi cupa de la Kiev din Rzhyshchev, precum şi a altor două cupe din sec. XII – din muzeul ţinutal al districtului autonom Yamalo-Nenets, Rusia şi din Arilje, Serbia.

Lista ilustraţiilor:

1. Bol de argint cu imaginea om cu mâinile în cătuşe. Profil. Ermitajul de Stat, nr. w-1486.
2. Bol de argint cu imaginea om cu mâinile în cătuşe. Vedere din interior. Ermitajul de Stat, nr. w-1486.
3. Bol de argint cu imaginea om cu mâinile în cătuşe. Detaliu al imaginii centrale. Ermitajul de Stat, nr. w-1486.

4. Bol de argint cu imaginea om cu mâinile în cătuşe. Partea exterioară cu urme ale unui instrument de prelucrare. Ermitajul de Stat, nr. w-1486.
5. Bol de argint. Ermitajul de Stat, nr. w-1479.
6. Platou de argint cu imaginea lui „Orfeu (?) pe leu" în medalionul central. Partea frontală. Ermitajul de Stat, nr. V3-874.
7. Platou de argint cu imaginea lui „Orfeu (?) pe leu" în medalionul central. Partea dorsală. Ermitajul de Stat, nr. V3-874.
8. Platou de argint cu imaginea lui „Orfeu (?) pe leu" în medalionul central. Ambutisare pe partea exterioară şi cea inferioară. Ermitajul de Stat, nr. V3-874.
9. Graffitti pe partea dorsală a platoului de argint cu imaginea lui „Orfeu (?) pe leu" în medalionul central. Ermitajul de Stat, nr. V3-874.
10. Graffitti pe partea dorsală a platoului de argint cu imaginea lui „Orfeu(?) pe leu" în medalionul central. Ermitajul de Stat, nr. V3-874.
11. Graffitti pe partea dorsală a platoului de argint cu imaginea lui „Orfeu (?) pe leu" în medalionul central. Ermitajul de Stat, nr. V3-874.
12. Graffitti pe partea dorsală a platoului de argint cu imaginea lui „Orfeu (?) pe leu" în medalionul central. Ermitajul de Stat, nr. V3-874.
13. Graffitti pe partea dorsală a platoului de argint cu imaginea lui „Orfeu (?) pe leu" în medalionul central. Ermitajul de Stat, nr. V3-874.

On the Issues of the Technical Examination of Oriental Silver in the Collection of the State Hermitage Museum

Keywords: Oriental silver, State Hermitage, applied art, technical expertise, metalwork of the Crusade period, Byzantine iconography, "Orpheus (?) with Lute on the Lion".

Abstract: The publications of objects from the collection of Oriental silver in the State Hermitage Museum rarely include a professional expertise on their making. The few exceptions are the works of R.F. Minosyan and, especially, B.I. Marshak, in which techniques used by craftsmen were taken into account in the attribution and dating the objects. In several articles Marshak discussed a plate found in 1880 near the city of Irbit, the Perm Province; he dated it to the 12th century and considered it as a product of one of the workshops which existed in the territories of the Crusaders in northern Syria.

The use of modern instruments and research methods makes it possible to return once again to the technical expertise of the place. Such expertise was done at the State Hermitage, in the Laboratory for Scientific Restoration of Precious Metals. This article offers the results of the study, and stresses the necessity of similar expertise for the objects that display stylistic parallels with the Irbit plate, namely Wawel's casket in Krakow, and a bowl from Rzhyshchevo (now in Kiev), as well as two less artistic bowls of the 12th century – one with an image of an allegoric personage from the Yamal-Nenets District Museum, and the one from Arilje, Serbia.

List of illustrations:

1. Silver plate showing a man with his hands in a block. Profile. The State Hermitage, № w-1486.
2. Silver plate showing a man with his hands in a block; from inside The State Hermitage, № w-1486.
3. Silver plate showing a man with his hands in a block; Central image, detail. The State Hermitage, № w-1486.
4. Silver plate showing a man with his hands in a block. Face side with traces of an instrument, The State Hermitage, № w-1486.
5. Silver plate without images. The State Hermitage, № w-1479.
6. Silver plate showing "Orpheus (?) on the Lion" in the central medallion. Face side. The State Hermitage, № V3-874.
7. Silver plate showing "Orpheus (?) on the Lion" in the central medallion. Back side. The State Hermitage, № V3-874.
8. Silver plate with "Orpheus (?) on the Lion" in the central medallion. Chasing on the outer and inner surface. The State Hermitage, № V3-874.
9. Graffiti on the back of the silver plate showing "Orpheus (?) on the Lion" in the central medallion. The State Hermitage, № V3-874.
10. Graffiti on the back of the silver plate showing "Orpheus (?) on the Lion" in the central medallion. The State Hermitage, № V3-874.

11. Graffiti on the back of the silver plate showing “Orpheus (?) on the Lion” in the central medallion. The State Hermitage, № V3-874.
12. Graffiti on the back of the silver plate showing “Orpheus (?) on the Lion” in the central medallion. The State Hermitage, № V3-874.
13. Graffiti on the back of the silver plate showing “Orpheus (?) on the Lion” in the central medallion. The State Hermitage, № V3-874.

10.09.2018

Михаил Веревкин, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, RU-190000 Санкт-Петербург, Россия

Юрий Пятницкий, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, RU-190000 Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pyatnitskiy1@yahoo.com

ПРЕДМЕТЫ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА ИЗ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ТИНГУТИНСКИЙ I. КОНСЕРВАЦИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Звездана Доде

Ключевые слова: археологический текстиль, средневековые кочевники, погребальный обряд, консервация археологического текстиля, реконструкция костюма, боктаг, Золотая Орда, Монгольская империя.

Экспозиция

Как одевались кочевники Монгольской империи было давно хорошо известно по изобразительным и письменным источникам, а также по реальным одеждам из археологических памятников династии Юань. В российской науке активный интерес к археологическому текстилю возник сравнительно недавно. Теперь, благодаря вниманию археологов к текстильным остаткам и усилиям реставраторов, невыразительные, на первый взгляд, фрагменты тканей из погребальных памятников все чаще обретают форму реальной одежды, головных уборов и обуви и становятся осязаемыми свидетельствами материальной культуры, политических и экономических контактов золотоордынского населения.

Расширяющаяся в результате археологических исследований база данных текстильных находок в значительной степени повышает возможность корректной реконструкции изделий из тканей, подвергшихся серьезным разрушениям в погребальном памятнике, и позволяет рассматривать текстиль не только как предмет утилитарной необходимости, но и как особый атрибут погребального обряда. Под таким углом в статье рассматриваются вводимые в научный оборот текстильные находки из могильника Тингутинский I[1].

Курганный могильник Тингутинский I расположен в Светлоярском районе Волгоградской области. Памятник был выявлен экспедицией организации Некоммерческое Партнерство (НП) «Южархеология» под руководством Ю.А. Африканова в 2014 году в ходе обследования трассы Волгоград-Тихорецк. Археологические работы на памятнике проводились в ноябре 2014 года НП «Южархеология» под руководством А.В. Цыбрия. Согласно археологическому отчету, в погребении 1 кургана 7 было открыто захоронение женщины. На скелете женщины, погребенной в деревянном гробу, «сохранились части шелкового халата с золотым шитьем, сложный головной убор из шелка кожи и бересты, а также фрагменты кожаной обуви, поврежденной грызунами»; из текстильных находок указан чехол для зеркала. Погребение датируется XIV веком нашей эры (Цыбрий 2015, 33-34, рис. 112, 114).

После завершения работ авторы археологических раскопок передали свертки с текстильными фрагментами для исследования в ООО «Наследие» (г. Ставрополь).

В результате работы с полученным материалом удалось уточнить и дополнить информацию о предметах погребального инвентаря, указанную в археологическом отчете. Было установлено, что декор шелкового халата выполнен не «золотым шитьем», а выткан золотыми уточными нитями. «Сложный» головной убор представлял собой набор отдельных, не соединенных между собой шелковых частей. Кожаных элементов, относящихся к головному убору и отмеченных в отчете, в переданных материалах не содержалось, а из бересты сохранилось несколько целых и фрагментированных узких берестяных колечек небольшого диаметра, обтянутых тонкой шелко-

[1] Основные материалы курганов золотоордынского времени этого могильника, исключая текстиль, введены в научный оборот В.А. Ларенок и П.А. Ларенком в докладе на научной конференции, посвященной памяти Н.В. Хабаровой. Волгогорад, 15.02.2018 (Ларенок, Ларенок, в печати).

Рис. 1. Берестяные колечки, обтянутые шелковой тканью.

вой тканью (рис. 1). Пока их функция ни в конструкции, ни в декоре головного убора неясна. Тонкий деревянный прутик, сохранившийся во фрагментах среди тканей, предназначался для конструктивной поддержки формы головного убора (рис. 2). От обуви сохранилось несколько небольших кожаных фрагментов и текстильный декор. Бронзовое зеркало, вероятно, находилось в меховом чехле, вложенным в текстильную сумочку, декорированную в технике пэчворк, к которой, по всей видимости, крепились несколько хаотично связанных светлых кожаных ремешков. Две кожаные амулетницы и кисточка с деревянной ручкой, возможно, были подвешены к кожаным ремешкам темного цвета или могли находиться в сумочке (рис. 3).

Фрагменты текстильных изделий были переданы в пакетах и подписаны: «ткань в районе бедренной кости левой ноги», «ткань с бедра кости левой ноги», «грудь», «ноги» и просто «ткань». Очень хрупкие, ломкие, сильно пересушенные ткани имели значительные повреждения и загрязнены почвенными отложениями, смяты в многочисленные слои и заломы; фрагменты тканей имели разную структуру и цвет; металлическое покрытие на узорных нитях практически утрачено (рис. 4). Очистку, консервацию и подготовку текстильных объектов для экспозиционного использования выполнили сотрудники предприятия «Наследие» А.А. Казьмина и О.А. Степанова.

Рис. 2. Фрагменты деревянного прутика.

Систематизация

В процессе разбора материала была выполнена первоначальная систематизация тканей, основанная на указанном на пакетах месте текстильных находок относительно скелета погребенной. Фрагменты тканей были сгруппированы по их принадлежности к текстильным объектам – одежде, элементам головного убора и декору обуви; определена основная ткань изделия и материалы деталей (воротника, манжет, завязок, декора, подкладки). Отдельно выделены текстильные фрагменты, не соотносящиеся с конкретными объектами. Из всех групп тканей были отобраны пробы на анализ красителей, волокнистого состава и металлического покрытия системных нитей. Затем ткани были очищены, расправлены и пластифицированы.

В результате анализа технологических признаков тканей во всех группах установлена структура текстиля (вид переплетения) и техника (лампас, дамаск, газ, кэсы, полотняное переплетение с дополнительным утком), текстильное сырье (шелк, хлопок), красящие вещества (преимущественно ализарин и пурпурин) и использованная протрава (железо); установлено также, что чехол для зеркала был изготовлен из меха зайца.

Аналогии

После первичной консервации текстильные фрагменты сопоставляли с известными элементами женской одежды из археологических памятников, а также с женскими халатами и головными уборами династии Юань

Рис. 3. Кожаные амулетницы, деревянная ручка от кисточки, кожаные ремешки.

Рис. 4. Ткани из могильника Тингутинский I, извлеченные из пакета, до очистки и консервации.

из музейных собраний Китая. В результате установлено соответствие текстильных вещей из могильника Тингутинский I хорошо сохранившимся предметам монгольского костюма из могильника Рябичев в Ростовской области, прослеженным *in situ* при расчистке погребения, и сохранившими целостность благодаря разбору комплекса в лабораторных условиях (Парусимов 2009, 70, рис. 17; Доде 2009, 18-19, цв. вкл). Близкое сходство прослеживается в конструкции верхней одежды с сужающимися к запястью рукавами, а также деталей головных уборов и их имитационном характере.

Реконструкция

Близкое сходство деталей кроя и габаритных размеров допускает тождество конструкции вещей и на основании аналогий позволяет выполнить чертежи выкроек одежды, одетой на погребенную. За основу были приняты шаблоны выкроек текстильных объектов из могильника Рябичев, конструкция которых прослежена полностью. На шаблонах размещали бумажные макеты фрагментов формообразующих деталей изделий из могильника Тингутинский I с нанесенными на них линиями сохранившихся швов. Установление основных конструктивных линий позволило реконструировать достоверные выкройки (рис. 5), восстановить пространственную форму изделий и создать их текстильные модели для дублирования археологических тканей при консервации.

Консервация

Очевидно, что придание археологическим текстильным объектам первоначального вида, соответствующего дате их создания, невозможно. Нельзя восполнить утраты ткани современными им аналогами, вернуть исходный цвет текстиля и восстановить основу и покрытие разрушенных золотых нитей. Собственно, такой необходимости и не существует, поскольку историческая подлинность археологических тканей определяется их нынешним состоянием, отражающим следы временны´х изменений. Восполнение утрат материалами, имитирующими структуру и орнаментику средневековой ткани, как и любое другое вмешательство, направленное на восстановление первоначального вида памятника, ставит под сомнение его историческую

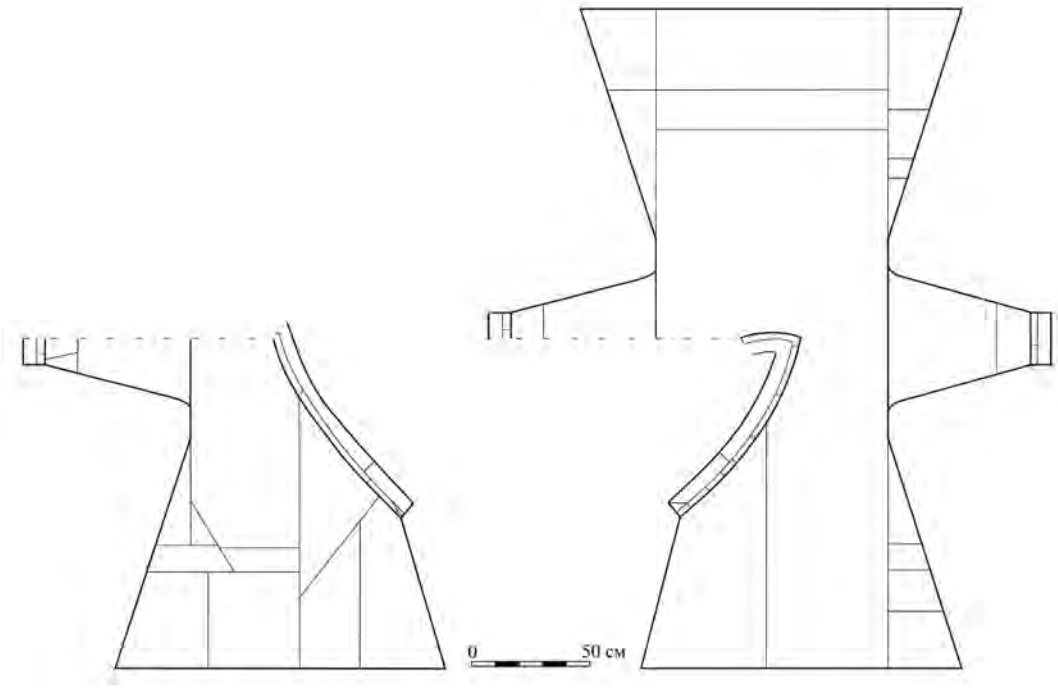


Рис. 5. Выкройка женского халата из могильника Тингутинский I.

Рис. 6. Ткань халата из погребения, сдублированная на модель из прозрачного шелка.

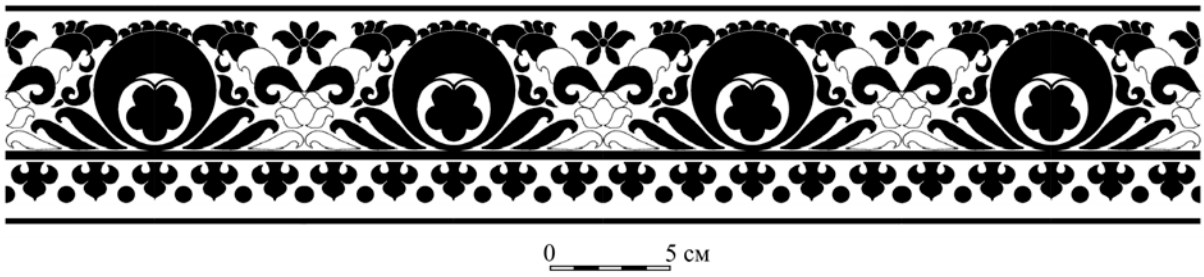


Рис. 7. Графическая реконструкция узора декоративной каймы на подоле халата.

достоверность. Поэтому для стабилизации и сохранения текстильных находок из могильника Тингутинский I использованы информационно-нейтральные материалы, маркирующие восстановления, но не нарушающие подлинность объектов. Для усиления привлекательности текстильных археологических артефактов в музейной экспозиции и повышения адекватности зрительского восприятия требовалось восстановление их достоверной формы и текстильного декора. С этой целью использован метод реконструкции – создание текстильных моделей и закрепление на них частей сохранившихся объектов. Для этого шаблоны изделий изготавливали из прозрачной шелковой ткани, тонированной натуральными красителями в соответствии с цветом археологического текстиля. Клеящие составы для дублирования были исключены. Уцелевшие части средневековой ткани закрепляли на шаблоне шелковыми нитями для обратимости консервационного вмешательства.

Поскольку пространственную форму текстильного изделия в значительной степени поддерживают конструктивные швы, на участках утрат по текстильной модели с помощью тонкой прозрачной ленты были воссозданы конструктивные линии, а также прослеживающиеся вспомогательные швы, соответствующие оригиналам (рис. 6).

Образное решение текстильного изделия создает не только его форма, но также декор и фактура ткани. Сохранность же археологического текстиля подчас исключает восстановление аутентичного узора. Между тем, сохранившиеся орнаментальные элементы, их пропорции и последовательность позволили составить подобные первоначальным орнаментам гипотетические композиции (рис. 7) и использовать их для акцентирования места вытканного узора на текстильных объектах из Тингутинского I могильника (рис. 8). Подобный декор отличается от подлинного тканого орнамента деталями изображения и техникой воспроизведения: не поддающиеся восстановлению утраты аутентичной композиции восполнены гипотетическими элементами, а изображение выполнено в технике холодного батика золотой акриловой краской по шелковой основе. Роспись размещали на участках утрат под поверхность прозрачной модели с частичным перекрытием археологической тканью, маркирующей положение реального декора. Восстановленный орнамент не является новаторским дополнением подлинника, а наряду с реконструкцией формы изделия в виде модели из прозрачного шелка адаптирует объект к зрительскому восприятию.

Восстановлению целостности изделий способствовало заполнение утрат полотнища мелкими текстильными фрагментами, не несущими конструктивной нагрузки, и не зафиксиро-

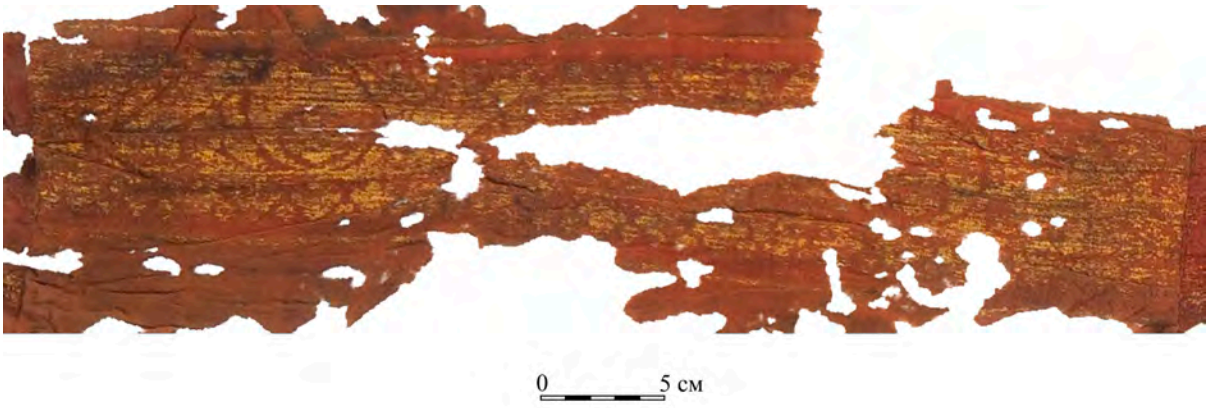
Рис. 8. Реконструкция орнамента на шелковой основе, выполненная в технике холодного батика, под прозрачной тканью модели.

Рис. 9. Женский халат из могильника Тингутинский I после завершения консервации.

ванными *in situ*. Основанием для размещения этих фрагментов на шаблоне являлось их соответствие крупным частям по цвету, плотности, характеру ткацких ошибок, ширине припусков на швы, наличию или отсутствию в швах кромки (Kazmina 2018). При крайней степени повреждения текстиля из Тингутинского I могильника, в результате консервации и дублирования на основу мелких фрагментов удалось восстановить значительную площадь первоначальной ткани практически всех изделий.

Для уменьшения напряжения археологической ткани в процессе хранения, а также с целью придания экспозиционного вида объемным текстильным объектам и подчеркивания их пространственной формы, изготовлена подкладка из искусственного шелка. Выкроенная в соответствии с макетом изделий и соединенная закрытыми стачными швами, подкладка сдублирована с прозрачным шаблоном только в отдельных точках конструктивных линий и по низу изделия для ее беспрепятственного извлечения при необходимости (рис. 9).

В результате проведенных работ текстильные находки из Тингутинского I могильника не воссозданы в их первоначальном виде, а законсервированы в том состоянии, в котором они сохранились, и адаптированы к использованию в музейной экспозиции без искажения их исторической подлинности.



Дискурс

Состоявшие на службе у монголов представители Золотой Орды носили костюмы, изготовленные из затканных золотом шелковых тканей, драгоценных мехов и тонко выделанных кож. Независимо от этнической принадлежности, их платье соответствовало монгольскому имперскому стилю.

Женщина, погребенная в Тингутинском I могильнике, была одета в характерный для знатных монголок широкий халат из шелковой ткани красного цвета с декором в виде узорной полосы на подоле и так называемого облачного воротника на полочках, спинке и рукавах (рис. 10). Таким декором, как правило, украшали халаты высших монгольских правителей и монгольской аристократии. Подобным образом украшена одежда жен хана династии Юань Бабуши и Будашири, изображенных на Мандале Ямантака из музея Метрополитен (1992, 54). Особенностью тингутинского халата является также то, что узор выткан нитями из плоской полоски животной субстанции, позолоченной с обеих сторон. В большинстве случаев в погребениях кочевников встречаются ткани с узорными плоскими нитями, покрытыми золотом только с одной стороны. Основная ткань халата первоначально была окрашена красителем, содержащим пурпурин и ализарин по железной протраве.

Воротник халата из тингутинского захоронения, как и манжеты на его рукавах, были изготовлены из шелковых полосок монохромных и узорных тканей разной ширины. Внешняя часть воротника и манжет шириной 5,2 см выкроены из шелковой монохромной ткани полотняного переплетения (рис. 11). Более узкая, около 3 см, внутренняя часть воротника собрана из фрагментов разных тканей, вытканных в технике лампас с цветочно-геометрическими мотивами и дополнена кусками ткани сложного комбинированного переплетения, сочетающего узорное ткачество (кэсы) и полотняное переплетение с брошировочными узорными утками (рис. 12). Для манжет также использовали один из видов узорного

Рис. 10. Основная ткань халата с фрагментами узора, вытканного плоской золотой нитью.

Рис. 11. Фрагмент воротника. Внешняя широкая полоска из шелковой ткани полотняного переплетения, узкая внутренняя полоска из шелковой ткани, вытканной в технике лампас.

Рис. 12. Фрагмент внутренней полоски воротника из шелковой ткани полотняного переплетения, сочетающего гобеленовую технику (кэсы) и полотняное переплетение с брошировочным утком.

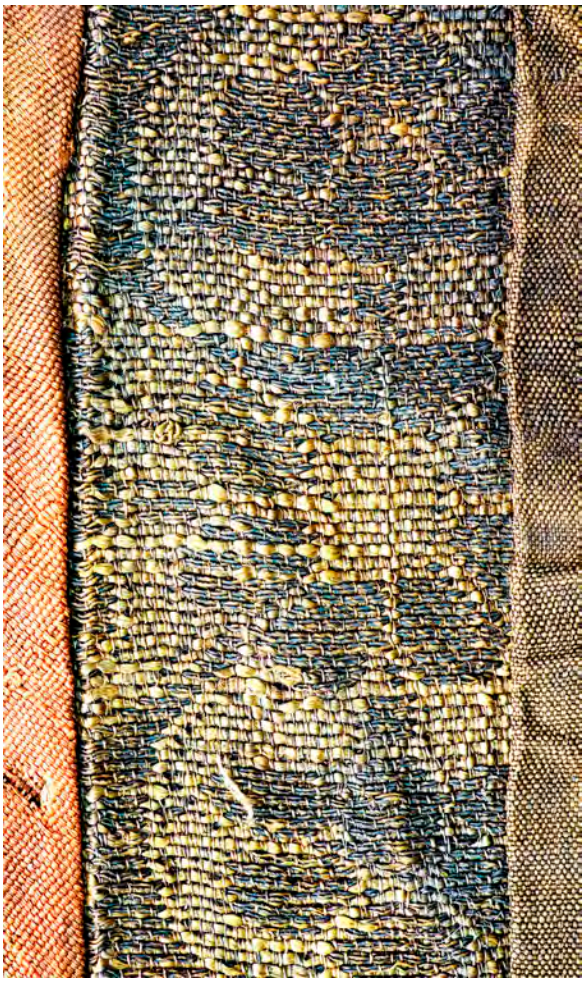


Рис. 13. Фрагмент ткани, вытканной в технике лампас с цветочными мотивами от внутренней полоски воротника и манжет.

лампаса, прослеженного на внутренней полоске воротника (рис. 13).

Среди остатков халата, в ногах погребенной, находились широкие шелковые полоски ткани с золотой нитью, сшитые под острым углом, которыми, по всей видимости, были украшены верхние края обуви или специальные чехлы, надевавшиеся поверх сапог (рис. 14). Края полосок с обеих сторон отделаны сутажом свето-коричневого и зеленого цвета, представляющим собой скрепленные вместе шелковые шнуры, скрученные в разных направлениях S и Z. Шнуры скреплены шелковыми нитями, которыми они пришиты к ткани. Ткань выткана полотняным переплетением с дополнительным золотым утком. Из-за практически полной утраты узорообразующего утка орнамент не прослеживается. Ткань окрашена красителем, содержащим пурпурин и ализарин, по железной протраве.

Обязательным элементом костюма замужней женщины в империи был боктаг – высокий и сложный головной убор на берестяном каркасе, состоящий из нескольких элементов. Жен монгольских ханов на официальных портретах всегда изображали в боктаг. В тингутинское погребение были положены основные части этого головного убора: верхняя шапочка в виде мягкого колпака (рис. 15), навершие (рис. 16-17), внутренняя шапочка для его фиксации (рис. 18) и, предположительно, покрывало или фата (рис. 19).

Для верхней шапочки использовали шелковую ткань желтого цвета с вытканным золотой нитью узором; завязки сделаны из шелкового газа. По сохранившимся фрагментам

Рис. 14. Текстильный декор обуви.

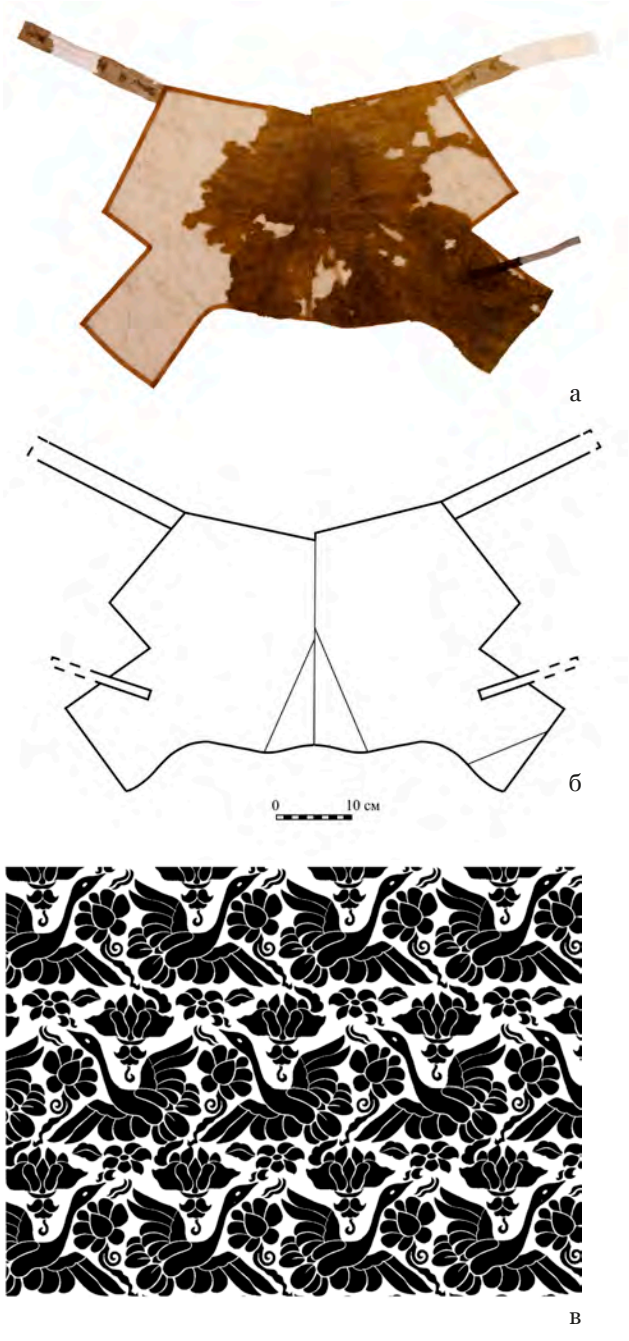


Рис. 15. Верхняя шапочка (а), выкройка (б) и прорисовка орнамента ткани (в).

реконструируется форма, напоминающая реальные шапочки в виде шелкового колпака с небольшим козырьком, фигурно вырезанными наушниками и назатыльником, известные по находкам в других археологических памятниках. Однако форма шапочек в погребениях могильников Тингутинский I и Рябичев упрощена и скорее подражает, нежели воспроизводит конструкцию реальных головных уборов.

К деталям навершия относятся фрагменты очень тонкого шелкового текстиля полотняного переплетения (рис. 16), сшитые с затканной серебряными нитями тканью (рис. 17) подтрапециевидной формы со скругленными углами, и обломки одревесневшего прутика (рис. 2), полностью укладывающиеся по контуру ткани с серебром. Аналогичный прутик был зафиксирован *in situ*, вшитым в

верхнюю часть навершия головного убора в могильнике Рябичев. В обоих случаях прутик поддерживал цилиндрическую форму предмета с широким верхом, который, пользуясь архитектурной терминологией Рубрука, описавшего монгольскую бокку, должен был походить на некую колонну с капителью (Рубрук 1957, 100). Однако при отсутствии берестяного каркаса один тонкий прутик создавал только иллюзию формы, но не придавал конструкции реальную жесткость. Полотняный шелк, пришитый к краю ткани с серебряной нитью, прослеживается не по всему контуру куска, а только частично, что также наводит на мысль об имитации конструкции.

Высокое цилиндрическое навершие бокки, как правило, фиксировали с помощью внутренней шапочки с завязками, которые на портретах знатных монголок изображены с жемчужными украшениями ромбической формы. В тингутинском погребении сохранились части этого приспособления с лентами-завязками, со следами крепления к ним ромбических украшений (рис. 18). Самих же украшений в погребении не было. Возможно, следы их крепления к завязкам являются свидетельством прижизненного использования этой части бокки.

На изобразительных источниках отчетливо прослеживается покрывало, спускающееся из-под верхней шапочки. На хорошо сохранившемся головном уборе из Китайского Национального Музея шелка (№3590) покрывало прямоугольной формы прикреплено к основанию навершия. В тингутинском погребении с таким покрывалом ассоциированы фрагменты очень тонкого шелка редкого полотняного переплетения (рис. 19), находившиеся среди других фрагментов головного убора. Реконструируемый объект соответствует китайскому аналогу по форме и размерам[2], однако из-за качества ткани его следует рассматривать скорее как имитацию.

Все части головного убора из тингутинского погребения, как и аналогичные находки в могильнике Рябичев, выполнены небрежно, неряшливыми швами, как бы «на скорую руку», что укрепляет мнение об имитации этих изделий.

[2] Наиболее крупный фрагмент покрывала из тингутинского погребения – 51×28 см, а размеры покрывала боктаг из CNMS – 54×51 см.

Рис. 16. Навершие боктаг; ткань, имитирующая цилиндрическую часть.

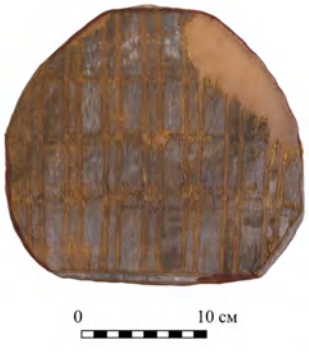


Рис. 17. Навершие боктаг; ткань с серебряной нитью от верхней части капители.

Рис. 18. Внутренняя шапочка для крепления навершия.

Рис. 19. Шелковое покрывало или фата (?).

Замещение в погребальном ритуале могильников Рябичев и Тингутинский реального головного убора имитационными деталями можно было бы связать с его материальной и символической ценностью, если бы не находки реальных боктаг на берестяном каркасе, выполненных из золототканных шелков с металлическим и жемчужным декором в целом ряде погребальных памятников.

Истинная причина, по которой женщины, погребенные в могильниках Рябичев и Тингутинский I, не удостоились настоящего головного убора остается пока неясной. Однако то, что все присущие ему детали уложили в могилу, свидетельствует о значимом месте боктаг в комплексе золотоордынского женского костюма.

Особое внимание следует обратить на топографию деталей боктаг в погребениях могильников Рябичев и Тингутинский I.

В могильнике Рябичев три основные части головного убора лежали на лице погребенной, под головой и рядом с черепом, что, возможно, следует расценивать как умышленную деконструкцию головного убора, связанную с ритуальными действиями, направленными на наделение умершей признаками нового состояния, отличного от состояния живых. Эта гипотеза подкрепляется зафиксированным изменением запáха верхней одежды умершей в процессе погребального ритуала[3].

В соответствии с фотофиксацией предметов погребального инвентаря, представленной в археологическом отчете раскопок Тингутинского I могильника, ткани от навершия прослежены в верхней части свода черепа (Цыбрий 2015, 154, рис. 113), но реальное положе-

[3] Правая пола шубы лежала in situ поверх левой. На изменение запáха при погребении указывают особенности левой полы шубы, полностью выкроенной из основной шелковой ткани, которая была орнаментирована изображениями львов, окруженных облаками. При этом правая пола скомбинирована из основного шелка и монохромной ткани полотняного переплетения. К тому же, на шубе сохранились завязки, с помощью которых левую полу фиксировали сверху правой при жизни погребенной. Следовательно, владелица шубы при жизни носила ее так, что левая пола была верхней, то есть шуба запахивалась на правую сторону.

ние этой детали, как и других частей боктаг относительно головы умершей женщины, по фотографии не восстанавливается. Однако, судя по тому, что элементы боктаг из тингутинского захоронения аналогичны находкам из могильника Рябичев, можно полагать, что они также символизировали разрушение головного убора в процессе погребального ритуала. Исследователь костюма средневековых монголов У. Эрдэнэбат обратил внимание на то, что в большинстве известных ему памятников с боккой «верхние и нижние части бохтаг были всегда отделены друг от друга и уложены» (Erdenebat 2009, 41).

Важно подчеркнуть, что навершия из погребений в могильниках Рябичев и Тингутинский I воспроизводят форму головных уборов с расширяющимся верхом, изображенных на портретах императриц династии Юань, а также известным по археологическим находкам берестяных каркасов в лесостепной зоне Алтая, на Тянь-Шане, Забайкалье и Центральной Монголии, а не в форме «сапожка» или «утиного клюва», наиболее характерной для боктаг из золотоордынских памятников Поволжья.

Имевшиеся до недавнего времени источники позволяли сделать заключение о превалировании в памятниках династии Юань и Ильханата головных уборов с навершием в виде колонны с капителью, в то время как в золотоордынских памятниках Поволжья доминировали находки боктаг с навершием в виде сапожка (Доде 2008, 54, рис. 1). Однако последние находки в могильниках Рябичев и Тингутинский I показывают, что в Поволжском регионе Золотой Орды также были известны бокки с капителью.

Все ткани, использованные для одежды и головного убора из тингутинского погребения, изготовлены из шелкового сырья. Среди них выделяются шелка с золотой нитью. Шелковые, с разнообразными золотыми орнаментами ткани отражают стиль монгольской эпохи. Их ткали в разных текстильных центрах, где применяли различные ткацкие техники. Часть тканей с золотой нитью из тингутинского погребения вытканы полотняным переплетением с дополнительным утком, проходящим по всей ширине ткацкого куска. Такая техника наиболее характерна для китайской

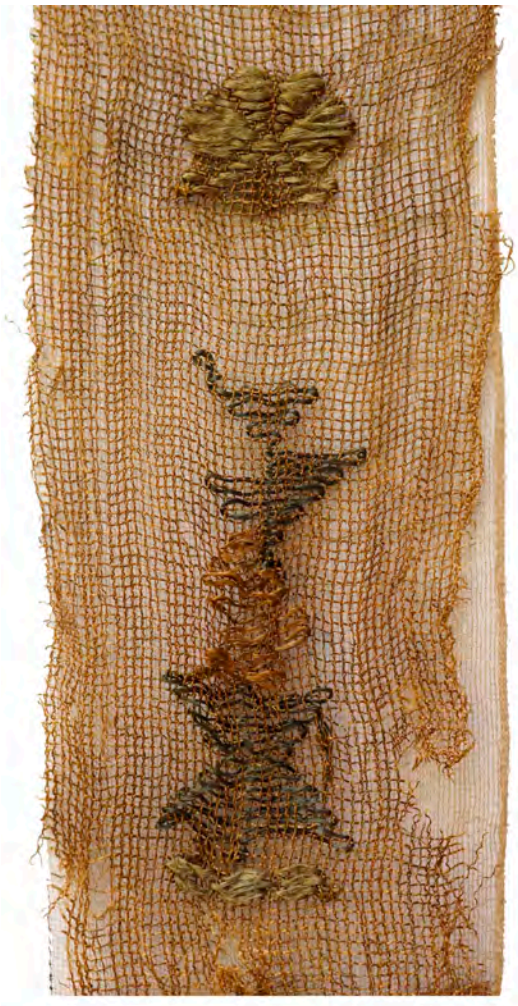


Рис. 20. Завязки верхней шапочки (фрагмент).

ткацкой традиции, которую поддерживает и вытканный на верхней шапочке узор, с типичными для китайского искусства образами гусей или лебедей в окружении цветов, листьев и плодов водяного ореха (Доде 2007, 102-103) (рис. 15/б).

Ткань в отделке воротника халата, вытканная в гобеленовой технике (кэсы), и газ, использованный для завязок головного убора, по всей вероятности, также были изготовлены в китайских ткацких центрах. Особое внимание следует обратить на ткань верхних завязок головного убора (рис. 20). Этот простой газ с орнаментом, сочетающим изображения бабочек и цветов, вытканных брошировочным утком, вызывает ассоциации с газовыми тканями, названия которых встречаются в письменных документах династии Юань – «рыба в воде», «три красавицы», «будда Гуанин», «три коле-

са (закона)», «цветочный газ», «персиковый газ», «земляной газ» и другие (Congwen 1995, 443). Перевод этих поэтических названий в технологическую плоскость, необходимую для понимания структуры и атрибуции этих тканей, пока не осуществлен. Сопоставление встречающихся в китайских источниках текстильных названий с археологическими данными все еще требует дальнейших исследований. Возможно, тингутинская находка – реальный шаг на этом пути.

Подробное описание и результаты технологического анализа шелковых и хлопковых тканей из данного памятника рассматриваются в готовящейся монографии автора «Шелковая Орда: ткани и костюмы кочевников Монгольской империи».

Библиография

Доде 2007: З.В. Доде, Бестиарий на «монгольских» шелках. Стиль и семантика дизайна. Археология, этнография и антропология Евразии 2007, 100-113.

Доде 2008: З.В. Доде, К вопросу о боктаг. РА 4, 2008, 52-63.

Доде 2009: З.В. Доде, Женский костюм из золотоордынского захоронения у хутора Рябичев. Предварительные замечания. В сб.: (Ред. А.В. Захаров) Труды археологического научно-исследовательского бюро IV (Ростов-на-Дону 2009), 18-19.

Ларенок, Ларенок: В.А. Ларенок, П.А. Ларенок, Курганы с погребениями золотоордынского времени могильника «Тингутинский-I» Волгоградской области. В сб.: Научная конференция, посвященная памяти Н.В. Хабаровой. Волгоград, 15.02.2018 (в печати).

Парусимов 2009: И.Н. Парусимов, Раскопки курганов могильника Рябичев. В сб.: (Ред. А.В. Захаров) Труды археологического научно-исследовательского бюро IV (Ростов-на-Дону 2009), 26-73.

Рубрук 1957: Джованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Ред., вст. ст. и прим. Н.П. Шастиной (Москва 1957).

Цыбрий 2015: А.В. Цыбрий, Отчет о проведении археологических работ (раскопок) на объекте археологического наследия курганном могильнике «Тингутинский I» в Светлоярском районе Волгоградской области (Ростов-на-Дону 2015), 2-43.

Congwen 1995: S. Congwen (ed.), Chugoku kodai no fukushoku kekyu (Studies on clothing and Accessories in Ancient and Medieval China) (Kyoto 1995).

Erdenebat 2009: U. Erdenebat, Altmongolisches Grabbrauchtum – Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei (Bonn 2009).

Kazmina 2018: A. Kazmina, Mongol Robe: Restoration Experience. International Association for the Study of Silk Road Textiles Symposium. Korea National University of Cultural Heritage (KNUCH) in Buyeo, Korea. Nov. 5 – Nov. 10, 2018. In print.

Elemente ale costumului feminin din epoca Hoardei de Aur, din necropola de la Tingutinsk I. Conservare şi concluzii preliminare

Cuvinte-cheie: textile arheologice, migratori medievali, tradiţie de înmormântare, conservarea textilelor arheologice, reconstituire costum, boktag, Hoarda de Aur, Imperiul Mongol.

Rezumat: Autorul introduce în circuitul ştiinţific materiale textile provenite din necropola de la Tingutinsk I, prezentate în contextul unor materiale analogice recuperate dintr-o altă necropolă a Hoardei de Aur, acea de la Rjabicev, a căror curăţare în condiţii de laborator a permis stabilirea tiparelor lor iniţiale. Textilele reprezintă un atribut important al ritualurilor de înmormântare. Caracterul detaliilor şi elementele de consolidate ale acoperământului feminin de cap – *boktag* din cele două necropole, pot fi tratate drept distrugere ritualică a acestora. Formele acoperămintelor de cap feminine din necropolele de la Rjabicev şi Tingutinsk I demonstrează că, în regiunile Hoardei de Aur de pe Volga, erau cunoscute nu doar cele ce aveau forma unui plisc de raţă sau de ciuboţică, dar şi cele de tip *bokka* (cu vârf în formă de capitel). În articol se pune accent pe metodele de bază folosite în conservarea obiectelor textile din necropola de la Tingutinsk I. În scopul stabilizării şi păstrării descoperirilor de textile sunt utilizate materiale neutre, fără implicare în structura de bază a obiectului, fiind marcate doar locurile reconstituite.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Inele din scoarţă de mesteacăn, înfăşurate în pânză de mătase.

Fig. 2. Fragmente ale unei vergele de lemn.
Fig. 3. Amulete din piele, mânerul de lemn al unei periuţe, cureluşe din piele.
Fig. 4. Textile din necropola de la Tingutinsk I, scoase din container, înainte de curăţare şi conservare.
Fig. 5. Tiparul unui halat feminin din necropola de la Tingutinsk I.
Fig. 6. Stofa halatului din necropolă, suprapusă pe un model din mătase transparentă.
Fig. 7. Reconstituirea grafică a ornamentului de pe poalele halatului.
Fig. 8. Reconstituirea ornamentului pe mătase, realizat în tehnica baticului rece, sub stofa transparentă a modelului.
Fig. 9. Halatul feminin din necropola de la Tingutinsk I după conservare.
Fig. 10. Stofa de bază a halatului cu fragmente de ornament, ţesut cu fir de aur.
Fig. 11. Fragment de guler. Fâşia lată exterioară din stofă de mătase în două iţe şi cea interioară îngustă din mătase ţesută în tehnica *lampas*.
Fig. 12. Fragmentul fâşiei interioare a gulerului din mătase în două iţe, combinat cu stofe realizate în alte tehnici.
Fig. 13. Fragment de stofă, ţesută în tehnica *lampas* cu motive florale de pe partea interioară a gulerului şi a manşetelor.
Fig. 14. Decorul textil al încălţămintei.
Fig. 15. Căciuliţa superioară (a), tiparul (b) şi desenul ornamentului stofei (c)
Fig. 16. Partea superioară a *boktag*-ului; stofa, imitând partea cilindrică.
Fig. 17. Partea superioară a *boktag*-ului; stofă cu fir de argint de la partea superioară a capitelului.
Fig. 18. Căciuliţa interioară destinată fixării vârfului.
Fig. 19. Voal de mătase sau fata (?).
Fig. 20. Legături pentru căciuliţa superioară (fragment).

Parts of the Female Costume from a Golden Horde Grave of the Tingutinsky I Kurgan Cemetery. Conservation and preliminary conclusions

Keywords: archaeological textile, medieval nomads, burial rite, preservation of archaeological textile, costume reconstruction, boghtag, Golden Horde, Mongol Empire.

Abstract: This article introduces textile finds discovered in a grave of the Tingutinsky I kurgan cemetery. It is discussed in the context of similar materials from a Golden Horde burial of the Ryabichev kurgan cemetery, where the cloth has well preserved and its original cut was traced as a result of the laboratory cleaning. Textiles are considered as a special attribute of the burial rite. The nature of the details and separation of the elements of the female headdress *boghtag* from both the Tingutinsky and the Ryabichev burials are interpreted as the destruction of the headdress during the funeral process. The shape of the headdress found in these indicates that nomadic females lived in the Volga region of the Golden Horde were also wearing *boghtag* with finial in a form of a capital, and not only in a form of a duck beak or boot. The article focuses on the main methodological methods used for the conservation of textile objects from the Tingutinsky grave. In order to stabilize and preserve textile finds, there were used information neutral materials that mark the reconstructed areas but not violate the authenticity of the objects.

List of illustrations:
Fig. 1. Birch rings covered with silk fabric.
Fig. 2. Fragments of a wooden rod.
Fig. 3. Leather amulets, wooden tassel handle, leather straps.
Fig. 4. Textile from the Tingutinsky I, unpacked before cleaning and conservation.
Fig. 5. Sewing pattern of a female robe from the Tingutinsky I.
Fig. 6. Original robe's fabric duplicated over transparent silk.
Fig. 7. Graphic reconstruction of ornamental pattern on the robe's hem.
Fig. 8. Reconstruction of pattern on the silk base, made in the technique of cold batik, under transparent fabric.
Fig. 9. Woman robe from the Tingutinsky I after conservation.
Fig. 10. The main fabric of the robe with fragments of the pattern woven with flat golden thread.
Fig. 11. Collar fragment. The outer wide silk stipe of tabby weave, and narrow inner stripe woven in lampas technique.
Fig. 12. Fragment of the inner silk stripe from the collar. Combines silk tapestry (kesi) and brocade technique.
Fig. 13. Textile fragment woven in the lampas technique, with flower motives from the inner stripe of the collar and cuffs.
Fig. 14. Textile décor of shoes.

Fig. 15. Top cap (a), pattern (б) and drawing of the textile pattern (в).
Fig. 16. Boghtag finial; textile imitating the cylinder part.
Fig. 17. Boghtag finial; textile with silver thread from the top part of the capital.
Fig. 18. Inner cap for the fastening of the finial.
Fig. 19. Silk covering or veil (?).
Fig. 20. Strings from the top cap (fragment).

20.06.2018

Др. Звездана Доде, Южный Научный Центр Российской Академии Наук, пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: zvezdana_dode@yahoo.com

РЫЦАРСКОЕ НАДГРОБИЕ ИЗ КОРОЛЁВСКОГО ЗАМКА НЯЛАБ

Игорь Прохненко
Мария Жиленко

Ключевые слова: рыцарские надгробия, Королёвский замок Нялаб, Перени, Джованни Далмата.

Закарпатская обл. Украины входит в особый историко-географический микрорегион в северо-восточной части Карпато-Дунайского ареала, климатическое и ландшафтное своеобразие которого определило его сравнительно слабую заселённость в сравнении с соседними территориями практически во все периоды древней и средневековой истории. Каждое ощутимое увеличение численности местного населения было связано не с внутренними демографическими процессами, а с внешними инвазиями в результате определённых обострений ситуации в Европе, в ходе которых массы людей были вынуждены искать спасения на отдалённых от культурных центров заболоченных, лесистых землях с повышенной влажностью под Карпатскими горами.

Новые поселенцы обычно приносили в горное Потисье передовые идеи и технологии, что заметно отличало их на фоне автохтонных жителей края, контакты с которыми приводили к появлению новых синкретических явлений в местной материальной культуре. Один из наиболее ярких периодов её развития в регионе – эпоха позднего Средневековья и раннего Нового времени. Именно тогда в условиях турецко-венгерско-австрийского противостояния в Карпато-Дунайском ареале его окраинные северо-восточные земли стали привлекательными для сравнительно безопасного проживания, что привело к значительному притоку сюда нового населения, развитию ремёсел и торговли, росту объёмов капитального строительства (застройка городов и посёлков, замков, дворцов, церквей и монастырей).

Среди памятников Закарпатья этого времени мощным культурным слоем отличается замок Нялаб, расположенный на северо-западной окраине посёлка Королёво Виноградовского района. Высота замковой горы 52 м. С её вершины отлично просматривается долина р. Тисы, протекающей в 300 м от подножья. Центр крепости, площадью 52×47 м, в плане приближённой к овальной форме, находится в северо-западной части верхней террасы горы. Расположенные по периметру жилые помещения окружают небольшой внутренний дворик с колодцем (рис. 1). В 20 м от основного замкового сооружения проходила дополнительная оборонительная линия с постройкой прямоугольной формы. Основную и вспомогательную системы укреплений соединял мост, построенный на массивной каменной опоре с арочным сводом в центральной части. Дополнительную защитную линию окружал ров. Для контроля грунтовой дороги – единственного удобного подхода к замку, на северо-восточной окраине урочища, на отдалении от основного архитектурного комплекса, возведён бастион клиновидной формы.

Письменные источники свидетельствуют о функционировании крепости на северо-востоке Венгерского королевства с конца XIII по третью четверть XVII века. За это время укрепление часто меняло собственников. В частности в эпоху Ласло IV (1272-1290 гг.) оно принадлежало роду Убулфи. В начале XIV в. им владел магнат Беке Боршо, а после восстания Матея Чака (1312 г.) против венгерского короля Карла Роберта Анжуйского (1301/1310-1342 гг.) в 1315 г. оно перешло в руки бережского жупана Томаша. В последней четверти XIV в. король Людовик Великий (1342-1382 гг.) передал замок молдавским вельможам Балку и Драгу, а в 1403 г. король Сигизмунд (1387-1437 гг.) подарил его Петру Перени. Кроме короткого отрезка времени во второй половине XV в., когда укрепление формально принадлежало братьям Батори, Нялаб до конца своего существования оставался в руках

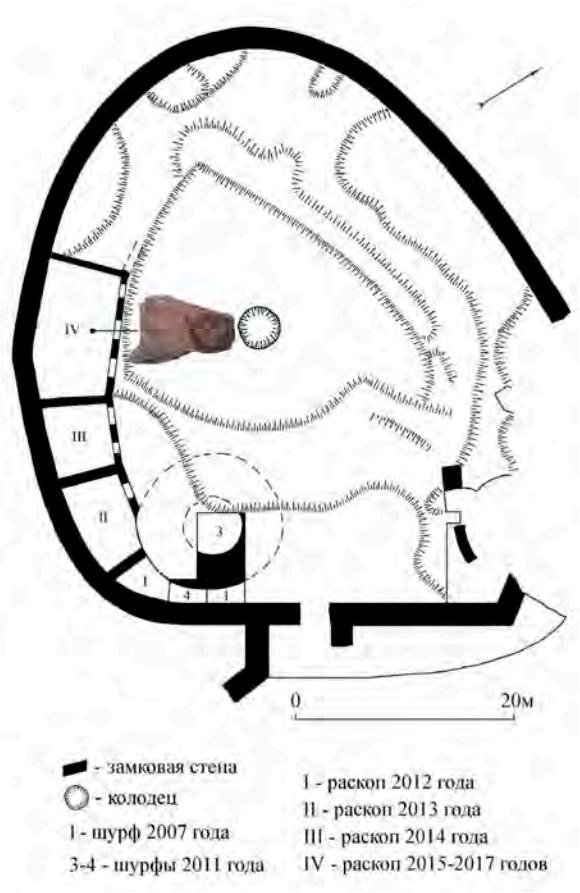


Рис. 1. Центральная часть Королёвского замка Нялаб. Место находки фрагмента рыцарского надгробия.

Перени. Заключительный этап истории этого сооружения связан с событиями после восстания Ференца Вешшелени 60-х гг. XVII в., в котором участвовали несколько угочанских родов. Для контроля над регионом австрийский император Леопольд I (1655-1687 гг.) разместил в Королёвской крепости гарнизон во главе с Конрадом Мейером Бранденбургским. В конце 1671 – начале 1672 гг. стены Нялаба были взорваны, после чего он больше не восстанавливался.

Несмотря на насыщенную событиями историю замка, до недавнего времени на его территории и в ближайшей округе проводились лишь периодические незначительные археологические поиски. Они осуществлялись местными энтузиастами, передавшими часть обнаруженных находок в Венгерский национальный музей (г. Будапешт) в 1859 и 1881 гг., сотрудниками Музея Природы (г. Киев) в 80-х гг. и сотрудниками Украинского специального научно-реставрационного института «Укрзападпроектреставрация» (г. Львов) в начале 90-х гг. прошлого века.

Систематизированное археологическое исследование памятника началось с 2007 года. В полевых сезонах 2007, 2011-2017 годов экспедиция Ужгородского национального университета изучала планировку замка и его стратиграфию. Анализ полученной коллекции вещевого материала свидетельствует о жизнедеятельности на укреплённом пункте с начала XIV по середину XVII в., что в основном совпадает с информацией письменных источников.

Зафиксированная в центральной части памятника мощность культурного слоя составляла от 4,5 до 5 м, а стратиграфические наблюдения позволили выделить в исследованных помещениях два основных горизонта (до и после разрушения стен). Верхний – это массивные обломки стен, завалы крупных андезитовых камней, штукатурки и кирпичей, однородной массой заполнивших замковые комнаты после взрывов. Нижний горизонт соответственно залегал ниже уровня пола помещений. Состоял он из глины со значительным содержанием мелкого строительного мусора (штукатурка, обломки кирпичей, камни). Его заполнение составляли фрагменты керамики и индивидуальные находки XIV-XVI вв.

В полевом сезоне 2015 года возле юго-западной стены основного замкового сооружения заложили раскоп IV. Восточным профилем он примыкал к раскопу III, где в 2014 году была исследована комната 2 (рис. 1). В ходе разборки верхней части завалов камней удалось ограничить площадь раскопа IV стенами помещения 3 (81,6 м^2). На сегодняшний день из исследованных на Королёвском замке оно наибольшее. Изученные ранее хозяйственное помещение, комнаты 1 и 2 были значительно меньшими – 7,1; 26,56 и 36,5 м^2 соответственно.

Помещение 3 в плане четырёхугольной формы. Его юго-западная стена, длиной 12,3 м, которая одновременно была внешней стеной центральной части укреплений, чуть закруглена с изгибом на внешнюю сторону. Длина юго-восточной стены – 6 м, северо-восточной – 12,1 м, северо-западной – 7,1 м. Вход и два окна с шириной проёмов 1,6 м находились на северо-восточной стене со стороны внутреннего замкового дворика (рис. 1). В восточ-

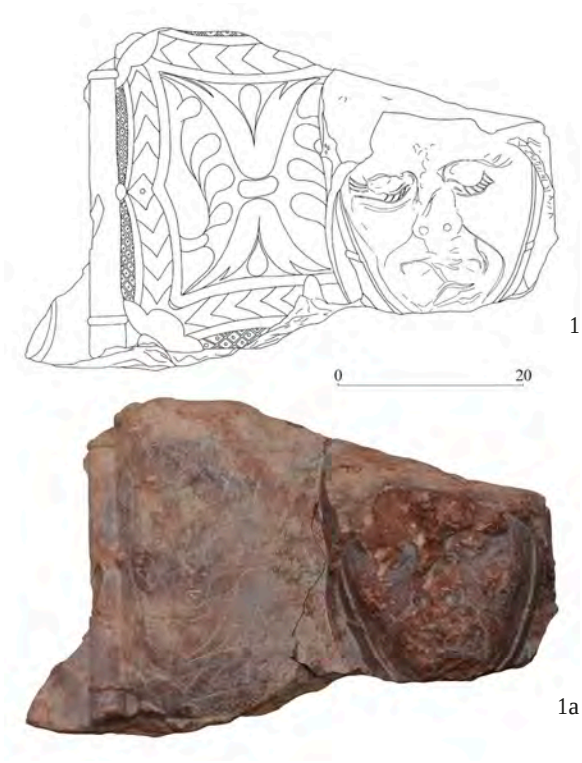


Рис. 2. Обломок рыцарского надгробия с Королёвского замка Нялаб: 1 - графика; 1а - фото.

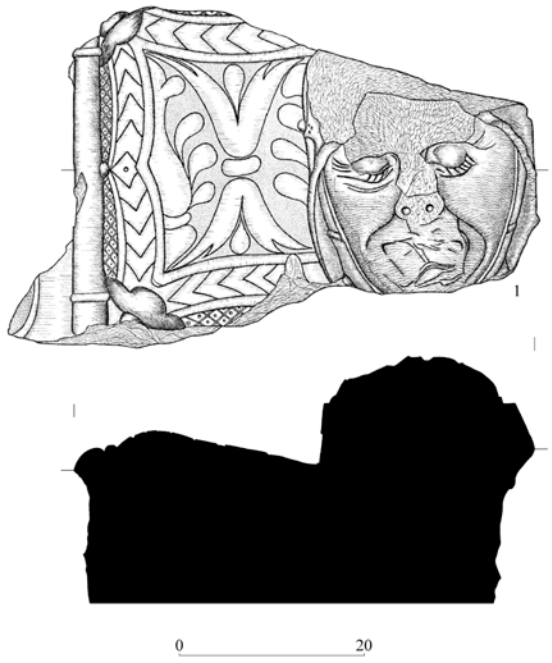


Рис. 3. Обломок рыцарского надгробия с Королёвского замка Нялаб.

ном углу помещения стена выступает внутрь, образовывая небольшую кабинку размером 1,84 м^2 (0,8×2,3 м). На большей плоскости этого выступа выявлены следы замурованного входа, функционировавшего, скорее всего, до реконструкции замка в конце XVI в.

Прослеженная на этом участке стратиграфическая ситуация в общих чертах подобна зафиксированной в других помещениях замка. Скопления мусора XX века концентрировались только возле южной, наиболее сохранившейся стены. Они были насыпаны на поверхность без её разрушения, поэтому не учитываются при анализе стратиграфических горизонтов. До глубины 2,0 м от репера залегали завалы камней и штукатурки, образовавшиеся после взрывов стен. Верхние слои завалов стен, до глубины 1,0 м, инвентаря не содержали. В нижней части горизонта (1,0-2,0 м) обнаружено незначительное количество фрагментов керамической посуды и обломков кафеля XVI-XVII вв. Из индивидуальных находок горизонта выделим польскую монету Сигизмунда Старого (1506-1548 гг.), вытянутую медную пластину с фигурным завершением (вероятно, стрелка от часов), половину свинцовой товарной текстильной пломбы с буквами S и T, обломки двух рукояток столовых приборов и три железные пули.

Завалы подстилал слой хорошо отмученной глины, в котором не зафиксировано ни одного керамического обломка, но обнаружен чёткий хроноиндикатор – монета императора Леопольда I, датированная 1662 годом. Находка была в верхней части прослойки глины, в 5,0 см вглубь от её поверхности. Также необходимо отметить, что эта вязкая глина без инвентаря не фиксируется в восточных квадратах раскопа, а, начинаясь с середины комнаты тонким слоем, набирает значительную мощность (иногда до 0,4-0,5 м) в западных квадратах. Вероятнее всего, эта глина в период использования комнаты исполняла роль теплоизоляционного перекрытия потолка, которое вместе с каркасной деревянной конструкцией рухнуло во время разрушения сооружения. Различная мощность этой прослойки и увеличение её толщины в направлении

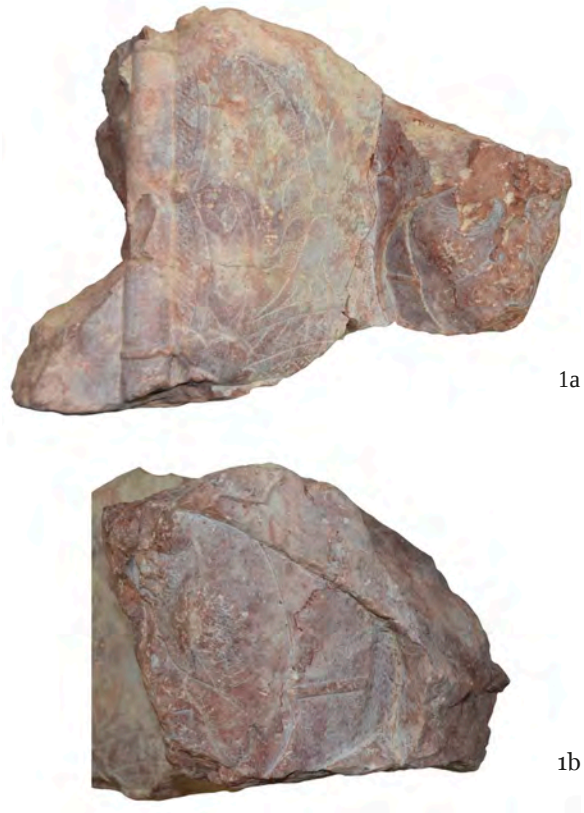


Рис. 4. Обломок рыцарского надгробия с Королёвского замка Нялаб: 1a - вид с левой стороны; 1b - вид с правой стороны.

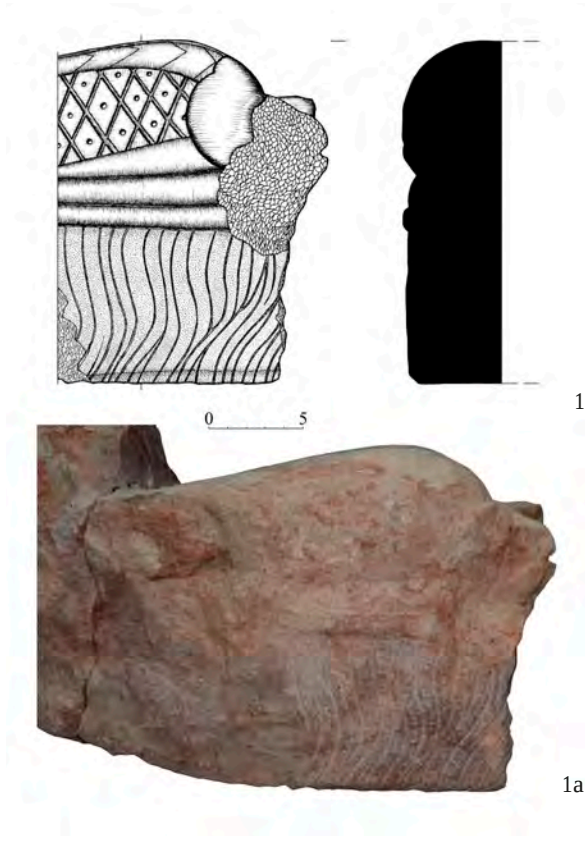


Рис. 5. Обломок рыцарского надгробия с Королёвского замка Нялаб. Верхний край.

от восточных к западным квадратам позволяет говорить, что перекрытие сначала было разрушено возле дверей, куда и ссыпалась сверху большая часть грунта. Такая стратиграфическая ситуация свидетельствует, что после этого солдаты гарнизона Конрада Мейера Бранденбургского приступили к разрушению самих стен, в результате чего в горизонт попали элементы оконных и дверного каменных перекрытий, а также другие декорированные элементы.

Под завалом потолка на всей площади залегал горизонт, образованный в результате использования помещения 3. Он состоял из глинобитного пола, усыпанного равномерным слоем керамики. Возле стен фиксировались скопления индивидуальных находок. Значительная их часть была связана с литьём цветных металлов, в том числе и с целью изготовления фальшивых монет, несколько готовых сложенных в стопку экземпляров которых также были обнаружены здесь. Кроме оплавленных кусочков бронзы различных размеров, олова и свинца, была обнаружена и группа вещей, которые условно можно назвать «сырьём литейщика». Это и массивные фрагменты пушек (5 шт.), и специально смятый серебряный перстень, и сложенная дважды до состояния четвертинки монета Фердинанда I (1531 г.), позволяющая датировать весь комплекс и производство, и значительное количество других мелких изделий из цветных металлов. Особенное скопление подготовленных к литью вещей фиксируется в юго-западном углу сооружения, где, вероятнее всего, и находился «склад» этого лома, который частями пускали на переплавку. Возле западной стены комнаты обнаружена и кучка инвентаря, в состав которой входили связанные с чеканкой четыре предмета. Это скрученная в трубочку бронзовая пластина, на которую ставили бронзовую шайбу-муфту с формой для чеканки в середине верхней плоскости, повреждённая бронзовая заготовка для чеканки (круглая пластина диаметром 24,0 мм, который соответствует рабочему диаметру муфты) и железный массивный чекан

с рабочей ударной поверхностью также соответствующего диаметра.

Особое внимание во время исследования помещения № 3 Королёвского замка Нялаб привлёк обломок надгробной плиты, изготовленной из красного мраморизированного известняка. Обнаружен он в слое XVI-XVII веков. Небольшой, но массивный (60,02 кг) фрагмент надгробия найден под завалами стен, разрушенных австрийскими солдатами в 1671/2 гг.

Рядом с эпитафием лежали плиты оконного перекрытия конца XVI в. с элементами декора и надписями. В первую очередь это фрагменты шлифованных рельефных каменных плит – элементов интерьера. Кроме мелких обломков туфовых блоков с выпуклыми буквами, присутствуют элементы двух оконных декоров в виде соединённых арок. На одном из них (состоял из пяти обломков) кроме растительной орнаментации (цветы) сохранился фрагмент надписи в три рядка: [H]OC OPVS RESTAVRAV[IT] [M]AG(NIFICUS) DOMINVS IOHANES DE PEREN COMES COMITATVS DE VGOCHIA 15( ) KG (это сооружение восстановил добрый господин Янош Перени – жупан комитата Угоча в 15( )). Исходя из конструктивных особенностей оконного декора, характерных для конца XVI в., в надписи, скорее всего, упомянут Янош Перени, ставший жупаном комитата Угоча в 1576 году.

Сложно сказать, при каких условиях часть надгробной плиты конца XV в. попала в более поздний горизонт. Не исключаем, что накануне разрушения крепости солдаты австрийского гарнизона ограбили часовню, где были похоронены хозяева Нялаба. После этого фрагменты разбитого надгробия были перенесены в замковые помещения. Подобных случаев в истории средневекового Венгерского королевства было немало, впрочем, как и в других странах Европы. Иногда для добычи драгоценностей, с которыми были похоронены аристократы, разбивали саркофаги и разрушали их надгробные плиты (не пренебрегали в то время заниматься этим ни мусульмане, ни христиане) (Hankó 2004, 17-19). В отдельных случаях обломки барельефов разбирали и использовали для строительства, украшения или укрепления замковых стен, поэтому во время раскопок они попадаются в довольно неожиданных местах (Lővei 2015, 89-91).

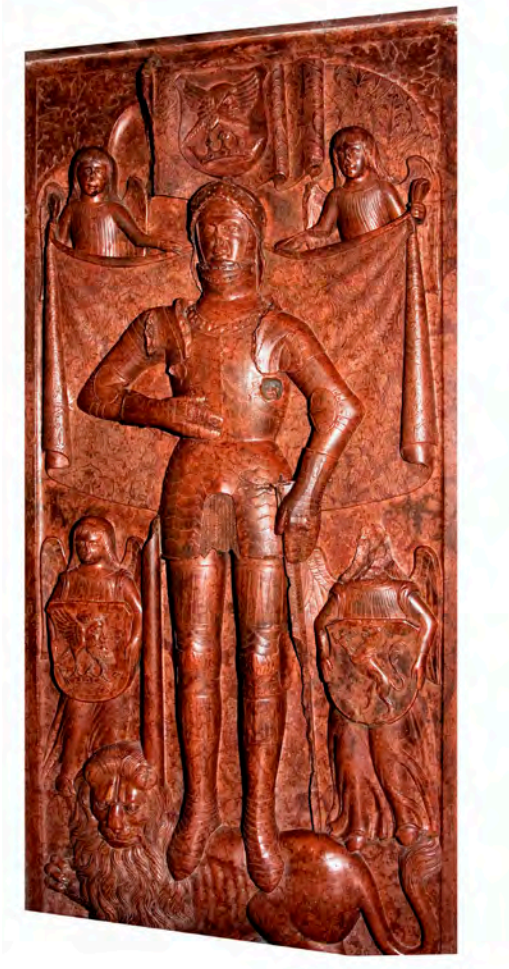


Рис. 6. Надгробие Иштвана Перени († 1483/7 г.).

Фрагмент плиты из красного мраморизированного известняка – это середина верхней части надгробия, на котором изображена лежащая на подушке голова рыцаря в шлеме (рис. 2-4). Возле подушки, слева от рыцаря, фрагмент копья или флагштока, а под флагом хорошо видно укрытое тканью смертное ложе. Единственная полностью сохранённая часть надгробия – верхний край над головой покойника, на котором отлично видна свисающая со смертного ложа бахрома на ткани (рис. 5). Благодаря этому понятно, что вокруг плиты не было ни одной надписи или обрамления, она накрывала саркофаг.

Полотнище к флагштоку крепилось при помощи петель, две из которых хорошо видны на обломке. Из орнамента на флаге просматривается только выгнутая полоска, возможно, нижняя часть гербового щита.

Рис. 7. Надгробие Имре Саполяи († 1487 г.).

Рис. 8. Надгробие Иштвана Батори († 1493 г.).

Поверхность подушки покрывает двойная наволочка: нижний слой ажурный, а над ним слой ренессансной парчи с растительным орнаментом, украшенный с боков и посередине пуговицами и бахромой, собранной в углах так, чтоб просматривался нижний слой наволочки.

Изображение умершего на барельефе сохранилось частично. Сильно повреждены лоб, глаза, нос, губы и подбородок. В то же время о высокохудожественном исполнении надгробия свидетельствуют морщины на лице, проступающие вокруг глаз и рта чёткими врезными линиями.

На голове умершего – шлем типа салад (salade). Несмотря на повреждения барельефа, в области скул чётко видны заклёпки, при помощи которых забрала крепились к шлему. Хорошо выделяется на изображении и подшлемник. Только на основе характерных особенностей шлема мы можем датировать надгробие серединой XV – 20-ми годами XVI в. (Prohnenko, Zsilenko, Buzás 2015, 9-10). Кроме того, необходимо рассмотреть другие характерные черты камня, по которым его можно отнести к особой группе рыцарских надгробий на территории средневекового Венгерского королевства.

Первые надгробия с изображением рыцаря в полный рост в Европе известны уже в XIII-XIV вв., но в Венгрии они широко распространились лишь с последней четверти XV в. (Magyarországi 1987, 340-341). Изготовленные в диапазоне 1480-1530 гг. экземпляры по отдельным признакам исследователи выделяют в три большие хронологические группы. Первая, наиболее ранняя – надгробия, изготовленные в последние годы правления короля Матьяша

Хуньяди, в 1480-х гг. Наиболее репрезентативным представителем этой группы является надгробие умершего в 1487 г. Имре Саполяи (рис. 7). К этому же временному диапазону относится надгробие без надписи из Требишова, как считали раньше, умершего в 1519 г. палатина Имре Перени. Недавно П. Лёвеи доказал, что надгробие более раннее, и принадлежало оно отцу вельможи, камерарию Иштвану Перени, умершему между 1483-87 годами (Lővei 2009, 340-342) (рис. 6). Композиции надгробий похожи: на обоих изображены рыцари в позднеготических доспехах немецкого типа и шлемах салад. Правая рука лежит на груди под мышкой, рядом – копьё, на конце которого флаг с гербом. Левая рука положена на рукоять меча. Над головой рыцаря два ангела разворачивают короткий плащ, а рядом с воином ангелочки держат гербовые щиты. Ноги рыцаря поставлены на спину льва. Детали исполнения композиций (конструкция готической арки над головами рыцарей, масштабы изображения ангелов и львов) свидетельствуют о том, что памятники были сделаны разными мастерами. Недавно, в результате раскопок Р. Кертеса в г. Солнок, был обнаружен ещё один фрагмент надгробия из красного мрамора, которое, скорее всего, также выступает составляющей этой группы памятников. Надгробие было сделано для умершего в 1483 г. королевского конюшего Имре Палоци (Kerestész, Mezey 2015). Сохранился лишь фрагмент готических доспехов, но по технике исполнения находка очень схожа с требишовским надгробием Перени, поэтому не исключено, что памятники изготовил один скульптор.

Не следует забывать, что чёткая датировка надгробных памятников не всегда возможна, так как их могли заказывать и потомки, и сам собственник при жизни, поэтому время между изготовлением надгробия и смертью могло составлять несколько лет, а в отдельных случаях и десятилетий. Вместе с тем в стилистически однородной группе, благодаря датам смерти, указанным на надгробиях или определённым по другим источникам, можно довольно чётко обозначить хронологию их изготовления. Исходя из этого, годы смерти владельцев надгробий первой группы: Имре Палоци (†1483), Иштван Перени (†1483/87), Имре Саполяи (†1487), то есть мы можем их датировать в пределах 1480-х гг.

Вторая группа венгерских рыцарских надгробий, несмотря на определённую связь с памятниками эпохи Матьяша, представлена новыми формами и стилистическими решениями. Наиболее чётко эту группу представляет надгробие умершего в 1493 г. воеводы Иштвана Батори в Нирбаторе (Buzás 2009, 502-507) (рис. 8). Здесь также изображён рыцарь в готических немецких доспехах, в шлеме салад, с символом ордена Дракона на груди и львом под ногами, но в деталях исполнения наблюдаем существенные различия. Флаг не развивается над головой рыцаря, а очень реалистично покрывает смертное ложе. Новой деталью является подушка под головой умершего, покрытая двойной наволочкой из парчи с бахромой. Щит с гербом на композиции держат не ангелы – он опирается на меч. В этом случае мы видим не символическое готическое изображение, а ренессансный баре-

Рис. 9. Надгробие Пала Кинижи († 1494 г.).

льеф с реалистичным изображением покойника на смертном ложе. Правдоподобность изображения подчёркивает и лев, лежащий в анатомической позе возле ложа (в отличие от неестественного, вывернутого положения на готических надгробиях). Вероятно, надгробие находилось на тумбе из красного мрамора, так как на самой плите надписи отсутствуют.

Много общих черт находим между надгробиями Батори и умершего в 1494 г. Пала Кинижи в Надьважони (рис. 9). Хотя памятник из красного мрамора сохранился лишь фрагментарно, чётко выделяется образ умершего на покрытом тканью смертном ложе. Изображения рыцаря и его оружия расположены, как на надгробии Батори (Éri, Selmayr 2004, 11-17; Buzás 2009, 428-429). Среди отличий необходимо вспомнить в первую очередь фигуру турка под левой ногой усопшего и турецкую саблю рядом с мечом. Доспехи традиционные немецкие готические, но нагрудник типично итальянский с треугольной пластиной. Интересно, что нагрудник был вырезан отдельно и прикреплён к основе при помощи железных штифтов. Возможно, это следы более поздней реставрации, но не исключено, что его изготовили из другого материала. Такое исполнение указывает скорее не на немецкие, а на итальянские доспехи, состоящие из скреплённых между собою ремнями металлических пластин. Шлем – тоже не традиционный немецкий салад, он больше похож на итальянский арме, но с характерным для салада верхом и узкими, ровными забралами (Buzás 2009, 428-429; Prohnenko, Zsilenko, Buzás 2015, 13-14).

Надгробие и в этом случае лежало на ренессансной тумбе, резные элементы которой были обнаружены во время раскопок церкви в Надьважони. Боковые стенки саркофага декорировали барельефы со сценками из биографий святых и надпись буквами антиква. Без сомнения, надгробие Кинижи стилистически очень близко к памятнику Батори, что позволяет говорить о школе, но разница в деталях всё же указывает на то, что работу исполняли разные мастера.

К этой группе принадлежит и надгробие умершего в 1477 г. боснийского короля Миклоша Уйлаки. Как и на надгробии Кинижи, это накрывающая тумбу плита из красного мрамора. Исполнена без архитектонической рамы, с изображением орнаментированного, свисающего с боков, покрывала из парчи. Отсутствие надписи на барельефе свидетельствует о том, что он был расположен на саркофаге. Умерший, как и на надгробии Батори, изображён в готических доспехах немецкого типа. Под головой – подушка с двойной наволочкой из парчи, под ногами лев, но, в отличие от двух предыдущих реалистичных изображений, – в неестественной, вывернутой позе львов на надгробиях эпохи Матьяша (Lővei 2009, 333, 1123-1127 kép).

Вместо одного здесь изображено четыре гербовых щита, один из которых держат ангелочки, а над вторым расположен ещё и шлем. Эти геральдические мотивы существенно уменьшают реалистичность изображения. Среди индивидуальных особенностей надгробия необходимо вспомнить ещё и державу вместо копья с флагом, указывающую на королевский титул умершего.

По своим характеристикам именно к этой, второй группе надгробий принадлежит и нялабский экземпляр. Как и на остальных, смертное ложе покрыто тканью, под головой усопшего – орнаментированная подушка с бахромой, рядом копьё с флагом. Среди индивидуальных черт надгробия в первую очередь выделяется новый тип шлема. Сам барельеф, как и на надгробиях Кинижи и Уйлаки, без архитектонического обрамления, а надпись, вероятно, разместили на боковой части тумбы.

Поскольку находка обнаружена на территории Нялабской крепости, логично искать её собственника среди владельцев замка конца XV века. Королёво в начале столетия в дар за верную службу от короля Сигизмунда получил Петро Перени. Со временем замок стал резиденцией баронской ветви рода. Внук Петра, Янош Перени, упоминается в окружении Беатрисы, после смерти короля Матьяша он стал одной из доверенных особ королевы и благодаря ей в 1490-х гг. существенно расширил свои владения (Tringli 1992, 189-190). Умер Янош Перени в 1493 г. Его сыновья: Иштван был королевским стольником (умер в 1523 г.), а Габор – камерарием (погиб в 1526 г.).

Мнение о том, что наиболее вероятным владельцем нялабского надгробия можно считать именно умершего в 1493 г. Яноша Перени, высказал Г. Бузаш (Prohnenko, Zsilenko, Buzás

Рис. 10. Надгробие Евгения IV.

Рис. 11. Надгробие Павла II.

2015, 15). Своё предположение он аргументирует в первую очередь близкими датами смерти: Янош Перени и Иштван Батори умерли в 1493 г., Пал Кинижи в 1494 г. Миклош Уйлаки умер значительно раньше, в 1477 г. (A Perényi 2008, 314), но надгробие из красного мрамора, вероятно, заказал его сын Левринц Уйлаки. Принц Левринц после смерти короля Матьяша стал одним из руководителей партии Яноша Корвина, а после поражения в битве на Чонтмезе стал на сторону Максимилиана Габсбурга. После отказа последнего от претензий на венгерскую корону, в 1494 г. Левринц стал организатором ещё одного заговора против Владислава II, а когда потерпел поражение, потерял даже родовой замок Уйлак. Вернуть его удалось только в 1496 г., когда и началась стремительная придворная карьера Уйлаки (Fedeles 2012). Вероятно, именно после возвращения родовой резиденции Левринц Уйлаки заказал надгробие для отца, исполненное по моде того времени, подчёркивая тем самым принадлежность к кругу придворных короля Владислава.

Рассматривая эту группу, нужно вспомнить ещё один фрагмент нижней части барельефа с изображением льва в анатомическом положении и упёртой на это животное ноги рыцаря. Ткань, покрывающая смертное ложе, частично накрывает и фигуру льва. С правой стороны расположен щит, копьё отсутствует. Профиль надгробия готический, плита накрывала тумбу. Несмотря на то, что на барельефе изображён рыцарь в доспехах, гербовый щит украшен полоской с кисточками, то есть символом высшего духовенства. Трактуя такое объединение элементов, П. Лёвеи считает, что речь идёт о приоре вранского (ауранского) приората (Lővei 2009, 237) – основного места сосредоточения иоаннитов в Венгерском королевстве. Поскольку эта группа памятников датирована 1490-ми годами, скорее всего, это надгробие Берталана Берисло, возглавлявшего ауранский приорат с 1475 по 1512 гг. Представитель хорватского рода Берисловичей, рыцарь Ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, вместе с Левринцом Уйлаки прини-

Рис. 12. Надгробие Иштвана Саполяи († 1499 г.).

мал участие в заговоре 1494-1495 гг., а после поражения был заключён в тюрьму. Через несколько лет ему удалось вернуть и свободу, и благосклонность короля, и до самой смерти в 1512 г. он возглавил приорат (Engel 2001, 292). Его надгробие могло быть заказано ещё при жизни, но не исключено, что, изготовленное в 1512 г., именно оно стало наиболее поздним экземпляром этой группы.

Характерным признаком надгробий второй группы является реалистичная передача смертного ложа: покойника в рыцарских доспехах изображают на покрытой парчой поверхности, с подушками под головой. Рядом находились меч, флаг и гербовый щит. Корни этой традиции необходимо искать в итальянском художественном искусстве, в первую очередь среди папских саркофагов XIII в. Впервые изображение укрытого тканью смертного ложа с богато орнаментированной подушкой встречаем на надгробии папы Клемента IV (1265-1268) (Gardiner 1992, 55-56, fig. 25-27), со временем такую моду переняли и его наследники, и многочисленные кардиналы. Начиная с XV в. похожие композиции распространяются среди светской элиты. В Венгрию они попадают благодаря посредничеству скульптора Джованни Далматы, который во второй четверти XV в. стал автором надгробия папы Павла II и нескольких известных кардиналов (рис. 10-11).

Далмата попал в Венгрию в начале 1480-х гг., возглавил королевскую мастерскую скульпторов, работавших на масштабных строительствах короля Матьяша. За работу в 1488 г. король наградил его значительными владениями. Это, возможно, связано и с началом изготовления надгробия самого Матьяша под руководством Далматы (Balogh 1966, 489-490). Именно в этот период появляются мотивы римской ренессансной скульптуры на землях Венгерского королевства. Использовали их и после 1490 года, во времена правления Владислава II.

Несмотря на то, что после смерти Матьяша Далмата покинул Венгрию (Röll 1994, 133), организованная им мастерская продолжила действовать, а высококвалифицированные скульпторы и дальше принимали заказы на надгробия родовитых вельмож – Батори, Перени, Берисловичей. Не удивительно, что образцом для них служило изготовленное несколькими годами раньше надгробие самого короля Матьяша. Несмотря на отдельные общие мотивы, «подобающие» каждому из баронов, барельефы не были копиями, на всёх чётко выделяются индивидуальные особенности, связанные с личностью умершего.

Не исключаем возможности, что надгробия изготавливались скульпторами не в столичных мастерских, а непосредственно на местах. В пользу этого предположения свидетельствует анализ образца породы нялабского надгробия, проведённый доцентом кафедры инженерной геологии и гидрогеологии Одесского национального университета им. И. Мечникова, кандидатом геологических наук С.В. Кадуриным. Порода имеет карбонатный состав. Плотная, монолитная текстура даёт основания отнести её к мраморам, но довольно низкая твёрдость позволяет определить породу как мраморизированный известняк. Розово-красный мраморизированный известняк на

Закарпатье добывают в районе долины речки Великая Уголька на Тячевщине, откуда, вероятно, и привезено сырьё для этой надгробной плиты.

Третья группа рыцарских надгробий конца XV – начала XVI вв. не такая монолитная, как две предыдущие. Уступают они и в качестве художественного исполнения. Обычно чётко просматривается влияние на них двух предыдущих групп. Наиболее качественный экземпляр из этой группы – надгробие погребённого в Спишской Капитуле (Словакия) Иштвана Саполяи, умершего в 1499 г. (Balogh 1982, 683-684) (рис. 12). Надгробие имеет много общих черт с барельефом брата умершего, Имре Саполяи, но готические архитектонические элементы здесь заменены ренессансными мотивами.

На надгробии Томаша Тарцаи (умер в 1493 г.), обнаруженном в посёлке Липаны (Словакия), тоже отлично прослеживается художественное влияние эпохи Матьяша, но композиция заметно проще, качество исполнения не такое высокое (Balogh 1982, 684). Изображения на надгробиях Марка Горвата в Надьважони (умер в 1508 г.) (Éri, Selmayr 2004, 11-17) и Иштвана Мариаши в Маркушовцах (Словакия) (умер в 1516 г.) (Balogh 1982, 685) и во внешнем виде, и в качестве исполнения такие схожие, и их с уверенностью можно считать работой одного мастера. Они наследуют традиции 1490-х гг. и особенно похожи на надгробие Пала Кинижи (который лежал недалеко, в церкви Надьважоня). К этой же серии относятся (но они ещё худшего качества) шарошпотоцкие надгробия Мигаля и Антала Палоци (изготовлены в 1519 г.), Криштофа Варкоча с Кежмарка (около 1520 г.) и Левринца Уйлаки (1524 г.) (Balogh 1982, 681-683).

В завершение подведём итоги, что надгробия с изображением рыцаря в полный рост на смертном ложе в Венгерском королевстве стали распространёнными в последние годы правления Матьяша Корвина и связаны с деятельностью мастерской придворного скульптора короля, итальянца Джованни Далматы. Выделяют их в три хронологические группы.

Первая датирована 80-ми годами XV века, для неё характерно изображение умершего в готических доспехах, со львом под ногами и гербовым щитом, который обычно держат ангелы. Наиболее чётко эту группу представляют надгробия придворных аристократов эпохи Матьяша: Имре Саполяи, Иштвана Перени и Имре Палоци.

Вторая группа отличается более реалистичным исполнением деталей: натуралистическое изображение умершего на смертном ложе, лев под ногами лежит в естественной позе, щит прислонён к мечу. Хронологически группа охватывает последнее десятилетие XV – первые годы XVI вв., представлена барельефами Иштвана Батори, Пала Кинижи и Берталана Берисло.

Третья группа стилистически не однородна. Хотя и основывается на скульптурных традициях предыдущих двух, но по качеству исполнения существенно им уступает. Датируется первой третью XVI в.

По стилистике и качеству исполнения обнаруженная на Королёвском замке Нялаб часть надгробия Яноша Перени принадлежит ко второй художественно-хронологической группе. Другие его фрагменты, а также обломки саркофага должны находиться где-то недалеко, наиболее вероятно, в разграбленной в 1671/2 гг. австрийскими солдатами замковой часовне.

На сегодня нялабское надгробие – всего третья средневековая подобная находка на территории Закарпатья (известны ещё плиты из Сюрте и Ужгорода). Материал, техника изготовления, определение мастерской и скульптора нялабского эпитафия позволяют обозначить влиятельность и богатство его заказчиков. Вместе с другими данными это ещё раз подтверждает значимость баронской ветви рода Перени в локальной истории микрорегиона эпохи перехода от готики к Ренессансу.

Библиография

A Perényi 2008: A Perényi család levéltára 1222-1526., Magyar Országos Levéltár kiadványai, II. Forráskiadványok 44. Szerk. Tringli István (Budapest 2008).

Balogh 1966: J. Balogh, A művészet Mátyás király udvarában (Budapest 1966).

Balogh 1982: J. Balogh, Grabmal der brüder Michael und Anton Pálóczy (1519) in Sárospatak; Grabmal des Palatins Stephans Szapolyai (gest. 1499) in Zipser Kapitel (Szepeshely); Grabmal des Stephan Máriássy (gest. 1516) in Marksdorf (Márkusfalva); Grabmal des Thomas Tarczay (gest. 1493) in Siebenlinden (Héthárs) (Schallaburg 1982).

Buzás 2009: G. Buzás, A nagyvázsonyi pálos templom; Báthori István vajda nyírbátori síremléke. Reneszánsz, 2009.

Engel 2001: P. Engel, The Estates of the Hospitallers in Hungary at the End of the Middle Ages. The crusades and the military orders: expanding the frontiers of medieval latin Christianity. In: (Ed. Zs. Hunyadi) In memoriam Sir Steven Runciman (1903-2000) (Budapest 2001).

Éri, Selmayr 2004: I. Éri, J. Selmayr, Kinizsi Pál és Horváth Márk nagyvázsonyi síremlékeinek története és rajzi rekonstrukciója. Magyar Múzeumok 10/3, 2004.

Fedeles 2012: T. Fedeles, A király és a lázadó herceg. Újlaki Lőrinc és szövetségesei elleni királyi hadjárat (1494-1495) (Szeged 2012).

Gardiner 1992: J. Gardiner, The Tomb and the Tiara. Curial Tomb Sculpture. Rome and Avignon in the Later Middle Ages (Oxford 1992).

Hankó 2004: I. Hankó, Királyaink tömegsírban (Budapest 2004).

Kerestész, Mezey 2015: R. Kerestész, D. Mezey, Adatok egy bárói família és Szolnok késő középkori kapcsolataihoz: a Pálóci-sírkőtöredék. Archaeologia - Altum Castrum Online, 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http: archeologia.hu/content/archeologia/351/kerteszmezey-sirko.pdf.

Lővei 2009: P. Lővei, Posuit hoc monumentum pro aeterna memoria. Bevezető fejezetek a középkori Magyarország síremlékeinek katalógusához (akadémiai doktori értekezés) (Budapest 2009).

Lővei 2015: P. Lővei, A Boldogasszony-plébániatemplom középkori sírköveiről. Mátyás-templom. A budavári Nagyboldogasszony-templom évszázadai (1246-2013). Budapesti Történeti Múzeum Vármúzeum; Budavári Nagyboldogasszony-templom (Budapest 2015).

Magyarországi 1987: Magyarországi Művészet 1300-1470 körül. szerk.: Marosi Ernő, Budapest, 1987, 340-341.

Prohnenko, Zsilenko, Buzás 2015: I. Prohnenko, M. Zsilenko, G. Buzás, A Nyalábvári Perényi-sírkő. Archaeologia - Altum Castrum Online, 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: http: archeologia.hu/content/archeologia/371/nyalabvar.pdf., 15. 03. 2016.

Röll 1994: J. Röll, Giovanni Dalmata (Worms 1994).

Tringli 1992: I. Tringli, Hunyadi Mátyás és a Perényiek. Levéltári Közlemények, 1992.

Piatra funerară a unui cavaler din castelul Njalab din Korolevo

Cuvinte-cheie: Pietre funerare ale cavalerilor, castelul Njalab din Korolevo, Pereni, Giovanni Dalmata.

Rezumat: În procesul investigării încăperii nr. 3 a castelului Njalab din oraşul Korolevo, la nivelul podelei, sub ruinele pereţilor, a fost găsit fragmentul unul basorelief din calcar roşu marmorat, parte a unei pietre funerare cu imaginea unui cavaler. Astfel de monumente apar în Europa în perioada secolelor XIII-XIV, iar în arealul carpatin – în ultimul sfert al secolului al XV-lea.

Lespezi funerare cu imagini de cavaleri redaţi în picioare pe patul de moarte în Ungaria apar în ultimii ani de domnie a lui Matei Corvin, fiind strâns legate de activitatea sculptorului de curte al regelui, Giovanni Dalmata. Au fost evidenţiate trei grupe de astfel de lucrări.

Prima dintre ele datează cu anul 1480, caracterizată prin reprezentarea răposatului în armură gotică, cu leul sub picioare şi cu scut heraldic, susţinut de îngeri. Cele mai reprezentative din această grupă sunt pietrele funerare ale unor curteni din epoca lui Matei Corvin: Imre Szapolyai, Istvan Pereni şi Imre Pálóczi.

Lucrările din cea de-a doua grupă se evidenţiază prin detalieri mai realiste: imagini naturaliste ale răposatului pe patul de moarte, leul este culcat la picioarele lui în poziţie naturală, scutul este sprijinit de sabie. Această grupă, datată în ultimul deceniu al secolului al XV-lea şi primii ani ai secolului al XVI-lea, este reprezentată de basoreliefurile lui Istvan Bathory, Pala Kiniji şi Bertlan Berislo. Din punctul de vedere al stilului şi al calităţii, în această grupă poate fi inclusă şi piatra funerară din castelul de la Njalab, atribuită lui Ianos Pereni.

Grupa a treia nu este omogenă stilistic. Cu toate că ea urmează tradiţiile primelor două grupe, calitatea executării este mult mai joasă. Se datează cu prima treime a secolului XVI.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Partea centrală a castelului Njalab din Korolevo. Locul descoperirii pietrei funerare de cavaler.

Fig. 2. Fragmentul pietrei funerare descoperit în castelului Njalab din Korolevo: 1 - desen; 1a - foto.

Fig. 3. Fragmentul pietrei funerare descoperit în castelului Njalab din Korolevo.

Fig. 4. Fragmentul pietrei funerare descoperit în castelului Njalab din Korolevo: 1a - vedere din stânga; 1b - vedere din dreapta.

Fig. 5. Fragmentul pietrei funerare descoperit în castelului Njalab din Korolevo. Partea superioară.

Fig. 6. Piatra funerară a lui Istvan Pereni († 1483/7 г.).

Fig. 7. Piatra funerară a lui Imre Szapolyai († 1487 г.).

Fig. 8. Piatra funerară a lui Istvan Bathory († 1493 г.).

Fig. 9. Piatra funerară a lui Pala Kiniji († 1494 г.).

Fig. 10. Piatra funerară a papei Eugeniu IV.

Fig. 11. Piatra funerară a papei Pavel II.

Fig. 12. Piatra funerară a lui Istvan Szapolyai († 1499 г.).

Knight's tombstone from Korolevo castle of Nyaláb

Keywords: Knights' tombstones, Korolevo castle of Nyaláb, Perényi, Giovanni Dalmata.

Abstract: A fragment of a knight's tombstone, a massive piece of marbled limestone bas-relief, has been discovered at the floor level under the walls' debris during a study of room 3 of the castle of Nyaláb in Korolevo. Similar monuments appeared in Europe on the turn of the 13th - 14th centuries, while in the Carpathian region they were known since the last third of the 15th century.

Tombstones depicting a full-height knight on his deathbed were wide-spread in Hungarian Kingdom during the last years of reign of King Matthias Corvinus and were associated with the workshop of the royal court sculptor from Italy Giovanni Dalmata. They are divided into three chronological groups.

The first group dates from the 1480s and differs in that the deceased is depicted in Gothic plate armor with a lion at his feet and the coat of arms that angels usually hold. The most characteristic of the group are the tombstones of the following noblemen of King Matthias: Szapolyai Imre, Perényi István, and Pálóczi Imre.

The second group has a more realistic depiction of details: the naturalistic image of the deceased on his deathbed, the lion lies in a natural position, and the shield rests on the sword. This group chronologically varies from the last decade of the 15th century to the first years of the 16th century and is represented by the bas-reliefs of Báthory István, Kinizsi Pál, and Beriszló Bertalan. The recently discovered tombstone of Perényi János from Korolevo belongs to this group in terms of style and quality of work.

The third group is stylistically diverse. Although it is based on the traditions of previous groups, the quality of work here is worse. It dates from the first third of the 16th century.

List of illustrations:

Fig. 1. Central part of Korolevo castle of Nyaláb. The place, where a fragment of the knight's tombstone has been found.

Fig. 2. A fragment of the knight's tombstone from Korolevo castle of Nyaláb: 1 - drawing; 1a - photo.

Fig. 3. A fragment of the knight's tombstone from Korolevo castle of Nyaláb.

Fig. 4. A fragment of the knight's tombstone from Korolevo castle of Nyaláb: 1a - view from the left; 1b - view from the right.

Fig. 5. A fragment of the knight's tombstone from Korolevo castle of Nyaláb. The upper edge.

Fig. 6. The tombstone of István Perényi († 1483/7).

Fig. 7. The tombstone of Imre Szapolyai († 1487).

Fig. 8. The tombstone of István Báthory († 1493).

Fig. 9. The tombstone of Pál Kinizsi († 1494).

Fig. 10. The tombstone of Eugene IV.

Fig. 11. The tombstone of Paul II.

Fig. 12. The tombstone of István Szapolyai († 1499).

27.04.2018

Д-р Игорь Прохненко, Ужгородский национальный университет, пл. Народная, 3, 88000, г. Ужгород, Украина, e-mail: prohnenkoigor@ukr.net

Мария Жиленко, Ужгородский национальный университет, Археологический музей им. проф. Эдуарда Балагури, пл. Народная, 3, 88000, г. Ужгород, Украина, e-mail: arhlabunu@ukr.net

КОМПЛЕКС МОНЕТ XV-XVI ВВ. В КОЛЛЕКЦИИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ Г. ВИЛКОВО[1]

Дмитрий Янов

Ключевые слова: монетный комплекс, Вилково, Нижнее Подунавье, Буджак, акче, денарий, денежное обращение.

Обращение монет Османской империи на территории Карпато-Днестровского региона активно исследуется лишь в течение последних трех десятилетий. Благодаря работам Е. Николае и А. Болдуряну был сделан ряд важных выводов, в числе которых можно назвать выделение нескольких горизонтов тезаврации комплексов с османскими монетами, определение особенностей хронологии поступления османских монет в рассматриваемый регион, а также их состава по монетным дворам (Nicolae 2003, 23-26; Boldureanu 2013, 11-18).

Благодаря относительно многочисленным монетным находкам, денежное обращение на территории Молдавского княжества хорошо изучено. В то же время для территории Буджака, которая постепенно, начиная с завоеваний Баязида II 1484 г., инкорпорировалась в административную систему Османской империи (Середа 2009, 13-22), нельзя сделать подобный вывод. Это обусловлено тем, что на сегодняшний день очень мало находок из этого региона были введены в научный оборот (особенно это касается монетных комплексов). Важное значение в этом контексте приобретает публикация коллекций местных музеев, в числе которых – краеведческий музей в г. Вилково (Килийский р-н, Одесская обл., Украина).

Этот музей был создан в 2002 г. художником А.А. Шароновым на базе его картинной галереи. В экспозиции музея присутствует нумизматическая коллекция, которая представлена монетами от первых веков н.э. до середины XX в. (Кокоржицкая, Корпусова, Шаронов 2016, 257). Нюрнбергские счетные жетоны (Кокоржицкая, Корпусова 2015, 24), а также западноевропейские и русские монеты (Кокоржицкая, Корпусова, Шаронов 2016, 257-261), хранящиеся в этой коллекции, были уже введены в научный оборот ранее. По словам А.А. Шаронова, все монеты были найдены в восточной части Килийского и на юго-западной окраине Татарбунарского районов Одесской области (ареал находок не выходит за пределы сел Мирное, Струмок и Глубокое). В составе коллекции выделяется группа из 68 монет[2], которые, по словам А.А. Шаронова, представляют собой комплекс, так как эти находки были рассеяны на небольшом участке поля недалеко друг от друга (точная локализация неизвестна). Тем не менее, 7 монет из этой группы не могли быть в составе одного комплекса с остальными – это 1 дирхем Золотой Орды хана Джанибека (1342-1357 гг.) и 6 османских и крымских монет, чеканенных в течение 2-й пол. XVII - XVIII вв. Эти монеты могли быть утеряны на данном участке до и после периода образования предполагаемого комплекса. Что касается остальных 61 монеты, которые были чеканены в конце XV и XVI вв., то, наиболее вероятно, они составляют один комплекс. В его составе присутствуют 2 венгерских денария Владислава II и 1 крымский акче Сахиба Гирея. Остальные монеты представляют собой османские акче, чеканенные во время правления Баязида II, Селима I и Сулеймана I. Старшей монетой этого комплекса является акче Баязида II группы A (1481-1491 гг.) (№ 6 в каталоге, рис. 1/6) (хотя поскольку он, вероятно, является имитацией, то мог производиться в более позднее время (Nicolae 2005, 129)), а младшей – акче Сулеймана I чекана Мудавы (совр. с. Молдо-

[1] Предварительные результаты изучения данного комплекса были представлены на XVII нумизматическом симпозиуме, проходившем в Национальном музее истории Молдовы (Yanov 2017, 24-25).

[2] Все монеты в коллекции не имеют инвентарного номера и выставлены в экспозиции в одной витрине; монеты из предполагаемого комплекса расположены на фрагменте керамики.

ва Веке, жуд. Караш-Северин) (№ 50 в каталоге, рис. 2/50), который, по предположению Е. Николае и Э. Пэунеску, датируется временем последнего венгерского похода Сулеймана I в 1566 г. (Nicolae, Păunescu 1996, 132). Следует также обратить внимание на то, что в составе комплекса есть два сильно стертых акче, которые могут быть отнесены как ко времени правления Сулеймана I, так и следующего султана Селима II (№№ 60-61 в каталоге, рис. 3/60-61).

Монеты Владислава II являются одними из наиболее часто встречаемых среди находок венгерских денариев на территории Молдавского княжества, наряду с монетами Матьяша I Корвина, что было обусловлено монетной реформой последнего, проведенной в 1468-1470 гг. (Дергачева, Кривенко 2011, 241, 243-244). Монеты Крымского ханства хорошо известны среди находок в Буджаке (однако большинство из них остаются неопубликованными). Их проникновение в этот регион было, прежде всего, обусловлено тем, что татарские и ногайские кочевники Буджака находилась в двойном подчинении – крымскому хану и османской администрации Силистрийско-Очаковского эялета (Середа 2009, 74-77; Богуславский, Янов 2014, 345-357). Также в сравнительно небольшом количестве крымские акче 2-й пол. XV - нач. XVII вв. встречаются в составе комплексов и среди единичных находок на территории Молдавского княжества (Boldureanu 2013, 126, Boldureanu 2014, 21). Среди османских монет особого внимания заслуживает акче Баязида II чеканки Ускюба (№ 6 в каталоге, рис. 1/6), который, возможно, является имитацией. Верхняя часть надписи аверса на этой монете воспроизведена в зеркальном отображении, в то время как надпись нижней части – стандартная. На реверсе все надписи воспроизведены в зеркальном отображении. Не считая зеркального отображения, надписи воспроизведены без ошибок, насколько это позволяет установить сохранность монеты. Е. Николае отмечает, что только воспроизведение части легенды в зеркальном отображении не является единственным критерием выделения имитации, поскольку некоторые незначительные ошибки (например, в написании цифр даты) встречаются и на регулярных выпусках. В то же время надписи и другие элементы в имитациях искажены, что было обусловлено слабым знанием или незнанием вообще арабских букв изготовителями данных имитаций (Nicolae 2003, 54). Такие признаки имеют имитации, изученные Е. Николае, надписи в которых в большинстве случаев являются сильно искаженными («варваризированными»). По мнению исследователя, они могли производиться в дунайских княжествах (Nicolae 2003, 53-69). Рассматриваемый акче отличается от данных имитаций и более близок к имитациям акче Баязида II и Менгли Гирея, найденным в Белгороде-Днестровском, надписи которых в целом не имеют признаков сильного искажения, но одна из сторон воспроизведена в зеркальном отображении (Богуславский, Янов 2013, 61-62, №№ 8-9; Богуславский, Янов 2014, 351, № 3). Поэтому нельзя исключать, что рассматриваемый акче чеканки Ускюба относится к регулярным выпускам, но мы склонны думать, что оно является имитацией, изготовитель которой был знаком с арабскими надписями.

Количественное распределение османских акче по хронологии (согласно периодизации, предложенной Е. Николае (Nicolae, Păunescu 1996, 129-130)) в целом соответствует закономерностям, которые были определены Е. Николае и Э. Пэунеску для комплекса Раду Водэ (жуд. Джурджу, Румыния) (Nicolae, Păunescu 1996, 129-131) и А. Болдуряну для комплексов, найденных на территории Молдавского княжества (Boldureanu 2013, 57-60). Так, для выпусков Селима I характерно увеличение количества акче с каждой хронологической группой, причем акче последней, 3-ей группы, значительно преобладают (1-я группа – 1 экз., 2-я группа – 4 экз., 3-я группа – 12 экз.) (рис. 4).

Однако, что касается монет Сулеймана I, то в упомянутых комплексах отмечено заметное уменьшение акче 2-й группы (1541-1555 гг.) по отношению к предшествующей (1520-1541 гг.) и последующей группам (1555-1566 гг.) (Nicolae, Păunescu 1996, 130; Boldureanu 2013, 59). В то время как в рассматриваемом комплексе количество монет 1-й и 2-й групп (включая 1 акче 1-го юбилейного выпуска 1541 г.) практически равно – 10 и 9 экз. соответственно. Хотя это отличие обусловлено, скорее, небольшим количеством монет в рассматриваемом комплексе, а не какими-либо особенностями региона, где он был найден. Последняя, 3-я группа акче Сулеймана I, яв-

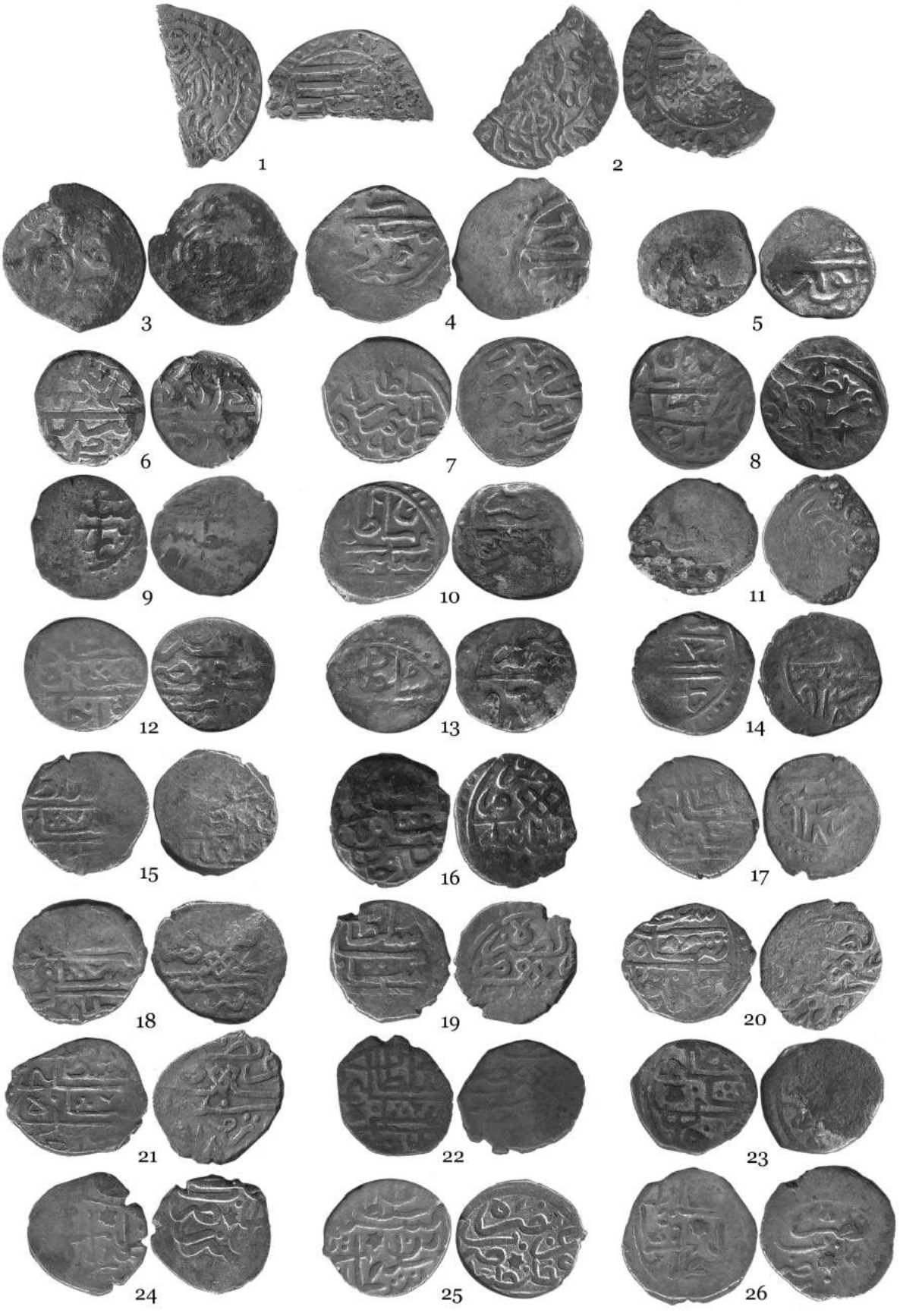


Рис. 1. Монеты из состава комплекса из краеведческого музея г. Вилково.

Рис. 2. Монеты из состава комплекса из краеведческого музея г. Вилково.

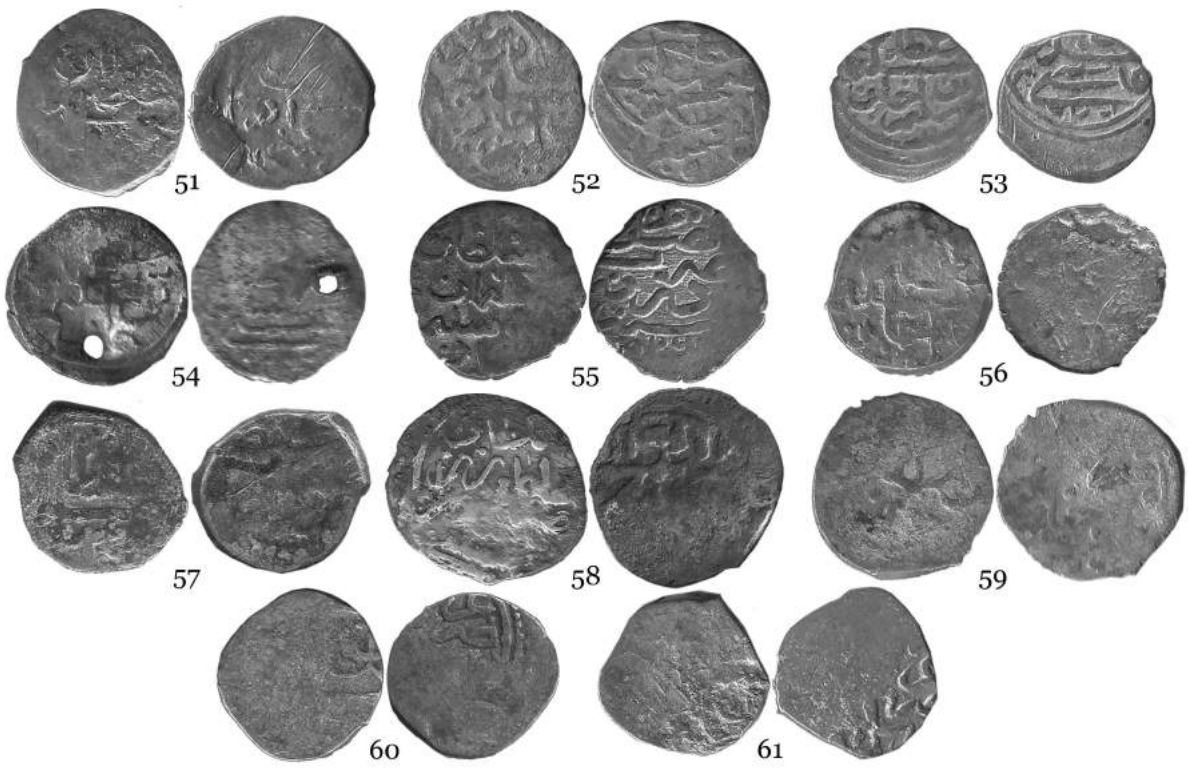


Рис. 3. Монеты из состава комплекса из краеведческого музея г. Вилково.

ляется наиболее многочисленной и составляет 16 экз. (включая 1 акче 3-го юбилейного выпуска 1556 г.).

Что касается распределения акче по монетным дворам, то небольшое количество монет Баязида II и первых двух групп Селима I является недостаточным для выявления каких-либо закономерностей. Что касается 3-й группы Селима I и всех выпусков Сулеймана I, то их распределение в целом совпадает с особенностями, отмеченными для комплексов из Валашского (Раду Водэ) и Молдавского княжеств, не считая некоторых незначительных отличий (Nicolae, Păunescu 1996, 129-131; Boldureanu 2013, 58-59). Так, для 3-й группы акче Селима I в рассматриваемом комплексе отмечено преобладание европейских столичных монетных дворов – Костантинии (Стамбула) и бывшей османской столицы Эдирне, которые представлены 4-мя экз. За ними следуют выпуски анатолийских дворов – Тире, Амасьи и Анкары (3 экз., определение последних двух – предположительное), и балканских дворов Новара и Сереза (3 экз.).

Для 1-й группы акче Сулеймана I (объединены 2 периода) характерно преобладание выпусков центральнобалканских монетных дворов – Кратовы и Ускюба, которые представлены 4-мя экз. За ними следуют монеты, чеканенные в северо-западной части Балканского полуострова (Новар) и на столичном дворе Костантинии, которые представлены поровну – по 1 экз. Подобное преобладание балканских дворов было связано не только с богатыми залежами серебра на Балканах, но и с направлениями военных кампаний Сулеймана I, как сухопутных, так и морских, против христианских государств в течение этого периода (Nicolae, Păunescu 1996, 130).

Среди акче 2-й группы дворы, расположенные в северо-западной (к Новару в этом регионе присоединяется новый двор в Сребрениче) и центральной (Сидрекапси) частях Балканского полуострова, представлены в рассматриваемом комплексе поровну – по 3 экз., а выпуски столичных дворов отсутствуют. Для акче 3-й группы (включая 3-й юбилейный тип) характерно заметное возрастание северо-западных балканских монетных дворов, которые, помимо Новаберды и Сребрениче, пополнились новыми дворами – Кючайной, Мудавой и Белградом (9 экз.) (хотя двор в

		Баязид II 1481-1512	Селим I 1512-1520			Сулейман I 1520-1566							неопр. эмитент	Всего
			I. 1512-1514	II. 1514-1517	III. 1518-1520	I.1. 1520-1534	I.2. 1534-1541	I. юб. 1541	II. 1541-1555	III. юб. 1556	III. 1555-1566	Неопр. гр.		
Северо-западные балканские дворы	Новар/ Новаберда	1			2	1			2		3			**9**
	Сребрениче								1		1			**2**
	Кючайна									1	2	1		**4**
	Мудава										1			**1**
	Белград										1			**1**
Центрально-балканские дворы	Кратова		1				2							**3**
	Ускюб	1					1				1			**3**
	Сидрекапси								3		2			**5**
	Серез/ Сироз				1		1							**2**
Столичные дворы	Костантиния			2	2	1								**5**
	Эдирне	1			2						1			**4**
Восточные дворы	Амасья				1									**1**
	Анкара				1									**1**
	Тире				1									**1**
Неизвестный двор				2	2	3	1	1	2		3		2	**16**
Всего		**3**	**1**	**4**	**12**	**5**	**5**	**1**	**8**	**1**	**15**	**1**	**2**	**58**

Рис. 4. Распределение османских монет комплекса по хронологии и монетным дворам.

Кючайне начал работу в предыдущий период, в 1541-1555 гг. (Boldureanu 2013, 87-88)). Согласно Е. Николае и Э. Пэунеску, это было вызвано концентрацией османских войск на европейских границах после завершения войны с Ираном в 1555 г. (Nicolae, Păunescu 1996, 131). За ними следуют центральнобалканские дворы – Ускюб и Сидрекапси (3 экз.), и столичный двор Эдирне (1 экз.).

Наиболее близкими по времени образования являются комплексы из сел Екимэуць (Резинский р-н, Республика Молдова) и Стахная (окраина г. Резина), младшими монетами которых также являются акче Сулеймана I 3-й группы (1555-1566 гг.), чеканенные в Мудаве (Boldureanu 2013, 77, 79). А. Болдуряну объединяет их в один хронологический горизонт с двумя другими комплексами с территории Молдавского княжества, в которых младшими монетами являются акче Сулеймана I 3-й группы (но чеканенные на других дворах) – Семень (Унгенский р-н, Республика Молдова) и Резина. Однако в отличие от комплекса из краеведческого музея г. Вилково, в составе которого присутствуют монеты Венгерского королевства и Крымского ханства, указанные комплексы с территории Молдавского княжества состоят исключительно из османских монет (Boldureanu 2013, 124-125). Хотя следует отметить, что обстоятельства находки данных комплексов остались неизвестными, поэтому они могли дойти до исследователей не в полном составе (за исключением комплекса из с. Стахная) (Boldureanu 2013, 76-80); следовательно, они могли содержать как монеты других государств, так и более поздние османские монеты. Что касается известных комплексов с территории Молдавского княжества, которые относятся к следующему хронологическому горизонту, т.е. в составе которых младшими монетами являются акче Селима II (Брэтушень, Бухэень, Леушень, Онешть и Будешть), то они в большинстве случаев, помимо османских, содержат монеты других государств (Венгрии, Священной Римской империи, России и пр.) (Boldureanu 2013, 80-85, 125).

Таким образом, комплекс из краеведческого музея г. Вилково представляет собой сравнительно небольшое накопление, которое свидетельствует о составе денежного обращения в Буджаке в 3-й четверти XVI в. Учитывая то, что младшая атрибутированная монета в ком-

плексе относится к последнему году правления Сулеймана I (1566 г.), наиболее вероятное время его образования – период правления Селима II (1566-1574. гг.), В таком случае обстоятельства сокрытия данного комплекса можно связать с военными действиями молдавского господаря Иоанна Водэ Лютого при поддержке казаков Сверчовского (Свирговского), направленными против османов, которые происходили в конце правления Селима II, в 1574 г. Решающее сражение произошло как раз в Буджаке, возле озера Кагул, 9-14 июня 1574 г. (Очерки 1987, 146; Паламарчук 2013, 496-503). Тем не менее сокрытие данного комплекса не обязательно было связано с какими-либо военными действиями; к тому же отсутствие атрибутированных монет Селима II не позволяет уверенно относить его ко времени упомянутых событий 1574 г.

Благодарности:

Автор высказывает искреннюю благодарность создателю краеведческого музея в г. Вилково А.А. Шаронову за предоставление разрешения на работу с коллекцией и публикацию материала, Е. Николае за его ценные комментарии, а также Н. Матеевич за оказанную помощь при написании резюме на румынском языке.

Каталог

ВЕНГЕРСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
Владислав II (1490-1516 гг.)

Кремница, 1494 г.
Аверс: четырехчастный гербовый щит с малым щитком в сердце. Вокруг надпись: M•WLADISLAI•R•VNGARIE•
Реверс: Дева Мария с младенцем, справа – K, слева – A/F. Вокруг надпись: PATRON-VNGARIE•
Unger 1997, 203, № 638c.
1. AR, 0,29 г[3], обломана (рис. 1/1).

Кремница, 1497 г.
Аверс: четырехчастный гербовый щит с малым щитком в сердце. Вокруг надпись: M•WLADISLAI•R•VNGARIE•
Реверс: Дева Мария с младенцем, справа – K, слева – SE. Вокруг надпись: PATRON-VNGARIE•
Unger 1997, 203, № 638e.
2. AR, 0,21 г, обломана (рис. 1/2).

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
Сахиб Гирей (1532-1551 гг.)

Кырк-Йер
Аверс: بن كرا / صاحب ى / منكلى كراى
Между 2-й и 3-й строчками – колесо с 6-ю спицами.
Реверс: тамга Гиреев в двойном линейном ободке, вокруг надпись – ضرب قرقير...
Retowski 1903, 21, №№ 1-4.
3. AR, 0,47 г (рис. 1/3).

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
Баязид II (1481-1512 гг.)

Эдирне
Аверс: سلطان بايزيد / بن محمّد خان
В слове خان буква ن пересекается с буквой ا.
Реверс: عز نصره ضرب / ادرنه / سنة ٨٨٦
Srećković 2000, 116, B*a (?)/I, № 43.
4. AR, 0,56 г (рис. 1/4).

Новар
Аверс: почти совершенно стерт.
Реверс: عز نصره ضرب / نوار / سنة ٨٨٦
Srećković 2000, 112, 119, A*a-A*d, или B*a-B*d1/I, №№ 26-30, 58-62.
5. AR, 0,35 г (рис. 1/5).

Ускюб, имитация (?)
Аверс: بن محمّد خان / (зеркальная надпись) بايزيد سلطان
В слове خان буква ن расположена перед буквой ا.
Реверс: (зеркальная надпись) اسكوب / سنة ٨٨٦ / عز نصره ضرب /
Srećković 2000, 114, A*a/I, № 35 (прототип).
6. AR, 0,56 г (рис. 1/6).

Селим I (1512-1520 гг.)
Группа I (1512-1514 гг.)

Кратова
Аверс: سلطان / شاه / سليم / بن بايزيد خان
Реверс: نصره ب / عز ضر / قرطوة / سنة ٩١٨
Srećković 2000, 161, E*b/IV, №№ 73-74.
7. AR, 0,64 г (рис. 1/7).

Группа II (1514-1517 гг.)
Костантиния
Аверс: سلطان شاه / ن/ سليم / بن / بايزيد خا
Реверс: نصره / عز ضر/ ب / قسطنطينيّة / سنة ٩١٨
Srećković 2000, 156, D/III, № 52.
8. AR, 0,60 г, двойной удар (рис. 1/8).
9. AR, 0,68 г (рис. 1/9).

Неизвестный монетный двор
Аверс: سلطان شاه / ن/ سليم / بن / بايزيد خا
Реверс: نصره / عز ضر/ ب...
Srećković 2000, 135, D/III.
10. AR, 0,76 г (рис. 1/10).

Аверс: سلطان شاه / ن/ سليم / بن / بايزيد خا
Реверс: نصره / عز ضر/ ب...
Srećković 2000, 135, C, C*a, или D/I, или Ia.
11. AR, 0,50 г (рис. 1/11).

Группа III (1518-1520 гг.)
Новар (?)
Аверс: سلطان / سليم /شاه / بن / بايزيد خان
Реверс: نصره / عز ضر/ ب / سنة / نوار ٩١٨
Srećković 2000, 147, A/I, № 14.
12. AR, 0,69 г (рис. 1/12).
13. AR, 0,65 г (рис. 1/13).

Серез (?)
Аверс: سلطان / سليم /شاه / بن / بايزيد خان
Реверс: نصره / عز ضر/ ب / سنة / سرز ٩١٨
Srećković 2000, 147, A/I, № 16.
14. AR, 0,75 г (рис. 1/14).

Костантиния
Аверс: سلطان / سليم /شاه / بن / بايزيد خان
Реверс: نصره / عز ضر/ ب / قسطنطينيّة / سنة ٩١٨
Srećković 2000, 146, A/Ia, № 10.
15. AR, 0,72 г (рис. 1/15).
16. AR, 0,66 г (рис. 1/16).

Эдирне
Аверс: سلطان / سليم /شاه / بن / بايزيد خان
Реверс: نصره / عز ضر/ ب / سنة / ادرنه ٩١٨
Srećković 2000, 146, A/I, № 07.
17. AR, 0,75 г (рис. 1/17).
18. AR, 0,77 г (рис. 1/18).

Амасья (?)
Аверс: سلطان / سليم /شاه / بن / بايزيد خان
Реверс: نصره / عز ضر/ ب / سنة / اماسيه ٩١٨ (؟)
Srećković 2000, 145, A/I, № 02.
19. AR, 0,70 г (рис. 1/19).

Анкара (?)
Аверс: سلطان / سليم /شاه / بن / بايزيد خان
Реверс: نصره / عز ضر/ ب / سنة / انقره ٩١٨ (؟)
Srećković 2000, 145, A/I, № 04.
20. AR, 0,34 г (рис. 1/20).

Тире
Аверс: سلطان / سليم /شاه / بن / بايزيد خان
Реверс: نصره / عز ضر/ ب / سنة / تيره ٩١٨
Srećković 2000, 148, A/I, № 18.
21. AR, 0,69 г (рис. 1/21).

Неизвестный монетный двор
Аверс: سلطان / سليم /شاه / بن / بايزيد خان
Реверс: نصره / عز ضر/ ب / سنة ...
Srećković 2000, 135, A/I.
22. AR, 0,60 г (рис. 1/22).
23. AR, 0,69 г (рис. 1/23). Подтип реверса определен предположительно.

Сулейман I (1520-1566 гг.)
Группа I, период 1 (1520-1534 гг.)
Новар
Аверс: سلطان / سليمان / بن شاه / سليم / شاه
Реверс: نصره / ب / عز ضر / نوار / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 35, 45, A/I.
24. AR, 0,68 г (рис. 1/24).

Костантиния
Аверс: سلطان / سليمان / بن شاه / سليم / شاه
Реверс: نصره / ب / عز ضر / قسطنطينيّة / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 35, 45, A/I.
25. AR, 0,59 г (рис. 1/25).

Неизвестный монетный двор
Аверс: سلطان / سليمان / بن شاه / سليم / شاه
Реверс: نصره / ب / عز ضر...
Srećković 2003, 35, 45, A/I.
26. AR, 0,71 г (рис. 1/26).
27. AR, 0,60 г (рис. 2/27).
28. AR, 0,51 г (рис. 2/28). Подтип аверса определен предположительно.

Группа I, период 2 (1534-1541 гг.)
Кратова
Аверс: سلطان / شاه / سليمان / شاه / بن سليم
Реверс: نصره / ضر /عز ب / قرطوة / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 36, 46, B2*a (?)/III.
29. AR, 0,67 г (рис. 2/29).

Аверс: سلطان / شاه / سليمان / شاه / بن سليم
Реверс: نصره / ضر /عز ب / قرطوة / سنة / ٩٢٦

Srećković 2003, 36, 46, B1-B1*d/III (?).
30. AR, 0,65 г (рис. 2/30).

Ускюб
Аверс: سلطان / شاه / سليمان / شاه / بن سليم
Реверс: عز نصره / ضرب / اسكوب ...
Srećković 2003, 36, 45, B1-B1*d/II-II*5.
31. AR, 0,67 г., двойной удар, проколота (рис. 2/31).

Сироз
Аверс: سلطان / شاه / سليمان / شاه / بن سليم
Реверс: عز نصره / ضرب / سروز / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 36, 45, B1-B1*d (?)/IIx.
32. AR, 0,72 г (рис. 2/32).

Неизвестный монетный двор
Аверс: سلطان / شاه / سليمان / شاه / بن سليم
Реверс: نصره / عز ...
Srećković 2003, 36, B1*b/? (тип реверса не определен).
33. AR, 0,69 г (рис. 2/33).

1-й юбилейный тип (1541 г.)
Неизвестный монетный двор
Аверс: надпись по кругу: سليمان شاه بن سليم خان سلطان
Реверс: نصره ...
Srećković 2003, 42, I jub/? (тип реверса не определен).
34. AR, 0,72 г (рис. 2/34).

Группа II (1541-1555 гг.)
Новаберда
Аверс: سلطان / سليمان شاه / بن خان / سليم
Реверс: عز / نصره ضر / ب / نوابرده / ٩٢٦ / سنة
Srećković 2003, 39, 46, F1*a/Vs (но на реверсе буква ب в слове ضرب не растянута, а цифры даты расположены над словом سنة (?)).
35. AR, 0,70 г (рис. 2/35).
36. AR, 0,51 г (рис. 2/36).

Сребрениче
Аверс: سلطان / سليمان شاه / بن خان / سليم
Реверс: عز / نصره ضر / ب / سربرنيچه / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 39, 46, F, F*c, или F2/Vs.
37. AR, 0,67 г (рис. 2/37).

Сидрекапси
Аверс: سلطان / سليمان شاه / بن خان / سليم
Реверс: نصره / عز ضر / ب / سدره / قپسي / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 39, 46, F1/V (но на аверсе над словом سليمان расположен растительный орнамент, а не т. наз. «узел счастья»).
38. AR, 0,57 г (рис. 2/38).

Аверс: سلطان / سليمان شاه / بن خان / سليم
Реверс: نصره / عز / ضر / ب ره/ سد قپسي / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 39, 45, F*a/IIy.
39. AR, 0,71 г (рис. 2/39).

Аверс: سلطان / سليمان شاه / بن خان / سليم
Реверс: عز / نصره / ضر ب / سدره/ سنة / قپسي / ٩٢٦
Srećković 2003, 39, 46, F*a/IVz*3.
40. AR, 0,72 г (рис. 2/40).

Неизвестный монетный двор
Аверс: سلطان / سليمان شاه / بن سليم / خان
Реверс: عز / نصره / ضر ب / ... (؟)/ سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 38, 46, E7/IVz.
41. AR, 0,70 г (рис. 2/41).

Аверс: سلطان / سليمان شاه بن / سليم خان (؟)
Реверс: عز / نصره / ضر ب ...
Srećković 2003, 37, 46, D, D1*a, D2, D2*a, или D5 (?)/IV-IVz*3.
42. AR, 0,68 г (рис. 2/42).

3-й юбилейный тип (1556 г.)
Кючайна (?)
Аверс: سلطان / سليمان / بن سليم / خان. Между 2-й и 3-й строчками – две дуги, соприкасающиеся в одной точке. Справа – عز, слева – نصره.
Реверс: خلّد / ملكه / چانيه / قو سنة / ٩٢٦ (؟).
Между 2-й и 3-й строчками – две дуги, соприкасающиеся в одной точке. Справа – ضر, слева – ب.
Srećković 2003, 43, 47, S1/Xb*1.
43. AR, 0,72 г (рис. 2/43).

Группа III (1555-1566 гг.)
Новаберда
Аверс: سلطان / سليمان / بن خان / سليم
Реверс: عز نصره / ضرب / نوابرده / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 41, 45, H/II.
44. AR, 0,69 г (рис. 2/44).

Аверс: سلطان / سليمان / بن خان / سليم
Реверс: ... / ضرب / نوابرده / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 41, H/? (тип реверса не определен).
45. AR, 0,67 г (рис. 2/45).

Аверс: سلطان / سليمان / بن خان / سليم
Реверс: ... / نوابر.../ سنة / ٩٦٢
В написании даты – ошибка (962 вместо 926).

Srećković 2003, 41, H или H*a/? (тип реверса не определен).
46. AR, 0,68 г (рис. 2/46).

Сребрениче
Аверс: سلطان / سليمان / بن خان / سليم
Реверс: ... / سربر(نيچه) / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 41, H/? (тип реверса не определен).
47. AR, 0,72 г (рис. 2/47).

Кючайна
Аверс: سلطان / سليمان / بن خان / سليم
Реверс: عز نصره / ضرب / چانيه / قو سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 41, 45, H/II (но на реверсе слово سنة смещено влево).
48. AR, 0,67 г (рис. 2/48).

Аверс: سلطان / سليمان / بن خان / سليم
Реверс: عز نصره / ضرب / چانيه / قو سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 41, 45, H/IIx*3.
49. AR, 0,72 г (рис. 2/49).

Мудава
Аверс: سلطان / سليمان / بن سليم / خان
Реверс: عز نصره / ضرب / مورداوه / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 41, 45, I/II.
50. AR, 0,71 г (рис. 2/50).

Белград (?)
Аверс: سلطان / سليمان...
Реверс: ... / بلغراد ؟ / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 41, H, H*a, или I-I*b/? (тип реверса не определен).
51. AR, 0,58 г (рис. 3/51).

Ускюб
Аверс: سلطان / سليمان / بن خان / سليم
Реверс: ... / اسكوب / سنة / ٩٢٦
Srećković 2003, 41, H/? (тип реверса не определен).
52. AR, 0,64 г, двойной удар (рис. 3/52).

Сидрекапси
Аверс: سلطان / سليمان / بن خان / سليم
Реверс: ... / سدره/ سنة / قپسي / ٩٢٦
Srećković 2003, 41, H/? (тип реверса не определен).
53. AR, 0,74 г (рис. 3/53).

Аверс: سلطان / سليمان / بن سليم / خان
Реверс: ... / سنة / قپسي / ٩٢٦ (؟)
Srećković 2003, 41, I/? (тип реверса не определен).
54. AR, 0,66 г, проколота (рис. 3/54).

Эдирне
Аверс: سلطان / سليمان / بن سليم / خان
Реверс: عز / نصره / ضرب / ادرنه / سنة/ ٩٢٦
Srećković 2003, 40, 46, G6*a/IV (но на аверсе слова سليم и بن не пересекаются).
55. AR, 0,73 г (рис. 3/55).

Неизвестный монетный двор
Аверс: سلطان / سليمان / بن خان / سليم
Реверс: почти совершенно стерт.
Srećković 2003, 41, H/? (тип реверса не определен).
56. AR, 0,74 г (рис. 3/56).

Аверс: سلطان / سليمان / بن سليم / خان
Реверс: ... / ضرب / عز نصره
Srećković 2003, 41, 45, I/II-II*5.
57. AR, 0,69 г (рис. 3/57).

Аверс: سلطان / سليمان ن/ بن سليم خا
Реверс: ... / خلّد ملكه
Srećković 2003, 40, 47, G или G1*b/IX-IX*3.
58. AR, 0,64 г (рис. 3/58).

Неопределенная группа (II или III)
Кючайна
Аверс: ... / بن سليم / خان (؟)
Реверс: عز نصره / ضرب / قوچانيه / سنة / ٩٢٦ (؟)
Srećković 2003, 38, 41, 45, E2*a, E4, E4*a, E5*a, E5*b, E7, I, или I*a/II.
59. AR, 0,74 г (рис. 3/59).

Неопределенный эмитент (Сулейман I или Селим II)
Сироз или Сребрениче
Аверс: سلطان / سـ... (؟)
Реверс: عز نصره / ضرب / سر... (؟)
Srećković 2003, 35, 38, 41, 45, A, A*c, A*d, A2, E8, H, H*b, H*c, I, I*b, I*c/II-II*5 (Сулейман I), или Srećković 2005, 10, 16, D/II-II*5 (Селим II).
60. AR, 0,63 г (рис. 3/60).

Неизвестный монетный двор
Аверс: سـ... / (ب)ن / سلي... (؟)
Реверс: عز نصره / ضرب / ... (؟)
Srećković 2003, 39-41, 45, F-F*d, F2, G1-G1*d, G2-G2*a, H-H*c, J-J*a/II-II*5 (Сулейман I), или Srećković 2005, 10, 16, B, D/II-II*5 (Селим II).
61. AR, 0,67 г (рис. 3/61).

Библиография

Богуславский, Янов 2013: Г.С. Богуславский, Д.М. Янов, Акче Османской империи последней четверти XV - первой четверти XVII вв. (из новейших находок Белгород-Тирской экспедиции). Древнее Причерноморье X, 2013, 55-68.

Богуславский, Янов 2014: Г.С. Богуславский, Д.М. Янов, Серебряные и биллонные монеты Крымского ханства из новейших находок в Белгороде (Аккермане). Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии XIX, 2014, 345-357.

Дергачева, Кривенко 2011: Л. Дергачева, А. Кривенко, К вопросу о денежном обращении в Молдавии в конце XV - первой половине XVI вв. Клад из с. Пэнэшешть (Стрэшенский район, Республика Молдова). Revista arheologică S.N. VII/1-2, 2011, 240-253.

Кокоржицкая, Корпусова 2015: Т. Кокоржицкая, И. Корпусова, Нюрнбергские жетоны в Днестро-Дунайском междуречье. В: Al XV-lea simpozion de numismatică: Programul şi rezumatele comunicărilor, 29-30 octombrie 2015 (Chişinău 2015), 23-25.

Кокоржицкая, Корпусова, Шаронов 2016: Т.Н. Кокоржицкая, И.В. Корпусова, А.А. Шаронов, Западноевропейские и русские монеты 70-х гг. XV - 40-х гг. XX вв. в собрании Вилковского историко-краеведческого музея. Стародавнє Причорномор›я XI, 2016, 257-261.

Очерки 1987: Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV - начало XIX в.) (Кишинев 1987).

Паламарчук 2013: С.В. Паламарчук, Битва 1574 года при Дунае: история изучения. Древнее Причерноморье X, 2013, 496-503.

Середа 2009: А. Середа, Силистренско-Очаковският еялет през XVIII - нач. на XIX в.: Административно-териториално устройство, селища и население в Северозападното Причерноморие (София 2009).

Boldureanu 2013: A. Boldureanu, Moneda otomană în Moldova în perioada 1512-1603 (Chişinău 2013).

Boldureanu 2014: A. Boldureanu, Monede ale Hanatului Crimeii descoperite în Moldova. In: Conspecte Numismatice, IV (Chişinău 2014), 19-22.

Nicolae 2003: E. Nicolae, Moneda otomană în Ţarile Române în perioada 1451-1512 (Chişinău 2003).

Nicolae 2005: E. Nicolae, Invazia asprilor otomani şi riposta lui Ştefan cel Mare: emisiunile moldoveneşti de tip otoman. Acta Moldaviae Septentrionalis IV, 2005.

Nicolae, Păunescu 1996: E. Nicolae, E. Păunescu, Un tezaur din secolul al XVI-lea descoperit la Radu Vodă, comuna Izvoarele, judeţul Giurgiu. SCN X (1993), 1996, 109-135.

Retowski 1903: O. Retowski, Die Münzen der Gireï (Fortsetzung). Труды Московского нумизматического общества 3/1, 1903, 10-107.

Srećković 2000: S. Srećković, Akches (Volume Two). Mehmed II Fatih – Selim I Yavuz 848-926 AH (Belgrade 2000).

Srećković 2003: S. Srećković, Akches (Volume Three). Süleyman I Kanunî 926-974 AH (Belgrade 2003).

Srećković 2005: S. Srećković, Akches (Volume Four). Selim II Sari – Murad III 974-1003 AH (Belgrade 2005).

Unger 1997: E. Unger, Magyar Éremhátarozó. I. kötet (1000 – 1540) (Budapest 1997).

Yanov 2017: D. Yanov, The 16th-century coin deposit from the collection of Vylcove Local Lore Museum. In: Al XVII-lea simpozion de numismatică: Programul şi rezumatele comunicărilor, 4-6 octombrie 2017 (Chişinău 2017), 24-25.

Un depozit cu monede din secolele XV-XVI în colecţiile Muzeului ţinutului natal din Vâlcov

Cuvinte-cheie: depozit monetar, Vâlcov, Dunărea de Jos, Bugeac, aspru, denar, circulaţia monetară.

Rezumat: Articolul prezintă un depozit cu monede din secolele XV-XVI aflat în colecţiile Muzeului ţinutului natal din Vâlcov (raionul Chilia, regiunea Odesa, Ucraina). Acesta a fost găsit în zonele din vecinătatea localităţii Vâlcov, în partea de est a raionului Chilia sau în partea sudică a raionului Tatarbunar. În componenţa depozitului sunt prezenţi doi denari ungureşti (de pe timpul lui Vladislav al II-lea), un aspru crimeean (al lui Sahib Ghirai) şi 58 aspri otomani (ai lui Bayezid II, Selim I şi Süleiman I), printre care şi un aspru care ar putea fi o imitaţie. Cea mai târzie monedă este un aspru al lui Süleiman I, bătut la Mudava, care datează probabil în ultimul an al domniei acestui sultan (1566). Printre ei există şi doi aspri foarte şterşi, care pot fi atribuiţi atât lui Süleiman I, cât şi lui Selim al II-lea. Astfel perioada de tezaurizare se poate plasa în timpul domniei lui Selim al II-lea (1566-1574). În acest caz, circumstanţele de tezaurizare a acestui depozit pot fi puse în contextul luptelor lui Ioan Vodă cel Viteaz cu armatele otomane, bătălia finală a cărora s-a dat în Bugeac, lângă lacul Cahul, în 1574. Or, nu este neapărat ca acest depozit să fi fost legat de anumite acţiuni militare în zonă.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1-3. Monede din componenţa depozitului din Muzeul ţinutului natal din Vâlcov.

Fig. 4. Distribuţia monedelor otomane din depozit după cronologie şi după atelierele monetare.

The hoard of coins of 15th-16th centuries from the collection of Local Lore Museum in Vylkove

Keywords: coin hoard, Vylkove, Lower Danube, Budjak, akce, denarius, monetary circulation.

Abstract: The article presents a hoard of coins of 15th-16th centuries stored in the collection of Local Lore Museum in Vylkove (Kilia raion, Odesa oblast, Ukraine). It was found in vicinity of Vylkove, in the eastern part of Kilia raion or southern part of Tatarbunary raion. 2 Hungarian denarii (of Vladislav II), 1 Crimean akçe (of Sahib Giray) and 58 Ottoman akçes (of Bayezid II, Selim I and Süleiman I), including 1 akçe that can probably be an imitation, are presented in composition of the hoard. The latest coin is an akçe of Süleiman I, minted in Mudava, probably dated to the last year of this sultan's reign (1566). However, there are 2 very worn akçes in its composition, that can be attributed either to Süleiman I, or to Selim II. Thus the period of tesauration might be placed during the reign of Selim II (1566-1574). In this case, the circumstances of hiding of this hoard could be connected with the war of John III the Brave against the Ottoman army, the final battle of which took place in Budjak, near the Lake Kahul, in 1574. Nevertheless, it is not necessary to connect this hoard with any military actions in the region.

List of illustrations:

Fig. 1-3. Coins from composition of the hoard from the Local Lore Museum in Vylkove.

Fig. 4. Distribution of the Ottoman coins from the hoard by chronology and mints.

06.02.2018

Дмитрий Янов, Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины, ул. Ланжероновская, 4, 65026 Одесса, Украина, e-mail: nv63115@gmail.com

«ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ» – НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА (обзор – приглашение)

Алексей Фурасьев

Ключевые слова: выставки, Эрмитаж, археология, Великое переселение народов.

1 декабря 2017 г. после длительной реконструкции открылась постоянная экспозиция Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, посвященная одному из интереснейших периодов древней истории народов Центральной и Восточной Европы. Выставка под названием «Европа в эпоху Великого переселения народов и раннем средневековье» занимает южное крыло Кутузовского коридора (зал № 33), расположенного на 1 этаже Зимнего дворца. Этот зал действительно представляет собой длинный и сравнительно узкий коридор – переход, некогда связывавший боковые подсобные пространства вблизи главного церемониального входа в императорскую резиденцию, с его юго-западным «тупиком» или «Запасной половиной», то есть чередой служебных и хозяйственных помещений под главными царскими покоями и кабинетами второго этажа. Несмотря на явно непарадное предназначение этого помещения, проект его планировки, интерьера и скромного убранства, как и проект всего Зимнего дворца, принадлежит самому Бартоломео Растрелли – пожалуй, величайшему из петербургских архитекторов XVIII века (рис. 1).

1. Кутузовский коридор Зимнего Дворца. Общий вид на новую экспозицию (фото автора).

Сегодня Кутузовский коридор стал одним из основных путей следования для посетителей Эрмитажа, направляющихся от главного входа и музейных касс к Галерее драгоценностей или Особой кладовой № 2, в которой хранятся шедевры скифского и греческого искусства, Перещепинское сокровище и золото Востока. Чуть дальше за ней – не менее эффектный и популярный у публики «рыцарский зал», тоже с неофициальным номером 2 по внутриэрмитажной номенклатуре, посвященный воинской культуре Средней Азии, Кавказа и Ближнего Востока. Теперь, с открытием новой экспозиции, представленные на ней древности эпохи Великих миграций станут не менее притягательным объектом для осмотра и изучения, и они заставят зрителей замедлить свой шаг, устремленный к драгоценностям скифов, греков и персов.

Великое переселение народов – чрезвычайно важный исторический период (конец IV - VI вв.), переходный от античности к раннему средневековью. Для многих европейских этносов это время возникновения собственной культуры, формирующейся в результате синтеза национальных «варварских» традиций и уходящего в прошлое греко-римского наследия. Именно этот синтез, точнее, пути и способы его проявления в археологическом

материале, и составляет осевую нить экспозиции, охватывающей не только эпоху великих миграций, но и последующие три-четыре столетия.

Территориальный охват представленных на выставке материалов пока ограничен южной частью Восточной Европы, то есть лесостепной, степной зоной и Предкавказьем, а также отдельными западно- и центрально-европейскими регионами (пока – потому что в ближайшие годы будет открыта вторая часть экспозиции, посвященная памятникам лесной зоны – финно-уграм, балтам и славянам). В центре внимания оказывается культура кочевых народов и германских племен Причерноморья, первыми принявших на себя удар новой волны номадов в 375 г., а также их далеких западных сородичей (франков). В итоге строгая прямолинейность длинного Кутузовского коридора оказалась удачным соответствием не только реальной географической протяженности широкой степной полосы, вытянувшейся от низовьев Волги до Среднего Дуная, но и историческим реалиям, образующим главную сюжетную линию экспозиции. Стремительная миграция гуннов с востока и последующее бегство на Запад, вплоть до Галлии и Испании, уцелевших осколков германских племен Причерноморья служат тем генеральным вектором, по которому теперь проходят и посетители.

Конечно, подбор тех этнокультурных и хронологических опорных точек, материалы из которых наполняют отдельные витрины, обусловлен, прежде всего, составом эрмитажных коллекций, которые, хотя и могут быть по праву признаны лучшими в России с точки зрения имеющихся в наличии материалов эпохи Великого переселения народов, тем не менее не могут обеспечить абсолютно полную и непрерывную картину развития памятников от IV до X веков на всем обозначенном выше пространстве. Но ключевые точки представлены здесь достаточно хорошо, в основном серией ярких и хрестоматийных комплексов – погребений и поселенческих материалов – благодаря которым общая картина исторических событий этого периода вырисовывается своими наиболее эффектными проявлениями и сюжетами.

Экспозицию открывают древности, давшие первоначальный импульс развитию германской культурной традиции в Восточной Европе. Это вельбаркская (II-III века) и черняховская (III-IV века) археологические культуры, уверенно связываемые с племенами готов и гепидов. Находки происходят из раскопок на территории Белоруссии и Украины и отражают одно из основных направлений миграций центрально-европейского населения в первые века нашей эры: от берегов Балтики на юго-восток – в Среднее Поднепровье и Причерноморье.

Население вельбаркской культуры в III в. осваивает западное Полесье и достигает верховьев Южного Буга. Находки, экспонируемые в витрине, получены в основном при исследовании могильников в Белоруссии (Брест-Тришин), в том числе – уникальные золотые украшения североевропейского облика (Пилипки). В первой половине III века население вельбаркской культуры, проникшее в Среднее Поднепровье, становится одним из основных компонентов складывающейся здесь новой археологической культуры – черняховской.

В инвентаре черняховских захоронений – разнообразные керамические и стеклянные сосуды, роговые гребни, детали костюма – фибулы и пряжки. Помещение в могилы оружия у готов не практиковалось. Артефакты, обнаруженные на поселениях, свидетельствуют о развитой хозяйственной деятельности. Уникальная находка – две глиняные трехручные вазы из Лепесовки (на выставке представлена только одна из них) с нанесенными по венчику знаками-пиктограммами, за которыми, по мнению ученых, может скрываться земледельческий календарь или другие мифологические представления древних германцев. Население черняховской культуры активно взаимодействовало с окружающим миром. Римская империя в полной мере ощущала соседство с готами, регулярно (особенно в середине и второй половине III века) вторгавшимися в ее пределы как морским путем, так и по суше, через дунайскую границу – «лимес». Находки римских монет на поселениях и в виде кладов, латинские граффити на фрагментах черняховской керамики, другие импортные вещи отражают эти контакты, которые на протяжении середины и второй половины IV века приобретают все чаще мирный и взаимовыгодный характер. Вестготы становятся федератами – военными союзниками Рима (этой теме будет

посвящена отдельная витрина – с находками из Концешти).

Появление нового кочевого народа – гуннов – ознаменовало наступление особой исторической эпохи – Великого переселения народов. Их неожиданное вторжение из-за Волги в степи Подонья и Северного Причерноморья и затем стремительное продвижение к берегам Дуная (376 год) привели к серьезным изменениям этногеографической карты варварского мира всей материковой Европы. Местные племена, как ираноязычные кочевники-аланы, так и германские народы – гепиды, остготы и вестготы – оказались сдвинуты с прежних мест обитания. Частично они были покорены и включены в состав гуннского военно-политического объединения, частично – бежали в пределы Римской империи, в том числе и далеко на запад, вплоть до Испании.

Экспонируемые находки из захоронений степной зоны от Приуралья до Нижнего Поднепровья относятся преимущественно к последней четверти IV – середине V века. Характерные элементы культуры указывают на тесную связь гуннов с миром азиатских кочевников: бронзовый котел, тамга на золотой гривне, трехлопастные наконечники стрел, предназначенные для стрельбы из тяжелого составного лука, золотые обкладки жесткого седла и сасанидский меч с золотой рукоятью. О контактах с Римской империей свидетельствуют предметы вооружения (длинный меч-спата с янтарной подвеской) и украшения в технике перегородчатой инкрустации.

Особое место занимают вещи, выполненные в гуннском полихромном стиле. Отдельные вставки гранатов густо покрывают поверхность золотых изделий, создавая яркую цветовую гамму. Специфические женские подвески-колты (рис. 3/1) и диадемы составляют уникальную и неповторимую часть традиционной гуннской культуры. Изображения в технике зерни и инкрустации носят сакральный характер и связаны с культом Солнца и Неба (Тенгри?), как и круглые уздечные бляшки с личинами. Расцвет полихромного стиля приходится на первую половину V века – время политического триумфа гуннов в Европе.

После смерти Аттилы его сыновья не смогли сохранить централизованную власть, и держава распалась. В период от конца V до конца

2. Витрина «Позднеантичный Боспор и начало Великого переселения народов» (вторая половина IV в.) (фото автора).

VI века остатки гуннских традиций еще прослеживаются в материальной культуре кочевого населения этих территорий. Комплект сбруйных серебряных украшений из Адыгеи начала VII в. – одно их таких наиболее поздних проявлений.

События начала Великого переселения народов сыграли важную роль в истории населения Причерноморья. Широкое представление о его жизни дают материалы из раскопок города-государства Боспор в Крыму (Керчь). Находки, разделенные на две хронологические группы, отражают тесные связи с Римом, Византией и областями Подунавья. К первому этапу (вторая половина IV - середина V века) относятся предметы из богатых погребений в земляных склепах, принадлежавших местной полиэтничной аристократии (рис. 2). На втором этапе (середина V - конец VI века) новым направлением культурных связей Крыма становятся королевства гепидов на Дунае и ост-

1

2

3

4

3. Золото гуннов и шедевры перегородчатой инкрустации (конец IV - V вв.): 1 - колт из коллекции Строганова; 2 - накладка из могилы Концешти; 3 - скоба от ножен меча из боспорского некрополя; 4 - перекрестье меча, случайная находка в Керчи (фото В.С. Теребенин).

готов в Италии. В это время Боспор остается важнейшим центром всего Причерноморья – главным проводником византийской политики и культуры в регионе.

Нашествие гуннов не имело для этого города серьезных негативных последствий. Хотя отдельные гуннские погребения известны на территории Крыма, основная волна кочевников прокатилась к северу от него. Город сохранил автономию, прежние экономические и торговые связи, даже пережил краткий, но своеобразный период расцвета варварской престижной культуры в первой трети V века. Ее главным признаком стало сохранение прежних позднеантичных традиций, как сугубо погребальных (захоронения в каменных склепах, золотые венки и миниатюрные бляшки, которыми расшивались одежды), так и ювелирных (техника клуазоне). Техника клуазоне, или перегородчатая инкрустация возникла на Ближнем Востоке, а с конца IV века подобные украшения широко распространились и в Римской империи, сначала в виде дорогих вещей, указывающих на высокое социальное положение владельцев. На Боспоре появляется собственная мастерская по производству изделий, инкрустированных гранатами в технике клуазоне, одна из самых ранних в Европе (рис. 3/3, 4).

Особое внимание привлекает знаменитое «княжеское» погребение Концешти, обнаруженное случайно в 1812 году в верховьях реки Прут, там, где в IV - начале V века обитали вестготы. Могила располагалась в сводчатом каменном склепе. Рядом с покойником, который лежал с золотым венком на голове и был накрыт златоткаными покровами, находился скелет боевого коня с уздечкой и седлом, украшенными в гуннском полихромном стиле, а также целый набор парадной римской посуды, в составе которого выделяются шедевры позднеантичной торевтики – ситула и амфора, изготовленные в Константинополе (рис. 4). Там же могла быть выполнена и накладка в виде имперского орла в технике перегородчатой инкрустации (рис. 3/2). Римский гвардейский шлем с серебряной отделкой и складной походный стул – прямые указания на высокое

4. Витрина «Германская знать на службе Римской империи»: находки из Концешти и Замостья (рубеж IV - V вв.). Общий вид (фото автора).

воинское звание. Черты погребального обряда и некоторые находки указывают на тесные связи покойного с варварской элитой Боспора второй половины IV века. Само погребение датируется 380-390-ми годами. Принадлежало оно римскому военачальнику знатного германского происхождения, принимавшему участие в первых войнах с гуннами.

В настоящее время в издательстве Эрмитажа готовится выйти в свет полная монографическая публикация всей коллекции погребения Концешти (авторы - А.Г. Фурасьев и Е.А. Шаблавина).

В витрине с концештинскими находками помещен и еще один знаменитый комплекс. Набор драгоценных женских украшений был найден в 1839 году в городке-крепости Замость (совр. Польша) в составе клада римских монет. Пара застежек представляет собой характерную разновидность германских двупластинчатых фибул второй половины IV века, однако выполнена, судя по высочайшему качеству декора в технике филиграни, римскими ювелирами. То же можно сказать и о поясном наборе: пряжка и наконечник ремня покрыты великолепным декором из черни, позолоты и штампованного орнамента в стиле Сёсдал. Весь комплект украшений (рис. 5) был изготовлен на заказ или в качестве дипломатического дара для «княгини» одного из германских племен, скорее всего – вандалов. Лучшие образцы стиля Сёсдал конца IV - первой половины V века, включая и вещи из Замости, отличает сочетание северогерманских конструктивных признаков и орнаментальных мотивов с непревзойденной, типично римской техникой ювелирного дела.

С материалами Боспора позднеантичного и юстиниановского периодов перекликаются памятники Южного Крыма, отражающие историю крымских готов. Инвентарь погребений из могильников Суук-Су, Артек и Эски-Кермен позволяет реконструировать характерный восточногерманский женский

5. Комплекс из клада Замостье (часть) (фото В.С. Теребенин).

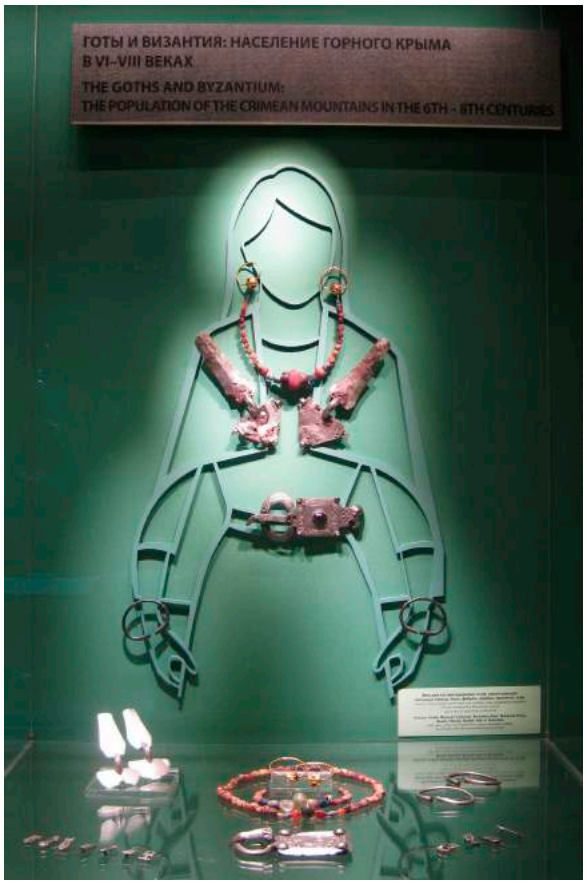
костюм, аналогии которому можно найти на Среднем Дунае и в остготской Италии (рис. 6). Другая группа экспонатов иллюстрирует повседневную жизнь провинциального византийского городка-крепости VI-VII веков со смешанным греко-германским населением (городище Эски-Кермен). Готы – надежные союзники Византии, и остаются ими до завоевания Крыма хазарами в конце VII века.

Восточногерманские племена, бежавшие под ударами гуннов в конце IV - начале V века, как и родственные им народы Запада (аламанны, франки, бавары, лангобарды) в эпоху Великого переселения народов еще имеют много общего в материальной культуре и исторических судьбах. Натиск германцев привел к крушению Западной Римской империи (476 год) и положил начало первым «варварским» королевствам раннесредневековой Европы. Их формирование прослеживается по материалам эпохи Меровингов, среди которых есть и яркие национальные украшения, и римские импорты, и предметы быта простых общинников и воинов из могильников Германии, Франции, Италии, оставленных племенами аламаннов, баваров и лангобардов. Особо выделены древности Франкского королевства периода его расцвета в VI-VII веках. Все западноевропейские находки происходят из бывших фондов берлинского Музея преистории, перемещенных в Советский Союз в ходе Второй мировой войны. В постоянной экспозиции они выставляются впервые, хотя ранее почти все они участвовали во временной выставке под названием «Эпоха Меровингов: Европа без границ», проходившей в 2007 г. в Москве (ГМИИ им. А.С. Пушкина) и петербургском Эрмитаже.

Последний тематический блок посвящен культуре кочевых народов, пришедших в южнорусские степи на смену гуннам. Прежде всего, это хазары, оставившие салтово-маяцкую археологическую культуру (VIII-X века) Волго-Донского междуречья. Представлены вещи из хазарских могильников, а также из крепостей в низовьях Дона, главной из которых был Саркел (Белая Вежа древнерусских летописей). Уникальные находки из Саркела демонстрируют широчайшие торговые и политические связи этого одного из крупнейших экономических центров Хазарского каганата: от Индии до Константинополя. В IX-X веках Хазарский каганат – сильное государство, соперничающее с Византией, Арабским халифатом и Русью.

В X веке после разгрома Хазарского каганата киевским князем Святославом степь переходит к печенегам и половцам (кипчакам), поначалу ведущим частые войны с русскими княжествами. Экспонируемые предметы отражают всадническую культуру торков и печенегов (рис. 7), ставших в середине XII века союзниками Киева (летописные «черные клобуки»), а также главных противников Руси – половецких племен Поднепровья и Прикубанья. Кипчакам принадлежат и два монументальных каменных изваяния – «половецкие бабы».

Южными соседями и хазар, и половцев оставались северокавказские аланы – потомки древнего ираноязычного населения. Самобытная культура кочевников-алан развивалась здесь, на стыке европейских, кавказских и ближневосточных традиций на всем протяжении I и



6. Реконструкция женского парадного костюма крымских готов (вторая половина VI в.) (фото автора).

7. «Черные клобуки»: доспехи всадника (с. Липовец) и предметы вооружения (начало XII в.). (фото автора).

начала II тысячелетия н.э. На выставке представлены находки из могильников и кладов VI-XI веков: импортные византийские и иранские вещи, великолепные изделия местных ювелиров и гончаров. Особо выделены великолепные украшения из золота, инкрустированного гранатами, которые происходят из богатых погребений VI-VII вв. (Кумбулта, Куденетово). Материалы демонстрируют, как менялись внешнеполитические приоритеты в становлении алан, крупнейшего этнического объединения на Северном Кавказе, – от Сасанидской Персии к Византии и затем к Руси.

Создатели экспозиции постарались донести до сознания простых и неискушенных в исторических коллизиях зрителей, что находки из древних памятников степной зоны Причерноморья, из могильников Крыма и Северного Кавказа, из позднеантичных городов побережья Понта, из некрополей древних франков и аламаннов, представленные во всех шестнадцати витринах выставки, демонстрируют одну общую закономерность. Культурное взаимодействие множества племен и народов с Римской империей в эпоху Великих миграций и в раннем средневековье (VI-XI века) было непременным и важнейшим стимулом поступательного развития как новой европейской государственности, так и крупных политических структур кочевых народов степного пояса. Влияние традиций Рима и Византии на окружающие племена прослеживается на протяжении всего I тыс. н.э. не только в виде отдельных импортных изделий на памятниках варварского мира Европы, но прежде всего в той роли, которую эти традиции сыграли в формировании национальной военной и политической элиты у готов, гуннов, франков, алан. Для многих народов юга Восточной Европы общим итогом длительного исторического развития стало их кратковременное культурное и геополитическое объединение в XI-XII веках в рамках единой русско-византийской цивилизации, которое вскоре будет нарушено монгольским завоеванием.

На наш взгляд, предметы элитарного уровня, которые, несомненно, притягивают к себе основное внимание, на экспозиции гармонично вписываются в «местный» бытовой и мифологический контекст – в культуру рядового населения, обычаи и нравы которого и создают национальное своеобразие любого народа. И этот контекст не теряется за ярким блеском золотых украшений, а служит неотъемлемой частью этнических или этно-исторических «образов», единство и многообразие которых мы пытались продемонстрировать.

Надеемся, что новая выставка станет по-настоящему интересной и привлекательной как для простых посетителей Эрмитажа, так и для специалистов – историков и археологов, которые смогут увидеть здесь воочию многое из того, что уже давно стало настоящей «классикой» Великого переселения народов.

Над созданием экспозиции трудились научные сотрудники Отдела археологии Восточной Европы и Сибири, Отдела Востока. Огромную работу проделали эрмитажные художники-реставраторы археологического металла, камня, органических материалов, керамики и стекла. Художественный дизайн выставки разработан и воплощен в жизнь В.Б. Королевым.

Marea migraţie a popoarelor – o nouă expoziţie a Ermitajului de Stat (prezentare generală – invitaţie)

Cuvinte-cheie: Expoziţii, Ermitaj, arheologie, Marea migraţie a popoarelor.

Rezumat: La 1 decembrie 2017, după reconstrucţie a fost inaugurată expoziţia permanentă a Ermitajului de Stat (Sankt Petersburg) cu denumirea Europa în epoca Marii migraţii a popoarelor şi în evul mediu timpuriu. În cadrul expoziţiei sunt expuse materiale care ilustrează cultura popoarelor migratoare din Europa de Est (huni, hazari, alani, poloveţi), a populaţiei din epoca bizantină târzie din nordul Mării Negre (Bospor), a triburilor germanice de pe Nipru (cultura Černjahov), a celor din Crimeea de Sud (goţii din Crimeea) şi parţial a unor popoare din Europa de Vest (franci, alemani, bavari). Descoperirile acoperă o mare perioadă de timp – practic întreg mileniul I p. Chr. având acelaşi generic: interferenţele diferitor popoare barbare (migratoare şi sedentare) şi Imperiul Roman de Răsărit (Bizantin) în epoca Marilor Migraţii şi perioada imediat următoare. Printre materialele prezentate se numără şi complexe arheologice renumite cum ar fi: înmormântări de Bospor (Kerci), Suuk-Su şi Saltovo, mormântul Conţeşti, tezaurul Zamost'e, aurul hunilor, aşezările Sarkel şi Tzimljansk.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Culoarul Kutuzov al palatului de Iarnă. Vedere generală a noii expoziţii (foto autor).

Fig. 2. Vitrina „Bosporul din antichitatea târzie şi începutul Marii migraţii a popoarelor" (a doua jum. a sec. IV) (foto autor).

Fig. 3. Aurul hunilor şi capodopere de obiecte încrustate (sf. sec. IV - sec V): 1 - cercel (kolt) din colecţia lui Stroganov; 2 - aplică din mormântul Conţeşti; 3 - scoabă de la teaca unei săbii dintr-o necropolă bosporană; 4 - încrucişare de sabie, descoperire întâmplătoare la Kerci (foto V.S. Terebenin).

Fig. 4. Vitrina „Aristocraţia germană în slujba Imperiului Roman": descoperirile de la Conţeşti şi Zamost'e (sf. sec. IV - înc. sec. V). Vedere generală (foto autor).

Fig. 5. Lot de obiecte din tezaurul de la Zamost'e (foto autor).

Fig. 6. Reconstituirea unui costum feminin de gală al goţilor din Crimeea (a doua jum. a sec. VI) (foto autor).

Fig. 7. „Tichiile negre": armură de călăreţ (localitatea Lipovetz) şi diferite arme (înc. sec. VII) (foto autor).

"The Great Migration Period" – a new exhibition in the State Hermitage Museum (review - invitation)

Keywords: exhibitions, Hermitage Museum, archaeology, Great Migration Period.

Abstract: At December 1, 2017, a permanent exposition of the State Hermitage (St. Petersburg) was opened after the reconstruction, under the title "Europe in the Great Migration Period and Early Middle Ages".

This exhibition presents materials illustrating the culture of the nomadic peoples of Eastern Europe (Huns, Khazars, Alans, Cumans), of the late Antiquity population of the Northern Black Sea region (Bosporus), of the Germanic tribes of the Dnieper region (Chernyakhov culture), the southern Crimea (Crimean Goths), and partly Western Europe (Franks, Alemanni, Bavarians). The finds cover a significant period – almost the entire first millennium AD, and are united by a common theme: the interaction of various barbarian peoples (nomads and sedentary population) and the Roman (Byzantine) empire in the Great Migration Period and immediately after its termina-

tion. Among the presented materials there are such famous archeological complexes of this time as the burials of the Bosporus (Kerch), Suuk-Su and Saltovo, the grave of Conţeşti, the treasure of Zamość, "the gold of Huns", the Sarkel and Tsimlyanskoye sites.

List of illustrations:

1. The "Kutuzovsky" hallway of the Winter Palace. General view of the new exhibition (photo by the author).
2. Showcase "Late Antique Bosporus and the beginning of the Great Migration Period" (2nd half of the 4th c.).
3. The Huns' Gold and masterpieces of cloisonne inlaid (the end of the 4th c. - 5th c.): 1 - Kolt from the Stroganov's collection; 2 - the eagle from the Conţeşti grave; 3 - the staple from the sheath of the sword from the Bosporus necropolis; 4 - the guard of the sword, an accidental find in Kerch (photo by V. Terebenin).
4. Showcase "The German nobility in the service of the Roman Empire": finds from Concesti and Zamość (late 4th - early 5th centuries). General view (photo by the author).
5. The complex from Zamość (a part) (photo by V. Terebenin).
6. Reconstruction of the Crimean Goths' female full dress (the 2nd half of the 6th century) (photo by the author).
7. "Black Klobucks": armor of a rider (Lipovets village) and weapons (early 12th century) (photo by the author).

16.03.2018

Алексей Фурасьев, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, RU-190000 Санкт-Петербург, Россия, e-mail: fur_spb@mail.ru

Г.И. Смирнова, М.Ю. Вахтина, М.Т. Кашуба, Е.Г. Старкова,
ГОРОДИЩЕ НЕМИРОВ НА РЕКЕ ЮЖНЫЙ БУГ.
По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. Приложения: К.Б. Калинина, А. Закосьцельна, М. Кершнер и Х. Моммзен, С.В. Хаврин

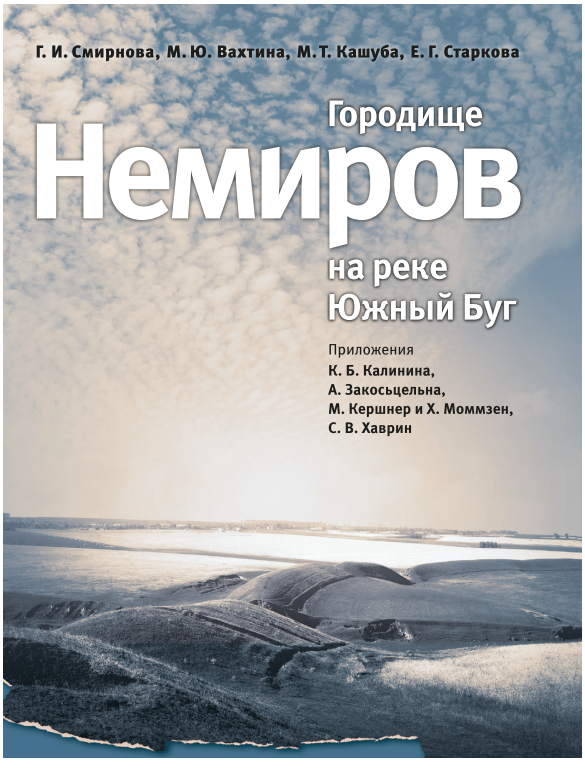
Санкт-Петербург: Невская книжная типография, 2018, 336 с. ISBN: 978-5-9909872-2-7

Recent, graţie unui efort comun de cercetare, a ieşit de sub tipar lucrarea *Cetatea Nemirov de pe râul Bugul de Sud*, care prezintă, aşa cum se poate vedea şi din titlul cărţii, materialele obţinute în urma cercetărilor arheologice din secolul trecut la cetatea Nemirov, de pe Bugul de Sud.

Din *prefaţa* (p. 11-12) semnată de M.Ju. Vakhtina, M.T. Kaşuba şi E.G. Starkova aflăm că lucrarea a fost elaborată pe baza analizei materialelor din arhiva Institutului de Istorie a Culturii Materiale (Sankt Petersburg) al Academiei de Ştiinţe a Rusiei şi a celor din colecţiile Departamentului de arheologie a Europei de Est şi a Siberiei, Muzeul de Stat Ermitaj din Sankt Petersburg, provenite din urma investigaţiilor arheologice la cetatea Nemirov în anii 1909-1910 şi 1947-1948.

În *Introducere* (p. 13-16) ne sunt oferite date generale despre amplasarea cetăţii Nemirov, urmate de informaţii despre stadiul la care s-a ajuns în cercetarea acestui sit.

Capitolul 1 *Cetatea Nemirov în lucrările cercetătorilor din sec. XX - începutul sec. XXI* (p. 17-44) este consacrat istoricului cercetărilor şi conţine două paragrafe. Cetatea Nemirov a intrat în atenţia arheologilor încă de la mijlocul sec. XIX. În 1909 au fost iniţiate primele investigaţii arheologice sub conducerea lui S.S. Gamčenko. În anii 1910-1911, A.A. Spicyn organizează o altă campanie de cercetări, fiind descoperite peste 3000 de piese arheologice. După o pauză de 30 de ani, investigaţiile sunt reluate de G.D. Smirnov şi B.N. Grakov, care au fost, însă, întrerupte de începutul celui de-al Doilea Război Mondial. După încheierea războiului, echipa de cercetare, condusă de M.I. Artamonov, întreprinde săpături de amploare la cetate. Astfel, în anii 1946-1948 este secţionat sistemul defensiv, iar în incinta aşezării fiind descoperite mai multe complexe locative şi gospodăreşti. În a doua jumătate a sec. XX situl a mai fost investigat de B.A. Šramko şi V.K. Miheev (1964), A.A. Moruženko (1966),



P.I. Havljuk (sfârşitul anilor ‘80) şi Ju.N. Bojko (începutul anilor ‘90). În fine, în anii 2007-2009, M.N. Daragan elaborează, prin intermediul metodelor non-invazive, un model tridimensional al sistemului defensiv.

În capitolul 2 *Cetatea Nemirov – sit arheologic* (p. 45-74) semnat de G.I. Smirnova şi M.T. Kaşuba, cititorul obţine o imagine de ansamblu despre situl arheologic Nemirov. Acest compartiment este divizat în cinci paragrafe. În primele două paragrafe sunt redate structura şi dimensiunile sistemului defensiv, iar în următoarele autoarele prezintă starea documentaţiei de şantier de la săpăturile lui S.S. Gamčenko, A.A. Spicyn şi M.I. Artamonov.

Cel de-al treilea capitol *Cultura materială a cetăţii Nemirov din epoca eneolitică (cultura tripoliană)* (p. 75-136) include contribuţiile autoarei E.G. Starkova la cercetarea vestigiilor culturii Tripolie.

După cum este şi firesc, autoarea a structurat capitolul respectiv în funcţie de principalele categorii de vestigii arheologice caracteristice acestei epoci: ceramică (p. 76-110), plastică antropomorfă (p. 110-124), plastică zoomorfă (p. 124-130) şi diverse ustensile din lut (p. 130-135). Capitolul se încheie cu o privire de ansamblu asupra cronologiei descoperirilor tripoliene, care plasează aşezarea din epoca eneolitică, la începutul etapei Tripolie C1.

Capitolul 4 este consacrat *Culturii materiale a cetăţii Nemirov din perioada timpurie a epocii fierului* (p. 137-192). În primele trei paragrafe (p. 137-145) autoarele G.I. Smirnova şi M.T. Kaşuba analizează starea colecţiilor arheologice, din care provin materiale atribuite perioadei timpurii a epocii fierului. În continuare este prezentată o descriere a construcţiilor de suprafaţă şi adâncite în sol, precum şi a inventarului descoperit în ruinele acestor complexe arheologice (p. 145-168). Următorul paragraf este dedicat tipologiei ceramicii, clasificare realizată în baza a 15 vase întregi şi întregibile şi a peste 4000 de fragmente ceramice. Prin urmare, au fost stabilite 17 tipuri distincte (Nem-1-17). Sunt descrise şi alte categorii de vestigii arheologice cu valoare cronologică deosebită (p. 179-184). Printre acestea menţionăm vârfuri de săgeată din bronz, fragmente de psalii din corn, un fragment de pieptene din os, un mâner de oglindă din bronz etc. Un paragraf special este alocat problemei originii ceramicii negre lustruite, care, în opinia autoarelor, apare la cetatea Nemirov ca urmare a contactelor cu grupurile culturale hallstattiene din Europa Centrală şi bazinul carpatic (cultura Basarabi şi grupul Ferigile-Bârseşti) (p. 184-192).

Capitolul 5 *Ceramica grecească din săpăturile de la cetatea Nemirov* (p. 193-222) este semnat de M.Ju. Vakhtina şi conţine şapte paragrafe. În primele două paragrafe (p. 193-195) cititorul află date generale despre colecţia de ceramică grecească, care însumează peste 100 de fragmente. Un spaţiu corespunzător din economia capitolului 5 este rezervat tipurilor de vase greceşti (p. 195-212). Întâlnim amfore de Lesbos, Clazomenae, Chios, vase de tip oenochoe, pictate în stilul „caprei sălbatice" (Middle Wild Goat Style I) şi fragmente ce provin de la vase de lux din centrele nord-ioniene. În paragrafele ce urmează (p. 212-222), autoarea analizează importanţa colecţiei de ceramică grecească de la cetatea Nemirov în contextul studierii contactelor timpurii dintre greci şi barbari în spaţiul nord-pontic.

Concluziile principale privind cronologia cetăţii Nemirov sunt rezumate în cele şase paragrafe ale capitolului 6 *Periodizarea şi cronologia cetăţii Nemirov în perioada timpurie a epocii fierului* (p. 223-233). Conform periodizării actualizate de către autori în 2018, evoluţia cetăţii Nemirov în perioada timpurie a epocii fierului include trei etape: **Nemirov III.1.1**: etapa timpurie (sfârşitul sec. VIII a. Chr. - cumpăna sec. VIII/VII a. Chr.); **Nemirov III.1.2**: etapa precolonizare (prima jumătate a sec. VII a. Chr.) şi **Nemirov III.1.3**: etapa colonizării (a doua jumătate a sec. VII a. Chr. - prima jumătate a sec. VI a. Chr.).

În *Încheiere* (p. 234-237) sunt prezentate cele şase perioade de locuire a teritoriului cetăţii Nemirov de la începuturile sale din epoca eneolitică şi până în vremurile moderne. Cel mai consistent nivel al locuirii, după cum menţionează şi autorii, corespunde perioadei timpurii a epocii fierului.

Postfaţa (p. 237) lucrării redă un fragment din discursul G.I. Smirnova la Conferinţa Ştiinţifică Internaţională, dedicată aniversării a 100 de la naşterea profesorului M.I. Artamonov (Sankt Peterburg, 9-11 decembrie 1998).

Anexele (p. 238-317) includ nouă contribuţii care întregesc această remarcabilă lucrare. Astfel, deopotrivă cu consistentul catalog şi albumul de ilustraţii şi fotografii color de o calitate foarte bună ale utilajului litic (p. 257-275) şi ale ceramicii greceşti de import (p. 276-304), sunt incluse şi importante studii privind analiza chimică a ceramicii tripoliene (p. 238-249) şi analiza arheometrică a ceramicii greceşti de import (p. 305-311), precum şi rezultatele analizei spectrometrice a mânerului oglinzii din bronz (p. 312).

Urmează lista tuturor surselor utilizate de autori (p. 318-330) şi lista abrevierilor (p. 331-332). Cartea se încheie cu un rezumat în limba engleză (p. 333-335).

Suntem convinşi că această lucrare va deveni un studiu de referinţă pentru cei interesaţi de studierea vestigiilor culturii Tripolie, precum şi pentru specialiştii preocupaţi de istoria spaţiului nord-pontic în sec. VIII a. Chr. - prima jumătate a sec. VI a. Chr.

07.11.2018

Mihail Băţ, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: mb_usm@yahoo.com

PROFESORUL MIHAI BĂRBULESCU

Mai puţin faptul că a împlinit nu de mult vârsta rotundă de 70 de ani – prag ce ar fi putut constitui numai el prilej al acestor rânduri[1] – ci cu deosebire locul unde se publică distinsul anuar şi anul de apariţie al acestui volum, mi se par ideale pentru a ilustra aici figura profesorului Mihai Bărbulescu. Cred că e bine ca oamenii unui ţinut să ştie cine le sunt binefăcătorii, să ştie cine dintre ei le-a făcut cinste prin lume şi, cred că mai e în firea lucrurilor să ştie – dacă nu sunt cumva *prea* tradiţionalist şi retrograd – pe cine au de onorat.

La 29 Septembrie 1947, la Oradea unei Românii ce sângera teritorial, încă formal monarhică dar ocupată de Armata Roşie şi aflată ferm pe drumul devenirii comuniste, apărea pe lume cel pe care îl omagiem aici. În circumstanţe normale ar fi văzut probabil lumina zilei la Bălţi – oraşul „*stră-străbunicilor, străbunicilor, bunicilor şi părinţilor*" (Bărbulescu 2017, 7). Dar Basarabia şi Bălţiul, pe cale de a fi călcate din nou de sovietici şi curând redevenite parte a URSS, au trebuit lăsate în urmă de familia acestuia în 1944.

Conştiincios şi în genere sobru, o sobrietate care-i poate masca manifestarea glumeaţă a personalităţii sale până la totalitate atunci când consideră că e cazul, ironic şi caustic când consideră necesar, a cules frumoase şi destule satisfacţii întrebuinţându-şi talanţii în mod chibzuit.

După ce, potrivit chiar celui omagiat, „*dintr-o întâmplare*" (Maxim Danciu 1993) tânărul cercetător al Institutului de specialitate clujean ajunge să efectueze cercetări arheologice în castrul din fosta *Potaissa* romană în 1971, atenţia şi eforturile lui nu au încetat până în acest moment să vizeze castrul, în general aşezarea romană din cuprinsul arealului turdean cu zonele apropiate

acestuia[2]. *Potaissa*-ei îi va dedica o bună parte din prodigioasa sa operă scrisă[3].

Din anul 1992 debutează într-o carieră universitară. Cine l-a avut ca profesor, dacă n-a sesizat pe atunci, şi-l va aminti peste un oarecare timp pentru orele ţinute cu eficienţă, pentru grijă la înfăţişare. Dar anul 1992 nu constituie primul de experienţă didactică. La susţinerea de-a lungul intervalului 1976-1989, la Cluj, în cadrul mai multor facultăţi, a cursului unisemestrial *Istoria patriei şi a partidului* – curs fără

[1] Pentru facilitarea publicării acestui material precum și pentru parcurgerea lui, cu formularea unor sugestii la care am reflectat, sunt îndatorat conf. dr. Octavian Munteanu, a cărui gentileţe și efort vizavi de mine mă fac să îi mulţumesc cu totul cordial.

[2] Primul pătrar de veac al cercetărilor sale în Turda a fost prezentat unui public mai larg, într-o dare de seamă elegantă și – pentru cei care nu îl cunosc – ce poate apărea surprinzătoare prin franchețe: Bărbulescu 1996c; v. mai apoi, pentru cercetările lui la *Potaissa*: Bărbulescu 2016, 9, 36, 45, 49-54; 85, n. 29; 104 sq., 138, n. 2; 187-189, 203.

[3] Vezi liste ale lucrărilor lui în Nemeti et al. 2007, 15-24; Turcuş, Hristodol, Hristodol 2008, 43-46 (disponibil și on-line pe: http://www.history-cluj.ro/Istorie/Ro/startIstorie_BibliografiaInstitut.htm; cea din urmă accesare: 29.10.2018).

1. Savantul I.I. Russu, conducătorul de doctorat al lui Mihai Bărbulescu[4].

2. Chişinău, Academia de Ştiinţe a Moldovei, 27.03.2018 (foto de la Mihai Bărbulescu).

excepţie impus facultăţilor autohtone în perioada amintită – procedează într-un stil *sui generis*, care nu surprinde pe nimeni dintre cei care l-au cunoscut (şi) ca dascăl: expunerea pentru ţara noastră se opreşte la ultimul an al monarhiei, 1947, iar informaţii sunt desprinse şi prin vizite în cuprinsul urbei[5].

Din capul locului ţin să-l asigur pe cel omagiat că următoarele rânduri cu amintiri ale mele ce-l implică nu au de ce să-l stânjenească. Cred că e bine ca un om să ştie cum este perceput de contemporani şi nu vreau să regret altădată că nu le-am aşternut acum. În plus, poziţia *mea* profesională faţă de profesorul *meu* îmi permite acum să am *orice fel* de atitudine şi să scriu *orice*[6]. Aşadar:

În semestrul II din primul an al generaţiei mele (2002-2003), la primul nostru curs cu el în amfiteatrul *V. Bogrea*, l-am întâmpinat şezând o întreagă gloată, de la toate grupele; ne-a ridicat în picioare spunând (şi redau aproximativ): *„Eu ştiam că atunci când un profesor intră, elevii se ridică în picioare*". Mă întreb şi astăzi unde ne-a (mi-a) fost gândul atunci. Chiar era nevoie să ne ridice el? Şi pe ce ton... fără răstire, fără dramatizare... numai apăsare... Ne-am ridicat destul de lent, jenaţi... Am povestit întâmplarea destui ani după aceea şi altora. Departe de profesorul Bărbulescu să treacă peste un asemenea afront. Înainte de a ne învăţa istoria Daciei romane, ne-a administrat o altă lecţie. Pentru unii dintre noi nu avea să fie unica din acest registru.

Cred că eram încă în anul întâi când o colegă de grupă îmi zicea că îţi îngheaţă sângele când îl întâlneşti, dar că îţi răspunde întotdeauna la salut. Desigur că îţi va răspunde totdeauna. Când câţiva ani mai târziu, un coleg cu mulţi ani peste ai mei (să fie odihnit, căci a trecut *dincolo*), a comis o gafă în legătură cu o descoperire arheologică, ţin minte că profesorul Bărbulescu, pe care îl însoţeam pe câmp alături de alţi doi elevi ai săi, deşi vizibil iritat, i-a întins totuşi prompt mâna la întâlnire.

Ca student în anul I şi chiar şi mai târziu (dacă îl mai aveai profesor), îţi putea lua într-adevăr câtăva vreme să scapi de impresia că e inaccesibil. Ulterior anului prim, după ce şi prin examinările profesorului Bărbulescu Facultatea era descotorosită de o bună parte din cei nedemni de a-i călca treptele – mai ales din 2001, când se intra în bloc, „pe dosar", iar bacalaureaţii nu mai trebuiau să susţină un examen de admitere scris– pe la cursurile lui speciale de care beneficiau cu deosebire cei de la grupa de Arheologie, figura glacială *parcă se estompa*. Când un coleg i-a mărturisit direct că va lipsi de la unele ore pentru că s-a angajat, i-a replicat înţelegător că nu e

[4] Colecţia Muzeului de Istorie Turda, fără număr de inventar; posibilitatea reproducerii aici a clişeului pe suport de sticlă o datorez muzeografului Horaţiu Groza şi conducerii serviciului muzeal turdean – dr. Mariana Andone-Rotaru, ambilor le reiterez mulţumirile mele şi acum.

[5] A se vedea asupra acestui aspect din biografia celui omagiat, Bărbulescu 2005.

[6] Acum puţine zile îi mărturiseam, într-o discuţie absolut informală, unui alt profesor clujean atât de scump mie că pe fostul meu comandant din armată (mă refeream la comandantul unităţii unde am intrat sub drapel şi am fost exemplar instruit acum destui ani), l-aş urma şi acum până în capătul Iadului. S-a uitat la mine mirat... Doamne, ce vremuri trăim dacă şi acest profesor, înzestrat cu atâta simţ al loialităţii, sensibilitate şi empatie, a ajuns să se mire de asemenea cuvinte...

3. Chişinău, Facultatea de Istorie şi Filosofie, Universitatea de Stat din Moldova, 01.03.2018. Lansarea volumului *Bălţi 1818-1944* (de la stânga spre dreapta: Ion Eremia, Gheorghe Baciu, Mihai Bărbulescu, Anatol Petrencu, Alexandru Ghişa) (foto de la Mihai Bărbulescu).

ruşine să lucrezi şi să îşi ia notiţe de la colegi. Numai cine a trecut prin dificultăţi financiare, poate să aprecieze replica lui cum se cuvine. Pe unii dintre elevii lui i-a împrumutat cu bani, pe unul/unii dintre ei retribuit/retribuiţi destul de modest pe şantierul arheologic îl/îi încuraja: „*e o pâine neagră, dar e o pâine*". Am primit apoi şi salarii mai bune.

Cred că urmam deja masteratul de *Antichitate clasică*, când la examenul unui curs special la care profesorul a întrebuinţat un atlas de artă, unei colege maghiare îi era selectat un monument reprezentând *coena funebris*. Emoţiile (frica!) şi probabil nu chiar o bună cunoaştere a subiectului din partea colegei, grefate pe dificultăţi de exprimare în limba română a acesteia, au generat un răspuns care l-a făcut pe profesor să exclame: „*Ce-i asta, cina de Duminică?*". Nu mai ţin minte dacă înainte ori după am început să o ţin de o mână pe colega ce fremăta în faţa lui. Evident că a observat, nu a reacţionat nicicum. După exclamaţie, colega a mai răspuns ceva. A trecut-o şi nu cu 5. Naturaleţea cu care înţelege unele situaţii obiective ar trebui să-i contamineze şi pe unii dintre colegii profesorului Bărbulescu.

Când a conferenţiat acum mai mulţi ani, despre conducătorul său doctoral savantul I.I. Russu, l-am auzit spunând cu prilejul acelei evocări: „[I. I. Russu] ...*de care mi-e foarte dor*". Cuvintele le-am remarcat încă de pe atunci şi le-am rememorat de destule ori de atunci. Nu doar recunoştinţă pentru savant, ci dragoste.

Revin şi spun că profesorul Mihai Bărbulescu nu predă numai istorie şi discipline adiacente. Pe

4. Excursie în San Marino cu bursieri ai Accademia di Romania, 22.05.2014 (foto de la Roxana Mihaly).

unul l-a învăţat că în restaurant femeia nu trebuie lăsată să şadă pe partea expusă circulaţiei. Mai cunosc destule asemenea exemple, dar câte nu îmi vor fi necunoscute... Cine n-a învăţat ori n-a avut prilejul de a învăţa acasă, bine că a avut de la cine învăţa mai târziu.

Ies acum din sectorul amintirilor personale pentru a invoca două mostre de normalitate din România ultimului deceniu şi jumătate ce-l privesc pe profesorul Bărbulescu şi care pot fi încurajatoare şi pentru alţi merituoşi care continuă să aibă răbdare. În anul 2003, din postura de „*Profesor, şeful Catedrei de Istorie Antică şi Arheologie, Universitatea «Babeş-Bolyai» din Cluj-Napoca*", va fi decorat cu Ordinul Naţional „Serviciul Credincios" în grad de Cavaler[7]. Pe 26.02.2010 era ales cu unanimitate de voturi membru corespondent al Academiei Române[8].

[7] http://canord.presidency.ro/ro/pagina/ordinul-national-serviciul-credincios, fişier Ord.S.Cred.xls, la poziţia 548 de la secţiunea *Cetăţeni români – civili* (accesat: 24.10.2018); v. şi Marinescu, Marinescu 2007, 7.

[8] http://www.academiaromana.ro/primiriMembriAR-2010mart/Barbulescu/istFisaMC-Barbulescu.doc (accesat: 29.10.2018).

În perioada 2008-2016 a fost director al Accademia di Romania in Roma[9].

Acest om, ajuns profesional atât de sus, nu şi-a uitat niciodată matca. Preocuparea lui pentru spaţiul basarabean şi oamenii acestuia a fost adâncă şi constantă (Bărbulescu 1995a; Bărbulescu 1995b; Bărbulescu 1995c; Bărbulescu 1995d; Bărbulescu 1995e; Bărbulescu 1995f; Bărbulescu 1995g; Bărbulescu 1995-1996; Bărbulescu 1996a; Bărbulescu 1996b; v. şi Maxim Danciu 1993). Oraşului Bălţi, unde i-au trăit destui înaintaşi, îi dedică o plină de culori şi echilibrată monografie pentru anii 1812-1944 (Bărbulescu 2017). Iar eu, încă destul de tânăr, numai am auzit de altele, pentru care îi invit pe alţii să le releve scriptic.

Deşi profesorul Mihai Bărbulescu s-a născut în Crişana şi a trăit cea mai mare parte din viaţă în inima Transilvaniei, Basarabia are tot dreptul să şi-l revendice ca un fiu al ei. Iar prin dragostea lui şi tot ce a făcut pentru acest pământ cred că şi el se consideră astfel.

Bibliografie

Bărbulescu 1995a: M. Bărbulescu, Gândind la Basarabia. I. Basarabia în „Larousse". Tribuna s.n., a. VII, 1995, nr. 17 (2154), 27 Aprilie-3 Mai, 2.

Bărbulescu 1995b: M. Bărbulescu, Gândind la Basarabia. II. Imnuri şi republici. Tribuna s.n., a. VII, 1995, nr. 18 (2155), 4-10 Mai, 2.

Bărbulescu 1995c: M. Bărbulescu, Gândind la Basarabia. III. Imaginea celuilalt (1). Tribuna s.n., a. VII, 1995, nr. 19 (2156), 11-17 Mai, 2.

Bărbulescu 1995d: M. Bărbulescu, Gândind la Basarabia. IV. Imaginea celuilalt (2). Tribuna s.n., a. VII, 1995, nr. 20 (2157), 18-24 Mai, 2.

Bărbulescu 1995e: M. Bărbulescu, Gândind la Basarabia. V. Imaginea celuilalt (3). Tribuna s.n., a. VII, 1995, nr. 22 (2159), 1-7 Iunie, 2.

Bărbulescu 1995f: M. Bărbulescu, Gândind la Basarabia. VI. Scrisoare către un student basarabean. Tribuna s.n., a. VII, 1995, nr. 26-27 (2162), 28 Iunie-12 Iulie, 2.

Bărbulescu 1995g: M. Bărbulescu, Gândind la Basarabia. VII. Citate cu şi fără ghilimele. Tribuna s.n., a. VII, 1995, nr. 48-49 (2173), 1-13 Decembrie, 2.

Bărbulescu 1995-1996: M. Bărbulescu, Gândind la Basarabia. VIII. Frigul. Tribuna s.n., a. VII, 1995-1996, nr. 51-52 (2175), 21 Decembrie 1995-3 Ianuarie 1996, 2.

Bărbulescu 1996a: M. Bărbulescu, Gândind la Basarabia. IX. Carnetul de refugiat. Tribuna s.n., a. VIII, 1996, nr. 22 (2194), 30 Mai-5 Iunie, 2.

Bărbulescu 1996b: M. Bărbulescu, Gândind la Basarabia. X. Stalin cel Rău şi Lenin cel Bun. Tribuna s.n., a. VIII, 1996, nr. 26 (2197), 27 Iunie-4 Iulie, 2.

Bărbulescu 1996c: M. Bărbulescu, Turda arheologică. Tribuna s.n., a. VIII, 1996, nr. 29 (2200), 18-24 Iulie, 1, 7.

Bărbulescu 2005: M. Bărbulescu, Nopţi şi zile. Istoria patriei şi a partidului. Tribuna s.n., a. IV, 2005, nr. 70, 1-15 August, 28.

Bărbulescu 2016: M. Bărbulescu, Arheologia azi, în România (Cluj-Napoca 2016).

Bărbulescu 2017: M. Bărbulescu, Bălţi 1818-1944 (Bucureşti 2017).

Marinescu, Marinescu 2007: L. Marinescu, F. Marinescu, *Laudatio*. In: *Nemeti et al.* (ed.) 2005, 7 *sq*.

Maxim Danciu 1993: I. Maxim Danciu, De vorbă cu istoricul Mihai Bărbulescu. Interviu. Tribuna s.n., a. V, 1993, nr. 26 (2082), 1-6 Iulie, 3.

Nemeti et al. 2005: S. Nemeti, F. Fodorean, E. Nemeth, S. Cociş, I. Nemeti, M. Pîslaru (eds.), Dacia Felix. Studia Michaeli Bărbulescu oblata (Cluj-Napoca 2007).

Turcuş, Hristodol, Hristodol 2008: V. Turcuş, F. Hristodol, Gh. Hristodol (întocmită de), Bibliografia lucrărilor ştiinţifice ale membrilor Institutului de Istorie din Cluj-Napoca 1920-2005 (Bucureşti 2008).

02.11.2018

Dan Matei, Cluj-Napoca, România, e-mail: danmatei_mail@yahoo.com

[9] În continuarea ideii din rândurile anterioare, reproducem chiar cuvintele profesorului Bărbulescu: *„Când am venit la Accademia ca director am spus că am întârziat 35 de ani, când ar fi trebuit să vin aici ca bursier"*, Accademia di Romania din Roma, o mare resursă de valorizat. Interviu cu Mihai Bărbulescu, realizat de Claudia Mandi: http://www.orizonturiculturale.ro/ro_intalniri_Mihai-Barbulescu-interviu.html (accesat ultima oară: 02.11.2018).

Lista abrevierilor

AAC	Acta Archaeologica Carpathica. Kraków
ACSS	Ancient civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
ActaMM	Acta Moldavie Meridionalis. Anuarul Muzeului Judeţean Vaslui, Vaslui
ActaMN	Acta Musei Napocensis. Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
ActaMP	Acta Musei Porolissensis. Zalău
AÉ	Archaeologiai Értesítő. Budapest
AIIA Iaşi	Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol”, Iaşi
AISC	Anuarul Institutului de Studii Clasice Cluj , Sibiu
AJA	American Journal of Archaeology, Boston
AMIT	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Berlin
ArchÉrt	Archaeologiai Értesítő, Budapest
L'Anthropologie	L'Anthropologie, Paris
Apulum	Acta Musei Apulensis. Arheologie, Istorie, Etnografie
ArhMold	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie, Iaşi
Athenaeum	Athenaeum. Studi Periodici di Litteratura e Storia dell'Antichità
BAI	Bibliotheca Archaeologica Iassiensis, Iaşi.
BAVA	Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München.
BerRGK	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Institutes, Frankfurt am Main
BMA	Bibliotheca Memoriae Antiquitatis, Piatra-Neamţ
BPS	Baltic-Ponties Studies, Poznan
Britannia	Britannia. A Journal of Romano-British and Kindred Studies
BSNR	Buletinul Societăţii Numismatice Române, Bucureşti
Byzantinobulgarica	Byzantinobulgarica, Sofia
CA	Cercetări arheologice. Bucureşti
Carpica	Carpica. Muzeul de Istorie şi Artă, Bacău
CAANT	Cercetări arheologice în aria nord-tracă. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
CCA	Cronica cercetărilor arheologice
CCDJ	Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos, Călăraşi
Chiron	Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts, München
Codrul Cosminului	Codrul Cosminului, Universitatea ,,Ştefan cel Mare” Suceava
Current Anthropology	Current Anthropology. Boston University, Boston
Dacia N.S.	Dacia. Nouvelle Série: Revue d'archéologie et d'histoire ancienne, Bucureşti
Eurasia Antiqua	Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens, Berlin
FA	Folia Archaeologica. Budapest.
Hierasus	Hierasus. Acta Moldaviae Septentrionalis, Botoşani
Hyperboreus	Hyperboreus. Bibliotheca Classica Petropolitana, St. Petersburg
Historia	Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte, Wiesbaden
Ialomiţa	Ialomiţa (Studii şi comunicări). Muzeul Judeţean Ialomiţa, Slobozia

ISM	Inscripţiile din Scythia Minor, Bucureşti
Istros	Istros, Buletinul Muzeului Brăilei, Brăila
KözlKolozsvár	Közlemények az Erdély Nemzeti Múzeum, Érem- és Régiségtárából, Kolozsvár. Cluj-Napoca
LGPN	A Lexicon of Greek Personal Names, Oxford
LIMC	Lexicon iconographicum mythologiae classicae, Zürich
MAVA	Materialien zur Allgemeinem und Vergleichenden Archäologie. Mainz am Rhein
MCA	Materiale şi cercetări arheologice, Bucureşti
Memoria Antiqvitatis	Memoria Antiqvitatis. Acta Musei Petrodavensis, Piatra Neamţ
MMJ	Metropolitan Museum Journal
MitteArchIst	Mitteilungen des Archäologischen Institutes der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, Budapest.
Mousaios	Mousaios. Muzeul Judeţean Buzău, Buzău
PBF	Prähistoriche Bronzefunde. Stuttgart
Peuce	Peuce. Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
Pontica	Pontica. Studii şi materiale de istorie, arheologie şi muzeografie, Constanţa
Prehistoire Europeenne	Prehistoire Europeenne. Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, Liège
Przeglad archeologiczny	Przeglad archeologiczny, Poznan
PZ	Prähistorische Zeitschrift, Berlin
Quaternaire	Quaternaire, Paris
RE	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
Revista arheologică	Revista arheologică. Institutul de Arheologie şi Istorie Veche, Chişinău
Revista arheologică S.N.	Revista arheologică S.N. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău
Revista Muzeelor	Revista Muzeelor, Bucureşti
SAA	Studia Antiqua et Archaeologica. Universitatea „A.I. Cuza", Iaşi
SCIV(A)	Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie), Bucureşti
SCN	Studii şi Cercetări de Numismatică, Bucureşti
Slovenska Archeologia	Slovenska Archeologia, Bratislava
Stratum plus	Stratum plus. Şcoala Antropologică Superioară, St.-Peterburg-Chişinău-Odessa
Thetis	Thetis. Mannheimer Beiträge zur Klassischen Archäologie und Geschichte Griechenlands und Zyperns, Mannheim
Thracia	Thracia, Sofia
Thraco-Dacica	Thraco-Dacica. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
Tibiscus	Tibiscus. Muzeul Banatului, Timişoara
Tyragetia	Tyragetia. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
UPA	Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bonn
Zargidava	Zargidava, Bacău
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

АЛЛУ	Археологічний Літопис Лівобережної України. Полтава
Археология	Археология, София
Археологія	Археологія, Кїив
Археологические вести	Археологические вести, Москва
АИМ	Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
АКМ	Археологическая карта Молдавской ССР, Кишинев
АО	Археологические Открытия, Москва
АСГЭ	Археологический Сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт Петербург
БКПЧП	Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного периода, Москва
ВАУ	Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ГИМ	Государственный исторический музей
ЗООИД	Записки Одесского общества изучения древностей, Одесса
Карпатика	Карпатика. Институт Карпатоведения, Ужгород
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, Москва
КСИИМК	Краткие сообщения Института Истории Материальной Культуры, Москва-Ленинград
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского Археологического Музея, Одесса
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК	Известия государственной академии материальной культуры
МАК	Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР	Материалы по археологии России. Санкт-Петербург
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИАЭ МССР	Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР, Кишинев
МИИКНСК	Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Москва
ПАЗ	Полтавський археологічний збірник. Полтава
РА	Российская Археология, Москва
РАЕ	Российский археологический ежегодник
РСМ	Раннеславянский мир
Сборник МАЭ	Сборник Музея антропологии и этнографии, Санкт-Петербург
СА	Советская Археология, Москва
СГЭ	Сообщения государственного Эрмитажа
САИ	Свод археологических источников, Москва
ССПК	Старожитності Степового Причономор'я і Криму, Запоріжжя
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
Труды ГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
Тр. ГИМ	Труды Государственного исторического музея
Труды СУАК	Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов
УАВ	Уфимский археологический вестник. Уфа
Ученые записки	Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia”

Stimaţi colegi,

Revistă prevede publicarea studiilor arheologice, istorice, muzeografice, rezultatele cercetărilor ştiinţelor interdisciplinare în domeniul arheologico-istoric, ocrotirea patrimoniului.

Articolele şi alte tipuri de lucrări ştiinţifico-muzeografice vor reflecta din punct de vedere geografic spaţiul balcanico-carpato-pontic şi teritoriile limitrofe.

Articolele pot fi prezentate în limbile română, rusă, engleză, germană, franceză.

Toate materialele prezentate spre publicare urmează a fi recenzate de membrii Colegiului de redacţie precum şi de alţi specialişti în domeniu.

În cazul unui aviz negativ, Colegiul de redacţie nu este obligat să comenteze decizia sa.

Volumul manuscriselor nu va depăşi 100 mii caractere, (aproximativ 2,5 c.a.), inclusiv bibliografia, rezumatele şi ilustraţiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în formă de manuscris şi în format electronic: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

Articolele trebuie să fie însoţite de un rezumat în trei limbi: română; rusă; engleză (germană sau franceză).

Planşele (ilustraţiile), în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziţiei fiecărui obiect. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoţit de o lista a planşelor cu o legendă exhaustivă (tradusă şi în limbile rezumatului). Planşele (TIF, JPG – nu mai puţin de 300 dpi) şi lista lor (*Microsoft Word*) se va prezenta şi în format electronic.

Notele bibliografice se prezintă în original în textul manuscrisului: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Explicaţiile, comentariile, precum şi referinţele la fonduri de arhivă, muzee etc. se vor face la subsolul paginii.

Bibliografia se prezintă în ordine alfabetică, la sfârşitul textului.

Modul de citare a monografiilor:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).
Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări ştiinţifice:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.
Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediţii periodice (reviste, anuare etc):

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.
Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Modul de citare a materialelor publicate în volumele simpozioanelor şi conferinţelor ştiinţifice:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.
Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

În cazul utilizării unor prescurtări în text, precum şi în bibliografie, se anexează o listă de abrevieri.

La sfârşitul textului se anexează date despre autor: numele, prenumele; gradul ştiinţifico-didactic; funcţia; instituţia; adresa; telefon, fax, e-mail.

Anual, termenul de prezentare a materialelor este 1 decembrie

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal will apply

Dear Colleagues,

The journal provides publications on various aspects of archaeology, history, museology, results of scientific researches in interdisciplinary sciences in the field of archeology and history, protection of cultural heritage.

Contributions and other types of scientific-museological works should reflect the Balkan-Carpathian-Pontic regions and the neighboring territories from the geographic point of view.

Contributions should be submitted in Romanian, Russian, English, German and French.

All material presented for publication will follow review by the Editorial Board members and other specialists.

The Board is not obliged to comment negative reviews.

The volume of the manuscripts shouldn't exceed 100,000 signs, (approximately 2,5 ens), including bibliography, summaries and illustrations. The texts of the contributions should be submitted in the form of manuscripts and in electronic format: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Articles should be accompanied by a summary in three languages: Romanian, Russian, English (German or French).

Illustrations should be provided in A-4 format with all the objects supplied by numbers. The tables themselves should be numbered; a complete list of the tables should be offered and accompanied by relevant information (translated in the language of the summary).Tables (TIF, JPG - not less than 300 dpi) and lists (*Microsoft Word)* of illustrations should be provided in electronic format.

Bibliographical notes in the text of the manuscript should be presented in the original: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Bibliography should be provided at the end of a contribution in the alphabetical order.

Monographs:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Samples of articles published in scientific collections:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Articles published in journals:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Contributions to conference proceedings:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археологіі АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

If abbreviations are used, a list of them should be provided.

Personal data about the author should be provided at the end of the text: name, surname; academic degree; function; institution; address; phone and fax numbers and e-mail.

The deadline for contributions to be published: 1 December

Условия для публикации в журнале «Tyragetia»

Уважаемые коллеги,

В журнале будут опубликованы научные статьи по археологии, истории, музеологии, результаты междисциплинарных научных исследований в этих областях, а также работы по охране культурного наследия.

Статьи и другие типы научно-музееведческих работ должны отражать территорию балкано-карпато-понтийского региона и соседние территории.

Статьи могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком и французском языках.

Материалы представленные к публикации, рецензируются членами редакционной коллегии, а также другими специалистами.

Коллегия не обязана комментировать негативные рецензии.

Объем рукописи не должен превышать 100.000 знаков (примерно 2,5 авторских листа), включительно библиография, резюме и иллюстрации. Тексты статей должны быть представлены в виде рукописи и в электронном формате: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Статьи должны сопровождаться резюме на трех языках: румынском, русском, английском (немецком или французском).

Иллюстрации (таблицы) в формате А4 должны быть представлены в четкой графической форме с указанием номера каждого предмета. Иллюстрации должны сопровождаться списком таблиц с полной информацией (переведенным на языках резюме).

Таблицы (TIF, JPG - не менее 300 dpi) и списки (*Microsoft Word*) иллюстраций должны быть представлены в электроном формате.

Библиографические сноски представляются в тексте рукописи в оригинале согласно следующим критериям: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Библиография должна быть дана в конце текста статьи, в алфавитном порядке.

Примеры для монографий:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă și comerțul timpuriu (București 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iași 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chișinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

Если в статьи использованы сокращения, тогда список сокращений прилагается.

В конце текста статьи прилагается также краткая информация об авторе: фамилия, имя, ученая степень, должность и место работы, адрес, телефон, факс, e-mail.

Ежегодно последний срок представления рукописей 1 декабря

BONS OFFICES
Casa Editorial Poligrafică

Casa editorial-poligrafică „Bons Offices”
mun. Chişinău, str. Feredeului 4/6, MD-2005
tel/fax.: 500-894; tel.: 500-895, 500-578
e-mail: ion@bons.md